ЛЕКЦИИ МОИМ СТУДЕНТАМ

Чарльз Хэддон Сперджен

«Библия для всех»
«Богомыслие»
Санкт-Петербург
1998

Перевод с английского: Полторацкой Н.Ф.
Редакция: Голодецкого Л.А.

Содержание

Глава 1

САМООЦЕНКА ПРОПОВЕДНИКА

«Вникай в себя и в учение»
(1 Тим. 4:16)

Каждый ремесленник понимает необходимость держать свои инструменты в порядке, потому что «если притупится топор и если лезвие его не будет отточено, то надо будет напрягать силы» (Еккл. 10:10). Если притупятся инструменты у рабочего, то он знает, что ему придется приложить больше усилий или же его работа сделана плохо. Сам любимец муз, Микеланджело, настолько хорошо понимал важность инструментов, что собственноручно изготовлял свои кисти. Этим он является для нас примером великой милости Бога, Который с особой тщательностью готовил для Себя всех Своих истинных служителей. Конечно, Господь может употреблять самые плохие орудия, как Он иногда очень плохую проповедь делает благотворной для обращения людей к вере; Ему даже не нужны посредники, когда Он спасает души людей без всякой помощи проповедника, действуя непосредственно словом Своего Святого Духа; но мы не можем считать всемогущие действия Бога правилом для наших действий. В Своей абсолютности Он может делать так, как считает лучшим, но мы должны поступать по установленным Им законам; и одним из самых несомненных фактов является то, что Господь сообразует Свои средства с целями, из чего следует простой урок, что тогда преуспеем лучше, когда будем находиться в хорошем духовном состоянии; или, иными словами, мы тогда лучше исполняем волю Господню, когда наши духовные дарования находятся на должном уровне, и мы хуже исполняем ее, когда этот уровень падает. Это практическое правило для нашего руководства. Когда Господь делает исключения, они только подтверждают правила.

В каком-то смысле мы сами орудия и потому, должны заботиться о своей чистоте и своем достоинстве. Если я хочу проповедовать Евангелие, то должен использовать свой собственный голос и потому тренировать свои голосовые связки. Я могу рассуждать только своим собственным умом и чувствовать своим собственным сердцем и потому, должен развивать свои интеллектуальные и эмоциональные способности. Я могу страдать и бороться за спасение душ других людей только лишь в моей собственной обновленной природе и потому всегда должен хранить в себе нежное чувство любви, которым был преисполнен Христос. Напрасно буду я пополнять книгами свою библиотеку, создавать общины, строить системы, если не буду заботиться о своей собственной душе, потому что книги и всякого рода деятельность и системы являются лишь последними орудиями исполнения моего священного призвания; наиглавнейшим же оружием моего священного служения является мой собственный дух, моя душа и мое тело; мои духовные способности и внутренняя жизнь моим оружием в этой священной борьбе.

В письме к одному своему другу-пастырю, который отправился на континент для усовершенствования немецкого языка, МакЧейн писал почти в таких же самых выражениях: «Я знаю, что ты приложил много усилий для усовершенствования немецкого языка, но не забывай о развитии внутреннего человека, я имею здесь в виду твое сердце. Как усердно конный офицер заботиться о том, чтобы его сабля была чистой и острой; он с особой тщательностью стирает каждое на ней пятнышко. Помни, что ты являешься мечем Божиим. Его орудием – избранным Им сосудом прославлять имя Его. В значительной степени от чистоты и совершенства этого оружия будет зависеть успех. Не столько блестящие способности благословляет Бог, сколько стремление уподобиться Иисусу. Праведный проповедник является мощным оружием в руках Господа».

Самым большим несчастьем для проповедника Евангелия, как для него самого, так и для его дела, является духовное падение его собственной личности; а как легко, братья мои, впасть в такое состояние и как важно не допустить этого!

Кода мы ехали как-то экспрессом из Берта в Эдинбург, наш поезд внезапно остановился. Очень маленький винтик в одном из двух двигателей, – а каждый паровоз имеет два двигателя – сломался, и когда мы снова двинулись, поезд должен был идти очень медленно, так как работал только один из двух поршней. Вышел из строя только один маленький винтик! Если бы не это, то поезд мчался бы с огромной скоростью, но отсутствие малюсенького кусочка железа все испортило. Рассказывают, что как-то в США поезд остановился из-за мух, залетевших в коробку для смазки колес. Это очень хорошая аналогия; во всех отношениях способный человек, могущий приносить пользу может оказаться бесполезным даже из-за одного маленького недостатка. Это тем более печально, так как связано с Евангелием, потому что Евангелие предназначено в самом высоком смысле приносить большую пользу. Ужасно, когда целительное средство теряет свою силу из-за недостоинства его применяющего. Вы все знаете губительное действие воды, когда она протекает по свинцовым трубам; и даже само Евангелие, если оно проповедуется духовно нездоровыми людьми, может оказаться столь искаженным, что принесет только вред его слушателям. Надо остерегаться, чтобы кальвинистское учение не стало самым опасным, если оно будет излагаться людьми, ведущими недостойную жизнь, использоваться для прикрытия греха; с другой же стороны, арминианство с его тенденцией к всепрощению может принести большой вред душам людей, когда несерьезный тон проповедника вызывает у его слушателей надежду, что они могут покаяться, когда им захочется, и потому им нет необходимости спешить это сделать. Более того, результат служения недостойного проповедника может оказаться незначительным и, во всяком случае, не оправдает ожиданий. Много будет посеяно, но мало пожнут; процент успеха будет низким.

Говорят, что причиной поражения нескольких битв в последней американской войне явился плохой порох, который был доставлен нечестными поставщиками, и потому артиллерийский огонь не принес желаемых результатов. Такое же может произойти и с нами. Мы можем сбиться со своего пути, не достигнуть цели и даром потратить время, потому что не будет у нас истинной жизненной силы или же ее будет не достаточно, чтобы Бог постоянно благословлял нас на этом пути. Остерегайтесь стать такими недостойными пастырями.

Одной из наших первых забот должно быть стремление к праведной жизни. То, что проповедник Евангелия должен быть достоин его – это простая истина, но в то же время и самое важное условие. Мы не относимся к тем, кто признает апостольскую преемственность молодых людей только на том основании, что они становятся проповедниками Евангелия. Если их образование носит скорее светский, чем духовный характер, если они больше преуспели в спортивных делах, чем в делах Христовых, то для нас необходимы доказательства иного рода, которых они нам дать не могут. Никакая ученая степень, никакое классическое образование не является для нас доказательством признания свыше. Непременным условием является истинно праведная жизнь; на какое бы «призвание» ни претендовал человек, если оно не является призванием к праведной жизни, он, конечно же, не призван быть проповедником.

«Укрась сначала самого себя, а затем уже – твоих братьев», говорят раввины. «Рука, которая должна очищать других», – говорит св. Григорий, – «должна сама быть чиста». Если ваша соль не солона, то как можете вы привлекать других? Духовное обращение – это необходимое условие для проповедника. Вы, кандидаты на нашу кафедру, – вы должны вновь родиться. Но никто не может быть уверен, что он обладает этим первым качеством, потому что здесь очень легко обмануться. Не так легко быть уверенным в правильности выбора своего призвания и предназначения. Мир полон обманщиков, людей, преисполненных самомнения и притворства, которые собираются вокруг проповедника, как коршуны над трупом. Наше собственное сердце может обмануть нас, потому что истина

лежит не на поверхности, и потому мы должны черпать ее из самого глубокого источника. Мы должны подходить к себе с большей осторожностью и большим вниманием, чтобы самим быть достойными того, о чем мы проповедуем другим.

Как ужасно быть проповедником Евангелия и при этом самому не быть духовно обращенным! Пусть каждый из здесь присутствующих обратиться к тайникам души своей и скажет: «Как ужасно будет для меня, если я не проникнусь силой истины, которую собираюсь проповедовать!» Не обращенный проповедник – это смесь самых неестественных противоречий. Не обращенный пастырь подобен слепцу, преподающим курс оптики, философствующим о свете и зрении, рассказывающим и показывающим другим людям тонкие оттенки и мягкие переходы света и теней, тогда как сам он находится в полной темноте! Это немой, преподающий музыку, глухой, рассуждающий о симфониях и гармониях! Это крот, берущий учить летать орлят; минога, председательствующая над ангелами, а еще много можно привести самых абсурдных и нелепых метафор, если бы это не касалось столь серьезного вопроса, как проповедование Евангелия. Такой человек оказывается в ужасном положении, потому что взялся за работу, для которой совершенно не пригоден, но от ответственности за нее такая непригодность его не спасает, потому что он добровольно взял ее на себя. Каковы бы ни были его природные и умственные способности, он будет абсолютно не пригоден для духовного делания, если не живет духовной жизнью, и обязан остановить пастырское служение, пока не обретет этого столь для него необходимого первого качества. Не менее ужасно для необращенного пастыря не иметь призвания «свыше»! Какое утешение может он дать своим прихожанам? Как должен он себя чувствовать, слыша стенания кающихся или выслушивая их сомнения и опасения? Он должен только удивляться, что его слова могли принести им утешение! Милостью Божией слово необращенного человека может оказаться благотворным для обращения душ других, потому что Господь, хотя и не признает такого проповедника, выше всего ставит Свою собственную правду. Как поражен должен быть такой человек, когда со своими проблемами обращаются к нему за советом уже духовно зрелые христиане! Сколь беспомощным должен он себя чувствовать на этом пути, по которому следует его возрожденные слушатели. И как может он слушать их радостные надежды на смертном одре и делить и ними трапезу Господню? Как часто молодые люди, посвятившие себя работе, которая им совершенно не нравится, рано или поздно бегут от нее и уходят в море, только не заниматься бы ею; но куда бежать человеку, который посвятил себя на всю жизнь священному призванию и не чувствует в себе силы достойно выполнять его? Как может он ежедневно просить людей прийти ко Христу, когда сам он совершенно чужд Его спасающей любви? О, Господи, это действительно должно быть ужасным рабством! Такой человек должен ненавидеть один даже вид проповеднической кафедры, как ненавидит раб на галере свое весло.

И сколь бесполезен такой человек. Он должен вести путников по дороге, по которой сам никогда не ходил, вести корабль вдоль берега, о котором сам почти не знает! Он призван наставлять других, будучи сам полным невеждой. Он может быть только облаком без дождя, деревом с одними только листьями. Как караван в безводной пустыне, погибающий от жажды под жгучим солнцем, подходит к долгожданному источнику и, о ужас, обнаруживает, что в нем ни капли воды, так и души, жаждущие Бога, приходя к недостойному своего звания проповеднику, могут погибнуть, потому что не находят в нем ни капли «живой воды». Лучше упразднить проповеднические кафедры, чем назначать на них людей, не имеющих опытного знания того, чему они учат.

Увы! *духовно мертвый пастырь становиться особенно опасным,* потому что из всех причин, приводящих к неверию, первой являются недостойной своего звания проповедники. Недавно я прочел в одной статье, что никакие козни диавола не могут оказать столь огромного разрушительного действия, как такой недостойный пастырь прихода с дорогим органом, хором, состоящим из неверующих людей, знатными прихожанами. По мнению автора, ничто не могла бы нанести столь пагубного вреда, как такой пастырь. Приходя в такую церковь, люди удобно усаживаются на свои скамейки и считают себя христианами,

тогда как вся их религия заключается в том, что они слушают оратора, наслаждаются музыкой и, может быть, любуются изящными жестами и прекрасными манерами самого проповедника; и все это выглядит не лучше того, что они видят и слышат в опере, не столь, может быть, прекрасное с аскетической точки зрения, но ни в коей мере не более духовное. И тысячи людей поздравляют себя и даже благодарят Бога за то, что они благочестивые верующие, тогда как при этом они остаются жить без Христа, имея только форму набожности, но лишенную ее силы. И человек, стоящий во главе такой системы, направленной только на формализм, скорее всего является диаволом, а не служителем Бога. Сколь в ужасном положении оказывается формальный проповедник, который, сохраняя внешний облик доброго пастыря, рано или поздно обнаруживает свое истинное лицо! Какое это поругание Бога и злоупотребление Евангелием! Страшно подумать, какая смерть ожидает такого человека, и что его ждет в загробной жизни!

Пророк описывает схождение в ад царя Вавилонского и как подымаются со своих мест цари и владыки земные, которых он погубил и царства которых разрушил, и со злобной усмешкой приветствуют его словами: «Не сравнился ли ты теперь с нами? Разве можно представить себе человека, ставшего проповедником, но живущего без Христа в сердце своем, спускающегося в ад, и когда все погубленные им души, которые слушали его, и все неверные члены его прихода встают и со злобой говорят ему: «Ты тоже стал таким, как мы? Врач, отчего не исцелил самого себя? Не ты ли выдавал себя за светильник в царстве вечного мрака?» О, если кому и предстоит погибнуть, то только не так! Погибнуть вблизи кафедры страшно, но сколь страшнее погибнуть от самой кафедры?

В одном из сочинений Джона Буньяна под заглавием «Воздыхания из глубин ада» есть ужасное место, которое часто звучит в моих ушах: «Сколько душ погубило невежество слепых пастырей? Их проповедь была не менее гибельна для душ, чем мышьяк для тела. Страшно подумать, сколько загубленных душ лежит на совести многих из них. О, друг мой, говорю тебе, ты взялся проповедовать Евангелие людям, но не взялся ли ты за то, чего не можешь делать. Не тяжко ли будет тебе, когда весь твой приход явиться за тобой в ад, вопия: «Это тебя должны мы благодарить, ты боялся раскрыть нам грехи, чтобы не лишиться нашей хорошей платы! О, будь проклят же, презренный, слепой путеводитель, тебе мало было самому очутиться в этой грязной дыре, так ты и нас увлек за собой».

Ричард Бакстер, в своем сочинение «Евангельский проповедник», среди прочих важных вещей пишет: «Остерегайтесь, чтобы не лишили бы себя той спасительной милости Божией, которую вы предлагаете другим, и того воздействия на вас Евангелия, которое вы проповедуете; и чтобы, проповедуя необходимость Спасителя для мира, ваши сердца не забывали Его, чтобы не потеряли вы интерес к Нему и Его спасительным дарам. Остерегайтесь погибнуть, призывая других не погибнуть, умереть с голоду самому, приготовляя пищу для них. Хотя и дано нам Богом обещание, что «разумные будут сиять, как светила на тверди» (Дан.12:3), но им такие обещания даются только при условии, что они сначала сами обратятся к Нему.

Их искренность в вере является условием для обычной славы, хотя великие труды могут стать условием для обещания более великой славы. Много людей предостерегали других от адских мучений, которых сами они не уберегլись; многие проповедники испытывают сейчас эти муки, они сотни раз призывали своих слушателей приложить неимоверные усилия, чтобы избежать их. Разве может разумный человек представить себе, чтобы Бог спасал людей за то, что они предлагали спасение другим, хотя сами отказывались от него, и говорили истины другим, которыми сами пренебрегали и злоупотребляли? Многие портные ходят в обносках, тогда как шьют дорогие платья другим; и многие повара облизываются, когда готовят для других самые дорогие блюда. Поверьте мне, братья, Бог спасает человека не просто потому, что он способный проповедник, а потому, что он справедливый, праведный человек и, следовательно, верно служил делу своего Учителя. Смотрите же, первыми исполняйте то, что проповедуете другим, верьте в то, что вы ежедневно проповедуете другим, и храните в сердце своем Христа Спасителя, Которого вы

проповедуете другим. Заповедуя вам любить ближних своих, как самих себя, Он предполагал под этим, что вы должны возлюбить самих себя и не губить ни себя, ни других».

Братья мои, вникните в эти слова. К ним нечего больше добавить. Но прошу вас, испытайте себя и с пользой употребите все слышанное здесь.

Следующим важным условием для проповедника является его глубокое благочестие.

Он не может довольствоваться быть обычным христианином, он должен быть зрелым и просвещенным верующим; потому что служитель Христа был справедливо назван «избранным из избранных, церковью церквей». Если бы он был призван занимать обычную должность, выполнять обычную работу, то мог бы удовлетвориться малым, хотя и тогда это удовлетворение было бы скорее нерадивой беспечностью; но он назначен на исключительную должность, назначен на место, которое таит в себе много опасностей, и потому должен стремиться приобрести ту духовную силу, которая только одна необходима для такого дела. Его пульс жизненного благочестия должен биться сильно и регулярно, его глаз веры должен быть светлым, его нога решительности должна быть твердой; его рука деятельности должна быть быстрой; все его духовное естество должно быть в высшей мере здоровым. Говорят, что египтяне выбирали жрецов из самых просвещенных философов и потому так высоко почитали их, что выбирали из них своих царей. И мы должны выбирать служителей Божьих из наидостойнейших христиан; из таких людей, которые только одни могли бы стать царями. На проповедническую кафедру не могут быть избраны люди неспособные, робкие, предающиеся плотской жизни, с нарушенной психикой. Есть такие виды работы, которые нельзя доверить инвалидам и убогим. Нельзя поручать человеку работать на крыше, если у него кружится голова, и работа на высоте может быть для него опасна; найдите ему работу на земле, для которой головокружение не так опасно; некоторые братья имеют подобные духовные недостатки, им нельзя доверить служение, которое «свыше» и у всех на виду. Если позволить им достигнуть хоть малого успеха, они возгордятся, а это порок, которым так часто страдают проповедники, менее всего допустимый для них и несомненно ведущий к их погибели. Если как нация мы призваны защищать наши дома, можем ли мы посылать наших мальчиков и девочек с оружием в руках встречать врага? Так и церковь не может доверить всякому не утвердившемуся новообращенному или неопытному ревнителю бороться за веру. Страх Божий должен научить молодых людей мудрости, иначе нельзя его допустить к проповедничеству; благодать Божия должна просветить его дух, иначе пусть лучше ждет он своей очереди, пока не будет дано ему свыше.

Каждый проповедник должен отличаться высокой нравственностью. Многие, кто не допускается к проповеди в церкви, являются хорошими ее членами. Я строго отношусь к христианам, совершившим тяжелый грех, и я радуюсь, когда они искренне каются и не теряют надежды быть снова принятыми в церковь, но я сомневаюсь, сильно сомневаюсь, можно ли человека, совершившего тяжкий грех, снова сразу же допускать к проповедованию. Джон Энджелл Джеймс говорит: «Если проповедник правды вступил на путь греха, он не смеет никогда снова проповедовать в общине, пока его раскаяние не искупит его греха». Пусть те, кому сыны Аммона остригли бороды, остаются в Иерихоне, пока не вырастут их бороды; эта метафора часто применяется как неуместная насмешка к безбородым мальчикам, но она очень подходит к нечестивым и бесхарактерным людям, независимо от их возраста. Увы, срезанную бороду репутации трудно снова отрастить. В большинстве случаев явное распутство людей, как бы глубоко ни было их раскаяние, является фатальным признаком отсутствия у них проповеднического призвания. Жизнь проповедника должна быть безупречна, иначе пользы от него будет мало. В церковь такие падшие раскаявшиеся могут быть приняты и снова занять проповедническую кафедру, ели на то будет воля Божия. Но не в этом сомневаюсь я, а в том, допустит ли их к ней Бог; и я убежден, что мы должны быть очень осторожны, возвращая на кафедру людей, которые уже на ней были и не выдержали испытания призвания проповедника.

Есть работы, которые мы можем поручить только духовно сильным людям; и когда Бог призывает нас к проповеднической работе, мы должны просить Его помощи дать нам силы для исполнения этого долга, чтобы не поддаться искушениям диавола и не нанести вреда церкви и не погубить себя. Мы должны противостоять ему во всеружии Божием, чтобы превзойти других в делах духовных. Мы должны быть непрестанно готовы к самопожертвованию, всепрощению, терпению, твердости, страданию, а кто способен на это? И если мы хотим оправдать наше призвание, то должны постоянно жить с Богом.

Помните, когда вы будете проповедниками, вся ваша жизнь, и особенно как пастыря, будет зависеть от степени вашего благочестия. Если ваше рвение ослабеет, хуже будет ваша церковная молитва и еще хуже домашняя; и хуже всего станет ваше духовное преуспеяние. И по мере того, как будет иссыхать ваша душа, слушатели ваши, сами того не осознавая, заметят, что ваши общественные молитвы теряют свое благотворное на них действие; они почувствуют ваше духовное оскудение еще раньше, чем вы сами заметите его и затем и в проповедях ваших оно проявится. Вы будете подбирать нужные слова и ваше красноречие будет, как прежде, но той духовной силы они уже не почувствуют. Как не будете вы стараться, подобно Самсону, вы почувствуете, что нет в вас уже прежней большой силы. Из ваших ежедневных общений с людьми, они сразу же заметят падение вашей духовной жизни. Острый глаз заметит вашу духовную седину, прежде чем вы сами заметите ее. Когда у человека заболевает сердце, то страдают все его другие органы – желудок, легкие, внутренние органы, мускулы и нервы. Так и, если духовное сердце человека заболевает, то очень скоро это пагубно скажется и на всей его жизни. Более того, в результате вашего собственного падения в большей или меньшей степени это скажется и на всех ваших слушателях; их усердие поможет им преодолеть это пагубное влияние, но для слабых оно окажется роковым. С нами и с нашими слушателями происходит то же самое, что с ручными часами и с часами в общественных местах; если испортятся наши ручные часы, то пострадаем от этого главным образом мы сами, но если испортится Гринвичская обсерватория, то половина Лондона потеряет правильный счет времени. Так и с проповедником; он подобен церковным часам, многие с ним сверяют свое время, и если он оступится, то и они в большей или меньшей степени оступятся, и он будет нести ответственность за все грехи, в которые сам вовлек их. Этого нельзя допустить, братья мои. Странно даже подумать об этом, и все же чтобы не допустить такого несчастья, мы должны не забывать, что оно возможно.

Вы также должны помнить, что наше благочестие должно быть особенно усердным, *потому что мы подвергаемся намного большей опасности, чем другие. В* принципе, нигде нет столько искушений, как на проповеднической кафедре. Несмотря на общее мнение, что мы хорошо защищены от искушений, тем не менее, нас подстерегают больше и более коварные опасности, чем обычных христиан. Высота, на которой мы стоим, может быть, и имеет свои преимущества, но именно она таит в себе большие опасности, и для многих проповедников она оказалась Тарпейской скалой. Если вы спросите, что это за искушение, то времени не хватит даже перечислить их. Есть искушения как низменные, так и более утонченные; к низменным относятся такие, как неумеренность в пище, желание очаровывать, особенно среди гостеприимных людей, искушения плоти, которые постоянно испытывают молодые люди, окруженные обожанием молодых женщин; но довольно об этом, вы сами скоро увидите тысячи ловушек, если широко откроете глаза. Но есть более скрытые ловушки, которых не так легко избежать; и самой страшной из них является формальное проповедничество – тенденция формально читать Библию, формально молиться; формально исполнять все религиозные требования, не лично, а только относительно заинтересовано. Отсутствие личного участия в покаянии и в вере – это действительно страшное несчастье. «Никто, – говорит Джон Оуэн, – не может сказать хорошей проповеди другим, если он сам не прочувствует ее сначала своим собственным сердцем». О, братья как трудно это делать. Наше звание, вместо того чтобы помогать нашему благочестию, как многие утверждают,

вследствие испорченности нашей природы только затрудняет его путь; по крайней мере, я так думаю.

Как мы отгоняем от себя и боремся с этой «официальщиной»! А она все же так легко затягивает нас, подобно длинному платью, которое, путаясь между ногами бегуна, мешает ему бежать. Остерегайтесь этого, дорогие братья, как и всех других искушений вашего призвания; и если вам удавалось избежать до сих пор, продолжайте же бороться с ними и до последнего часа вашей жизни. Мы сказали только об одной опасности нашего звания, а их ведь легион. Злобный враг душ наших пользуется всеми средствами, чтобы погубить пастыря. «Остерегайтесь, – говорит Бакстер, – потому что искуситель прежде всего набросится на вас. Если вы будете вождями борющихся против него, он пощадит вас только в той мере, в какой запретит это ему Бог. Он питает к вам огромную злобу, потому что вы наносите ему самый большой вред. Больше всего он ненавидит Христа, потому что Он Глава и Спаситель и делает больше других, чтобы погубить царство тьмы; потому-то он и ненавидит вождей, которые служат Ему, сильнее, чем других солдат. Он знает, что нет лучшего средства погубить простых смертных, чем показать духовное падение их вождей. Давно уже он испытал этот путь борьбы, но не с «малыми и великими», а с этими вождями; «поразить пастыря», чтобы «рассеялось его стадо». И столь велик был его успех на этом пути, что он будет стоять на нем до конца. Берегитесь же, братья, потому что враг не дремлет.

Много коварства, непрестанного преследования и стремительного нападения ожидает вас. Какие бы вы ни были умные и ученые, берегитесь, чтобы он не перехитрил вас. Диавол более ученый, чем вы, и более изощренный спорщик, чем вы; он может обратиться в «ангела света», чтобы обмануть вас. Он подкрадется к вам и вовлечет вас в погибель, прежде чем вы это заметите; он незаметно обойдет вас и лишит вас вашей веры и чистоты, прежде чем вы догадаетесь, что потеряли ее; он даже заставит вас думать, что вы преуспели в том, что уже потеряли. Вы не заметите ни крючка, ни удочки, не говоря уже о ловце, когда он будет бросать вам приманку.

И приманки его так вам понравятся, так будут отвечать вашему настроению и наклонностям, что вам будет казаться, что вы следуете принципам и склонностям; и вас же самих он сделает орудиями вашей погибели. О, как радуется он своей победе, когда ему удается сделать проповедника ленивым и неверным, жадным или скандалистом! Он будет торжествовать над Церковью и говорить; «Вот ваши святые проповедники: видите, как они строги к вам, а куда приводит их эта их строгость». Он будет торжествовать над Самим Иисусом Христом и говорить: «И это Твои борцы! Я могу заставить лучших Твоих слуг бесчестить Тебя; я могу заставить управителей Твоего дома обмануть Тебя». Если он осмелиться перед лицом Господа насмехаться над Иовом, говоря, что, если Господь отнимет у Иова его блага, то «благословит ли он Его?» (Иов.1:2), то что станет он делать с нами, если получит над нами подобную власть?

И, наконец, он будет зло насмехаться над вами, потому удалось ему заставить вас изменить вашему великому деланию, насмеяться над своим священным званием и сослужить службу ему, вашему врагу. О, не доставляйте же сатане такой радости; не позволяйте ему так насмехаться над вами; не допускайте, чтобы он поступил с вами, как Самсон с филистимлянами – сначала лишил вас духовной силы, а затем и духовного зрения, сделав вас, таким образом, объектом своего торжества». Я повторяю. Мы должны умножать в себе благочестие, потому что этого непрекословно требует наше служение.

Успех пастырских трудов непосредственно зависит от степени усердия нашего обновленного естества. Наши труды только тогда будут успешны, когда в нас самих нет изъяна. Каков работник, такова и работа. Бороться с врагами правды, защитить твердыни веры, хорошо управлять в доме Божием, утешать скорбящих, назидать уверовавших, руководить сомневающимися, терпеливо направлять своенравных, завоевывать и воспитывать души и еще тысяча подобных дел – все это работа для людей не слабых и

мягкотелых, а для людей с большим сердцем, которых Господь наделил силой, чтобы служили Ему. Черпайте же силу у Всемогущего, мудрость у Премудрого – Бога всех и вся.

Третьим условием для проповедника является забота о том, *чтобы его личная жизнь во всем соответствовала его служению*. Мы все слышали о человеке, который хорошо проповедовал, но плохо жил ;и когда он проповедовал, все говорили, что он никогда не должен покидать кафедры, но когда он не был на кафедре, все говорили, что он не смеет никогда больше проповедовать. Не дай нам Бог стать такими двуликими Янусами. Да не будем же мы никогда служителями Бога у алтаря и сынами Велиара за дверями храма Божия, а наоборот, будем, как говорит св. Григорий Богослов о св. Василии Великом, «греметь нашими проповедями и блистать нашей жизнью».

Двуличным людям мы не доверяем, и не поверят люди тем, чьи слова не соответствуют их делам. Как гласит пословица, «о человеке судят не по словам, а по делам его»; нечестивая жизнь проповедника заглушит голос его самого прекрасного красноречия. Ведь храм наш мы должны строить своими руками; наши поступки должны быть более убедительны, чем наши слова. Здесь я хочу предостеречь вас не только от «грехов совершенных» (sins of commission), но и от «грехов упущения» (sins of omission). Слишком много проповедников забывают служить Богу, сойдя с кафедры; вне храма они ведут жизнь, не достойную их звания. Возненавидьте же, братья, даже самую мысль быть проповедниками, подобно часовому механизму, не одухотворенными пребывающей в вас постоянно благодарю, а действующими под влиянием преходящих воздействий; быть людьми, которые, являются проповедниками только в момент проповеди и перестают быть ими, когда сходят с кафедры. Настоящие проповедники всегда проповедники. Многие проповедники подобны песочницам с человечкам внутри, которые мы покупаем своим детям: поверните коробочку верх дном, и маленький акробат вращается до тех пор, пока не высыплется весь песок, и он неподвижно зависает в ней; так и некоторые проповедники выполняют свои служебные обязанности, пока в них есть официальная необходимость, но после этого, если не дают им денег – нет и молитвы; не платят им зарплаты – нет и проповеди.

Как страшно быть недостойным пастырем. Говорят, что наш Господь был подобен Моисею, потому что он был «пророком сильным в слове и в деле». Человек Божий должен стараться быть подобным в этом своему Господу; он должен быть силен в слове своего поучения и в деле своего служения самым сильным, если возможно, в последнем. Знаменательно, что единственная церковная история, которую мы имеем, это «Деяния святых Апостолов». Святой Дух не сохранил для нас их проповедей. Они были очень хорошими, конечно же, несравненно лучше наших, и тем не менее Святой Дух позаботился о сохранении только их «деяний»; когда мы проводим свои церковные собрания, мы записываем повестку дня и свои решения, а вот, Святой Дух записал только их «деяния». Наши дела должны быть такими, чтобы они были достойны записи. Мы должны жить с сознанием пребывания под непрестанно взирающим на нас оком Божьим, во все проникающем свете Божьем.

Святость в жизни проповедника является его главной необходимостью и лучшим украшением. Одного нравственного превосходства не достаточно, здесь необходима высшая добродетель; строго нравственная жизнь, но она должна быть освящена священным миро, иначе мы будем лишены того, что больше всего угодно Богу и человеку. Джон Стоутон в своем сочинении «Достоинства и обязанности проповедника» говорит, что святость для проповедника является непременным условием. Так, он пишет: «Если Оза должен был умереть только за то, что дотронулся до ковчега Господня, хотя сделал он это только с целью удержать его от падения; если умереть должны были жители Вефсамиса только за то, что заглянули в него; если даже животным угрожала смерть за то, что они приблизились к святой горе, – то какими же должны быть люди, которые могут удостоиться говорить с Богом, «предстоять Ему, подобно ангелам», непрестанно «взирать на Него», на своих плечах «нести ковчег Божий», «нести Имя Его к язычникам», – иными словами, быть Его послами? «Дому

Твоему, Господи, принадлежит святость»; и можно ли себе представить, что освящены должны быть церковные сосуды, освящены облачения – все должно быть освящено, кроме только того, на одеждах которого начертано «освящено Господом»; чтобы на конских уборах должно было быть начертано «святыня Господу», а одежды святых, Аарона, не были освящены? Нет, эти люди должны быть «горящими светящимися во тьме светильниками», иначе влияние их может оказаться пагубным; они должны «отделять чистое от нечистого», иначе сами будут нечистыми; они должны проповедовать слово истины и жить праведной жизнью, тем самым подкрепляя слово делом.

Если нет святости в послах, то они бесчестят страну, из которой пришли, и правителей, которые их послали. И этот мертвый Амаса, мертвое учение, не оживленное праведной жизнью, становится преградой и останавливает народ Божий, мешая ему идти по пути к достижению духовного совершенства.

Жизнь проповедника должна, подобно магниту притягивать людей ко Христу, и поистине очень грустно, когда она держит их далеко от Него. Святость в священнослужителях – это громкий призыв к грешникам покаяться, и, оставаясь непоколебимой, она становиться особенно привлекательной. Джереми Тэйлор на своем красноречивом языке говорит: «Голуби Ирона никогда не привлекали бы в свою голубятню такое множество других птиц, если бы не были вымазаны арабским бальзамом; и, как говорит Дидим, «вымажи твоих голубей ароматами, и они привлекут целые стаи птиц; ты должен быть человеком Божьим, но не по образу обыкновенных людей, а по духу Божий»; и люди будут стремиться быть подобными вам, если вы сами будете подобными Богу; но если вы стоите только на пороге добродетели, чтобы не впустить греха, то привлечете в стадо Христово лишь тех, кого загоняет в него страх. «Делать то, что более всего служит к прославлению Бога, – вот путь, по которому вы должны идти; ибо делать только то, что все люди должны делать, – это раболепство, а отнюдь не сыновня любовь; и как можете вы быть отцами народа, если не поступаете, как сыны Божий; ибо потайной фонарь, хотя и слабо светится с одной стороны, едва ли осветит путь даже одному человеку, не говоря уже о множестве, или многих привлечет к себе ярким светом, которого сам не имеет».

Другой, не менее известный богослов хорошо и точно так сказал по этому поводу: «Звезда, которая привела волхвов ко Христу, огненный столб, который привел детей в Ханаан, не только освещали путь, но они идут перед ними» (Мф.2:9; Исх.23:21). Голос Иакова не поможет, если руки будут руками Исава. По закону никто, имеющий телесный недостаток, не смел приносить жертву Богу (Лев.21:17-20); Господь учит нас, какими добродетелями должны обладать Его служители. Одежды священников должны были иметь «позвонки» и «блоки» – символы здорового учения и плодородия (Исх.28:33-34). Господь очистит всех, кто приблизится к Нему (Ис.52:17); ибо грехи священников отвращают людей от жертвоприношений Господу (1Цар.2:17); их позорная жизнь порочит их учение; как говорил св. Августин, «своим учением они созидают, а своей жизнью они разрушают ее». Закончу я это рассуждение отрывком из письма бл. Иеронима к Непоциану: «Не допускай», говорит он, «чтобы твоим делам позорить твое учение, чтобы те, кто слышали тебя в церкви, не подумали о тебе: отчего же не делаешь ты сам того, чему учишь других? Плохой учитель тот, кто учит других воздержанию, сам же объедается. Разбойник может обвинить других в корыстолюбии; уста же, рука и сердце священника Христова должны сочетаться между собой».

Не менее красноречиво говорит Фома Плейфир в своем сочинении под заглавием «Говори хорошо. Делай хорошо»: «В Смирне забавный был актер, который, говоря «О, небо!», показывал пальцем на землю, из-за чего один из самых знатных людей в этом городе Полемон, увидев это, не мог больше слушать его и удалился в сильном гневе со словами: «Этот глупец сделал грамматическую ошибку, своим пальцем он указал не на то, о чем сказал». Точно так же поступают те, кто учит хорошо, а делает плохо; у них слово небо только на языке, пальцем же они указывают на землю; они не только неправильно говорят,

но своими руками творят дурные вещи; они живут не так, как сами Проповедуют. Но Живущий на небесах посмеется им и изгонит их, если они не исправятся».

Даже в малых вещах должен пастырь согласовывать свою жизнь со своим служением. Особенно он должен следить за тем, чтобы его слово не расходилось с делом. Даже в мелочах мы не можем оступаться; истина должна быть не только в нас, она должна светиться из нас. Один проповедник, знаменитый доктор богословия в Лондоне, который уже умер и, я не сомневаюсь, взят не небо, замечательный и глубоко благочестивый человек, сказал как-то в воскресенье, что хотел бы посетить всех членов своей общины, и, чтобы хоть раз в год зайти к каждому их них, он будет это делать согласно занимаемым ими местам в храме. И мой знакомый, бедный в то время человек, так обрадовался, что проповедник посетит и его, что за недели две до того, когда по его расчету наступит его черед, его жена тщательно прибрала в доме, а он ежедневно спешил по раньше прийти с работы в надежде увидеть у себя проповедника. Так продолжалось довольно долгое время. Проповедник же либо забыл свое обещание, либо устал держать данное им слово, или по какой-то другой причине, но так и не пришел навестить этого бедняка. И в результате этот человек перестал верить словам всех проповедников и сказал: «Они заботятся о богатых, но не о нас, бедняках». И много лет он не ходил в храм, пока однажды случайно не заел в Экзетер-холл и не сделался моим многолетним слушателем. И нелегкой задачей было для меня убедить его, что любой пастырь может быть честным человеком и одинаково любить как богатых, так и бедных. Будем же стараться избегать приносить подобный вред, твердо держа данное нами слово.

Мы должны помнить, что многие смотрят на нас. Редко у людей хватает совести нарушать закон открыто, у всех на глазах. Мы живем и ходим на виду у всех. За нами наблюдают тысячи зорких глаз; будем же поступать так, чтобы не бояться свидетелей нашей жизни ни на небе, ни на земле, ни в аду. Наше общественное положение принесет огромную пользу, если мы сумеем нашей жизнью показать всем плоды Святого Духа; смотрите же, не лишайте себя этого преимущества. Когда мы говорим вам, дорогие мои братья, следите за своей жизнью, это значит следить за малейшими своими поступками. Избегайте всяких долгов, непунктуальности, сплетен, нанесения обид другим, ссор и всех других малейших пороков, которые портят вашу жизнь, подобно ложке дегтя в бочке меда. Среди нас недопустима невоздержанность, столь повредившая репутации многих пастырей. Мы не смеем допускать фамильярности, которая вызывает у многих подозрение. Нельзя допускать грубости, которая делает некоторых невыносимыми, и чванства, которое делает людей смешными. Мы не смеем рисковать великим ради палого. Мы должны постоянно поступать по правилу: «не давать ни малейшего повода для клеветы и хулы на пастыря».

Но это не значит, что мы должны подчиняться всем капризам и этикету общества, в котором живем. Как правило, я ненавижу этикет и презираю условности, и когда я вижу, что лучше нарушить этикет, я с радостью нарушаю его. Нет, мы люди, не рабы; и не должны отказываться от нашей главной свободы, не быть лакеями тех, кто претендует на благородство или хвалится своей утонченностью. Однако, братья, всего, что приближается к грубости, которая сродни греху, мы должны остерегаться, как змей. Правила Честерфильда нам смешны; но не пример Христа; а Он никогда не был груб, циничен, невежлив, неделикатен.

Даже во время каникул не забывайте, что вы пастыри. И на параде – вы воины воинства Христова, и как таковые не теряйте своего достоинства. И если надо обращать внимание на мелочи, то сколь внимательны мы должны быть к великим обязанностям нравственности, чести и достоинства! Здесь пастырь должен быть безупречен. Его частная жизнь во всем должна согласовываться с его служением, иначе его время пройдет, и чем скорее он оставит свое служение, тем лучше, потому что оставаясь на своем посту, он только позорит дело Божие и губит себя самого.

Глава 2

ПРИЗВАНИЕ К ПРОПОВЕДНИЧЕСТВУ

Каждый христианин, если он способен, имеет право распространять Евангелие; более того, он не только имеет право, но обязан, пока жив, это делать (Откр.22:17). Распространять Евангелие могут не только некоторые, но и все ученики Господа нашего Иисуса Христа; по мере дарованной ему Святым Духом благодати, каждый человек обязан служить делу Господа, как в своей общине, так и среди неверующих. И это касается всех людей, независимо от пола; все христиане, как мужчины, так и женщины обязаны, если они имеют дарование, полностью посвятить себя распространению веры Христовой. Наше же служение заключается не только в проповедовании; конечно, в некоторых случаях, например, что касается женщин, то публичное проповедование категорически запрещается (1Тим.2:12; 1Кор.14:34). Итак, если мы имеем дар проповедования, мы обязаны делать это.

В этой лекции я не буду касаться исключительных случаев проповедования или какой-то другой формы служения, возможной для всех верующих, я буду говорить о работе и служении пастыря, которые включают в себя как проповедь, так и управление в общине, требующие посвящения всей своей жизни духовной работе и отказа от «всяких дел житейских» (2Тим.2:4); кроме того, пастырь имеет право на временное содержание от общины за счет своей паствы, так как он отдает все свое время, энергию и усердие на благо тех, кому он дает духовную пищу (1Кор.9:9-10; 1Тим.5:18). К такому человеку обращены слова апостола Петра: «Пасите Божие стадо, какое у вас есть, надзирая над ним не принужденно, но охотно и богоугодно»... (1Петр.5:2).

Конечно же, не все в общине могут быть надзирателями или управителями, должны быть и те, которые требуют над собой надзора и руководства; и мы думаем, что Святой Дух назначает одних быть управителями, а других добровольно управляемыми во имя их собственного же блага. Не все призваны проповедовать и поучать, быть начальствующими или занимать пастырские кафедры; и не все должны стремиться к такому служению, так как необходимые для этого дары обещаны не всем; и только те должны посвятить себя этой важной работе, кто, подобно апостолам, чувствует, что получит такое служение (2Кор.4:1).

Никто не может по своей собственной воле стать «подпаском» стада Христова; он должен постоянно взирать на Своего верховного Пастыреначальника и ждать от Него знака и назначения. Ибо кто хочет стать посланником Божиим, тот должен ждать этого призыва свыше; если же, не дожидаясь его, он поспешит стать пастырем, то Господь скажет ему и подобным ему: «Я не посылал их и не повелевал им, и они никакой пользы не приносят»... (Иер.23:32).

В Ветхом Завете говорится, что все посланники Божии выполняли поручения Иеговы. Исаия повествует нам, что один из серафимов коснулся его уст горящим углем, взятым с жертвенника, и тогда он услышал голос Господа: «Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?» (Ис.6:8). И тогда сказал: «Вот я, пошли меня». Не пошел же он, прежде чем Господь таким особым образом не посетил его и не дал ему этого поручения. Слова: «как проповедовать, если не будут посланы?» – еще не были произнесены в то время, но их важное значение уже хорошо понималось.

Пророк Иеремия подробно рассказывает о своем призвании в первой главе своей книги: «И было ко мне слово Господне: прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя. А я сказал: о, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод. Но Господь сказал мне: не говори: «я молод»; ибо ко всем, к кому Я тебя пошлю, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтоб избавлять тебя, сказал Господь. И простер Господь руку Свою, и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: вот, Я вложил слова Мои в

уста твои. Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтоб искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» (Иер.1:4-10). Несколько в других выражениях, но то же самое рассказывает о своем призвании пророк Иезекииль: «И Он сказал мне: «сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою». «И когда Он говорил мне, вошел в меня дух и поставил меня на ноги мои, и я слышал Говорящего мне. И Он сказал мне: «сын человеческий! Я посылаю тебя к сынам Израилевым, к людям непокорным, которые возмутились против Меня; они и отцы их изменники предо Мною до сего самого дня» (Иез.2:1-3). «И сказал мне: «сын человеческий! съешь, что пред тобою, съешь этот свиток, и иди, говори дому Израилеву». Тогда я открыл уста мои и Он дал мне съесть этот свиток; и сказал мне: «сын человеческий! напитай чрево твое и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе»; и я съел, и было в устах моих сладко, как мед. И Он сказал мне: «сын человеческий! встань и иди к дому Израилеву, и говори им Моими словами» (Иез.3:1-4).

О призвании пророка Даниила, хотя оно и не записано, мы хорошо знаем из открытых ему множества видений и того исключительного к нему благоволения Господа как во время уединенных размышлений, так и в общественных делах. Мы не будем перечислять здесь всех пророков, потому что говоря о своем призвании, все они начинают словами: «Так говорит Господь». В наше время все верующие могут стать пастырями; но проповедовать или делать то, что означает быть движимым Духом Святым, посвятить всю свою жизнь возвещению Евангелия, на самом деле является даром и призванием только сравнительно небольшого числа людей; и, конечно же, надо быть уверенным в истинности своего призвания, как были уверены пророки; итак, чем можно оправдать их служение, кроме как не подобным призванием?

И не надо думать, что такое призвание – это просто воображение и в наше время никто особым образом не призывается на это служение, потому что само звание, которое дается священнослужителям в Новом Завете, предполагает призвание к их служению. Апостол говорит: «Итак, мы посланники от имени Христова»; и не заключается ли сущность этого служения в том, что назначение на него делается Всевышним? Непосланный посланник будет просто посмешищем. Люди, которые претендуют быть посланниками Христовыми, должны всем сердцем чувствовать, что Господь «поручил» им «слово примирения» (2Кор.5:18-19). И если скажут нам, что это относится только к апостолам, то я отвечу, что это Послание написано не только от имени апостола Павла, но и Тимофея и, потому предполагает не только апостольское служение.

В Первом Послании к Коринфянам мы читаем: «Итак, каждый должен разуметь нас (здесь имеется в виду Павел и Сосфен), как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих» (1Кор.4:1). Конечно же, домостроитель должен назначаться своим Господином. Он не может быть домостроителем по собственному или по призванию таковым другими. Если кто из нас пожелает стать управляющим имением герцога Вестминстерского и начнет распоряжаться в его доме без его ведома, то очень скоро он убедится в своей ошибке. И, очевидно, прежде чем стать епископом, «домостроителем Божиим» (Тим.1:7), он должен быть назначен на этот пост высшей властью.

Апокалиптическое звание «Ангел» (Откр.2:1) означает посол; а как могут люди быть посланниками Христовыми, как не по Его избранию и назначению? Если же кто усомнится, что звание «Ангел» относится к проповеднику, то пусть скажет, к кому же тогда оно относится. К кому в Церкви Христовой Святой Дух писал как к ее представителю, если не к тому, кто занимал там начальствующее место?

Титу было приказано дать доказательства своего служения, а их было немало. Некоторые называются «сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело» (2Тим.2:21). И Владыка Сам избирает сосуды для своих целей; и Он говорит о некоторых так, как сказал о Савле из Тарса: «Он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми» (Деян.9:15). Когда Господь наш вознесся на небо, Он людям дал дары, и знаменательно, что разным людям он

дал разные дары: «Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями» (Ефес.4:11); а это значит, что в вознесении Своем Господь поставил некоторых быть пастырями церквей, а не они сами возвысили себя на этот пост. И я надеюсь, братья мои, что настанет день, когда вы сможете стать пастырями тех, над которыми «Дух Святой поставил вас блюстителями» (Деян.20:28). И я прошу Господа, чтобы вы могли бы сказать вместе с Апостолом язычникам, что ваше служение вы получили не от человека и не через человека, а от Господа (Гал.1:1).

Да исполнится в вас древнее обетование: «И дам вам пастырей по сердцу Моему» (Иер.3:15). «И поставлю над ними пастырей, которые будут пасти их» (Иер.23:4). Да исполнит Господь в некоторых из вас Свое обещание: «О Иерусалим, я дам тебе стражу, которая будет хранить тебя день и ночь», и «если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста» (Иер.15:19). И да распространит Он через вас благоухание познания об Иисусе Христе в каждом месте и соделает вас Христовым благоуханием Богу «в спасаемых и погибающих» (2Кор.2:15). Имея бесценное сокровище в земных сосудах, да почиет на вас беспредельная благодать Божия, чтобы прославлять Бога и самим очиститься от крови всех людей. Как Господь наш Иисус Христос «взошел на гору и позвал к Себе, кого сам хотел» и послал их затем на проповедь (Мк.3:13-14), так да изберет Он вас, призовет вас к Себе и пошлет вас как избранных Своих служителей благословлять Церковь и мир.

Но как узнать молодому человеку, призван ли он на это служение, или нет? Это очень важный вопрос, и к нему надо отнестись со всей серьезностью. Да поможет нам в этом Бог! То, что многие избрали неправильный путь, оказались недостойными своего служения, хорошо видно на примере бесплодной деятельности многих проповедников и нравственного упадка церквей, нас окружающих. Большое несчастье для человека, если он становится пастырем не по призванию, и для церкви, которой он себя навязывает, нанося ей тем огромный вред. И как грустно и больно видеть, сколь часто умные люди ошибаются в выборе своей профессии и посвящают себя делу, которым никогда не собирались заниматься. Не подобных ли проповедников имел в виду поэт, написавший следующие строки:

«Скажите, о мудрецы, найдете ли вы
Среди животных всех видов и размеров,
От китов и слонов до мух,
Такую тварь, которая бы так нарушала свой план
И постоянно заблуждалась, как человек!
Каждое животное ищет себе добра
И находит удовлетворение, покой и пищу
Соответственно своей природе, и никогда не ошибается
В том, что выбрал или предпочел.
Только человек так сильно ошибается, хотя
Он намного умнее их.
Откройте же глаза и посмотрите:
Вол никогда не пытается летать
Или оставить свое пастбище в лесу,
Чтобы с рыбами искать пищу в ручье.
Только человек из всех тварей
Поступает вопреки своему рассудку».

Когда я думаю о том огромном несчастье, к которому может привести неправильный выбор нашего христианского служения как пастырей, я содрогаюсь от мысли, что мы можем переоценить свои возможности; лучше нам больше сомневаться и чаще проверять себя, чем стать плевелом в поле. Если только есть большое желание, то можно найти много верных способов испытать себя в правильности выбора своего призвания.

Самым важным и непременным условием является: прежде чем вступить на пастырскую кафедру, тщательно проверить и испытать себя, насколько мы пригодны к этому деланию. Для этого необходимо быть не только добрым христианином, но и иметь особый дар к пастырскому служению. Быть пастырем без призвания – это пустой звук и не более.

1. Первым признаком божественного призвания является страстное, всепоглощающее желание посвятить себя этому служению. Это непреодолимое стремление и жажда передать людям то, что Бог вложил в наши собственные души; это своего рода любовь, с которой птицы воспитывают птенцов, когда наступает их время летать, когда птица-мать лучше погибнет, чем оставит гнездо.

Один человек, хорошо знавший Аллейна, знаменитого англиканского проповедника, рассказывал, что тот был «бесконечно и ненасытно жаден в своем желании обращать души других людей». Когда была предложена должность профессора в его университете, он предпочел стать капелланом, потому что «сгорал от нетерпения заняться непосредственной пастырской деятельностью». «Не делайся проповедником, если можешь заняться другим делом, мудро ответил один древний пастырь человеку, обратившемуся к нему за советом. Если кто из вас мог бы удовлетвориться должностью редактора, или бакалейщика, или фермера, или доктора, или судьи, или сенатора, или президента, ради Бога, не отговаривайте его идти своим путем; в нем нет той полноты присутствия Духа Святого, которая заставила бы его отказаться от того, к чему стремится его душа. Если же вы можете сказать, что за все сокровища мира вы не можете и не в силах посвятить себя другому делу, кроме как проповедованию Евангелия Иисуса Христа, тогда доверьтесь этому чувству, если наряду с другими для того необходимыми условиями имеет все признаки проповеднического призвания.

Мы должны чувствовать, что погибнем, если не будем проповедовать Евангелие; слово Божие должно гореть в нас всепоглощающим огнем, иначе же, если мы посвятим себя пастырскому служению, то будем несчастны на этом пути, не сможем полностью отдавать себя, как он того требует, и мало принесем пользы тем, кому будем проповедовать. Я вправе говорить о самопожертвовании; потому что истинно пастырское служение на каждом шагу требует самопожертвования и без любви к такому призванию вы долго не выдержите и либо оставите свое служение, либо не будете получать удовлетворение от него, устанете от его однообразности, как слепая лошадь устает от работы на мельнице.

> «Сила любви приносит утешение;
> Она позволяет выносить все,
> что без нее способно разбить ваше сердце».

Исполненные такой любовью, вы будете неустрашимы; лишены же этой более чем магической брони непреодолимого призвания, вы будете чувствовать себя глубоко несчастными.

Это желание должно быть продуманным. Оно не должно быть внезапным импульсом, не подкрепленным серьезным размышлением. Оно должно исходить из глубины нашего сердца, быть предметом наших духовных устремлений, предметом наших самых ревностных молитв. Оно не должно покидать нас, когда соблазнительные возможности благополучия и благоустроенности встают на его пути, и оно должно оставаться спокойным, рассудительным решением после того, как все было оценено в правильном свете и цена за него тщательно просчитана.

Как-то в детстве я увидел, как кавалькада охотников в красных одеждах преследовала лисицу. Я был в восторге! Мое сердечко билось от восторга; я был готов помчаться вслед за собаками через кустарники и болота. Я всегда чувствовал естественное влечение к такого рода вещам, и когда меня в детстве спрашивали, кем я хочу быть, я отвечал: охотником. Прекрасное занятие, не правда ли!

Многие молодые люди хотят быть пастырями, как я в детстве хотел быть охотником; это просто детское желание носить красные одежды и трубить в охотничий рог, т.е. иметь почести, уважение, легкую жизнь, а может быть, и воображаемое богатство священнослужителя. (Какими невеждами надо быть, чтобы надеяться на богатство баптистского проповедника). Пастырское служение привлекательно только для глупцов, и потому я серьезно предупреждаю всех молодых людей, чтобы не принимали они каприз за вдохновение и детские мечты за призвание Святого Духа.

И еще, хорошо запомните, что желание, о котором я говорил, должно быть совершенно бескорыстным. Если после самого глубокого самопроникновения человек замечает, что его побуждает на пастырское служение не желание прославления Господа и спасения душ других, а иные мотивы, пусть он лучше сразу же откажется от него; потому что Господь выгонит всех «продающих и покупающих из храма Своего»: при внесение чего-либо меркантильного, пусть даже в малейшей степени, подобно ложке дегтя в банке меда.

Это желание должно быть постоянным, это страсть, испытанная временем, отделаться от которой невозможно, даже если и попытаться это сделать; с каждым годом оно становится все сильнее, пока не станет непреодолимой жаждой возвещать слово Божие. Оно столь благородно и прекрасно, что всякий раз, как я замечаю, насколько сильно оно овладело душой молодого человека, я всегда воздерживаюсь сразу же отговаривать его посвятить себя делу, хотя и сомневаюсь в его способностях к нему. Может быть по причинам, которые я расскажу ниже, и надо охладить это страстное влечение, но делать это надо с большой осторожностью и умом. Я столь глубоко уважаю этот «всепоглощающий огонь», что если бы я сам не чувствовал его в себе, то сразу же должен был бы оставить мой пост. И если вы не чувствуете в себе этого священного огня, умоляю вас, возвращайтесь домой и служите Богу соответственно вашим возможностям, но если вы уверены, что не можете справиться с этим влечением, с этим огнем, не тушите его, разве что только если убедитесь, что он не божественного происхождения.

2. Наряду с этим страстным желанием стать пастырем необходимо иметь способности к наставлению других и в какой-то степени иные качества, необходимые для всякого общественного оратора. Чтобы доказать способность к пастырскому служению, человек должен развить в себе эти качества, если он ими действительно обладает. Я не утверждаю, что с первых шагов он так же замечательно должен проповедовать, как Роберт Холл в конце жизни. Если он проповедует не хуже, чем это делал Роберт Холл в начале своего служения, то его не следует отталкивать. Вы все хорошо знаете, что Роберт Холл так плохо прочитал свои три подряд первые проповеди, что воскликнул: «Если это не смирит меня, то что же тогда?» Не все знаменитые ораторы с первого же раза блестяще произносили свои речи. Даже Цицерон вначале говорил тихим голосом и с плохой дикцией. И все же человек не смеет думать, что призван проповедовать, пока не докажет, что обладает ораторскими способностями. Бог, конечно же, не создал бегемота летать; и если левиафан сильно захочет летать, как ласточка, он, конечно же, не сможет осуществить этого своего желания, так как не имеет крыльев. Если человек призван проповедовать, то он, несомненно, будет в какой-то степени обладать ораторскими способностями, которые должен в себе развивать и увеличивать. Но если он не обладает ими даже в зародыше, то едва ли он сможет их когда-либо развить.

Я слышал об одном человеке, который имел такое сильное желание проповедовать, что, несмотря на множество отказов, уговорил наконец своего пастыря позволить ему сказать пробную проповедь. И это положило конец его желаниям, так как, прочитав свой текст, им овладела только одна мысль, которую он, сойдя с кафедры, тут же высказал. «Братья мои – сказал он – если кто из вас думает, что легко проповедовать, то я посоветовал бы вам подняться на кафедру и тогда вы сразу увидите, что это отнюдь не так». Раз попробовав свои силы на этом поприще, вы увидите, что непригодны к нему, если не имеете необходимых к тому способностей. Я не знаю ничего лучше, чем таким образом проверить

себя. Только так можем мы узнать, призвал ли нас Бог на это служение или нет; и во время такой пробной проповеди мы должны часто задаваться вопросом, можем ли надеяться получить право наставлять таким способом других.

Но для этого еще недостаточно нашей собственной совести и нашего собственного служения, так как самим себе мы плохие судьи. Некоторые из наших братьев так легко и самоуверенно утверждают, что имеют способности к проповедничеству и даже помощь свыше; я бы завидовал такой их самоуверенности и самонадеянности, если бы к тому были основания; но увы! я часто сам огорчаюсь и сетую, что мои проповеди не всегда удачны и на должной высоте по своей форме и выражению. Но нельзя слишком полагаться на свое мнение, надо прислушаться и ко мнению более здравомыслящих и духовно настроенных людей. Это никоим образом не должно быть правилом для всех людей, но все же во многих наших сельских приходах это стало обычаем для молодого человека, стремящегося проповедовать в храме. Это тяжкое испытание и во многих случаях едва ли принесет пользу. И тем не менее, пробная проповедь очень нужна, так как она позволяет утвердиться в правильности своего выбора. В храмовой книге прихода Арнсби есть такая запись:

Краткий отчет о назначении Роберта Холла младшего на должность проповедника в приходе Арнсби, 13 августа 1780 г.

«Упомянутый Роберт Холл родился в Арнсби 2 мая 1764 г. С самого детства он был только серьезным и глубоко преданным тайной молитве еще до того, как научился хорошо говорить, но и всегда имел сильное влечение к проповедованию. Он начал сочинять гимны, еще не достигнув семилетнего возраста, в которых проявились его глубокое благочестие, вдумчивость и незаурядные способности. За один год, между 8 и 9 лет, он написал несколько гимнов, столь многим понравившихся, что один из них был даже напечатан в «gospel magayine». Он записывал свои размышления по поводу разных религиозных вопросов и избранных отрывков из Священного Писания. Он также имел огромное желание учиться и сделал такие успехи, что превзошел своего учителя. Тогда он был послан в Нортгемптонский колледж, находившейся под попечительством преп. Джона Райланда, где проучился полтора года и сделал большие успехи в изучении латинского и греческого языков.

В октябре 1778 г. он поступил в Бристольскую Академию, находившуюся под попечительством преп. Эванса; и 13 августа 1780 г., когда ему исполнилось только шестнадцать лет и три месяца, был назначен там на пост проповедника. Свои способности к этому великому деланию он доказал проповедями на различные тексты из Священного Писания, произнесенные им на молитвенных собраниях, в которых принимал участие на протяжении четырех до этого лет; приезжая домой, он часто, по просьбе прихожан, произносил утренние воскресные проповеди. И весь приход единодушно просил назначить его своим проповедником.

Итак, в тот день перед всем собранием он ответил на вопросы своего отца, знаменитого проповедника этого прихода, относительно его склонностей, мотивов и целей, побудивших его стать на путь проповедничества, а также изложил свои религиозные убеждения. После этого его единогласно избрали, и торжественной молитвой его отец сказал ему слово из текста: «Итак, укрепляйся, мой сын, в благодати Христом Иисусом» (2Тим.2:1). В тот же день вечером новопоставленный сам сказал проповедь на 2Фесс.1:7-8; 1:7-8». Да благословит его Господь и да сопутствует ему успех в этом великом делании!»

Не менее важным является мнение людей с высоко-благочестивой жизнью, которое в большинстве случаев бывает правильным. Но и оно не должно быть решающим и бесповоротным, так как зависит от степени их интеллекта и благочестия. Мне вспоминается, как одна высокочтимая и богобоязненная старица отговаривала меня от проповедничества. Я с глубоким уважением и терпением выслушал ее советы, но суждение людей опытных решило мою судьбу иначе. Сомневающимся в своем призвании молодым людям я бы посоветовал пригласить с собой самых умных и опытных друзей отправиться в сельский храм или на молитвенное собрание, чтобы послушать и дать оценку вашему проповедованию там Слова Божия. Я заметил, как и наш достопочтенный друг г-н. Роджерс, что вы, господа студенты, когда сообща оцениваете друг друга, очень редко ошибаетесь. Я не помню почти

ни одного случая за время существования этого колледжа, чтобы общее мнение о наших братьях было бы неправильным. Вообще же люди не так уж не способны составить мнение друг о друге, как это иногда думают. Встречаясь в классе, на молитвенных собраниях, в беседах и различных религиозных мероприятиях, вы оцениваете друг друга, и умный человек не будет спешить отвергнуть ваше общее мнение.

Требования к пастырскому служению не исчерпываются только способностями к назиданию и поучению; необходимо еще иметь и другие качества. Вы должны руководствоваться здравым суждением и зрелым опытом; вы должны обладать хорошими манерами и любовью к другим людям, твердостью характера и смелостью, любовью и сочувствием к другим. Административные способности не менее важны, чем умение назидать и поучать. Вы должны уметь руководить, быть готовыми все терпеть и все выносить. Вы должны возвышаться над другими людьми, быть способными стать их отцом и советчиком. Внимательно прочтите условия для епископского служения в 1 Тим.3:2-7 и Тит. 1:6-9. Если же вы не обладаете в изобилии этими качествами и дарами, очень возможно, что вы будете хорошими проповедниками, но ни в коем случае хорошими пастырями.

3. Чтобы убедиться в правильности выбора своего пастырского призвания, человек должен по истечении некоторого времени увидеть плоды своей работы на этом поприще, или же понять, что ошибся, и потому уйти и заняться другой деятельностью. Не надо думать, что после первых и далее более шагов мы можем достичь желаемого призвания; и человек может всю свою жизнь посвятить проповедованию, если чувствует в себе к тому призвание, но мне кажется, что если его проповедь о познании Иисуса Христа не приводит людей к Богу, его «посланничество без печати». Как работник, он может трудиться успешно или безуспешно, но как проповедник он не должен быть уверен в своем призвании, пока не увидит плодов своей работы.

Как возрадовалась моя душа, когда я услышал о первом мною новообращенном! Не удовлетворяли меня ни полный храм, ни похвалы моих друзей; я жаждал лишь сердечного сокрушения и слез раскаявшихся грешников. Как нашедший большое сокровище, я возрадовался, когда жена одного рабочего призналась в своих грехах и сказала, что обрела Спасителя благодаря моей воскресной проповеди: как сейчас вижу маленькую хибарку, в которой она жила; поверьте, она всегда кажется мне прекрасной. Хорошо помню, как эта женщина была принята в нашу паству, как умерла и переселилась в небо. Она была первой печатью моего служения, и, уверяю вас, бесценной. Ни одна мать не была так счастлива при виде своего первенца, как тогда. И я мог воспеть хвалу Пресвятой Деве Марии, потому что вся душа моя величала Господа, призревшего на мое убожество и поручившего мне дело, за которое все поколения будут меня благословлять за то, что так высоко я оценил спасение одной души. И прежде чем вы сочтете, что проповедование – это дело всей вашей жизни, вы должны увидеть плоды ваших усилий.

Вспомните слова, сказанные Господом через пророка Иеремию: «Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; Я не говорил им, а они пророчествовали. Если бы они стояли в Моем свете, то объявили бы народу Моему слова Мои и отводили бы их от злого пути их и от злых дел их» (Иер.23:21-22). Я никак не могу понять, как могут люди из года в год спокойно проповедовать, не обратив ни одного человека к Богу. Неужели нет в них никакой жалости к другим людям? Никакого чувства ответственности за себя? Как смеют они, искажая учение о всемогуществе Божием, слагать свою вину на своего Учителя? Или же они считают, что Павел насаждает, Аполлос поливает, а Бог не взращивает? Тщетны их таланты, их философия, их риторика и даже сама их вера, если проповедь их не принесла плодов. Как могут они быть посланниками Бога, не приведя никого к Богу?

Пророки, слова которых бессильны, сеятели, посевы которых все гибнут, рыбаки, которые не поймали ни одной рыбы, солдаты, которые никого не ранили – разве это люди Божии? Поистине, лучше быть мусорщиком, трубочистом, чем стоять смоковницей на ниве Господней. Самое ничтожное занятие приносит хоть какую-то пользу людям, но ничтожный

человек, который занимает кафедру и не прославляет Бога обращением к Нему других людей, – это пустослов, бесчестье, бельмо на глазу, несчастье. Он не достоин соли, которую ест, и тем более хлеба; и если он жалуется и пишет в газетах, что очень мало получает за свои труды, то пусть спросит свою совесть, если только она у него есть, и она ответит ему: «Ты и этого не заслуживаешь». Могут быть скудные на успех времена, могут быть годы, менее плодотворные, чем предыдущие, но все же в главном всегда будет результат, принесший плоды во славу Божию; и все же временное бесплодие наполняет душу невыносимой болью. Братья мои, если Господь не дает вам страстного желания спасать души других, будьте лучше кем угодно, только держитесь подальше от кафедры, если только дорожите спокойствием своей души и будущим блаженством.

4. Следующее условие является не менее важным. Воля Господня относительно пастырей открывается и в благочестивом суждении о них Его Церкви. Для доказательства вашего призвания необходимо призвание назидательности вашей проповеди всей паствой. Обычно Бог отворяет дверь для проповедования тем, кого Он Сам призывает говорить во имя Свое. Нетерпение толкает или даже ломает эту дверь, но вера ждет Господа, и в нужный момент это ожидание вознаграждается. Когда приходит час, приходит и испытание. Подымаясь на кафедру, мы предаем себя суду слушателей, и если они осудят нас или, как правило, ничего назидательного из нашей проповеди они не получат, то не может быть и малейшего сомнения, что мы не являемся посланниками Божиими.

Условия и требования относительно истинного епископа изложены в Слове Божием для церковного руководства; и если, следуя такому руководству, братья не увидят в нас этих условий и требований и не поставят нас на пастырское служение, то совершенно ясно, что, как бы хорошо мы ни проповедовали, пастырями быть мы не можем. Не все наши прихожане достаточно умны, не все они судят силою Святого Духа, многие из них судят по плоти; и все же, я скорее признаю мнение своих прихожан о моих способностях и добродетелях, чем свое собственное мнение. Во всяком случае, согласны ли вы с решением вашего молитвенного собрания или нет? Несомненно для вас должно быть одно: без согласия всех его членов вы не можете быть пастырем; оно будет практически и в большинстве случаев правильным знаком. Если вы действительно призваны, Богом на это служение, вы не будете долго молчать. Как человек ждет своего часа, так и час ждет своего человека. Церковь Божия всегда и настоятельно нуждается в живых проповедниках; для нее человек дороже всех сокровищ мира. Формальные не нужны ей, но помазанные избранники Божии никогда не останутся без дела, потому что есть много людей, которые сразу же распознают их по их проповеди, и много сердец, которые с радостью готовы принять их к себе. Будьте во всеоружии готовы к своей работе и никогда не останетесь без нее. Не навязывайте себя в проповедники, а думайте больше о своих способностях и не ищите случая проповедовать; больше же всего старайтесь быть с Богом. Овца узнает посланного Богом пастыря, и придверник снимет засов, и паства узнает вас по вашему голосу.

Когда я первый раз читал эту лекцию, я еще не знал замечательного письма Джона Ньютона к его другу, в котором он касается именно этого вопроса; оно столь близко моим собственным мыслям, что, рискуя прослыть подражателем, которым в данном случае я не являюсь, я прочту вам это письмо.

«Твой случай напомнил мне мой собственный; мои первые желания к проповедованию были сопряжены с большой неуверенностью и трудностями. Различные и противоречивые суждения моих друзей еще больше увеличили мои сомнения. И совет, который я хочу тебе дать, основан на моем собственном горьком опыте и, потому, может быть, ты послушаешь его. Молю милосердного Господа, чтобы он оказался для тебя полезным.

Я, как и ты, долго мучился вопросом, в чем собственно заключается призвание к проповедничеству. Теперь же он представляется мне очень простым. Тебе, может быть, это

не покажется так, пока Господь Сам не уяснит его тебе. Я не могу сказать тебе здесь все, что мог бы сказать. Вкратце же, как мне кажется, в принципе это сводится к трем вещам:

1. Горячее, серьезное желание посвятить себя этому служению. Я понимаю, что человек, призванный Духом Божиим к этому деланию, предпочтет его всем сокровищам мира; и, как бы он иногда ни смущался чувством его важности и трудности и своего недостоинства (потому что призвание такого рода, если оно действительно исходит от Бога, потребует смирения и самоунижения), ни за что на свете он не откажется от него. Здесь я считаю необходимым спросить, охватывает ли это желание все наше существо настолько, чтобы полностью покориться воле Господней. Если да, то это хороший знак. Но если, как иногда бывает, человек очень серьезно хочет проповедовать другим, но не ощущает в себе страстного желания благодати Божией, то надо опасаться, что это его страстное желание исходит не от Духа Святого, а от его собственного эгоизма.

2. Кроме этого горячего стремления и страстного желания проповедовать, необходимо обладать еще и другими качествами, такими как способностями, знанием и красноречием. Конечно, если Господь посылает кого-то учить других, Он снабдит его необходимыми для того средствами. Я верю, что многие с самыми добрыми намерениями посвятили себя этому деланию, но либо переоценили свои возможности, либо не были еще к нему готовы.

Главное различие между проповедником и простым христианином заключается, по-видимому, в тех пастырских дарованиях, которые даются ему не ради него лично, а ради назидания других. Но они должны проявиться в должное время, не внезапно, и развиваться при помощи необходимых для этого средств. Они требуются для исполнения этого служения, а не как предпосылки для оправдания стремления к нему. Ты же молод, у тебя есть еще время, поэтому, я думаю, тебе не нужно пока заниматься выяснением, есть ли эти дарования у тебя или нет. Достаточно, если это твое желание твердо, и ты готов в молитве и прилежании ожидать, когда Господь даст их тебе; пока же они тебе не нужны.

3. И, наконец, последним доказательством истинного призвания является соответствующее указание провидения, открывающегося постепенным развитием стечения обстоятельств, указывающих на средства, время и место для практического вступления на этот путь. И пока этого не произойдет, сомнения не должны покидать тебя. Главное здесь – не принимать поспешных решений при первом появлении этих обстоятельств. Господь Сам призовет тебя, Он уже назначил и место и дело, и хотя сейчас они тебе не ведомы, ты узнаешь о них в свое время. Обладай ты всеми свойствами ангела, ты все равно ничего не смог бы с ними сделать, пока Господь не назначит часа и не приведет тебя к людям, которых Он решил обратить к Себе через тебя.

Очень трудно держать себя в рамках благоразумия, когда рвение наше к этому делу столь сильно. Чувство любви ко Христу, переполняющее сердце, готово вырваться наружу, но если ты глубоко веруешь, не спеши ошибиться. Я почти пять лет находился в таком состоянии; иногда я считал, что должен проповедовать, хотя это бывало и на улице. Я прислушивался ко всему, что казалось мне правильным, и сколь часто это бывало не так. Но Господь милостиво и незаметно ограждал мой путь терновником; иначе, если я был предоставлен самому себе, то был бы не в силах заниматься тем полезным делом, на которое Он соблаговолил меня поставить в нужное время. И теперь я хорошо понимаю, что в то время, как бы я ни старался, пользы от меня было бы сначала мало. Я просто переоценивал себя и не имел еще того духовного прозрения и опыта, которое требуется для этого великого служения».

Вышесказанного достаточно, но я хочу подробнее остановиться на этом вопросе, поделившись с вами своим опытом избрания кандидатов на нашу кафедру. Я должен постоянно выполнять обязанность, которая во многом похожа на обязанность людей,

проводивших допросы при Кромвеле. Я должен решать о целесообразности помогать некоторым людям в их попытках стать пастырями. Это очень ответственная обязанность и требует особого подхода. Конечно, я не берусь судить, должен ли человек вступать на проповедническую кафедру или нет, но моя беседа с ним просто имеет цель дать ответ на вопрос, поможет ли ему наша семинария найти свой путь, или лучше предоставить его самому себе.

Некоторые из наших доброжелателей соседей обвиняют нас в том, что мы являемся «фабрикой проповедников», но они совершенно не правы. Мы никогда не стараемся сделать проповедника, и у нас ничего бы не получилось, если бы мы этим и занимались; мы принимаем в нашу семинарию только тех, кто уже занимается проповедничеством. Было бы более правильным назвать меня «убийцей проповедников», потому что многие из начинающих получили от меня «смертный приговор», в чем я нисколько не раскаиваюсь. Мне всегда было очень трудно отказывать в приеме надеющимся молодым людям. Сердце мое всегда склонялось в их сторону, но долг обязывал меня быть строгим в своих суждениях. Внимательно выслушав абитуриента, прочитав его характеристики, получив его ответы на поставленные вопросы, но убедившись, что Господь не призвал его на это служение, я должен прямо сказать ему об этом. Нам часто приходится сталкиваться с такими типичными случаями, когда молодые братья имеют серьезное желание стать проповедниками, но, к большому сожалению, у нас не вызывает сомнения, что основным их мотивом является амбициозное желание прославиться среди других людей. С общечеловеческой точки зрения такие люди заслуживают похвалы за такое стремление, но проповедническая кафедра – это не лестница для их честолюбия. Поступив в армию, такие люди никогда бы не успокоились, пока не добились высоких чинов, потому что они поставили себе цель идти вверх, но как бы это ни было прекрасно и похвально в данном случае, что касается проповеднической кафедры, то тут это недопустимо. Такие люди думают, что если они вступят на эту кафедру, то будут высоко почитаемы; они предполагают в себе гениальные способности и считают себя выше обычных людей и потому рассматривают проповедническую кафедру сценой, на которой они проявят свои предполагаемые способности. Когда я это замечаю, я считаю необходимым предоставить им идти своим путем, так как движимые такими амбициями, они ничего не достигнут, посвятив себя служению Господу. Мы считаем, что нам нечем хвалиться, а если бы и было чем, то проповедническая кафедра наименее подходящее для этого место, потому что мы призваны постоянно чувствовать свое убожество и свое ничтожество.

Людям, которые после обращения проявили большую слабость духа и легко дали себя увлечь другим учением или попали в плохую компанию и совершили большой грех, как бы они ни каялись, я никогда не стану содействовать им стать проповедниками. Если они действительно раскаялись, пусть остаются рядовыми прихожанами. Мягкие как воск, им никогда не выдвинуться в первые ряды.

Я также советую заняться другим делом и тем, кто не может переносить трудностей, а являются белоручками. Нам нужны воины, а не щеголи, серьезные труженики, а не бездельники. И тем, кто до подачи прошения в семинарию ничего еще не сделал на этом поприще, предлагается «заработать шпоры, прежде чем претендовать на посвящение в рыцари». Кто по-настоящему желает спасти души других людей, не ждет, пока его этому научат, сразу же начинает служить своему Господу.

Иногда ко мне обращаются люди, отличающиеся большим усердием и горячим стремлением посвятить себя нашему делу, но ничего в нем не понимают; они много говорят, но все это пустые слова, они вдоль и поперек прочитали Библию, но ничего не извлекли из нее; их сизифов труд не дает никаких, даже самых незначительных результатов. Многие такие ревнители не в состоянии логически связать даже пяти идей, их способности настолько ограничены, а самоуверенность настолько велика, что как бы они ни шумели, ни неистовствали, весь этот шум и крик просто пустой звук. Я считаю, что никакое образование не поможет таким братьям, и я обычно отказываю им.

Есть еще одна довольно большая группа людей, которая стремится занять пастырскую кафедру, сами не зная для чего. Они не могут учить и никогда не научатся проповедовать, и все же очень хотят быть пастырями. Подобно человеку, заснувшему на Парнасе, и даже вообразившему себя поэтом, они имели дерзость один раз прочесть проповедь в собрании и теперь ничем другим заниматься не хотят. Они так спешат заняться этим делом, что готовы платить приходу, членами которого являются, только бы достичь своей цели. Это отвратительно. Их позор подобен пене бушующего океана, выбрасываемой на берег, и мы рады, когда можем отделиться от них.

Физические недостатки даже очень хороших людей также являются препятствием для поступления в семинарию. Я не стал бы судить о людях по их внешним признакам, но общее физическое состояние играет немаловажную роль в нашем деле. Узкая грудная клетка показывает, что такой человек не создан быть оратором. Вам может показаться странной моя уверенность, что премудрый Творец не предназначил человека с узкой грудью быть проповедником. Если бы Он хотел сделать его проповедником, то дал ему широкую грудь и достаточно сильные легкие. Бегуну Он дал бы быстрые ноги, а проповеднику сильные, необходимые для этого, легкие. Брату, который останавливается посреди предложения и должен набрать воздух в легкие, необходимо подумать о другом занятии, которое бы ему лучше подходило. Такой человек едва ли может быть призван «глаголить и жечь сердца людей». Конечно, могут быть исключения, но они только подтверждают общее правило.

Братья с недостатками речи и плохой дикцией не призваны проповедовать Евангелие. То же самое относится и к братьям с дефектами неба. Недавно нам подал прошение молодой человек с вывихнутой челюстью, которая доставляла ему много страданий. Его пастырь рекомендовал его как очень благочестивого человека, который мог бы привести людей ко Христу, и он надеялся, что мы примем его. Но как можно было выполнить его просьбу? Я не мог без смеха смотреть на него, когда он говорил проповедь, и, думаю, девять из десяти его слушателей также не могли удержаться от улыбки. Человеку, язык которого не умещается во рту и не позволяет ему говорить разборчиво, или у него нет зубов, или он заикается, или не может выговорить все буквы алфавита, я вынужден был отказать на том основании, что Бог не дал ему тех физических органов, которые считаются «в целом необходимыми».

Ко мне обратился один брат, да нет, что я говорю? – десять, двадцать, сто, которые утверждали, что были уверены, совершенно уверены в своем призвании к проповедничеству, потому что для другого дела они оказались неспособными. Приведу один типичный пример: «Я устроился на работу в юридическую контору, но не смог вынести сидячего образа жизни и не по душе мне было изучать законоведение; само провидение заступилось за меня и я был уволен». «И что же вы потом делали?» «Я решил открыть бакалейную лавку». «Ну и как, успешно?» «Да нет, я думаю, что не создан для торговли, и Господь, видимо, закрыл мне туда дорогу, потому что я обанкротился и оказался в тяжелом положении. Тогда я устроился в страховое агентство, потом пытался открыть школу, торговал чаем; но всюду терпел неудачу, и что-то во мне заставляло меня думать, что мне надо быть проповедником». В таких случаях я обычно отвечаю так: «Да, понимаю; Вы во всем терпели неудачу и потому думаете, что Господь специально предназначил вас на служение Ему; но боюсь, Вы забыли, что это служение требует самых лучших людей, а не тех, кто ничего другого не может делать». Хороший проповедник будет и хорошим бакалейщиком, и адвокатом, и кем угодно. Настоящий проповедник отличится и в любом другом деле. Едва ли найдется что-то невозможное для человека, который в течение долгих лет успешно управляет общиной и своими наставлениями привлекает их каждое воскресенье в храм; он должен обладать недюжинными способностями и ни в коем случае не быть глупым или никчемным человеком. Иисус Христос достоин того, чтобы лучшие, а не невежды и неумелые люди проповедовали Его крестные страдания.

Один молодой человек, почтивший меня своим посещением, произвел на меня неизгладимое впечатление и на всю жизнь запечатлелся в моей памяти. Его лицо как бы сошло с обложки журнала и выражало самоуверенность и хитрость. Как-то в воскресенье он

пришел и попросил, чтобы я тот час же его принял. Его настойчивость открыла ему двери и, когда он вошел, то прямо приступил к делу и сказал: «Милостивый государь, я хочу поступить в Вашу семинарию и хотел бы быть принятым незамедлительно». «Хорошо», сказал я, «но сомневаюсь, чтобы сейчас было свободное место. Оставьте свое прошение и мы рассмотрим его». «Но мой случай исключительный; вы, наверное, никогда раньше не сталкивались с таким». «Хорошо, мы учтем это; секретарь даст вам форму прошения и приходите в понедельник». Он пришел в понедельник и принес ответы на требуемые вопросы. Он прочел всю древнюю и современную литературу и, представив огромный список книг, добавил, «это только небольшая часть, я очень много прочел книг, касающихся всех областей». Что же касается его проповедования, то, сказал он, он может представить самые высокие аттестации, но едва ли, по его мнению, они понадобятся, так как личный разговор с ним сразу же убедит меня в его способностях. И каково же было его удивление, когда я сказал: «Милостивый государь, должен Вам сказать, что не могу принять Вас в семинарию». «Но почему?» «Скажу Вам прямо. Вы так страшно умны, что я не могу Вас обидеть, приняв в нашу семинарию, где учатся довольно ординарные люди; ректор, учителя и ученики – все это люди со средними способностями и Вы слишком унизите себя, вступив в нашу среду». Он очень строго посмотрел на меня и с возмущением воскликнул: «Вы хотите сказать, что, так как у меня необычные способности и я достиг такого высокого интеллектуального развития, которое редко встречается, Вы отказываетесь принять меня?» «Да», ответил я как можно спокойнее, «именно поэтому». «Тогда Вы должны позволить мне проявить мои проповеднические способности; дайте мне любой текст по вашему выбору или задайте любую тему, и здесь, в этой комнате я без всякой подготовки произнесу такую проповедь, что вы удивитесь». «Нет, благодарю Вас, но я не хочу утруждать себя, слушая Вас». «Утруждать! Уверяю Вас, Вы получите огромное удовольствие». Я сказал, что возможно это и так, но считаю себя недостойным такой привилегии и распрощался с ним навсегда. В то время я совсем не знал этого молодого человека, но потом услышал, что в полиции он считался «слишком уж умным».

Иногда мы получаем прошения от людей, которые, как вам ни покажется странным, хотя и очень хорошо отвечают на все наши вопросы, не имеют еще определенных богословских воззрений, взглядов. Вот их типичный ответ; «Г-н (такой-то) готов принять любое вероисповедание семинарии, каково бы оно ни было». В таких случаях мы, ни минуты не колеблясь, отказывали таким просителям. Я говорю здесь об этом для того, чтобы показать наше твердое убеждение, что люди, не имеющие знания и определенной веры, не призваны к проповеднической работе.

Когда молодые люди говорят, что им все равно, какую веру исповедовать, пусть возвращаются в воскресную школу, пока не сделают определенного выбора. Я считаю совершенно недопустимым принимать в семинарию человека, который говорит, что сердце его открыто истине в любой ее форме, но он еще не пришел к определенному выводу о том, существует ли Божия благодать, или о том, что Господь до конца возлюбил Свой народ. Пастырь «не должен быть из новообращенных», говорит апостол; и человек, не решивший для себя эти вопросы, несомненно, является таким «новообращенным» и должен быть направлен в катехизаторский класс, пока не научится первым Евангельским истинам.

В конечном же счете, мы должны будем доказать наше призвание практическими делами нашего служения, когда предстанем перед Господом, и прискорбно будет для нас, если мы вступим на этот путь без должного испытания себя, чтобы не пришлось нам потом с позором сойти с него. В целом же, самым верным нашим испытанием является опыт и, если Бог постоянно поддерживает нас и дает нам Свое благословение, то иного испытания нашего призвания и не требуется. Наши нравственные и духовные способности проверяются делами нашего служения, и это самое верное из всех испытаний.

Как-то в разговоре с кем-то я услышал о методе Мэтью Уилкса, который он применил для испытания молодого человека, пожелавшего стать миссионером. В целом, но не в деталях, этот метод заслуживает внимания, хотя мне он не очень нравится. Этот молодой

человек пожелал отправиться в Индию в качестве миссионера от Лондонского миссионерского общества. Уилксу было поручено выяснить его пригодность для этой работы. Он написал молодому человеку, пригласив его прийти к нему на следующий день в шесть часов утра. Брат этот жил далеко, но ровно в шесть часов он явился к Уилксу. Однако Уилкс принял его только через несколько часов. Молодой человек был удивлен, но терпеливо ждал. Наконец Уилкс появился и обратился к нему, как обычно гнусавя, с такими словами: «Итак, молодой человек, Вы хотите быть миссионером?» «Да, милостивый государь». «Любите ли Вы Иисуса Христа?»- «Надеюсь, что да». «У вас есть какое-то образование?» «Да, но не широкое». «Тогда я проэкзаменую Вас: Вы можете произнести по буквам слово «кошка?» Молодой человек так смутился, что едва понимал, как ответить на такой нелепый вопрос. Какое-то время чувство негодования боролось с необходимостью покориться, и через минуту он четко произнес каждую букву: «к-о-ш-к-а». «Прекрасно», сказал Уилкс, «а теперь произнесите по буквам слово «собака». Несчастный молодой человек окончательно смутился, и тогда Уилкс холодно сказал: «Ну, ну, не волнуйтесь; Вы так четко произнесли первое слово, что думаю, справитесь и со вторым; это и трудно, но не настолько уж, чтобы так волноваться». Молодой Иов произнес: «с-о-б-а-к-а». «Правильно, вижу, Вы справитесь с произношением, а теперь обратимся к арифметике. Сколько будет дважды два?» Удивительно, как хватало сил у молодого человека сдержаться и не избить Уилкса, но он дал правильный ответ и был отпущен.

На заседании комитета Уилкс сказал: «Я от всей души рекомендую этого молодого человека; я внимательно прочел его аттестации и проверил его характер. И, кроме того, я подверг его такому тяжкому испытанию, которое мало кто выдержал бы. Я испытал его самоотверженность, заставив его встать рано утром. Я испытал его нрав, его смирение; он может по буквам произнести слово «кошка» и «собака»; он знает, что «дважды два будет четыре». Он будет превосходным миссионером!» Итак, то, что этот почтенный господин столь жестоко проделал с молодым человеком, мы можем более благопристойно проделать с самими собою. Мы должны проверить себя, готовы ли мы терпеть унижение, усталость, клевету, насмешки и всякого рода трудности; и сможем ли мы принять всякое унижение ради Христа. Если мы готовы все это перенести, то обладаем теми редкими качествами, которые должен иметь каждый истинный служитель Господа нашего Иисуса Христа. Но я глубоко сомневаюсь, многие ли из нас, выйдя далеко в море, справятся со своим кораблем, чтобы быть достойными мореходами, какими мы их считаем. О, братья мои, проверьте себя хорошо, пока находитесь в этой надежной бухте, и усердно трудитесь, чтобы быть достойными вашего высокого звания. У вас будет достаточно испытаний, и горе вам, если вы не встретите их вооруженными с головы до ног оружием испытания. Когда Вы еще только начинаете учиться, вам придется иметь дело с противниками, которые сильнее вас. Диавол сторожит вас, а с ним и много его помощников. Испытайте себя сами и да приготовит вас Господь ко всем суровым испытаниям и адским мукам, которые, несомненно, ждут вас!. Да не будут ваши скорби столь тяжки, как те, которые испытал апостол Павел и его друзья! Но вы должны быть готовыми к такому тяжелому испытанию.

Позвольте мне прочесть вам его достопамятные слова и умоляю вас, молитесь, слушая их, чтобы Святой Дух дал вам силы вынести все, что ждет вас впереди: «Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2Кор.6:3-10).

Глава 3

ТАЙНАЯ МОЛИТВА ПРОПОВЕДНИКА

Конечно, проповедник отличается от всех других людей прежде всего тем, что он человек молитвы. Он молится как обыкновенный христианин, иначе он был бы лицемером. Он молится больше обыкновенных христиан, иначе он был бы лишен права совершать служение, на которое был посвящен. «Было бы ужасно, – говорит Бернард, – если бы человек, имеющий самый высокий сан, имел бы самую низкую душу, был бы первым по общественному положению и последним по образу своей жизни». Исключительная ответственность пастыря окружает его ореолом святости, и если он верен своему Господу, то все свои обязанности он должен выполнять с молитвой. Как гражданина, его страна имеет в его лице заступника перед Богом; как человек: он молится за всех своих ближних. Он молится как супруг и как отец; он старается, чтобы его молитвенная жизнь дома была примером для его паствы; и если где-то в других домах тускло горит огонь веры, то в доме избранного служителя Божия он должен гореть неугасимо, и потому пастырь должен заботиться, чтобы утренняя и вечерняя молитвы освящали его жилье. Но есть особые молитвы, которые касаются его служения, о них-то мы будем, главным образом, говорить в этих лекциях. Он возносит особые молитвы как пастырь и в этом отношении приближается к Богу, отодвигая на второй план все свои другие обязанности.

Я считаю, что пастырь должен молиться непрестанно. Когда бы он ни думал о своем служении, будь то время службы или свободное от нее время, он всегда возносит святые молитвы к Богу, которые, подобно стрелам, точно направлены на небо. Он не всегда совершает молитву, но постоянно живет в ее духе.

Если он всем сердцем предан своей работе, то не может ни есть, ни пить, ни отдыхать, ни ложиться спать, ни вставать утром, не чувствуя страстного желания, волнения и полной зависимости от Бога; так, в той или иной форме он непрестанно молится. К кому, как не к христианскому пастырю, относится заповедь «молитесь непрестанно». У него столько особых искушений, испытаний, исключительных трудностей, особых обязанностей; он должен быть посредником между Богом и людьми, и потому ему необходимо больше благодати, чем обыкновенным людям, и, зная это, он постоянно обращается к Всесильному за помощью и восклицает: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя». Аллейн как-то писал своему близкому другу: «Хотя я иногда нахожусь в нерешительности и теряю присутствие духа, я чувствую себя, как птичка, выброшенная из гнезда, и не могу успокоиться, пока не обрету своего прежнего общения с Богом, подобно стрелке компаса, которая находится в покое, пока ее не двинешь к полюсу. По милости Божией могу я вместе со своим приходом сказать: «Душою моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим я буду искать Тебя во внутренности моей с раннего утра. Мое сердце непрестанно с Богом, вся цель и радость моей жизни – стремиться к Нему». Таким должно быть направление вашего пути, служители Божии. Если вы, как пастыри, не находитесь в непрестанной молитве, то вас можно только пожалеть. Если в будущем вы будете призваны давать духовную пищу членам вашего прихода, будь то маленького или большого, и ослабеете в вашей молитве, то не только вас надо будет пожалеть, но и всех ваших прихожан. А кроме того, вы возьмете грех на свою душу, и придет день, который покроет вас стыдом и позором.

Едва ли надо говорить вам о блаженстве, которое дает тайная молитва, но тем не менее я не могу не напомнить вам об этом. Для вас, посланников Божиих, благодать превыше всего: чем ближе вы к небесному двору, тем лучше вы оправдаете оказанное вам небесное доверие. Из всех средств, делающих человека достойным быть служителем

Божиим, я не знаю более могущественного, чем познать на себе благодать Божию. Все, что может дать семинарский курс студенту, – это только поверхностное и внешнее знание по сравнению с духовным и проникновенным усовершенствованием, которое может дать только общение с Богом.

Пока будущий пастырь проходит курс подготовки к своему служению, самое могущественное средство стать достойным его – это молитва. Все наши библиотеки и кабинеты – ничто по сравнению с нашим духовным миром. Мы развиваемся, мы становимся могущественными, сильными, мы все преодолеваем нашей тайной молитвой. Ваши молитвы будут вам лучшими помощниками, когда вы только начнете готовиться к своим проповедям. Если, подобно Исаву, другие будут охотиться за своей дичью, вы с помощью молитвы уже найдете у себя дома прекрасное кушанье и сможете искренне, а не так лукаво, как Иаков, воскликнуть: «Господь Бог послал мне». Если вы будете писать из глубины вашего сердца, обращенного в молитве к Господу, то и писать будете хорошо; и если вы будете собирать свой материал для проповеди, преклонив колена перед воротами небесными, то и скажете ее хорошо. Молитва, как упражнение ума, даст вам много тем и поможет выбрать нужную, тогда как высокодуховное напряжение очистит ваш внутренний взор, и вы сможете увидеть истину в свете Божием. Священные Писания часто скрывают свои сокровища, пока вы не откроете их ключом молитвы. Как изумительны были книги, открытые Даниилу, когда он молился! Как многому научился Петр, находясь на «верху дома»! Душа – это лучшее место для получения знаний. Комментаторы – это хорошие учителя, но Сам Автор – лучше, а молитва – обращение к Нему, и Он помогает нам. Великое дело – молитвенно проникнуть в дух и сущность текста, находя в нем священные зерна, подобно червю, вгрызающемуся через скорлупу в сердцевину ореха. Молитва является средством проникновения в труднопонимаемую истину. До сих пор нам трудно понять, как можно было поднять камни Стоунхенджа на такую высоту; и также еще труднее уразуметь, как некоторые люди могли проникнуть в таинственные вероучения: разве не молитва явилась тем средством, которое совершило это чудо? Надежда на Бога часто обращает тьму в свет. Настойчивое желание приникнуть в святая святых христианской веры приподнимает завесу и дает нам благодать прикоснуться к божественным тайнам. Один пуританский богослов во время диспута часто что-то записывал на лежащем перед ним листе бумаги, и когда любопытные его коллеги заглянули в эти заметки, то увидели только два часто повторяющихся слова: «Просвети, Господи!» Не самая ли это подходящая молитва для изучающего Слово Божие, когда он готовит проповедь?

Из этого источника, словно под ударом Моисеева жезла, вы не раз увидите, как истекают из него свежие потоки мысли; новые жилы драгоценного металла откроются вашему измученному взору, когда вы будете трудиться молотом молитвы в каменоломне Слова Божия. Иногда вам будет казаться, что вы зашли в тупик, и тогда внезапно новый путь откроется перед вами. Он, имеющий ключ Давидов, откроет его вам, и ни один человек не закроет его. Если вам когда-нибудь приходилось плыть пароходом по Рейну, то вы, наверное, были поражены изумительной картиной этой величественной реки, которая представала перед вами в виде ряда озер. Ваш корабль окружают массивные скалы или террасы, покрытые виноградниками. Но вот, повернув в сторону, вы попадаете в могучий поток реки. То же самое происходит и при изучении текста Священного Писания. Сначала он как бы закрыт для вас, но молитва двигает ваш корабль вперед и вносит его в новые воды. Широкий и глубокий поток священной истины предстает перед вашим взором и несет вас с собою. Разве это не достаточное основание для нашей твердости в молитве? Пользуйтесь молитвой, как буравом, и источники «живой воды» предстанут перед вами из недр Священного Писания. Кто же согласится томиться жаждой, когда столь легко добыть «живую воду»!?

Лучшие и достойнейшие люди всегда считали молитву существеннейшей частью своей подготовки к проповеди. Рассказывают, что МакЧейн, желая передать людям на воскресных службах то, что с таким трудом ему удалось получить, никогда, кроме как в

самых исключительных случаях, не выходил на проповедь, не предавшись перед тем созерцанию и молитве. Это свое правило он выразил словами из Исх.27,20: «елей чистый, выбитый из маслин, для освещения». Но его усердие в молитве было еще сильнее. Он не мог подняться на кафедру, не преисполнившись любви к Богу. Он должен был сначала очистить свою душу, чтобы исполниться ревностностью и силой своей проповеди. Для него начало всякой работы было неизменно связано с подготовкой своей души. Стены его комнаты были свидетелями его молитвы, его слез и стенаний.

Молитва поддерживает вас и при произнесении проповеди. Ничто не сделает вашу проповедь хорошей, как общение перед ней с Богом. Только тот, кто получит силу от общения с Богом, может поучать других людей. Об Аллейне говорят, что «Он изливал всю свою душу в молитве и проповедовании. Его молитвы и его поучения были столь исполнены любовью, столь полны святого христианского рвения, жизни, силы, что покоряли его слушателей; он буквально таял от любви к ним, так что согревались и смягчались их сердца, а иногда даже самые черствые сердца наполнялись любовью». И никогда бы ему не достичь этого смягчения сердец, если бы сама его душа не была согрета горячими лучами Солнца Правды через его личное общение с воскресшим Господом.

Истинно патетическая проповедь, в которой нет намека на аффектацию, но исполненная большой любовью, дается только через молитву. Красноречию сердца нельзя научиться ни в какой школе, оно дается только у подножия Креста. Лучше вам никогда не научиться искусству человеческого красноречия, но иметь силу небесной любви, чем овладеть красноречием Квинтилиана, Цицерона и Аристотеля, но не иметь печати апостольства.

Молитва, может быть, не сделает вас красноречивыми по человеческим меркам, но она даст вам истинное красноречие, потому что вы будете говорить от сердца. А не это ли означает слово «красноречие»? Оно призовет на вашу жертву небесный огонь и им докажет, что жертва эта угодна Господу.

Как и во время подготовки к проповеди, в ответ на вашу молитву свежие потоки мысли посетят вас во время произнесения проповеди. Большинство проповедников, которые уповают на Духа Божия, скажут вам, что самые свежие и лучшие их мысли – не те, которые были подготовлены ими заранее, а те, которые являются им внезапно, словно на крыльях ангелов, как неожиданные сокровища, посланные небом, семена райских цветов, слетевших с мирских гор. Как часто это случалось и со мной во время проповеди, когда мне трудно было найти нужное слово или мысль; мои тайные душевные стенания приносили мне облегчение, и я чувствовал себя более, чем обычно, свободным. Но как дерзаем мы молиться во время битвы, если не взывали к Господу о помощи, готовясь к ней!? Воспоминание о своих борениях дома принесет нам успокоение и даст силу во время проповеди: Бог не оставит нас, если мы не оставим Его. И вы, братья, увидите, что молитва даст вам силу именно в то время и в тот час, когда она понадобится вам.

Как огненные языки сошли на апостолов, когда они сидели и молились, так они сойдут и на вас. Вы сами это испытаете, когда в минуты слабости внезапно почувствуете себя словно вознесенными на крыльях серафимов. Огненные кони понесут вашу колесницу, движение которой начало замедляться и, подобно Илии, вы понесетесь на небо, окрыляемые пламенным вдохновением.

И после проповеди необходима молитва. Ибо, где, как не в ней, может добросовестный проповедник дать выход своим чувствам и найти утешение душе, когда его проповедь оказалась бесплодной? Находясь в высшей степени волнения, как можем мы облегчить свою душу, как не в горячей молитве? Или чем можем мы утешиться в наших неудачах, как не нашим воздыханием перед Господом? Как часто многие из нас мучаются бессонными ночами от сознания своего недостоинства! И как часто хотели бы мы снова вернуться на кафедру и выразить горячими словами то, что так холодно сказали раньше! Где найти утешение нашему мятущемуся духу, как не в раскаянии в наших грехах и страстной молитве, чтобы наше недостоинство не препятствовало действию в нас Духа Святого!

Невозможно в публичном собрании выразить всю нашу любовь к нашей пастве. Подобно Иосифу, любящий свою паству проповедник будет искать места, где он может излить свои чувства, как бы легко ему это вообще ни давалось, потому что кафедра будет стеснять его, и только в тайной молитве может он свободно излить все свои чувства. Если мы не в силах убедить людей искать спасения в Господе, то мы можем, по крайней мере, постараться хотя бы умолить Его спасти их. Мы не в силах спасти их или даже убедить их спастись, но мы можем, по крайней мере, скорбеть об их безумии и умолять Господа помочь им. Мы можем обратиться к ним словами Иеремии: «Если же вы не послушаете сего, то душа моя в сокровенных местах будет оплакивать вашу гордость, будет плакать горько, и глаза мои будут изливаться в слезах» (Иер.13:17). Такая горячая мольба не оставит равнодушным сердце Господа; в должное время такой скорбящий ходатай станет счастливым завоевателем душ грешников.

Между отчаянным усилием и истинным успехом существует такая же связь, как между родовыми муками и рождением, сеянием в слезах и жатвой в радости. «Отчего твои семена так быстро всходят?», – спросил один садовник другого. «Потому что я поливаю их», – ответил тот.

Все наши наставления должны быть вымолены слезами, когда только «Господь близок», и с великим изумлением и радостью мы увидим их плоды. Разве можно удивляться успехам Бренера, когда в его дневнике мы находим такую запись: «День Господень, 25 апреля. Сегодня утром провел около двух часов в исполнении священных обязанностей и мог горячее, чем обычно, молиться о спасении душ грешников; и хотя было еще раннее утро и солнце едва светило, все мое тело было покрыто потом».

Секрет силы Лютера заключается в том же. Повествуя о нем, один из его почитателей пишет: «Я слышал, как он молится, и, Боже мой, какая эта была молитва! В ней было столько благословения, словно он говорил с Богом, и столько доверия, словно он говорил с близким другом». Братья мои, умоляю вас быть истинными молитвенниками. Как бы велики ни были ваши способности, вы прекрасно без них обойдетесь, если будете усердно молиться. Если вы не будете молиться о том, что посеяли, Господь, по Своей великой милости, может быть, и ниспошлет вам благословение, но вы не имеете никакого права ожидать его, и, если оно придет, то не принесет вам утешения. Вчера я читал сочинение о.Фабера, бывшего пастора в Бромптоне, это удивительное переплетение лжи с истиной. В нем он рассказывает легенду, как одному проповеднику, проповеди которого обратили к Господу много людей, было дано откровение свыше, что все эти обращения были вызваны не его способностями и красноречием, а только благодаря молитве простого мирянина, который сидел на ступенях кафедры и молился об успехе проповеди. Так может случиться и с нами в Судный день. Может оказаться, что после наших долгих и утомительных проповедей вся честь наших пастырских приобретений принадлежит другому зодчему, молитвы которого были золото, серебро и драгоценные камни, а наше проповедование без молитвы – только сено и стерня.

Закончив проповедь, мы, как истинные служители Божии, не смеем прекращать молитвы, потому что вся паства наша будет взывать к нам словом македонянина: «Приди и помоги нам». Если вы будете усердны в молитве, то многие будут обращаться к вам с просьбой о ходатайстве за них перед Господом, и вы станете заступниками за ваших друзей и слушателей перед небесным престолом. Я всегда так поступаю и счастлив, что могу передать такие прошения моему Господу. Всегда есть о чем молиться, даже если и никто не просит вас об этом. Вглядитесь в свою паству.

Среди них есть больные телесно и еще больше – духовно. Одни не обратились к Господу, другие ищут и не могут найти Его. Многие падают духом, и немало верующих оступаются и скорбят. И сколько вдовьих слез и сиротских воздыханий вы должны собрать и излить перед Господом! Если вы истинные служители Божии, то только духовно, облачась в епископские одежды и надев нагрудник с именами детей Израилевых, молитесь за них сокровенно. Я знал братьев, которые всегда имели при себе список людей, за которых считали своим долгом особенно усердно молиться, и я не сомневаюсь, такой список часто

напоминал им о тех, кого они могли забыть. И не только ваш приход требует вашего заступничества, но весь ваш народ и весь мир нуждается в нем. Человек сильный в молитве – есть огненная стена вокруг своего отечества, его ангел-хранитель и его щит. Мы все знаем, что враги протестантов больше боялись молитв Нокса, чем десятитысячной армии. Знаменитый Уэлч также был заступником своего отечества.

Он часто говорил, что «удивляется, как может христианин всю ночь спать и не вставать на молитву». Когда его жена, боясь, что он простудится, пошла за ним в комнату, в которую он вышел, она услышала, как горячо молился он: «Господи, услышь мои молитвы и спаси Шотландию!» О, если бы мы так же могли по ночам взывать к Господу: «Господи, услышь наши молитвы и спаси души наших слушателей!»

Проповедник, который не молится усердно Богу, – это тщеславный и самодовольный человек. Он уверен, что сам все может сделать, и ему нет нужды обращаться за помощью к Богу. Эта, не имеющая никакого основания, гордыня заставляет такого человека полагать, что сама по себе наша проповедь может отвратить людей от греха и привести их к Богу без содействия Духа Святого. Если мы действительно смиренны, то не станем бороться за души грешников, пока Господь воинств не облечет нас всей силой и не скажет нам: «Идите в этой силе вашей». Проповедник, который пренебрегает усердной молитвой, пренебрегает и своим служением, он не понимает своего призвания. Он не понимает ценности души человеческой и не может оценить смысла вечности. Он просто чиновник, соблазняющийся священническим званием, потому что оно дает ему столь необходимый ему кусок хлеба, либо же он отвратительный лицемер, любящий похвалу человеческую и не желающий похвалы Божией. Он станет просто болтуном, которого будут ценить там, где меньше всего нужна благодать и где больше всего восхищаются внешним блеском. Он не относится к тем, кто глубоко пашет и собирает обильную жатву. Это бездельник, а не труженик. Он только называется проповедником, дела же его мертвы. В жизни своей он хромает, как тот расслабленный из притчи, у которого одна нога была короче другой, потому что его молитва была короче его проповеди.

Боюсь, что большинство из нас не в полной мере достойны пастырского звания. Они должны подумать, достаточно ли усердны в молитве. Я очень сомневаюсь, чтобы кто-либо из вас здесь мог сказать, что он молится с должным усердием; и я был бы очень рад узнать, что среди вас есть такой, будь то диакон или пресвитер, который может сказать, что он действительно это делает. Я же могу лишь сказать, что если найдется среди вас такой усердный молитвенник, то он далеко превзошел меня в этом, потому что о себе я не могу сказать такого; я хотел бы, но не могу; мне стыдно признаться в этом, но я должен это сделать.

Если мы не хуже других, то это еще не может быть утешением для нас; недостатки других не извиняют нас. Сколь немногие из нас могут сравнить себя с Аллейном, о котором я говорил выше.

«Когда он был здоров, – пишет его жена, – он всегда вставал в четыре часа утра и очень огорчался, если слышал, что кузнецы или другие ремесленники уже трудятся, когда он еще не начал молиться. Он часто говорил мне: «Как мне стыдно, когда я слышу этот шум. Разве мой Господь не заслуживает большего, чем их хозяева?» С четырех до шести он проводил в молитве, духовном созерцании и распевании псалмов, что доставляло ему огромное наслаждение, и делал он это ежедневно один или вместе со своей семьей. Иногда он отставлял все свои приходские дела и целые дни посвящал этим тайным упражнениям, удалясь куда-нибудь в укромное место в доме или в поле. Там он предавался молитве и размышлениям о Боге и небе». И можем ли мы спокойно читать заметки Эдвардса о Дэвиде Бренарде? «Его жизнь, – говорит Эдвардс, – «указывает нам истинный путь к успешной пастырской деятельности». Он искал этот путь, как воин, ищущий победы во время осады или сражения, как человек, стремящийся получить большой приз в состязаниях по бегу.

Исполненный любовью ко Христу и своей пастве, как ревностно трудился он всегда, не только проповедуя и поучая публично или индивидуально, но и тайно молясь денно и

нощно Богу, скорбя и мучаясь, «пока Христос не будет принят теми, к которым Он был послан!» Как жаждал он благословения своих трудов и «соблюдал вверенные ему души, за которые должен держать ответ перед Богом!» Как укреплялся он силой Божией, жаждая и уповая на содействие Духа Святого в своих трудах! И как счастлив был он увидеть, наконец, плоды своих трудов после этих долгих и мучительных ожиданий и многих, приводящих в уныние, неудач: как истинный сын Иакова, он выдержал борьбу со всеми своими ночными страхами и дождался желанного дня. И не будет ли укором нам дневник Мартина, где мы находим такую запись: «24 сентября. Мне удалось осуществить решение, принятое мною вчера вечером перед сном, посвятить этот день молитве и посту. Моя первая молитва об избавлении от суетных мыслей с надеждой на силу, и обетовании Божии помогли мне освободиться от них почти на целый час, когда я молился. Затем я прочел повествование об Аврааме, чтобы увидеть, сколь милостиво Бог открылся смертным людям в те древние времена. Потом, молясь о собственном очищении, как легко и ревностно пламенела моя душа о Господе, и это были лучшие часы этого дня».

И мы можем со скорбью в душе согласиться с ним, что после первого года своего служения «он понял, что слишком много времени посвятил приходским делам и слишком мало личному общению с Богом». Мы лишь отчасти можем себе представить, как много мы потеряли из-за нерадения в молитве, и никто из нас не знает, сколь бедны мы по сравнению с тем, что могли бы иметь, если бы привыкли жить в тесном молитвенном общении с Богом. Бесполезны теперь наши сожаления и мучения, гораздо полезнее будет наше твердое решение исправиться. Нам не только следует больше молиться, но мы должны делать это.

Весь секрет успеха нашей пастырской деятельности заключается в той молитвенной силе, с которой мы ищем благодати Божией. Драгоценное благословение, которое через тайную молитву получает пастырь, – это нечто неописуемое и ни с чем не сравнимое. Его можно только почувствовать, но не выразить словами; это роса Господня, божественное присутствие, которое вы сразу же понимаете, когда я говорю, что это «помазание от Духа Святого». Что же это такое? С каким трудом нам дается выразить словами значение «проповедования с помазанием». Но тот, кто проповедует, чувствует его присутствие, а тот, кто слушает, сразу же обнаруживает его отсутствие. Самария во время голода может быть примером такой беседы без помазания от Духа Святого, а Иерусалим с его праздниками и обильной пищей представляет собой проповедь, богатую таким помазанием. Каждый знает, что такое свежесть утра, когда на каждой росинке сверкают жемчужные капельки, но кто может выразить эту свежесть словами или, тем более, вызвать ее своей собственной волей? В этом заключается тайна духовного помазания; мы знаем, но не можем описать, что это такое, глупо стараться выразить это состояние словами, как делают некоторые, используя выражения, описывающие страстную любовь, но чаще всего они выражают сентиментальность или просто лицемерие. Такие выражения, как «Дорогой Господь!», «Сладчайший Иисус!», «Драгоценный Христос!» только вызывают отвращение. Такие фамильярные выражения могут быть не только терпимы, но даже прекрасны, когда они впервые были произнесены праведником, говорившим так для прославления Господа, но когда они повторяются без всякого смысла, то становятся не только нестерпимыми, но неблаговидными и даже богохульными. Некоторые пытались выразить помазание неестественным тоном или закатыванием глаз и подниманием рук к небу самым смешным образом. О тоне и манере МакЧейна проповедовать ирландцы всегда говорят, что предпочитают его духовную силу его манерности; одна манерность – это пустой звук. Некоторые братья пытаются выразить вдохновение, подымая голос до крика, но это ничего не дает. Одни останавливают свою проповедь и восклицают «Благослови вас Господь», а другие рьяно жестикулируют и вонзают свои ногти в ладони, как бы корчась в небесных судорогах. Как же это отвратительно! Все это напоминает актерскую игру на подмостках. Вызывать рвение у слушателей путем симуляции его в проповеднике является отвратительным обманом, который глубоко осуждается честными людьми. «Аффектация», –

говорит Ричард Сесиль, – отвратительна и скоро сразу же обнаруживается, а вот истинное чувство является самым лучшим путем к сердцу людей».

Помазание нельзя воспроизвести, и его фальсификация просто недостойна; однако само по себе помазание бесценно и, безусловно, необходимо, если вы хотите наставить верующих и привести грешников к Иисусу. Эта тайна открывается в тайных молитвах к Богу; в это время на нас нисходит роса Господня, окутывая нас благоуханием, радующим наши сердца. Если ваше помазание вы получили от не Господа воинств, то вы обманщики, а так как только в молитве можем мы получить его, то будем же непрестанно усердно молиться. Пусть ваша овечья шерсть лежит на току молитвы, пока не пропитается небесной росой. Не идите в храм проповедовать, пока не омоетесь в этой росе. Не думайте, что можете быть благовестниками другим, пока сами не получите благодати от Бога и не услышите от Него Самого это благовестие. Время, проведенное в молчаливом спокойствии души перед Господом, – самое драгоценное. Давид «предстал пред лицом Господа»; сколь животворны эти состояния; душа становится восприимчивой, подобно открывающемуся цветку, купающемуся в лучах солнца, или чувствительной фотографической пленке, запечатлевающей расположенный перед ней образ. Безмолвие, которое некоторые люди не выносят, потому что оно раскрывает их духовное убожество, является царским дворцом для мудрых, потому что по его священным палатам во всей своей красе соизволит ходить царь.

«Священное безмолвие! Ты Врата,
Раскрывающие глубины сердца,
Небесное дитя;
Печать на устах, таяние духа».

Флекно

Как бы ни был драгоценен дар слова, молчание в некоторых отношениях значительно дороже. Вы думаете, что я квакер? Пусть будет так. В этом я полностью согласен с Фоксом; я убежден, что большинство из нас придает слишком большое значение слову, которое, в конце концов, есть лишь оболочка мысли. Безмолвное созерцание, тихая молитва, невыраженный восторг – для меня это самые драгоценные алмазы мира. Братья мои, не лишайте своего сердца великой радости, лежащей на дне морском; не лишайте себя той жизни, которая кипит в глубинах моря, занимаясь пустой болтовней среди разломанных ракушек и прибрежных пенистых волн.

Я вам очень советую, чтобы, став пастырем, вы посвящали особые часы для молитвы. Если ваши обычные молитвы не сохраняют свежести и рвения вашей души и вы чувствуете утомление, удалитесь от своих дел на неделю или даже, если возможно, на месяц. Иногда у нас есть дни отдыха, почему же нам не иметь дней для самоуглубления? Мы знаем, что наши богатые братья находят время для путешествия в Иерусалим; а разве мы не можем найти времени для менее трудного и значительного, более полезного путешествия в священный город? Исаак Амвросий, бывший прежде проповедником в Престоне, который написал замечательную книгу «Созерцая Иисуса», ежегодно удалялся на месяц в хижину в Гарстангском лесу. И не удивительно, что он был таким великим богословом, если он постоянно проводил время в молитвенном общении с Богом. Я слышал, что у католиков есть обычай устраивать «уединенные обители», куда некоторые священники удаляются на определенное время, проводя его в полном безмолвии, посте и молитве, чтобы не дать угаснуть в своих душах священному огню.

Мы могли бы поучаться у них. Было бы очень полезно, если бы группа истинно духовных братьев проводила бы иногда время друг с другом в молитвенных подвигах. Часы нашего смирения и молитвы за всю церковь принесут и нам большую пользу, если только мы всем сердцем будем в них подвизаться. Время поста и молитвы действительно отрадно для нас; никогда небесные врата не были столь широко раскрыты, никогда наши сердца не были столь исполнены великой славой. Я ожидаю месяца нашей особой молитвы, как

моряки ожидают земли. Даже если мы отложим на время наши пастырские обязанности. чтобы посвятить его молитве, это будет только на пользу нашей пастве. Наше путешествие на золотые реки общения и размышлений будет вознаграждено сторицей очищением наших чувств и возвышенными мыслями. Наше молчание будет громче наших слов, если наше уединение мы проведем с Богом. Иероним совершил великий подвиг, отложив все спешные дела в сторону, чтобы совершить то, к чему он чувствовал призвание свыше. У него была большая паства, которую каждый из нас хотел бы иметь, но он сказал своим прихожанам: «У нам есть крайняя необходимость перевести Новый Завет, и потому вы должны найти себе другого пастыря; следует подготовить перевод; я решил удалиться для этого в пустыню и не вернусь, пока не окончу это дело». И он действительно удалился в пустыню, взяв с собой все свои рукописи. Там он молился и трудился и сделал перевод, так называемую латинскую Вульгату, самый замечательный перевод Нового Завета, лучше которого уже никогда не будет. Так ученость и молитвенное уединение могли создать такой бессмертный труд. И если бы мы могли иногда, чувствуя, что должны сделать нечто подобное, сказать нашей пастве: «Дорогие друзья, нам надо на некоторое время удалиться, чтобы укрепить наши души в уединении», то сколь плодотворно это оказалось бы вскоре для нашей паствы. И если мы не написали латинской Вульгаты, то все же должны совершить дела, которые заслуживают стать бессмертными.

Глава 4

НАША ПУБЛИЧНАЯ МОЛИТВА

Епископальная церковь иногда хвалится, что ее члены ходят в свои храмы, чтобы молиться и поклоняться Богу, а вот диссентеры собираются в молитвенных домах просто для того, чтобы послушать проповедь. Мы на это отвечаем, что это верно только относительно некоторых из нас, и такие люди существуют в любой церкви. Мы собираемся, чтобы поклоняться Богу, и с полной ответственностью утверждаем, что во время богослужений в нонконформистской церкви возносятся такие же истинные и угодные Богу молитвы, как и на пышных и торжественных богослужениях Англиканской церкви.

Замечание же, что слушание проповеди – это не богослужение, основано на большом заблуждении, потому что благоговейное слушание Евангелия является одной из самых достойных частей почитания Всевышнего. Это умственное упражнение, которое сосредотачивает все духовные способности человека на благочестивых поступках. Благоговейное слушание Слова Божия развивает наше смирение, наставляет нас в нашей вере, освещает нас радостью, воспламеняет в нас любовь, вдохновляет нас усердием и возносит нас к небу. Много раз проповедь была для нас своего рода лестницей Иакова, на которой мы видели восходящих и сходящих ангелов Божиих, а на вершине ее – Бога завета. Мы часто чувствовали, когда Господь обращался к нам через Своих служителей, что «это ничто иное, как дом Божий, это врата небесные». Мы славим имя Господне и восхваляем Его всем нашим сердцем, когда Он поучает нас Духом Своим Святым, Которого послал людям. Поэтому нет большой разницы между проповедованием и молитвой, в чем некоторые пытаются нас убедить, потому что одна часть богослужения плавно переходит в другую, и проповедь часто вдохновляет нас на молитву и пение священных гимнов. Хорошая проповедь является угодным Богу поклонением, она открывает благодатные Его свойства – свидетельство Его Евангелия, которое лучше всего прославляет Его, и смиренное слушание откровенной истины является лучшей формой поклонения Всемогущему и, может быть, самой духовной для человека. Тем не менее, как говорит древний римский поэт, нам следует поучиться у наших врагов, и потому правы наши литургические противники, когда указывают на слабые стороны наших публичных богослужений. Надо признать, что не всегда наши молитвенные упражнения выливаются в лучшую форму или совершаются лучшим образом. В некоторых молитвенных домах нашим службам не хватает того истинного благочестия и усердия, которого мы бы желали; в других же усердие сочетается с таким невежеством, а благочестие столь напыщенно, что разумному верующему неприятно присутствовать на наших службах. Молиться в силе Духа Святого не всем нам дано, как и не все молятся с пониманием и всем сердцем своим. Многое здесь надо улучшить, а в некоторых местах даже крайне необходимо. Поэтому, братья мои, я очень прошу вас, остерегайтесь портить свои службы своими молитвами: усердствуйте так, чтобы все ваше священное служение стояло на должной высоте.

Знайте, что свободная, идущая от сердца молитва является самой духовной и должна быть самой лучшей формой публичного богослужения. Если вы теряете веру в то, что делаете, то никогда не сделаете этого хорошо; помните, что перед Господом вы должны молиться сообразно со Словом Божиим и указанием Господа.

Выражение «чтение молитв», к которому мы так привыкли, вы не найдете в Священном Писании, как бы много слов в нем ни было для передачи религиозной мысли; и этой фразы нет там просто потому, что в то время такой практики самой по себе там просто не было. Где в писаниях Апостолов вы найдете идею литургии? Молитва в собраниях первохристиан не ограничивалась никакой определенной формой выражения. Тертулиан пишет: «Мы молимся без постороннего побуждения, потому что молимся от сердца». Иустин

Мученик пишет, что их предстоятель молился «в меру сил». Трудно выяснить, где и когда начали совершать литургии; их введение происходило постепенно и, как мы полагаем, было вызвано упадком благочестия в церкви; введение же их у нонконформистов отмечает эру упадка и нравственного падения. Мне хотелось бы более подробно остановиться на этом вопросе, но это не входит в нашу задачу, и потому тем, кто захочет более подробно с ним ознакомиться, я советую обратиться к сочинению на эту тему Джона Оуэна.

Мы же должны доказать превосходство свободной молитвы, делая ее более одухотворенной и усердной, чем все другие литургические молитвы. Очень грустно, когда нам указывают, что наши проповедники проповедуют лучше, чем молятся: это не по примеру Господа. Он говорил так, как еще никто никогда не говорил, а молитвы Его производили такое впечатление на Его учеников, что они просили Его: «Господи, научи нас молиться». Во время нашей публичной молитвы мы должны сосредоточить на ней всю нашу энергию и все наше усердие, и Святой Дух поможет нам; вялый же, легковесный, нудный, неинтересный разговор под видом молитвы, проводимый с целью заполнить паузу во время богослужения, утомителен для человека и отвратителен для Бога. Если бы свободная молитва всегда и всюду совершалась на должном уровне, то не появилось бы идеи литургии, и существующие сегодня формы молитвы объясняются, прежде всего, слабостью неподготовленной молитвы. Секрет в том, что наши сердца недостаточно молитвенно настроены, как это должно было бы быть. Без непрестанного общения с Богом наши публичные молитвы будут бездушными и формальными. Если бы лед в горных лощинах не таял, то не стекала бы вода в ручейки, орошающие долины. Тайная молитва является учебным плацем для наших коллективных упражнений, и мы не смеем пренебрегать ею, так как это пагубно отразится на наших публичных молитвах.

Наши молитвы никогда не должны пресмыкаться по земле, а парить ввысь. Наш образ мысли должен быть возвышенным. Наши обращения к престолу благодати должны быть торжественны и смиренны, а не легкомысленны и громки, формальны и бессмысленны. Обычная форма речи неприемлема перед Господом, мы должны обращаться к Нему с благоговением и священным трепетом. Мы можем смело говорить с Богом, но не забывать, что Он находится на небе, а мы – на земле, и потому не должны быть самонадеянны. Когда мы молимся, мы предстоим престолу Предвечного, и, как придворный, который в королевском дворце держит себя иначе, чем с другими себе равными, так и мы должны держать себя иначе перед Богом, чем с другими людьми. Мы видели, что в голландских храмах, как только пастор начинает проповедовать, все надевают шляпы, но как только он начинает молиться, снимают их. Обычай этот существует в старых пуританских конгрегациях в Англии и долгое время держался у баптистов; они надевали головные уборы в те моменты богослужения, когда, по их мнению, не происходило прямого обращения к Богу, и снимали их, когда начиналась молитва или песнопения. Я считаю этот обычай недопустимым, а причину его ошибочной. Я не вижу большой разницы между молитвой и слушанием проповеди и уверен, что никто не станет возвращаться к старому обычаю или разделять мнение о причине его возникновения; но все же какая – то разница между ними есть, так как в молитве мы непосредственно обращаемся к Богу, а не ждем наставлений от наших братьев, и мы должны снимать обувь, потому что место, на котором мы стоим, является священным.

Предметом наших молитв должен быть только Господь. Во время молитвы не смотрите по сторонам, не прибегайте к красноречию, чтобы понравиться слушателям. Не превращайте молитву в «косвенную проповедь». Кощунство делать молитву поводом представить себя в лучшем виде. Красивые молитвы обычно бывают очень плохими. Пред лицем Господа воинств не пристало грешнику облекать бессодержательную речь в красивую форму, чтобы иметь успех у таких же, как он, смертных. Лицемеры, которые так поступают, достигают своей цели, но именно этого надо бояться. Строгий выговор получит однажды проповедник, о котором льстиво говорили, что его молитва была самой красноречивой из когда-либо совершенной в Бостонской общине. Мы должны стараться возбудить усердие и

вдохновение у наших слушателей, когда они молятся, но каждое слово и каждая мысль наши должны быть обращены к Богу, и только в этом смысле смеем мы привлекать к себе внимание людей, чтобы помочь им предстать пред Господом и донести до Него свои молитвы. Помните о людях в своих молитвах, но не для того, чтобы вызвать их уважение к себе: взор ваш должен быть всегда обращен только к небу!

Избегайте всякого рода неуместных выражений в наших молитвах. Едва ли стоит их пересказывать здесь, тем более, что с каждым днем их становится все меньше. Мы реже слышим их теперь, чем это было раньше в методистских молитвенных собраниях, но, видимо, и там их было меньше, чем это обычно говорят. Простые люди молятся, как умеют, и их язык часто шокирует образованных людей, не говоря уже о благочестивых. Но если они молятся искренне, то их надо прощать, когда они употребляют неподобающие выражения. Как-то на молитвенном собрании я слышал, как молился один бедняк, употребив такое выражение: «Господи, помоги этим молодым людям во время поста, ибо Ты знаешь, Господи, враги подстерегают их, чтобы поймать их в свои сети, как кошка подстерегает мышь». У некоторых это выражение вызвало усмешку, но мне она показалась естественной и уместной, учитывая, кто его употребил. В таких случаях достаточно сделать краткое наставление и дать добрый совет, чтобы предотвратить повторение подобных выражений. Но для нас, проповедников, такой язык недопустим, и мы должны всегда внимательно следить за собой, чтобы не допустить ни одной такой оплошности в наших проповедях.

Биограф замечательного американского методистского проповедника Джейкоба Грубера приводит как пример остроумия этого проповедника один случай, когда, услышав, что один молодой кальвинистский проповедник яростно осуждал его вероучение, Грубер в заключительной молитве просил Господа благословить этого молодого человека и оказать ему великую милость, «чтобы сердце его стало столь же мягким, как его мозги». Не будем говорить о плохом вкусе такой публичной критики своего собрата, но всякий разумный человек понимает, что дом Божий – не место для такого рода остроумных шуток. Скорее всего этот молодой человек заслуживает порицания за неуважение к своему старшему собрату, но последний согрешил в десять раз больше, требуя к себе уважения. Обращаясь к Царю царей, надо выбирать слова, а не загрязнять свой язык неподобающими выражениями.

Также надо избегать употребления в молитве слишком часто и много ласкательных слов. Когда такие выражения, как «дорогой Господь», «милостивый Господь», «сладчайший Господь», постоянно употребляются без надобности, это производит самое плохое впечатление. Должен признаться, что выражение «дорогой Господь» не вызывает у меня отрицательного отношения, когда оно исходит из уст таких служителей Божиих, как Рутерфорд, Хокер или Герберт, но когда я слышу, что такие нежные и интимные выражения постоянно повторяют люди, не отличающиеся высокой духовностью, мне хотелось бы, чтобы они понимали, что такое истинные отношения между человеком и Богом. Слово «дорогой» взято из обыденного языка и стало столь обычным, столь малозначащим, а в некоторых случаях и потеряло свой истинный смысл, что слишком частое его употребление в наших молитвах отнюдь не служит к назиданию.

Но самое сильное возражение вызывает постоянное повторение слова «Господи», которое часто повторяют в своих молитвах молодые новообращенные и даже студенты. Слова «О, Господи! О, Господи! О, Господи!» вызывают у нас огорчение, когда мы слышим их столь частое повторение. «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно» – это великая заповедь, и хотя и можно невольно нарушить ее, все же это нарушение является грехом и грехом тяжким. Имя Божие не должно быть заменой слова, которого мы не можем найти в нужный момент. Только с глубочайшим благоговением употребляйте имя Господа. В своих священных книгах евреи оставляют свободным место, где должно стоять слово «Иегова» или же заменяют его словом «Адонаи», ибо считают это имя слишком священным для обыденного языка. Нам не надо быть столь уж суеверными, но было бы хорошо, если бы мы относились к этому имени с таким же глубоким благоговением, как евреи. Слишком

частое употребление восклицания «О!» и других подобных междометий отнюдь не нужно, чем так часто грешат молодые проповедники.

Избегайте молитвы, которую можно было бы назвать своего рода безапелляционным требованием к Богу. Прекрасно и назидательно, если человек духовно борется с Богом и говорит: «Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня», но это должно быть сказано кротко, а не в грубом тоне, как будто мы можем приказывать Богу и требовать благословений от Господа всего и вся. Не забывайте, что этот человек борется, даже если ему и разрешено бороться с предвечным «Я есмь». Иаков хромал на бедро после своей ночной борьбы с Богом, показавшей ему, сколь страшен Бог и что сила его одолевания над Ним – это не Его сила. Сам Господь учит нас обращаться к Нему не просто «Отче наш», но «Отче наш, Который на небесах». Здесь допустимы непринужденность, но непринужденность благоговейная, смелость, но смелость, которая исходит от благодати и содействия Духа Святого, не дерзкая смелость бунтовщика перед своим оскорбленным царем, но смелость ребенка, который боится, потому что любит, и любит, потому что боится. Никогда не допускайте хвастливого тона в молитвах к Богу; к Нему нельзя обращаться, как равному себе противнику, Его надо умолять, как нашего Бога и Господина. Будем же смиренны и покорны в духе нашем, и такой же да будет молитва наша.

Молитесь, когда вы учите других молиться, а не рассуждайте о молитве. Деловые люди говорят: «Всему свое место». И потому проповедуйте в проповеди и молитесь во время молитвы. Рассуждения о нашей необходимости в помощи во время молитвы – не молитва. Зачем просто не начинать сразу же молиться, а рассуждать о молитве? Зачем вместо того, чтобы говорить людям, что надо делать, сразу же не начать трудиться во имя Божие? Прямо обращайтесь за помощью к Богу и обратите свое лице к Господу. Умоляйте Его о всех великих и непрестанных нуждах ваших прихожан и не забудьте об их особых сегодняшних нуждах, ради которых вы собрались. Вспомните о больных, о бедных, об умирающих, о язычниках, о евреях и обо всех забытых и обездоленных. Молитесь о праведниках и грешниках, так как не все ваши прихожане праведники. Вспомните о молодых и старых, об обратившихся уже и о беспечных, о верных и об отпавших. Никогда не сходите с прямого пути в ваших молитвах. Пусть ваши раскаяния и благодарения будут всегда и до конца искренни, а ваши молитвы возносились бы так, чтобы ясно видно было, что вы верите в Бога и не сомневаетесь в силе молитвы. Я говорю это потому, что многие молятся столь формально, что у стороннего наблюдателя создается впечатление, что, хотя они и считают молитву крайне важным делом, но все же малоэффективной и сомнительной в практическом отношении. Молитесь так, чтобы было видно, что вы уже испытали и уверились в своем Боге и потому теперь снова, нисколько не сомневаясь, обращаетесь к Нему со своими прошениями; обращайтесь к Богу в молитве никогда не отвлекаясь на рассуждения и проповедования, а тем более, как это делают некоторые, на осуждения и жалобы на других.

Как правило, если вы призваны проповедовать, всегда совершайте молитву сами; и если вы хотите, чтобы вас уважали, а я верю, что так это и будет, сразу же откажитесь, вежливо, но твердо, от практики назначения других людей совершать молитву с целью выделить их среди других, поручая им какое-нибудь дело во время богослужения. Наши публичные молитвы не должны стать поводом для похвалы. Я слышал, что иногда молитву и пение называют «предварительными службами», как бы предварением к проповеди. Надеюсь, что среди нас такое встречается редко, иначе это было бы большим нашим позором. Я стараюсь всегда совершать всю службу сам. Я не верю, что «всякий может совершать молитву». Нет, господа, я твердо убежден, что молитва является одной из самых важных, нужных и священных частей богослужения и должна почитаться даже выше, чем проповедь. Нельзя всем поручать совершать молитву, а потом из них выбирать более способного для проповеди. Иногда по слабости или в особых случаях пастырь может кому-нибудь поручить вместо себя совершить молитву, но если Господь призвал вас на эту работу и вы любите ее, то вы редко и неохотно будете перепоручать эту ее часть другим. Если же вам придется поручить кому-то другому совершить вместо себя всю службу, то пусть это

будет человек, в чьей религиозности и готовности к этому делу вы абсолютно уверены. Но стыдитесь назначать не способных к ней – службе братьев ради их продвижения на этом поприще.

«Можем ли мы служить небу с меньшим благоговением,
Чем мы служили нашей грубой плоти?»

Назначайте на совершение молитвы самых способных людей. Молитва, обращенная к Всевышнему, должна быть хорошо продуманна и совершаться от всего сердца и с глубоким духовным пониманием. Тот, кто по милости Божией становится пастырем, должен сам совершать молитву; назначение же вместо себя на молитву другого брата нарушит гармонию всей службы, лишит проповедника опыта подготовки к проповеди и во многих случаях предполагает сравнение одной части службы с другой, что совершенно недопустимо. Если неподготовленные братья назначаются вместо меня совершать молитву, когда я должен проповедовать, то непонятно, почему я не могу совершить сначала молитву и потом уйти, предоставив им говорить проповедь. Я не вижу причины, почему надо меня лишать самого святого, самого бесценного и самого полезного опыта, который был дарован мне Господом? Если же должен выбирать, то я скорее откажусь от проповеди, чем от молитвы. Я так много говорю об этом, потому что хочу, чтобы вы поняли, сколь высоко вы должны ставить публичную молитву, и просить у Господа помощи и благодати для достойного ее совершения.

Те же, кто полностью отвергают свободную молитву, возможно, воспользуются вышесказанным как аргументом против нее, но я могу заверить их, что таких недостойных людей, о которых я сказал, у нас очень мало и становится их все меньше, и вред, который они наносят церкви, в худшем случае, не столь велик по сравнению с тем, как совершаются часто литургические богослужения. Слишком часто церковная служба совершается поспешно и без всякого благоговения. Слова бормочутся так, что теряется всякий смысл. Нередко, и даже очень часто, на богослужениях Епископальной церкви можно наблюдать, как глаза не только прихожан и хористов, но и самого пастора, блуждают по всему храму, а сам тон чтения молитвы не вызывает никакого отзвука у молящихся. (Ради же справедливости надо признать, и делаем мы это с большой радостью, что в последнее время такое небрежное отношение к молитве встречается все реже и реже). Мне приходилось присутствовать на погребальных службах в Англиканской церкви, которые совершались столь бесцеремонно поспешно, что мне стоило больших усилий, чтобы сдержать свое негодование. Я был так возмущен, что не знал, что делать, видя, как в присутствии скорбящих близких, сердца которых исходили кровью, пастор отбарабанил всю службу и торопился поскорее ее закончить, словно ему платили поштучно и ему предстояло еще много такой заботы; никак не могу понять, как он мог надеяться принести облегчение и дать утешение этим скорбящим людям своим неистовым криком. Становится даже страшно, если подумать, что такая замечательная служба, как литургия об усопших, губится и превращается в нечто ужасное таким часто небрежным ее совершением. Я говорю здесь об этом потому, что если Епископальная церковь так строго критикует наши молитвенные собрания, то мы можем ответить ей не менее серьезным обвинением. Но, конечно, лучше нам стараться исправлять наши собственные недостатки, чем порицать других за их ошибки.

Чтобы наша публичная молитва была такой, какой она должна быть, прежде всего необходимо, чтобы она исходила из самого нашего сердца. Молящийся должен со всей серьезностью отнестись к своей молитве. Это должна быть истинная молитва, и тогда она, подобно любви, покроет множество наших грехов. Человеку можно простить его панибратство и даже его вульгарность, если ясно видно, что он от всей души обращается к своему Творцу, а все его недостатки являются только следствием его необразованности и пороков. Публичная молитва должна исходить из глубины всего сердца, потому что нет ничего хуже для подготовки к проповеди, чем бесстрастная молитва. Она только отвратит

людей от посещения храма Божия. Отдайте все свое сердце этому деланию. Когда вы совершаете публичную молитву, всем своим существом приблизьтесь к Богу.

Молитесь так, чтобы, влекомые божественной благостью, вы могли увлечь всех молящихся к престолу Божию. Молитесь так, чтобы силою возлагающего надежды на вас Духа Святого выразить все желания и мысли каждого из присутствующих в храме и соединить в вашем едином голосе сотни голосов, бьющихся сердец, пылающих священным огнем перед престолом Божиим.

Наши молитвы должны быть благоразумны. Не надо в молитве упоминать все мельчайшие подробности из жизни ваших прихожан. Как я сказал раньше, публичная молитва не должна превращаться в своего рода газету, в которой сообщаются события, происшедшие за неделю, или метрическую книгу о рождении, смерти и бракосочетании ваших прихожан, но главные события в их жизни должны быть отмечены заботливым пастырем. Он должен возносить к престолу Божию все их радости и скорби и испрашивать для своей паствы благословения Божия во всех их испытаниях, делах, предприятиях и благотворениях, а также и отпущения их бесчисленных грехов.

Избегайте длинных молитв. Если не ошибаюсь, то, кажется, это Джон Макдональд любил повторять: «Если вы проникнуты молитвенным духом, то не молитесь долго, потому что другие не смогут разделить с вами такого особого духовного настроения; но если вы не проникнуты молитвенным духом, то также не молитесь долго, потому что вы только утомите своих слушателей». Ливингстон говорил о Роберте Брюсе из Эдинбурга, знаменитом современнике Эндрю Мельвилле, что «никто в его время не говорил столь убедительно и с такой силой благодати Святого Духа, как он. Никто не обратил столь многих, как он. Многие из его слушателей утверждали, что после апостолов никто не говорил с такой силой... В присутствии других он молился очень кратко, но каждая его фраза была подобно острой стреле, направленной в небо. Я слышал, как он говорил, что длинные молитвы других проповедников его утомляли; но, когда он оставался один, он много времени проводил в борениях и молитве». В тех случаях, когда человек находится в особом молитвенном состоянии и теряет над собой контроль, он может и двадцать минут посвятить утренней молитве, но это не должно стать правилом. Мой друг д-р Чарльз Браун из Эдинбурга после глубокого размышления пришел к выводу, что для публичной молитвы вполне достаточно 10-ти минут. Наши предки-пуритане обычно молились три четверти часа и более, но не надо забывать, что они не знали, смогут ли они снова иметь возможность молиться в собрании, и потому их молитвы были столь длинными. А кроме того, в то время люди не уделяли столько внимания времени для молитвы или проповеди, как делается сегодня. Вы не можете слишком долго молиться тайною молитвой. Мы не ограничиваем вас, не говорим, что вы можете молиться 10 минут, 10 часов или даже 10 недель, если того пожелаете. Чем дольше вы молитесь, тем лучше. Но мы говорим сейчас о тех публичных молитвах, которые совершаются перед или после проповеди, а для них десять минут лучше, чем пятнадцать. Разве только один на тысячу пожалуется на краткость молитвы, большинство же будет говорить, что длинная молитва утомляет их. «Своей молитвой он привел меня в благодушное состояние духа, – сказал как-то Джордж Уйтфильд об одном проповеднике, и если бы он остановился тогда, то было бы очень хорошо; но он продолжал, и это вывело меня из этого моего благодушного настроения». По Своему долготерпению Господь проявляет жалость к некоторым проповедникам, которые грешат такими длинными молитвами, они нанесли огромный вред благочестию своей паствы такими своими разглагольствованиями. И все же Бог, по Своей великой милости, позволяет им совершать свое служение Ему. Мне так жаль тех, кто вынужден слушать пастырей, которые целые 25 минут совершают публичную молитву а потом еще просят прощения за свои «недостатки!».

Воздерживайтесь от длинных молитв по ряду причин. Во-первых, потому что они утомляют вас и ваших слушателей, и, во-вторых, потому что длинная молитва лишает их возможности слушать затем проповедь. Все эти сухие, скучные, длинные разглагольствования во время молитвы только притупляют внимание и слух. Никто не

станет закладывать землею и камнями врата сердец, которыми он хочет овладеть. Они должны оставаться открытыми, чтобы сила Евангелия одолела их, когда придет время их использовать. Длинные молитвы состоят либо из повторений, либо ненужных объяснений, которых Бог совсем не требует, либо же они превращаются в проповедь, которая уже ничем не отличается от молитвы, за исключением разве только того, что в первом случае служащий проповедует с открытыми глазами, а во втором молится с закрытыми. Вовсе не нужно повторять на молитве весь катехизис, пересказывать переживания всех присутствующих и также свои собственные, цитировать тексты из Священного Писания, начиная с Давида, Даниила, Иакова, Павла, Петра и всех остальных, предваряя их словами: «твой раб издревле». В молитве надо приближаться к Богу, но для этого нет надобности говорить долго, пока все не дождутся услышать слово «Аминь».

От одного замечания я не могу здесь воздержаться. Если вы заканчиваете молитву, никогда не начинайте ее снова еще на пять минут. Когда ваши слушатели видят, что вы уже заканчиваете молитву, им трудно сразу же снова проникнуться молитвенным духом. Я знал таких проповедников, которые обманывали нас надеждой, что уже заканчивали молитву, а сами начинали ее снова два или три раза. Это в высшей степени неразумно и вызывает самое неприятное впечатление.

Избегайте также высокопарных выражений. Братья мои, они уже вышли из употребления, и не надо к ним снова возвращаться, но и сильно порицать их также не следует. Некоторые из них – это просто выдумки, другие – это отрывки из апокрифов, третьи – это тексты, заимствованные из Священного Писания, но сильно искаженные со времени их написания. В баптистском журнале за 1861 г. я написал следующие строки относительно таких часто употребляемых высокопарных выражений в молитвенных собраниях: «Высокопарные фразы наносят большой вред. Кто может согласиться с таким выражением, как следующее: «Мы не хотим врываться к Тебе, подобно безрассудной (!!) лошади, бросающейся в сражение?» Как будто лошади вообще рассуждают, и не лучше ли говорить здесь о силе и мощи лошади, чем о ее неповоротливости и ослиной глупости.

Но так как стих, из которого, как мы полагаем, взято это выражение, скорее всего предполагает грех, а не молитву, его смысл становится совсем иным. Фраза «Идите от сердца к сердцу, как масло из сосуда в сосуд», – это, очевидно, цитата из колыбельной песни из «Али Бабы и Сорока Разбойников», но, как всякое лишенное смысла предложение, ее трудно понять. Мы не знаем, перетекает ли масло из одного сосуда в другой каким-то таинственным или чудесным образом; несомненно, что это происходит очень медленно и потому может быть удачным символом благоразумия некоторых людей, но, конечно же, лучше получить благодать прямо с неба, чем из другого сосуда; эта метафора, по-видимому, предполагает цезаризм, если вообще она имеет какой-то смысл. Или же «Твой жалкий, недостойный прах», как обычно себя именуют самые высокомерные люди в собрании верующих и нередко самые богатые и раболепные, и тогда последние два слова к ним совсем не подходят. Мы с вами слышали, как один благочестивый человек, прося благословения своим детям и внукам, так умилился этим высокопарным выражением, что воскликнул: «О, Господи, спаси Твой прах и прах праха Твоего и прах праха от праха Твоего». Когда Авраам сказал: «вот, я решился говорить Владыке: я, прах и пепел»..., эта фраза была очень веской и выразительной, но ее неуместное, неправильное и частое употребление искажает ее истинный смысл. Смешение искаженных библейских текстов, грубых сравнений и нелепых метафор представляет собой своего рода религиозный жаргон, плод невежества, плохое или бесстыдное лицемерие; это позорит тех, кто постоянно повторяет их, и в то же время раздражает тех, кто вынужден их слушать.

В своем замечательном слове на собрании Миссионерского общества д-р Чарльз Браун из Эдинбурга приводит примеры такого безрассудного цитирования Священного Писания. С его позволения, я приведу некоторые из них. «Существует своего рода неудачное, иногда совершенно нелепое, смешение библейских текстов. Кто не знает такого обращения к Богу в молитве, как «Ты, Высокий и Превознесенный, вечно Живущий среди

славословия!»? Но это только неудачное соединение двух славословий, взятых в отдельности, в котором оба искажены, а одно потеряло свой смысл. Первое взято из Ис.57:15: «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий – Святый имя Его». Второе взято из Пс.21:4: «Ты, Святый, живешь среди славословий Израиля». Выражение «вечно Живущий среди славословий», по меньшей мере, нелепость; «славословие» здесь предполагает не вечно Живущего в прошлом, а Сошедшего с небес, чтобы поселиться «среди славословий Израиля» этой искупленной церкви. Приведу еще один пример таких нелепостей, которые так часто встречаются потому, что, как я полагаю, считаются имеющими место в Священном Писании: «Мы положим руку нашу на уста свои и уста свои в прах и воскликнем: нечисты, нечисты; Господи, помилуй нас грешных». Первое – это Иов.39:34: «Вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои». Второе – это Плач.3:29: «Полагает уста свои в прах, помышляя: «может быть, еще есть надежда». Третье – это Левит.13:45, где говорится, что прокаженный «до уст должен быть закрыт и кричать: нечист! нечист!» А четвертое – это публичная молитва. Но какая это нелепость – сначала человек закрывает свои уста рукой, затем полагает свои уста в прах и после всего кричит «нечист! нечист!» и т.д. И еще один, последний, пример. Это выражение используется почти всеми нами, и, я полагаю, потому, что все считают его библейским: «У Тебя источник жизни, и милость Твоя лучше, нежели жизнь». И здесь также в этом неудачном соединении двух отрывков слово «жизнь» используется в совершенно разных и даже несовместимых значениях, а именно в Пс.62:4: «Ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь», где слово «жизнь», очевидно, предполагает сегодняшнюю, временную жизнь.

Ко второй группе таких нелепостей относятся изменения библейского языка. Надо ли говорить, что Пс.130 «Из глубины взываю»... является самым важным из всей Псалтири? Зачем надо столь часто повторять слова Давида и Святого Духа в публичной молитве, так что все наши благочестивые люди включили их в свои общественные и семейные молитвы: «У Тебя прощение, да благоговеют пред Тобою, и многое у Тебя избавление, да уповают на Тебя»? Разве недостаточно сильны простые слова, как они стоят в ст.4: «У Тебя прощение, да благоговеют пред Тобою» и в ст.7,8: «У Господа милость и многое у Него избавление. И Он избавит Израиль от всех беззаконий его»? Разве слова в ст. 3, «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи, кто устоит?» недостаточно убедительны для нас своей простотой, чтобы изменять этот стих, вводя слово «строг»: «Если бы Ты, Господи, был строг к беззакониям, – Господи, кто устоял бы? Помню, как, будучи еще в колледже, мы произносили этот стих в еще более искаженной форме: «Если бы Ты был строг к беззакониям и сурово наказывал за них»! Или еще один пример таких изменений: «Ты на небе, а мы на земле; поэтому слова наши да будут немноги и точны». Это простое и великое назидание Соломона взято из Еккл.5:1: «Потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немногими». И еще один пример искажения великих слов Аввакума: «Чистыми очами Твоими не свойственно глядеть на злодеяния, и смотреть Ты не можешь на грех без отвращения». Это слова Святого Духа из Авв.1:13: «Чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния, и смотреть на притеснение Ты не можешь». Надо ли говорить, что сила этого выражения «смотреть на притеснение Ты не можешь» почти совершенно теряется, если добавить слова «без отвращения», как будто Бог может смотреть на притеснение, но только с отвращением?

«К третьей группе относятся бессмысленные многословия при цитировании Священного Писания. Одно из них стало столь обычным, что я рискну сказать, что вы редко обходитесь без него: «Будь среди нас (или, как предпочитают некоторые несколько, я полагаю, неудачно, «с нами»), чтобы благословить нас и сделать нас хорошими». Зачем добавлять последние слова «сделай нас хорошими»? Это выражение взято из Исх.20:24: «На всяком месте, где Я положу память имени Моего, я приду к тебе и благословлю тебя», которое ценно именно благодаря своей простоте. В Дан.4:32 мы читаем: «Кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: «что Ты сделал?», а мы изменяем это и говорим: «Кто мог бы противиться работе руки Твоей».

Фраза «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» изменена в «Не приходило то на сердце человеку постичь, что приготовил Бог любящим Его». И еще, мы постоянно слышим такое обращение к Богу: «Ты, Который слышишь молитву и отвечаешь», – совершенно ненужное и бесполезное многословие, потому что, согласно Священному Писанию, если Бог слышит молитву, то и отвечает на нее: «Ты слышишь молитву; к Тебе прибегает всякая плоть» (Пс.64:3); «Услышь, Боже, молитву мою» (Пс.54:2); «Бог услышал, внял глас моления моего» (Пс.65:19). Или еще: «Твои утешения – ни редкость, ни малость». Как я полагаю, здесь имеется в виду Иов.15:11: «Разве малость для тебя утешения Божия?» А также, мало кто из нас слышал молитву Пс.73:20: «Призри на завет Твой; ибо наполнились все мрачные места земли жилищами насилия» без добавления «страшными насилиями» или «Не умоляйте пред Ним, доколе Он не восставит и доколе не сделает Иерусалим славою на земле» без добавления «на всей земле». Последние добавления, может быть, и не столь ужасны и на них не следовало бы здесь останавливаться, если бы они редко встречались. Но так как они стали уже стереотипом, к тому же слабыми сами по себе, и так часто встречаются, создавая впечатление, что имеют место в Священном Писании, мне кажется, что их надо полностью исключить из нашей пресвитерской молитвы. И, может быть, вас удивит, но знайте, что единственным обоснованием для столь любимого выражения, как «зло сладко, как кусок сахара под языком», является Иов.20:12: «Если сладко во рту его зло, и он таит его под языком своим».

Но довольно об этом. Мне очень жаль, что пришлось так много говорить на эту тему, но я не мог не сделать этого, потому что все цитаты из Священного Писания, которые вы будете приводить, должны быть абсолютно точными.

Для пастырей делом чести должно быть точное цитирование Священного Писания. Трудно всегда быть точным, и именно потому мы должны уделять этому особое внимание. В Кембриджском или Оксфордском колледже неправильное цитирование студентом Тацита, Виргилия или Гомера считается почти что государственной изменой или уголовным преступлением, а для проповедника неправильное цитирование Павла, Моисея или Давида – это еще более недопустимо и должно строго наказываться. Заметьте, я сказал «студентом», а не новичком. Так и пастор, занимая столь высокий пост в своей общине, должен быть не менее точен. Вы, кто твердо верит в теорию словесного вдохновения (к моей большой радости), не смеете приводить цитату, не будучи точно уверены в каждом ее слове, потому что изменение хотя бы одного слова может исказить весь смысл приводимого вами отрывка. Если вы не можете точно цитировать Священное Писание, зачем тогда вообще приводить эти цитаты в своих проповедях? Никогда не изменяйте ни одного слова из Священного Писания и навсегда откажитесь от многословия, потому что они наносят большой вред свободной молитве.

Я замечал, что некоторые из нас, но надеюсь, не вы, молятся с открытыми глазами. Это неестественно, неприлично и безобразно. Иногда поднимать глаза к небу – это может быть уместным и вдохновительным, но глядеть по сторонам во время обращения к невидимому Богу недопустимо. В первые века отцы Церкви не признавали такой практики. И жестикулировать на молитве, что хорошо во время проповеди, также надо как можно меньше; однако поднимать руки и небу или сжимать их на груди вполне естественно, если вы находитесь в состоянии сильного духовного волнения. А также и голос, которым вы произносите молитву, не должен быть громким и самоуверенным, а смиренным и почтительным, как это надлежит при обращении человека к Богу. Сама природа разве не учит вас этому? А что тогда говорить о благодати?

Я также хотел бы особо остановиться на молитвах воскресных служб. Избегайте здесь обычаев и шаблонов и старайтесь, насколько это возможно, менять порядок службы. Поступайте так, как подсказывает вам Святой Дух. Только недавно я узнал, до какой степени диаконы контролируют службу пасторов. Я всегда совершаю службу в том порядке, который считаю наиболее подходящим и поучительным, и почти никогда не слышал возражений. Но

вот сегодня один наш брат, проповедник, рассказал мне, что однажды он начал утреннюю службу не с песнопения, а с молитвы, и, когда он вернулся в ризницу после службы, диаконы сказали ему, что не допустят никаких нововведений. До сих пор мы знали, что баптистские церкви не связаны с традициями и твердыми правилами ведения богослужения, и несмотря на это, эти, с позволения сказать, господа, которые так рьяно выступают против литургии, связывают своих пасторов правилами обычая. Настало время заставить их навсегда прекратить такую практику. Мы хотим совершать богослужение так, как нам указывает Святой Дух и как мы считаем это лучше. Мы будем изменять порядок богослужения так, чтобы оно не стало монотонным. Я слышал, что г. Хинтон как-то начал службу с проповеди, чтобы опоздавшие могли присутствовать на молитве. А почему этого нельзя делать? Изменение порядка богослужения только приносит пользу, тогда как монотонность вызывает усталость. Часто самым полезным бывает дать молящимся возможность посидеть две или пять минут в глубоком молчании. Серьезное молчание делает богослужение богоугодным.

Истинная молитва – это не шумные звуки,
Повторяемые крикливыми устами,
А глубокое молчание души,
Обнимающее ноги Иеговы.

Меняйте порядок молитв, чтобы не ослабить внимания молящихся и не заставлять их видеть в богослужении часы, которые идут, пока не опустятся их гири.

Меняйте длину публичных молитв. Не думаете ли вы, что будет намного лучше, если вместо трех минут на первую молитву и пятнадцати минут на вторую вы отведете на каждую по девять минут? Не лучше ли иногда, чтобы первая была длиннее, а вторая короче? Не лучше ли, чтобы две молитвы были одинаковой длины, чем одна слишком длинной, а вторая – слишком короткой? И не лучше ли пропеть гимн после чтения одной главы или стиха из Библии? Почему иногда не пропеть четыре гимна? Или иногда двух или одного? Или зачем вообще петь после проповеди? Или же, с другой стороны, почему никогда не петь гимнов в конце службы? Всегда ли или даже очень часто нужна молитва после проповеди? Не лучше ли положиться на руководство Святого Духа? Не делайте ничего такого, чтобы наши братья считали какую-то форму службы обязательной и не вернулись к предрассудку, от которого они уже освободились.

Меняйте темы ваших молитвословий. Есть много тем, требующих вашего внимания: слабость, падение, скорби, утешения вашего прихода, внешний мир, соседние общины, еще необращенные слушатели, молодые люди, вся страна. Не молитесь о них каждый раз, иначе ваши молитвы будут длинными и неинтересными. Что больше всего затрагивает вашу душу, о том и молитесь прежде всего. С помощью руководящего вами Духа Святого можно построить молитву так, чтобы сделать гармоничной всю службу, включая песнопения и проповеди. Очень важно сохранить единство богослужения, но не рабски, а разумно, так, чтобы оно предстало как единое целое. Некоторые братья не в силах сохранить это единство даже в проповеди и перескакивают с одной темы на другую, говоря обо всем, что приходит им в голову. Вы же, уже умеющие сохранять единство проповеди, можете постараться достигнуть его и в богослужении, отдавая должное внимание одному и тому же вопросу как в песнопениях, так и в молитве и чтении Евангелия.

Не надо, как это делают некоторые проповедники, повторять в последней молитве тему вашей проповеди. Может быть, это и полезно для слушателей, но совершенно чуждо молитве. Это звучит школярски и совершенно не нужно. Никогда не следуйте такой практике.

Как ядовитой змеи, *избегайте притворства в ваших публичных молитвах.* Не старайтесь казаться вдохновенными. Молитесь так, как подсказывает вам ваше сердце, руководимое Святым Духом, и, если ваша молитва скучная и нескладная, не стесняйтесь с ней обращаться к Господу. Нет ничего плохого в том, чтобы признаться в своей немощи и

скорбеть о ней и просить помощи у Господа; это будет истинная и богоугодная молитва. Но притворное вдохновение – это позорная ложь. Никогда не подражайте тем, кто действительно вдохновлен. Вы, наверное, знаете благочестивых людей, которые стенают или громко вздыхают от усердия.

Так не стенайте же и не вздыхайте вы, чтобы казаться столь же усердными, как они. Будьте всегда естественными и просите помощи Божией.

И, наконец, готовьтесь к вашей молитве. Вы можете с удивлением спросить меня, что я под этим подразумеваю. Этот вопрос уже однажды обсуждался на одном собрании проповедников «Следует ли проповеднику готовить заранее свою молитву?» Одни утверждали, что этого нельзя делать, и это совершенно верно. Другие же считали, что это следует делать, и им не возражали. Я полагаю, что одни и другие были правы. Первые понимали под приготовлением к молитве подбор выражений, продумывание логического изложения мысли, что, как они все говорили, совершенно неприемлемо для богослужения, в котором мы полностью должны положиться на Духа Святого как в отношении выбора темы, так и выражений в молитве. В общем-то, мы согласны с этими замечаниями, потому что, если писать свои молитвы и продумывать свои прошения заранее, то лучше уж сразу же приступить к богослужению. Вторые же понимали под приготовлением совершенно иное, приготовление не умом, а сердцем, т.е. предварительное размышление о важности молитвы, обдумывание потребностей человеческих душ, припоминание обещаний, о которых мы будем просить; это значит предстать пред Господом с прошениями, написанными на скрижалях сердца. Это, конечно, лучше, чем обращаться к Богу без нужды, без причины или определенной цели. «Я никогда не устаю молиться, – сказал один человек, – потому что всегда имею определенную цель, когда молюсь». Братья мои, такова ли ваша молитва? Стремитесь ли вы достичь такого состояния духа, чтобы приносить Богу прошения ваших прихожан? Готовы ли всегда предстать со своими прошениями пред Господом? Я думаю, что для публичной молитвы мы должны подготовиться тайной молитвой. Близким общением с Богом должны мы стараться сохранять молитвенное состояние, чтобы наши словесные молитвы дошли до Него. Здесь можно еще позволить себе выучить на память те псалмы и места из Священного Писания, которые содержат в себе обетования, прошения, славословия, покаяния, т.е. все, что может быть полезным во время молитвы. Говорят, что Иоанн Златоуст знал наизусть Библию, чтобы всегда, когда ему хотелось, повторять ее, и неудивительно, что его потому и прозвали «Златоустом».

И в нашем общении с Богом ничто не может быть лучше, чем употребление слов Святого Духа: «Исполни, что Ты сказал». Поэтому советуем вам выучить наизусть вдохновенные излияния Слова Божия, и тогда постоянное чтение Священного Писания поможет вам всегда быть готовыми к молитве, которая, как бальзам, изольется в души молящихся, наполняя своим благоуханием дом Божий, когда вы будете приносить свои прошения Господу в публичной молитве, Так посеянные семена молитвы в вашем сердце будут постоянно приносить золотую жатву, потому что Святой Дух согреет ваши души священным огнем в час публичной молитвы. И как Давид пользовался мечем Голиафа после своих побед, так и мы можем иногда обращаться к Богу с уже исполнившимися прошениями и сказать с сыном Иессея Давидом: «нет ему подобного», потому что Он снова исполняет его.

Да будут ваши молитвы благочестивы, горячи, усердны, глубоки и богоугодны. Молю Господа и Духа Святого, чтобы Он наставил каждого из вас так возносить публичные молитвы, чтобы всегда наилучшим образом служить Ему. Да будут ваши молитвы просты и искренни; и если ваши прихожане не всегда будут удовлетворены вашей проповедью, да почувствуют они, что молитва ваша вознаградила их за все.

Глава 5

СОДЕРЖАНИЕ ПРОПОВЕДИ

Проповедь должна содержать в себе евангельское учение, которое должно быть цельным, веским и универсальным. Мы подымаемся на кафедру не для того, чтобы показать свое красноречие, а чтобы преподать в высшей степени важные истины, и потому не можем позволить себе говорить обо всем и ни о чем. Круг наших тем безграничен, и потому нет извинения тем, проповеди которых шаблонны и бессодержательны. Если мы говорим как посланники Божии, то не смеем жаловаться на отсутствие материала, потому что мы обладаем огромным материалом, который должны передать нашим слушателям. Мы должны изложить все Евангелие, всю веру, некогда преподанную святым. Истина, которая есть Иисус Христос, должна быть преподана людям так, чтобы они не только услышали ее, но и поняли ее значение. Мы служим у алтаря не «неведомого Бога, а обращаемся к тем поклоняющимся Господу, о которых написано: «будут уповать знающие имя Твое».

Очень полезно умело расположить материал проповеди, но как быть, если нечего располагать? Это подобно прекрасному рубщику мяса, не имеющему перед собой мяса. Умение сделать вступление, которое было бы уместным и привлекательным, непринужденно говорить все время, отведенное на проповедь, и хорошо закончить ее может показаться некоторым проповедникам всем, что нужно для проповеди, но истинный служитель Христов знает, что подлинная ценность проповеди заключается не в ее форме и манере изложения, а в истине, которую она содержит. Ничто не может компенсировать отсутствие учения; все красноречие мира – это не более как пустой звук по сравнению с Евангелием нашего спасения. Как бы прекрасна ни была корзина сеятеля – это ничто, если она не содержит семян. Самая прекрасная проповедь ничего не даст, если в ней не будет учения о благодати Божией; подобно облаку, она проплывает над головами слушателей, не уронив ни капли живительной влаги на иссохшую землю. И потому такая проповедь вызывает только разочарование, если не хуже, у людей, созревших уже в сознании своих духовных нужд. Слог проповеди может быть прекрасным, как у той писательницы, о которой кто-то сказал, что она пишет хрустальным пером, смоченным ранней росой, на серебряной бумаге и посыпает ее пылью с крыльев бабочки; но для душ, нуждающихся в спасении, одно изящество слога будет просто пустым звуком.

Лошадей ценят не по богатству их упряжи, а по их собственной красоте и породе. Так и проповеди ценятся разумными слушателями, главным образом, по мере заключенных в них евангельских истин и силе евангельского духа. Братья мои, взвешивайте ваши проповеди. Уступите в мелочах, но старайтесь более в целом. Не по количеству произнесенных вами слов будут вас ценить, а по качеству того, о чем вы говорите. Глупо быть щедрым на слова и вместе с тем скупым на преподание истины.

Безумец тот, которому нравится, когда о нем говорят словами великого поэта: «Грациано произносит массу ничтожностей, более чем кто-либо из всех жителей Венеции; основание его речей – это два зернышка пшеницы, спрятанные в двух четвертиках соломы; целый день проищешь, пока найдешь их там; а когда найдешь, наконец, то они не стоили поисков».

Прекрасно стараться воздействовать на чувства слушателей, но если они не поддерживаются назиданием в истине, то подобны вспышке в ружейной полке, когда порох сгорает, а выстрела не получается. Самый сильный огонь возрождения, пылающий в душах ваших слушателей, превратится в дым, если не будет поддержан горючим, которое дается познанием. Следуйте завету, завещанному Господом дому Израилеву: «вложу законы Мои в мысли их и напишу их в сердцах их» (Евр.8:10); сначала просвещается разум, а затем побеждаются страсти. Здесь можно вспомнить замечания Гужа по этому поводу:

«Проповедники должны в этом следовать примеру Господа и, насколько это в их силах, назидать людей в таинствах благочестия и поучать их, как должно веровать и жить, а затем уже побуждать их на действие и дела, делать то, чему они были научены. В противном случае безуспешен будет их труд. Пренебрежение этим правилом является главной причиной многих ошибок современного человека». Я бы дополнил последнее замечание тем, что это имеет еще большую силу в наше время; именно среди непросвещенного стада католические волки вылавливают овец. Правильное назидание в истине является лучшей защитой от всяких ересей, проникающих к нам со всех сторон. Ваши слушатели хотят иметь правильное изложение священных истин, и вы должны дать им его. Они вправе получить толкование Священного Писания, и, если вы действительно «наставник, один из тысячи», истинный посланник Божий, то вполне удовлетворите их. Отсутствие наставления в истине подобно отсутствию муки в хлебе. Многие проповеди, если рассматривать их не с точки зрения основательности их содержания, а объема, представляют собой плохие образцы духовной беседы. Таких проповедников можно сравнить с лектором астрономии или геологии, когда краткий курс этих предметов дает вам довольно ясное представление о его системе, но если вы будете слушать не только двенадцать месяцев, а двенадцать лет таких проповедников, то получите только смутное представление о системе их богословия. И тогда это нанесет огромный вред и вызовет большое огорчение. Увы! Неясное изложение величайших вечных истин многими проповедниками и туманное описание основных учений Священного Писания дает достаточно поводов для критики! Братья мои, если вы не будете богословами, то ваши проповеди будут лишь пустым звуком.

Вы можете быть прекрасными ораторами и произносить прекрасные речи, но без знания Евангелия и умения проповедовать его другим вы будете лишь «медь звенящая и кимвал звучащий».

Пустословие часто служит фиговым листком, прикрывающим богословское невежество. Вместо здравого учения предлагаются напыщенные выражения и вместо здравых, ясных мыслей – цветистые риторические фразы. Такого не должно быть. Пустая декламация и отсутствие духовной пищи превратят проповедническую кафедру в риторическую бочку и вместо уважения вызовут только презрение у ваших слушателей. Если мы не будем истинными проповедниками, наставляющими своих прихожан, и не дадим им духовную пищу, то превратимся в декламаторов изящной поэзии и в мелких пустословов. Мы уподобимся Нерону, музицировавшему в то время, как горел Рим, и посылавшему в Александрию корабли за песком для своей театральной арены, когда весь народ умирал от голода из-за отсутствия зерна.

И потому мы настаиваем, чтобы всякая проповедь была глубоко содержательной и содержание ее соответствовало евангельскому тексту. Как правило, содержание проповеди должно вытекать из текста, и чем яснее это происходит, тем лучше, и всегда, во всяком случае, оно должно быть тесно с ним связано.

Можно позволить себе большую свободу в духовном назидании и толковании, но эта свобода не должна допускать отклонения от текста. Между проповедью и ее текстом всегда должна быть связь и не отдаленная, а самая тесная. Недавно я услышал замечательный текст, который может быть уместным или неуместным, смотря как к нему подойти. Один помещик раздал всем бедным старухам прихода своей деревни по ярко-красной шали. Нарядившись в эти шали, старушки пришли в следующее воскресенье в храм и сели перед кафедрой, с высоты которой проповедник построил свою проповедь на таких словах из Священного Писания: «И Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая их них». Рассказывают, что в следующий раз, когда этот же благодетель раздал каждому селянину своей деревни по мере картофеля, темой следующей воскресной проповеди был текст: «И говорят ли они между собою: это манна!» Не могу сказать, чтобы этот текст был уместен в данном случае, может быть, и да; во всяком случае, все это выглядело весьма не умно. Некоторые братья, прочитав свой текст, тут же забывают о нем и, уделив ему должное внимание, не считают нужным его больше касаться. Они снимают, так сказать, шляпу перед

этой частью Священного Писания и отправляются в другие поля и луга. Зачем такие проповедники вообще берут текст из Священного Писания? Зачем им ограничиваться такими текстами? Зачем делают они из Священного Писания, так сказать, подставку, чтобы влезть на своего неоседланного Пегаса? Поистине, богодухновенные слова никогда не предназначались быть сапожными крючками, при помощи которых подобные пустословы могут надевать свои семимильные сапоги и шагать в них от полюса к полюсу.

Самое верное средство сохранить разнообразие в проповеди – это твердо держаться внутреннего сокровенного смысла избранного вами места из Священного Писания. Нет двух совершенно одинаковых текстов; в связи и смысле этих отрывков всегда есть что-то, что придает каждому из кажущихся идентичных текстов свой собственный оттенок. Следуйте руководству Святого Духа, и вы никогда не будете повторяться или иметь недостаток в материале. Проповедь, кроме того, оказывает еще большее действие на совесть слушателей, когда она содержит в себе само Слово Божие, являясь не лекцией о Священном Писании, а как бы раскрытием самого Писания. Именно благодаря огромной силе вдохновения, берясь проповедовать на какой-нибудь стих, не заменяйте его своими собственными рассуждениями.

Братья мои, если вы всегда точно придерживаетесь смысла Священного Писания, то я посоветовал бы вам и точно придерживаться его слов, самих слов Святого Духа, ибо, хотя и позволительно во многих случаях проповедовать на различные темы, и не только позволительно, но и вполне уместно, самыми же полезными являются те проповеди, которые излагают точные слова Святого Духа, и они больше всего нравятся большинству наших прихожан.

Они любят объяснение и толкование самих этих слов. Многие не всегда могут уловить смысл, увидеть, так сказать, истину, не облеченную в плоть. Но когда слова Священного Писания часто повторяются и каждое выражение из него объясняется так, как это делали такие проповедники, как г-н Джей из Бата, то они оказывают гораздо большее назидательное воздействие на слушателей, и гораздо тверже запечатлевается истина в их памяти. Вы имеете богатый материал, вытекающий их Слова Божия, подобно фиалкам и примулам, произрастающим прямо из земли, или меду, вытекающему из сотов.

Старайтесь, чтобы ваши проповеди всегда были вескими и содержали в себе истинно важное учение. Возводите здание вашей проповеди не из дерева, сена или соломы, а из золота, серебра и драгоценных камней. Едва ли надо предостерегать вас от использования кафедры для упражнения в красноречии. Здесь можно привести пример знаменитого оратора Хенли. Этот болтливый авантюрист, которого папа увековечил, назвав его «сладкоречивым», избрал темой своего фиглярничания на кафедре в обычные дни события недели, и богословские темы его воскресных проповедей были не лучше. Он прославился плоским остроумием, выкриками и размахиванием рук. Один сатирик так сказал о нем: «Сколь неудержимо слетает всякая чепуха с его уст». Лучше, Господа, никогда не родиться, чем иметь подобную репутацию. И если вы не хотите потерять спасение душ наших слушателей, то говорите в ваших проповедях о вечных истинах, а не земных делах. Однако есть и другие более привлекательные методы построения здания наших проповедей из дерева и соломы, но не подобает нам обольщаться ими. На это надо обратить внимание и особенно тех, кто принимает высокопарные фразы за красноречие и латинские выражения за глубину мысли. Некоторые преподаватели гомилетики своим примером, если и не всегда словом, поощряют употребление высокопарных и громких слов и тем наносят огромный вред начинающим проповедникам. Представьте себе проповедь, начинающуюся такими замечательными и возвышенными словами, которые должны вызвать в вас чувство прекрасного и возвышенного: «ЧЕЛОВЕК – СУЩЕСТВО НРАВСТВЕННОЕ». Но в нем столько же нового, что и в утверждении, что «кошка имеет четыре лапы».

Я вспоминаю проповедь одного писателя, считавшего себя глубоким мыслителем, который совершенно ошеломил читателей нагромождением длинных фраз, которые, если хорошо над ними подумать, означали не более того, что «человек имеет душу, его душа

будет жить в ином мире, и потому он должен стараться, чтобы она попала в хорошее место». Никто не станет возражать против этой истины, но она не представляет собой никакого открытия, чтобы надо было о ней «возвещать барабанным боем и набором пышных фраз с целью привлечь к себе внимание всех слушателей. Мы еще грешим манерой говорить о простых вещах красивыми, пышными и громкими фразами, хотя полный отказ от нее столь необходим для истинного благочестия. Подобного рода проповеди считаются моделью, и все же они не более чем резиновые пустышки, которые надуваются до тех пор, пока не напоминают разноцветные шары, те, которые продаются на улицах по полпени за штуку для развлечения детей; эта параллель уместна здесь, к сожалению, и потому, что в некоторых случаях подобные проповеди содержат в себе такое же, как и в разноцветных шарах, вещество, которое вредно действует на слабые умы. Позорно подыматься на кафедру и обрушивать на слушателей потоки громких фраз и слов, в которых содержится всего несколько всем известных и понятных истин. Это подобно гомеопатическим каплям, содержащим в себе мельчайшие зерна лечебного свойства. Лучше уж преподать людям истины, как они есть, чем приукрашать их словесами и облекать в изысканные формы, подобно кускам мяса, поданным прямо с чурбана мясника, нарезанным как-нибудь, с костями и жилами и даже с опилками, а не выложенными малюсенькими кусочками на фарфоровом блюде, украшенными петрушкой и приправленными соусом.

Большое для вас будет счастье, если, руководствуясь Святым Духом, вы будете в силах ясно изложить все истины, содержащиеся в Священном Писании. Ни одна истина не должна быть забыта. Учение о сокровенности, столь отвратительное в устах иезуитов, нисколько не становится лучше в устах протестантов. Совершенно не верно, что некоторые истины доступны только для посвященных; в Библии нет ничего, что стыдилось бы освещения. Самое возвышенное отношение к Всевышнему имеет практическое значение и не является, как некоторые думают, только метафизическим сателлитом; ясные проповеди кальвинистов имеют прямое отношение к повседневной жизни и обычному опыту, и, если вы разделяете те или иные взгляды, то не имеете права их скрывать. Осторожное умолчание – в девяти из десяти случаев это трусливое предательство. Взвешенное благоразумие никогда не должно быть благоразумным: вы должны возвещать людям каждый атом истины, преподанной вам Богом. Гармония требует, чтобы голос одного учения не заглушал голос других, а также и того, чтобы тихие ноты не затерялись среди огромного множества других звуков. Каждая нота, предначертанная Великим Менестрелли, должна звучать и иметь свою собственную пропорциональную силу и звучание.

Музыкальная фраза, отмеченная знаком «форте», должна звучать громко, а отмеченная «пиано» не должна греметь, но каждая из них должна иметь свое собственное звучание. Вся откровенная истина должна быть изложена в ваших проповедях в гармоничной пропорции.

Братья мои, если в своих проповедях вы решили говорить о великих истинах, всегда выделяйте главное в них. Тех учений, которые не являются жизненно важными для спасения или несущественны для практической жизни христиан, не надо касаться на каждом богослужении. Все аспекты истины должны разъясняться соразмерно, потому что каждая часть Священного Писания важна и необходима, и вы должны проповедовать не только какую-то часть истины, но всю истину во всей ее полноте. Не будьте потому односторонни. Нос, например, является важной частью человеческого лица, но если постоянно рисовать только нос, то не получить изображения всего лица. Какое-то учение может быть очень важным, но постоянный акцент на нем нарушит гармонию и целостность вашего служения. Не делайте менее важные учения основными. Не изображайте детали заднего плана евангельской картины такими же яркими красками, которыми вы изображаете великие события на ее переднем плане. Так, например, огромные проблемы сублапсарианизма и супралапсарианизма, горячие дебаты по поводу «филиокве» и пре и пост миллениарианские системы, сколь бы важными их некоторые ни считали, не имеют почти никакого практического значения для благочестивой вдовы с семью детьми, зарабатывающей себе на

жизнь шитьем, которая хочет услышать о милосердии Бога к Своему творению, а не об этих глубочайших тайнах; если вы проповедуете ей о верности Бога к Своему народу, то это даст ей силы и помощь в борьбе за существование; трудные вопросы только вызовут у нее смятение или же просто сон. И таких, как она, нуждающихся в вашей заботе, у вас сотни.

Основной темой наших проповедей должно быть благословение с неба; весть о милосердии Божием, ниспосланном через крестную смерть Христа, о милосердии к великим грешникам, поверившим в Иисуса.

Мы должны отдать все силы нашего разума, памяти, воображения и красноречия проповеди Евангелия, а не заниматься глубокими рассуждениями о второстепенных вопросах. Ни ум Локка или Ньютона, ни красноречие Цицерона – ничто по сравнению с простым учением «веруй и живи этой верою», и не прибавят они сил вам проповедовать его. И поэтому, братья мои, прежде всего проповедуйте простые евангельские истины; о чем бы другом вы ни проповедовали, непрестанно возвещайте своей пастве спасающую душу истину о Христе распятом. Я знаю проповедника, которому не достоин развязать ремень на башмаке, но его проповеди часто не лучше библейских картинок, миниатюр. Я даже назвал бы их «библейскими пустячками». Он прекрасно описывает десять рогов дракона, четыре лица херувима, мистическое значение верхнего покрова скинии, типологическое значение столбов ее ковчега и окон Соломонова храма, но он едва касается людских грехов, искушений и нужд современных людей. Такая проповедь напоминает мне льва, гоняющегося за мышью, или военный корабль, пускающийся на поиски потерянной бочки. Темы, которые едва ли превосходят по своей важности то, что Павел называет «бабьими баснями», преподносятся третьестепенными богословами как самые важные, для которых пикантность, разглагольствование о второстепенных вещах гораздо привлекательнее, чем спасение душ своей паствы. Вы, наверное, читали у Тодда, что персидский царь Гаркатий был прекрасным охотником за кротами, а ливийский царь Бриант прекрасно оттачивал иглы, но эти их маловажные занятия еще не говорят о том, что они были великими царями. То же самое можно сказать о проповеднике: звание посланника Божия не допускает посредственности.

Некоторые проповедники, как афиняне в свое время, страстно желают рассказать или услышать что-то новое. Они хвастаются своим озарением и вдохновением свыше, позволяющим им осуждать всех, кто не принадлежит к их братству. А на деле их великое откровение, на которое они так претендуют, касается лишь внешней стороны богослужения или является туманным толкованием пророческих мест Священного Писания. О таких проповедниках, которые громко кричат о пустяках и подымают бурю в стакане воды, можно сказать словами поэта:

«Океан вздымает бурю,
Которая подымает перышко или топит муху».

Еще хуже те, кто тратит время на то, чтобы подвергать сомнению подлинность текстов или правильность библейских утверждений о естественных явлениях. С болью вспоминаю я одну слышанную мною воскресную речь, названную проповедью, темой которой были глубокие рассуждения, действительно ли сошел ангел с небес и возмутил воду в купели «Вифезда» или это был лишь источник, время от времени возмущавший воду, на основании чего суеверные евреи создали легенду. А ведь несчастные мужчины и женщины пришли на проповедь, чтобы услышать о пути спасения, а вместо этого все их надежды оказались тщетными! Они пришли за хлебом, а получили камень; овцы устремились к пастырю, но никакой пищи от него не получили.

Я редко слушаю проповеди, но когда мне приходится их слушать, то очень огорчаюсь, потому что одна из последних касалась оправдания Иисусом Навином истребления хананеев, а другая старалась доказать, что плохо человеку быть одиноким. Я не знаю, сколько душ обратилось ко Христу после молитв перед этими проповедями, но почти уверен, что чувство небесной радости не коснулось их сердец.

Надеюсь, что следующее замечание касается немногих, но все же не постесняюсь сделать его: не перегружайте свою проповедь излишним материалом. Одна проповедь не может вместить в себя всю истину. Проповеди – это не курс богословия. Есть много о чем сказать, но если говорить об этом долго и много, то можно настолько утомить слушателей, что у них пропадет всякое желание получать духовную пищу. Один старый пастор, гуляя как-то с молодым проповедником, показал ему на поле ржи и заметил: «Твоя последняя проповедь была очень насыщенна, не все было в ней ясно, и она была плохо составлена; она была подобно этому полю, в котором много зерен, но еще не созревших и еще не пригодных для пищи. Твои проповеди должны быть подобны булке хлеба, пригодной уже для еды и удобной формы». Я думаю, что человеческая голова (говоря френологически) не в состоянии вместить в себя богословие, как это было раньше, потому что наши предки получали евангельскую истину в чистом виде, без прикрас и всяких примесей и могли слушать проповедь три-четыре часа подряд. Наше же более слабое и, может быть, более отягощенное земными делами поколение в состоянии воспринять за один раз только малую долю истины, потому она должна передаваться в виде концентрированного экстракта или чистого масла, а не вся в целом. В наше время мы должны сказать многое в нескольких словах, но не слишком много и без излишних рассуждений. Лучше запомнить одну мысль, чем пропустить мимо ушей пятнадцать. Один крепкий, хорошо вколоченный в стену, гвоздь держит лучше дюжины легко воткнутых гвоздиков, которые легко можно вытащить.

Наш материал должен быть хорошо расположен согласно твердым законам духовного зодчества. Никаких практических выводов у основания этого здания и назиданий наверху его, ни метафор у основания и утверждений наверху, ни более важных истин сначала и менее важных потом, как по методу снижения в архитектуре. Мысль должна постепенно возноситься вверх; один этап учения вести к другому; одна дверь размышлений вести к другой; и все это должно привести слушателей в комнату, из окон которой истина сияет в свете Божием. В проповеди должно быть место для всего, и все должно быть на своем месте. Никогда беспорядочно не излагайте истины. Ваши мысли не должны мчаться, как мятущаяся толпа, а двигаться маршем, как отряд солдат. Порядок, этот первый небесный закон, не должен нарушаться посланниками неба.

Ваши проповеди на богословские темы должны быть ясными и понятными. Для этого прежде всего необходимо, чтобы излагаемый вами материал был ясен и понятен вам самим. Некоторые плохо себе представляют то, о чем они говорят, и потому проповеди их туманны. Вашим прихожанам нужен не красивый туман, а твердая земля истины. Философские рассуждения приводят некоторые умы в эйфорическое состояние, и они либо видят все в искаженном свете, либо ничего не видят. Много лет тому назад директора одного колледжа в Оксфорде спросили, какой девиз его колледжа, и он ответил: «Просвещающий свет Божий», – и тут же признался, что, по его личному мнению, это можно было бы назвать иначе: «Аристотелевский туман». Писатели сенсационных сочинений создают ложное впечатление у многих честных людей, что помогают им идти в ногу с веком, как будто надо ходить в театр, чтобы понять новые пьесы или посещать скачки, чтобы правильно оценить бега и состязания лошадей. Я, со своей стороны, думаю, что такие еретические произведения интересуют, главным образом, проповедников, и, если они прекратят их читать, то такие книги не будут издаваться. Проповедник не должен поддаваться такому вредному влиянию, и тогда все, что он говорит, будет понятным для его слушателей. Если мы будем преподавать им истину без всяких прикрас и наслоений, чистое библейское учение, выраженное в простых и понятных словах, то будем истинными пастырями стада Христова и вскоре убедимся в духовном преуспеянии наших слушателей.

Старайтесь, чтобы содержание ваших проповедей было сколь возможно ново и жизненно. Не ограничивайтесь пятью-шестью учениями, монотонно повторяя их каждый раз. Ваши проповеди не должны быть пресными, добавляйте в них элементы «желчи и язвительности» и не забывайте о других учениях Священного Писания. В задачу нашего служения входит освещение правды Божией во всей ее полноте. При помощи метафор и

примеров из своего собственного опыта можно рассмотреть множество тем и, с помощью Божией, завоевать внимание и сердца ваших слушателей, нисколько их не утомляя.

Постепенно углубляйте и расширяйте ваши поучения, что достигается углублением и возрастанием собственного духовного опыта. Я не говорю, что надо проповедовать новые истины, наоборот, я считаю счастливым того проповедника, которому и через пятьдесят лет служения не приходится отказываться от какого-то из своих ранних взглядов или сожалеть, что он опустил какой-то важный момент в начале своего пастырского служения. Углубление и возрастание вашего духовного опыта поможет вам углубить и расширить содержание ваших проповедей. Тимофей не мог проповедовать так, как проповедовал Павел. С годами наши проповеди должны быть совершеннее предыдущих, не делайте из них моделей. Лучше забыть их совсем или же вспомнить о них только для того, чтобы пожалеть об их поверхностном характере. Было бы плохо, если бы мы остались на том уровне духовного развития, которого достигли после многих лет пребывания в школе Христовой. Прогресс этого совершенства может быть медленным, но он должен быть, иначе это может означать отсутствие или нездоровое состояние духовной жизни. Никогда не останавливайтесь на достигнутом. Да поможет вам Господь идти вперед по дороге к совершенству и стать достойными провозвестниками Нового Завета. Ни на йоту не отступайте от Пастыря пастырей, хотя сами по себе вы будете оставаться ничем.

Слово «проповедь», говорят, означает удар, и потому при проповедовании мы должны пользоваться имеющимся у нас оружием энергично и эффективно, и это оружие должно быть пригодным для такого дела. Выбор простых нравственных тем подобен использованию деревянного кинжала; а великие истины откровения – это острый меч. Держитесь тех учений, которые волнуют совесть и сердце. Оставайтесь неколебимыми борцами Евангелия, овладевающего сердцами. Истина Божия постижима для человека, и благодать Божия помогает человеку постичь ее. Существует ключ, который, с помощью Божией, может завести музыкальный механизм человеческой природы. Пользуйтесь им ежедневно. И потому я настоятельно советую вам держаться традиционного Евангелия, и только его, потому что только оно является силой Божией, дающей спасение.

Итогом всего, что я хотел вам сказать, является следующее: братья мои, проповедуйте ХРИСТА непрестанно и во всякое время. Он воплощает все Евангелие. Он сам, Его служение, Его дела должны быть нашей одной великой, всеобъемлющей темой наших проповедей. Мир нуждается в том, чтобы ему говорили о его Спасителе и пути Его обретения. Оправдание верой должно звучать гораздо сильнее, чем ежедневное свидетельство протестантских проповедников; если эта великая истина будет подкрепляться и другими великими учениями, тем лучше это будет для наших Церквей и нашего века. Если с усердием методистов мы будем проповедовать учение пуритан, тем более великое будущее откроется перед нами. Пламя Уэсли и страстность Уайтфильда зажгут костер, который сожжет весь лес заблуждений и согреет саму душу этой холодной земли. Мы призываемся проповедовать не философию и метафизику, а простое Евангелие. Грехопадение человека, его потребность в новом рождении, прощение через покаяние, спасение как следствие веры – вот наша секира и оружие борьбы. Нам предстоит еще многое сделать, чтобы познать и передать эти великие истины, и да будет проклято то учение, которое заставит нас сойти с пути нашего назначения, или то тупое невежество, которое помешает нам следовать этим путем.

Все более и более желаю я, чтобы любые суждения о пророчестве, церковном управлении, установлениях или даже систематическом богословии не помешали нам прославлять Крест Христов. Больше всего я хотел бы, чтобы темой проповеди каждого проповедника было спасение во Христе, прославление Евангелия Божия, чтобы распятый Христос жил всегда в сердцах всех людей Божиих. Ваши рассуждения о числе зверя, о Наполеоне в связи с Апокалипсисом, о личности антихриста, простите меня, я считаю просто костью для собак; когда люди умирают, грешники наполняют ад, я считаю безумием рассуждать об Армагеддоне, кровавых событиях в Севастополе, Богемии или Судане,

вычитывая между строк книги Откровения судьбу Германии. Блаженны и слышащие слова пророчества Откровения, но далеко не блаженны те, кто претендует толковать их, потому что из поколения в поколение они всегда ошибались, и настоящее поколение ждет та же бесславная участь. Я бы скорее согласился спасти одного человека от опасности, чем заниматься истолкованием всех тайн. Лучше спасти одну душу от погибели, чем прославиться на богословских прениях как непревзойденный доктор богословия. Верно и добросовестно раскрывать славу Божию будет считаться в судный день более достойным служением, чем разрешать проблемы религиозных тайн или разрубить гордиев узел Апокалипсиса. Блажен тот проповедник, служение которого преисполнено Христом.

Глава 6

ВЫБОР ТЕКСТА

Братья мои, я уверен, что все мы хорошо понимаем, сколь важно, чтобы каждая часть богослужения совершалась как можно лучше. Если вспомнить, что обращение ко Христу иногда связано с тем или иным песнопением, то не будем считать немаловажным выбор псалмов и гимнов. Как-то один неверующий, посетив одну из наших служб в Эксетер Холле, обратился ко Христу, услышав слова из гимна Уэсли, «О, Иисус, Ты, Который так сильно любишь душу мою». «Иисус любит меня? – сказал он. – Тогда почему я должен жить во вражде с Ним?» И мы еще подумаем, что если Господь особым образом благословляет то или иное выражение нашей молитвы за обращение заблудшей души и что если молитва под воздействием Святого Духа может послужить назиданию народа Божия и может ниспослать на него бесчисленные благословения, то должны стараться молиться со всем нашим усердием и благочестием. А также, поскольку чтение Священного Писания может принести утешение и дать наставление, то мы должны хорошо все обдумать и просить помощи Духа Святого при выборе самого полезного текста для каждого случая.

Что же касается самой проповеди, то, прежде всего, мы должны со всей серьезностью отнестись к выбору священного текста. Никто из нас не станет выбирать текст из Священного Писания наугад. Мы не можем согласиться с Сиднеем Смитом, который посоветовал одному своему собрату, который не мог найти подходящего текста для своей проповеди, говорить на слова: «Парфяне и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии», как будто любой текст пригоден для любой проповеди. Надеюсь, мы все хорошо обдумаем, с каким текстом обратиться к прихожанам на каждом утреннем и вечернем богослужении, потому что, хотя все Священное Писание полезно и благотворно, не все места из него в равной мере пригодны для каждого отдельного случая. Всему есть свое время и свое место. Разумный домохозяин заботится, чтобы каждый член его семьи получил свою порцию мяса в положенное время; он не бездумно угощает яствами своих гостей, а дает каждому то, что ему нужно в данный момент. Только бездумный чиновник, раб рутины, безжизненный автомат формализма удовлетворится первой пришедшей ему в голову мыслью. Кто выбирает тему для своей проповеди, как дети, рвущие на лугу, где попало, маргаритки и одуванчики, не соответствует своей должности в церкви, на которую был назначен и которой верующие не могут его лишить; но те, кто призван Богом и избран на эту должность свободными выборами прихожан, должны доказать, что достойны своего служения. Из многих драгоценных камней мы должны выбрать самый подходящий для данного случая. Мы не смеем подавать к царской трапезе массу всевозможных блюд, превращая ее тем в празднество, на котором каждый дерется за свой кусок, но, как хорошо воспитанные прислужники, мы должны остановиться и спросить великого Хозяина торжества: «Господи, что повелишь Ты нам подать сегодня на Твоей трапезе?»

Выбор некоторых текстов поражает нас своей неуместностью. Что, например, хотел сказать ректор г-н Дизраели, взяв текст для своей проповеди «Во плоти моей узрю Бога», проповедуя недавно в одной маленькой деревушке во время сбора урожая? Совсем уж неуместен был текст, выбранный для проповеди на погребении одного убитого священника (г-н Плоу) «Возлюбленному Своему дает сон». И надо было быть уж полным идиотом, чтобы выбрать для проповеди перед судьями на заседании суда такой текст: «Не судите, да не судимы будете».

Не соблазняйтесь звучностью и внешним соответствием библейских изречений различным обстоятельствам. Афанасий Кокерель как-то сказал, что в свое третье посещение Амстердама он произнес проповедь на слова: «В третий уж раз иду к вам» (2Кор.13:1) и признался, что ему «очень трудно было развить в своей проповеди мысли,

которые соответствовали бы данному случаю». Нечто подобное произошло и с одной из проповедей, сказанной над гробом принцессы Шарлоты, текстом для которой проповедник взял слова: «Она была больна и скончалась». Но еще хуже позволять себе изощряться в остроумии, как это случилось с проповедником, выбравшим для проповеди на смерть Авраама Линкольна такие слова: «И скончался Авраам».

Рассказывают, что один студент, который, будем надеяться, не стал проповедником, должен был сказать проповедь в группе в присутствии своего наставника д-ра Филиппа Додриджа, имевшего обыкновение становиться непосредственно перед студентом и смотреть ему прямо в глаза. Представьте себе удивление последнего, если не негодование, когда этот студент начал проповедь на слова из Иоанн.14:9: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп?» Господи, и невежды иногда поступают в семинарию, но будем надеяться, что они не опозорят нашу Альма Матер. Я могу извинить человека, который проповедовал перед беспутным Иаковом I, королем Великобритании Иаковом VI, королем Шотландии на слова из Иак.1:6, уж слишком велико было искушение, чтобы не поддаться ему. Но не дай Бог, чтобы кто-нибудь из вас начал свою проповедь над гробом диакона подобно тому проповеднику, если это правда, тирадой «Нищий умер». Я прощаю того лжеца, который мне приписал такое надругательство, но надеюсь, что он не позволит себе приписывать такую ложь никому другому.

Не менее важно, чем правильный выбор текста для проповеди, избегать монотонного однообразия. Я слышал, что один богослов держал наготове 52 воскресных и несколько праздничных проповедей и произносил их по порядку из года в год. В подобных случаях прихожане, конечно же, станут просить повторить понравившуюся им проповедь в следующее воскресенье, и не удивительно, если некоторые из них, подобно Евтиху, «погрузятся в глубокий сон». Не так давно один проповедник сказал моему другу фермеру: «Знаете ли, любезный г-н Д., недавно я пересматривал свои проповеди и обнаружил, что они совершенно заплесневели, так как наш пасторский дом такой сырой, и особенно мой рабочий кабинет». Мой друг, который, хотя и был церковным старостой, посетил однажды нонконформистский молитвенный дом, но он не был столь невежлив, чтобы заметить, что не нашел его лучше, чем пасторский дом. Но так как сельские прихожане часто слышали подобные проповеди, вполне вероятно, что во многих отношениях эти проповеди действительно «заплесневели». Некоторые проповедники, собрав небольшое количество проповедей, повторяют их «до тошноты» в одном и том же порядке. Странствующие братья подвержены этому искушению гораздо больше, чем те проповедники, которые многие годы находятся в одном месте. И если они становятся жертвами такой привычки, то это, конечно же, конец их полезному служению, и смертельный холод охватывает их сердца. Их прихожане скоро замечают это, когда они, как попугаи, повторяют одно и то же, что уже не соответствует ни времени, ни обстоятельствам. Лучшим средством развить в себе духовную лень, является, разумеется, заготовление проповедей на два-три года вперед и постоянное повторение их. А так как, братья мои, мы надеемся жить многие годы, если не всю жизнь, в одном месте, привязанные к нему взаимной любовью между нами и нашими прихожанами, нам нужны совершенно иные методы, чем те, которые могут быть приемлемы для бездельников или странствующих проповедников.

Могу себе представить, что одним, должно быть, очень трудно, а другим очень легко выбрать текст для своей проповеди, особенно это касается тех, кого судьба привела в Англиканскую Церковь, где проповедник обычно берет для своей проповеди текст из Евангелия или Посланий Апостолов на данный день и считает себя обязанным – не законом, а своего рода обычаем, – проповедовать на тот или иной из них стих. Когда наступает Рождественский пост и праздник Богоявления или Великий пост и Неделя после Троицы, никому не надо мучиться вопросом: «Что буду я говорить народу?» В каком-то отношении это имеет свои преимущества, но не для прихожан. Во всяком случае, англиканские писатели всегда жалуются на сухость проповедей и сетуют по поводу необходимости для многострадальных мирян их слушать. Рабская привычка следовать солнечному и лунному

календарям, вместо того, чтобы ждать вдохновения от Духа Святого, приводит к тому, что во многих церквах, по признанию их собственных писателей, проповеди представляют собой не более чем образцы «благопристойного убожества, которое оберегает их авторов от грубых ошибок, но в то же время и лишает их дивных по красоте выражения живой мысли».

Мы же должны считать самым важным проповедовать не только истину, но и то из нее, что требуется для каждого отдельного случая. Мы должны сосредотачивать свое внимание на тех вещах, которые прежде всего отвечают нуждам наших слушателей и открывать путь благодати к их сердцам.

Трудно подыскать нужный текст? Как-то в юности я прочел в одном собрании лекций по гомилетике одно замечание, которое сильно меня тогда взволновало. Я процитирую его по памяти: «Если кто затрудняется выбрать нужный текст, то лучше ему сразу же вернуться в лавку или к сохе, так как совершенно очевидно, что у него нет способностей, необходимых для пастыря». А так как именно это и было для меня часто самым трудным и мучительным, то, естественно, передо мной встал вопрос, не лучше ли мне заняться каким-то светским делом и отказаться от пастырского служения. Но я этого не сделал, и до сих пор уверен, что, хотя я и не всегда доволен своими лекциями, я встал на путь, к которому меня призвал Господь. Но в то время этот вопрос так меня мучил, что я спросил своего деда, который уже пятьдесят лет был проповедником, было ли ему трудно выбрать нужный текст для проповеди. Он откровенно признался, что по сравнению с самой проповедью, это было самым трудным.

Вспоминаю его замечательные слова тогда: «Трудность заключалась не в том, что было мало текстов, а в том, что их было слишком много, и я мучился, какой из них выбрать». Братья мои, иногда мы подобны любителю цветов в саду, где растут всех видов дивные цветы, а ему разрешено выбрать только один. Долго он колеблется, сорвать ли ему розу или лилию, и как трудно бывает ему выбрать одну из тысячи этих дивных красавец!

Должен признаться что до сих пор выбор текста для меня самая трудная задача, «затруднение от избытка», как говорят французы, затруднение от изобилия текстов, что совершенно не то, что затруднение от их недостатка. Как трудно бывает выбрать самую нужную для данного случая одну из столь многих истин, которые все требуют нашего внимания, одну из столь многих обязанностей, которые все требуют осуществления, одну из столь многих духовных потребностей наших прихожан, которые все требуют удовлетворения. Признаюсь, я часто часами сижу, молясь и обдумывая тему для своей проповеди, и именно это главное в моей работе. Много сил я отдаю обдумыванию главных пунктов поучения, составлению плана моей проповеди и потом откладываю ее в сторону, отдаваясь на волю волн, пока не увижу красных огней маяка, указывающих мне путь к желанной гавани. Мне кажется, что почти каждое воскресенье в моей жизни я составляю столько планов проповедей, что, если бы я осмелился все их произнести, то мне хватило бы их на месяц, но я не смею делать этого, как не смеет честный моряк доставить на берег запрещенный товар.

Одна тема сменяется в моем мозгу другой, подобно картинкам, мелькающим перед объективом фотографа. Но так как наш ум – это не чувствительная пленка, на которой запечатлеваются картины, все эти темы, проплывающие в нашей голове, совершенно для нас бесполезны.

Что же такое нужный текст? Как узнать его? Мы узнаем его по тем же признакам, по которым узнаем друга. Когда какой-то стих из Священного Писания захватывает вас настолько, что вы не можете от него отделаться, остановитесь на нем, и он даст вам нужную тему. Подобно рыбе, вы бросаетесь на многие приманки, но, когда попадаетесь на крючок, вы уже не будете искать другого. Когда какой-то текст не выходит из вашей головы, можете быть уверены, что именно он вам нужен, и вы можете полностью ему довериться. Или еще один пример: предположим, у вас несколько текстов и вы пытаетесь выделить нужный вам; вы собираете их в своей руке в одну кучу и изо всех сил бьете по ней молотком, но все ваши труды оказываются напрасными; наконец, вы находите тот, который открошился после

первого удара и засиял, распавшись на куски; тогда вы понимаете, что это алмазы, сверкающие изнутри дивными огнями. Он предстает перед вами подобно слабому семени, вырастающему в дерево на глазах наблюдателя. Он очаровывает и привлекает вас, заставляя пасть на колени, и налагает на вас бремя Господне. Знайте же тогда, что именно это послание Господь поручает вам передать слушателям вашим. И чувствуя это, вы не успокоитесь, пока не подчинитесь его силе и не расскажете о нем так, как повелит вам Господь.

Ожидайте этого избранного свыше слова, хотя бы вам пришлось ждать его до последнего часа богослужения. Этого не понять холодным, расчетливым людям, которые не знают, как мы, вдохновения, но для нас – это закон сердца, который мы не смеем преступить. Мы будем оставаться в Иерусалиме, пока не снизойдет на нас сила Божия.

«Верую в Духа Святого». Это один из членов нашего символа веры, но редко кто из исповедующих его поступает согласно с ним. Многие проповедники считают, что они сами выбирают текст, сами раскрывают его учение, сами находят в нем тему для своей проповеди. Мы же не считаем так. Конечно же, при составлении проповеди мы должны употребить свою собственную волю, свой разум и свое сердечное желание, потому что не считаем, что Дух Святой заставит нас проповедовать тот или иной текст против нашей воли. Он не видит в нас шарманку, которая заводится и настраивается на определенную мелодию; этот великий Вдохновитель всей истины видит в нас разумных существ, которые управляются духовными силами сообразно своей природе. И все же благочестивые сердца постоянно стремятся к тому, чтобы выбор текста зависел от премудрости Духа Божия, а не собственного, подверженного заблуждению разума, и потому они смиренно предают себя в Его руки, прося Его указать им на ту часть духовной пищи, которую Он приготовил для Своего народа, для данного случая.

Гурнал говорит, что «...проповедники сами по себе не способны выполнять свою работу. О, как долго приходится им перелистывать свои книги и ломать над ними голову в поисках текста, пока Господь не придет им на помощь, и тогда, они получат нужный им текст. Если Бог не помогает нам, мы пишем пером без чернил; и тот есть истинный проповедник, кто более других полагается на Бога».

Если кто спросит меня, как найти самый подходящий текст, я скажу: «Взывай о том к Господу». Гаррингтон Эванс в своем «Руководстве по составлению проповедей» первым правилом ставит следующее: «Проси Господа помочь тебе выбрать нужный текст. Подумай, почему именно его ты выбрал. И пусть ответ твой будет беспристрастен. Иногда бывает и так, что разум твой противится выбору». Если молитва и не открывает путь к желаемому сокровищу, то все равно она будет полезным для вас упражнением. Трудность выбора темы, если для этого вы молитесь больше, чем обычно, будет только на пользу вам. Молитва – это лучшая форма размышлений. Молитесь над Священным Писанием; это подобно давлению винограда в бочке, молотьбе зерна на гумне, выплавке золота из руды. Молитва приносит двойное благословение: молящемуся проповеднику и людям, которым он служит. Когда вы выбираете текст молитве вашей, он становится еще более дорогим для вас; он будет обладать особой божественной благодатью, совершенно не известной для формального оратора, для которого все темы одинаковы.

После молитвы *мы должны приложить все свои силы чтобы сосредоточить наши мысли и направить в нужном направлении.* Учтите данное состояние ваших слушателей. Подумайте о духовном состоянии всех их вместе и каждого в отдельности и пропишите лекарство против общей болезни или приготовьте необходимую для данного случая духовную пищу. Но остерегайтесь прислушиваться к капризам ваших слушателей или особому положению богатых и влиятельных прихожан. Не придавайте особого значения господам и дамам, имеющим особые места в храме, если, на ваше горе, существуют такие в доме, где все должны быть равны. К богатому жертвователю вашего храма относитесь, как ко всем другим, не забывая при этом о его духовных слабостях; однако он не такой, как все, и вы очень огорчите Господа, если будете считать его таковым. Не меньшее внимание уделяйте и бедным, сидящим в боковом приделе храма, и выбирайте темы, которые

доступны их пониманию и принесут им утешение во многих их скорбях. Не старайтесь угодить тем членам вашего прихода, которым особенно нравится одна часть евангельской истины, а к другим они глухи; никогда не сходите с прямого пути, чтобы угодить им или осудить их. Можно, конечно, радоваться, если они довольны, особенно если это благочестивые люди, и уважать их пристрастия, но верность обетам нашего служения требует, чтобы мы не становились простыми музыкантами для наших слушателей, играющими то, что они могут потребовать от нас, а оставались глашатаями Слова Божия во всей его полноте. Я еще раз повторяю, подумайте хорошенько, что действительно нужно для наставления ваших прихожан, и составляйте свою проповедь согласно этим их потребностям. Знаменитый шотландский проповедник Макдональд в своем «Рабочем дневнике прихода в Сент-Кильда» описывает такой случай: «Пятница, 27 мая. Сегодня во время утреннего богослужения читал 12-ю главу из Послания к Римлянам, давая некоторые объяснения. Это позволило мне показать связь между верой и делом и что учение о благодати ведёт к праведной жизни. Я нашел нужным говорить об этом потому, что за несколько дней перед тем я так переусердствовал, что боялся, как бы не обратились мои слушатели к антиномизму, крайность столь же, если не более, опасная, чем арминианизм».

Подумайте, какие грехи чаще всего поражают вашу церковь: суетность, скупость, безмолитвенность, гнев, гордость, недостаток любви друг к другу, злословие и подобные им пороки. С сердечной любовью относитесь к искушениям ваших прихожан и старайтесь найти бальзам, чтобы залечить их раны. Совсем не обязательно вдаваться в мельчайшие подробности всех ваших прихожан, будь то в молитве или в проповеди, хотя это и делал один досточтимый проповедник, который был некогда славным епископом в этом округе, а теперь уже почивший. Исполненный любовью к своим прихожанам, он постоянно говорил о рождении, смерти и бракосочетании в своем приходе, так что одним из воскресных развлечений его постоянных слушателей после дневного богослужения было строить догадки, кого имел в виду их проповедник в своих молитвах и проповедях. То, что было допустимо для него и даже вызывало восхищение, для нас недопустимо и вызывает только усмешку. Почтенный старец может позволить себе то, что молодым людям непозволительно. Этот уважаемый служитель Божий унаследовал такую привычку от своего отца, так как принадлежал к семье, в которой дети, если что-то особенное происходило в течение дня, говорили друг другу: «Подождем до домашней вечерней молитвы и узнаем, что произошло». Но я отвлекся. Этот случай показывает, что даже самая хорошая привычка может стать недостатком, но правило, о котором я говорил, отнюдь не теряет из-за этого своей силы. Многие ваши прихожане, при определенных обстоятельствах, не могут удерживаться от некоторых искушений, и если вы не поможете им с ними справиться, то нанесете большой вред своей пастве. Мы также должны заботиться о духовном состоянии наших прихожан, и, если замечаем, что они оступаются, если боимся, что их могут увлечь какие-то лжеучения или вызвать смятение в их душах, если замечаем, что что-то происходит в физиологическом характере всей церкви, мы должны поспешить сказать такую проповедь, которая, по милости Божией, предотвратит такой недуг.

Дух Божий указывает заботливому, наблюдательному пастырю на все недуги, которыми поражены его слушатели, чтобы он нашел путь к исцелению их сердец. Заботливый пастырь часто осматривает свое стадо и обращается с ним так, как того требует состояние, в котором он его находит. Он даст им одну пищу в небольшом количестве, а другую – в большом, как и лекарство – в том количестве, в котором подсказывает ему его опыт. И мы всегда будем правильно поступать, если только будем следовать примеру: «Пастыря овец великого».

Не допускайте, однако, чтобы ваши проповеди превращались в поношение ваших слушателей. Кто-то назвал проповедническую кафедру «замком малодушных», и в каком-то смысле это верно, особенно, когда на нее подымаются люди неумные, которые жестоко оскорбляют своих слушателей, предавая на всеобщее осмеяние их недостатки или слабости. Есть тип людей, отличающийся характером агрессивным, своенравным, не имеющим

оправдания, чего надо всячески избегать, они не в состоянии подняться над своим собственным «я» и заслуживают полного осуждения; но есть другой тип людей, отличающийся мудрым, духовным, возвышенным характером, к чему надо постоянно стремиться. Слово Божие острее обоюдоострого меча, и потому предоставьте ему ранить и убивать; оно сделает это лучше всех ваших собственных резких фраз и выражений. Истина Божия проникновенна, предоставьте ей поражать сердца людей без помощи ваших оскорбительных слов. Плох тот портретист, которому надо подписать имя оригинала на портрете, висящем в доме того, кто на нем изображен. Заставьте ваших слушателей понять, что вы говорите именно о них, хотя даже отдельно не назвали и не указали на них. Могут быть обстоятельства, когда вам придется поступать так, как Хью Латимер, который, говоря о взятках, сказал: «Тот, кто в качестве взятки получил серебряную чашу и кувшин, думает, что это никогда не обнаружится. Но он не знает, что я знаю это, и не я один, многие, кроме меня, знают об этом. О, взяточник и взяточничество! Ни один благочестивый человек не станет брать взяток; и я также не поверю, чтобы взяточник мог быть справедливым судьей». Здесь есть и благоразумная осторожность, и смелое обличение; и если вы не преступите этой границы, то никто не посмеет обвинить вас в личном оскорблении других.

Подыскивая текст для проповеди, проповедник должен учесть темы предыдущих своих проповедей. Неразумно постоянно повторять одно и то же учение, пренебрегая другими. Только немногие наши братья способны рассматривать одни и те же вопросы в целом ряде проповедей и, как в калейдоскопе, облекать в новые красивые формы одно и то же содержание; но большинство из нас, не обладающих такими способностями, предпочитают разнообразие, рассматривая широкий круг поучений в своих проповедях. Я часто просматриваю произнесенные уже мною проповеди и стараюсь выяснить, не обошел ли я вниманием какое-нибудь важное поучение или не упустил ли из поля моего зрения какую-нибудь из христианских добродетелей. Полезно также подумать, не уделили ли мы слишком много внимания доктринальным вопросам, или же только практическим, так как мы не хотели бы превратиться в антиномистов или же, с другой стороны, опуститься до учителей холодной морали; мы стремимся быть достойными нашего служения. Мы не должны оставить без внимания ни одной части Священного Писания. Мы должны включить в круг наших поучений всю богодухновенную истину: вероучение, наставление, историю, символы, псалмы, притчи, опыт, предостережения, обетования, пророчества, угрозы, осуждение. Мы должны избегать всякой односторонности, всякого превозношения одной истины и умаления другой и стараться показать истину во всей ее полноте, со всех ее сторон и во всех ее аспектах, чтобы она предстала во всем своем гармоничном многообразии, а не односторонности, в ее истинном виде, а не как карикатура.

Предположим, однако, что после молитвы в вашей маленькой комнатке, после тяжелых борений и молений о помощи, размышлений о ваших прихожанах и их нуждах вы так и не нашли нужного текста для проповеди – не печальтесь и не впадайте в уныние. Если бы вы вышли на поле брани, рассчитывая на свои собственные силы, не имея достаточно пороха, когда сражение было столь близко, то это было бы ужасно; но так как ваш командир должен позаботиться обо всем, Он, несомненно, обеспечит вас своевременно всеми боеприпасами. *Если вы уповаете на Бога, Он не допустит, не может допустить вашего поражения.* Продолжайте молиться и ждать, потому что усердному работнику обязательно придет помощь свыше. Но если вы всю неделю бездельничали и не приложили никаких усилий для должной подготовки, то не рассчитывайте на помощь свыше. Но если вы усердно трудились всю неделю и теперь ожидаете указания Господа, то никогда не будете стыдиться своей проповеди.

Со мной произошло несколько случаев, которые вам могут показаться странными, но тогда я действительно странный человек. Будучи в Кембридже, я, как обычно, должен был прочесть проповедь в соседней деревне, куда по обыкновению ходил пешком.

Весь день я читал и размышлял, о чем мне говорить, но так и не нашел нужной темы. Как я ни старался, я так и не получил ответа от «святая святых», ни один луч света не

блеснул из «урима и туммима»; я молился, я размышлял, я обращался то к одному, то к другому стиху, но ни один их них не привлек моего внимания; и, как любил говорить Буньян, «мысли путались в моей голове». И вот тогда я подошел к окну и выглянул из него. На другой стороне узкой улицы, на которой я жил, я увидел бедную одинокую канарейку, сидящую на крыше в окружении стаи воробьев, которые так немилосердно ее клевали, как бы желая разорвать ее на куски. В этот момент в мыслях моих появился стих: «Удел Мой стал у Меня, как разноцветная птица, на которую со всех сторон напали хищные птицы». Я вышел из дому с огромным облегчением и отправился в свой долгий и одинокий путь, размышляя над этим стихом. И так свободно и легко прочел проповедь об избранном народе Божием, его гонениях и, надеюсь, принес утешение своим деревенским слушателям. Текст принесли мне если не вороны, то воробьи. В другой раз, когда я трудился в Уотербиче, однажды я прочел утреннюю воскресную проповедь и, как обычно, отправился обедать к одному прихожанину. К несчастью, там было в обычае служить три службы, и послеобеденная проповедь начиналась так быстро после утренней, что очень трудно было подготовиться к ней, особенно если учесть, что обед нужен, но он является в то же время и серьезным препятствием, когда требуется ясная голова.

Увы, эти послеобеденные богослужения в наших английских деревнях оказываются пустой тратой сил. Жареная говядина и пудинг вызывают сонливость у слушателей, да и мысли самого проповедника направлены в это время на работу желудка. Хотя я и старался тогда есть как можно меньше, и оставался в хорошем, бодром состоянии, но, к своему ужасу, я вдруг обнаружил, что потерял нить проповеди, которую должен был сказать. Как я ни старался вспомнить, о чем хотел говорить, все было тщетно. Времени оставалось мало, пора было идти в храм, и я с волнением признался доброму фермеру, что никак не могу вспомнить, о чем собирался проповедовать. «Не волнуйтесь, – сказал он, у вас равно найдется доброе слово, чтобы сказать нам в назидание». В этот самый момент из камина вылетела горящая головня и упала у моих ног, обдав меня облаком дыма. «Вот вам и текст, – сказал фермер, – не головня ли он, исторгнутая из огня?» «Нет, – подумал я, – не исторгнута была она, а выпала сама». И вот у меня был текст, основная мысль, которую предстояло мне развить дальше. Затем пришло озарение, и проповедь эта была, несомненно, не хуже других, более подготовленных мною заранее; она была лучше в самом лучшем смысле, потому что после подошли ко мне двое слушателей и сказали, что она так взволновала их, что они обратились ко Христу. Я всегда считал, что эти обстоятельства, когда я забыл текст, на который собирался проповедовать, оказались для меня счастливыми. В Нью-Парк-Стрит со мной также произошел очень странный случай, свидетель которого присутствует здесь среди вас. Я хорошо провел первые части вечернего воскресного богослужения и указал песнопение, которое надо было пропеть перед проповедью. Я открыл Библию и нашел текст, который заранее тщательно изучил, чтобы сказать на него проповедь, и тут на противоположной странице внимание мое привлек другой отрывок из Священного Писания, который, словно лев из чащи кустарника, набросился на меня и полностью овладел мною. Прихожане пели, а я мучился. Я колебался между двумя текстами, не зная, какой выбрать. Мысли мои, естественно, возвращались к подготовленному тексту, но и другой не отпускал меня, как бы цепляясь за мое платье и крича: «Нет, нет, ты должен говорить обо мне. Бог тебе велит так». Я стал размышлять, что мне делать, так как никогда не был ни фанатиком, ни скептиком, и, наконец, подумал: «Мне хотелось бы говорить о том, что я уже подготовил, и очень рискованно вступать на новый путь, но так как этот новый текст не дает мне покоя и, может быть, послан мне Господом, я рискну – и будь, что будет».

Я почти всегда после вступления сразу же называю тему, о которой буду говорить, но в этот раз, вопреки моему обычаю и по понятным вам причинам, я этого не сделал. Я довольно быстро и легко сказал первую часть, говорил экспромтом, не задумываясь ни над темой, ни над словами. Во время второй части я почувствовал необыкновенное спокойствие и приток сил, но все еще не представлял себе, о чем буду говорить в третьей части, так как тема была уже почти исчерпана. Даже сейчас я не знаю, что бы я тогда делал, если бы не

произошло событие, на которое я никак не мог рассчитывать. Я решил отдать себя в руки Провидения и сразу же почувствовал облегчение, веря, что Бог поможет мне, и знал, что смогу, по крайней мере, закончить богослужение, если нечего будет больше сказать. И я успокоился.

И вот как раз в этот момент мы оказались в полной темноте: погас газ, и так как храм был полон народа и негде было яблоку упасть, это было большим несчастьем, но и большим для меня облегчением. Что мне было делать? Люди в храме немного испугались, но я сразу же успокоил их, сказав, что им нечего опасаться, так как газ скоро зажжется; что же касается меня, то, не имея перед собой написанного текста проповеди, я могу говорить в темноте с таким же успехом, как при свете, если они сядут и будут спокойно слушать меня. Если бы мой текст был подготовлен, то было бы бессмысленно продолжать, как я уже сказал, и, очутившись в таком положении, почти успокоился. Я сразу же вспомнил известный текст, в котором говорится о ходящих в свете и ходящих во тьме, и сразу нашел нужные слова и примеры, чтобы раскрыть значение этого текста. Когда зажегся свет, я увидел перед собой столь молчаливо и напряженно слушавшее меня собрание, которое едва ли кто видел в своей жизни. И самое замечательное было то, что в одно из последующих собраний ко мне подошли двое и сказали, что именно в тот вечер они обратились ко Христу, причем с одним это произошло во время первой части проповеди, когда я проповедовал на второй текст из Писания, а второй – во время последней части, когда погас свет. Итак, как вы видите, Провидение помогло мне. Я передал себя в руки Бога, и в нужный для меня момент Он погасил свет. Одни посмеются, но я счастлив; другие даже станут осуждать, но я радуюсь. Ничего не может быть хуже механически произнесенной проповеди, когда руководство Духа Святого практически отсутствует. И я не сомневаюсь, что каждый руководствующийся Духом Святым получил от Него такую помощь. Потому и говорю я вам, отдайте себя в руки Провидения, положитесь на руководство и помощь Господа. Если вы усердно искали нужный вам текст и никак не могли найти его, идите на проповедь с твердым убеждением, что в нужный момент он предстанет перед вами, даже если в тот момент вы и не будете знать, о чем говорить.

В жизнеописании Сэмюеля Дрея, знаменитого методистского проповедника, мы читаем: «Как-то после проповеди в Корнуолле Дрей зашел к своему другу, и там один из слушателей этой проповеди сказал ему, что она была одна из самых лучших его проповедей. Это мнение поддержали и все остальные. На это Дрей заметил: «Если это так, то тем более удивительно, потому что она была совершенно не подготовлена. Когда я поднялся на кафедру, собираясь говорить на подготовленный мною заранее текст из Священного Писания и заглянул в лежавшую передо мной открытую Библию, другой текст привлек мое внимание столь сильно, что я сразу же решил без всякой подготовки сказать на него проповедь». Дрей правильно поступил, послушавшись указания свыше. Иногда бывает, что вам приходится отказаться от хорошо подготовленной вами проповеди и, положившись на помощь Святого Духа, говорить совершенно другую проповедь. Вы можете оказаться в положении покойного Кингмана Нотта, проповедовавшего однажды в Нью-Йоркском Национальном театре. В одном из своих писем он так вспоминает этот случай: «Зал был переполнен, и главным образом это были молодые люди и мальчики весьма неприглядного вида. Едва только поднялся я на сцену, как был встречен свистом и гиканьем, и, видя такую пеструю и дикую толпу, с которой мне пришлось иметь дело, я сразу же отказался от приготовленной проповеди и решил говорить о блудном сыне, стараясь заинтересовать их этой притчей. И мне это удалось, зал притих и довольно внимательно слушал меня». Хорош был бы тот проповедник, который выступил бы с подготовленной заранее, но совершенно не уместной для данного случая проповедью! Прошу вас, братья, веруйте в Духа Святого и на практике докажите свою веру в Него.

Еще одним средством, которое может помочь бедному проповеднику, оказавшемся в затруднении выбрать текст для определенного случая, – это снова и снова обращаться к Слову Божию. Я посоветую ему прочесть какую-нибудь главу из Библии и подумать над

каждым стихом и выбрать из них один, сосредоточив на нем все свое внимание. Может случиться, что не всегда найдет он себе текст в этом стихе или главе, но все равно размышления над священными текстами натолкнут его на нужную мысль. По закону ассоциации, одна мысль повлечет за собой другую, пока в этом длинном процессе размышлений не явится вам та, которая наведет вас на желаемый текст.

Читайте также книги, заставляющие работать ваш ум. Если человек захочет выкачать воду из насоса, который давно не употреблялся, он сначала нальет в него воду и тогда насос заработает. Возьмите книгу какого-нибудь старого пуританского писателя и основательно изучите ее, и вы скоро почувствуете, словно крылья выросли у вас, так легко будет работать ваш ум, и вы будете полны энергии.

Однако самое главное – это *непрестанно заниматься текстом и составлением проповеди*. Наша мысль должна постоянно работать в этом направлении. Горе тому проповеднику, который хоть один час не будет этого делать. Прочтите «Рассуждения о правильно проведенном времени» Джона Фостера и поставьте себе за правило не тратить даром ни одной секунды. Кто с утра понедельника до вечера субботы только и мечтает, что текст для воскресной проповеди он получит свыше за час или два перед тем, как ему говорить воскресную проповедь, искушает Бога и не смеет произнести ни слова в то воскресенье. У нас, проповедников, не должно быть праздного времени. Братья, со всей серьезностью говорю вам, ничто не оправдает вас, если не будете беречь вашего времени; горе вам, если пропустите хоть минуту. Не достичь вам преуспеяния в вашем служении, если, подобно блаженному мужу из первого Давидова псалма, не будете вы денно и нощно размышлять о законе Господнем. Больше всего меня волнует, чтобы вы не теряли времени в рассеянии духа или в клевете и пустых разговорах. Не бегайте из одного собрания в другое, слушая болтовню и внося в нее свою долю. Искусный собеседник на утренних и вечерних трапезах, участник экскурсий вечерних школ обычно ни на что другое не пригоден. Основным вашим занятием должно быть приготовление к проповеди, и пренебрежение к нему пагубно скажется как на вас самих, так и на вашем служении. Пчелы с утра до вечера собирают мед, и мы должны непрестанно собирать материал для духовной пищи наших прихожан. Я плохого мнения о том проповеднике, который не готовится усердно к своей проповеди. Когда я путешествовал по Северной Италии, наш кучер ночью спал в карете, и когда я разбудил его утром, он вскочил, щелкнул три раза кнутом и заявил, что готов ехать дальше. Такие быстрые сборы я не признаю и предпочел бы, чтобы он спал в другом месте или же я ехал бы в другой карете. Если кто из вас будет проповедовать наспех, без должной подготовки, да простит меня, если я не приду его слушать. Наше служение требует постоянной умственной и духовной работы. Проповедники должны непрестанно ковать железо, особенно когда оно горячо. Не чувствуете ли вы иногда, что готовы тут же сказать проповедь? Джей говорил, что, когда случалось с ним такое, он обычно кратко записывал текст, который приходил ему в голову, и набрасывал план своей проповеди, сохраняя эти записи до того времени, когда они ему могут понадобиться в случаях отсутствия у него материала для проповеди. Покойный Томас Спенсер писал: «Я всегда имею при себе записную книжечку, в которую записываю каждый текст из Священного Писания, поражающий ум и сердце. Даже во сне приснившийся мне священный текст я заношу в эту книжечку и, когда сажусь писать проповедь, просматриваю ее, и никогда не было случая, чтобы я не мог найти нужного мне текста». Ищите ваши тексты даже во время прогулок по городу или деревне. Смотрите и слушайте, и вы увидите и услышите ангелов. Мир полон тем для проповеди, ловите их на лету. Когда скульптор видит неотесанный кусок мрамора, он всегда уверен, что в нем скрыта прекрасная статуя, и ему надо только сбить с него лишние куски, и она предстанет перед ним во всей своей красе. Так и вы верьте, что для умного проповедника всегда найдется материал для проповеди во всем, что его окружает. Будьте мудрыми, и вы увидите небесное в земной оболочке. Прислушивайтесь к голосам с неба и переведите их на язык людей. О проповедник, служитель Божий, всегда ищи материал для

своей проповеди во всех уголках природы и искусства, собирая и откладывая его для нужного часа.

Меня спрашивают, надо ли заранее оглашать *список предполагаемых проповедей*. Я отвечаю, что каждый волен поступать по своему собственному усмотрению. Я не судья другим; сам же я этого не делаю, так как уверен, что ничего хорошего из этого не вышло бы. Если вспомнить примеры из прошлого, то многое будет говорить против меня, и прежде всего серия проповедей, произнесенных Мэтью Генри и Джоном Ньютоном и многими другими. Я же могу говорить только о своих личных впечатлениях и предоставить каждому поступать так, как ему кажется лучше. Многие знаменитые богословы читали целые курсы проповедей на заранее подготовленные темы. Мы же, будучи таковыми, должны советовать таким, как мы, хорошо подумать, как поступать в таких случаях. Я же не осмеливаюсь заранее объявлять, о чем буду говорить завтра и тем более через шесть недель или шесть месяцев, отчасти понимаю, что не обладаю такими особыми способностями, чтобы на долгое время привлечь внимание собрания к одной или ряду тем. Это могут себе позволить лишь братья, обладающие глубокими и научными знаниями. Если некоторые братья, которые не обладают этими качествами и утверждают, что могут это сделать, то я не могу.

Я приписываю успех моих проповедей главным образом разнообразию, а не глубине их тем. Думаю, что большинство проповедников, если они хотят добиться успеха, лучше бы сожгли все списки своих планируемых проповедей. Я очень живо, или, скорее, с большим огорчением вспоминаю цикл проповедей на Послание к Евреям, который произвел на меня самое неприятное впечатление. Лучше уж совсем не касаться этого Послания, чем вызывать скуку у бедных непросвещенных слушателей. После седьмой или восьмой проповеди только очень глубоко благочестивые люди могли слушать их дальше и, конечно же, говорили, что никогда не слышали столь ценного толкования. Что касается остальных, не столь благочестивых, то каждая следующая на эту тему проповедь только вызвала у них все большую скуку. В этом Послании Павел увещевает нас «принять сие слово увещевания», что мы и делали. Но все ли проповеди таковы? Может быть, и нет, но все же боюсь, что исключений мало. Так, например, говорят что даже такой прекрасный толкователь Библии, как Джозеф Кэрил, начал свои замечательные лекции о книге Иакова при 800 слушателях, а закончил их только при 8-ми! А один толкователь пророческих книг столь долго говорил о «небольшом роге» в видении Даниила, что остался однажды с семью слушателями, которые, несомненно, подумали словами поэта:

«Удивительно, что арфа с тысячами струнами
Так долго играет одну и ту же мелодию».

Мне, как обыкновенному проповеднику, представляется большой ошибкой заранее планировать свои проповеди. Это полезно только на первый взгляд, обычно же просто вредно. Подробный разбор, пункт за пунктом, длинного Послания требует гениальных способностей от проповедника и огромного терпения от слушателей. Для такого утверждения у меня есть и еще более глубокая причина: думаю, что настоящий, серьезный проповедник почувствует себя связанным запланированным циклом своих проповедей. Если он объявит, что в следующее воскресенье будет говорить о радостных вещах, требующих веселого и возвышенного настроения, а случится, что сам он, по разным причинам, окажется в грустном и подавленном состоянии духа, то, несмотря на это, ему придется влить молодое вино в старые мехи и отправиться на брачный пир в рубищах и с посыпанной пеплом головой, а еще хуже, если ему придется делать это целый месяц. Разве это надо? Важно, чтобы настроение проповедника соответствовало теме его проповеди, но как это возможно, если предоставить выбор темы влиянию настроения, в котором он находился, когда ее выбрал? Человек – не паровоз, катящийся по стальным рельсам, и неразумно заставлять его идти по заранее намеченному пути. Очень важно здесь, чтобы состояние души проповедника соответствовало теме его проповеди, и поэтому я очень боюсь заранее объявлять дату своей

проповеди, потому что, когда она наступит, у меня будет совершенно другое настроение, чем когда я ее планировал. Кроме того, едва ли человеку будет легко послушаться указания Духа Божьего, когда он уже наметил свой собственный путь. На это вы можете сказать, что «если это единственное возражение, то почему не можем мы положиться на Него и на двадцать недель вперед?» Верно, но Бог никогда не обещал гарантировать такую веру на будущее. Он обещает нам благодать в настоящее время, и ничего не говорит, что гарантирует ее нам на будущее.

«Манна падает с небес каждый день:
О, извлеките из этого урок!»

Темы для наших проповедей будут даны нам свыше и в нужное время. Я очень боюсь всего, что может отвлечь вас от постоянного руководства Святого Духа, и потому настаиваю на том, что сказал раньше. И вам, молодым братьям моим, я не побоюсь сказать со всем авторитетом: предоставьте честолюбивые попытки планировать циклы проповедей более опытным и способным людям. Мы обладаем долей духовного золота и серебра; вложим же наш маленький капитал в полезные товары, которые сразу же найдут сбыт на рынке, и предоставим богатым торговцам иметь дело с более дорогим и громоздким товаром. Мы не знаем, что принесет нам каждый день; будем же терпеливы, ничего не предпринимая, что могло бы помешать нам использовать тот материал, который сегодня или завтра может дать нам Провидение.

Может быть, вы спросите, *следует ли проповедовать на тексты, которые выбрали для вас другие и просили сказать на них проповедь?* Я отвечу вам, что, как правило, никогда; это можно позволить себе только в самых крайних случаях. Запомните, что не лавку вы держите, в которую приходят ваши клиенты и могут потребовать тот или иной товар. Если друг предлагает вам текст, подумайте хорошо, подходит ли он вам и достаточно ли сильно он овладевает вашим умом и сердцем. Вежливо выслушайте это предложение, как того требует ваш долг благородного человека и христианина; но если вы не чувствуете на то воли Господа, Которому служите, не проповедуйте на этот текст, кто бы вас ни просил об этом.

Я совершенно уверен, что если мы будем просить Господа просветить нас и указать нам правильный текст, то никогда не ошибемся; но если мы поддадимся гордой мысли, что сами легко можем найти нужный нам текст, то увидим, что даже при выборе его без помощи Христа мы ничего не сможем сделать. Ожидайте Господа, слушайте, что Он вам говорит, принимайте слово Божие прямо из уст Его и тогда только действуйте как посланники Божии, предстоящие престолу Всевышнего. «Ожидайте явления Господа нашего!»

Глава 7

О ДУХОВНОМ ТОЛКОВАНИИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Многие авторы книг по гомилетике считают в высшей мере недопустимым даже намек на духовное толкование Священного Писания. «Выбирайте тексты, – говорят они, – которые имеют простой, буквальный смысл; никогда не отходите от очевидного смысла выбранного вами отрывка; никогда не приспосабливайте и не упрощайте его в своих собственных целях; это лишь уловки людей, претендующих на культуру, фокусы шарлатанов, жалкое проявление их плохого вкуса и наглости». Уважайте тех, кто заслуживает уважения, но я позволю себе не согласиться с их ученым мнением, считая его скорее надуманным, чем правильным, скорее вероятным, чем верным.

Много действительно полезного можно достичь, выбирая забытые, необычные, исключительные по своему смыслу странные тексты; и я уверен, если бы мы обратились к мнению практических проповедников, не теоретиков, а действительно занимающихся своим делом людей, то большинство из них было бы на нашей стороне. Очевидно, эти ученые наставники считают себя слишком уж уверенными и знающими, чтобы опуститься до людей более низкого уровня; но мы, кто не претендует на высокую культуру и глубокие знания, считаем правильным пользоваться именно тем методом, который они так осуждают. Мы полагаем, что он является лучшим средством избежать скучного формализма и является, так сказать, солью, которая придает вкус не интересной на первый взгляд истине. Многие великие ловцы душ человеческих считают полезным как для своего служения, так и для привлечения внимания своих слушателей, иногда пользоваться никогда до них раньше не используемым средством. Опыт показал, что они не ошибались, а наоборот, достигали своей цели. Братья мои, не бойтесь, в определенных пределах, конечно, раскрывать духовный смысл текста или выбирать необычные тексты. Продолжайте искать их в Священном Писании и показывайте не только их простой смысл, что вы обязаны делать, но раскрывайте заложенный в них сокровенный смысл. Следуйте этому совету, если посчитаете нужным, но я настоятельно рекомендую вам показать этим чрезмерно утонченным критикам, что не все люди поклоняются тому золотому идолу, который они сами себе воздвигли. Я советую вам давать духовное толкование текста в разумных пределах, и потому прошу вас, если вы последуете моему совету, не увлекаться постоянно и необдуманно этими «фантазиями», как назвал их Джордж Фокс. Не топите себя сами, потому что вам советуют купаться, не вешайтесь на дубе, потому что танин считается ценным вяжущим средством. Все дозволенное, если им злоупотреблять, обращается в порок, точно так же, как огонь является добрым слугой на очаге, но плохим хозяином в горящем доме. Даже самая хорошая вещь в большом количестве вызывает пресыщение и отвращение, и нигде это столь не очевидно, как в нашем случае.

Запомните первое правило, которому вы всегда должны следовать: *не искажайте текст неправомерным приданием ему духовного смысла.* Это грех против здравого смысла. Как ужасно кромсают и калечат слово Божие некоторые проповедники, которые просто издеваются над текстами, только бы заставить их сказать то, чего они на самом деле не предполагают. Г-н Слопдэш, о котором Роланд Хилл рассказывает нам в своих «Деревенских диалогах», является типичным представителем многочисленного поколения таких проповедников. Он прочел проповедь на текст из сна фараонова хлебодара: «На голове у меня три корзины решетчатых». И этот «трижды вертопрах», как назвал его один мой друг, посмел в этой своей проповеди рассуждать о догмате Троицы! А один достойный служитель Божий, почтенный и замечательный брат, один из самых прекрасных проповедников в своей

местности, рассказал мне, что один рабочий и его жена перестали по воскресеньям ходить в его храм. Однажды в понедельник проповедник встретил его на улице и сказал: «Джон, давно не видел тебя». «Да, сэр – ответил тот, – Ваши проповеди перестали быть столь назидательными, какими они были раньше». «Мне очень грустно слышать это, Джон». «Да, но мне и жене нравятся проповеди о благодати и потому мы ходим слушать г-н Болера». «О, ты говоришь об этом проповеднике кальвинистских собраний?» «Да, сэр, мы так счастливы; мы получаем там такую хорошую духовную пищу, такую полезную. От ваших же проповедей нам не было никакой пользы, хотя как человека я всегда буду уважать вас, сэр». «Конечно, мой друг, конечно, вы должны ходить туда, где можете найти утешение для своей души, и надеюсь, что эта пища, которую вы там получаете, действительно хорошая. О чем же говорил он вам в прошлое воскресенье?» «О, мы пережили такое замечательное время. Утром, не знаю, должен ли я говорить вам, но это было самое замечательное время в нашей жизни». «Но о чем же он все-таки говорил, Джон?» «Г-н Болер растолковал нам текст: «Когда сядешь вкушать пищу с властелином, то тщательно наблюдай, что перед тобою; и поставь преграду в гортани твоей, если ты алчен». «И как же он растолковал вам его?» «Я скажу вам, сэр, но прежде мне хотелось бы узнать, как бы толковали вы». «Не знаю, Джон; думаю, я вообще не брал бы этого текста, но если бы мне пришлось говорить на него проповедь, то я сказал бы, что человек, любящий хорошо поесть и выпить, должен воздерживаться в присутствии великих людей, иначе он погубит себя. Обжорство даже в этой жизни губительно». «Ах! – возразил рабочий, – вот это и есть ваша манера буквально толковать текст. Как я недавно сказал своей жене, с тех пор, как мы начали слушать г-н Болера, мы увидели в Библии то, чего не видели прежде». «Да, но что же все-таки сказал вам г-н Болер об этом тексте?» «Он сказал, что чревоугодник – это новообращенный, алчущий, конечно же, проповеди и всегда нуждающийся в пище; но он не всегда разборчив в еде». «Ну, а дальше, Джон?» «Он сказал, что если новообращенный слушает своего властелина, т.е. законного проповедника, человека, исполняющего лишь свой долг, то это будет ему только во вред». «А что сказал он о ноже, Джон?» «Он сказал, что слушать законного проповедника очень опасно, это погубит слушающего его, и ему лучше сразу же перерезать себе горло, сэр!» Предметом этой проповеди, я полагаю, было пагубное влияние на молодых христиан, слушавших других проповедников, а не проповедников высокой школы; и лучше перерезать себе горло, чем ходить слушать своих прежних проповедников! Вот какую мораль предлагают сделать из этого текста такие проповедники! Вам, критикам, мы предоставляем делать это грязное дело; мечите громы и молнии, сколько хотите, мы не станем поступать так же. Слышали мы еще об одном таком толкователе, который взял для своей проповеди текст Пр.21:17 «Кто любит веселье, обеднеет, а кто любит вино и тук, не разбогатеет». Притчи являются излюбленным материалом для упражнений в духовном толковании текстов. Этот проповедник дал такое толкование этой притче: «Кто любит веселье», – это христианин, жаждущий благодати; «обеднеет», т.е. оскудеет духом, «кто любит вино и тук», – это радующийся дарам благодати, пользующийся туком и вином Евангелия; «не разбогатеет», т.е. не возвысится в своих собственных глазах. Все это означает превосходство нищих духом и ожидающих их евангельского утешения. Это неоспоримая истина, но, как бы я ни старался, я не нахожу ее в этом тексте. Вы все слышали знаменитое толкование Уильяма Кунтингдона текста Ис.11:8 «И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи». «Младенец» – это новообращенный; «будет играть над норою аспида», где «аспид» – это арминианин, а «нора аспида» – уста арминианина. Затем следует перечисление игр, в которых простодушие является выше арминианской мудрости. Приверженцы противоположной богословской школы обычно достаточно умны, чтобы отвечать такой же монетой, иначе антиарминиане могли бы оказаться приравненными к «змеям», а их противники хвалились бы, что вызвали их из гнезда на битву. Подобные поношения только оскорбляют тех, кто их произносит. Есть лучшие способы излагать и защищать свои богословские мнения, чем такие шутовские приемы.

Глупость и высокомерие приводят иногда к смехотворным результатам. Достаточно привести один пример. Как-то один проповедник сказал мне, что он произнес проповедь о 29 ножах Ездры. Уверен, что он очень осторожно обращался с этим острым оружием, но я не мог воздержаться, чтобы не сказать ему, что, надеюсь, он не последовал тому мудрому толкователю, который увидел в этом странном числе указание на 24 старца из Апокалипсиса.

Один ревнитель духовного толкования библейских текстов заявил, что притча «От трех трясется земля, четырех она не может носить: раба, когда он делается царем, глупого, когда он досыта ест хлеб, позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей» означает действие благодати в душе и показывает, что именно тревожит арминиан и сеет даже рознь между ними. «Раб, когда он делается царем» – это подобные нам жалкие рабы, когда мы будем царствовать со Христом; «глупый, когда он досыта ест хлеб» – это подобные нам жалкие глупцы, когда мы питаемся дивным хлебом евангельской истины; «позорная женщина, когда она выходит замуж» – это грешник, когда он соединяется со Христом; «служанка, когда она занимает место госпожи своей» – это мы, жалкие служанки, бывшие под началом закона, рабы, получаем теперь права Сарры и становимся наследниками своей госпожи.

Это только некоторые, образцы так сказать, достопримечательностей духовного толкования, которые столь же многочисленны и ценны, как те реликвии, которые мы постоянно находим в таком изобилии на полях Ватерлоо и по своей неопытности принимаем их за бесценные сокровища. Но довольно, вы уже наверно утомились от всего этого, не будем же даром терять времени. Вряд ли надо мне вас убеждать не заниматься такими нелепыми вещами. Они только бесчестят Библию, оскорбляют здравый смысл слушателей и унижают звание пастыря. Истинно духовное толкование – это ливанский кедр, а не дикий ливанский волчец. Не допускайте того по-детски легковесного отношения к текстам и их бесцеремонного искажения, которые сделают вас умным среди глупцов и глупцом среди умных.

Вторым правилом является *никогда не рассуждать о духовном смысле вызывающих смущение текстов*. Считаю нужным об этом сказать, потому что семья Слопдэша, например, получает огромное удовольствие вгонять в краску целомудренных людей. Такие люди подобны навозным жукам, копающимся в навозных кучах. Даже не хочу вспоминать столь циничного богослова, который с огромным удовольствием смаковал текст о наложнице, разрезанной на двенадцать кусков. Сам Гринакр не смог бы сделать этого лучше. Какие ужасные вещи говорятся с усмешкой, и это о некоторых местах в книгах Иеремии и Иезикиля! Где Святой Дух говорит сокровенно и целомудренно, там такие люди срывают покрывало и говорят об этом хуже последних нечестивцев. Я отнюдь не щепетилен, но объяснение нового рождения по аналогии с заботой о младенце в первый месяц после рождения, описание обряда обрезания и интимных отношений между мужем и женой вызывают у меня гнев и желание просить Господа согнать такого бесстыдника с кафедры, которую он обесчестил такой бессовестной наглостью. Я знаю, говорят, что «позор тому, кто дурно об этом подумает», но я требую, чтобы даже малейший намек на бестактность не слетел с уст проповедника. Жена Цезаря должна быть вне подозрения, и жизнь и проповеди служителей Христовых должны быть безукоризненны. Рассуждения о поцелуях и объятиях, от которых некоторые проповедники получают удовольствие, отвратительны: лучше вообще не касаться Песни Песней Соломона, чем смешивать ее с грязью, как это часто делается. Молодые люди должны быть в высшей степени скромны и слово их целомудренно. Если это прощается старому человеку, хотя не понимаю, почему, то уж молодому непростительно переходить границы деликатности.

Третье правило заключается в том, чтобы *никогда не предаваться духовным рассуждениям ради того, чтобы показать, сколь исключительно умны вы.* Намерение это безнравственно, а метод просто глуп. Только последний дурак будет надеяться, что его заметят, когда он делает то, что так же хорошо делают девять из десяти. Один кандидат на нашу кафедру произнес однажды проповедь на слово «но», надеясь тем привести в восторг

слушателей своими способностями столь замечательно рассуждать о простом грамматическом союзе. Он, по-видимому, хотел показать, что человек с хорошим характером или прекрасно справляющийся со своими обязанностями сталкивается с трудностями в своих отношениях со всеми нами: «Нееман был великий человек у господина своего, но».... Когда этот оратор сошел с кафедры, диакон сказал ему: «Вы сказали замечательную проповедь, сэр, но вам не место на кафедре; мы это хорошо увидели». Увы, остроумие, когда оно ради остроумия, дает только оружие противникам! Помните, духовные рассуждения – отнюдь не лучшее средство проявить свою гениальность, даже если это у вас хорошо получается, а отсутствие благоразумия при этом только выявит вашу окончательную глупость. Господа, если хотите подражать Оригену, его безумным, дерзким рассуждениям, то прочтите его жизнеописание и обратите внимание на безумства, в которые вовлек этого знаменитого ученого его гений, позволяющий безумной фантазии взять верх над здравым суждением; и если вы хотите состязаться с подобными ораторами прошлого, то знайте, что шутовской колпак теперь не правит бал, как это было несколько лет назад.

И четвертое правило: *никогда не искажайте текста Священного Писания, внося в него новизну и так называемый духовный смысл,* иначе вы навлечете на себя страшное проклятие, которое оберегает и делает сокровенным этот свиток богодухновенности. Г-н Кук из Мейденхэда должен был расстаться с Уильямом Гунтингдоном, потому что, согласно его толкованию седьмой заповеди, Господь говорил со Своим Сыном и сказал: «не пожелай жены диавола, т.е. неизбранных». Можно только сказать, как это ужасно!

Может быть, я оскорблю вас и ваше религиозное чувство, но скажу: возненавидьте даже мысль такого кощунства. Она не может инстинктивно не вызвать у вас содрогание. И последнее, *ни в коем случае не допускайте чтобы ваши слушатели забыли, что повествования, духовный смысл которых вы им раскрываете, являются фактами,* а не простыми мифами или притчами. Первоначальное значение разбираемого вами текста никогда не должно затемняться потоком вашего воображения; оно должно быть ясным и занимать первостепенное место; применение его к данным обстоятельствам никогда не должно упускать из виду его первоначального значения и даже не отводить его на второй план. Библия – это не сборник умных аллегорий или полезных поэтических преданий; она учит буквальным фактам и описывает важнейшие по значению события. И пусть ваша глубокая убежденность в этой истине передастся всем вашим слушателям. Это будет действительно ужасно для Церкви, если когда-нибудь с кафедры прозвучат скептические гипотезы о том, что Священное Писание – это только собрание утонченных мифов, в котором крупицы правды плавают в океане поэтических подробностей и воображения.

Однако есть законная область для духовного толкования, или, вернее, для особого дара видеть духовный смысл. Так, например, ваше внимание часто обращали на прообразы в Священном Писании, которые дают вам большое поле для проповедования на духовные темы. Зачем, например, вам распространяться в своих проповедях о блудницах, когда перед вами скиния в пустыне со всей ее священной утварью, с ее жертвами всесожжения, благодарения и всеми другими жертвами, которые приносились Богу? Зачем искать чего-то нового, когда перед вами Храм во всей его славе? Самый большой талант типологического толкования найдет для себя обширное поле применения в несомненных символах слова Божия и никогда не ошибается, потому что эти символы имеют божественное назначение.

Когда иссякнут у вас ветхозаветные образы, в вашем распоряжении остается еще тысяча метафор. В своем замечательном исследовании Бенджамин Кич показывает, какой драгоценный клад истины скрывается в метафорах Священного Писания. Во многих отношениях этот труд заслуживает критики, но не столь сильной, которой подверг его Адам Кларк, считающий, что он более, чем любой другой такого рода, способствует развитию плохого вкуса как у проповедника, так и у прихожан. Разумные же объяснения поэтических образов Священного Писания не только будут с вниманием выслушаны вашими прихожанами, но и, с помощью Божией, принесут им большую пользу.

Но предположим, что вы исчерпали все общепринятые библейские образы и разъяснили символы и иносказательные выражения. Должны ли вы считать, что вам больше нечего делать? Никоим образом! Когда апостол Павел находит тайну в лице Мелхиседека и, говоря об Агари и Сарре, замечает: «В этом есть иносказание», он дает нам пример существования иносказаний и в других местах Священного Писания. И действительно, исторические книги Библии не только изобилуют иносказаниями, но и, по-видимому, были составлены с целью их символического толкования.

В предисловии к своему сочинению об образах к книге Бытие Эндрю Джюкс показывает, что благочестивый ум может легко построить самую подробную теорию первой книги Моисея: «Как основание для того, что последует дальше, нам показывается, что происходит от человека, как все многообразные формы жизни, которые могут развиться по естеству, либо по благодати, от корня ветхого Адама. Это книга Бытие. Далее мы видим, что все, будь то хорошее или плохое, происшедшее от Адама, должно быть искуплено; так избранный народ кровью Агнца спасается из Египта. Это книга Исход. Затем мы узнаем, что избранному народу необходимо общение и знание пути к нему с Богом Искупителем в святилище. Эта книга Левит. Далее по пустыне этого мира странствуем мы вместе с избранным народом из Египта, этого дома рабства, в обетованную землю за Иорданом и познаем все испытания этого путешествия из земли чудес и премудрости человеческой в землю, где текут молочные и медовые реки. Это книга Числа. Затем описывается появление желания выйти из этой пустыни в тот лучший край, войти в который после получения искупления избранный народ Божий еще опасается; в тот край, в котором он желает на какой-то стадии познать силу воскресения и даже сейчас жить, как на небе. Здесь же даются законы и правила, как достичь этого. Это книга Второзакония, вторичное принятие закона, вторичное очищение, дающее путь обретения земли обетованной. Так мы попадем а Ханаан. Мы переходим через Иордан: мы уже практически познаем смерть во плоти, знаем, что означает обрезание, исход из Египта. Мы знаем теперь, что означает возродиться во Христе, «вести брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей, против духов злобы поднебесных». Это книга Иисуса Навина. Затем следует описание грехов избранного народа Божия, вступившего в союз с хананеями, вместо того, чтобы поработить их себе. Это книга Судей. В следующих четырех книгах Царств описываются разные формы правления, начиная с возвышения правления Израиля до его падения, когда за их грехи Вавилон порабощает избранный народ Божий. И, наконец, после всех этих скорбей и позора избранного народа Божия мы видим их остатки, которые по мере своих возможностей делают все, чтобы восстановить Израиль: они, как Ездра, возвращаются чтобы восстановить храм, т.е. восстановить формы истинного поклонения; другие, как Неемия, приходят, чтобы возвести стену, с разрешения язычников восстановить некое подобие государственного устройства; третьи же, как в книге Есфири, находятся в рабстве, но остаются верными и спасутся промыслом Божиим, хотя имя Божие (и это характерно для их положения) ни разу не упоминается во всей этой книге». Я отнюдь не советовал бы вам увлекаться такими искусными приемами, к каким прибегает этот гениальный писатель, часто склонный к мистицизму; но тем не менее вы с гораздо большим интересом будете читать Слово Божие, если поймете общее направление библейских книг и их последовательность как систему образов.

Духовное толкование библейских текстов может быть с успехом применено при обобщении великих универсальных принципов, заключенных в мельчайших и отдельных фактах. Это прекрасное, поучительное и законное намерение. Может быть, вы и не станете проповедовать на текст: «возьми его за хвост», но из него вытекает совершенно естественный вывод, что в любом тексте можно найти духовную истину. Моисей взял змея за хвост, и в его руке он превратился в жезл. Так и наши скорби в руках наших могут стать чудодейственным жезлом; учение о благодати является нашей силой противостоять нечестивцам. Среди множества библейских фактов можно найти великие общие принципы, и, может быть, нигде они так явно не выражены, как здесь. Возьмем примеры, приведенные

знаменитым проповедником Джеем. На примере «Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» (Пс.73:14) он показывает, что самые злейшие враги странствующего народа Божия будут уничтожены, и воспоминание об этой милости всегда будут утешением для верных. На примере «И умерла Девора, кормилица Ревеккина, и погребена ниже Вефиля, под дубом, который и назвал Иаков дубом плача» (Быт.35:8) он размышляет о добрых слугах и, конечно же, о смерти. А на примере «И сказали слуги царские царю: во всем, что угодно господину нашему, царю, мы рабы твои» (2Цар.15:15) он показывает, что такими словами и христиане могут обращаться ко Христу. И пусть вас не смущают никакие возражения против столь глубокого духовного и благоразумного толкования, которое дает нам Джей. Я, в меру моих сил, делал то же самое, и такие примеры из многих моих проповедей вы можете найти в моем небольшом труде «Каждый вечер», а также и «Каждое утро».

Интересный пример прекрасной, но едва ли оправданной проповеди приводит Эверард в своем труде «Евангельская сокровищница». Свою проповедь на И.Нав.15:16,7 «И сказал Халев: кто поразит Кириаф-Сефер и возьмет его, тому отдам Ахасу, дочь мою, в жену. И взял его Гофониил, сын Кеназа, брата Халевова, и отдал ему в жену Ахасу, дочь свою» проповедник основывает на переводе собственных еврейских имен в этом тексте: «И сказал храбрый: кто поразит город письмен и возьмет его, тому отдам цепочку (повязку на ногах для украшения), дочь мою, в жену. И взял его лев Божий, сын охоты, брата храброго, и отдал ему в жену цепочку, дочь свою». Но разве нет лучшего способа раскрыть внутренний смысл Священного Писания, чем останавливаться лишь на словах и буквальном смысле Слова Божия?

Притчи нашего Господа дают прекрасный и обширный материал для глубоко продуманной и назидательной проповеди. Кроме того, есть еще чудеса, богатые своим символическим учением. Чудеса – это несомненно, проповедь Господа нашего Иисуса Христа в действии. В Его несравненном учении вы найдете «проповеди словом» и «проповеди делом» в Его бесценных делах. Несмотря на многие доктринальные ошибки Тренча, вы обнаружите у него много полезного для толкования чудес. Возьмем, например, повествование об исцелении глухонемого. Заболевание этого страдальца явно указывает на безысходное положение человека, а способ его исцеления Господом самым назидательным образом иллюстрирует план спасения. «Иисус отвел его в сторону от народа», т.е. душа человеческая должна познать себя самою и свою индивидуальность и для этого уединиться в безмолвие. Он «возложил персты Свои в уши ему», т.е. в источник его болезни; грешники должны увидеть свое состояние. «Он плюнул», т. е., Евангелие – это простое и примитивное средство, и чтобы получить спасение, грешник должен унизиться, чтобы принять его. «Он коснулся языка его», т.е. это указание еще на один источник болезни; мы должны еще глубже почувствовать потребность в спасении. Он «воззрел на небо», т.е. Иисус напоминает больному, что вся сила исцеления исходит свыше; и каждый жаждущий спасения должен помнить об этом. Он «вздохнул», т.е. скорби Целителя – это средство нашего исцеления. И затем Он сказал: «еффафа, т.е. отверзись» – это действенное слово благодати, которое дарует немедленное, полное и вечное исцеление. Из одного только этого повествования мы все узнаем и верим, что чудеса, совершенные Христом, являются великой картинной галереей, иллюстрирующей Его деяния среди сынов человеческих.

Но пусть этот пример будет предостережением для всех, кто будет браться толковать притчи или чудеса. Имя д-ра Жилля должно всегда с уважением вспоминаться в храме, где он до сих пор проповедует, но его толкование некоторых мест притчи о блудном сыне поражает меня своей полной абсурдностью. Так, этот ученый толкователь говорит нам, что «откормленный телец» – это Господь наш Иисус Христос! Действительно, можно содрогнуться, когда слышишь такое толкование. Точно так же он толкует и притчу о милосердном самарянине. Осел, на которого посадил раненого этот самарянин, – это опять же Иисус Христос, а два динария, которые он дал хозяину, – это Ветхий и Новый Заветы или заповеди о крещении и Вечери Господней.

Несмотря на это предостережение, люди редкого поэтического дарования, как, например, Джон Буньян, могут себе позволить более широкое духовное толкование библейских текстов. Читали ли вы его толкование духовного значения Соломонова храма? Это замечательное произведение, хотя и несколько натянутое, написано с большим духовным проникновением. Возьмем для примера одно из его самых поэтических толкований и посмотрим, насколько оно оправдано. Это толкование о «подвижных половинках дверей храма». «Половинки этих дверей были, как я сказал, подвижными, и это имело особое значение. Человек, и особенно новообращенный, может легко обмануться», думая, что весь проход, а не только часть его, был широко открыт, я имею в виду символически; никогда человек еще не видел всего богатства и всей полноты Христа. И потому я говорю, что новопришелец (т.е. новообращенный), если он судит по тому, что он видит перед собою, особенно если увидел так мало, может легко обмануться, и большинство людей так сильно боится, что они никогда не войдут в эти двери. Что же скажешь ты, новообращенный, не в таком ли состоянии находится твоя душа? Тебе кажется, что ты слишком большой, слишком толстый, потому что так отягощен грехами, и тебе не пройти через эти двери. Но, о грешник, не бойся, двери эти имеют две подвижные половинки и могут с каждым разом открываться все шире и шире; потому, когда ты подходишь к этим дверям и думаешь, что не сможешь пройти через них, «стучите, и отворят вам», и ты будешь впущен (Лк.1:9; Ин.6:37).

Итак, кто бы ты ни был, ты подошел к двери храма, прообразу того Храма, и не доверяйся первым своим впечатлениям, а верь, что перед тобой открывается изобилующая благодать Божия. Ты еще не знаешь, что может сделать Христос, двери имеют подвижные половинки. Он «действующий в нас силою, может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем» (Еф.3:20). Петли, на которых они висят, были, как я сказал, золотыми; это значит, что они поворачивались силою движения любви, и вход поэтому был широк.

Золотые петли поворачивают двери к Богу. Косяки дверей были сделаны из «масличного дерева», чтобы показать, что их никогда не открыть ненавистью или без труда, как это происходит с дверьми, требующими смазки. Они всегда «масляничные» и потому так легко и быстро открываются тем, кто в них стучится. А это значит, что Тот, Кто обитает в этом доме, дает даром, любит даром и благотворит нам от всего Своего сердца. «И буду радоваться о них, благотворя им, и насажду их на земле сей твердо – от всего сердца Моего и от всей души Моей» (Иер.3:12,14,22;32:41; Откр.21:6;22:17), – говорит Господь. Поэтому елей благодати, который символизируют косяки из масличного дерева, на которых висят эти двери, позволяют им легко и свободно открываться перед грешной душой человеческой.

И никто не смог бы дать столь широкого духовного толкования значению кипарисовых дверей, как это сделал Буньян: «Кипарисовое дерево – это также дом аиста, этой нечистой птицы, который, даже как Сам Христос, является кровлей и убежищем для грешников. «Ели», как говорится в псалмах, – «жилище аисту»; и Христос говорит грешникам, чтобы они искали своего убежища: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Он есть убежище для страждущих, убежище в дни скорби (Втор.14:18; Лев.11:19; Псл.103:17; 73:2,3; Мф.11:27,28; Евр.6:17-20;)». В своем сочинении «жилище на кедрах Ливанских» Буньян уже окончательно заходит в тупик, но находит из него выход, как никто другой не смог бы этого сделать. Три ряда столбов по пятнадцать в каждом остались для него неразгаданной загадкой, и отказался он от нее только после очень смелых попыток разрешить. Буньян аллегорик из аллегориков, и не нам следовать за ним в глубины символической и типологической премудрости. Он был пловцом, мы же лишь болотные птицы и не должны опускаться на не положенную нам глубину.

Прежде чем закончить, я все-таки хотел бы остановиться на двух духовных толкованиях, которые слышал в юности. Никогда не забуду проповедь, которую произнес один безграмотный, но замечательный человек. Я записал ее с его слов и надеюсь, что ею никто не воспользуется, и подобная ей проповедь никогда больше не прозвучит. Текст был

на слова: «Страус, сова и чайка». Едва ли вы найдете здесь материал для проповеди. То же подумал и я. И на мой недоуменный вопрос, о чем же здесь можно говорить, он пояснил, что по закону эти птицы считаются нечистыми и символизируют собой нечестивых грешников. Страусы – это люди, которые тайком воруют, а также и те, кто занимается подделкой своих товаров, незаметно обманывая соседей и не вызывая у них подозрения, что они мошенники. Совы символизируют пьяниц, которые всегда бодрствуют по ночам, а днем тыкаются головами в столбы, так как хотят спать. Совы бывают и среди проповедников. Ощипанная сова – очень маленькая птичка, она только кажется большой, потому что на ней много перьев. Так и многие проповедники только пыжатся своим красноречием, и, если лишить их его, то от них ничего не останется. А чайка – это церковнослужители, которые, когда бы ни открывали рта в своем храме, тянут одну и ту же ноту и питаются яйцами других птиц, живя за счет храма или десятины. Чайки, я думаю, это также и такие вот вольнодумцы, которые всегда тянут одну и ту же ноту. Не слишком уж богатый материал извлек этот проповедник для своей проповеди! Но какую проповедь можно было ожидать от такого необычного и экстравагантного проповедника? Другая его проповедь была не лучше и даже еще более оригинальная и полезная. Кто ее слышал, не забудет ее до конца своей жизни. Текстом для нее он взял слова: «Ленивый не жарит своей дичи». Этот благочестивый старец наклонился над кафедрой и произнес: «Ну, и лентяй же он был, братья мои!» Это было только вступление. Затем он продолжал:

«Он пошел на охоту и после больших трудов поймал, наконец, зайца, а зажарить его поленился. Ну, и лентяй же он!» Заставив нас представить себе, сколь нелепа была такая лень, он продолжал: Но и вы заслуживаете такого же порицания, потому что делаете то же самое. Услышав, что знаменитый проповедник приезжает из Лондона, вы запрягаете коляску, едете за десять-двадцать миль, чтобы послушать его. Но, прослушавши его проповедь, вы забываете извлечь из нее пользу. Вы ловите зайца, но не зажариваете его; вы охотитесь за истиной, но, получив ее, не принимаете ее. Затем этот добрый человек стал объяснять нам, что, как мясо требует приготовления, чтобы быть усвоенным нашим пищеварением, – я не уверен, что именно так он выразился, – так и истина требует подготовки, чтобы мы могли воспринять ее своим духом, питаться ею и возрастать духом. Затем он показал нам, как надо готовить проповедь, и сделал это самым поучительным образом. Он начал с того, с чего начинает поварская книга: «Сначала поймайте зайца». «Итак, – сказал он, – сначала найдите евангельскую проповедь. Затем, – заявил он, – не так уж много есть проповедей, достойных нашего внимания; хороших проповедей крайне мало, и стоит иногда отправляться даже далеко, лишь бы услышать основательную, устарелую уже кальвинистскую проповедь. Прослушав ее, многое из нее, что из-за духовного несовершенства ее составителя оказалось бесполезным, надо отбросить. Затем надо разобраться в ней и должным образом оценить ее, не верить каждому слову, кто бы ни был ее составителем». Далее следовали образные указания, как «жарить» проповедь; «прошпиговать» ее в памяти от начала до конца, покрутить на «вертеле» размышлений, «подержать» на огне, зажженном нашим сердцем, и тогда лишь будет она «зажарена» и готова для духовного употребления. Я только в общих чертах передал вам эту проповедь, и, хотя вам она показалась смехотворной, слушатели отнюдь не нашли ее таковой. Она была полна аллегорических сравнений, и они с начала до конца слушали ее с большим вниманием. Однажды утром, встретив этого проповедника, я приветствовал его словами: «Как поживаете, дорогой сэр? Рад видеть вас в полном здравии в вашем возрасте». «Да, – ответил он. – «Я прекрасно чувствую себя для старого человека, и силы мне еще не изменяют». «Надеюсь, – сказал я, – что вы еще долго будете находиться в добром здравии и, подобно Моисею, сойдете в могилу, сохранив ясное зрение и крепкий дух». «Спасибо, – ответил он, – но, во-первых, Моисей отнюдь не сошел в могилу, а взошел в нее; и, во-вторых, что вы хотите этим сказать? Почему Моисей сохранил ясное зрение?» «Думаю, сэр, – ответил я очень мягко, – его правильный образ жизни и душевное спокойствие помогли ему сохранить до старости все свои способности и энергию».

«Весьма вероятно, – сказал он, – но я не об этом говорю; какой смысл, духовное назидание из всего этого? Я думаю, вот какой: Моисей – это сам закон, и какой славный конец уготовил ему Господь на горе завершения Своей работы; как смягчились и уничтожились все его ужасы от прикосновения к нему уст Божиих. И заметьте, закон более не осуждает нас не потому, что притупилось его зрение и вследствие этого он не может видеть грехов наших и не потому, что он потерял силу проклинать и наказывать, а потому, что Христос поднял его на вершину горы и уготовил ему столь славный конец». Так обычно говорил этот проповедник и таковы были его проповеди. Мир праху его. Он пас овец с юных лет своей жизни, был затем пастырем людей и, как обычно говорил мне, «считал людей гораздо более робкими, чем овцы». Обращенных, которые, благодаря ему, нашли путь к небу, столь много, что, думая о них, мы можем уподобить себя тем, кто видел хромого, начавшего ходить и скакать по слову Петра и Иоанна; и хотя они и хотели бы критиковать, но, видя этого человека, стоящего рядом с Петром и Иоанном, ничего не могли сказать против.

Этим я и закончу эту лекцию, еще раз убедившись, что, руководствуясь благоразумием и правильным суждением, мы можем иногда давать духовное толкование библейских текстов с пользой для наших прихожан, во всяком случае, вызвать у них интерес и удержать их внимание.

Глава 8

О ГОЛОСЕ ПРОПОВЕДНИКА

Наше первое правило о вашем голосе следующее: *никогда не преувеличивайте его значения*, потому что самый замечательный голос без текста бесполезен, и, как бы прекрасно вы им ни владели, он будет подобен хорошо управляемой пустой коляске, если не передаете своим слушателям великие и важные истины. Демосфен был, несомненно, прав, разделяя хорошие речи на первые, вторые и третьи, но какая в этом польза, если нечего сказать? Человек, обладающий наипрекраснейшим голосом, но с пустой головой и холодным сердцем, подобен «голосу, вопиющему в пустыне», или, по выражению Плутарха, «голос ничто». Такой человек может блистать в хоре, но на кафедре он бесполезен. Голос Уайтфилда без его духовной силы произвел бы на слушателей не большее впечатление, чем скрипка Паганини. Вы не певцы, а проповедники, ваш голос второстепенен, не хвалитесь им и не сетуйте, если у вас его нет, как это многие делают. Труба не обязательно должна быть серебряной, она может быть сделана и из бараньего рога, но она должна быть прочной, потому что труба предназначена для поля битвы, а не для гостиных.

С другой же стороны, *не преуменьшайте значения вашего голоса*, потому что его сила и красота могут значительно помочь вам достичь желаемого результата. Платон, признавая силу красноречия, придает не меньшее значение и тону речи оратора. «Столь сильно, – говорит он, – звучали в моих ушах речь и тон оратора, что только на третий или четвертый день я опомнился и сообразил, что нахожусь на земле, а не в раю, как некоторое время полагал». Самые драгоценные истины могут в значительной степени потерять силу, когда они произносятся монотонным голосом. Однажды я слушал весьма почтенного проповедника, который так ужасно пробормотал свою проповедь, что ее можно было сравнить с «жужжанием пчелы в кувшине». Хотя это, несомненно, и грубая метафора, но она очень уместна здесь. Я так отчетливо слышу этот жужжащий звук и вспоминаю пародию на элегию Грэя:

«Истлевает и исчезает предмет проповеди,
И наводящее сон молчание царит кругом,
Только пастор жужжит свою вечернюю молитву,
И вялый звон колокольчиков убаюкивает прихожан».

И как жаль, что человек, излагающий от всего сердца и на прекрасном языке бесценные учения, наносит смертельный удар своему пастырскому служению, играя на одной лишь струне арфы, когда Господь дал ему инструмент со столь многими струнами! О, этот наводящий скуку голос! Он мямлил и мямлил, подобно мельничному колесу, на одной и той же немузыкальной ноте, о чем бы ни говорил его обладатель: о небе или об аде, о вечной жизни или о вечных муках. Иногда только звучал он немного громче или немного тише, в зависимости от длины предложения, но тон его оставался одинаковым, монотонной пустыней звука, завыванием, в котором не было ни желаемого утешения, ни разнообразия, ни музыки, а только одна ужасная монотонность.

Когда ветер касается Эоловой арфы, он приводит в движение все ее струны. Но небесный ветер, проникая в душу некоторых людей, действует обычно только на одну его струну и, чаще всего, на самую расстроенную. Только действием благодати могут слушатели извлекать для себя пользу из бормотания некоторых богословов. Думаю, что беспристрастный суд оправдал бы во многих случаях сонливость прихожан, вызванную монотонной речью проповедника. Д-р Гатри объясняет сонливость прихожан в некоторых шотландских приходах плохой вентиляцией; в каком-то смысле это, может быть, и верно, но

более вероятной причиной являются плохие голосовые связки проповедника. Братья мои, во имя всего святого, звоните всеми колоколами вашей голосовой колокольни и не утомляйте своих прихожан дребезжанием одного единственного жалкого колокольчика.

Придавая значение голосу, *остерегайтесь впадать в столь обычную и широко распространенную в наше время аффектацию.* Едва ли найдется один из дюжины проповедников, который бы говорил с кафедры естественным голосом. Этой аффектацией грешат не только протестанты. Так, аббат Мюллуа замечает: «Люди всюду говорят естественно, и в суде и в парламенте, но только на проповеднической кафедре они перестали так говорить. Здесь мы слышим неестественный, искусственный язык и фальшивый тон. Такая манера говорить возможна только в церкви, потому что, к сожалению, она стала столь обычной только здесь; в другом месте ее бы не слушали. Что бы подумали о человеке, который подобным образом говорил бы в гостиной? У многих он вызвал бы только усмешку. Некоторое время тому назад в Пантеоне был один гид, который, обращая внимание посетителей на красоты этого памятника, рассказывал о них точно в таком тоне, в каком говорят и многие наши проповедники, и вызывал у них веселое настроение своей манерой говорить о достопримечательностях, на которые указывал.

Нельзя допускать на кафедру проповедника, который не умеет естественно и правдиво произносить проповеди; на кафедре, по крайней мере, фальшь недопустима. В наше время полного недоверия не должно быть места всему, что звучит фальшиво; и лучший способ отделаться от такого тона – это почаще слушать монотонных и неистовых проповедников. Их проповеди вызовут у нас такое отвращение и такой ужас, что мы предпочтем обречь себя на молчание, чем подражать им. В тот момент, как вы перестаете говорить естественным и правдивым тоном, вы теряете право на доверие к себе ваших слушателей, как и право требовать от них слушать ваши проповеди». Куда бы вы ни пошли, в церковь или капеллу, вы услышите, что на воскресных службах большинство проповедников говорят торжественно-возвышенным голосом. Одним голосом они говорят в гостиной и спальне и совершенно другим на кафедре; их нельзя обвинить в преднамеренной лживости, но говорят они буквально на двух языках. Как только закрывается за ними дверка кафедры, они перестают быть обычными людьми, становясь столь же официальными, как церковные сторожа. Здесь они могут даже посостязаться с фарисеями в том, что они не такие, как все люди, хотя кощунственно за это благодарить Бога. Они перестают быть естественными и говорить, как нормальные люди, а бормочут, мямлят, «закругляют свою речь, или издают какие-то невнятные звуки», только бы не прослыть естественными и не говорить от избытка чувств. Как часто такие одежды оказываются саваном, скрывающим истинное естество человека, и эмблемой официальщины!

Существует несколько манер произносить проповеди, которые, смею думать, вы легко отличите, так как часто их слышите. Первый – это возвышенный, отличающийся чувством собственного достоинства, поучительный, высокопарный, напыщенный стиль, который сейчас уже выходит из моды, но все же некоторым еще нравится. Когда однажды весьма уважаемый проповедник разводил таким образом свои пары, один его слушатель сказал другому, что он, очевидно, «проглотил клецку», на что другой возразил: «Нет, Джек, он не проглотил, а катает ее во рту». Я могу еще представить себе, что столь высокопарно мог говорить д-р Джонсон на Болт Корте или люди, для которых такой стиль естествен, но на проповеднической кафедре подражать такому стилю недопустимо. Если он естествен, то ничего не поделаешь; вообще же обезьянничание оскорбляет естественное чувство приличия, а обезьянничание на проповеднической кафедре граничит с непростительным грехом.

Есть еще другой стиль, и тут прошу вас не смеяться. Это особая манера, которая считается в высшей степени изысканной, деликатной, подобострастной, пустой тратой времени, сплошной глупостью и даже не знаю, как еще ее назвать. Большинство из нас имели счастье слышать такие или подобного рода проповеди, произнесенные фальцетом, и аффектациозно. Я слышал множество их, от высокопарных джонсоновских до утонченных,

произнесенных почти что шепотом, от рева васанских быков до лепета зяблика. Я смог проследить генеалогию некоторых наших братьев до их праотцов – я имею в виду проповедников, от которых они взяли эту возвышенную, мелодичную, благородную, действительно красивую, но, должен честно признаться, отвратительную манеру проповедования. Их генеалогическое древо можно так выразить: Чик-Чирик, который был сыном Шепота, который был сыном Глупца-Жеманника, который был сыном Щеголя, который был сыном Аффектации; или же – Чопорный, который был сыном Грандиозо, который был сыном Помпезности, отца многих сыновей.

Однако там, где естественны даже такие ужасные звукоизлияния, я не стану их осуждать, пусть каждый говорит, как ему дано; но несомненным остается тот факт, что девять из десяти этих провинциальных стилей проповедования, которые, надеюсь, скоро отомрут, неестественны и натянуты. Я уверен, что эти тоны, полутоны и монотоны являются вавилонскими, и не все они характеризуют иерусалимский диалект, потому что иерусалимский диалект имел одну отличительную черту, это был естественный человеческий язык, одинаковый и в быту, и в проповеди. Наш друг, выражающийся столь высокопарно, никогда не говорил в быту так или таким же тоном, как он говорил на кафедре: «Будьте столь любезны дать мне еще одну чашку чая; с вашего позволения я возьму сахар». Он сделал бы из себя посмешище, если бы так говорил, но почему же то, что недопустимо в гостиной, можно себе позволить на проповеднической кафедре? Я утверждаю, что самый лучший тон человеческого голоса может и должен использоваться для возвещения Евангелия; это тот тон, который природа дает человеку для серьезного разговора. Иезекииль служит своему Господу самыми музыкальными звуками, на которые был способен его голос, и Господь сказал ему: «И вот, ты для них – как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий». И хотя, увы, это не тронуло жестокое сердце Израиля, потому что ничто не могло этого сделать, кроме Духа Святого, все же он стал пророком, возвещавшим Слово Божье наиприятнейшим тоном своего голоса и наилучшим образом.

Если у вас какие-то неприятные для слуха особенности речи, то, по возможности, исправьте их. Конечно, гораздо легче учить других, чем самому это сделать. Однако для молодых людей, только вступивших на путь проповедничества, этот недостаток преодолим. Братья, приезжающие к нам из деревень, говорят на своих диалектах. Кто не отличит йоркширский диалект от сомерсетширского, которые различаются не только по провинциальному произношению, но и по интонации? Этому трудно найти причину, но несомненно, что в одних графствах Англии гортань людей как бы покрыта пленкой, подобно накипи в долго употребляемом чайнике, у других же голосовые связки подобны медному инструменту, издающему неприятный металлический звук. Как бы ни были красивы эти естественные голоса в свое время и в своем месте, но мне они никогда не нравились. От резкого диссонирующего писка, напоминающего звук ржавых ножниц, надо отделаться, как и от заплетающейся, невнятной речи, в которой ни одно слово не понятно, а существительные, прилагательные и глаголы представляют собой непонятную мешанину. Также недопустим и, так сказать, замогильный язык, когда человек говорит, не двигая губами, чревовещая; замогильный голос хорош для могильщика, но не глухое стенание вызвало Лазаря из гроба. Самый верный способ погубить себя как проповедника – это говорить не ртом, а горлом. Такое насилие над природой будет ею же наказано; и чтобы избежать этого наказания, не насилуйте ее. Здесь также будет уместно предостеречь вас от частого употребления в проповедях таких междометий, как «гм» или «э»; старайтесь, как только заметите за собою эту вредную привычку, сразу же отделаться от нее. Надобности в этих междометиях совсем нет, и хотя для тех, кто уже привык употреблять их, трудно от них избавиться, для вас, начинающих проповедовать, это надо сделать сразу же, чтобы не стать рабом столь вредной привычки. И здесь также надо указать на то, чтобы вы открывали рот, когда говорите, потому что невнятное бормотание происходит от того, что люди говорят полуоткрытым ртом. Не напрасно же евангелисты написали о Господе, что «Он открыл уста Свои и поучал их». Шире открывайте двери, из которых выходят великие истины. И еще,

братья, избегайте говорить в нос. Лучшие авторитеты утверждают, что нос является органом обоняния, а не речи. В свое время носовое произношение считалось правильным, но в наш век упадка лучше следовать указанию природы и предоставить рту делать свое дело, не вмешивая сюда орган обоняния. Да простит меня американский студент, если он сейчас слушает меня, что я обращаю именно его внимание на следующий недостаток. Избегайте практики некоторых людей не произносить буквы «р». Это также вредная привычка. И еще иногда люди очень мило шепелявят. Это, может быть, наименьший недостаток для человека небольшого роста и непривлекательной наружности, но он губителен для мужественного и сильного человека. Я не могу себе представить, чтобы Илия лепетал свои обличения Ахаву или Павел сладким голосом произносил свои речи на главной площади Афин. Мягкий, полный слез взгляд и слегка запинающаяся речь могут быть очень трогательны, если это происходит от глубины чувств, некоторые обладают ими от рождения и довольно свободно пользуются ими; нам же не подобает, если не сказать большего, подражать им. Говорите так, как вас учит природа, ничего в ней не изменяя и не искажая, а только совершенствуя ее. Демосфен, как вы знаете, очень много работал над своим голосом, и Цицерон, будучи от природы слабого здоровья, отправился в далекую Грецию, чтобы развить свои ораторские способности. Мы же, имея дело с гораздо более возвышенными темами, будем же стараться не менее древних стремиться к совершенствованию манеры проповедования. «Возьмите у меня все, – говорит Григорий Назианзен, – но оставьте мне красноречие, и я не буду сожалеть о тех путешествиях, которые предпринял для его изучения».

Всегда говорите так, чтобы вас слышали. Я знаю человека, который весит 125 килограммов, и голос его должен был бы быть слышен за полмили, а он настолько бессовестно ленив, что его едва слышно в первых рядах храма. Какая польза от проповедника, которого люди не могут слышать? Хотя бы из скромности должны такие люди уступить место тем, кто более пригоден для работы возвещения посланий Царя. Некоторые, хотя и обладают громким голосом, произносят слова невнятно, они у них как бы наскакивают друг на друга, играют в чехарду, бегут вприпрыжку, опрокидывают друг друга. Четкое произношение гораздо важнее силы голоса. Слово должно стоять на твердых ногах, а не спотыкаться и падать из-за вашей поспешности. Как неприятно слушать крупного парня, который от природы обладает сильными легкими, чтобы говорить громким голосом, а он бормочет и шепчет слова. Но в то же время и слишком громкий голос не будет услышан, если не делать между словами нужных интервалов. И слишком медленно говорить не годится, потому что это вызывает у людей с живым умом просто «ужас». Невозможно слушать человека, который произносит слова по одной ложке через час. Медленная речь – это пытка для слушателей, и вынести ее могут разве только мученики. Непростительна и слишком быстрая речь, которая бушует и неистовствует, производя впечатление только на глупцов, и превращает стройные ряды слов в безумную толпу, топя смысл в потоках звуков. Иногда можно услышать совершенно непонятную речь оратора, поспешность которого превращает ее в хаос звуков.

Испытание, которого нельзя дважды вынести, это когда проповедник смешивает «перепирацию» (потение) с «инспирацией», он подобен дикой лошади, в ухо которой попал шершень, и которая несется во всю прыть, пока не вынуждена остановиться, чтобы передохнуть; такие частые остановки во время проповеди приходится нередко слышать, и для слушателей это тяжкое испытание. Делайте паузы, чтобы вам не приходилось набирать воздух в легкие. Это вызывает жалость к оратору, которому не хватает воздуха произнести до конца свою проповедь, а не интерес к тому, что он говорит. Слушатели же вообще не должны замечать дыхание проповедника; процесс дыхания должен быть столь же незаметен, как кровообращение. Неприлично прерывать проповедь по чисто физическим причинам дыхания.

Не следует, как правило, напрягать голосовые связки во время обычной проповеди. Некоторые из присутствующих здесь буквально разрываются на части, только бы как можно громче прокричать свою проповедь; их бедным легким не хватает воздуха, голосовые связки

воспаляются от неистового крика, от которого они никак не могут воздержаться. «Взывай громко, не удерживайся», – говорит пророк, но и апостольский совет нельзя забывать: «не делай себе никакого зла». Если ваши прихожане слышат вас, когда вы говорите вполголоса, то не лучше ли приберечь всю силу своего голоса для случаев, когда она понадобится? «Мотовство до добра не доведет» – гласит пословица, которая и здесь очень уместна. Экономьте эту огромную силу своего голоса. Не вызывайте у слушателей головную боль, когда хотите разбудить их сердца; не надо разрывать им барабанные перепонки, чтобы заставить слушать себя, «Не в ветре Господь». Гром – не молния. Чем громче вы будете кричать, тем меньше вас будет слышно. Крик оглушает слух, создает только отзвук и эхо, и значительно ослабляет впечатление от вашей проповеди. Соразмеряйте силу своего голоса к вашей аудитории; если перед вами двадцать тысяч слушателей, то делайте большие паузы и бейте во все колокола. Но не делайте этого в комнате, где вмещается не более 20-40 человек. Когда я подымаюсь на кафедру, я подсознательно соразмеряю силу своего голоса с данной аудиторией и через два-три предложения нахожу правильный ключ. Если вы видите, что вас слышно сидящим в конце храма, что они понимают, о чем вы говорите, то будьте уверены, что и сидящие впереди храма вас хорошо слышат, и не усиливайте свой голос, даже чуть ослабьте его, – просто будьте внимательны и соразмеряйте силу своего голоса с вашей аудиторией. Зачем говорить так громко, чтобы вас было слышно на улице, если там некому слышать вас? В храме или на улице достаточно постараться, чтобы вас слышали самые отдаленные от вас слушатели. И еще, если вы находитесь в палате больных или знаете, что в храме находятся очень старые и немощные люди, внимательно следите за силой своего голоса. Жестоко, сидя у постели больного, кричать «ГОСПОДЬ – ПАСТЫРЬ МОЙ». Если вы будете так бездумно поступать, то несомненно, что после вашего ухода этот несчастный скажет: «Боже мой! Как у меня разболелась голова. Как рад я, Мария, что ушел этот добрый человек; это такой замечательный псалом, и он так много приносит утешения, а он читал его так громко, что я почти оглох!» Помните, братья мои, что тихий, мягкий шепот гораздо приятнее для больного, чем бой барабана и грохот пушек.

Всегда следуйте правилу изменять силу вашего голоса. Раньше считалось, что начинать надо очень тихо, затем постепенно повышать голос, доводя его в конце до предела громкости. Откажитесь от этих правил, они неуместны и неправильны. Говорите тихо или громко, как вам подсказывает в данный момент ваше чувство, только не следуйте никаким правилам неестественности и прихотливости. Как замечательно сатирически выразился М. де Корморин: «Пылайте всеми страстями, гремите, свирепствуйте, рыдайте вплоть до пятого слова, до третьего предложения, до десятого параграфа, до десятой страницы. Как это будет легко! А главное, как естественно!» Подражая популярному оратору, который не мог говорить громко, один известный проповедник начинал свою проповедь таким тихим голосом, что никто не слышал его. Все наклонялись вперед, боясь пропустить что-то важное, но их усилия были тщетны, они могли услышать только какое-то благочестивое бормотание. Если бы этот брат не мог говорить громко, никто бы его не осудил, но самым абсурдным в этом было то, что через несколько минут все здание просто сотрясалось от грохота его голоса. Если первая часть его проповеди не была важной, почему бы не опустить ее? Но если она имела хоть какое-то значение, то почему бы не произнести ее четко? Эффекта, господа, хотел добиться этот проповедник; он знал, что тот, кто говорил таким голосом, производил сильное впечатление, и надеялся таким образом достичь того же. Если кто из вас дерзает пользоваться таким безумным примером ради столь отвратительной цели, то я от всего сердца желаю ему никогда не вступать на проповедническую кафедру. И я совершенно серьезно говорю вам, что «эффект» отвратителен, потому что это неестественно, искусственно, фальшиво и вызывает только презрение. Никогда ничего не делайте ради достижения эффекта, презирайте уловки низких людей, охотящихся за признанием знатоков, которые так же опасны для истинного проповедника, как саранча для землепашца. Но вернемся к проповеди; с самого начала произнесите ее ясно и четко.

Не говорите вступление шепотом, не делайте больших пауз. Говорите смело, с самого начала завладейте вниманием своих слушателей, говоря громко и четко. Но не начинайте, как правило, с самой высокой ноты, потому что, может быть, далее вам понадобится повысить голос, но говорите четко, чтобы каждое слово доходило до слушателей. Когда надо, понижайте голос до шепота, потому что тихая, неторопливая, проникновенная речь приятна для слуха и способна дойти до самого сердца. Не бойтесь говорить тихо, потому что тихая, четкая речь слышна не хуже громкой. Чтобы быть услышанным, отнюдь не надо говорить громко. Маколей говорит об Уильяме Питте, что «его голос, даже когда он опускался до шепота, был слышен на самых дальних скамейках Нижней Палаты». Правильно замечено, что пушка, производящая самый сильный шум, не всегда бывает дальнобойная: треск ружья производит только шум. Не громкость голоса дает результат, а сила, которую вы в него вкладываете. Я уверен, что, как бы тихо я ни произносил проповедь, она будет услышана в самом дальнем уголке нашего храма, и я в такой же мере абсолютно уверен, что, как бы я ни кричал, никто не сможет меня понять. Хотя я надеюсь, что некоторые из вас прекрасно справляются с этой задачей, я все же приведу один наглядный пример. Колебания воздуха, в быстрой последовательности проникающие в ухо, не создают должного действия на слуховой нерв. Чтобы писать, нужны чернила, но если опрокинуть всю чернильницу на лист бумаги, то это ничего не даст. Звук – это чернила, но не количество его, а умение им пользоваться произведет должное действие на слух. Если ваше честолюбие ограничивается только голосом Стентора, глашатая греков в Троянской войне, «...который имел металлические легкие, а горло его превосходило силой пятьдесят голосов», то отправляйтесь поскорее на Елисейские поля и орите там во всю глотку, но если хотите, чтобы вас поняли и тем быть полезными, то не допускайте, чтобы вас упрекали, что вы «неспособны и крикливы». Ведь вы знаете, что пронзительные звуки слышны на самом большом расстоянии: особый клич путешественников в австралийских пустынях отличается исключительной силой пронзительности. Звон колокольчика слышен дальше, чем бой барабана; и, что примечательно, чем более музыкален звук, тем дальше он разносится. Необходимо не бряцание по клавишам пианино, а разумное извлечение из них лучших звуков. И чем реже вы будете до предела повышать голос, тем приятнее это будет для ваших слушателей и легче для ваших легких. Пользуйтесь всеми методами, от удара кузнечного молота до удара детского мячика. Будьте тихи, как серафимы, и неистовы, как ураган. Будьте столь же непосредственны в своей речи, как нормальный здравомыслящий человек, когда он говорит естественно, требует неистово, шепчет доверительно, умоляет жалобно или заявляет четко.

Затем я бы поставил за правило модуляцию тона. Часто меняйте модуляцию тона и напряжение вашего голоса. Говорите, когда надо, и басом, и альтом, и тенором. Прошу вас делать это из жалости как к самим себе, так и к вашим слушателям. Бог милосерден к нам и устраивает все так, чтобы удовлетворить нашу потребность в разнообразии: будем же милосердны и мы к нашим слушателям и не станем мучить их однообразием. Это же настоящее варварство издеваться над барабанными перепонками слушателей, заставляя их в течение получаса слушать один и тот же звук. Нет худшего способа свести с ума человека, чем заставлять его непрестанно слушать жужжание пчелы или мясной мухи. На что же вы можете надеяться, заставляя эти беззащитные жертвы терпеть ваши монотонные проповеди? Милосердная природа часто щадит несчастных жертв такого жужжания трутня, навевая на них сладкий сон. Не этого же вы, конечно, хотите: так избавьтесь же от монотонности в голосе. Сколь мало проповедников помнит, что монотонность вызывает сон. Боюсь, что справедлив упрек по отношению к некоторым моим братьям, высказанный одним писателем в «Империал ревью»: «Мы все знаем, сколь сладкий сон навевает журчание ручья, шум морского прибоя, дуновение южного ветра в ветвях сосен или воркование дикого голубя. Мы не хотим сказать, что голос современных проповедников-богословов хотя бы в малейшей степени напоминает эти сладкие звуки; однако действие он производит такое же, и немногие могли устоять против усыпляющего влияния длинной проповеди, произнесенной

монотонным голосом и без выражения». Даже самые искушенные в этих вопросах люди редко когда скажут, что проповедь «разбудила» внимание слушателей, а это значит, что большинство проповедей оказывает усыпляющее действие на слушателей. И как ужасно слышать, что проповедник

«Приводит в замешательство слушателей
перед выбором одного или другого:
«Бодрствуйте и молитесь», – говорит текст.
«Спокойной ночи», – говорит проповедь».

Однако, как бы музыкален ни был ваш голос, но если вы постоянно говорите на одной и той же ноте, то слушатели ваши скажут, что на расстоянии он приятнее, чем вблизи. Пожалейте их и перестаньте произносить проповеди нараспев, а говорите нормальным голосом. Я придаю этому очень большое значение, и, если вы не последуете моему совету из сожаления к вашим слушателям, то пожалейте хотя бы себя самих. Бог по Своей Премудрости всегда наказывает всякий грех против Своих как естественных, так и нравственных законов, и потому монотонная речь часто наказуема опасной болезнью, называемой «дисфония клерикорум», или «клерикальной хрипотой». Когда некоторых из наших братьев так «любят» их слушатели, что готовы заплатить большие деньги, только бы избавиться от них на несколько месяцев; когда им рекомендуют и обеспечивают поездку в Иерусалим, такого рода «бронхит» – настолько излечивается там, что высказанный мною аргумент не должен вызвать у них недовольства. Для нас же такой «бронхит» настоящее несчастье, и потому, чтобы избежать его, мы будем следовать любому разумному совету. Если хотите погубить свое горло, свой голос, то это можно сделать очень быстро, если же хотите сохранить его, то последуйте моему совету. Я часто на своих лекциях сравниваю голос с барабаном. Если барабанщик будет постоянно бить по одному и тому же месту своего барабана, то скоро на этом месте в коже барабана образуется дырка; насколько же дольше можно сохранить барабан, если бить по разным местам его поверхности! Так и с человеческим голосом. Если постоянно говорить на одной и той же ноте, то в этом месте можно повредить себе горло и вызвать воспаление голосовых связок. Хирурги утверждают, что бронхит нонконформистов отличается от бронхита духовенства Англиканской Церкви. В этой Церкви очень почитается особый проповеднический тон, своего рода величественный «звон все колокольни» голоса, аристократическая, богословская, пасторская, сверхъестественная, нечеловеческая манера речи, так сказать, «катание» слов. Кто не знает этого высокопарного тона речи, как, например, «дорогие возлюбленные братья, Писание увещевает нас повсюду»? Он до сих пор звучит в моих ушах, подобно звону Биг-Бена, и сопровождается детскими воспоминаниями монотонной фразы: «Принц Альберт, Альберт принц Уэльский и вся королевская фамилия... Аминь». И если человек, который так неестественно говорит, не заболевает бронхитом или другой подобной болезнью, то, думаю, это происходит только по милости Божьей. Я уже достаточно критиковал такую манеру нонконформистов произносить проповеди, и думаю, что они сами повинны в том, что слабеют их голосовые связки и легкие, а их добрые проповедники совершенно теряют голос и навсегда умолкают. В подтверждение этого моего мнения я приведу высказывание знаменитого трагика Макреди, которое достойно внимания, так как оно принадлежит беспристрастному и имеющему большой опыт человеку: «Хрипота обычно бывает следствием не работы голосовых связок, а видом этой работы; т.е. не долгого и громкого разговора, а напряжения голоса. Я не уверен, что все согласятся с этим утверждением, но нет ни одного, можно сказать, на десять тысяч человек, кто бы, выступая перед собранием, говорил естественным голосом; и это особенно наблюдается среди проповедников, выступающих с кафедры. Я думаю, что хрипота является результатом сильного напряжения голоса, что приводит к раздражению и часто воспалению голосовых связок. Труд проповедника, выполняющего целый день свои обязанности в церкви, ничто по сравнению с

трудом актера, исполняющего главную роль в Шекспировской пьесе на одном представлении, как и, я думаю, государственного деятеля, выступающего в парламенте. Я совершенно уверен, что заболевание, которые вы называете «клерикальной хрипотой», объясняется, главным образом, манерой говорить, а не временем и усилиями, которые были затрачены. Я знал несколько своих коллег по сцене, которые страдали ларингитом, но не думаю, что даже у самых знаменитых из них это заболевание было основным». Актерам и адвокатам приходится часто напрягать голос, и все же не существует такой болезни, как адвокатская хрипота или актерская хрипота, а просто потому, что эти люди не позволяют себе столь нерадиво служить публике, как некоторые проповедники служат Богу. Доктор медицины Самюэль Фенуик в своем популярном труде «Заболевания горла и легких» очень умно заметил: «Из всего сказанного о физиологии голосовых связок ясно следует, что у людей, постоянно говорящих на одной и той же ноте, утомляемость гораздо выше, чем у тех, кто часто меняет высоту голоса, потому что у первых напрягаются только одна или одна группа мышц, тогда как у вторых в работу вступают разные мышцы, давая отдых то одним, то другим. Так и человек, подымая руку под прямым углом к своему телу, устает уже через пять – десять минут, потому что только одна группа мышц несет на себе всю нагрузку; но эти же мышцы могут работать целый день, если переносить нагрузку с одних на другие. Поэтому, когда мы слышим, что во время всей службы проповедник читает, молится и наставляет в одном и том же тоне и в одной и той же манере, то можем быть уверены, что он в десять раз больше, чем это надо, дает нагрузку на свои голосовые связки».

Здесь, может быть, стоит повторить мнение, на которое я не раз здесь ссылался и о котором мне напоминают приведенные выше строки. Если бы проповедник говорил чаще, то голосовые связки и легкие меньше бы подвергались болезням. В этом я абсолютно уверен; на основании личного опыта и широких наблюдений могу с уверенностью сказать, что не ошибаюсь. Господа, очень опасно проповедовать лишь два раза в неделю, тогда как пять-шесть раз полезно, и даже двенадцать-четырнадцать – не много. Заставьте торговца овощами и картофелем кричать, предлагая свой товар, один день в неделю, он скажет, что это очень тяжелая работа, но когда он подряд шесть дней в неделю зычным голосом выкрикивает свой товар, у него не развивается никакой «хрипоты овощника», которая помешала ему бы выполнять свою скромную работу. Подтверждение моего мнения, что редкое проповедование является причиной многих болезней, я был рад услышать в замечании д-р Фенуика: «Все эти изложенные ваши правила не будут эффективны без постоянной каждодневной работы голосовых связок. Ничто, очевидно, не имеет такой тенденции к развитию этой болезни, как длинная речь, перемежающаяся долгими паузами, что особенно характерно для проповедников. И если хорошо вдуматься, то это совершенно понятно. Если человеку, и даже животному, приходится выполнять работу, требующую большой мышечной нагрузки, то он должен постоянно, день за днем упражняться в ней, и тогда станет легкой та работа, которую он иначе не смог бы выполнить. Но большая часть клерикальной работы требует большого мышечного напряжения, особенно когда проповедник говорит один раз в неделю, а остальные шесть дней почти не повышает голоса выше обычного уровня. Если бы кузнец или плотник только иногда занимался своим ремеслом, то он не только был бы непригоден к нему, но и разучился бы выполнять свою работу. Пример самых знаменитых в мире ораторов показывает преимущество регулярного и постоянного произнесения речей, и я бы особенно рекомендовал всем людям, профессия которых требует напряжения голоса, читать раза два в день таким же громким голосом, каким он говорит на кафедре, и следить за правильным положением грудной клетки и состоянием своих голосовых связок, как и за четким и правильным произношением слов». Такого же мнения придерживается и г-н Бичер, который замечает: «Работа мальчиков, выкрикивающих газеты на улице, показывает, сколь она полезна для легких человека. А какая польза будет от хилого проповедника, голос которого едва слышен в аудитории из 200 слушателей, если его заставить выкрикивать газеты на улице? Эти нью-йоркские мальчики, продавцы газет, стоят в начале улицы, и голос их катится в ее конец, подобно шару,

брошенному атлетом. Мы советуем людям, готовящимся к любой ораторской деятельности, на какое-то время стать разносчиками товаров. Молодые проповедники могли бы вместе с ними выкрикивать газеты, пока не научатся открывать рот и не укрепятся их голосовые связки».

Господа, необходимым правилом также является *всегда соразмерять свой голос с темой проповеди.* Не говорите торжественным голосом о грустных вещах и не говорите уныло там, где звуки должны звучать радостно, словно они танцуют под аккомпанемент ангельских песен. Я не стану подробно останавливаться на этом правиле, но уверяю вас, что оно очень важно, и, если вы будете его соблюдать, то завоюете внимание слушателей. Всегда соразмеряйте свой голос с темой вашей проповеди, и, прежде всего, *всегда говорите естественным голосом.* Никогда слепо не следуйте правилам и примерам других. Не подражайте голосу других людей или, если уж не можете побороть в себе этого желания, то старайтесь взять у них все самое лучшее, и тогда это принесет хоть какую-то пользу. Я сам иногда не могу противиться сильному влиянию подражания и, побыв в Шотландии или Уэльсе в течение одной-двух недель, не могу отделаться от произношения и интонации этих мест. Не поддавайтесь этому влиянию, но если уж ничего не можете поделать, то единственное средство избавиться от него, которое я знаю, – это стараться говорить естественным голосом. Господа, я снова повторяю, говорите естественным голосом. Будьте не обезьянами, а людьми; не попугаями, а во всем естественными людьми. Считается, что мужчине подобает носить бороду такой, как она растет у него, т.е. естественного цвета и естественной формы, и тогда она будет соответствовать его лицу. Ваша собственная манера говорить будет самой лучшей, если она будет соответствовать вашему образу мысли и вашему собственному характеру. Подражание предназначено для сцены, а для храма требуются люди, освященные светом их святого служения. Я перестал бы повторять это правило, если бы не боялся, что вы забудете его: будьте естественны, будьте естественны и, еще раз, будьте естественны. Аффектация голоса или подражание манере д-ра Сильвертонга, знаменитого богослова, или даже любимого учителя или ректора, принесет вам огромный вред. И я снова повторяю, отбросьте всякое рабское подражание и возвысьтесь до своего собственного мужского «я».

Здесь надо указать еще на одно: *старайтесь развивать ваш голос.* Не жалейте для этого ни сил, ни труда, потому что, как хорошо было замечено, «как бы щедро природа ни одаривала талантами своих избранных, только трудом и учением можно достичь их развития и полного совершенства». Вспомните Микеланджело, который целыми неделями работал, не раздеваясь, и Генделя, который так много упражнялся на пианино, что на его клавишах образовались углубления, подобно углублениям на ложках. И помня это, никогда не говорите о трудностях или усталости. Конечно, почти невозможно представить себе пользу от метода Демосфена говорить с полным ртом камней, но никто не усомнится в пользе его других методов, когда он произносил свои речи на берегу моря при шуме бушующих волн, чтобы научиться владеть аудиторией неистовствующих собраний своих сограждан, или, взбегая на гору, громко говорил, укрепляя таким образом свои легкие. Мы должны пользоваться всеми возможными методами, чтобы усовершенствовать свой голос, которым мы должны возвещать святое слово Божие. Особое внимание обращайте на согласные, каждый произносите четко, так как они характеризуют и выражают слова.

Непрестанно упражняйтесь, пока не достигнете четкого произношения каждого согласного звука. Гласные же не требуют таких усилий, потому что они сами имеют свой голос и могут говорить сами за себя. И во всех других отношениях строго следите за собой, пока не овладеете своим голосом так, чтобы он был подвластен вам, подобно хорошо объезженной лошади. Людям с узкой грудной клеткой рекомендуется каждое утро выжимать гантели или еще лучше пользоваться дубинками, которые имеются в нашем колледже. Вам необходимо иметь широкую грудную клетку, и вы должны все сделать, чтобы развить ее. Не говорите, заложив руки в карманы жилетки, потому что это сужает легкие, но расправляйте плечи, как это делают певцы. Не наклоняйтесь над кафедрой, когда говорите, и не

наклоняйте голову к груди, когда проповедуете. Держитесь ровно, не сутультесь. Откажитесь от стягивающих горло галстуков и узких жилетов. Ничто не должно мешать вам дышать полной грудью. Старайтесь иметь осанку римских и греческих ораторов; посмотрите на картину Рафаэля, изображающую Павла, и без аффектации, а естественно старайтесь иметь такую осанку, как у него на этой картине. Или попросите своего друга указать вам на ваши ошибки; а еще лучше, – недруга, который будет следить за вами и беспощадно критиковать вас. Сколь благотворна будет такая критика для умного и сколь нетерпима для глупца! Непрестанно и внимательно следите за собой, иначе вы бессознательно будете делать ошибки, говорить фальшивым голосом и не заметите дурных привычек говорить небрежно; поэтому всегда относитесь к себе критически. Ничего не упускайте, что может хотя бы в малейшей степени быть вам на пользу. Но, с другой стороны, господа, не становитесь ханжами, которые думают, что жестикуляция и голос – это все, что необходимо для произнесения проповеди. Я не могу слышать о людях, которые целую неделю готовятся к проповеди, уделяя, в основном, внимание повторению своего бесценного произведения перед зеркалом! В наш век, увы, горе нам, если недостатки нашей духовной жизни искупаются благородными манерами. Лучше уж неотесанность странствующих проповедников из глуши диких лесов, чем благоухающее щегольство женоподобной элегантности. Не советую вам придавать чрезмерного значения своему голосу, как и подражать Таплашу с его бриллиантовым кольцом, надушенным носовым платком и его лорнетом. Все эти украшения неуместны для проповедника, им место в витрине магазина модной одежды с ярлыком «весь стильный комплект, включая инструкцию, за 10 фунтов стерлингов, 10 шиллингов».

Здесь также будет уместным заметить родителям, чтобы они следили за зубами своих детей, так как плохие зубы очень мешают правильной речи. Люди с плохой артикуляцией должны сразу же обратиться к дантисту (конечно, опытному), потому что отсутствие хоть одного зуба или дырки в зубах сильно искажают речь. Мой дантист очень разумно пишет в своем проспекте: «При отсутствии части или всех зубов происходит сокращение мышц лица и гортани, и тогда искажаются другие органы речи, которые привыкли к участию зубов, и они перестают играть свою обычную роль, вызывая паузы, усталость или даже плохое настроение, как это происходит с музыкальным инструментом, в котором отсутствует хотя бы одна струна. В этом случае напрасно ожидать гармонии, правильного ключа, тона или громкости голоса, и, конечно же, артикуляция тогда становится неправильной, что приводит к затруднению речи, если не больше, и во многих случаях к шепелявости, быстрому или внезапному падению голоса, а иногда, и того хуже, к бормотанию и трескотне». Если эти недостатки излечимы, то мы должны сделать все, чтобы от них избавиться. Может показаться, что зубы не играют большой роли, но помните, что для такого великого призвания, как наше, даже самое незначительное имеет большое значение. Дальше я буду говорить даже о еще менее важных вещах, но я абсолютно уверен, что они могут оказаться для вас бесценными и помогут избежать серьезных погрешностей и грубых ошибок.

И, наконец, я хотел бы сказать несколько слов о состоянии горла – *следите, чтобы горло ваше было всегда чистым.* Откашляйтесь, перед тем как собираетесь говорить, но только не делайте этого во время проповеди. Один мой друг, весьма почтенный проповедник, всегда говорит, постоянно откашливаясь: «Мои дорогие друзья, – кхе, кхе – то, что я вам – кхе – сейчас скажу, – кхе, кхе – очень важно, и – кхе – прошу вас – кхе, кхе – быть очень – кхе – внимательными». Ни в коем случае не делайте этого. Другие же, не откашлявшись, говорят так, как будто у них ком стоит в горле и им необходимо его выплюнуть. Не лучше ли сначала откашляться и избавить слушателей от этих столь неприятных звуков? Чихание и чохание простительны для простуженного человека, но только не тогда, когда это становится привычкой. Прошу простить меня, что я говорю о столь простых безобидных на первый взгляд вещах, но ваше внимание к ним поможет вам в дальнейшем избежать многих упреков и замечаний.

И еще, никогда не кутайте горло. Советую вам этого не делать из личного опыта. Если кто из вас имеет теплый шерстяной шарф, с которым у вас могут быть связаны самые приятные воспоминания о вашей матери или сестре, храните его, но храните на дне чемодана, не кутайте им свое горло. А если кто хочет умереть от гриппа, пусть носит теплый шарф, но если он как-нибудь забудет его надеть, то схватит такую простуду, что не отделается от нее до конца жизни. Редко вы увидите, чтобы моряк кутал шею. Она всегда у него открыта, воротник у него всегда отложной, и, если он и носит галстук, то он такой маленький и свободный, что ветер со всех сторон обдувает его шею. Я твердый сторонник этого принципа, придерживаюсь его вот уже четырнадцать лет и редко когда простуживался, тогда как раньше не выходил из простуды. Если вам уж так хочется чем-то закрыть свое горло, то почему бы не отрастить бороду! Это самая естественная, библейская, полезная, подобающая мужчине привычка. Один из присутствующих здесь братьев многие годы с большим удовольствием носит бороду. Он должен был уехать из Англии, так как потерял голос, но благодаря своим длинным волосам здоров, как Самсон. Если у вас заболело горло, обратитесь к хорошему врачу. Если же не можете сделать этого, то послушайте своего совета. Никогда не пользуйтесь никакими смягчающими средствами. Они только на время облегчают, но не вылечивают. Лучше уж воспользуйтесь красным перцем или другим вяжущим веществом, насколько это позволит ваш желудок. Но будьте осторожны, потому что вы должны заботиться не только о горле, но и о желудке, и если он у вас не в порядке, то ничего уж не поделать. Здравый смысл говорит, что вяжущие вещества приносят в этом случае пользу. Вы, наверное, слышали, что дубильщик вымачивает кожу в сахаре и потому выдерживает ее в каком-нибудь вяжущем веществе, которое ее стягивает и делает прочной. Когда я начал проповедовать в Эксетер Холле, голос мой для такого большого помещения был слишком слаб, т.е. у меня был обычный голос, который я часто терял, когда мне приходилось проповедовать на улице. Когда же я проповедовал в Эксетер (это самое трудное место для проповедования, так как оно очень большое), я всегда ставил перед собой небольшой стаканчик с водой и красным перцем и, когда чувствовал, что горло мое устало или слабеет голос, достаточно было одного глотка этой смеси, чтобы горло пришло в нормальное состояние. Или же при малейшей боли в горле я прошу приготовить мне крепкого бульона с красным перцем, и лучшего средства и не придумать. Однако я не доктор, и вы имеете полное право не следовать моим советам. Но я уверен, что половина трудностей, связанных с голосом в начале нашего служения, с годами пропадает и полностью преодолевается. Итак, я призываю всех, кто воодушевлен истинным усердием, будьте тверды в ваших стремлениях. Если вы чувствуете, что слово Господне пылает в ваших членах, то даже заикание может быть преодолено и исчезнет страх, который так хорошо известен истинному проповеднику. Мужайся, юный брат, будь тверд, и Бог, и природа, и тренировка помогут тебе.

Глава 9

ВНИМАНИЕ !

Во всех книгах по гомилетике этому вопросу уделяется очень мало внимания, что очень странно, так как он очень важен и заслуживает отведения ему отдельной главы. По-видимому, специалисты гомилетики считают, что все их книги предполагают этот вопрос и нет надобности говорить о нем особо, потому что, подобно сахару в чае, он неотделим от всей гомилетики. Вопрос же этот заключается в том, КАК ПРИВЛЕЧЬ И УДЕРЖАТЬ ВНИМАНИЕ НАШИХ СЛУШАТЕЛЕЙ. Их внимание надо завоевать, иначе они не будут слушать нас, и его надо удержать, иначе мы можем бесконечно говорить, но ничего хорошего из этого не получится.

Военные сообщения наших английских офицеров всегда начинаются словом «ВНИМАНИЕ!», и мы также должны всегда помнить о нем, когда начинаем все наши проповеди. Нам необходимо серьезное, искреннее, неусыпное, постоянное внимание всех, кто присутствует на наших собраниях. Если мысли наших слушателей далеки от того, что мы им проповедуем, если безразличны они к тому, что мы им говорим, то они не смогут принять проповедуемые им нами истины. Грех нельзя извлечь из людей, как Ева была взята из ребра Адама, когда они крепко спят. Они должны бодрствовать, понимать, что мы им говорим и чувствовать нашу силу, иначе мы, как и они, сами заснем. Некоторым проповедникам совершенно безразлично, слушают их или нет; проповедуя положенное им время, для них не важно, будет ли какая польза от их проповеди или нет, и чем скорее такие проповедники заснут вечным сном и станут проповедовать надписями на своих могильных памятниках на кладбище, тем это будет лучше. Одни братья обращают свои слова к отдушине в потолке, словно желая привлечь внимание ангелов, другие же смотрят в книгу, не отрывают от нее глаз, словно глубоко погружены в свои мысли, или же принимают самих себя за слушателей и очень гордятся этим. Почему бы таким братьям не проповедовать в прериях для назидания звездам небесным? И, если проповеди не предназначаются для слушателей, если это монолог, то чем меньше слушателей, тем это для них лучше. Разумный проповедник (а не все проповедники разумны) должен стараться заинтересовать всех своих слушателей, от мала до велика.

Мы должны привлекать внимание даже детей. «Даже детей, – скажете вы, – а кто же, как не мы, это делает?» К сожалению, должен сказать, многие проповедники не делают этого, и когда дети плохо ведут себя в собрании, повинны в этом часто сами проповедники. Нельзя разве вставить в проповедь небольшой рассказ или притчу, чтобы заинтересовать маленьких детей? Нельзя разве глазами привлечь их внимание и улыбкой успокоить их? Я часто глазами разговариваю с мальчиками из сиротского приюта, сидящими внизу моей кафедры. Надо, чтобы все смотрели на нас и внимательно слушали, что мы им говорим. Меня огорчает, если даже слепой не обращает ко мне своего лица. Если я замечаю, что кто-то оглядывается по сторонам, шепчет что-то соседу или смотрит на часы, то это для меня знак, что проповедь моя неинтересная и я стараюсь всеми средствами заинтересовать. Мне редко приходится жаловаться по этому поводу, но когда это случается, я обычно виню себя и призываю, что не имею никакого права на внимание слушателей, если сам не умею привлечь его к тому, что говорю им.

Внимание некоторых прихожан трудно завоевать, их просто не интересует, что вы им говорите. Бесполезно их ругать за это, это все равно, что пытаться поймать птицу, кидая в нее ветками. В большинстве случаев вина лежит на других, и эти другие вы сами. Может быть, они и обязаны слушать вас, но гораздо в большей степени вы обязаны заставить их слушать вас. Если рыба не идет на крючок, то виноват в этом рыбак, а не рыба. Заставьте своих слушателей быть внимательными и слушать то, что через вас Господь говорит их

душам. Одна старая женщина, которой проповедник посоветовал нюхать табак, чтобы не заснуть на его проповеди, справедливо заметила, что если бы он добавил побольше нюхательного табака в свою проповедь, то она бы не заснула. Мы должны добавить в наши проповеди много нюхательного табака или других подобных возбуждающих внимание средств. Помните, что некоторым нашим слушателям трудно быть внимательными, многих просто не интересует, что мы им говорим, и благодать еще не коснулась их душ, чтобы увидеть ценность Евангелия. Говоря им о Спасителе, вы можете спросить их словами поэта:

«Неужели вам все равно, всем вам все равно,
Неужели вам все равно,
Что Иисус должен был умереть?»

Многие из них целую неделю были озабочены своими делами. Им следовало бы к Господу обратиться со своими скорбями. Но поступаете ли вы всегда так? Можете ли вы не думать о своей больной жене и плачущих детях, оставшихся дома? Несомненно, многие из них приходят в дом Божий отягощенные мыслями о своих повседневных занятиях. Фермер думает о своем поле, которое надо вспахать и засеять; а если выпадает дождливое воскресенье, то он думает о своих уже пожелтевших ранних всходах. Перед глазами купца мелькают неоплаченные счета кредитов, а торговец подсчитывает свои долги. Я не удивлюсь, если многие слушатели будут отвлечены разноцветными лентами на шляпах женщин или скрипом сапог мужчин. А как докучают надоедливые мухи, вы сами хорошо знаете: Веельзевул, их бог, изо всех сил старается, чтобы отвлечь ими внимание собравшихся за евангельской трапезой. Часто тягостные мысли одолевают человеком и, как черные мухи, кусают его во время вашей проповеди, и он больше думает, как бы отделаться от них, чем о самой проповеди. И разве это удивительно? Вы должны отогнать от них этих мух и переключить их мысли с повседневных забот на проповедуемые вами по воскресеньям истины. Ваша проповедь и ее тема должны дать им силу подняться над землей, к которой они прикованы, и хотя бы немного приблизить их к небу.

Очень часто помещения, в которых проходят молитвенные собрания, и духота в них очень мешают слушателям сосредоточиться. Например, в такой комнате, как это, где нет доступа чистому воздуху, где все окна закрыты, им трудно дышать, и они ни о чем другом не могут думать. Когда люди должны дышать воздухом, который выдыхают другие, нарушаются естественные процессы жизнедеятельности, и они больше чувствуют головную боль, чем сердечное смятение. На втором месте после благодати Божьей для проповедника необходим кислород. Молитесь, чтобы окна небесные открылись вам, но прежде откройте окна в своих молитвенных домах. Посмотрите, ведь в деревнях, и даже в городе, окна в большинстве своем вообще не открываются. В наших современных домах потолки не выше, чем в сарае, и воздуха в них не больше, чем в восточных темницах, где узники задыхались, умирая медленной смертью. Что бы мы сказали о доме, в котором окна вообще не открываются? Сняли бы вы для себя такой дом? И тем не менее готический стиль и наше глупое честолюбие заставляют многих отказываться от установки открывающихся окон и предпочитают маленькие отверстия в потолке или отверстия в окнах для приманки птиц. Такие помещения становятся не лучше печей, установленных Навуходоносором для Седраха, Мисаха и Авденаго. Если бы все такие храмы были застрахованы, я бы предпочел, чтобы они сгорели. Но даже в тех храмах, где можно открывать окна, их все равно держат закрытыми, и целыми месяцами они не проветриваются, так что от воскресенья до воскресенья воздух в них остается спертым. Этого нельзя допускать. Я знаю некоторых людей, которые не обращают на это внимания. А некоторые даже говорят, что лиса не умирает от зловония в своей норе. Но я не лиса, и спертый воздух вызывает дурноту у меня и моих слушателей. Поток свежего воздуха в храме – настоящее благословение Божье для людей, по крайней мере, он поможет лучше воспринимать возвещаемые им евангельские истины. Старайтесь, чтобы каждый день проветривался ваш храм. В своем храме в Парк

Стрит, где я раньше проповедовал, я несколько раз просил диаконов вынуть верхние оконные рамы, чтобы можно было открывать окна. Я много раз говорил им это, но ничего не помогало; и вот, совершенно провиденциально, в один из понедельников кто-то очень мастерски вынул большинство из них, и было много волнений и догадок, кто бы мог совершить такое преступление, а я предложил дать пять фунтов стерлингов в награду тому, когда он будет найден, кто сделал это доброе дело. Мое предложение не было принято и потому я не считал себя обязанным кого-то одаривать. Надеюсь, что никто из вас не подозревает меня в этом преступлении, потому что, когда случилось это, я должен был бы признаться, что разбил окно палкой, чтобы впустить кислород в наш храм.

Иногда поведение наших прихожан мешает им быть внимательными, они просто не имеют привычки слушать. Они посещают храм, но не слушают проповедника. Они осматривают каждого входящего, они входят в храм в любое время, когда им заблагорассудится, иногда отвлекая внимание присутствующих в храме своей тяжелой походкой, скрипом сапог, хлопаньем дверьми. Как-то, проповедуя в храме и видя, что слушатели постоянно оглядывались на вновь входящих, я обратился к ним с такими словами: «Друзья мои, так как вам очень интересно знать, кто входит, а это очень мешает мне, потому что вы все время оглядываетесь, я, если хотите, буду вам описывать каждого входящего, чтобы вы сидели спокойно и смотрели на меня и хотя бы внешне соблюдали правила приличия». И я описал им вошедшего в это время господина, который оказался моим другом, и я знал, что он не обиделся. Я сказал: «Вот вошел почтенный господин, снял шляпу» и т. д.; они были так сконфужены, что мне не надо было уже больше никого описывать. А я сказал им, что был еще больше сконфужен, чем они, потому что они вынудили меня показать им, сколь безобразно было их поведение. Этот урок оказался им тогда на пользу и, к радости их пастора, надеюсь, они никогда больше не вели себя так.

Предположим теперь, что вам удалось добиться того, чтобы воздух в храме был чистым и поведение прихожан достойным. Что же дальше? Первое золотое правило, чтобы вас внимательно слушали ваши прихожане, – *это всегда говорить то, что заслуживает их внимания*. Большинство людей обладает не только инстинктивным желанием слушать полезные вещи, но и инстинктом, о чем вам следует всегда помнить, который мешает им видеть пользу от внимательного слушания только пустых слов. Я не буду очень строг, если скажу, что у некоторых проповедников больше слов, чем мыслей. Слова скрывают их мысли, если они вообще у них есть. Они высыпают кучи соломы, и, может быть, там и есть один-два колоска, но трудно их увидеть. Слушатели не будут долго слушать только слова, слова, слова и больше ничего другого. Среди заповедей нет такой, которая бы гласила: «не будь многословен», но она была бы равносильна заповеди «не укради», потому что давать своим слушателям слова вместо духовной пищи – это обман. Даже у самых лучших проповедников, «где многословие, там не без греха». Давайте слушателям то, что они будут ценить и помнить, то, что будет им полезно, лучшее из лучшего, самую великую истину слова Божья. Давайте им манну, только что упавшую с небес; не снова и снова одно и то же, подобно хлебу в исправительном доме, который целый год нарезается кусками в одной и той же форме. Давайте им то, что поразит их до глубины души, что подымет их среди ночи и заставит отправиться за пятьдесят миль, чтобы услышать, что вы им скажете. Вы можете сделать это. Делайте же это, братья мои. Делайте это непрестанно, и вы завоюете столь желаемое вами внимание.

Располагайте материал, который вы даете своим слушателям, в четкой и ясной последовательности. Можно свалить множество полезных вещей в кучу, из которых получится одна мешанина. Как-то меня послали за покупками в лавку, и я купил фунт чаю, четверть фунта горчицы и три фунта риса, все это сложил в корзину и, возвращаясь домой, увидел свору охотничьих собак. Я помчался за ними через рвы и плетни (как всегда это делал мальчиком) и, прибежав домой, обнаружил, что все мои покупки перемешались – чай, горчица, рис – в одну ужасную смесь. Тогда уже я понял, что все, что я собираюсь говорить, должно быть разложено по отдельным пакетикам и перевязано одной нитью моей проповеди

– что должно быть первым, что вторым, что третьим, как бы ни устарел теперь этот метод. Люди не будут пить ваш чай с горчицей, не станут слушать путаных проповедей, в которых не отличить главного от второстепенного, потому что в них нет ни одного, ни другого. Излагайте истины в логической, ясной последовательности, чтобы их можно было легко запомнить, и тогда слушатели ваши быстро поймут и воспримут их.

Старайтесь всегда говорить просто и понятно, потому что даже самый превосходный материал не принесет пользы человеку, если он непонятен ему. Если вы употребляете выражения и фразы, недоступные пониманию, это все равно, что говорить со слушателем по-китайски. Возвысьтесь до уровня простого человека, опуститесь до его понимания, если он необразованный человек. Не улыбайтесь, потому что гораздо труднее говорить просто и понятно, чем сложно и путано, и примером тому наш Спаситель. Нужно самому встать на путь, которым могут следовать за нами наши слушатели, а не подыматься на не доступную им высоту. Наш Господь и Учитель был Царем проповедников, и тем не менее Он всегда говорил понятно и доступно для Своих слушателей, исключая только великие тайны нашего спасения; Его слова и изречения исходили как бы из уст «Богоявленного Младенца Иисуса». И если ваши проповеди будут просты и понятны для ваших слушателей, то завоюете не только их внимание, но и сердца их.

Обращайте внимание также и на форму изложения вашей проповеди. Как правило, не читайте свои проповеди по бумажке. Мало кто производил такое сильное впечатление, читая свои проповеди, как, например, Чальмерс, который и без предварительной подготовки произвел бы не меньшее впечатление. Но мы ведь не Чальмерсы. Такие выдающиеся люди могут и читать, если это им нравится, но у нас есть «лучший путь» для этого. Самая лучшая когда-либо мною слышанная прочитанная по бумажке проповедь имела вкус бумаги и застряла у меня в горле. Никакого удовольствия я от нее не получил, потому что желудок мой не мог переварить ее. Лучше уж говорить проповедь наизусть, чем читать ее. Но самое лучшее не читать, ни заучивать наизусть. Если уж вам приходится читать, то делайте это наилучшим образом. Только в этом случае завоюете вы внимание своих слушателей.

Но здесь следует заметить, что, *если вы хотите, чтобы вас слушали, не импровизируйте в буквальном смысле,* потому что это не лучше чтения, а, может быть, и хуже, если проповедь писалась без предварительного обдумывания. Подымаясь на кафедру, не говорите первую пришедшую вам в голову мысль, потому что в большинстве случаев она бывает поверхностной и вздорной. Слушателям нашим нужны проповеди хорошо подготовленные, не сырой материал, а глубоко изученный и изложенный в доступной для их понимания форме. Мы должны говорить от души, в естественных и живых выражениях подавать материал, заранее нами продуманный и подготовленный не хуже, а, может быть, лучше, чем когда он готовится для писания проповеди. По моему мнению, импровизация допустима при выборе слов, но не темы. Слова приходят проповеднику сами, но тема должна быть им хорошо продумана, и, подобно израильскому учителю, он должен говорить то, что знает, и свидетельствовать о том, что увидел.

Не меньшую роль играет и манера изложения проповедуемого вами материала. Не говорите, например, всегда в одном и том же тоне. Изменяйте постоянно высоту голоса, как и скорость речи, то быстро, как вспышка молнии, то сразу медленно и торжественно. Меняйте акценты, ударения, избегайте однообразия. Меняйте иногда тон: то говорите басом, подобно раскатам грома, то обычным своим голосом, каким говорите всегда и везде. Делайте все, только бы не говорить монотонно. Человек по своей природе стремится к разнообразию, которое Бог дает нам в природе, провидении и благодати, пусть же разнообразие будет и в наших проповедях. Однако я не стану слишком настаивать на этом, потому что, как мы знаем, некоторые проповедники привлекали внимание только темой своей проповеди, тогда как манера была далека от совершенства. Если бы пуританский проповедник Ричард Сиббс присутствовал здесь сегодня, то уверяю вас, что все бы внимательно слушали его, хотя он ужасно заикался. Один его современник вспоминает, что он говорил с присвистом, шепелявя и пришептывая. Нам не надо далеко ходить за примерами и в наше время, таких

проповедников и среди нас достаточно. Но мы должны помнить, что Моисей говорил тихо и, несмотря на это, все внимательно слушали его; возможно, и Павел говорил не лучше, потому что, как известно, его речи не всегда пользовались успехом. Об этом, однако, мы не можем говорить с уверенностью, потому что такое мнение принадлежало его противникам. Авторитет Павла в церквах был очень велик, но не всегда его слушали внимательно, когда он говорил долго; по крайне мере мы знаем случай, когда один его слушатель заснул и упал с крыши.

Манера речи – это еще далеко не все. И тем не менее очень жалко, когда прекрасный материал излагается в плохой форме. Царь не должен ехать в грязной карете, великие истины не должны излагаться небрежно. Подлинно царские истины должны шествовать в золотых каретах, запряженных белоснежными конями, под мелодичные звуки серебряных труб. Если ваши прихожане невнимательно слушают вас, не переносите на них свою вину. Если уж мы никак не можем исправиться в этом отношении, то должны сделать все, чтобы содержание нашей проповеди компенсировало этот недостаток.

И еще, *старайтесь, чтобы вступление к проповеди не было слишком длинным.* Всегда жаль, когда строится большое крыльцо перед маленьким домом. Слушая как-то проповедь Джона Хоу, одна благочестивая христианка метко заметила, что он так долго покрывал стол скатертью, что у нее пропал аппетит, она уже потеряла надежду, что ей подадут обед. Накрывайте же ваш стол быстро и не стучите долго ножами и тарелками. Вы, может быть, читали книгу Доддриджа «Возникновение и развитие религии в душе человека» с вступлением Джона Фостера, более длинным и лучшим, чем сама книга, после которого уже пропадает всякий интерес ее читать. Не абсурд ли это? Избегайте такой ошибки в ваших проповедях. Я предпочитаю, чтобы мое вступление к проповеди было подобно выкрикам распространителя городских новостей, который звенит колокольчиком и кричит: «Слушайте! Слушайте! Это важно!», просто для того, чтобы люди знали, что у него есть для них новости и он хочет, чтобы они послушали их. Оно должно быть подобным сигнальному выстрелу, призывающему к началу боя. Не выпаливайте все снаряды вашей мысли сразу, а постепенно развивайте их до завершающего конца. Вступление должно быть не помпезным введением в ничто, а шагом к чему-то важному и достойному внимания. С самого начала все должно быть живо и интересно.

Проповедуя, *никогда не повторяйтесь.* Я слышал одного богослова, который имел привычку через десять-двенадцать предложений говорить: «Как я уже заметил», или «Я повторяю, что сказал раньше». Бедняга! Так как ничего особенного не было в том, что он уже сказал, повторение это только еще более обнаруживало скудость его мыслей. Если вы веско и убедительно сказали о важном вопросе, то зачем к нему снова возвращаться? Если же это неважный вопрос, то зачем снова показывать его неважность? Иногда, конечно же, повторение нескольких предложений может быть очень полезным, но если это становится правилом, то приносит только вред. И разве удивительно, что люди пропускают мимо ушей то, что, как они знают, будет снова им повторено?

И еще, не повторяйте одну и ту же мысль другими словами. Каждое предложение должно заключать в себе что-то новое. Не бейте постоянно по одному и тому же гвоздю. Библия содержит огромный материал, раскрывайте же его вашим слушателям во всей его полноте. Не считайте обязательным и важным каждый раз, как вы проповедуете, излагать все содержание богословия или сделать формальный обзор всех христианских учений, как это делает д-р Жиль. Я не умаляю тем его метод, он очень хорош для богословов или комментаторов, но совершенно не приемлем для проповедования. Я знаю одного богослова, напечатанные проповеди которого представляют собой скорей лекции по богословию, пригодные для чтения их в аудитории, но не с церковной кафедры, и потому они почти не доходят до понимания прихожан. Нашим слушателям нужны не голые кости технических определений, а мясо и приправа. Определения и различия очень важны, но когда они становятся основным элементом проповеди, то напоминают мне проповедь одного молодого человека, состоявшую из рассмотрения лишь важных определений. По поводу этой

проповеди один старый диакон метко заметил, что в ней отсутствовало одно важное различие, а именно, разница между мясом и костями. И если проповедники не будут делать этого различия, то все их проповеди не будут отличаться одна от другой.

Чтобы удержать внимание слушателей, *избегайте говорить слишком долго.* Один старый проповедник сказал молодому человеку, который проповедовал целый час: «Дорогой друг, о чем бы Вы ни проповедовали, не говорите дольше сорока минут». Только иногда можем мы себе позволить говорить больше сорока минут или, скажем, три четверти часа. Если проповедник не может сказать все, что он намеревался сказать за это время, то когда же он это сделает? Но кто-то сказал, что он хотел «отнестись с должным вниманием к своему предмету». Прекрасно, но разве не должен ли он был с таким же вниманием отнестись к своим слушателям или, по крайней мере, пожалеть их и не говорить так долго? Тема его проповеди от этого не пострадала бы, а вот слушатели его жаловались, что им было трудно слушать его так долго. В некоторых деревнях, особенно днем, фермеры должны доить своих коров, и один фермер пожаловался мне на своего проповедника, как я полагаю, из нашего колледжа, и сказал: «Сэр, он должен был закончить к четырем часам, но сам говорил еще полчаса, а все мои коровы ожидали, чтобы я подоил их. А как бы это ему понравилось, если бы он сам был коровой?». В этом вопросе есть здравый смысл. Общество защиты животных должно было бы наказать такого проповедника. Какая польза фермеру от проповеди, когда все его мысли направлены на его коров? Мать будет чувствовать себя совершенно правой, если не сможет и не станет слушать вашей проповеди эти десять лишних минут, когда ее ребенок плачет или погас огонь в ее печке. Вы задерживаете ее на десять минут дольше, чем она рассчитывала, и она считает это несправедливым с вашей стороны. Существует своего рода нравственный договор между вами и вашими слушателями, что вы не будете испытывать их терпения больше полутора часа, и если вы их задерживаете, то нарушаете этот договор и должны нести за это ответственность. Краткость – это качество, доступное для каждого из нас; не будем же упускать возможности завоевывать им доброе расположение к нам наших слушателей. Если вы спросите меня, как сократить вам свои проповеди, то я посоветую вам лучше их подготавливать. Потратьте больше времени на подготовку проповеди, чтобы вам потребовалось меньше времени на ее произнесение. Обычно, чем меньше нам есть что сказать, тем дольше мы говорим. Для произнесения хорошо подготовленной проповеди проповеднику достаточно сорока минут, когда ему мало что сказать, он будет говорить пятьдесят минут; но когда же ему абсолютно нечего сказать, ему потребуется и целый час. Следуйте этим правилам, и они позволят вам удержать внимание слушателей.

Если хотите, чтобы ваши прихожане всегда внимательно слушали вас, то *необходимо просить помощи Духа Святого, чтобы Он привел их в возвышенное и благочестивое состояние духа*. Если они любознательны, исполнены молитвенного духа, деятельны, благочестивы, то придут в дом Божий, чтобы получить благословение Божье. Исполненные молитвенного духа, они займут свои места в храме и будут просить Господа дать им через вас Свое благословение; они будут внимать каждому вашему слову и не утомятся. Они будут жаждать получить Слово Божье, потому что по опыту уже знают сладость небесной манны и захотят собрать свою долю. В этом отношении каждый проповедник хотел бы иметь таких замечательных слушателей как мои. Ведь самые лучшие слушатели – это те, среди которых проповедник чувствует себя, как дома. Мне относительно легко проповедовать в моем храме, потому что мои прихожане приходят в дом Божий с надеждой услышать что-то полезное, и их надежда никогда не обманывает их. Если с такой же надеждой они пойдут слушать другого проповедника, то я уверен, что она исполнится; хотя, конечно, бывают и исключения.

Когда проповедник впервые вступает на кафедру, он не может надеяться на то глубокое внимание прихожан, которое получает тот, кто является для них отцом, кормящим их, как своих собственных детей, связанным с ними тысячами воспоминаний, уважаемым ими за его возраст и опыт. Вся наша жизнь должна быть подтверждением наших слов, так

чтобы с годами наше красноречие становилось бы все более убедительным и мы могли бы завоевать не только внимание, но и преданную любовь нашей паствы. Если, благодаря нашим молитвам, слезам и усилиям наши прихожане станут духовно здоровыми, то нам нечего опасаться, что они перестанут внимательно слушать нас. Паства, жаждущая великой истины, и пастырь, заботящийся дать им духовную пищу, будут всегда действовать в полном согласии, когда их общим делом является Слово Божье.

И еще один совет завоевать внимание слушателей*: чтобы заинтересовать других, надо самому быть заинтересованным*. В этих словах есть больший смысл, чем может показаться с первого взгляда, и хотя я против повторений, но в данном случае все же повторяю: чтобы заинтересовать других, надо самому быть заинтересованным. Тема вашей проповеди должна настолько владеть вашей душой, чтобы вы приложили все свои усилия передать ее другим, и тогда слушатели ваши увидят, сколь важна она для вас, и сами постепенно проникнутся ею.

Станете ли вы удивляться, что люди не слушают человека, который сам не считает важным то, о чем он говорит? Станете ли вы удивляться, что они не слушают его внимательно, когда он говорит не от всего своего сердца? Станете ли вы удивляться, что мысли их обращены на вопросы, которые имеют для них реальное значение, когда он сам не считает их реальными? Ромэн говорил, что важно владеть искусством проповедования, но бесконечно важнее знать сущность его, и в этом есть глубокий смысл. Сущность проповедования – это умение вложить всю свою душу в то, о чем вы говорите, приложить все свои усилия, как если бы речь шла о самой жизни, и тогда вы овладеете вниманием своих слушателей. Однако одного усердия недостаточно, чтобы удержать его, если вам нечего будет им сказать. Не станут ведь люди вечно стоять у своих дверей, слушая барабанный бой, они выйдут и посмотрят, в чем же дело, и поняв, что это просто «много шума из ничего», хлопнут дверью и уйдут, сказав: «Нас просто обманули, и нам это не нравится». Говорите важные вещи и говорите их от всего вашего сердца, и тогда паства ваша будет у ваших ног.

Едва ли надо говорить здесь, что для большинства наших слушателей хорошо бы сопровождать проповеди разного рода пояснениями. Для этого у нас есть пример Господа нашего Иисуса Христа, да и почти все великие проповедники поясняли свои проповеди разными сравнениями, метафорами, аллегориями и короткими шуточными рассказами. Но только не слишком увлекайтесь этим. Как-то я прочел дневник одной благочестивой немки, обратившейся из лютеранства в нашу веру, в котором она пишет о своей деревне: «У нас есть здесь филиал миссионерского центра, из которого молодые люди приходят к нам проповедовать. Я не хочу осуждать их, но они рассказывают нам только очень много занимательных историй, и я думаю, что ничего назидательного они не могут нам сказать. Некоторые из этих историй я уже слышала раньше, и потому они мне не очень интересны. Лучше бы эти молодые люди рассказали нам какую-нибудь спасительную истину из Священного Писания». И не одна она, я уверен, так думает. «Занимательные истории», может быть, и очень полезны, но не на них должна строиться проповедь. Тем более, что многие из них настолько уже устарели, что просто надо отправить в мусорное ведро. Я так часто слышал некоторые из них, что мог бы рассказать их наизусть, но это совсем не нужно ни вам, ни вашим слушателям. Старые остроты, которые остряки выдают за свои собственные, как и разные шуточные истории, которые слышали еще наши прародители, только вызывают чувство отвращения. Не пользуйтесь также столь популярными сборниками рассказов с картинками, которые имеет каждый учитель воскресных школ, потому что никто не станет благодарить вас за повторение того, что он уже знает наизусть; если уж вы рассказываете какие-то истории, то вносите в них что-нибудь новое и оригинальное. Собирайте цветы в садах и полях своими собственными руками, они будут несравненно красивее, чем взятые вами из засохших уже букетов, собранных другими людьми, как бы красивы они ни были когда-то. Широко иллюстрируйте свои проповеди, но не притчами, заимствованными из чужих источников, а сравнениями, которые тесно связаны с темой вашей проповеди. Однако не думайте, что иллюстрации – это все, они только

окошко, но какая польза будет от света, который оно пропускает, если вам нечего осветить? Украшайте гарниром блюда, которые вы подаете, но помните, что главное на них – это жаркое, а не гарнир. Преподавайте истинное наставление и здравое учение, иначе все ваши старания будут тщетны, и вы не удовлетворите жажду ваших слушателей к духовной пище.

Вносите в свои проповеди то, что о.Тэйлор называет «эффектом внезапности». Он имеет огромную силу для завоевания внимания. Не говорите того, что все уже заранее знают, что вы скажете. Не употребляйте избитых выражений. Если вы сказали: «Единый источник спасения – благодать Божья», то не надо всегда добавлять: «а не заслуги человеческие». Измените это выражение и скажите: «Единый источник спасения – благодать Божья, и не по делам праведности спасены будем». Не уверен, что я точно смогу передать слова Тэйлора, но приблизительно он сказал так: «Некоторые из вас не достигают праведной жизни потому, что вы делаете несколько шагов вперед, а затем снова возвращаетесь назад. Как корабль, который несется вниз по течению реки и потом снова относится назад обратным течением, вы продвигаетесь немного вперед, а затем внезапно – как это он выразился? – вас заносит в грязное илистое устье». И мы не раз слышали сию проповедь на тему: «Он был уверен, что если они обратятся, то останутся верными и не пустят стада свои на хлебные поля соседа».

Такого рода «эффект внезапности» заставит ваших прихожан всегда внимательно слушать вас. В прошлом году, приблизительно в это время, сидел я на берегу Средиземного моря в Ментоне и размышлял. Море было тихим, волн почти не было, так как прилив был очень слабым и ветер утих. Волны спокойно набегали одна на другую, и я мало обращал на них внимания, хотя разбивались они у самых моих ног. Внезапно, словно повинуясь какой-то новой силе, набежала большая волна и окатила меня с головы до ног. Можете представить себе, как, будучи до того поглощенным в свои мысли, я вскочил, и все мои размышления тут же рассеялись. Со мной был там молодой проповедник и я сказал ему: «Это показывает нам, как надо проповедовать. Чтобы разбудить сердце слушателей, мы должны поразить их чем-то таким, чего они от нас не ожидают».

Братья мои, овладевайте вниманием своих слушателей неожиданностью! Пусть блистают ваши молнии на чистом небе. Пусть разражается гроза, когда все ясно и тихо кругом, и чем сильнее будет контраст, тем глубже он поразит ваших слушателей. Но не забывайте, что все будет тщетно, если сами вы дремлете, когда проповедуете. Возможно ли это? Увы, да, возможно! Мы это постоянно наблюдаем каждое воскресенье. Многие проповедники произносят свои проповеди в полудреме; фактически они всегда находятся в таком состоянии и не проснутся, пока не прогремят пушки у самого их уха. Привычные фразы, избитые выражения, утомительная монотонность их речи – вот что представляют собой их проповеди, а они еще удивляются, что слушатели спят на их проповедях. Меня же это совсем не удивляет.

Очень полезным средством овладеть вниманием слушателей является пауза. Осаживайте время от времени своих лошадей, и пассажиры в вашей карете будут просыпаться. Мельник засыпает под шум колес своей мельницы, когда они вращаются, но если по какой-то причине они вдруг останавливаются, он вскакивает и кричит: «Что еще случилось?». В жаркий летний день, когда ничто не может преодолеть сонливость ваших прихожан, проповедуйте как можно короче, пойте больше песнопений, чем обычно, или попросите одного или двух братьев читать молитвы. Один проповедник, заметив, что его слушатели готовы заснуть, сел на свое место и сказал: «Видя, что вы все отдыхаете, я подумал, почему бы и мне не отдохнуть». Эндрю Фуллер, только начав свою проповедь, увидел, что слушатели его вот-вот заснут, и тогда он сказал им: «Друзья, друзья, друзья, это никуда не годится. Иногда я думал, что моя вина в том, что вы засыпаете, но теперь я вижу, что вы засыпаете еще до того, как я начал говорить, и тогда это ваша вина. Прошу вас, проснитесь и дайте мне возможность принести вам пользу». Вот так! Знайте, где делать паузу. Речь – серебро, молчание же – золото, когда слушатели невнимательны. Если вы будете постоянно и монотонно говорить об одном и том же, то окончательно убаюкаете

своих слушателей, и они опустятся в глубокий сон. Толкните же люльку, и они сразу проснутся.

Я снова повторяю, что, если хотите вы владеть вниманием своих слушателей во время вашей проповеди, то должны *заставить их почувствовать, что то, что вы собираетесь им сказать, будет им интересно.* Это действительно самое важное, потому что никто не станет спать, если надеется услышать что-то полезное для себя. Мне доводилось слышать очень много странных вещей, но я никогда не слышал чтобы кто-то заснул, когда читалось завещание, или узник заснул бы, когда судьи выносили ему приговор и ему грозила смертная казнь. Личная заинтересованность всегда возбуждает внимание. Проповедуйте на практические темы, касайтесь насущных, сиюминутных, личных вопросов, и вас всегда будут слушать с неослабевающим вниманием.

Не позволяйте также церковным служителям ходить во время проповеди по храму со свечами, с тарелками для сбора подаяний или открывать окна. Диакон и пономари, ходящие во время проповеди по храму, – это просто невыносимая мука, и их надо вежливо, но твердо просить не делать этого.

Опоздавшие на богослужение также нуждаются в наших мягких, но требовательных увещеваниях не опаздывать на службы. Я уверен, что во многих наших беспорядках в храме, которые действуют на нервы и мешают сосредоточиться, повинна рука диавола: хлопанье дверьми, падение палки на пол, плач ребенка – все это орудия в руках диавола, желающего помешать нашему деланию; поэтому мы даже обязаны требовать от наших прихожан не поддаваться его козням.

В начале этой лекции я дал вам золотое правило, как овладеть вниманием слушателей, а именно, всегда говорить им то, что заслуживает их внимания. Теперь дам я вам бриллиантовое правило: облекитесь силой Духа Божия, и тогда не будет возникать вопроса внимания или невнимания. Выходите на проповедь с чистым сердцем и укрепленные общением с Богом и говорите во имя Его от всей вашей души и всего вашего сердца, и тогда вы получите полную власть над своими слушателями. Когда говорит Бог, все должны слушать; и хотя Он может говорить и через таких слабых и недостойных людей, как мы, величие его правды заставит их повиноваться Его голосу. Мы должны полагаться на силу Всевышнего. Говорю вам, развивайте свои ораторские способности, изучайте все области науки, делайте свои проповеди совершенными в духовном и риторическом смысле, какими они и должны быть (и вы должны все сделать для этого), но в то же время помните, что «ни силой и ни властью» возрождаются и освящаются люди, а «только Духом Моим, говорит Господь». Разве не чувствуете вы себя иногда облаченными и исполненными Духом Святым? И тогда вас внимательно слушают и долго будут слушать истинно верующие люди; но если не облечены вы этой властью свыше, то будете для них лишь музыкантом, играющим на хорошем инструменте, или певцом, исполняющим прекрасную песнь чистым голосом, затрагивая слух, но не сердце ваших слушателей. Если же вы не трогаете сердце людей, то скоро утомите их слух. Облекитесь же силой Духа Божия и проповедуйте так, как это делают те, кто должен скоро дать ответ и хочет, чтобы этот ответ не был ни тягостен для их слушателей, ни мучителен для них самих, а был во славу Божью.

И да будет с вами, братья мои, Сам Господь, когда вы проповедуете во имя Его и восклицаете: «Имеющий ухо, да слышит».

Глава 10

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Мы не будем здесь касаться вопросов, надо ли писать проповеди и зачем читать их по написанному, либо выучивать их наизусть и говорить по памяти, либо пользоваться или не пользоваться конспектом. Если мы и будем говорить о них, то только мимоходом. Сейчас же мы остановимся исключительно на импровизированной проповеди в ее самой правильной и истинной форме, т.е. без особой предварительной подготовки, без предварительных заметок и обдумывания.

Прежде всего, *мы никому не советуем делать из импровизации общее правило*. В противном случае это приведет к тому, что никто не станет посещать молитвенных собраний и слушать таких проповедников. Необдуманные, без предварительного размышления мысли, приходящие в голову проповедника на не продуманные заранее темы, чаще всего не приносят пользы, даже если они исходят и от самых талантливых людей, а так как никто из нас на дерзает претендовать на гениальность и глубокую эрудицию, боюсь, что наши не подготовленные заранее проповеди едва ли будут достойны внимания наших слушателей. Прихожанам нужны содержательные, глубоко поучительные проповеди, а не заполнение времени пустым красноречием. Человеческие души жаждут пищи, настоящей пищи. И поэтому новомодные богословы, по мнению которых общественное служение заключается в том, что каждый брат может вскакивать и говорить, что ему придет в голову, хотя сами и с презрением относятся к невежеству и болтовне, скоро иссякают и замолкают; потому что даже люди с самым свободными взглядами, которые считают, что Святой Дух может говорить через любого члена собрания, скоро устают слушать чепуху, которую несут другие, хотя сами они не лучше. А все истинно благочестивые люди скоро устают от столь скучного невежества и переходят к другим проповедникам или возвращаются в свои бывшие приходы, если там преподается истинное и основательное учение. Даже квакерство, при всем его во многих отношениях превосходстве, только в редких случаях смогло побороть скудость мысли и поучений, которые во многих его собраниях излагали проповедники-импровизаторы.

Метод импровизированного проповедования практически неудачен и теоретически необоснован. Дух Святой не обещал давать духовную пищу верующим через проповедников-импровизаторов. Он никогда не будет делать за нас то, что мы можем сделать для себя сами. Если мы можем заниматься своим делом сами и не хотим делать этого, если мы можем быть усердными проповедниками и не хотим ими быть, то не имеем никакого права просить помощи Господа возместить нашу лень и нерадивость. Бог по Своему промыслу обещал накормить Свой народ земной пищей; но если бы мы собрались на ужин и никто не подготовил бы ни одного блюда, потому что все надеялись, что к нужному часу Господь подаст нам пищу, то ужин бы не состоялся и безрассудство наше было бы наказано голодом. Так и с духовной пищей, только с той разницей, что духовные потребности человека не будут так громко напоминать о себе, как его желудок. Господа, не пытайтесь, как правило, пользоваться методом, который в большинстве случаев столь неудачен, что только некоторые исключения подтверждают правило. Все проповеди должны быть хорошо продуманы и подготовлены проповедником; каждый проповедник должен, испросив помощи Божией, как можно глубже изучать тему своей проповеди, приложить все свои интеллектуальные способности, собрать весь имеющийся материал. Изучив его со всех сторон, он должен выбрать самое важное, хорошо его пережевать и переварить. И только сам напитавшись Словом Божиим, может он достойно передать его другим. Наши проповеди должны быть источником нашей жизненной силы – излияние наших духовных и интеллектуальных сил; или, если применить другой образ, – хорошо обработанными и

оправленными алмазами – драгоценными духовными камнями, носящими следы наших трудов. Бог запрещает отдавать Господу то, что ничего нам не стоит.

Я категорически против чтения проповедей по бумажке, но я очень советую вам как можно чаще писать их, потому что это самое полезное упражнение, огромная помощь в развитии дара импровизации. Может быть, такое упражнение не так необходимо тем из нас, кто много пишет в других областях, например, прессы и т. д., но если вы не занимаетесь этим, то вам очень будет полезно писать, по крайней мере, некоторые свои проповеди и хорошо их отредактировать. Оставляйте их дома, но все же пишите, чтобы избежать погрешностей и небрежности. В своем замечательном сочинении об импровизированной проповеди М. Бутен пишет: «Вы никогда не сможете говорить в собраниях, если не научитесь разлагать свою мысль на составные ее части, анализировать каждый ее элемент, а потом, когда понадобится, снова соединить их, синтезировать в единое целое. Такой анализ идеи, который раскрывает ее перед вашим внутренним взором, лучше всего производить письменно. Перо – это скальпель, который анатомирует мысли, и только если вы изложите на бумаге то, что держите в уме, то сможете четко увидеть все, что содержится в данной концепции, и ясно определить ее цель. Тогда мысль ваша будет понятна вам самим и вы сможете сделать ее понятной и для других».

Мы не советуем заучивать проповеди наизусть и говорить их по памяти; это очень утомительное упражнение для людей со слабой памятью и пренебрежение другими большими способностями. Самым лучшим и похвальным является держать в голове тему проповеди и изложить ее соответствующими словами, приходящими вам в голову во время ее произнесения. Это не импровизация, не импровизированное проповедование; слова и выражения здесь не выбираются заранее, но мысли должны быть результатом глубокого продумывания и изучения. Только неразумные люди думают, что это легко; на самом же деле это большой труд и самый полезный метод проповедования, который имеет свои собственные преимущества. Я не буду рассматривать их подробно, так как это уведет нас далеко от темы нашего разговора.

Мы будем говорить сейчас о настоящей, чистой импровизации. Умение импровизировать очень важно для проповедника и в большинстве случаев оно достигается без особого труда. Этим даром обладают многие и неверно говорить, что это редкий дар. Итальянские импровизаторы настолько владели им, что их стихи, которые импровизировали сразу же на предложенные им темы, состояли из сотен и даже тысячи строк. Они сочиняли целые трагедии так же стихийно, как ручьи наполняются водой, и могли целыми часами говорить экспромтом под влиянием минуты, а также, может быть, после глотка итальянского вина. Их печатные произведения чаще всего были посредственными, и все же один из них, Перфетти, получил лавровый венок, которым были награждены только Петрарка и Тассо. И теперь многие такие импровизаторы сочиняют стихи экспромтом, понятные для их слушателей, которые внимают им, затаив дыхание. Почему же не можем мы с таким же успехом импровизировать прозу? Думаю, что говорить экспромтом стихами мы не можем, да нам это и не нужно. Многие из нас, конечно же, писали в детстве стихи (кто из нас не грешил этим в минуты слабости?), но теперь, когда все наши мысли озабочены прозой жизни и смерти, нам уже не до этих ребячеств.

Многие адвокаты прекрасно владеют даром импровизации. Надо же им иметь хоть какие-то качества. Несколько недель тому назад велся процесс против одного бедняги, обвиняющегося в ужасном преступлении клеветы на адвоката; ему повезло, что не я был его судьей, потому что, если бы подтвердилось это его тяжкое и ужасное преступление, я бы приговорил его к пожизненному перекрестному допросу в надежде, что, милостью Божией, жизнь его будет коротка. Но в большинстве своем господа адвокаты искусные ораторы, и они должны уметь говорить экспромтом, потому что не всегда могут предвидеть аргументы следствия, настроение судьи или свидетельские показания противоположной стороны. Как бы хорошо ни было подготовлено судебное разбирательство, защита, всегда могут возникнуть и возникают вопросы, которые требуют быстрой реакции ума и ораторских

способностей. Меня всегда поражает, сколь остроумные, быстрые и во всех отношениях правильные без всякой подготовки, реплики подают иногда в наших судах адвокаты. Разве не можем и не должны ли делать во имя Божие то, что делают адвокаты, защищая своих подзащитных? Нельзя же допустить, чтобы речь защитника в суде была лучше проповеди, произносимой с высоты церковной кафедры. Мы должны уметь владеть интеллектуальным оружием, как все люди, кто бы они ни были, и Бог поможет нам.

Некоторые члены палаты общин прекрасно произносят свои речи экспромтом и достигают больших успехов. Обычно самым тяжелым испытанием является слушать заурядных спикеров в палате лордов и палате общин. Вот бы предложить вместо смертной казни заставлять преступников выслушивать скучнейших парламентских ораторов. Но не допустит этого «Королевское общество спасения утопающих». Однако некоторые члены парламента умеют прекрасно выступать экспромтом в парламенте. Могу себе представить, что прекрасные речи Брайта, Гладсона и Дизраели были, по выражению Стоуна, подобны мощным струям, вырвавшимся из кипящего гейзера. Конечно же, их длинные речи о бюджете, о реформе избирательной системы и о других важных вопросах были ими глубоко заранее продуманы, но многие из их кратких речей, несомненно, были произнесены экспромтом и тем не менее имели огромный успех. Почему же должны народные представители обладать более высоким мастерством импровизации, чем духовные представители Царства небесного на земле? Братья, всеми силами старайтесь развить в себе этот драгоценный дар и ваши труды будут вознаграждены.

Все вы, конечно, знаете, что дар импровизации крайне важен для проповедника. Если хоть раз промелькнет в вашей голове мысль: «Как бы я хотел обладать этим даром, потому что не надо мне будет тогда так сильно трудиться?», то, увы, тогда он не нужен вам, так как вы не достойны его и не смеете им пользоваться. Если вы надеетесь, что он позволит вам ничего не делать, то глубоко ошибаетесь; обладание этим даром требует огромного труда, чтобы развить и даже сохранить его. Он подобен волшебному фонарю в знаменитой сказке, который будет светить только тогда, когда его хорошо натирают, иначе он станет просто тусклым шаром.

Иногда можно слышать или читать о людях, которые ради своего тщеславия соглашаются проповедовать на данный им в любую минуту текст; такое бесславное хвастовство отвратительно и граничит с бесчестием. Мы не смеем обманывать наших слушателей такими упражнениями в красноречии. Наши таланты даны нам совершенно для других целей. И я надеюсь, что вы не допускаете такое растрачивание своего таланта на столь пустые вещи. Упражнения в красноречии хороши для дискуссионного клуба, но на проповеднической кафедре они отвратительны, даже если сам Боссюэ позволяет себе этим заниматься.

Дар импровизации бесценен, потому что он позволяет человеку говорить экспромтом в любой момент, при любых неожиданных обстоятельствах и делать это надлежащим для данного случая образом. А такие обстоятельства будут возникать. Неожиданности могут появляться в самых образцовых собраниях. Исключительные события могут направить обдуманный вами заранее ход мыслей в совершенно другую сторону. Вы ясно увидите, что выбранная вами тема для проповеди совершенно не подходит для данного случая и, как разумные люди, вы без колебания будете говорить о другом. Когда вы управляете каретой и видите, что старый путь закрыт, вам ничего другого не остается, как ехать по другой дороге, и, если вы не способны управлять лошадьми по вспаханному полю или не асфальтированной дороге, по которой надеялись проехать, то упадете с козел и подвергнете опасности своих седоков и какое это благо, когда, услышав слишком уж поверхностные или скучные проповеди, вы сможете, не делая никаких намеков на их недостатки, спокойно исправить их, направив ход мысли собрания в полезное русло. Этот дар особенно важен в молитвенных собраниях, когда возникают обстоятельства, которые трудно было предвидеть. Не все беды Израиля уже кончились. Ахан, его жена и дети были побиты камнями, но другие члены его семейства, очевидно, спаслись, так как род его, несомненно, продолжился, и об этом нельзя

забывать. В некоторых приходах каждому, даже высокомнящему о себе брату, позволительно подниматься на кафедру и говорить собранию, и тогда очень важно, чтобы пастор быстро и убедительно показал его недостатки. Пастор, который идет в собрание, облекшись Духом своего Учителя и чувствуя себя уверенным, что с помощью Духа Святого он способен противостоять любому своенравному духу, чувствует себя спокойно, не теряет самообладания, каждый раз вызывает к себе все большее уважение и приносит утешение прихожанам; но не готовый к проповедованию брат начинает волноваться, может быть, даже дает волю чувствам, компрометирует себя и вызывает смятение в душах своих слушателей. Кроме того, иногда приходится говорить экспромтом из-за отсутствия назначенного проповедника или его внезапной болезни; большое волнение охватывает человека, когда, решив молчать, ему приходится говорить; в собрании могут возникать любые неожиданности, когда импровизация столь же бесценна, как драгоценные камни из Офира.

Но как же приобрести этот бесценный дар? И здесь, прежде всего, надо сказать, что некоторые никогда не смогут его получить. Для этого необходимы врожденные способности, как, скажем, для стихотворчества: поэтом рождаются, а не становятся, «искусство может развить и усовершенствовать талант оратора, но создать его оно не может». Все правила риторики и все приемы красноречия не могут сделать человека красноречивым; это дар свыше, и тот, кому в нем отказано, ниоткуда не получит его. Этот «дар красноречия», как мы называем его, дается от рождения, возможно, по наследству от матери. Другим в этом даре отказано; их артикуляция и, что еще важнее, структура ума никогда не позволит им говорить легко и свободно. Они могут, хоть и заикаясь, говорить посредственные проповеди или медленно излагать здравые мысли, но никогда они не станут импровизаторами. Если доживут они до Мафусаиловских лет, то, может быть, только тогда, следуя теории Дарвина, что архиепископ Кентерберийский произошел от устрицы, станут они хорошими ораторами. Не обладая этим естественным даром, можно достичь высокого поста в любых других областях, но никогда не подняться на высокий уровень импровизации.

Чтобы говорить проповеди без подготовки, надо очень много к этому готовиться, очень много и усердно учиться. Как это не звучит парадоксально, но легко объяснимо. Если я мельник и если мне принесут мешок, чтобы я наполнил его за пять минут хорошей мукой, то я смогу сделать только в том случае, если мои закрома всегда наполнены мукой и мне остается только открыть мешок, насыпать в него муку и отдать заказчику. Я не мелю муку тут же, а намолол ее уже заранее и потому сразу же, как бы экспромтом, даю ее заказчику. Так и вы, братья, должны намолоть муку заранее, иначе у вас ее просто не будет. Вам нечего будет готовить. Вы не сможете говорить экспромтом полезные вещи, если не научитесь думать и питать свой ум обильной и полезной пищей. Непрестанно и много трудитесь. Наполняйте свой ум знаниями, и, как у торговца, лавка которого заполнена товарами, у вас будет возможность дать своим слушателям то, что им нужно в данный момент. Разложив свой материал по полочкам в уме, вы сможете в любой момент дать им тот, который нужен, потому что он уже заранее был вами подготовлен. Дар импровизации проповеди требует гораздо большего труда, чем написание и заучивание ее напамять. Возьмите это себе за правило без всяких исключений. Помните, только переполненный сосуд может изливаться через край.

Для импровизации *очень важно иметь запас идей и выражений.* Кто обладает обширными, систематическими, глубокими знаниями, тот сможет, подобно сказочному принцу несметных богатств, разбрасывающего свои сокровища налево и направо в толпу, передавать их другим. Для вас, господа, крайне необходимо обладать глубокими знаниями Слова Божия, внутренней духовной жизни, великих проблем времени и вечности. От избытка сердца говорят уста. Научитесь предаваться духовному созерцанию, изучайте Священное Писание, всем сердцем проникнитесь законом Божиим и вам не надо будет бояться говорить о вещах, которые вы получили и познали через Слово Божие. Плохо говорят те, кто не знает предмета, о котором идет речь; но вы, согретые любовью к Великому Царю, познавшие радость общения с Ним, будете говорить из глубины сердца вашего столь

же легко и свободно, как пишут свои сочинения глубоко эрудированные писатели. Всем сердцем своим познавайте духовные великие истины и вам легко будет передать их другим. Незнание богословия среди наших проповедников нередкое явление, и удивительно не то, что среди них так мало умеют говорить проповедей экспромтом, а то, что их так много. И не будет у нас великих проповедников, пока не будет великих богословов. Не построить военного корабля из маленького смородинного куста, как не выйдет никогда из нерадивых студентов глубоко проникновенных проповедников. Только обширные и глубокие знания, особенно знание учения Господа нашего Иисуса Христа, позволяет стать хорошими проповедниками. Но одного запаса слов недостаточно без запаса идей. Как мы уже заметили, для импровизации необходим богатый словарный запас, красивый язык, изящная речь, и особенно умение подбирать убедительные выражения. Для этого не надо запечатлевать в уме каждое понравившееся вам слово, встреченное вами при чтении разных книг, и потом использовать его в своей проповеди, а надо знать значение слов, чтобы уметь оценить силу синонимов, определить ритм предложений, взвесить силу вставных, служащих для украшения слов. Вы должны быть настоящими мастерами слова; слова должны быть вашими вдохновителями, помощниками, вашими громовыми молниями, вашими каплями меда. Простой набор слов подобен куче устричных раковин, гороховой шелухи, яблочной кожуры. Но для человека с широкими знаниями и глубокими мыслями слова – это серебреные корзины, в которых он подает слушателям свои золотые яблоки. Старайтесь же иметь такой запас слов, который бы достойно передал ваши мысли.

Я также считаю, что человек, который собирается говорить экспромтом, *должен выбирать темы, которые сам хорошо понимает.* Это самое главное. С тех пор, как нахожусь в Лондоне, я никогда не готовился к вечернему богослужению по понедельникам и делал это для того, чтобы научиться говорить экспромтом. Я пользовался этой возможностью для приобретения навыка импровизации. Но, заметьте, что тут я выбираю темы, легкие для толкования и для понимания, ограничиваясь простыми доверительными беседами об основных истинах нашей веры. Подымаясь в таких случаях на кафедру, я мысленно оглядываюсь назад и задаю себе такие вопросы: «Какая тема занимала меня сегодня целый день? Что обратило мое внимание в прочитанном мною на прошлой неделе? Что больше всего волнует меня сейчас? Какую тему подсказывают мне сегодняшние песнопения и молитвы?» Бессмысленно подыматься на кафедру, надеясь, что найдет на вас вдохновение и вы сможете говорить о предметах, в которых сами не разбираетесь, и ничего полезного от этой вашей проповеди не получат ваши слушатели. Говорить экспромтом можно и нужно только тогда, когда вы хорошо разбираетесь в том, о чем говорите. Любой купец, хорошо разбирающийся в своем деле, сразу же, не задумываясь, объяснит вам его; так и, мы, конечно же, должны хорошо разбираться в начальных принципах нашей святой веры; мы не должны теряться, когда нам приходится говорить о вещах, которые каждый день составляет насущный для наших душ. В таких случаях я не вижу пользы от механического записывания проповеди перед ее произнесением, потому что написанная экспромтом проповедь гораздо слабее, чем произнесенная экспромтом. Преимущество записывания проповеди заключаются в возможности просмотра и исправления; но если даровитые писатели могут с первого раза правильно выразить свои мысли на бумаге, то и даровитые ораторы могут сделать это не хуже в своих речах. Мысли проповедника, которые он высказывает по поводу предмета, хорошо ему известного, это отнюдь не первые пришедшие ему в голову, а результат долгого размышления, согретого пламенем его сердца. Только хорошо заранее изучив тему своей проповеди, сможет проповедник говорить убедительно и назидательно. *Не пытайтесь импровизировать на тему, которую заранее хорошо не изучили.*

Помню, как однажды я попал в трудное положение и, если бы не выступил экспромтом, то не знаю, как бы из него вышел. Я должен был проповедовать в одном собрании, но опоздал, так как поезд мой не пришел вовремя. Тогда другой проповедник начал богослужение, и, когда я, запыхавшись вбежал в храм, он уже проповедовал. Увидев

меня в дверях храма, он остановился и сказал: «Вот и он, и, глядя на меня, добавил, «Уступаю вам место, дорогой брат, идите и кончайте проповедь». Я спросил на какой текст он проповедовал и где остановился. Он сказал мне, какой это был текст, и что только что закончил первую часть. Не колеблясь, я продолжил и довел проповедь до конца. Думаю, что каждый из присутствующих здесь сделал бы то же самое, так как сложившиеся обстоятельства очень облегчили мою задачу. Во-первых, проповедник был мой дед; во-вторых, текст был: «Благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар». Надо быть глупее ослицы Валаама, чтобы растеряться в таких обстоятельствах. Если было сказано, что «благодатию вы спасены» указывает на источник спасения, то следующая фраза «чрез спасение», это, несомненно путь к нему. Едва ли надо много учиться, чтобы объяснить, что спасение мы получаем через веру. Но затем меня ждало еще одно испытание; продолжая с увлечением говорить дальше, я вдруг почувствовал, что дед мой одобрительно похлопал меня по плечу и сказал: «Верно! верно! Только скажи им это еще раз, чтобы не позабыли они». Я повторил эту истину и продолжал говорить дальше, глубже развивая эту мысль, когда дед мой потянул меня за фалды, встал и сказал: «Внук мой объясняет вам теоретически, я же свидетельствую вам эту истину, познав ее на своем собственном опыте; я старше его и могу свидетельствовать вам ее, как старый человек». Затем, дав нам примеры из своего опыта, он сказал: «Как видите, мой внук может проповедовать Евангелие гораздо лучше меня, но благая весть останется благой и не может быть лучше». Итак, господа, не имея некоторого опыта в импровизации, я, конечно, растерялся бы; а так все выглядело естественно, как если бы все было подготовлено заранее.

Хорошим упражнением для владения даром импровизации является изучение иностранных языков. Знакомство с корнями слов, правилами грамматики, необходимость видеть различие между двумя языками позволяют человеку правильно употреблять части речи, наклонения, времена и окончания, и, подобно ремесленнику, он учится пользоваться своими инструментами, которые становятся его помощниками в повседневной жизни. Я не знаю лучшего упражнения, чем быстро делать письменные переводы отрывков из Вергилия или Тацита, а затем внимательно перечитывать свой перевод и исправлять допущенные ошибки. Люди, которые не считают изучение классических языков пустой тратой времени, хотя бы с точки зрения пользы для развития ораторских способностей у наших проповедников, должны привлекаться к преподаванию их во всех наших учебных заведениях. Кто не понимает огромного значения сравнения двух языков для умения хорошо излагать свои мысли! Кто не понимает, что такое упражнение позволяет оценить тонкости в различии значения слов и вещей, что крайне важно для толкователя Слова Божия истины! Учитесь же, господа, собирать и разбирать механизм языка, замечать каждый зубчик, колесико, болтик, рычажок в нем и вам легче будет управлять им даже на самой высокой скорости, если того потребуют чрезвычайные обстоятельства.

Кто хочет овладеть искусством импровизации, должен упражняться в нем. Чарльз Фокс не сразу стал самым блестящим и выдающимся оратором, когда-либо жившим на земле. Он приписывал свои успехи решению, принятому еще в юности. «На протяжении целых пяти сессий, рассказывал он, каждый день, кроме одного раза, я выступал с речью, будь то хорошо или плохо, и очень сожалею, что пропустил тот единственный раз». Сначала слушателями вашими могут быть стулья и книги в вашем рабочем кабинете по примеру одного желающего поступить в наш колледж, который сказал мне, что на протяжении двух лет он практиковался в произнесении импровизированных проповедей в своей комнате. Студенты, живущие вместе, могут оказывать друг другу взаимную помощь, выступая по очереди слушателями и ораторами, дружески потом критикуя друг друга. И беседа может быть очень полезна, если имеет цель быть основательной и поучительной. Слова всегда должны выражать определенную мысль, и здесь может помочь размышление вслух. Я настолько привык это делать, что даже свои личные молитвы к Богу возношу вслух и считаю это очень полезным; чтение вслух дает гораздо больше, чем чтение про себя; и когда я в уме составляю проповеди, мне легче выражать свои мысли вслух. Конечно, это только полдела и

надо обязательно выступать перед слушателями, чтобы преодолеть страх, когда стоишь перед аудиторией; но полпути это уже большая часть пути.

Хорошая импровизация – это просто умение знающего свой предмет человека рассуждать вслух. Когда вы одни, старайтесь как можно чаще думать вслух, и вы скоро преуспеете в искусстве импровизации. Также очень важно проводить разные дискуссии и дебаты на ваших занятиях, и я настоятельно рекомендую нашим менее смелым братьям не стесняться и принимать в них участие. У нас введена практика произносить проповеди на тему, выбираемую по жребию, и мы должны почаще к ней обращаться. То, против чего я выступаю в отношении богослужения, может быть полезным для нас как упражнение в учебном процессе. Оно направлено на развитие находчивости и самообладания, и в равной мере полезно как для тех, кому это удается, так и для тех, кому это не под силу, потому что выявление своих способностей столь же важно для одного, как практика для другого. Если обнаружив, что ваши ораторские способности слабы, вы отдадите все свои силы и упорство их развитию, то можете стать прекрасными ораторами.

Здесь еще надо добавить необходимость быть спокойным и уверенным, когда вам приходится говорить проповедь без подготовки. Так говорит Сидней Смит: «Как много талантов гибнет из-за отсутствия смелости!». Быть смелым особенно трудно дается молодым проповедникам. Разве не сочувствуете вы, молодые проповедники, канатоходцу Болдуэну? Не чувствуете ли вы себя иногда, когда проповедуете, что идете по канату высоко в воздухе и дрожите от мысли, удастся ли вам благополучно дойти до конца? Не бывало ли с вами иногда такого, что, подобно канатоходцу, балансирующему с красивым шестом на канате, вы, украшая свою проповедь блестящими метафорами, немного пожалели, что подвергли себя риску сорваться, или, если употребить другой образ, не боялись ли, что не сможете закончить предложения, найти правильный глагол для подлежащего в именительном падеже или существительное в винительном падеже для глагола? Все зависит от вашего спокойствия и уверенности. Допущение неудачи и страх перед слушателями погубят вас. Надейтесь на Бога и все будет хорошо. Если уж сделали вы грубую грамматическую ошибку и будете пытаться вернуться к этому слову и исправить ее, то скоро сделаете еще одну и только еще больше запутаетесь. И советую вам, но чтобы никто не услышал, никогда не делайте этого, потому что всегда плохо возвращаться назад. Если вы употребили не то слово, не обращайте внимания и продолжайте говорить дальше. Когда я учился писать, отец дал мне очень хороший совет, который, я думаю, полезен и тем, кто учится говорить проповеди. Он говорил: «Когда ты учишься писать и если сделал орфографическую ошибку или написал не то слово, не перечеркивай его и не внеси путаницу, а подумай, как лучше изменить то, что ты собирался сказать, чтобы было понятно то, что ты уже написал», так и в проповеди. Если вы видите, что предложение ваше плохо звучит, старайтесь закончить его иначе. Не надо возвращаться назад, потому что этим вы только привлечете внимание к ошибке, которую мало кто заметил, и отвлечетесь от темы вашей проповеди; а ведь именно тема должна быть главным для проповедника. Язык же – это последнее, что должно заботить вас во время проповеди. Если же, однако, ошибку эту и заметят, то умные люди простят ее вам как начинающему проповеднику и будут лишь уважать вас за то, что вы придаете большое значение не таким мелочам, а главной задаче нашего служения.

Начинающий проповедник подобен новичку в верховой езде: если его лошадь спотыкается, то он боится, что она сбросит его с себя, или же, если она не объезжена, то уверен, что не сможет оседлать ее. Присутствие друга или замечание маленького мальчика сковывает его настолько, что он чувствует себя как бы привязанным к спине большого, красного дракона. Кто привык хорошо сидеть в седле, тому не страшны никакие опасности, потому что смелость преодолеет их. Когда проповедник чувствует, что он «Владеет ситуацией», то он действительно владеет ею. Его уверенность помогает ему избежать неудач, к которым без всякого сомнения приводит страх. Братья мои, если Господь поставил вас на это служение, то у вас есть все основания быть смелым и спокойным, потому что кого же вам тогда бояться? Вы должны исполнять поручение нашего Господа тою силою,

которую Он дал вам, и если вы это делаете, то несете ответственность только перед вашим Небесным Владыкою, Который отнюдь не жестокосердный Судия. Вы вступаете на кафедру не для того, чтобы блистать как оратор, или заслужить похвалу слушателей; вы – посланники Неба, а не рабы людей. Помните слова Господа, сказанные Иеремии, и бойтесь бояться. «А ты препояшь чресла свои, и встань, и скажи им все, что Я повелю тебе; не малодушествуй пред ними, чтоб Я не поразил тебя в глазах их» (Иер.1:17). Уповай на помощь Духа Святого и страх человеческий покинет вас. Только когда вы сможете почувствовать себя легко на кафедре и будете говорить со своими прихожанами, как брат с братьями, то – сможете вы и говорить экспромтом. Застенчивость и робость, столь красящие наших молодых братьев, заменяется той истинной скромностью, которая заставляет забывать себя и не заботиться о своей репутации, когда учение Христово проповедуется самым наилучшим образом.

Чтобы научиться произносить полезные и назидательные импровизированные проповеди, *христианский священнослужитель должен быть исполнен детского упования на непосредственную помощь Духа Святого*. В Символе веры говорится: мы веруем и «в Духа Святого». К сожалению же, только немногие действительно уповают на Него. Ничего не делать целую неделю, проводя попусту время, и потом рассчитывать на помощь Духа Святого – это дерзкая самонадеянность, нечестивая дерзость, попытка заставить Погода потворствовать нашей лени и нашему нерадению. Но в чрезвычайных условиях это совершенно другое дело. Когда приходится произнести проповедь без подготовки, то можно полностью положиться на помощь Духа Божия. Дух Святой тогда, несомненно, озарит божественным светом человеческий ум, даст ему силу собраться и возвыситься, поможет понять и выразить божественную истину так, как он никогда бы не смог этого сделать сам. Такое вмешательство, как и чудо, не имеет целью заменить наши усилия или ослабить наше усердие, а является помощью Господа, на которую мы можем рассчитывать в чрезвычайных условиях. Его Дух всегда будет с нами, и особенно, когда требуются большие усилия. И хотя я не советую вам пытаться импровизировать больше, чем того от вас требуется, пока вы не укрепитесь в вашем служении, я все же рекомендую вам не отказываться говорить экспромтом, когда это от вас требуется, веря, что в тот час Дух Святой поможет вам.

Если же, наконец, вы достигнете совершенства дара импровизации, помните, что *его можно очень легко потерять*. Я это хорошо знаю по собственному опыту и приведу вам пример. Если два воскресения подряд я делаю более длинные и обширные, чем обычно, заметки для своей проповеди, то на третье воскресенье мне необходимо еще больше удлинить их. Я также заметил, что если я иногда полагался на свою память и меньше импровизировал во время проповеди, то у меня появлялось желание и даже необходимость готовить проповедь заранее. Если человек начинает ходить с палкой просто ради прихоти, то скоро палка становится ему необходимой. Если без надобности вы станете носить очки, то вскоре не сможете обойтись без них. И если вы месяц походите на костылях, то вам трудно становится их оставить, хотя ноги ваши уже совершенно здоровы. Вредные привычки наносят вред самой природе. Вы должны постоянно упражняться в импровизации, и, если всякий раз, как представляется вам возможность проповедовать Слово Божие в загородных домах, деревенских школах, перед двумя-тремя случайными встречными, тогда все увидят пользу, которую вы приносите людям.

И еще, не удивляйтесь и не огорчайтесь, если скажу вам, что не всегда проповеди бывают одинаково хороши. Сегодня язык ваш может быть подобен перу прекрасного писателя, завтра же мысли ваши и слова будут скованы. Все, что живет, чувствует и подвержено влиянию множества разнообразных сил. Полагаться можно только лишь на чисто механические действия. Не удивляйтесь, если часто вам будет казаться, что проповедь ваша была плоха, тогда как на самом деле она была хорошей. Вы должны полагаться только на самих себя; ни привычка, ни упражнение ничего не дадут вам без помощи Божией; и если вы 49 раз проповедовали хорошо, то не думайте, что так же будет и в 50-й, потому что, если Господь оставит вас, то вы ничего сделать сами не сможете. И потому все ваши удачи и неудачи должны вас учить смирению и напоминанию, где искать помощи и подкрепления.

Но прежде всего остерегайтесь, чтобы язык ваш не опережал ваши мысли. Остерегайтесь пустословия, скучной болтовни, умения легко говорить и ничего не сказать. Как радуются порой неудаче брата, который много о себе воображает, а на самом деле ничего не может сказать! Да не постигнет никого такая участь! Братья мои, ведь как ужасно говорить очень долго и ничего не сказать. А как часто слышим мы бесконечное пустословие, топтание на одном месте, простое переливание из пустого в порожнее или просто бахвальство, что позорит искусство импровизации. Какой толк в красивых словах, которые ничего не выражают? Неподготовленная импровизация – это туча без дождя, источник без воды, пагубный дар, вредный как для его обладателя, так и для его слушателей. Мне приходилось отказывать в приеме в нашу семинарию людям, которые, будучи совершенно необразованными и абсолютно не понимая своего невежества, обладали таким огромным самомнением и склонностью к болтливости, что их опасно было допускать к проповедованию. Некоторые даже напоминали мне дракона из Апокалипсиса, который изверг из пасти своей столько воды, что едва не увлек за собою женщину. Как заведенные часы, болтают они, пока не дошла до конца пружина, и счастлив тот, кто не слышал их. Проповеди таких проповедников можно уподобить роли столяра из «Сна в летнюю ночь», изображавшего льва. «Вы можете легко импровизировать эту роль, потому что ничего, кроме рева, вам делать не надо». Лучше потерять, или скорее никогда не иметь дара импровизации, чем опуститься до уровня крикунов, живых представителей звенящей меди и звучащего кимвала, о которых говорил апостол Павел.

Я мог бы еще много добавить к сказанному, если бы целью моей лекции была импровизированная проповедь, как ее обычно называют, т.е. подготовка проповеди с точки зрения содержания, а не слов, которые придут во время ее произнесения; но это уже совершенно другая тема и, хотя некоторые считают импровизацию роскошью, я полагаю, что она является очень важным условием для проповедника. Но об этом мы поговорим в другой раз.

Глава 11

ПРИСТУПЫ ОТЧАЯНИЯ У ПРОПОВЕДНИКА

О Давиде написано, что в самый разгар битвы он утомился, и то же самое можно было бы написать и о каждом служителе Господа. Приступы отчаяния одолевают большинство из нас. Как бы обычно мы ни были веселыми, иногда мы впадаем в уныние. И сильные не всегда бывают сильными, мудрые – находчивыми, смелые – храбрыми, веселые – счастливыми. Иногда встречаются железные люди, которые легко переносят тяжелый труд, на которых не действуют ни усталость, ни скорби; но даже они иногда не выдерживают; ржавчина разъедает даже железо. Что же касается обыкновенных людей, то Господь знает, и показывает им, что они – прах. Зная по собственному горькому опыту, что значит глубокое душевное уныние, и нередко испытывая его, я подумал, что небесполезно будет для некоторых моих братьев, если скажу им, чтобы молодые люди не видели ничего странного в том, когда иногда они будут терять присутствие духа, и чтобы пессимисты знали, что даже те, кому светит радостный луч света, не всегда ходят в этом свете.

Нет необходимости цитировать из житий великих служителей Божиих, чтобы показать, что большинство из них, если не все, испытывали периоды глубокого отчаяния. Одним из тысячи примеров может служить жизнь Лютера, а он отнюдь не относился к слабым людям. Его высокий дух так часто возносился на седьмое небо, но не менее часто он был на грани отчаяния. Даже на смертном одре его преследовал мятежный дух и он заснул последним сном, всхлипывая, как усталый ребенок. Но вместо того, чтобы приводить тысячи таких случаев, лучше поговорим, почему это происходит; почему сыны света ходят иногда в полной тьме; почему провозвестников света иногда окружает непроглядная тьма.

Не потому ли, что прежде всего они люди? Будучи людьми, они подвержены разнообразным слабостям и скорбям. Совершенно справедливо говорит Иисус, сын Сирахов: «Много трудов предназначено каждому человеку, и тяжело иго на сынах Адама, со дня исхода из чрева матери их до дня возвращения к матери всех. Мысль об ожидаемом и день смерти производят в них размышления и страх сердца. От сидящего на славном престоле и до поверженного на земле во прахе, от носящего порфиру и венец и до одетого в рубище... Хотя это бывает со всякою плотию, от человека до скота, но у грешников в семь крат более сего» (Сирах.40,1-4,8). Благодать Божия во многом помогает нам, но так как не всегда она почиет на нас, мы все еще страдаем даже от скорбей, которых можно было бы избежать. Даже искупление совершенно ясно предполагает, что мы должны быть подвержены всевозможным испытаниям, иначе не было бы необходимости в обещанной нам от Духа Святого помощи, Который помогает нам переносить их. Нам необходимо, чтобы иногда мы испытывали трудности. Благочестивые люди предназначены терпеть скорби в этом мире, и особенно это больше, чем других, касается проповедников, чтобы они научились сострадать народу Божию во всех их скорбях и быть истинными их пастырями. Если бы для проповеди Слова Божия были посланы бесплотные духи, они бы не смогли разделить чувства тех, кто, находясь во плоти, страдает от бремени этой жизни; ангелам могло бы быть поручено провозвести Евангелие, но их небесные свойства не позволили бы им сострадать непросвещенным; можно было бы сделать людей из мрамора, но их бесстрастная природа была бы насмешкой над нашей слабостью, насмешкой над нашими немощами. Люди, и только люди подверженные всем человеческим страстям, избраны премудрым Богом быть сосудами Его благодати; и отсюда – и наши слезы, наша растерянность, наше уныние.

Кроме того, большинство из нас в том или ином отношении физически нездоровы. Редко можно встретить стариков, которые не могут припомнить и дня, когда бы они были

больны; но подавляющие большинство из нас страдает от тех или иных физических или психологических болезней. Некоторые физические заболевания, особенно связанные с пищеварительными органами, печенью, селезенкой влияют на состояние нашего духа и могут являться благодатной почвой для уныния; и как бы мы ни боролись против их влияния, иногда мы подаемся ему и впадаем в отчаяние. Что же касается душевных болезней, то кто может сказать, что он совершенно здоров? Все ли мы имеем духовное равновесие? Для некоторых уныние является отличительной чертой их характера; о них можно сказать, что «Меланхолия отложила на них свой отпечаток»; тонкие же души, хотя и руководствуются самыми благородными принципами, часто склонны забывать небо и помнят только тучи, видя все в черном свете. Такие люди могут сказать вместе с древним поэтом:

«Наши сердца разбиты, струны наших арф ослабли,
Единственная наша музыка – это вздохи и стенания,
Наши песни настроены на мелодию рыдания,
Все наше существо страдает».

Но эти скорби не всегда мешают плодотворной деятельности человека; они могут быть даны ему Божественной Премудростью, как необходимое условие для их особого служения. Одни растения обязаны своими целебными свойствами сырой почве, в которой они произрастают, другие – тени, только в которой могут цвести. Некоторые плоды произрастают под лучами луны, а не солнца. Для кораблей балласт необходим так же, как и парус; тормоз на колесе не мешает, когда дорога идет под гору.

В некоторых случаях муки рождают гения, пробуждая душу, которая иначе спала бы спокойно, как лев в своем логове. Если бы не сломалось крыло, то некоторые голуби могли бы продолжать витать в облаках, и даже те из избранных, которые теперь, с масличной ветвью во рту, указывают путь к ковчегу. Но там, где есть телесные и духовные причины, предрасполагающие к унынию, неудивительно, что в тяжелые минуты сердце поддается их влиянию; удивительно то, что во многих случаях – если бы можно было бы описать внутренний мир человека, то люди бы увидели его, – некоторые проповедники продолжают проповедовать с улыбкой на устах. Благодать до сих пор продолжает одерживать победу, и терпение до сих пор имеет своих мучеников – мучеников, которых можно прославлять не менее прежних, потому что пламя сжигает уже не тела их, а души, и огонь этот не виден человеческому глазу. Проповедническая деятельность Иеремии была столь же необходима, как деятельность Исаии, и даже столь суровый Иов – истинный пророк Господа. Не презирайте убогих, потому что написано, что они получают свою награду; но почитайте тех, кто, будучи утомлен, продолжает творить свое дело. Слабо зрячая Лия родила больше детей, чем красивая Рахиль, которая родила только одного. Скорби Анны были более благочестивы, чем хвастовство Феннаны. «Блаженны плачущие», сказал Муж Скорбей, и пусть никто не относится к ним иначе, т.к. соль их слез благодатна. Евангельские сокровища хранятся у нас в глиняных сосудах, и да не удивится никто, если в этом сосуде видим мы иногда трещину.

Наша работа, если мы достойно ее выполняем, может вызывать у нас приступы отчаяния. Кто может вынести страдания вверенных нам душ и не падать иногда? Горячее, никогда до конца не утомляемое (а когда это бывает?) желание обратить людей к Богу, пламенем жжет душу пастыря и часто наполняет ее чувством обманутых надежд. Видя, что иногда вставшие на путь истины отклоняются от него, благочестивые охладевают, проповедующие истины злоупотребляют своими привилегиями, грешники погружаются во все больший грех, можем ли мы не впасть в отчаяние? Царство Небесное не наступает, как нам бы того хотелось, высокочтимое имя Господне не прославляется, как мы бы того желали, и не должны ли мы от этого сокрушаться? Как же иначе может быть, если не верят нашей проповеди и не слушают нас? Всякая умственная работа утомляет и лишает сил, потому что усиленный труд утомляет тело; а наша работа – это больше чем умственный

труд, это труд всей нашей души. Как часто, после воскресной службы, чувствуем мы, словно вся жизнь полностью покинула нас! Излив свою душу в наших собраниях, мы чувствуем себя подобно пустым глиняным сосудам, которые под силу разбить даже ребенку.

Может быть, если бы могли мы сравняться с апостолом Павлом, если бы с большей горячностью следили бы за спасением вверенных нам душ, то лучше поняли бы тогда, что значит «снедающая ревность по доме Божием». Это наш долг и наше преимущество отдавать свою жизнь за Иисуса. Мы не должны быть живым примером хорошо сохранившихся людей, но мы должны быть живыми жертвами, долг которых отдавать себя другим: мы должны «издерживать свое и истощать себя» за спасение душ людей, а не нежиться и холить свою плоть. Такая духовная работа истинного пастыря приводить иногда к временному истощению, когда душа и тело не выдерживают такой нагрузки. Руки Моисея отяжелели на молитве, и Павел воскликнул: «кто познал ум Господень, чтобы мог судить его?». Даже Иоанн Креститель пережил минуты слабости, и апостолы однажды были так поражены, что испытали мучительный страх.

Наше положение в храме также в немалой степени способствует этому. Хорошо подготовленный к своему служению проповедник обычно выделяется среди других, находится над и отдельно от них. Самые преданные его прихожане не в состоянии разделить его особые мысли, заботы и искушения. Простые солдаты маршируют плечо к плечу со своими товарищами, но чем выше чин офицера, тем меньше таких офицеров. Есть много солдат, меньше капитанов, еще меньше полковников и только один главнокомандующий. Так и в наших приходах, человек, которого Господь избирает в руководителя паствы, становится по мере своего превосходства единственным, обособленным от других. Горные вершины отдельно друг от друга и разговаривают только с Богом, когда он посещает их в их страшном одиночестве. Служители Божьи, которые возвышаются над своими собратьями, находятся в более тесном общении с небесными вещами, в минуты своей слабости чувствуют недостаток в человеческом сочувствии. Подобно своему Господу в Гефсиманском саду тщетно ждут они утешения от своих учеников, спящих вокруг них; они поражены равнодушием своей маленькой паствы и возвращаются в свое тяжелое одиночество с еще более тяжким бременем, потому что нашли своих возлюбленных братьев спящими. Только тот, кто испытал эту сердечную муку, более своих собратьев знает, что такое одиночество души, горячую ревность о Боге воинств; она не может никому открыться, чтобы не сочли ее безумной; она не может и скрываться, потому что огонь пылает в ее недрах; только перед Господом находит она успокоение.

Когда Господь посылал Своих учеников по двое, Он знал, что происходит в душе людей; но только для Павла, как мне кажется, не нашлось ни одного помощника; ни Варнава, ни Сила, ни Лука не достигли тех гималайских высот, которые были доступны апостолу язычников. Это одиночество, которое, если не ошибаюсь, ощущают многие из наших братьев, являются изобильным источником уныния; наши братские собрания проповедников и развитие товарищеских отношений с родственными нам по духу людьми позволяют нам, с Божией помощью, избежать этого мучительного состояния души.

У некоторых людей немалую роль в развитии уныния, несомненно, играет также сидячий образ жизни. Бэртон в своей «Анатомии меланхолии» посвящает целую главу этой причине уныния, и, цитируя одного из многочисленных писателей, на которых он в ней ссылается, пишет: «Люди умственного труда не обращают внимания на свое здоровье. Люди других профессий заботятся о своих орудиях производства: живописец промывает свои кисти; кузнец заботится о своем молоте, о наковальне, о кузнице; крестьянин чинит свой плуг и точит свои притупившиеся орудия; охотник заботится о своих собаках, лошадях и т.д.; музыкант настраивает свой инструмент. Только одни ученые не обращают внимания на свои орудия производства (свои мозги душу), которыми они ежедневно пользуются. Хорошо сказал по этому поводу Лукиан: «Смотри, не натягивай слишком свою струну, чтобы она не лопнула». Долгое сидение в одном положении, углубившись в книгу, или писание книги – это уже сам по себе огромный обременительный труд, вызывающий утомление. А если к

тому еще добавить не проветренную комнату, долгое бездействие мускулов, сердце, отягощенное заботами, то мы получим все элементы, ведущие к переполнению чаши терпения и спокойствия, особенно в туманные месяцы года,

«Когда солнце окутано облаками,
Когда дождь льет на полусгнившие ветви
И нога увязает в иле».

Даже если по своей природе человек и радостен, как птица, едва ли он может выдержать воздействие такого убийственного времяпрепровождения. Его кабинет станет для него тюрьмой, а его книги – тюремщиками, в то время как за окнами природа призывает его к здоровой жизни и приглашает радоваться ею. Кто забывает жужжание пчел в вереске, воркование диких голубей в лесу, пение птиц в лесу, журчание ручейка среди древесных корней или шелест ветра в ветвях сосен, тому не надо удивляться, если разучится радоваться его сердце и на душе становится тяжело. Пребывание хотя бы одного дня на чистом воздухе в горах или несколько часов прогулки в тихом лиственном лесу помогли бы нашим проповедникам, которые тяжело трудятся и еле дышат, отделаться от этой паутины, окутывающей их мозг и душу. Глоток свежего морского воздуха или хорошая прогулка, когда ветер дует в лицо, конечно же, не принесет успокоения душе, но даст столь необходимый телу кислород.

«Тяжелее всего на сердце,
Когда нечем дышать,
И каждый порыв поднимающегося ветра
Гонит прочь отчаяние».

Папоротники и кролики, ручейки и форели, ели и белки, примулы и фиалки, крестьянский двор, свежескошенное сено и душистый хмель – это лучшее лекарство для ипохондриков, самое верное укрепляющее его нервы средство, самый лучший освежающий напиток для уставшего человека. Из-за отсутствия возможности или охоты использовать эти целительные средства мы собственноручно приносим себя в жертву на алтарь нашего рабочего кабинета.

Периоды, более всего способствующие приступам отчаяния, это те, которые, по своему собственному опыту, я мог бы определить так. Прежде всего – это часы наибольшего успеха. Когда, наконец, исполняется давно лелеянное желание, когда удается нам нашими трудами прославлять имя Господне, когда одержали мы, наконец, великую победу – тогда силы наши исчерпываются и дух наш ослабевает. Можно было бы ожидать, что, получив такое особое благоволение, душа наша должна была бы вознестись на вершину блаженства, радоваться радостью неизреченной, но обычно бывает наоборот. Господь редко подвергает Своих борцов за истину опасности ликования от своих побед; Он знает, что немногие из них выдержат такое испытание и поэтому подливает горечи в их чашу восторга. Вспомните Илию после того, как ниспал огонь с неба, перебиты были все жрецы Ваала и благодатный дождь напоил иссохшую землю! Он не слышит ни звука усладительной музыки, не шествует, как победитель, в торжественных одеждах; он бежит от Иезавели и, чувствуя, что не может перенести такого сильного духовного напряжения, просит Господа о смерти. Он, который никогда не должен был бы умереть, страстно жаждет спокойствия могилы, совсем как Цезарь, властелин мира, плачет в минуты горя и неудач, как больная девочка. Слабая человеческая природа не может выдержать такого напряжения, как торжество духа, и поэтому неизбежно должна наступить реакция. За великую радость или восторг приходится расплачиваться депрессией. Во время испытания есть силы, необходимые для его преодоления, но как только оно кончается, наступает естественная слабость. Поддерживаемый тайною силой Иаков мог бороться всю ночь, но под утро, когда борьба

прекратилась, он должен был охрометь, чтобы не стал чрезвычайно хвалиться своей силой. Павел мог вознестись до третьего неба и слышать неизреченные слова, но «жало в плоти, ангел сатаны», всюду следовал за ним, чтобы удручать его. Человек не может выдержать полного, безмятежного счастья; даже благочестивые люди не могут «увенчать свое чело миртами и лаврами», не испытывая тайного унижения, которое заставляет их оставаться в подобающем им месте. Потеряв почву под ногами в пылу духовного подъема, вознесясь за облака на крыльях всеобщего уважения, опьяненные своими успехами, мы стали бы подобно соломинке, носимой ветром, если бы по неизреченной Своей милости Господь не разбивал бы утлые ладьи нашего тщеславия сильной бурей и не приводил бы нас, потерпевших крушение, голых и потерянных, в убежище Его тихой пристани.

Еще перед достижением большого успеха нами обычно одолевает отчаяние. Предвидя трудности, которые ждут нас впереди, мы теряем мужество. Атаки подкрадываются к нам и мы чувствуем себя в их присутствии кузнечиками. Города Ханаана окружены стенами до небес, и кто мы, чтобы могли надеяться овладевать ими? Мы готовы бросить свое оружие и бежать. Ниневия – большой город, и мы предпочтем бежать в Тарс, чем встретимся с ее толпой. Мы уже высматриваем корабль, который бы увез нас от этого ужасного места, и только страх бури удерживает нас совершить этот малодушный шаг. Это я сам пережил, когда впервые стал пастырем в Лондоне. Мой успех внушал мне ужас, и мысль об ожидавшей меня работе вместо того, чтобы обрадовать меня, низвергла меня в глубочайшее уныние, из недр которого мне виделась моя немощь и не было места для славы небесной. Кто был я, чтобы продолжать вести за собой столь огромное множество людей? Мне хотелось возвратиться в мою тихую деревню или уехать в Америку и найти себе там какой-нибудь уединенный уголок, где бы я соответствовал моему служению. Тогда именно стала открываться завеса, скрывающая мой жизненный путь, и я со страхом думал, что же откроется за ней. Не думаю, что вера во мне ослабла, но я боялся, и чувство своего недостоинства переполняло мою душу. Я страшился работы, которую возложило на меня Провидение. Я чувствовал себя маленьким ребенком и дрожал, слыша голос, повелевающий мне: «Встань, и раздроби горы, и сравняй холмы, как солому». Такое отчаяние овладевает мною всякий раз, как Господь благословляет меня на еще больший успех в моем служении, прежде чем разорвется туча, она черная, и бросает тень на землю, прежде чем изольет на нее свой поток благодати. Отчаяние стало для меня пророком в грубой одежде, Иоанном Крестителем (Предтечей), возвещающим мне приближение еще большей милости ко мне моего Господа.

Такое испытали еще лучшие люди, чем я. Чистка сосуда делает его пригодным для хозяина. Погружение в скорби предшествовало крещению Святым Духом. Пост развивает аппетит к празднику. Господь открывает Себя в пустыне, тогда как служитель Его пасет овец и ожидает Его в своем одиночестве. Пустыня – это путь к Ханаану. Низкая долина ведет к высоким горам. Поражение приготовляет победу. Ворон посылается перед голубем. Самые темные часы ночи предшествуют рассвету. Моряки уже начинают тонуть, когда новая волна выносит их наверх, к небу; страх одолевает их душой, прежде чем достигают они желанной гавани.

Во время долгой непрерывной работы также может наступить отчаяние. Нельзя натягивать лук, не опасаясь, что он может сломаться. Отдых также необходим душе, как сон телу. Наши воскресные службы – это дни напряженной работы и, если мы не дадим себе отдыха в какой-нибудь день недели, то не выдержим и не сможем трудиться в полную меру. Даже земле требуется отдых, и ей также нужны праздничные дни. Так и нам нужен отдых.

Великую мудрость и сострадание слышим мы от Господа, когда он говорит Своим ученикам: «Пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного». Как же это! когда народ изнывает? Когда все они словно стада овец в горах без пастыря? И это Иисус говорит об отдыхе? Когда книжники и фарисеи, словно хищные волки, расхищают Его стадо, Он уводит Своих учеников в тихое пустынное место? Разве не возмущается теперь какой-нибудь фанатик таким ужасным равнодушием, когда помощь пастыря так необходима?

Оставьте же его бесноваться в своем безумии. Господь знает лучше нас, что делать, чтобы не дошли до полного изнурения Его служители и не погас свет Израиля. Время отдыха – не потерянное время. Оно позволяет набраться свежих сил. Посмотрите на жнеца в знойный летний день, когда ему предстоит накосить столь много травы до захода солнца. Он делает передышку – и разве это от лени? Он берет точильный камень и точит свой серп. Разве это бессмысленная работа, разве теряет он свое драгоценное время? Ведь сколько мог бы он накосить за то время, пока точил свой серп! Но он точит свое орудие и с новыми силами принимается косить траву, затрачивая на это меньше энергии. Даже такая маленькая передышка позволяет ему собраться с силами и делать свою работу еще лучше. И рыбаку необходимо чинить свои сети. Точно также и мы должны время от времени восстанавливать свои духовные силы для дальнейшего делания нашего дела.

Не подобает простым смертным тянуть лямку изо дня в день, подобно каторжнику на галере, не знающему ни минуты отдыха. Только мельничный лоток находится в беспрерывном движении, но мы должны делать паузы и передышки. Кто может выдержать скачку на бегах без остановки? Даже вьючным животным дают отдохнуть на лугу; даже море имеет передышки во время прилива и отлива; и земля отдыхает в зимние месяцы. Так и человек, даже если он вознесен быть посланником Божиим, он должен отдыхать, чтобы не изнурить себя окончательно; он должен поддерживать огонь в своем светильнике, чтобы он не погас, должен восстанавливать свои силы, чтобы преждевременно не состариться. Необходимо иногда уходить в отпуск. В конечном счете мы сделаем больше, если будем делать меньше. Работать без передышки могут только бесплотные духи, освобожденные от «тяжеловесной глины», но пока мы облечены в нее, мы должны время от времени останавливаться и служить Господу святой бездеятельностью и освященным покоем. Да не смущается же ничья чиста совесть временным бездействием, и да узнает она из опыта других о необходимости и обязанности иметь своевременный отдых.

Иногда один сильный удар может сразить проповедника, когда брат, на которого он больше всего полагался, оказывается предателем. Иуда поднял руку на того, кто так доверял ему, и проповеднику иногда изменяет мужество. Все мы склонны доверяться бренной плоти, и это часто бывает причиной нашей скорби. Так же невыносимо видеть, когда кто-нибудь из уважаемых и любимых членов нашей общины поддается искушению и бесчестит свое святое имя. Ничего не может быть хуже этого. Это заставляет проповедника такой общины страстно желать удалиться в какое-нибудь отдаленное пустынное место, где бы он мог навсегда скрыться и не слышать больше кощунственных насмешек безбожия. Десять лет напряженного труда не отнимают у нас столько жизненных сил, сколько отнял за несколько часов предатель Ахитофел или Димас, ревностный ученик ап. Павла, потом отрекшийся от веры.

Споры, разделения, сплетни, глупые обвинения также часто ранили наиблагочестивейших людей в самое сердце. Так и суровые, жесткие слова тяжело ранят чувствительные натуры. Многие из самых лучших проповедников в силу именно высоких религиозных требований своего характера крайне чувствительны, слишком чувствительны к миру, каков он есть. Жизненный опыт закаляет душу против жестоких ударов, которые неизбежны в нашей борьбе, но сначала они так сильно действуют на нас, что ввергают нас в полное отчаяние. Испытаний истинного пастыря не меньше, и особенно, когда они исходят от близких нам людей; переносить их гораздо тяжелее, чем те, которые доставляют нам наши злейшие враги. И пусть никто, кто стремится к тихой, спокойной жизни, не становится проповедником; он просто не выдержит и с ужасом будет бежать от нас.

Немногим выпало пережить тот ужас отчаяния, и душевный мрак, которые охватили меня после несчастного случая в Серрейской филармонии. Я был так подавлен этим безграничным горем, что долго не мог отделаться от чувства безмерной душевной тяжести и уныния. Ужас, паника смерти людей долго стояли перед моими глазами и делали мою жизнь невыносимой. Тогда я пропел псалом:

«Призри на меня, и помилуй меня,
Ибо я одинок и угнетен.
Скорби сердца моего умножились».

Из этого жуткого состояния вывели меня прозвучавшие внезапно в душе моей слова утешения: «Посему Бог и превознес Его». Величие Христа, несмотря на страдания Его верных рабов, вернули мне спокойствие и мир душе. Если когда-либо такое страшное испытание выпадет на долю кого-нибудь из моих собратьев, да будет он уповать на помощь Божию и терпеливо ожидать спасения от Него.

Когда слишком уж много обрушивается на вас несчастий, когда разочарования следуют одно за другим, как это было с Иовом, тогда смятение души, вызванное этими испытаниями, приводят нас в отчаяние и лишают покоя. Капля по капле долбит и камень; так и постоянно обрушившиеся на нас несчастья вызывают смятение души даже у самых крепких людей. Если к материальному недостатку присоединяется еще болезнь жены или смерть ребенка и к тому же еще жестокая критика со стороны диаконов и равнодушие слушателей, то мы готовы воскликнуть вместе в Иовом: «беды, одни за другими, ополчаются против меня». Когда возвратился Давид в Секелаг и увидел, что город сожжен, добро разграблено, жены уведены в плен, а народ готов был побить его камнями, он «укрепился надеждою на Господа, Бога своего», и это помогло вернуть всех из плена и все разграбленное, так как поверил он в справедливость Господа на земле. Каждая следующая скорбь усугубляет предыдущую, делает ее еще тяжелее и, подобно шайке разбойников, жестоко нарушает наш покой. Когда одна волна накатывается на другую, даже самому сильному пловцу бывает трудно справиться с ними. Место, где сходятся два моря, опасно даже для самого превосходного судна. Если бы между обрушивающимися на нас несчастьями были паузы, то было бы легче их переносить; но когда они внезапно обрушиваются на нас всей своей тяжестью, подобно граду на голову путника, то страх одолевает нами. Последняя капля переполняет чашу, и когда это происходит с нами, то надо ли удивляться, если на какое-то время мы теряем мужество!

Иногда мы неизвестно почему впадаем в отчаяние, и тогда из него особенно трудно выйти. Никакие разумные доводы не помогают, ни арфа Давида не приносит облегчения. Это все равно, что бороться с туманом, с этой бесформенной, не поддающийся определению, и все окутывающей безнадежностью. Здесь нет места для жалости, потому что представляется неразумно и даже грешно впадать в отчаяние без явной причины; и все же оно овладевает человеком даже до глубины его души. Если бы тот, кто смеется над этой меланхолией, сам испытал ее хотя бы в течение одного часа, то перестал бы смеяться и только пожалел бы человека, испытывающего такое отчаяние. Может быть, одним решительным усилием и можно было бы выйти из этого состояния, но кто может сделать это, если нет ни физических, ни духовных сил. Здесь врач и проповедник могли бы объединить свои усилия и имели бы большое поле деятельности для своей работы. Железный засов, который столь таинственно закрывает дверь нашего упования и не дает нам выйти из мрачной темницы души, может открыть только небесная рука; и когда мы видим эту руку, то восклицаем вместе с апостолом: «Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения» (2Кор.1:3,4). Только всемилостивейший Господь может:

«Своим благотворным противоядием
Освободить наши страдающие души
От этого губительного груза,
Который гнетет наши сердца».

Симон тонул, пока Иисус не подал ему руку. Бес грызет и разрывает на части душу бедного ребенка, пока всемогущее слово не приказывает ему выйти из нее. Когда нами

овладевает ужасный страх и невидимый кошмар давит на нас со всех сторон, стоит лишь взойти солнцу правды и весь ужас мрака оставляет нас, и ничто иное не в силах рассеять этот мрак души нашей. Роджерс, автор «Анатомии меланхолии», и Браун, написавший замечательные гимны, стараются доказать нам, сколь бессильна всякая человеческая помощь, если Господь отнял свет у души человека.

Не так легко ответить на вопрос, почему рабы царя Иисуса столь часто приближаются к «сени смертной». Все это находится в руках Господа и может кратко быть выражено в Его словах: «Не оружием или собственною силою можете вы достичь этого, но лишь Духом Моим». Человек может быть орудием Господа, но немощь его не будет сокрыта; он не разделит ни славы, ни умалит почестей, подобаемых Великому Творцу. Он должен отказаться от самого себя и потом исполняться Духом Святым. Он должен понимать, что он только лишь сухой лист, носимый ветром, и тогда, укрепленный благодатью, он станет несокрушимой стеной, о которую сокрушаются все враги истины. Сокрыть свою гордость от Творца очень трудно. Постоянный успех и неувядающая радость о Нем трудно перенести нашей слабой природе. Если мы не разбавим вино наше водой, то оно ударит в голову. И я могу свидетельствовать, что те, кто возвеличен Господом среди людей, обычно несут тайную кару или особый крест, чтобы не возгордились они и не попали в сети диавола. Как часто Господь называет Иезекииля «сыном человеческим»! Среди своего полета к неизреченному свету, именно тогда, когда взору его открывается слава и величие Господа, слух его поражают слова «сын человеческий», отрезвляющие его сердце, которое иначе могло бы возгордиться дарованными ему милостями Божиими. Такие смиряющие и в то же время исцеляющие испытания в минуты нашего отчаяния в какой-то мере предостерегают нас от того, чтобы не забывали мы, что мы только лишь люди, люди слабые, бренные, склонные легко впасть в уныние.

Все эти испытания служителей Божиих только прославляют Его, потому что они возвеличивают Его, когда он протягивает им Свою руку и, даже поверженные в прах, верой своей воздают Ему хвалу. Они еще более радостно исповедуют Ему свою верность и еще больше укрепляются в любви к Нему. Едва ли имели бы мы истинных проповедников, если бы они не прошли через все эти испытания и не видели бы своего собственного недостоинства и тщетности всего, что их окружает. Слава Господу за все эти скорби и испытания. Чем больше испытаний перенесем мы на земле, тем большее блаженство ожидает нас на небе; да и на земле познаем мы больше счастья, если пройдем эту школу испытаний.

Мудрость поучает нас *не пугаться, когда мы впадаем в уныние*. Не удивляйтесь, потому что этого не избежал ни один обыкновенный проповедник. Если уж слишком овладевает вас отчаяние, не думайте, что это конец вашей плодотворной деятельности. Не теряйте уверенности в своих силах, потому что она получит великую награду. Даже если враг одолевает вас, не теряйте надежды одолеть его. Предайте все свои настоящие тяготы, прошлые грехи и будущие страхи в руки Господа, Который не оставит Своих верных рабов без помощи. Надейтесь на этот день, на этот час. Не доверяйте своим чувствам и настроениям. Полагайтесь больше на крупицу веры, чем на тонну чувств. Доверьтесь только Богу и не полагайтесь на помощь человеческую.

Не удивляйтесь, когда друзья предают вас; ведь весь мир порочен. Никогда не полагайтесь на неизменность человека; не бойтесь разочарований, когда сталкиваетесь с непостоянством. Ведь даже ученики Иисуса оставили Его; так не удивляйтесь же, когда ваши прихожане уходят к другим учителям; не все они были полностью вашими, когда с вами, так и не все потеряно, когда они ушли от вас. Со всем усердием своим служите Господу, пока горит светильник ваш, и если погаснет он на время, не падайте духом; вам будет меньше о чем сожалеть. Довольствуйтесь быть ничем, потому что вы и есть ничто. Когда вы особенно чувствуете свое ничтожество, корите себя самих за то, что возомнили о своих собственных достоинствах. Без Бога – вы ничто. Не думайте о наградах в настоящем; благодарите и за полученный вами задаток; ждите истинного вознаграждения лишь в

будущем. С еще большим усердием служите Господу, когда явных результатов ваших трудов еще не видно. Всякий простак найдет дорогу при свете; исключительная же мудрость позволяет нам безошибочно прокладывать ее себе и в темноте, так как она идет рука об руку с Великим Путеводителем. На этом пути нас могут ожидать великие испытания и бури, но великий Начальник наш все предусмотрел. Да ничего не отвратит нас от этого пути, следовать которым призвал нас Господь. И в хорошую и в плохую погоду да не покинем мы своего сторожевого поста – нашей проповеднической кафедры, и нашей борьбы – нашего служения; и если мы не можем лицезреть нашего Господа, то будем хотя бы трудиться под сенью крыл Его.

Глава 12

ЧАСТНЫЕ БЕСЕДЫ ПРОПОВЕДНИКА

Сейчас мы поговорим о частных беседах проповедника, когда он встречается с людьми вообще, вне храма. Как должен он вести себя и разговаривать со своими собратьями? Прежде всего, и это самое главное, он не должен принимать с ними пастырского тона, избегая всякой натянутости, официальности, суетливости и претенциозности. «Сын человеческий» – это благородное звание; оно было дано Иезекиилю и еще даже несравненно более великому, чем он; пусть же и посланник Божий будет не более как человек. И чем проще и естественнее он будет держать себя, тем больше он будет походить на того Младенца человеческого, которого мы почитаем как Богомладенца Иисуса Христа. Некоторые проповедники стремятся быть настолько пастырями, что меньше всего походят на людей; хотя, чем больше вы будете обыкновенным человеком, тем больше будете походить на истинного служителя Божия. Школьные учителя и проповедники обычно отличаются от других людей, в худшем смысле они «не такие, как другие». Часто они выглядят, как «разноцветные птицы», словно не принадлежащие к обитателям земли, и ведут себя неестественным и особым образом. Когда я вижу торжественно шествующего фламинго, моргающую своими веками во тьме сову или аиста, глубокомысленно погруженного в свои мысли, я невольно вспоминаю некоторых моих почтенных собратьев из учителей и проповедников, которые держат себя всегда так величаво, что похожи на смешные тени. Совсем нетрудно подражать их степенности, подтянутости, самоуверенности, важности, сдержанности. Но надо ли это?

Теодор Хук увидел как-то господина, торжественно шествующего по улице. Он подошел к нему и спросил: «Милостивый государь, вы, вероятно, очень важная особа?». Так и нам хочется часто задать такой же вопрос и некоторым из наших братьев. Я знаю таких братьев, которые с головы до ног, начиная с одежды, тона, манер до галстука и ботинок, так проникнуты своим пасторским достоинством, что ничего человеческого в них уже не видно. Один такой молодой богослов считал, что он должен ходить по улице в священническом одеянии, а другой, принадлежавший к Высокой Церкви, хвалился в газетах тем, что проехал всю Швейцарию и Италию и нигде не снимал своего головного убора; а ведь мало кто станет хвалиться своим шутовским колпаком. Никто из нас, конечно же, не будет так одеваться; но что касается умения держать себя достойно, то тут я не уверен. Одни ходят, словно проглотили палку и ничто человеческое их не касается. Другие напускают на себя вид превосходства, полагая, что этим они производят хорошее впечатление, а на самом деле только оскорбляют людей и никак не отвечают своему предназначению быть смиренными, как Христос. Гордый герцог Сомерсетский отдавал приказания своим слугам только жестами, не снисходя до разговора с такими ничтожными людьми; дети его никогда не сидели в его присутствии, и, когда он спал днем, дочери стояли с двух сторон его кровати, охраняя его священный сон. Когда подобные гордецы подымаются на проповедническую кафедру, они проявляют свое высокомерие другим, не менее абсурдным, образом. «Отойдите, я святее вас» – как бы написано на их лице.

Один высокомнящий о себе брат упрекнул однажды известного проповедника в том, что он позволяет себе некоторую роскошь, мотивируя тем, что это дорого стоит. «Да, да», – ответил этот проповедник, – «может быть, вы и правы, но моя слабость вдвое дешевле вашей спеси».

Я совершенно не выношу этой спеси. Если уж заболели вы этой болезнью, то настоятельно советую вам «пойти и семь раз вымыться в Иордане» и полностью отделаться

от нее. Я абсолютно уверен, что одной из причин, почему повсюду наши рабочие держатся подальше от проповедников, является то, что они не выносят их неестественную и натянутую манеру держать себя. Если бы они увидели, что на кафедре и вне храма мы ведем себя, как обыкновенные люди, говорим естественно, как подобает порядочным людям, то приходили бы и слушали бы нас. Еще не потеряло силы замечание Вакстера: «Неестественный тон и деланные манеры – это большой порок большинства наших проповедников, и мы должны сделать все, чтобы отделаться от него». Недостатком нашего служения является то, что некоторые проповедники персонифицируют Евангелие. И если мы хотим привлечь к себе массы людей, то не должны забывать, что, находясь в священническом сане, мы такие же люди, как и все остальные. Искусственность сразу же видна, и никому это не может понравиться. Итак, братья мои, отбросьте ходули и ходите на своих собственных ногах; отбросьте свою внешнюю церковность и облекитесь в одежды истины!

Но при всем при этом проповедник должен оставаться всюду проповедником и помнить, что всегда должен выполнять свой долг. Полицейский и солдат могут на время оставить свой пост, проповедник же – никогда. Даже на отдыхе мы не должны забывать великой цели нашей жизни, потому что призваны усердно трудиться «во время и не во время». Мы не можем оказаться в таком положении, чтобы, когда придет Господь и спросит: «Что ты здесь, Илия?», не смогли бы сразу же ответить: «И здесь я могу потрудиться для Тебя, и я стараюсь делать это». И тетиву надо иногда ослаблять, чтобы лук не потерял свою эластичность, но не рвать же ее. Я это говорю сейчас, имея в виду необходимость для проповедника иногда расслабиться; да, но и тогда он должен вести себя как посланник Божий и пользоваться любой возможностью служить делу, это не помешает отдыху, а сделает его более полезным. Проповедник должен быть подобен кладовой, которую я видел в Болье, Нью-Форесте, королевском лесу, недалеко от Лондона, где совершенно не было паутины. Это большой чулан, который никогда не подметается, но ни один паук не осмеливается осквернить его своей паутиной. Крыша его сделана из каштанового дерева, и я не знаю почему, но пауки никогда не плетут паутину возле этого дерева. Такое слышал и о коридорах в Винчестерском колледже. «Здесь никогда не бывает пауков», – сказали мне. Так и мы должны быть всегда на страже, чтобы не предаваться безделью.

В наших Лондонских тавернах для носильщиков начертаны такие слова: «Отдыхайте, но не бездельничайте»; и эти слова заслуживают нашего внимания. Я не назову ленью «наслаждение от ничего неделания», это самое лучшее в мире лекарство для изнуренного мозга. Когда мозг устает так, что уже не в состоянии соображать, отдых для него то же самое, что, сон; и никого мы не назовем ленивым за то, что он спит положенное время. Гораздо лучше спать с пользой, чем бодрствовать с ленью. Будьте же готовы делать доброе дело даже во время отдыха и на досуге, и тогда вы будете истинными проповедниками, и вам не нужно будет говорить, что вы таковые.

Вне храма христианский проповедник должен быть общительным. Он послан в мир не для того, чтобы быть отшельником или траппистом. Он не призван целый день возвышаться на столпе над своими собратьями, подобно бездумному Симеону Столпнику в древние времена. Вам не подобает быть невидимыми соловьями, издающими трели высоко на дереве, но вы должны быть людьми среди людей и говорить им: «Я такой же, как вы, во всем, что касается человека». Соль в солонке бесполезна, она должна быть втерта в мясо; и наше личное влияние должно проникать в общество, принося ему пользу. Если вы будете держаться в стороне от других людей, то какую пользу вы им принесете? Наш Господь пошел на брачный пир и разделил трапезу с мытарями и грешниками и был гораздо чище тех лицемерных фарисеев, которые славились лишь тем, что не общались с другими. Некоторым проповедникам надо напомнить, что они сделаны из того же теста, что и их слушатели. Как ни странно, но надо напомнить, что епископы, каноники, архидиаконы, благочинные викарии и даже архиепископы, в конце концов, – только люди, и Бог не отгородил для них

святого уголка на земле, который служил бы для них святилищем, где они могли бы укрыться.

Неплохо было бы возродить проведение душеспасительного дома. Как приятно видеть скамейки под тисом вокруг наших древних храмов. Они как бы говорят нам: «Садись сюда, сосед, и поговорим о проповеди; вот и проповедник идет; он сядет около нас и поговорит с нами на душеспасительные темы». Не каждый проповедник так сделает, но есть же такие, с которыми удастся хоть часок поговорить так. Мне так нравится пастор, вид которого как бы приглашает меня быть его другом, – это человек, на дверях дома которого написано: «Добро пожаловать», а не это помпейское предостережение: «Остерегайтесь собак». Человек, около которого собираются дети, как пчелы вокруг банки меда, несомненно, добрый человек; дети – лучшие судьи здесь. Когда царица Савская пришла к Соломону, чтобы испытать его мудрость, она принесла ему живые и искусственные цветы, которые выглядели и пахли, как настоящие, и попросила его показать, какие из них живые. Тогда мудрый царь приказал слугам растворить окна, и, когда влетели пчелы, они сразу же сели на живые цветы и никакого внимания не обратили на искусственные. Так и дети инстинктивно чувствуют, кто их друг. А друг детей – всегда хороший человек. Имейте доброе слово для каждого члена семьи – для юноши, девушки, маленьких девочек, словом, для всякого. Никто не знает, что может сделать добрая улыбка и ласковое слово.

Кто хочет жить в мире с людьми, должен любить их и чувствовать себя с ними, как дома. Кто же черств сердцем, тому лучше быть гробовщиком, хоронить мертвых, потому что ему никогда не удастся повлиять на живых. Чтобы быть популярным, проповедник должен уметь сострадать другим. Чтобы привлечь к себе множество людей, он должен иметь большое, открытое сердце, как те наши прекрасные гавани, которые могут вместить целый флот. Когда у него большое любвеобильное сердце, люди пойдут к нему, как корабли в гавань, и будут чувствовать себя в безопасности, бросив якорь под его дружелюбной кровлей. Такой человек приветлив и у себя дома и на людях, в нем течет не холодная рыбья кровь, из него исходит тепло, как из вашего домашнего камина. В нем нет ни гордости, ни эгоизма; его двери открыты для каждого входящего, и вы сразу же чувствуете себя с ним, как дома. Такими людьми, мне хотелось бы, чтобы вы были, каждый из вас!

Христианский проповедник должен быть всегда радостным. Я не считаю, что мы должны, подобно некоторым монахам, которых я видел в Риме, разгуливать и гробовым голосом приветствовать друг друга словами: «Брат, мы должны умереть», – и получать такой же бодрый ответ: «Да, брат, мы должны умереть». Я был рад такой уверенности, что все эти ленивые братья умрут, это лучшее, что они могли бы сделать, но пока это произойдет, им надо было бы найти более приятную форму приветствия. Конечно, некоторым нравится очень важный вид проповедников. Один человек сказал мне, что Римско-католическая Церковь отличается особым благочестием, если учесть изможение и худобу некоторых ее священнослужителей. «Посмотрите, – сказал он, – на этого человека, который постом и ночными бдениями довел себя до полного истощения, от него осталась одна тень! Как должен он был распинать свою плоть!» Однако этот изможденный до предела священник, по всей вероятности, просто страдал заболеванием желудка, от которого так хотел бы избавиться, и отнюдь не борьба с аппетитом, а расстройство пищеварения довело его до такого состояния, или же, возможно, угрызения совести были причиной его исхудания. Я не знаю ни одного текста, где бы говорилось, что торчащие кости – это свидетельство благодати. Тогда «живой скелет» должен был бы выставляться не как редкое естественное явление, а как пример благочестия. Некоторые самые великие мошенники в мире имели такой изможденный вид, словно они всегда питались цветом белой акации и диким медом. И большое заблуждение считать, что унылый вид является признаком любвеобильного сердца. И потому я советую всем, кто хочет завоевать сердца своих слушателей, быть всегда радостным, исполненным радостью не внешней и беспечной, а внутренней духовной радостью о Господе. Мухи слетаются на мед, а не на уксус, и тот человек обратит больше людей к Господу, на лице которого написана радость небесная, а не муки ада.

Молодые проповедники, да и все остальные, находясь в компании, *должны остерегаться полностью завладевать разговором.* Конечно, у них есть все данные для этого, я имею в виду умение поучать, и подготовленность к проповедованию, но они должны помнить, что никому не нравится, когда постоянно поучают, так как любят сами принимать участие в разговоре. Ничто так не нравится некоторым людям, как дать им поговорить, и, может быть, для их же блага надо доставить им это удовольствие. Однажды я целый час разговаривал с одним человеком, который оказал мне честь, признав меня замечательным собеседником, и разговор наш был очень назидательным для него. Однако должен честно признаться, что сам я почти не говорил, а больше слушал его. Проявив терпение, я завоевал его уважение и получил надежду снова поговорить с ним. За столом человек имеет такое же право разговаривать, как и кушать. Мы не должны считать себя оракулами, перед которыми никто не смеет открыть рта. Нет, дайте возможность высказаться всем, и тогда все, что вы будете говорить, они сочтут и полезным для себя.

Иногда, когда вас приглашают в собрания, особенно в которых вы впервые должны выступать, все испытывают благоговейный трепет перед вами, и люди в них приглашаются, чтобы послушать нового проповедника. Это напоминает мне замечательные скульптуры в Ватикане. Маленькая комната отгорожена занавесом, и, когда он отодвигается, перед вами предстает статуя Аполлона! Если на вашу долю выпадает быть Аполлоном в небольшом собрании, прекратите немедленно же эту комедию. Если бы мне пришлось выступать в роли Аполлона, я бы сразу же сошел с пьедестала и со всеми поздоровался бы за руку; и вам советую делать это, потому что рано или поздно вся эта суета вокруг вас прекратится, и не лучше ли вам сделать это самим. Преклонение перед великими людьми – это своего рода идолопоклонство, и его нельзя поддерживать. Подобные люди должны в таких случаях поступать подобно апостолам в Листре, которые возмутились такими почестями и, бросившись в народ, громогласно говорили: «Мужи! Что вы делаете? И мы подобные вам человеки». Проповедникам не понадобится для этого много времени, потому что безумные их почитатели очень быстро отвернутся от них и, если не забьют их камнями до смерти, то не преминут выразить им свою недоброжелательность и презрение.

Если я говорю: «Не завладевайте разговором и не напускайте на себя важности, которая быстро рассеивается, как дым», это не значит, что вы должны вести себя в зависимости от обстоятельств, не будьте обманщиками. Люди судят о вас и о вашем служении по тому, какими они видят вас в частных беседах и на проповеди. Многие молодые люди повредили своей карьере проповедника своим невежественным поведением вне храма и потеряли всякую надежду стать проповедником из-за своей глупости или панибратства в частных беседах. Но не будьте и безжизненным бревном. На Антверпенской ярмарке среди многообразных достопримечательностей, внимание к которым привлекалось огромными рекламами и боем барабанов, я увидел палатку, в которой можно было за один пенни увидеть «чудо из чудес» – это был окаменевший человек, иначе говоря, чурбан. Я не стал платить денег за вход, потому что так много видел таких чурбанов бесплатно как на кафедре, так и в частных беседах – безжизненных, бесстрастных, лишенных всякого здравого смысла и совершенно инертных проповедников, хотя они занимались самой тяжелой работой, которую когда либо предпринимал человек.

Старайтесь всегда направлять разговор в полезное русло. Будьте общительными и веселыми, но не забывайте своего призвания и приносить пользу людям. Зачем сеять ветер и вспахивать камни? Считайте себя ответственными за разговор, который ведется в вашем присутствии; потому что уважение, которое вам обычно оказывают, позволяет вам быть главной фигурой в разговоре. Поэтому направляйте его в правильное русло. Делайте это мягко и без насилия. Следите за ходом вашей мысли, и тогда разговор будет проходить плавно и в правильном направлении. Умело используйте любую возможность направить разговор в ту сторону, в которую вы хотите. Если вы отдадите ему все свое сердце и все свое умение, то это легко будет вам сделать, особенно если вы испросите помощи от Господа.

Никогда не забуду, каким образом, на пустыре в одном из предместий Лондона попросил у меня милостыни изнывающий от жажды человек. В огромной тачке он вез очень маленький сверток, и я удивился, зачем он тащит эту огромную тачку, когда сверток поместился бы у него в кармане. И я сказал: «Не странно ли тащить такую огромную тачку с таким маленьким грузом». Он остановился, серьезно посмотрел на меня и сказал: «Да, сэр, очень странно; но знаете ли, что именно сегодня я увидел еще более странную вещь. Весь день я работал в поте лица и не встретил ни одного человека, который подал бы мне на кружку пива, пока не увидел вас». И я подумал, как умело он повел разговор; и мы, имея гораздо более важную тему для разговора, должны бы научиться так же умело ввести ее в разговор с нашими слушателями. Он так легко повел разговор, что я ему позавидовал, потому что не думаю, чтобы мне удалось так же легко завести разговор на тему, на которую мне хотелось бы с ним поговорить; но если бы я столько же думал как помочь ему, как он думал о глотке пива, то уверен, что достиг бы своей цели. Если каким-либо способом можем мы помочь людям спастись, то, подобно нашему Господу, мы должны стремиться всюду вести душеспасительные беседы – да, и у колодца, и на дороге, и на берегу моря, и в доме, и в поле: и это будет столь же полезно, как и проповедовать с кафедры. Старайтесь в обоих случаях самым лучшим образом делать свое дело и, с помощью Духа Святого, вы достигнете своей цели.

Здесь я хотел бы напомнить правило, которое, надеюсь, хорошо известно каждому из достопочтенных братьев, здесь присутствующих, и тем не менее – никогда не ходите в гости к богатым людям, *только чтобы завоевать их расположение к се*бе, и никогда не становитесь своего рода прихлебателями на их чаепитиях и вечеринках. Кто вы, чтобы заискивать перед тем или иным богачом, когда в вас нуждаются страждущие о Господе, Его рассеянное стадо? Променять свой рабочий кабинет на гостиную – это преступление. Быть приманкой для своей церкви и заманивать их в свой храм – это значит опуститься до крайнего предела, пойти на что никто не согласится. Как отвратительно видеть священнослужителей разных сект, крутящихся возле богатого человека, как коршуны над трупом верблюда. С каким тонким сарказмом написано знаменитое письмо «от старого и почитаемого пастора своему возлюбленному сыну», когда последний готовился к рукоположению. Думаю, выдержку из него стоит привести. «Не упускай также из виду всех почтенных, и особенно богатых и влиятельных людей, приезжающих в твой город; навести их и постарайся благочестивыми душеспасительными разговорами привлечь их к своему делу. Этим ты сможешь лучше всего служить нашему Господу. Люди любят, чтобы за ними ухаживали, и мой многолетний опыт подтверждает уже давно сложившееся у меня мнение, что сила проповедования с кафедры не сравниться с силой частных бесед. Мы должны подражать в этом иезуитам и освящать этот их опыт Словом Божием и молитвой. Иезуиты достигают успеха не столь проповедью с кафедры, сколько частными беседами в гостиных.

В гостиных можно разговаривать с людьми разных мнений конфиденциально, на темы, которые интересуют каждого в отдельности. Кафедра очень неудобное для этого место; конечно, она является силой Слова Божия и т.д., но именно в гостиной достигнешь ты наибольшего успеха, и каким бы ты ни был хорошим проповедником с кафедры, тебе этого не удастся, если не будете истинным джентльменом, высокообразованным и хорошо воспитанным человеком. Я всегда восторгаюсь описанием личности апостола Павла лордом Шефтсбери, который считал апостола истинным джентльменом. И тебе я говорю, будь джентльменом. Может быть и не надо так говорить, но я убежден, что только таким образом можем мы быть понятыми среди наших преуспевающих людей среднего класса. Мы должны показать, что наша религия – это религия здравого смысла и хорошего вкуса; что мы не признаем сильных эмоций и сильных возбуждающих средств; и о, дорогой мой мальчик, если хочешь приносить пользу людям, усердно молись Господу, чтобы быть истинно благородным и обходительным человеком. И если ты меня спросишь, каким ты прежде всего должен быть, то я отвечу: «И во первых, и во-вторых, и в-третьих, кто помнит проповедников, преуспевавших пятьдесят лет тому назад, увидят тонкую сатиру в этом

отрывке. Теперь редко такое встретишь, но боюсь, что мы начинаем впадать в другую крайность.

По всей вероятности, разумный, серьезный разговор может иногда вызывать споры, и тогда многие благочестивые люди теряют самообладание. Разумный проповедник должен быть исключительно выдержан в спорах. Из всех людей именно он должен понимать, что не в метании громов и молний заключается сила убеждения. Как-то в Калькутте один язычник, находившийся среди толпы, слушавшей диспут между миссионером и брамином, сказал, что знает, кто из них прав, хотя не понимал языка, на котором они говорили. Не прав был тот, который первым вышел из себя. Для большинства это самый верный путь суждения. Старайтесь избегать вступать с людьми в споры. Выскажите свое мнение и дайте другим высказать свое. Если вы видите кривую палку, то положите рядом с ней прямую; и этого будет достаточно. Но если уж вас втянули в спор, используйте самые твердые аргументы и самые мягкие слова. Часто не разумом, а добрым к себе расположением можно убедить человека в своей правоте. Как-то мне понадобилась пара сапог, и, хотя я попросил сапожника сделать их как можно свободнее, я никак не мог натянуть их. Тогда мой друг насыпал в них немного талька и я сразу же надел их. Сколь полезным оказался этот тальк. Так и вы, господа, всегда имейте при себе пакетик талька, когда собираетесь говорить с людьми, толику христианского искусства убеждать, и вы скоро увидите, сколь оно полезно.

И последнее, при всем своем добродушии и мягкости *проповедник должен быть тверд в своих принципах и смело высказывать и отстаивать их в любом обществе*. Когда появляется хоть малейшая возможность, или можно ее создать, проповедник должен немедленно же ею воспользоваться. Будучи твердым в своих принципах, он должен серьезным тоном и с любовью в сердце их отстаивать и благодарить Бога за такую привилегию. Нет ничего, что должно быть скрыто.

Все ведь открыть говорится: и безумные выдумки спиритов, и дикие мечты утопистских реформаторов, и глупейшие городские сплетни и пустословие суетного мира. Так почему же мы не должны говорить о Христе? Разве можем мы не говорить о Его завете любви из опасения прослыть назойливыми и лицемерами? Разве можно запрещать говорить о религии, этой самой лучшей и благороднейшей из всех там? Даже если и будет на нее запрет в каком бы то ни было обществе, мы никогда не согласимся с ним. И если мы не сможем нарушить этот запрет, то предоставим общество самому себе и будем тем, кто бежит из дома, пораженною язвой. Мы не можем допустить, чтобы нас заставили молчать. И почему мы должны молчать. Мы не пойдем туда, куда не можем пойти без нашего Господа. Если другие позволяют себе грешить, то мы не смеем отказываться от нашего права обличать и предостерегать их.

Умно проводимые нами беседы могут быть могучим средством спасения душ. Одно простое предложение может привести людей к обращению к Богу, для которых наши проповедники ничего не стоили. В частной беседе очень многого можно добиться: сбить спесь с людей и раскрыть им глаза на истину. Но это уже другая тема. Закончим же мы эту лекцию надеждой, что ни в частных беседах, ни на кафедре не будем мы создавать о себе впечатления добродушных людей, задачей которых является доставить всем удовольствие и которые никогда, ни при каких обстоятельствах, ничего неприятного не скажу ни одному человеку, как бы греховна ни была его жизнь. Такие люди посещают дома своих слушателей, веселятся с ними, когда должны скорбеть о них. Они с удовольствие садятся с ними за стол и веселятся, когда должны бы были предостеречь их от гнева Божия. Они подобны тем американцам будильникам, вторые гарантируют будить вас, когда вы этого хотите, и не будить, когда не хотите.

Наш долг сеять не только на плодородной почве, но и на камне и при дороге, и в судный день пожать добрую жатву. И пусть семена, которые мы бросаем в неподходящее время и в неблагоприятных условиях, хоть и не сразу, но дадут свои всходы.

Глава 13

НЕДОСТАТОК ЛИТЕРАТУРЫ

Что делать проповедникам при недостатке в необходимой для них литературе? Под этим я имею в виду то, что у них мало книг и мало, или вообще нет, средств для их приобретения. Такого положения дел не должно быть; приходы должны заботиться, чтобы такого никогда не произошло. Они должны сделать все от них зависящее, чтобы обеспечить своего проповедника не только материальной, но и духовной пищей. В каждом приходе должна быть хорошая библиотека; диаконы, в обязанность которых входит «пещись о столах», будут поступать благоразумно, если, не ослабляя своей заботы об алтаре и бедных и не экономя средств на «обеденном столе» своего проповедника, будут выделять средства и на полное обеспечение его «письменного стола» новыми и стандартными книгами. Результат от вложенных в это денег превзойдет все ожидания. Вместо того, чтобы много и красноречиво говорить и возмущаться по поводу падения влияния проповеди с кафедры, руководители приходов должны использовать разумные средства для поднятия ее влияния, обеспечивая проповедника пищей для размышления, и заниматься делом, а не ворчать.

Несколько лет тому назад я предложил организовать в наших приходах библиотеки для проповедников, и некоторые умные люди согласились с таким предложением и начали этим заниматься. С большой радостью я начал замечать появление в некоторых приходах книжных полок с небольшим количеством книг. Мне так хотелось бы, чтобы этой практике последовали повсеместно. Но, увы, боюсь, что пройдет еще много времени, прежде чем станет ясным, что экономить на проповеднике это большое заблуждение. Те приходы, которые не могут давать денег своим проповедникам на приобретение книг, должны выделять средства на создание библиотек в своих приходах, и, пополняя их каждый год, они скоро увидят, сколь неоценимую пользу это приносит. В пасторском доме моего досточтимого деда была библиотека очень ценных древних пуританских книг, которая переходила от пастора к пастору. Я хорошо помню увесистые фолианты, которые вызывали у меня особый интерес своими изумительными заглавными буквами, изображавшими пеликанов, грифов, играющих маленьких мальчиков или углубленных в чтение старцев. Мне могут возразить, что если книги давать разным людям, то они могут затеряться; но я пошел бы на такой риск. И если иметь картотеку, то те, кому будет поручено выдавать книги, будут заботиться о сохранности библиотеки, как они заботятся о сохранности церковного имущества, кафедры и скамеек в храме.

Можно поступить даже проще. Пусть все, кто жертвует на жалованье проповедника, добавит еще десять или более процентов исключительно на обеспечение его интеллектуальной пищей. Они вернут их с лихвой в виде его хороших проповедей. Если бедному проповеднику будет ежегодно выдаваться небольшая сумма на приобретение книг, то для него это будет огромным счастьем, а для общины неоценимой пользой. Умные люди не ждут хорошего урожая от своих огородов, если не будут ежегодно удобрять землю; они не ждут, что локомотив будет двигаться без топлива или даже бык и осел будут работать, если их не кормить. Поэтому не надейтесь услышать назидательную проповедь от людей, которым нет доступа к сокровищнице знаний, потому что они не могут купить себе книг.

Так что же делать людям, у которых нет запаса знаний, кто не имеет приходской библиотеки и не имеет денег купить себе книг? Сразу же заметим, что если эти люди говорят хорошие проповеди, то тем большего уважения они заслуживают, чем те, которые имеют для этого большие возможности. Говорят, что Квинтен Массейс имел все инструменты, кроме молотка и пилы, и без них создал свой шедевр. Тем большего уважения он заслуживает! И великая честь тем, кто трудясь на ниве Господней, совершили великие дела без полезных орудий, Их труд был бы значительно легче для них, если бы они ими обладали. На

проходящей сейчас Международной выставке в Кенингстоне школа приготовления пищи Бакмастера вызывает восхищение, главным образом, потому, что он готовит изумительные блюда из самых простых продуктов: из небольшого количества костей и макарон он приготовляет царские деликатесы. Если бы он имел и пользовался всеми продуктами, употребляемыми во французской кухне, то каждый бы сказал: «Ну да, это каждый мог бы сделать»; но когда он показывает вам обрезки мяса и кости и говорит, что купил их у мясника за несколько пенни и может приготовить из них обед на семью в 5-6 человек, то все хорошие хозяйки широко открывают глаза и удивляются, как же удается ему это сделать; а когда он дает им пробовать свое блюдо, они приходят в полный восторг. Продолжайте же трудиться, о, бедные наши братья, и вы сможете принести большую пользу своим служением, и слова приветствия к вам «О ты, добрый и верный раб», будут для вас особенно дороги, потому что трудились вы в тяжелейших материальных условиях.

Если человек может приобрести себе всего лишь несколько книг, то я советую ему купить только самые лучшие. Если не может он потратить много денег, то пусть потратит их на самое лучшее. Самое лучшее всегда окажется самым дешевым. Предоставьте покупать себе нужные и ненужные книги тем, кто может позволить себе эту роскошь. Покупайте не молоко и воду, а сгущенное молоко и разбавляйте его тем количеством воды, каким вы хотите.

В наш век столько словоплетов – профессиональных букмекеров, которые размазывают одно зернышко мысли на листке бумаги в пять акров; они, как золотобиты, извлекают из этого пользу для себя, но не для вас. Раньше фермеры, живущие у моря, привозили телеги морских водорослей и разбрасывали их на своем участке земли; самым тяжелым в водорослях была вода. Теперь же они высушивают их и тем экономят свой труд и расходы. Покупайте же не жидкий суп, а крепкий мясной бульон. Извлекайте многое из малого.

Приобретайте книги, которые содержат в себе, главным образом, то, что Джеймс Гамильтон назвал «книжной эссенцией». Вам нужны книги, которые содержат точный, сжато изложенный, надежный, самый полезный материал. При составлении своего толкования Библии д-р Чалмерс использовал только «Симфонию», «Библию в картинках», «Синопсис Пуля,» «Комментарии» Мэтью Генри и «Изыскания в Палестине» Робинсона. «Вот этими книгами я пользуюсь, – сказал я своему другу, – в них содержится все, что касается Библии, и больше ничего мне не надо для моих библейских изысканий». Это показывает, что те, кто имеет безграничные возможности пользоваться любыми книгами, считают достаточным пользоваться только стандартными. Сейчас д-р Чалмерс, наверно, предпочел бы «Землю и Книгу» Томсона «Изысканиям» Робинсона и «Иллюстрированную Библию на каждый день» Китто «Библии в картинках». Во всяком случае, я рекомендовал бы многим поступить именно так. И это является лучшим доказательством того, что самые знаменитые проповедники, работая над изучением Библии, предпочитали пользоваться небольшим количеством книг. И я считаю, что так должны делать и мы.

Без всякого сожаления отказывайтесь от многих книг, которые, подобно знаменитой бритве Ходжа, «сделаны на продажу», а с ними продают себя и те, кто их покупает. «Комментарии» Мэтью Генри, рискну сказать, будет самым лучшим приобретением для каждого проповедника. Купите ее, если вам даже придется продать свое пальто.

Следующее правило, которое я вам предложу, это – глубоко изучайте книги, которые вы имеете. Читайте их внимательно, купайтесь в них, пока не насытитесь. Читайте и перечитывайте их, хорошо пережуйте и переварите их. Проникнитесь ими до глубины вашего сердца. Перечитывайте хорошую книгу несколько раз, сделайте к ней заметку и проанализируйте ее. Одна хорошо изученная вами книга принесет вам больше пользы, чем двадцать, просто проглоченных наспех. Поспешное чтение дает мало знаний и вызывает только чувство гордости. Книгами можно загрузить свой мозг, что он перестанет думать. Некоторые перестают уже быть в состоянии думать, откладывая размышление ради

излишнего чтения. Они настолько загружают свой мозг книжным материалом, что уже не в состоянии его переварить и начинают питать к нему отвращение.

Чтение книг без размышления над ними никакой пользы вам не принесет. В сборнике «Литературные анекдоты» Дизраели помещена обличительная речь Лукиана, направленная на тех, кто хвалится обладанием больших библиотек, которые они никогда не читали и никакой пользы для себя из них не извлекли. Сначала он сравнивает их с пилотом, который не научился искусству вождения самолетом, или с хромым, который носит расшитые шлепанцы, не умея прямо стоять на ногах. И затем он восклицает: «Зачем вы покупаете так много книг? У вас нет волос, а вы покупаете гребенку; вы слепы, а покупаете зеркало; вы глухие, а имеете замечательный музыкальный инструмент!» Это совершенно заслуженный упрек тем, кто думает, что обладает книгами достаточно, чтобы иметь знания. В какой-то степени все мы грешим этим, потому что разве не считаем мы себя умнее, проведя час-другой в книжном магазине? Так может думать человек, осмотрев подвалы Английского банка. При чтении книг сделайте себе девизом: «Меньше, но лучше». Размышляйте, когда вы читаете, и всегда размышляйте столько, сколько вы читаете, и тогда ваша маленькая библиотека не будет для вас большим несчастьем.

Много лет тому назад один писатель сделал очень верное замечание в «Квортели Ревью»: «Дайте нам одну хорошую книгу стоимостью одного обеда, замасленную, с загнутыми уголками страниц, с разорванным корешком и перегнутыми углами, с заметками на форзаце и отметками ногтем на полях, запачканную и покоробленную, порванную и зачитанную, затертую от ношения в кармане и запачканную сажей, размокшую на сырой траве и запыленную золой из костра, над которой вы мечтали в лесу или дремали перед тлеющими в нем угольками, и читайте и перечитывайте ее от корки до корки. Именно эта одна Книга, и три-четыре ей подобных, даст вам больше истинных знаний, чем все мириады книг, стоящих на километровых, разбухших, согнувшихся от их тяжести, полках в Бодлейской библиотеке».

Но если вы чувствуете необходимость в чтении других книг, советую вам одолжить их у других, разумно их выбирая. Конечно же, вы имеете друзей, у которых есть книги и которые с радостью дадут вам их на некоторое время. И я настолько советую вам, если хотите вы снова одалживать книги, то возвращайте их вовремя и в хорошем состоянии. Надеюсь, не надо много говорить, что одолженные книги нужно отдавать, что должно быть само собою разумеющимся. Хотя недавно один пастор сказал мне, что он лично знал трех человек, которые возвращали одолженные зонтики! Но, видимо, он вращался в более избранном обществе, чем я, потому что я сам знаю несколько молодых людей, которые одолжили у меня книги и так никогда их не вернули. Недавно один проповедник, одолживший мне пять книг, которыми я пользовался более двух лет, прислал мне записку с просьбой вернуть три из них. К его удивлению, со следующей же почтой он получил их назад вместе с еще двумя, о которых уже позабыл. Я всегда записывал, какие книги у кого я одолжил, и потому мог все их возвращать владельцу. Уверен, что этот пастор не ожидал так быстро получить назад свои книги, потому что написал мне письмо с выражением удивления и благодарности, и когда я снова пришел к нему, то был уверен, что он одолжит мне и другие книги.

Сэр Вальтер Скотт обычно говорил, что если его друзья и были весьма посредственными счетоводами, то, он уверен, они были хорошими «бухгалтерами». Некоторые даже поступают подобно тому ученому мужу, который, когда один человек пришел к нему и попросил его книгу, передал через слугу, что он никому не дает свои книги на дом, но разрешит ему сидеть и читать у него в библиотеке столько, сколько ему заблагорассудится. Ответ на это вскоре последовал и весьма неожиданный, но в полной мере такой же. Когда у этого ученого плохо топился камин, он послал к тому же человеку слугу с просьбой одолжить ему меха для раздувания огня и получил такой же ответ, что тот никому не дает свои меха, но ученый может прийти к нему и надувать, сколько ему заблагорассудится. Разумное одалживание книг позволит вам много читать, но помните о

человеке из Библии, топор которого упал в воду, и будьте внимательны к тому, что вы одалживаете. «Должник делается рабом заимодавца».

В случае же, когда голод на книги становится бедствием, одну книгу вы все же имейте, и эта книга – Библия. Проповедник с Библией в руках – это Давид с пращею и камнем, вооруженный для борьбы. Никто не смеет сказать, что нет источника, из которого он может черпать знания, если у него есть Библия. В Библии мы имеем идеальную библиотеку, и кто глубоко ее изучил, будет знать больше, чем если бы он поглотил всю Александрийскую библиотеку. Целью нашей должно быть глубокое знание Библии; мы должны знать ее, как домохозяйка знает свое хозяйство, купец – свой гроссбух, моряк – свой корабль. Мы должны знать ее основную цель, содержание каждой книги, подробности ее повествований, ее учение, предписания и все, что ее касается. Говоря об Иерониме, Эразм спросил; «Кто выучил наизусть все Священное Писание, проникся им, размышлял над ним, как он?» Говорят, что голландский ученый Витсий, автор знаменитого труда «Заветы», также не только мог повторить каждое слово из Священного Писания в оригинале, но и дал контекст и критику лучших библейских авторов; и я слышал, что один старый проповедник из Ланкшира был «ходячей Симфонией» и мог указать вам главу и стих для любой цитаты, и наоборот, точно процитировать слова из указанного места. Это говорит не только об исключительной памяти, но и о большом труде. Я не говорю, что вы должны стремиться к тому же, но если вам удастся это сделать, то стоит этим заняться. Одной из сильных сторон такого исключительного гения, как Уильям Хантингтон (которого я не стану сейчас ни осуждать, ни хвалить), было то, что, когда он проповедовал, он постоянно цитировал Священное Писание, всегда указывая главу и стих своей цитаты; и чтобы показать, что ему не надо для этого иметь перед собой Библию, он всегда убирал ее с кафедры.

Кто изучил не только букву, но и дух Библии, никогда не будет посредственным проповедником как бы мало книг он ни прочел. Помните древнюю пословицу: «Остерегайся человека одной книги». Такой человек опасный соперник. Кто знает Библию, как свои пять пальцев и всем сердцем своим, тот непобедимый борец в нашем Израиле; вам с ним не справиться, даже имея для этого весь арсенал оружия, своим знанием Библии он победит вас, потому что оно подобно мечу Голиафа, о котором Давид сказал: «Нет ему подобного». Досточтимый Уилльям Ромейн, я думаю, в конце своей жизни отложил все книги и не читал ничего, кроме Библии. Он был ученый муж, и все же всем его существом владела одна Книга, которая и сделала его столь сильным. И если мы по необходимости должны довольствоваться этой одной Книгой, то вспомним, что некоторые сделали это по собственному выбору. И не будем же жаловаться на свою судьбу, ибо Священное Писание покажется нам «слаще меда и сделает нас мудрее мудрецов». Если мы постоянно будем изучать Библию, то никогда не почувствуем недостатка в священном материале; нет, не только найдем мы в ней материал, но и толкование к нему, потому что Библия является лучшим своим толкованием. Если вам нужно повествование, аллегория, образ или притча, обратитесь к священной странице. Никогда священная истина не будет так прекрасна, как тогда, когда она сияет драгоценными камнями из своей собственной сокровищницы. Недавно я прочел четыре книги Царств и почувствовал себя во всеоружии; они изобилуют божественными наставлениями не меньше, чем Псалтирь и Пророки, если читать их внимательно. Кажется, это Амвросий любил говорить: «Я преклоняюсь перед беспредельностью Священного Писания». Я слышу тот же голос, который слышал Августин, сказавший ему о Книге Божией: «Возьми ее и читай». Если придется вам в старости жить в глухой деревне, где не найдется для вас наставник и где мало будет книг, которых вам хотелось бы прочесть, то денно и нощно читайте Закон Божий и проникайтесь им, и будете вы, как «дерево, посаженное при источнике вод». Сделайте Библию своим помощником, своим постоянным собеседником, и тогда у вас не будет причины жаловаться на недостаток знания второстепенных вещей.

Я настоятельно буду просить вас понять, что отсутствие книжных знаний можно возместить размышлениями. Думаю лучше, чем иметь много книг. Размышление – это

упражнение души, которое развивает ее силу и дает ей пищу. Как-то маленькую девочку спросили, знает ли она свою душу, и ко всеобщему удивлению она ответила: «Моя душа – это мои размышления». Если это верно, то можно предположить, что у некоторых людей нет души. Без размышлений чтение не принесет душе пользы: оно только вводит человека в заблуждение, который начинает воображать, что он стал умнее. Для некоторых книги являются своего рода кумиром. Как у римо-католиков икона должна заставить человека думать о Христе, а на самом деле она удерживает его от Христа, так и книги должны заставить человека думать, но часто они только мешают это делать. Когда Джордж Фокс взял острый нож и скроил себе кожаные брюки, покончив таким образом с внешним видом светского человека, спрятался в дупле дерева, предавшись размышлению, он стал мыслящим человеком, перед которым все книжные люди скоро сразу же должны были признать свое поражение. Какое смятение он вызвал не только среди папистов, прелатов и пресвитеров своего времени, но и среди сектантов. Он очистил небесный свод от паутины, заставив тем книжных червей переживать тяжелые времена.

Размышление – это основа учения, и если бы больше проповедников размышляли, какое бы счастье это было! Только нам нужны люди, которые будут размышлять об откровенной истине Божией, а не мечтателей, выдумывающих свои собственные религии. Так, сегодня к нам часто приходят люди, которые стоят на голове, а думают ногами. Они понимают под размышлением придумывания всяких небылиц. Вместо того, чтобы размышлять об откровенной истине, они придумывают всякую чепуху, построенную в равной мере на заблуждении, бессмыслице и обмане; и называют эту чушь «современной мыслью». Нам же нужны люди, которые хотят идти прямым путем и размышлять, потому что они мыслят Божиими мыслями. Я далек от того, чтобы советовать вам подражать тем хвастливым проповедникам, от которых бегут простые слушатели и которые хвалятся тем, что проповедуют культурным и образованным людям. Это отвратительное лицемерие. Серьезно же размышлять о вещах, в которые все мы верим, это другое дело. И на этом я настаиваю. Лично я провел в размышлениях много часов, и даже много дней, сидя в одиночестве под старым дубом у реки. В то время, когда я заканчивал школу, здоровье мое очень пошатнулось и мне разрешилось немного отдохнуть. Тогда я брал удочку и шел ловить маленьких рыбок, предаваясь своим мечтам, духовным устремлениям и размышлениям над полученными знаниями. Для того, чтобы мальчики больше размышляли, было бы хорошо задавать им меньше уроков и давать больше возможности думать. Не переваренная пища лишает плоть мускул, и это даже еще более вредно для ума, чем для плоти. Если в вашем приходе мало прихожан и потому они не могут обеспечить вас библиотекой, то меньше времени они будут у вас отнимать; а имея время для размышлений, ваши проповедники будут лучше тех ваших собратьев, которые много читают и не имеют времени для размышления.

Без книг можно многому научиться, если всегда держать глаза широко открытыми. Ежедневные события, случаи, происходящие перед самым вашим носом, новости, описываемые в газетах, разговоры на злободневные темы – все это может вас многому научить. Поразительная разница между способностью видеть и не видеть. Если у вас нет книг, из которых черпать знание, то замечайте все, что вас окружает, и вы всегда найдете что-нибудь достойное вашего внимания. Разве вы не можете учиться у природы? Каждый цветок научит вас чему-нибудь. «Посмотрите на полезные лилии» и учитесь у роз. Не только муравей, но все живые существа могут быть полезны для вашего назидания. В каждом шорохе ветра есть голос и в каждой пылинке есть назидательный урок. Проповеди сверкают, как роса на рассвете, в каждом стебельке травы, и поучения кружат вокруг вас, как сухие падающие с дерева листья. Лес – это целая библиотека, нива – целый том по философии, камень – история, река у своего истока – поэма. Идите же, кто имеет зоркий глаз, и вы всюду найдете полезный урок – наверху на небе, внизу на земле, в воде под землей. Книги же не идут ни в какое сравнение со всем этим.

И как бы ни была скучна ваша библиотека, самопознание таит в себе кладезь знаний. Это таинственная книга, главную часть которой вы еще не прочли. Если человек думает, что он хорошо себя знает, то он глубоко ошибается, потому что самая трудная из всех книг, которые вы будете читать, это ваше собственное сердце. Недавно я сказал одному человеку, который блуждал в лабиринте сомнений: «Да, я действительно не понимаю вас; но я не удивлен, потому что сам себя никогда не мог понять», и я говорил правду. Посмотрите, сколь изменчивы и своеобразны настроения вашей души, сколь странны ваши переживания, сколь развращено ваше сердце и сколь сильна в вас благодать Божия; а ваша склонность к греху и способность к праведности; и как сродни вы диаволу и как близки к Самому Богу! Посмотрите, как мудро вы можете поступать, когда слушаете Бога, и как глупо, когда предоставлены самому себе. И вы увидите, сколь беспредельно важно для вас, как пастыря других душ, познать самого себя. Собственный опыт должен быть лабораторией, в которой вы проповедуете лекарство, прежде чем прописать его другим. Даже ваши собственные заблуждения и неудачи будут для вас назидательны, если вы покаетесь в них перед Господом. Абсолютно безгрешный человек не смог бы сострадать несовершенным мужчинам и женщинам. Изучайте пути Господни к вашему сердцу и больше узнаете о Его путях к сердцу других.

Читайте в сердцах других людей. Они столь же назидательны, как книги. Предположим, что одну из наших больших больниц будет посещать молодой медик-студент, который столь беден, что не в состоянии купить себе книги по хирургии. Для него это будет, конечно, большим несчастьем. Но если он прошел практику в больнице, видел, как производятся операции, каждый день наблюдал больных, то я не удивляюсь, если из него выйдет такой же опытный хирург, как и его более состоятельный сокурсник. Его наблюдения покажут ему то, что одни только книги не смогут этого сделать; и стоя возле операционного стола и наблюдая, как производится ампутация ноги, накладывается на рану повязка или перевязывается артерия, он сможет, по крайней мере, познакомиться с практической хирургией, что будет для него огромной пользой. Так и проповеднику, среди прочего другого, прежде всего необходим личный практический опыт. Все мудрые пастыри душ посещали психиатрические больницы и утешали сомневающихся, лицемеров, отступников, отчаявшихся и самонадеянных. Кто имеет практический опыт в делах Божиих и проникает в сердца своих собратьев, принесет гораздо больше пользы, чем тот, кто знает лишь то, что он прочел в книгах.

Можно только пожалеть проповедника, который подобно щеголю, выскочившему из модной лавки, выходит из колледжа в мир, который никогда не знал раньше, чтобы поучать людей, которых никогда раньше не наблюдал, и судить о фактах, с которыми раньше не сталкивался. «Не новообращенный», говорит апостол Павел. Новообращенный может быть прекрасным ученым, филологом, математиком, теоретическим богословом. Но мы должны практически знать души людей; и чем больше будем мы их знать, тем меньше будем страдать от недостатка книг. «Но как можете вы читать в сердцах людей?», – спросил меня как-то один сомневающийся брат. Я слышал об одном человеке, о котором говорили, что с ним нельзя было и на пять минут остановиться в переходе, чтобы он не преподал вам какое-нибудь поучение. Это был мудрец; но он был бы еще мудрее, если бы не мог остановиться на пять минут в переходе, чтобы научиться чего-нибудь у других. Мудрецы умеют узнать от глупца столько же, сколько от философа. Глупец – это прекрасная книга, потому что все в ней понятно. В ней может быть столько смехотворного, что это заставит вас прочесть ее до конца; но если вы ничего другого в ней не найдете, это должно послужить для вас предостережением на печать своих собственных глупостей. Учитесь у людей с большим духовным опытом. Каким глубоким вещам некоторые из них могут научить нас, молодых людей!

Сколько случаев провиденциальных явлений им Господа могут рассказать нам эти святые люди; как прославляются они благодаря Его неизреченной милости и Его верности Своему Завету! Какой новый свет проливают они на обетования, открывая значение,

сокрытое от мудрецов, но понятное простым сердцем! Разве не знаете вы, что многие обетования написаны невидимыми чернилами и должны пройти огонь испытаний, чтобы сами по себе проявились буквы, которыми они написаны? Прошедшие испытания души – это великие наставники для проповедников.

А как много можно почерпнуть у сомневающихся! Я понял, насколько я глуп, когда разговаривал с ищущими правды душами. Я был поставлен в совершенный тупик одним молодым человеком, когда пытался привести его к Спасителю; всякий раз, когда я думал, что мне уже удалось это сделать, он ускользал от меня, упрямо держась своего неверия. Сомневающиеся, которые искренне хотят прийти к вере, иногда удивляют меня своим исключительным умением бороться с надеждой; аргументы их бесконечны и проблемы их бесчисленны. Они снова и снова ставят нас в тупик. Иногда удается нам, с помощью Божией, вывести их на светлую дорогу, но только после того, как убедились, что сами мы не в состоянии этого сделать. В странном упрямстве неверия, особых учениях и лжеучениях, которые овладевают чувствами сомневающихся и толкуют библейские истины, вы часто найдете для себя очень много поучительного. Я посоветовал бы молодым людям посвятить лучше час разговора с сомневающимися и духовно подавленными, чем неделю лучшим нашим лекциям, если говорить о практическом обучении наших проповедников.

И еще, посещайте как можно чаще больных на смертном одре. Это самые назидательные книги. Там прочтете вы саму поэзию нашей религии и научитесь познать ее тайны. Какие изумительные жемчужины выносят на берег воды Иордана! Какие дивные цветы растут на его берегах! Вечные фонтаны страны обетованной возносят свои струи ввысь в небо и капли росы падают по эту сторону узкого ручья! Я слышал, как говорят смиренные мужчины и женщины в свой последний час.

Вдохновенные Духом Святым, они производят странные, овеянные небесной славой, слова. Им они научились не из земных уст; они их слышат, когда сидят в преддверье Нового Иерусалима. Бог шепчет их им в уши в их страданиях и немощи: и тогда они говорят нам немного из того, что открыл им Дух Святой. Я расстался бы со всеми моими книгами, если бы мог видеть этих провозвестников Господа, возносящихся на огненной колеснице к небу.

Глава 14

СВЯТОЙ ДУХ В НАШЕМ СЛУЖЕНИИ

Я выбрал тему, о которой очень трудно говорить, потому что ничего нового к тому, что о ней много раз говорилось, добавить уже нельзя. Но так как она имеет первостепенное значение, на ней полезно часто останавливаться и даже если мы будем говорить об известных вещах, напоминание о них принесет вам только пользу. Итак, темой нашего разговора будет: «Присутствие Духа Святого в нашем служении» или – работа Духа Святого в нас как проповедников Евангелия Иисуса Христа.

«ВЕРУЮ В ДУХА СВЯТОГО». Произнеся это предложение, которое является основой символа веры, я надеюсь, что мы можем также повторить его как наше личное убеждение, основанное на собственном опыте. Для нас присутствие и работа Духа Святого являются основой нашей уверенности в правильности и пользе всей нашей жизни. Если бы мы не верили в Духа Святого, мы должны были бы давно отказаться от нашего служения, потому что, «кто познал ум Господень, чтобы судить его?» Наша надежда на успех и наша сила продолжить это служение основывается на нашей вере в то, что Дух Господень почиет на нас.

Будем считать само собою разумеющимся, что все мы осознаем существование Духа Святого. Мы сказали, что мы веруем в Него; на основании собственного опыта мы теперь уже не только верим, но знаем, что Он существует. В свое время большинство их нас верили в существование сегодняшних наших друзей, потому что слышали о них своими собственными ушами, но теперь мы видим друг друга своими глазами, ощутили их братские объятия, почувствовали силу счастливого общения, и потому мы теперь не столько верим, как знаем. Даже в этом мы почувствовали действие Духа Святого в наших сердцах, так как знаем и ощущаем силу Его воздействия на человеческие души и знаем Его по части, сознательным, личным контактам с Ним. Чувствительность нашего духа мы осознаем присутствием Духа Святого, как осознаем существование душ наших собратьев их воздействием на наши души, подобно тому, как мы убеждаемся в существовании материи ее воздействием на наши чувства. Мы возносимся из унылой сферы ума и материи в небесное лучезарное сияние духовного мира; и как духовные люди мы различаем духовные вещи, мы чувствуем силы, господствующие в духовной области, и знаем, что Святой Дух есть, существует, потому что чувствуем Его воздействие на наши души. Если бы это было не так, то не имели бы мы права быть служителями Церкви Христовой. Осмелились бы мы даже оставаться ее членами? Но, братья мои, мы духовно возрожденные. Мы ясно осознаем новую жизнь со всеми ее последствиями; мы новые твари во Иисусе Христе и пребываем в новом мире. Мы просвещенные и видим вещи, которые глаз никогда не видел; мы познаем истину, которую ни плоть, ни кровь никогда не могли бы познать. Мы получили утешение от Духа Святого, и как часто Дух Святой возносил нас из глубокой скорби в неизреченную радость. В какой-то степени мы освящены Им; и мы знаем, что это освящение происходит в разных формах и разными путями. Потому, благодаря всем этим личным опытам, мы знаем, что Дух Святой существует, как мы точно знаем, что сами мы существуем.

Мне хочется еще поговорить на эту тему, так как она очень важная. Неверующие требуют фактов. Скептики кричат: «Нам нужны факты». Вот это и есть наши факты: так не будем никогда забывать их. Когда скептик заявляет: «Я не могу полагаться ни на литературу, ни на историю, мне нужны факты сегодня», я отвечаю: «Вы не можете видеть их, потому что глаза ваши слепы; но тем не менее факты есть, хотя вы их и не видите». И я совсем не удивляюсь, если он сочтет мое возвращение смешным. Другого я от него не ожидал и только

удивился бы, если бы было наоборот. Но я требую уважения к моему собственному мнению, потому что свидетельствую факты, и, в свою очередь, спрошу его: «Какое право имеете вы отрицать мое свидетельство? Если бы я был слепцом и вы сказали бы мне, что обладаете способностью видеть то, что я не вижу, то был бы не прав обвинять вас в обмане. Вы имеете право сказать только то, что ничего об этом не знаете, но никакого права вы не имеете называть нас лжецами и обманщиками. Вы можете только присоединиться к древним ругателям и заявить, что религиозный человек безумец, но это отнюдь не опровергает его утверждений. «Для меня, братья мои, факты, которые даются Духом Божиим, показывают истину Христианской религии точно так же, как погибель фараона в волнах Красного моря, падение манны с неба в пустыне или воды, бьющей из разбитого камня, доказали Израилю присутствие Бога среди их племен.

Теперь остановимся на самом главном. Для нас, как служителей Божиих, самым важным является Дух Святой. Без Него служение – это одно название. Мы не имеем права претендовать на священство выше того, которое принадлежит всем чадам Божиим; но мы являемся преемниками тех, кто в древние времена был вдохновлен Богом возвещать Его слово, обличать грех и делать Его дело. Если не почиет на нас дух великих пророков, то мантия, которую мы носим, это только грубая одежда обманщиков. Мы должны быть изгнаны из общества честных людей за то, что посмели говорить от имени Господа, если Дух Божий не почиет на нас. Мы считаем себя представителями Иисуса Христа, назначенными продолжать Его свидетельство на земле; но на Нем и на Его свидетельстве всегда почивает Дух Святой, а если не почиет Он на нас, то мы не были посланы в мир, как Он был послан. На Пятидесятницу начало великого обращения мира к Богу сопровождалось огненными языками и страшной бурей, символом присутствия Духа. И если, поэтому, мы думаем, что преуспеем в этом деле без Духа Святого, то ничего у нас не получится. Если нет в нас Духа, Которого обещал Иисус Христос, то не можем выполнять поручения, которые дал Иисус Христос.

Едва ли надо предостеречь кого-либо из здесь присутствующих впадать в такое безумие, как воображать, что мы можем быть богодухновенными без Духа Святого. Однако членов одной сомнительной современной секты надо предостеречь от этого безумия. Они считают, что их собрания проходят под «водительством Святого Духа». По поводу этого утверждения я могу только сказать, что не нашел в Священном Писании ни такого выражения, ни такой идеи. Но в Новом Завете я прочел о таких коринфянах, которые были очень умными, любили много говорить и спорить, – настоящие представители тех, о которых я говорил выше, но, как сказал о них апостол Павел, «благодарю Бога, что никто из вас не крестил», так и я благодарю Господа, что никогда не было среди нас представителей этой секты. Может показаться, что их собрания обладают особым даром богодухновенности, если не полной непогрешности, то приближающейся к ней. Если вы ходили в их собрания, то я очень сомневаюсь, что вы получили там больше знаний от лекций, прочитанных под «водительством Святого Духа», чем от проповеди обыкновенных проповедников Слова Божия. Эти люди считают, что они находятся под влиянием Святого Духа, как один дух находится под влиянием другого или один ум под влиянием другого ума. Мы не пассивные проповедники непогрешимости, а честные учителя таких вещей, которые мы познали, потому что смогли понять их. Поскольку наше познание активно и существует только под воздействием Духа Святого, наша немощь столь же очевидна, как очевидна Его премудрость. И когда нам открывается то, что Он нам открыл, нами обуревает страх, что в то же самое время в какой-то степени обнаруживается наше собственное невежество и наши заблуждения, потому что мы не во всем слушали Духа Святого. Я не думаю, что вы пойдете по такому пути: конечно же, результаты имеющегося у многих людей опыта едва ли позволят им впасть в такое безумие.

Итак, наш первый вопрос: «Где искать нам помощи от Духа Святого?». Ответив на этот вопрос, перед нами встанет второй: «Как можем мы потерять эту помощь?». Будем же просить Господа, чтобы Он помог нам не потерять ее.

Где же искать нам помощи от Духа Святого?

1. Первое. Он есть Дух истины. «Дух наставит вас на всякую истину». Для этого нам необходимо Его наставления.

Нам крайне необходимо учиться, потому что учитель, который учит других, должен сам знать. Непростительно подыматься на кафедру не подготовленным; ничто, как это, не может принести большего вреда ни нам, ни нашему служению. Прослушав проповедь епископа Лихфильдского о необходимости глубокого изучения Слова Божия, его викарий сказал, что не согласен с ним, «потому что перед тем, как выйти на проповедь, я не знаю, о чем буду говорить». Тогда епископ сказал: «И вы совершенно правы, что ничего не думаете о своей проповеди, потому что старосты ваших церквей сказали мне, что полностью разделяют это ваше мнение». Если мы не наставлены, как можем мы наставлять других? Если мы не думаем, как можем мы научить думать других? Именно в нашем рабочем кабинете, когда мы изучаем Библию, нам необходима помощь от Духа Святого. Он держит ключи от небесного сокровища и может безмерно обогатить нас; у Него ключ к самой трудной доктрине и Он может повести нас по правильному пути. Он может разбить в куски медные ворота и разломать железный засов и дать нам скрытые во тьме сокровища богатства тайников. Даже если вы изучите саму Библию, читаете комментарии к ней и глубоко размышляете над прочитанным, но не будете взывать к Духу Святому за помощью, все ваши труды не принесут вам никакой пользы. И даже если не получите вы этой помощи (чего, надеюсь, не произойдет с вами), но будете надеяться на Духа Святого в полном послушании Его учению, то значение божественной истины станет вам более понятным.

Дух Святой особенно необходим нам потому, что Он помогает нам узнать личность и работу Господа нашего Иисуса Христа; а это основная тема нашего проповедования. Он открывает нам Христа. Если бы Он помогал нам понять Его учение-толкование, то мы были бы счастливы получить такую неоценимую помощь; но так как Он уделяет особое внимание Христу и сосредотачивает Свой священный свет на Кресте, то мы счастливы, что основной момент нашего свидетельства освещается таким божественным светом, и уверены, что он будет светить нам во всем нашем служении. Будем же ждать Духа Святого и восклицать: «О, Дух Святой, открой нам Сына Божия и таким образом покажи на Отца».

Будучи Духом знания, Святой Дух не только наставляет нас в Евангелии, но и помогает увидеть Господа во всех Его делах. Мы должны видеть Бога в природе, в общей истории, в каждодневных провиденциальных событиях, в нашем собственном опыте; и Дух Святой поможет нам познать Бога во всех этих вещах. Если мы вопрошаем Его, «Научи меня, что Ты хочешь, чтобы я сделал; покажи мне, почему Ты доволен мною; скажи мне, как Ты понимаешь эту бесценную божественную милость и другие промыслительные проявления суда и благодати», то в каждом случае мы получим ответ, потому что Дух Святой – это семисвечник святилища, и в его свете мы правильно видим все вещи. Как хорошо заметил Гудвин: «Чтобы познать истину, свет должен осветить ее. Опыт всех истинно благочестивых людей доказывает это. Почему видите вы некоторые вещи в одно время, а не в другое; благодать в сердцах ваших в одно время, а не в другое; видите духовные вещи в одно время, а не в другое? Глаз ведь один и тот же, но именно Дух Святой открывает и закрывает этот потайной фонарь, как я бы назвал его; когда Он открывает его широко или приоткрывает или почти закрывает, видим мы больше или меньше. А иногда Он закрывает его полностью и тогда душа погружается в мрак, хотя никогда она так хорошо не видела».

Возлюбленные братья мои, ждите же от Него этого света, иначе вы погрузитесь во мрак и станете поводырями слепых.

2. Дух Премудрости. Нам Он крайне необходим, потому что знание может быть опасным, если ему не сопутствует мудрость, которая является искусством правильно использовать то, что мы знаем. Правильно разделять Слово Божие на части так же важно, как

понять его, потому что те, кто понял одну часть Евангелия, придают ей особое значение, проповедуя таким образом уже искаженное христианское учение, нанося таким образом огромный вред тем, кто его принял, так как они, в свою очередь, будут, как следствие, излагать его в такой же искаженной форме. Нос человека является выделяющейся частью на лице, но его можно изобразить столь большим, что глаза, рот и другие части лица будут отодвинуты на задний план и получится не портрет, а карикатура; так и некоторые важные евангельские истины можно чрезмерно выделить, и тогда все остальные потеряют свое великое значение, и проповедь Евангелия в его естественной красоте превратится в карикатуру на истину, которая, посмею сказать, некоторым, по-видимому, очень нравится. Дух Святой научит вас как пользоваться священным ножом, чтобы разделить жертву. Он покажет вам, как взвесить и смешать эти драгоценные куски в одинаковой пропорции. Всякий опытный проповедник понимает, что это самый важный момент, и хорошо, если он не поддается соблазну пренебречь им. Увы, некоторые братья не хотят слушать весь совет Господа. Им нравятся некоторые учения и они не хотят, чтобы мы говорили о других. Многие похожи на ту шотландскую женщину, которая, прослушав проповедь, сказала: «Было бы очень хорошо, если бы он поменьше говорил о всякой чепухе». К сожалению, некоторые братья любят слушать только приятные вещи – обетования и поучения, но практическую часть, касающуюся праведной жизни, они считают неважной. Наш же долг требует от нас, чтобы мы давали им все Евангелие, ничего не упуская и ничего не преувеличивая, а для этого нужна мудрость. Я очень сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из нас имел столько мудрости, сколько нам надо. Вероятно, мы имеем непростительные предвзятости и неоправданные симпатии; постараемся же их увидеть и отделаться от них. Иногда мы сознательно опускаем некоторые тексты, но не потому, что не понимаем их (что можно было бы оправдать), а потому, что прекрасно их пониманием и не хотим говорить, чему они нас учат, или же потому, что в нас самих могут быть некоторые пороки, или нашим прихожанам не нравится слушать те тексты, которые ясно показывают им, почему мы их выбросили. С таким непростительным умалчиванием надо покончить. Чтобы быть мудрым распорядителем и правильно распределить мясо среди домашних нашего Господина, нам нужна Твоя помощь, о, Дух Господень!

Но и это еще не все, так как, даже если мы знаем, как правильно разделить на части Слово Божие, нам необходима мудрость, чтобы выбрать ту часть истины, которая нужна в данное время и данному собранию, как и найти соответствующий тон и форму для изложения этой истины. Думаю, что многие братья, которые говорят о человеческих обязанностях, излагают их таким суконным языком, что отталкивают от себя всех, кто любит слушать поучения о благодати. С другой стороны, боюсь, что многие говорят о господстве Бога таким языком, что отталкивают от Кальвинистской церкви всех, кто верит в свободное человеческое посредничество. Мы никогда не смеем скрыть истины, но мы должны проповедовать ее так мудро, чтобы без нужды не укорять и не обижать, постепенно просвещать тех, кто совершенно не в состоянии увидеть ее, и ввести слабых братьев в весь круг евангельского учения.

Братья, нам так нужна мудрость при изложении евангельского учения равным людям. Вы можете сразить человека именно той истиной, которая должна была бы наставить его в вере. Вы можете вызвать у человека отвращение к меду, которым хотел усладить его. Неосмотрительное проповедование великой милости Божией ввергло сотни людей в распутство; и, с другой стороны, гнев Божий, который вы с такой силой обрушиваете на людей, приводит их в отчаяние и полное неповиновение Богу Премудрому. Мудростью надо уметь управлять, и Тот, Кто ее имеет, открывает ее в нужное время, облаченную в самые подходящие одежды. Кто же, как не Дух Святой может дать нам эту мудрость? О, братья мои, в полном смирении перед Ним ждите Его указаний.

3. Святой Дух нужен нам, как живой уголь с престола, который касается наших уст, чтобы, имея знание и мудрость, выбрать нужную часть истины, мы могли бы проникновенно

и убедительно изложить ее «Слушай, она коснулась уст твоих!». О, как великолепно говорит человек, уста которого обожжены живыми углями с престола – это чувство горящей силы истины, и не только в его душе, но и на устах, которыми он говорит! Посмотрите, как тогда трепещет каждое его слово. Заметили ли вы, как только что во время молитвы у двух молящихся наших братьев дрожал голос и все их существо трепетало, потому что не только их сердец коснулся Дух Святой, и, я надеюсь, и всех наших сердец, но и их уст, потому речь их была так проникновенна.

Братья, нам нужен Дух Святой, чтобы открылись наши уста, и мы могли возносить хвалу нашему Господу, иначе проповедь наша не будет иметь силы.

Нам нужен Дух Святой, чтобы не говорили мы того, что может быть во вред нашим слушателям. Тем из нас, кто обладает опасным даром юмора, надо иногда остановиться и подумать, будет ли готовое уже сорваться с их уст слово достаточно назидательным; и те, кто жил раньше среди грубых и неотесанных людей, должны следить за собой, чтобы не сказать ни одного бестактного слова. Братья, мы не смеем произнести ни одного звука, за которым могла бы скрываться нечистая мысль, или который мог бы вызвать мрачные воспоминания. Нам нужен Дух Святой, чтобы удержать нас от слов, которые могут отвлечь мысли наших слушателей от Христа и вечных вещей и заставить их думать о вещах неизменных.

Братья, нам нужен Дух Святой, чтобы проповедь наша была вдохновенна. Не сомневаюсь, что все вы знаете, сколь зависит проповедь от настроения нашей души. Иногда оно связано с нашим физическим состоянием. Сильная простуда может испортить не только чистоту голоса, но и заморозить поток мыслей. Я, например, если не могу говорить ясно, то не могу и думать ясно, и проповедь моя тогда становится такой же хриплой, как мой голос. Желудок, как и все другие органы тела, влияет на наше душевное состояние; но не об этом я говорю сейчас. Разве вы не знаете изменений, которые происходят в вашей душе, совсем не связанные с телом? Когда вы физически здоровы, не чувствуете ли вы себя иногда скованным, как фараона колесница без колес, а иногда свободным, как «выпущенная на волю лань»? Сегодня вы, как искрящаяся от росы, а вчера иссушенная от отсутствия влаги, ветка. Кто не знает, что во всем этом действует Дух Божий? Святой Дух иногда так действует в нас, что мы перестаем чувствовать свое тело. Когда мы находимся в таком состоянии во время всей проповеди, с начала ее и до конца, мы могли бы сказать: «В своем я теле или нет – я не могу сказать: Бог знает». Все забывается, кроме только евангельской истины, которая владеет всеми нашими мыслями и всей нашей душой.

Ели бы мне было запрещено вознестись на небо, но позволено было выбрать состояние моей души, я бы предпочел такое, в котором иногда нахожусь, когда проповедую. В таком состоянии мы находимся в преддверии неба: душа наша не подвластна никаким волнующим влияниям, она вся во власти величия и осознанного присутствия Божия; все фибры ее трепещут от счастья этого присутствия, все силы ее и все мысли радуются созерцанию славы Господней и возносят хвалу Возлюбленному нашей души; и все это время она испытывает неизреченную любовь к душам своих собратьев, побуждая ее возносить с ними свои молитвы к Господу. Какое иное состояние души может сравниться с этим? Увы, мы достигаем этого состояния, но не всегда можем сохранить его, потому что также знаем, что такое проповедь в оковах или произнести пустые проповеди. Все добрые и счастливые изменения в нашем служении зависят только от воздействия Духа Святого на наши души. И я уверен, что это так. Как часто, когда меня обуревали сомнения, подсказанные мне неверующими, я мог с полным презрением откинуть их прочь, потому что я ясно ощущаю силу, действующую во мне, когда говорю от имени Господа; она бесконечно превосходит ту силу моей речи и энергию, которые у меня появляются, когда я читаю светскую лекцию или произношу речь. Она полностью отличается от той силы, которая, я абсолютно уверен, совершенно иного порядка и характера, чем энтузиазм политика или блеск оратора. Будем же как можно чаще исполняться этой божественной энергией и побуждаемые этой силой произносить наши проповеди.

4. Дух Святой действует так же, как елей, и это касается всей манеры произнесения проповеди, не только того, что и как мы говорим, но всего нашего существа. Он может заставить вас проникнуться своей проповедью до такой степени, что вы почувствуете себя полностью раздавленным или же парящим в небе на орлиных крыльях; Он заставит нас думать не только о проповеди, но и о слушателях, пока у вас не появится страстного желания обратить к Богу неверующих или возвысить верующих в состояние, которого они еще не знали. В то же время вы чувствуете страстное желание восславить Господа через ту истину, которую вы проповедуете. Вы чувствуете глубокое сострадание ко всем, к кому вы обращаетесь с проповедью, скорбя о тех, которые знают мало, и о тех, которые знают много, но отвергли ее. Вы всматриваетесь в лица и радуетесь об одних, что «роса окропила их», и скорбите о других, что они подобны Гельвульским горам, никогда не орошаемым росой. И все это происходит во время проповеди. Сколько мыслей одновременно мелькает перед нами. Однажды я насчитал восемь, одновременно или с промежутком в одну секунду. Как-то, когда я проповедовал, глубоко проникнувшись темой своей проповеди, я не мог не заметить, что одной женщине стало плохо, и увидел, что один из наших братьев открыл окно, чтобы дать ей воздуха. Так, две разные мысли промелькнули одновременно в моей голове, и я благодарю Господа, что, сострадая другим, я оказался достойным той истины, которую проповедовал. Некоторые толкователи считают херувимов о четырех головах эмблемой проповедников, и меня нисколько не смущает четырехкратная форма, потому что Дух Святой может умножать наше душевное состояние и делать нас многоликими, которыми мы являемся по своей природе. Сколь многоликими он может сделать нас и как высоко возвысить, я не смею даже предположить. Он может сделать непомерно больше того, о чем мы просим и даже думаем.

Особенно нам необходима помощь от Духа Святого, чтобы сохранить молитвенное состояние души, когда произносим проповедь. К этому надо страстно стремиться – продолжать молиться, когда вы проповедуете: исполнять повеление Господа, вслушиваться в голос Его слова, не спускать глаз с престола и постоянно обращать свой взор к небу. Надеюсь, все мы знаем, что это такое. И я уверен, что все мы знаем, или скоро узнаем, противоположное этому, а именно, вред проповедования в немолитвенном состоянии. Что может быть хуже, чем говорить надменно и раздраженно? Что может быть хуже, чем говорить то, во что сам не веришь? Но какое счастье чувствовать огонь в своем сердце, когда мы проповедуем другим? Вот это и есть воздействие Духа Святого на нас. О, Великий Утешитель, помоги нам!

Когда мы проповедуем проповедь с кафедры, нам необходима помощь Духа Святого и наша молитва к Нему, чтобы с первого до последнего слова нашей проповеди мы могли черпать силу у Всемогущего. Мы хорошо чувствуем, что хотя и хорошо говорили до определенного момента, но если Дух Святой оставил нас, то мы не сможем так же хорошо ее закончить. Полагаясь на помощь свыше, с абсолютной надеждой на Господа, мы смело и уверенно скажем всю проповедь. Может быть, неверно говорить «смело», потому что нет никакой смелости доверять Богу; для истинного верующего это просто сладчайшая необходимость. Как могут они не доверять Ему? Почему должны они сомневаться в своем самом верном Друге? Проповедуя за утренним богослужением на текст: «довольно для тебя благодати Моей», я сказал прихожанам, что впервые в жизни понял, что почувствовал Авраам, когда «пал на лице свое, и рассмеялся». Я ехал домой после целой недели тяжелой работы и тогда мне в голову пришел этот текст, «довольно для тебя благодати Моей», но с акцентом на двух словах: «Тебя» и «Моей». И я сказал себе: «Конечно же, благодати Божией более чем довольно для такого ничтожного насекомого, как я, и я рассмеялся, подумав, сколь значительно превышает она все мои потребности. Мне казалось, что я маленькая рыбка в море и, изнывая от жажды, сказал: «О, я выпью все море». Тогда Отец морей величественно поднял голову, и улыбнувшись заметил: «Маленькая рыбка, бесконечного моря довольно для тебя». Эта мысль сделала неверие смешным, что действительно так. О, братья, мы должны

молиться, зная, что Бог благословит мир, потому что Он обещал сделать это. И когда мы кончим проповедь, мы должны посмотреть, сколько прихожан получило это благословение. Не думаете ли вы иногда: «Я так поражен, что Господь обратил столько душ через мою ничтожную проповедь?» Ложное смирение! Да, ваша проповедь тщетна. Все это знают, и больше всех должны вы это знать. Но в то же время разве удивительно, что Бог, Который сказал: «Слово Мое не возвращается ко Мне тщетным», сдержал обещание? Разве мясо теряет свои питательные качества, если приготовленное из него блюдо положено на простую тарелку? Разве благодать теряет силу Божию из-за нашего ничтожества? Нет, но мы имеем это сокровище в земных сосудах, чтобы превосходство силы этого сокровища принадлежало Богу, а не нам.

Нам нужна помощь Духа Святого во время всей проповеди, чтобы сохранить душевное равновесие. Если мы его потеряем, то слова наши не будут убедительными и не затронут сердце наших слушателей, которые вскоре увидят наше бессилие. Одни начинают возмущаться и тем выдают свое плохое настроение, другие говорят только о себе и тем выдают свою гордыню. Одни говорят снисходительным тоном, как если бы делали одолжение, произнося проповедь, другие же словно извиняются за то, что существуют. И чтобы избежать такой манеры и такого тона, мы должны полагаться на Духа Святого, который только один учит нас, как произносить проповеди.

5. Нам нужна помощь Духа Святого, чтобы добиться эффекта от Евангелия, и на это должны быть направлены все наши усилия. Мы стоим на кафедре не для того, чтобы показать наше умение обращаться с духовным мечом, а чтобы вести действенную борьбу. Нашей целью является пронзать сердца людей мечом Духа Святого. Если проповедование можно в какой-то мере рассматривать как публичное зрелище, то оно должно быть зрелищем состязания по вспашки, которое заключается в эффективном вспахивании. Состязание это происходит не между плугами, а работой, которую они выполняют; пусть же о проповедниках судят по тому, как они управляют евангельским плугом и прорезают борозды от одного конца поля до другого. Всегда стремитесь добиться эффекта. «О», скажете вы, «никогда не думали, что вы это скажете». Но я говорю здесь об эффекте не в плохом смысле этого слова. Никогда не проповедуйте ради эффекта, как это делают гипнотизеры, чтецы-декламаторы, иллюзионисты и напыщенные трубачи. Такому человеку лучше не родиться, чем превратить кафедру в боксерский ринг, чтобы показать свои мускулы. Старайтесь добиться эффекта в лучшем смысле этого слова: т.е. вдохновения истин верующих на еще более благородные дела, приведения христиан еще ближе к их Учителю, утешения сомневающихся, пока они не отделаются от своих страхов, покаяния грешников и их исповедания личной веры во Христа. Без достижения этого эффекта, какая польза будет от наших проповедей? Ужасно, если вам придется повторить слова одного архиепископа, который сказал: «Я занимал много почетных и ответственных мест и в Церкви, и в государстве, как никто из священнослужителей в Англии, вот уже на протяжении семидесяти лет. Но если бы я был уверен, что своим проповедованием я обратил хотя бы одну душу к Богу, то это принесло бы мне больше утешения, чем все почетные должности, которые я занимал».

Чудеса благодати должны быть печатью нашего служения; кто, кроме Духа Святого, может нас наградить ими? Обратить душу к Богу без Духа Святого! Ведь вы не можете сотворить даже мухи, а тем более нового сердца или праведного Духа. Вести чад Божиих к праведной жизни без Духа Святого! Стараясь возвысить их духовно своим собственным методом, вы дадите им только физическое утешение. Нам никогда не достичь нашей цели, если не будем мы полагаться на Духа Святого. Поэтому, плача и рыдая, ждите изо дня в день помощи от Него.

Отсутствие способности ясно распознать силу Духа Святого лежит в корне многих ересей. Слова Роберта Холла имеют сегодня такую же силу, как тогда, когда он обрушил их, подобно расплавленной лаве, на полусицинианских проповедников. «С одной стороны они

заслуживают внимания, потому что самые известные и выдающиеся проповедники Слова Божия в разных общинах, как Бренер, Бакстер и Щварц, привлекали к себе людей именно своей зависимости от помощи Духа Святого; и, с другой стороны, никакого успеха не имели те проповедники, которые пренебрегали или отрицали эту доктрину. Их самонадеянность привела к полному краху всех их усилий, и никто не станет возражать против реальности божественного вмешательства в их деятельность, ибо, когда это протягивал Господь Свою руку тем лжеучителям христианства, которые не верили в существование такой руки? Пусть продолжают они трудиться в поле, которого Бог повелел тучам не орошать дождем. Как бы осознав это, они в последнее время направили все свои усилия в другое русло и, отчаявшись обратить грешников, ограничились обольщением верных, в чем, надо признать, они действовали в полном согласии со своими принципами: пропагандой ереси, не требующей, по крайней мере, никакой божественной помощи».

6. Нам нужна помощь Духа Святого в молитве, Который, по воле Божией, заступается за верующих. Очень важную часть нашей жизни составляет молитва к Духу Святому, и проповеднику, который так этого не считает, лучше вообще не подниматься на кафедру. Горячая молитва всегда должна сопутствовать серьезной проповеди.

Мы не можем постоянно находиться в коленопреклоненном положении, но душа наша никогда не должна оставаться без молитвы. Хорошо иметь привычку молиться, но молитвенное состояние души лучше. Так и постоянное уединение хорошо, но непрестанное общение с Богом должно быть нашей целью. Как правило, проповедники не должны долго оставаться без возношения своего сердца к Богу. Некоторые из нас могут честно сказать, что редко они и четверть часа остаются без общения с Богом, и это не долг, а инстинкт, привычка нового естества, которая для нас так же естественна, как плач ребенка по своей матери. А как же может быть иначе? Итак, если мы должны постоянно находиться в молитвенном состоянии, то нужен духовный елей, изливающийся на огонь наших сердец в молитве; нам постоянно нужна помощь от Духа милосердия и заступничества.

Что касается наших общественных молитв, то да никто не скажет о них, что они официальные, формальные и холодные; но они действительно будут такими, если не будем мы испрашивать помощи у Духа Святого. О тех, кто совершает богослужение, я не буду говорить, но тем, кто совершает свободные молитвы, я скажу, не смейте совершать из года в год общественные молитвы без Духа Божия; мертвая молитва сразу же отталкивает ваших прихожан. Что же тогда делать? Где искать нам помощи? Слабовольные просят позволить им совершать богослужение. Вместо того, чтобы искать помощи у Духа Святого, они предпочитают отправиться за ней в Египет. Вместо того, чтобы слушать Духа Божия, они предпочитают молиться по книге! Я же, если не могу молиться, то предпочитаю признаться в этом и скорбеть о бесплодии своей души, пока Господь снова не посетит меня и не исполнит ее молитвой. Исполнившись Духом Святым, вы с радостью разорвете формальные оковы и предадите себя священному течению вод, в которых сможете свободно плыть. Иногда вы будете чувствовать себя гораздо ближе к Богу в общественной молитве, на кафедре, чем когда-либо в другом месте. Я часто находился в самом глубоком молитвенном состоянии именно во время общественной молитвы; мое самое истинное уединение с Богом происходило во время молитвы среди тысячи людей. В конце молитвы я открывал глаза и возвращался в собрание потрясенным, видя себя на земле и среди людей. Такие периоды наступают не по нашей воле, и никакая подготовка или усердие не могут привести нас в такое состояние. Словами не выразить, какое счастье это как для проповедника, так и для его слушателей! Как и не выразить словами той силы и блаженств, которые дает непрестанная молитва. Но мы все должны искать для этого помощи у Духа Святого и, по милости Божией, мы получим ее, потому что ведь сказано, что если мы будем просить Его, то Он укрепит нас в наших немощах.

7. Нам нужна помощь от Духа Божия, потому что Он есть Дух Праведности. А большая и существенная часть христианского служения – это пример. Наши прихожане придают большое значение тому, что мы говорим с кафедры и как ведем себя в светском обществе и других местах. А разве легко, братья мои, быть святыми, чтобы другие считали нас примером? Мы должны быть такими мужьями, чтобы каждый муж из наших прихожан мог брать с нас пример. А так ли это на самом деле? Мы должны быть самыми лучшими отцами. Увы, некоторые проповедники, насколько я знаю, отнюдь не такие, потому что пекутся они не о своих виноградниках, а о виноградниках других, забывая о своих. Дети их остаются без их внимания и потому не растут они, как доброе семя. Так ли это происходит с вами? Являемся ли мы в наших отношениях с нашими собратьями безупречными и добросердечными, сынами Божиими без стыда и укора? Такими мы должны быть. Я восхищаюсь аргументами г-на Уитфильда, почему его белье всегда безупречно чистое. «Нет, нет», говорит он, (!) это не пустяки; священнослужитель должен быть безупречно чистым, даже что касается его одежды». Проповедник всегда во всем должен быть чистым. Помните, с какой любовью помогали вы одному брату очистить его платье от пятен, но в то же время подумали, что было бы лучше, если бы его одежда всегда была чистой. О, старайтесь всегда оставаться незапятнанными! Но как это возможно в мире, где столько соблазнов искушений, если не будет нас охранять всевышняя сила? И если хотите вы быть праведными и чистыми, став проповедниками Слова Божия, то должны каждый день креститься во Духа Святого.

8. Нам нужен Дух Святой как Дух проницательности, потому что он знает разум людей, как Он знает разум Божий, а нам это знание крайне необходимо, когда мы имеем дело с трудными характерами. Некоторым можно позволить проповедовать, но они никогда не должны быть пасторами. В церкви св.Зенона в Вероне я увидел статую этого святого в сидячей позе. Скульптор сделал ему такие короткие ноги, что колен у него вообще не было, так что он никак не мог быть отцом, убаюкивающим на своих коленях ребенка. Боюсь, что многие наши проповедники страдают таким же недостатком и потому не могут всем сердцем отдаться пастырской заботе. Они могут авторитетным тоном говорить о какой-нибудь доктрине и полемизировать по поводу какого-нибудь таинства, но сопереживать другим они не в состоянии. Их холодное утешение может вызвать лишь угрызения совести. Их совет будет равносилен совету того горца, о котором рассказывают, что он стоял и наблюдал, как тонет один англичанин в трясине у подножия Бен-Невиса. «Я тону», кричал тот, «Скажите, как выбраться мне отсюда?» Горец же спокойно заявил: «Думаю, что никогда вам отсюда не выбраться», и отошел прочь. Мы знаем с вами таких проповедников, у которых отчаявшиеся грешники вызывают замешательство и даже раздражение. Если бы вас и меня, не имеющих пастушеского опыта, отправили бы ранней весной пасти овец и козлят, чтобы мы делали с ними? В такое замешательство приходят иногда те, кто никогда не был наставлен Духом Святым, как заботиться о душах людей. Да спасут нас Его наставления от такого ужасного невежества!

И еще, братья, какое бы у нас ни было нежное сердце и заботливая любовь, мы никогда не будем знать, как вести себя во множестве разнообразных случаев, если Дух Святой не наставит нас, потому что нет двух одинаковых людей, и даже в одном и том же случае необходим разный подход в разное время. В одно время могут понадобиться слова утешения, а в другое – упрека. И человеку, которому вы сегодня даже со слезами на глазах выражали сочувствие, завтра потребуется строгость. Кто утешал разбитые сердца и освобождал падших из тягостного плена греха, должен иметь в себе Духа Божия.

Для осуществления надзора и управления в Церкви необходима помощь от Духа Святого. Основной причиной раскола в нашей конфессии были трудности, связанные с церковным управлением. Говорят, что оно «мешает основной работе пастыря». Конечно, это бремя для тех, кто жаждет официального признания и хочет быть оракулом, перед которым даже собака не смеет лаять. И именно те, кто меньше всего умеет управлять, больше всего жаждут власти и, не находя должного призвания в Церкви, ищут его в других областях. Если

не умеете вы управлять сами собой, если нет у вас мужества и независимости, если не имеете вы морального авторитета, если духовные способности и харизмы ваши ничем не отличаются от простых ваших слушателей, то вы можете надеть рясу и претендовать на пост руководителя в церкви, но эта Церковь не будет церковью Иоанна Крестителя или Нового Завета. Что касается меня, то я никогда не согласился бы быть пастырем людей, которым самим нечего сказать, или которые сами говорят что-то, могли бы лучше помолчать, потому что пастырь – это Пастырь Господень, а они только миряне и ничто. Я скорее соглашусь быть руководителем шести свободных людей, самозабвенная любовь которых является моей единственной властью над ними, чем быть диктатором множества порабощенных народов. Какое положение может быть более благородным, чем положение духовного отца, не претендующего ни на какую власть и тем не менее всеми почитаемым, слово которого дается только как добрый совет, но имеет силу закона? Прислушиваясь к желанию других, он видит, что их первым желанием является знать, что он им посоветует, и полагаясь всегда на желания других, он видит, что они всегда рады положиться на него. Проявляя горячую и милосердную любовь, он является начальником всех, потому что сам является слугой всех. Не нужна ли для этого мудрость свыше? Не достаточно ли ее? Когда Давид вступил на престол, он уразумел, «Что Господь утвердил его царем над Израилем», и точно так может сказать каждый счастливый пастырь, когда видит, что так много братьев со столь различными характерами с большой охотой слушаются его и признают его руководство в деле Господнем.

Если бы не было среди нас Господа, как быстро начались бы у нас раздоры. Проповедники, диаконы и старосты – все они могут быть мудрыми, но если оставит их Дух Святой и начнутся между ними распри, то все усилия наши будут тщетны. Наша работа будет бесплодна без Духа Божия, и я буду только рад этому, потому что ее прекращение или перерывы указывают на Его отсутствие.

Наша работа никогда не предполагала содействовать славе священников и пасторов, она имеет целью дать знания истинным христианам, которые считают свою веру первостепенной. Что такое я или вы, чтобы быть правителем наследия Божия? Посмеет ли кто из нас сказать вместе с французским королем: «Государство – это я!». Я самый важный человек в церкви! Тогда едва ли Дух Святой будет пользоваться такими непригодными инструментами; но если мы знаем свое место и хотим со всем смирением занимать его, то Он поможет нам и церкви процветать под нашим попечением оных.

Я перечислил вам много случаев, когда нам абсолютно необходима помощь от Духа Святого, но это далеко не все еще. Я это сделал преднамеренно, потому что иначе нам бы не хватило времени ответить на вопрос: «Как можем мы потерять эту необходимую нам помощь?». Пусть никого из нас это не постигнет, но конечно же, проповедники могут потерять помощь от Духа Святого. Каждый из нас здесь может ее потерять. Вы не перестанете быть верующими, потому что имеете жизнь вечную, но вы перестанете быть проповедниками и никто больше не будет слушать вас, как свидетелей Господа. И если это произойдет, то не без причины. Дух утверждает Свое верховенство подобно ветру, который дует, где пожелает; но не думайте, что верховенство и прихоть – это одно и то же. Дух Святой действует, как хочет, но Он всегда действует справедливо, мудро и имея на то мотив и причину. Иногда Он дает или не дает Своего благословения, и всегда это связано с нами самими. Посмотрите на течение такой реки, как Темза; как она изгибается и извивается согласно своей собственной воле; однако всегда есть причина для каждого ее изгиба или кривой. Геологические исследования почвы и конфигурация скал показывает, почему русло реки поворачивает вправо или влево. Итак, хотя Дух Божий благословляет одного проповедника больше, чем другого, и совсем не потому, что кто-то может похвалиться своей собственной добродетелью; в христианских священнослужителях есть что-то, что Бог благословляет, но и что-то, что препятствует этому благословению.

Дух Божий действует в духовном мире подобно росе в естественном мире; одни души пропитываются небесной влагой, другие всегда остаются сухими. Разве на это нет причины?

Ветер дует, где пожелает; но если мы хотим почувствовать действие сильного ветра, то должны выйти в море или подняться на высокую гору. У Духа Божия есть любимые места, где Он проявляет Свою силу. Он символизируется голубем, а голубь выбирает себе надежное убежище: у реки, в тихих и спокойных местах, в надежных голубятнях. Мы никогда не встречаем их на полях брани и они не садятся на падаль. Так и души, одни принимают Духа Божия, другие – противятся Ему. Дух Святой подобен свету, а свет может светить, где хочет, но одни тела мутные, а другие прозрачные; так и люди, среди которых через одних Дух Божий может светить, а через других Его свет никогда не проникает. Итак, это значит, что Дух Святой хочет и является «свободным Духом», отнюдь не действует по своей похоти.

Но, дорогие братья, Дух Божий может быть огорчен и обеспокоен, и даже пассивен: отрицать это будет против свидетельства Священного Писания. Хуже всего, если мы будем действовать вопреки Его воле и можем так Его огорчить, что Он перестанет руководить нами и оставит нас, как оставил царя Саула. Увы, хотя и не должно было бы такого произойти с христианскими проповедниками, но боюсь, что такие есть.

Братья, что же может огорчить Духа Святого? Я отвечу так: все то, что делает вас, как обычных христиан, непригодными для общения с Богом, делает вас также неспособными, как проповедников, чувствовать удивительную силу Духа Святого. Но кроме этого есть еще и особые препятствия.

Во-первых, это отсутствие чувствительности или то бесчувственное состояние, которое возникает из-за ослушания Духа Святого. Мы должны быть исключительно чувствительны к малейшему Его движению и тогда можем надеяться на Его постоянное присутствие. Но если мы подобны лошади или мулу, которые не имеют разума, то мы ощутим удар кнута, но не почувствуем благотворного влияния Утешителя.

Во-вторых, это отсутствие честности. Когда великий музыкант касается струн гитары или арфы и слышит, что они издают фальшивые звуки, он не будет на них играть. Некоторые люди поступают бесчестно: они подделываются под других и двурушничают. Возможно ли, чтобы вы проповедовали какие-то доктрины не потому, что сами в них верите, а потому, что этого хотят от вас ваши прихожане? Ждете ли благоприятного случая, чтобы, не рискуя, отказаться от того, что вы сейчас проповедуете, и высказать то, что ваша трусливая душа считает действительно верным? Тогда вы падшие люди и подлее самых трусливых рабов. Бог освободил нас от вероломных людей и, если они попадают в наши ряды, то должны сразу же быть изгнаны. Если мы чувствуем к ним отвращение, то во сколько больше должен испытывать к ним отвращение Дух правды.

В-третьих, это скудность благодати. Может быть, это неудачное выражение, но лучшего я не могу придумать, чтобы описать некоторых людей. Я знаю одного из таких. Он ни бесчестен, ни безнравственен, у него неплохой характер, он ни высокомерен, но чего-то в нем не хватает. Отсутствие этого чего-то трудно доказать каким-то явным проступком с его стороны, но это касается всего его существа, и отсутствие этого чего-то все портит. Ему не хватает одной нужной вещи. В нем нет Духа Святого, он не чувствует Христа, его сердце не пылает, его душа мертва, ему нужна благодать. Мы не можем ожидать, чтобы Бог благословил проповедника, который никогда не должен проповедовать, и такой проповедник, конечно же, не будет благодатным.

В-четвертых, это гордость. Чтобы быть великим, надо быть униженным. Если вы очень высоко ставите себя в своих собственных глазах, то останетесь незамеченным Богом. Если вам придется жить на высоких местах земли, то увидите, что горные вершины холодные и бесплодные. Господь пребывает с униженными, но Он видит гордых издалека.

В-пятых, это леность. Я не могу себе представить, чтобы Дух Святой стоял у дверей бездельника и возмещал недостатки, вызванные праздностью. Леность в деле Искупителя – это грех, которому нет прощения. Мы сами огорчаемся при виде вялых движений бездельника и можем быть уверены, что активный Дух также огорчается теми, кто пассивен в работе Господа.

Пренебрежение личной молитвой и многие другие грехи дадут такой же бесплодный результат. Но едва ли нужно здесь еще больше распространяться на эту тему, потому что ваша совесть сама подсказывает вам, что огорчает Духа Святого Израиля.

А теперь, прошу вас, послушайте, что я вам скажу. Знаете ли, что произойдет, если Дух Божий так огорчится, что оставит нас? Есть два предположения. Первое это то, что мы никогда не были бы служителями Божиими, если бы были только временными Его орудиями, как Валаам или даже осел, на котором Он ехал. Предположим, братья, что вы и я какое-то время успешно проповедуем, ни мы сами, ни другие не подозреваем, что Дух Божий покинул нас; внезапно нашему служению может прийти конец, а с ним и нам. В расцвете своего служения мы можем быть покараны, подобно Надаву и Авиуду, чтобы никогда больше не служить пред Господом, или, подобно Финеесу и Офни, чтобы никогда больше не совершать богослужения в скинии собрания. Нет у нас богодухновенного летописца, который бы описал нам причины внезапной духовной смерти многообещающих людей, и если бы нашелся такой, то мы с ужасом прочли бы о пристрастии к спиртным напиткам, о фарисействе, связанном со скрытой распущенностью, о внешней ортодоксальности, скрывающей полное неверие, или о другой форме чуждого огня, принесенного «пред лице Господа», пока Он не смог больше этого терпеть и поразил Своих обидчиков внезапной смертью. Да не постигнет никого из нас эта страшная кара!

Увы, я знаю некоторых людей, которых оставил Дух Святой, как это было с царем Саулом. В Священном Писании говорится, что Дух Божий посетил Саула, но тот не принял Его, и тогда Дух оставил его и Его место занял злой дух. Посмотрите, как оставленный Духом Божиим проповедник легко становится циником, критикует всех других и клевещет на людей, более достойных, чем он. Саул был сначала среди пророков, но он лучше чувствовал себя среди гонителей. Оставленный Богом, он терзает своими вопросами истинного благовестника, обращается в волшебству и ищет помощи от мертвых ересей; но силы оставляют его и вскоре филистимляне найдут его труп среди убитых. «Не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона! Дочери Израильские, плачьте о Сауле! Как пали сильные на поле брани!»

Так и некоторые оставленные Духом Божиим стали подобны сынам Скевы, одного из иудеев. Они стали заклинать злых духов именем Господа Иисуса, Которого проповедовал ап.Павел. Но злые духи бросились на них и одержали над ними победу. Так и некоторые проповедники, которые обличают грех, сами страдают именно теми пороками, которые они осуждают. Но сыны Скевы есть и среди нас в Англии. Зеленый змий поражает именно того, кто осуждает колдовскую чашу вина, и бес невоздержанности одолевает проповедника, который ратовал за непорочность. Если нет в нас Духа Святого, то со всех сторон нас подстерегают опасности; будем же бдительны!

Увы, некоторые проповедники становятся подобными Валааму. А разве не был он пророком? Не говорил ли именем Господа? Разве не говорится о нем, что это «муж с открытым оком, который видения «Всемогущего?» Однако он боролся против Израиля и хитростью хотел одолеть избранный народ. Проповедники Слова Божия стали папистами, неверными, вольнодумцами и замыслили погубить то, что раньше проповедовали ценить. Мы можем быть апостолами, и все же, подобно Иуде, превратиться в сынов погибели. Горе нам, если это произойдет с нами!

Братья, если предположить, что мы действительно являемся чадами Божиими, что же тогда? Да, даже тогда, если оставит нас Дух Божий, мы можем также внезапно преткнуться, как тот обманутый пророк, который ослушался повелений Господа в дни Иерована. Он, несомненно, был человеком Божиим, и смерть его тела еще не свидетельствует о гибели его души, но он нарушил повеление Господа, которое было дано специально ему, и тогда его служение окончилось, потому что встретил он на дороге льва, который умертвил его. Да сохранит нас Дух Святой от обманщиков и поможет нам всегда оставаться послушными голосу Божию!

Еще хуже, если вспомнить жизнь Самсона, на которого сошел Дух Святой, когда молодой лев шел растерзать его, но в объятиях Далиды он потерял свою силу, а в темнице ему выкололи глаза. Он мужественно закончил дело всей своей жизни, хотя и был слеп, но кто из нас захотел бы иметь такую судьбу?

Или, а это самое ужасное, потому что чаще всего и бывает, Дух Божий может покинуть нас, чтобы не запятнали мы конец дела всей нашей жизни, как это сделал Моисей. Мы не потеряем своей души, даже не потеряем награды на небесах или признания на земле; но мы можем потерять все, чего достигли, если в последние дни нашего служения сорвется с наших уст неразумное слово. Недавно я изучал последние дни Моисея, этого великого пророка, и до сих пор не могу отделаться от того тяжелого чувства, которое они во мне вызывали. Какой же грех совершил Моисей? Вам не надо говорить, вы сами знаете. Он не был столь велик, как беззаконие, совершенное Давидом, ни столь потрясающим, как отречение Петра, ни столь малодушным и безрассудным, как уступка идолопоклонничеству его брата Аарона. Конечно, такой грех может показаться бесконечно малым в глазах обычного суда. Но его совершил Моисей, которого Бог ставил выше всех других, предводитель народа Божия, представитель Царства Небесного. Господь мог простить этот грех всем другим, но не ему. Моисей должен был быть покаран запретом привести народ Божий в землю обетования. Да, Господь дал ему видеть ее своими глазами с вершины Фасги и многое еще, что смягчило суровое его наказание, но какие огромные муки должен был он испытывать, получив запрет войти в землю наследия Израилева, и это только из-за одного сказанного неразумного слова. Я не перестану служить своему Господу, но я трепещу в Его присутствии. Кто это может не оступиться, если даже Моисей оступился? Страшно быть любимым Богом. «Кто из нас может жить при огне пожирающем? Кто из нас может жить при вечном пламени? Тот, кто ходит в правде и говорит истину». – Только Он может выдержать это пожирающее грех пламя любви. Братья, прошу вас, жаждете получить место Моисея, но трепещите, когда займете его! Бойтесь и трепещите от всех благ, которые ниспошлет вам Господь! Исполнившись всеми плодами Духа Святого, склонитесь перед престолом и со всем страхом вашим служите Господу. «Господь есть Бог ревнитель». Помните, что Бог пришел к нам не для того, чтобы возвысить нас, но чтобы возвысить Себя, и мы должны стремиться, чтобы прославление Его было единственной целью всего, что мы делаем. «Ему должно расти, а мне умаляться». О, да поможет нам в этом Бог, чтобы осторожно и смиренно мы ходили перед Ним! Он будет искать и испытывать нас, потому что суд начинается в Его Доме, и в этом Доме он начинается с Его служителей. Не окажется ли кто из нас недостойным? Не затянет ли к себе преисподняя кого-нибудь из наших пасторов? Страшна будет участь падшего проповедника: его кара удивит всех беззаконников. Ад преисподней пришел в движение ради тебя, чтобы встретить тебя при входе твоем. И все они будут говорить тебе: «И ты сделался бессильным, как мы, и ты стал подобен нам!» О, да сохранит нас Дух Святой живыми перед Богом, верными нашему служению, полезными для нашего поколения и чистыми сердцем! Аминь.

Глава 15

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Дорогие коллеги! Нас немного, и нам предстоит отчаянная борьба, поэтому необходимо, чтобы все мы приложили максимум усилий и были готовы во всеоружии ее вести. Служители Божий должны быть наилучшими людьми Церкви, даже всей вселенной, как того требует наш век. Что касается вас самих и ваших личных качеств, я предлагаю вам такой девиз: « *Совершенствоваться»!* Совершенствоваться в своих занятиях, совершенствоваться в своих дарах и харизмах, совершенствоваться в своей пригодности для такой работы, совершенствоваться в своем подобии образу Иисуса.

1. Итак: во-первых, дорогие братья, думаю, надо сказать мне и вам, что мы должны совершенствоваться в наших знаниях. Мы не смеем постоянно представать перед Богом невеждами. Мы недостойны быть столь совершенны, как Он. Но, по крайней мере, мы не должны допустить, чтобы своей ленью опорочить наше служение. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим», да, это, может быть, легче, чем возлюбить Его всем разумением нашим; однако мы должны отдать Ему наш разум, как и наши чувства, и этот разум должен быть хорошо оснащен знаниями, чтобы не предстали мы пред Ним с пустыми руками. Наше служение требует знаний. Я не буду говорить о «просвещении века», однако, среди всех классов образовательный уровень значительно поднялся, и будет повышаться и дальше. Прошло время, когда безграмотной речи проповедника было достаточно. Даже в деревне, где, согласно традиции, «никто ничего не знает», знания школьного учителя значительно расширились, и сегодня недостаток образования больше мешает ему приносить пользу, чем это было раньше. Когда проповедник хочет, чтобы его прихожане запомнили Евангелие, они будут запоминать его безграмотные выражения и с усмешкой повторять их, тогда как мы хотели бы, чтобы они передавали друг другу божественные истины со всей серьезностью. Дорогие братья, мы должны повышать наше образование до высшего уровня и делать это, прежде всего, путем накопления знаний, чтобы, как зерном, наполнить амбар, затем научиться дифференцировать их, как бы просеивать эту кучу зерна, и, наконец, сохранить их в уме, как бы сложив просеянное зерно в амбар. Эти три вещи неравносильны по своему значению, но они все необходимы для всесторонне образованного человека.

Итак, мы должны приложить большие усилия для накопления знаний, и особенно библейских. Мы не можем ограничиваться одной темой изучения, иначе мы не используем всех наших умственных способностей. Бог сотворил мир для человека и дал человеку разум, чтобы он овладел и использовал все, что есть в этом мире; он -арендатор, и природа временно является его домом; почему же должен он закрываться в одной из его комнат? Почему должен он отказываться попробовать все виды чистой пищи, которые великий Отец поставил перед ним на столе? Тем не менее, нашим главным делом является изучение Священного Писания. Основным делом кузнеца является подковывать лошадей; пусть же он знает, как это делать, потому что, если он сможет опоясать ангела золотым поясом, то, как кузнец не сможет сделать подкову и подковать ею лошадь. Что толку в том, что вы умеете писать прекрасные стихи, но не можете говорить хорошие и назидательные проповеди, которые будут утешением для верующих и убедительными назиданиями для грешников? Изучайте Библию, дорогие братья, изучайте ее тщательно, прибегая к помощи доступной вам богословской литературы. Помните, что простые христиане имеют к ней теперь гораздо больший доступ, чем во времена наших отцов, и потому вы должны быть богословами, если

хотите, чтобы вас слушали ваши прихожане. Применяйте все свои знания, но прежде всего денно и нощно живите по Закону Божию.

Знайте хорошо богословие и не обращайте внимание на насмешки его ругателей, потому что они не знают его. Многие проповедники не являются богословами, и отсюда ошибки, которые они делают. Никакого вреда не будет самому хорошему проповеднику, если он также будет и богословом, и это часто спасает его от грубых ошибок. Сегодня мы слышим, как люди выдергивают одно предложение Священного Писания из своего контекста и кричат «Эврика! Эврика!», как если бы они открыли новую истину, тогда как на самом деле они нашли не алмаз, а кусочек разбитого стекла. Если бы они умели сравнивать духовные вещи, то поняли бы аналогию различных вероисповеданий, и если бы они знали учения великих богословов прошлого, то не спешили бы хвастаться своими блестящими знаниями. Будем же усердны в изучении великих истин Слова Божия и сильны в толковании Священного Писания. Я уверен, что никакое проповедование не будет столь полезным и не обратит людей к Богу, как толкование. Отвергнуть полностью ораторскую проповедь ради толкования было бы нелепой крайностью; но я могу заверить вас, что если хотите вы, чтобы ваше служение всегда приносило пользу, вам надо быть толкователями. А для этого вы должны сами понимать Слово Божие и уметь так толковать его, чтобы люди могли строить свою жизнь по Слову Божию. Знайте досконально Библию, братья, и какие бы другие книги вы ни изучали, знайте хорошо писания пророков и апостолов. «Слово Христово да вселяется в вас обильно».

Отдавая предпочтение богодухновенным писаниям, не пренебрегайте никакой областью знаний. Присутствие Иисуса на земле освятило все сферы природы, и то, что Он очистил, то священно. Все, что сотворил ваш Отец, – ваше, и вы должны черпать из него знания. Читайте журнал натуралиста или заметки путешественника, и вы найдете в них много полезного. Да, даже старый травник или учебник по алхимии может, подобно Самсонову мертвому льву, дать вам мед. В устричных раковинах находится жемчуг, и на колючем кустарнике есть плоды. Пути истинной науки, особенно естественной – истории и ботаники, вымощены полезными плодами. Геология, поскольку это не фикция, а факт, полна сокровищ. История, которая открывает вашему взору столь изумительные картины, исключительно назидательна; каждая часть владения Божия в природе изобилует драгоценными поучениями. Приобретайте знания, насколько это позволяет вам ваше время, возможности и способности, и не колеблясь, делайте это, потому что каждое приобретенное вами знание будет для вас исключительно плодотворно. При изобилии благодати знание не сделает вас самодовольными и не повредит вашему чистосердечию. Служите Богу такими, какие вы есть, и благодарите Его за то, что Он дует через вас, как если бы вы были бараньим рогом, но если есть возможность стать вам серебряным рогом, то станьте им.

Я сказал, что мы также должны уметь дифференцировать знания, и особенно в наше время. Многие гоняются за новшествами, очаровываясь каждым новым изобретением. Вы же учитесь делать различие между истиной и лжеистиной и тогда никогда не сойдете с правильного пути. Другие, подобно банному листу, цепляются за старые учения, которые часто бывают большими заблуждениями; все проверяйте и твердо держитесь того, что правильно. Сито и веялка очень будут здесь полезны. Дорогие братья, человек, который попросил Господа дать ему ясное зрение, чтобы увидеть истину и рассмотреть ее со всех сторон, и который постоянным развитием своих способностей научился иметь правильное суждение, такой человек может быть предводителем воинства Господа; но, увы, не все такие. Тяжело видеть, как многие принимают на веру все, что им серьезно преподносится. Они проглатывают лекарство всякого религиозного шарлатана, который имеет наглость заверить их в своей искренности. Не будьте же столь наивными, как дети, а проверяйте хорошо, прежде чем принять такое лекарство. Просите Духа Святого дать вам способность отличать истину от лжеистины, чтобы могли вы пасти свое стадо далеко от ядовитых лугов и привести его на безопасное пастбище. Приобретя знание и умение делать различие, старайтесь научиться сохранить и твердо держать в памяти то, чему вы научились. Сегодня некоторые

гордятся тем, что они подобно флюгеру всегда повернуты по ветру новых веяний; на самом же деле они ничего твердо не держатся, да фактически у них и нет ничего, чего бы стоило держаться. Они верили вчера в то, во что сегодня не верят, и не будут верить завтра. И надо быть более великим пророком, чем Исайя, чтобы предсказать, во что они будут верить, когда луна войдет в свою следующую фазу, потому что они постоянно меняют свои взгляды и, видимо, родились под этой луной и участвуют в изменениях ее фаз. Эти люди, может быть, и честны в своих взглядах, но какая польза от них? Они, как хорошее дерево, которое часто пересаживается, могут, по своей природе, быть благородными, но никакой пользы они не принесут. Постоянное изменение взглядов не дает никаких плодов. Удостоверьтесь, что вы обладаете подлинной истиной и держитесь ее. Не отвергайте новую истину, если это действительно истина, но будьте очень осторожны, чтобы не принять ложный свет за истинный. Кто торгует новыми истинами на улицах, подобно мальчикам, торгующим вторым изданием вечерних газет, предстает не в лучшем свете. Скромная девушка не станет красить щек, одеваться по последней моде, она довольствуется своей естественной красотой и в главном всегда будет оставаться одной и той же сегодня и завтра, какой была вчера. Когда люди часто меняются, они обычно очень сильно меняются. Наши господа проповедники «современного богословия» наносят огромный вред душам людей и напоминают Нерона, который играл на скрипке высоко на башне, когда у ног его горел Рим. Эти души гибнут, а они плетут теории. Ад широко разевает свою пасть и проглатывает мириады душ, а кто должен спасать, следует «новым путям богословия». Высококультурные душегубцы увидят, что их хваленая «культура» не спасет их в день страшного суда. Ради Бога, учитесь спасать людей и приступайте к делу. Отвратительно рассуждать, как лучше выпекать хлеб, когда люди гибнут от голода. «Вечно учиться и не достигать истины – это девиз худших, а не лучших».

Я видел в Риме статую мальчика, извлекающего из своей ноги занозу, и через год он все так же сидел и извлекал ее. Это ли пример для нас? «Я каждую неделю меняю мое вероисповедание», – признался мне один из таких богословов. Зачем же мне уподобляться таким людям, взгляды которых постоянно меняются? Они подобны птицам, прилетающим в Золотой Рог и постоянно кружащимся над этой бухтой, никогда не отдыхая? Никто не видел, чтобы они садились на воду или землю; они всегда парят в воздухе. Местные жители называют их «погибающими душами», ищущими и никогда не находящими покоя. Так и люди, которые не находят личного успокоения в своей вере, если они сами не спасаются, то едва ли могут спасать других. Кто проповедует истину, в которую сам твердо не верит, пусть не удивляется, что не имеет успеха у своих слушателей. Мы должны знать истину, которую проповедуем, понимать ее и твердо держаться ее, иначе мы не можем надеяться, чтобы другие поверили в нее. Братья, прошу вас, приобретайте знания и учитесь различать правду и неправду и тогда, научившись делать это различие, держитесь твердо подлинной истины. Непрестанно трудитесь, наполняя свой ум зернами знаний, просеивая и храня их в своей памяти.

2. Нам необходимо совершенствоваться и в нашем ораторском искусстве. Я начинаю с основания, но это очень важно, потому что прискорбно, если даже ноги этого образа оказываются глиняными.

Каждая мелочь, если она служит на пользу нашего великого дела, имеет большое значение. Из-за отсутствия одного гвоздя лошадь потеряет свою подкову и станет уже непригодной для сражения. Эта подкова – только маленький железный ободок, который взрыхляет землю, и все же никакой пользы не будет от лошади с извергающей громы сбруей, если потеряет она свою подкову. Человек как проповедник духовных истин безвозвратно погибает, если у него нет умственных и ораторских способностей, и потому я начал с этих вещей и снова повторяю, что мы должны совершенствоваться в ораторском искусстве. Не все из нас могут произносить проповеди так хорошо, как другие, но даже они не могут достичь идеала. Если кто из вас думает, что он может проповедовать так же хорошо, как он

должен, то я советую ему навсегда оставить проповедническую кафедру. Сделав это, он поступит так же умно, как тот художник, который разломал свою палитру и, обратившись к жене, сказал: «Время моего рисования закончилось, потому что я уже доволен собой, а это значит, я уверен, что силы мои как художника покинули меня». Как бы совершенны мы ни были в других вещах, но если кто думает, что он достиг совершенства в ораторском искусстве, то, уверен, он ошибается, принимая говорливость за красноречие и многословие за аргументацию. Как бы много вы ни знали, вы никогда не будете по-настоящему хорошим проповедником, если не в состоянии учить других. Вы знаете проповедников, которые ошиблись в своем призвании – очевидно, не имеют к нему способностей. Проповеди некоторых братьев просто невыносимы: они либо вызывают у вас возмущение, либо нагоняют сон. Нет ничего более усыпляющего, чем заунывная речь проповедника. Человек, даже обладающий бесконечным терпением, не вынесет такой проповеди, и хорошо делает природа, что дает ему возможность погрузиться в сон и не слышать ее. Недавно один человек сказал, что у какого-то проповедника столько же способностей к проповедованию, как у устрицы, а я думаю, что это клевета на устрицу, потому что этот достойный двустворчатый моллюск более благоразумен, так как знает, когда закрыть свои створки. Если бы кого наказали пыткой слушать свои собственные проповеди, то это было бы правильным наказанием для них, и они бы сразу же воскликнули, как Каин: «наказание мое больше, нежели снести можно». Не допустим же испытания таким наказанием.

Братья, мы должны научиться говорить ясно. Когда мне не понятно то, о чем говорит человек, то это потому, что он сам не знает, о чем он думает. Неискушенному слушателю, который не в состоянии следить за ходом мысли проповедника, не следует волноваться – в этом вина проповедника, который неясно выражает свои мысли. Если посмотреть в пустой колодец, то будет казаться, что он глубокий, но если бы в нем была вода, то вы бы не увидели, насколько он глубок. Я полагаю, что многие «глубокие» проповедники «глубоки» просто потому, что они подобны высохшему колодцу, в котором нет ничего, кроме сухих листьев, нескольких камней и, может быть, одной-двух сдохших кошек. Если же в вашей проповеди будет живая вода, то она будет очень глубокой, но ясной ее сделает свет правды. Для того, чтобы вас понимали, недостаточно говорить простые вещи, а важно говорить так, чтобы вас правильно поняли.

Мы должны говорить не только ясно, но и веско. Наша проповедь должна быть веской. Некоторые воображают, что для этого надо говорить громко, но уверяю вас, что они глубоко заблуждаются. Вздор не перестанет быть вздором, если говорить его громким голосом. Бог не требует, чтобы мы кричали, как если бы говорили перед десятью тысячами, когда обращаемся только к трем сотням. Будем же сильны благодаря превосходству нашего, материала и силы духа, который мы вкладываем в его изложение. Одним словом, пусть наша проповедь будет естественной и живой. Надеюсь, что мы никогда не будем следовать ухищрениям профессиональных ораторов, всеми средствами добиваться эффекта, изучать обстановку, продумывать паузы, принимать важную позу, изрекать слова и не знаю, что еще, к чему прибегают напыщенные богословы, еще существующие на нашем свете. Пусть они поскорее сойдут со сцены, и все мы научимся проповедовать Евангелие живым, естественным и простым языком; и я уверен, что скорее всего такой стиль благословит Господь.

Среди многих других вещей мы должны учиться говорить убедительно. Некоторые из наших братьев оказывают большое влияние на людей; однако другие, даже обладающие большими способностями, лишены этого дара, они не могут найти с ними общего языка и овладеть их вниманием и чувствами. Некоторые проповедуют Евангелие как бы каждому в отдельности, вкладывая истину в их Души. Другие же так сильно обобщают и их проповеди такие холодные, что можно подумать, что они обращаются к обитателям далекой планеты, дела которых их мало волнуют. Учитесь же молиться вместе с другими. Для этого взирайте почаще на Господа. В одной книге, если не ошибаюсь, по древней истории, я прочел, что, когда один солдат собирался убить царя Дария, его сын, будучи с детства немым, вдруг, к

удивлению всех, воскликнул: «Разве не знаешь ты, что это царь?» Его молчавший доселе язык развязался от любви к отцу, и да будут наши слова убедительными, когда мы видим Господа, распятого за человеческий грех. Знание страстей Господних должно нас научить убеждать людей. Мы не можем сделать ничего другого, как вместе с ними просить Господа примирить нас с Ним.

Братья, смотрите на тех, кто приводит людей к Иисусу, узнайте их секреты, не успокаивайтесь, пока не сможете делать того же. Если вы увидите, что они простые и скромные, но приносят действительную пользу, то скажите себе: «Вот это мой стиль», но если же вы слушаете проповедника, которым все восхищаются, и узнаете, что он не обратил ни одной души к Господу, то скажите себе: «Нет, это не для меня, потому что я ищу не славы, а хочу быть действительно полезным».

Совершенствуйте поэтому постоянно свою речь, чтобы она была ясной, понятной, естественной и убедительной. Старайтесь, дорогие братья, выработать такой стиль речи, чтобы он был понятен для ваших слушателей. Многое зависит от этого. Проповедник, обращающийся к образованной аудитории на языке, на котором он проповедует уличным торговцам, будет просто дураком; с другой же стороны, если среди шахтеров и угольщиков он будет употреблять богословские термины и салонные выражения, то будет просто идиотом. Смешение языков в Вавилоне было более совершенным, чем мы думаем. Оно дало не только разные языки великим народам, но и разный стиль речи для каждого класса людей. Торговец рыбой из Биллинсгейта не поймет языка студента богословского Брейзнозовского колледжа. А поскольку уличный торговец не может научиться языку богослова, пусть богослов учится языку уличного торговца. «Мы говорим на языке рынка», – сказал Уайтфилд, и это делает ему честь; однако, находясь в салоне герцогини Гантингдон, он произнес речь, вызвавшую восхищение у неверующих аристократов, которых герцогиня пригласила послушать, потому что он говорил на их языке. Его язык был понятен в обоих случаях, потому что он говорил на языке, понятном для данной аудитории: он не употреблял технических терминов, иначе его язык был бы понятен одной и непонятен другой аудитории, а термины звучали бы жаргоном для аристократии, и были бы совершенно не понятны для простого народа.

Мы должны стремиться, чтобы наш язык был «всем для всех». Великий оратор – это тот, кто умеет обращаться к любому классу людей на понятном им языке, и тогда он затронет их сердца.

Братья, пусть же никто не превзойдет нас ни в умении произносить проповеди, ни в знании родного языка! Дорогие собратья, наш язык – это меч, который дал нам Господь, чтобы защищать Его. Как говорится о Господе, «из уст Его выходил острый с обеих сторон меч». Пусть же наши мечи будут острыми. Совершенствуйтесь в умении произносить проповеди и будьте лучшими из лучших ораторов. Я призываю вас к этому, потому что, хотя и далеки вы от совершенства, говорите же вы мне: «Мы узнаем богослова по его ясной, смелой речи». А это дает мне надежду, что в значительной степени вы обладаете этим даром и потому, прошу вас, совершенствуйте его.

3. Братья, еще в большей степени мы должны совершенствоваться в наших моральных качествах. Я их перечислю, и пусть те, у которых их нет, обратят на них должное внимание; но заверяю вас, что я не имею в виду никого из присутствующих здесь. Мы хотим, чтобы наши проповеди были самого высокого уровня, но, даже обладая умственными и ораторскими способностями, мы не достигнем этого уровня, если также не будем обладать и моральными качествами. Есть пороки, от которых мы должны освободиться, как стряхнул ап. Павел змею со своей руки, и есть добродетели, которые мы должны приобрести любой ценой. Потворство своим слабостям погубило тысячи. Да не погибнуть нам от объятий Далиды. Будем же контролировать все свои страсти и привычки; если не будем мы уметь владеть собою, то не смеем мы быть вождями в церкви.

Мы должны избавиться даже от намека на самомнение. Бог не благословит человека, который считает себя великим. Хвалиться даже работой Духа Святого в себе очень опасно, так как это значит льстить себе. «Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои», и будьте рады, когда этот другой не станет хвалить вас.

Мы должны также уметь владеть собою. Иметь сильный характер совсем неплохо. От бесхарактерного человека, с которым можно обращаться, как со старым башмаком, мало пользы. Я не говорю вам: «Дорогие братья, имейте характер», но я говорю: «Если у вас есть характер, то умейте владеть им». Я благодарю Бога, когда вижу проповедника, у которого хватает характера возмущаться злом и быть настойчивым в утверждении добра; и все же характер – это обоюдоострое оружие человека и часто режет обе его руки. Лучше терпеть зло, чем причинять его. Если кто из вас очень быстро приходит в ярость, напомните ему, что этим он приводит в радость диавола, и пусть поскорее успокоится.

Мы должны бороться, и особенно некоторые из нас, с нашей склонностью к легкомыслию. Большая разница есть между святой веселостью, которая – добродетель, и общим легкомыслием, которое – порок. Легкомысленный человек не всегда смеется искренно, он шутит над всем – это пустой, болтливый, неискренний человек. Искренний смех и искренний плач – это не легкомыслие. Я говорю о религиозном лоске, который претенциозен, но быстро блекнет, поверхностен и неискренен относительно самых важных вещей. Благочестие – это не жест, не просто форма. Остерегайтесь быть актерами. Никогда не создавайте впечатления у серьезных людей, что вы говорите не то, что думаете, что вы просто профессионалы. Предосудительно иметь горячие уста и холодное сердце. Бог не благословит нас быть сверхутонченными и поверхностными: не будем же бабочками в саду Божием.

В то же время мы должны избегать всякого дикого фанатизма. Я знаю группу религиозных людей, которые, не сомневаюсь, были рождены женщиной, но вскормлены волчицей. Я их и не осуждаю. Разве Рим не основали Ромул и Рем, а они так же были вскормлены волчицей? Некоторые воинственные люди такого сорта были основателями целых династий мыслителей. Но человеческая доброта и братская любовь лучше сообразуются с Царством Христовым. Мы не собираемся ходить по всему миру в поисках ересей, подобно терьерам, вынюхивая крыс, но мы и не должны быть столь уверенными в своей непогрешимости, чтобы разжигать церковные костры для сожжения всех, кто от нас отличается, и не охапкой хвороста, а углями можжевельника, которые лишены сильной предвзятости и жестокой подозрительности.

Кроме всего этого есть еще манерность, настроение и многое еще другое, против чего мы должны постоянно бороться, потому что незначительные пороки часто становятся источником неудач, и избавление от них может быть секретом успеха. Не считайте маловажным ничего, что хотя бы в малейшей степени мешает вам быть полезными.

И, дорогие братья, мы должны иметь лучшие моральные качества и привычки и избавляться от противоположного. Не чистый сердцем человек мало принесет пользы Богу. Если мы будем руководствоваться политикой, если не будем ходить прямыми путями, то быстро потерпим крушение в нашей работе. Помните, дорогие братья, что вы можете быть бедными, презираемыми, даже умереть, но вы не смеете совершать нечестные поступки.

Вашей политикой должна быть честность. Вам также необходимо большое нравственное мужество. Под этим мы понимаем не нахальство, не опрометчивость и не самомнение, а настоящее мужество делать и спокойно говорить справедливые вещи и смело идти на риск, хотя никто не скажет нам за это доброго слова. Меня поражает, что так много христиан боятся говорить правду своим братьям. Благодарю Бога за то, что нет ни одного члена в моем приходе, ни одного церковного начальника, никого на свете, кому бы я не мог прямо сказать в лицо то, что сказал бы за его спиной. С помощью Божией, я обязан моим положением в своем приходе отсутствию всякой политики и привычке говорить, то, что думаю. Желание угодить всем вокруг – это опасная и вредная вещь. Если вы говорите одному человеку одно, а другому другое, то в один прекрасный день они сравнят ваши

замечания и выведут вас на чистую воду, и тогда вас будут только презирать. Двуликий человек рано или поздно станет предметом презрения, и это будет справедливо. Прежде всего, избегайте трусости, потому что она делает человека лжецом. Если вы считаете нужным рассказать что-то о человеке, то прежде подумайте: «Что я посмею сказать ему в лицо? «Вы не должны позволять себе говорить о нем ни слова больше, чем он того заслуживает. Если будете вы следовать этому правилу, то ваше мужество избавит вас от многих трудностей, и вы навсегда завоюете себе уважение.

Совершенствуйтесь также еще в одном качестве, которое является как умственным, так и моральным, а именно, – в умении сосредотачивать все свои силы на той работе, которую вы призваны выполнять. Направьте на нее все свои мысли, возможности, всю свою энергию и все свои способности. Направьте все источники своей души в один канал, заставляя его течь вперед непрерывным потоком. Некоторым не хватает этого качества. Они разбрасывают свои силы в разные стороны и ничего не достигают. Соберите все свои батальоны и бросьте их на врага. Не старайтесь быть великими и в одном, и в другом, и в третьем – т.е. быть «всем по очереди и ничем долго», но всем своим существом отдавайтесь в руки Иисуса Христа и все положите к дорогим ногам Того, Кто пролил кровь свою и умер за вас.

4. Но нам превыше всего необходимы духовные качества, харизмы, которые даются нам Самим Господом. Уверен, что это самое главное. Другие вещи ценны, но эти бесценны, всем сердцем нашим мы должны стремиться к Богу.

Нам также необходимо знать самих себя. Проповедник должен хорошо знать психологию, философию самопознания. Существует две школы самопознания, и ни одна не хочет учиться у другой; мы же будем учиться у обеих.

Одна школа говорит, что чадо Божие знает глубокую порочность своей души, понимает порочность своего естества и постоянно чувствует, что в его плоти нет ничего хорошего. «Тот не имеет жизни Божией в своей душе», – говорят они, – кто не знает и не чувствует ее, а ежедневно ощущает ее по своему горькому и мучительному опыту». Напрасно говорить им о свободе и радости в Духе Святом, они не будут иметь этого. Они знают многое из того, что надо» знать, и пожалеем того проповедника, который игнорирует знание. Мартин Лютер говорил: «Что испытание – это лучший учитель для проповедника». И в определенном смысле он прав.

Другая школа придает большое значение всеславной работе Духа Божия – это верно и достойно похвалы. Они верят в Духа Святого как в очистительную силу, выметающую «Авгиевы конюшни» души и делающую ее храмом для Бога. Но часто они говорят так, словно перестали грешить или досадуют на искушение; они хвалятся, словно борьба уже закончилась и завоевана победа. Будем же учиться и у этих братьев. Узнаем все истины, которым они могут научить нас. Увидим же вершины и славу, которая сияет на них, те ермоны и фаворы, на которых мы преобразимся с нашим Господом. Не бойтесь стать чрезмерно святыми. Не бойтесь изобильно исполниться Духом Святым. Я хотел бы, чтобы ваше знание было всесторонним, и вы могли бы сопереживать человеку в его бедах и в его радостях, как знакомые с одним и другим. Знайте, где Адам оставил вас; знайте, где Дух Божий поставил вас, и помните одинаково одно и другое, чтобы не забыть ни одного. Думаю, что если кто воскликнет вместе с ап. Павлом: «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?», то это всегда проповедник, потому что нам нужно пройти через все испытания, чтобы мы могли утешать других.

На прошлой неделе я ехал в одном вагоне с несчастным человеком, который положил ногу на сидение. Видя это, проводник подошел к нему и сказал: «Эти подушки сделаны не для того, чтобы ты клал на них свои грязные сапоги». Как только он отошел, этот несчастный снова положил ногу на сидение и сказал мне: «Уверен, что он никогда не ломал свою ногу в двух местах, иначе не был бы так груб со мной». Когда я слышал, что братья, которым легко живется, которые имеют хороший заработок и осуждают других, кто терпит

нужду и страдания, потому что они вынуждены жить по другим меркам, чем они, я всегда думаю, что они ничего не знают, что значит иметь поломанные кости и всю жизнь страдать от них. Братья, поймите человека, который живет со Христом или без Христа. Изучите его с его лучшей и худшей стороны, узнайте его естество, его секреты и его страдания. Вы этого не можете сделать по книгам; вы должны иметь собственный духовный опыт, а дать его вам может только Бог.

Среди всех других духовных знаний, прежде всего, надо знать Того, Кто, несомненно, является лучшим средством от всех человеческих болезней. Познайте Иисуса. Сядьте у ног Его, подумайте о Его естестве, Его работе, Его страданиях, Его славе. Радуйтесь в Его присутствии, ежедневно общайтесь с Ним. Знать Христа – это значит понять самую замечательную из наук. Не можете вы быть не мудрыми, если причащаетесь Премудрости Божией, не можете вы не быть сильными, если приглашаетесь Всемогуществу Сына Божия. Недавно в Италии я увидел в гроте маленький папоротник, листья которого постоянно блестели и кружились в брызгах фонтана. Он всегда был зеленым, и ни летний зной, ни зимний холод на него не влияли. Будем же и мы постоянно пребывать под благотворным влиянием любви Иисуса.

Пребывайте в Боге, братья, не только иногда приходите к Нему, а постоянно пребывайте в Нем. В Италии говорят, что куда солнце не приходит, должен прийти врач. Где Иисус не светит, тат душа больна. Купайтесь в Его лучах и будете вы тогда по-настоящему ревностны в служении Господу. На последнем воскресном богослужением я сказал проповедь на текст, который глубоко проник в мою душу: «Отца не знает никто, кроме Сына!» И я сказал, что бедные грешники, которые пришли к Иисусу и поверили Ему, думали, что познали Его, тогда как познали они только маленькую частичку того, что Он есть. Святые с шестидесятилетним опытом, которые общаются с Ним каждый день, думают, что знают Его, тогда как они только начинают Его познавать. Безгрешные духи перед престолом Божиим, которые пять тысяч лет непрестанно поклоняются Ему, очевидно, думают, что знают Его, тогда как и они до конца не познали Его. «Отца не знает никто, кроме Сына!» Он столь всесилен, что только бесконечный Отец до конца знает Его, и потому, если мы сделаем предметом всех наших размышлений Господа нашего Иисуса Христа, то не будет предела нашим исследованиям и нашим размышлениям о Нем. Итак, братья, если мы хотим быть сильными, то должны быть подобны Ему. О, быть такими, как Он! Да благословен будет тот крест, на котором мы будем страдать, если страдаем мы, чтобы стать подобными Господу нашему Иисусу Христу. И если мы станем подобны Ему, то наше служение будет освящено чудесным елеем, а без этого чего стоит оно? Одним словом, мы должны трудиться, чтобы достичь святости. Что же такое святость? Разве не целостность характера? Уравновешенное состояние, в котором нет ни недостатка, ни чрезмерности. Это не мораль, холодная безжизненная статуя; святость – это жизнь. Вы должны достигнуть святости; и, дорогие братья, если у вас не будет умственных способностей (а я надеюсь, что они у вас есть) или не будете вы сильны в ораторском искусстве (чего, надеюсь не произойдет), все же стремитесь к святости, потому что сама по себе святая жизнь – это огромная сила, которая возместит многие ваши недостатки, это самая лучшая проповедь, которую может произнести лучший проповедник. Будем же стремиться к чистоте, святости и во всем быть подобны Христу, насколько это возможно в этом мире греха, и с помощью Духа Божия мы, несомненно, достигнем этого. Господь возвысит всех нас, как проповедник, на самую высокую трибуну, и да будет слава Его!

5. И это еще не все, дорогие братья. Совершенствуйтесь в вашем практическом делании, потому что судить о нас будут по делам нашим. Мы должны быть сильны и словом, и делом. В этом мире есть хорошие братья, которые ничего не делают. Великая доктрина второго пришествия заставляет их стоять с открытыми ртами и смотреть на небо. Мне всегда хочется сказать им: «Эй, вы, плимутцы, что стоите вы и пялитесь в небо?» Тот факт, что Иисус Христос снова придет, – отнюдь не причина созерцать звезды, а наоборот, работать

силою Духа Святого. Не увлекайтесь рассуждениями о том, лучше ли заниматься выяснением мест в Откровении или учить закону Божиему в школах для бедных и рассказывать несчастным об Иисусе. Нам пора покончить с витанием в облаках и приняться за дело. Я верю в яйца, но мы должны получить из них цыплят. Все равно, какой ваше яйцо величины; это будет страусиное, если хотите, но если в нем ничего нет, то выбросите скорлупу; если же из него что-то выйдет, благодарите Бога за свои размышления, даже если и потратите на это больше сил, чем, я думаю, оно того стоит. Нам нужны факты – свершенные дела и спасенные души. Очень хорошо писать статьи, но сколько душ спасли вы от ада? Прекрасная постановка дела в вашей школе очень интересует меня, но сколько детей привели вы благодаря ей в церковь? Мы рады слышать и о проведении специальных собраний, но сколько людей вы реально обратили в них к Богу? Сколько верующих вы наставили? Сколько грешников спасли? Раскачивание то в одну, то в другую сторону на воротах с пятью засовами ничего не даст, однако некоторые, по-видимому, думают иначе. Я вижу их пребывающими в вечном элизиуме и бормочущими себе под нос и друг другу: «Нам здесь очень спокойно». Не дай нам Бог жить спокойно, когда грешники катятся в бездну. Путешествуя по дорогам швейцарских гор, вы постоянно наталкиваетесь на следы буровых столбов; так и в жизни каждого проповедника должны быть следы упорной работы. Братья, делайте что-нибудь, делайте что-нибудь и, еще раз, делайте что-нибудь. Пока всякие Общества и Союзы разрабатывают конституции, мы будем спасать души грешников. Слишком часто мы рассуждаем, рассуждаем, рассуждаем, а сатана смеется себе в рукав. Пора покончить с составлением планов и поисками, что планировать. Прошу вас, будьте все людьми дела. Принимайтесь за работу и ведите себя, как настоящие мужчины. Я разделяю военный клич Суворова: «Вперед, в бой! Никаких рассуждений! Атакуйте! Смыкайте ряды! Заряжайте ружья! Бросайтесь в центр врага». Наша единственная цель – это спасать грешников и не рассуждать, а с помощью Божией, делать.

6. И последнее, что особенно волнует меня, – совершенствуйтесь в выборе вашей сферы деятельности. Я обращаюсь сегодня с этим к тем, кто не может сделать этого сам. а именно, ради огромной массы людей в далеких странах языческого мира. На наших кафедрах достаточно проповедников, но нам нужны люди, которые будут организовывать новые миссии. Кто же это будет делать? Можем ли мы с чистой совестью смотреть, как гибнут язычники'? Миллионы никогда не слышали имени Иисуса. Сотни миллионов видели миссионера только один раз в жизни и ничего не знают о нашем Царе. Можем ли мы допустить, чтобы они погибли? Можем ли мы спокойно ложиться в постель и спать, когда народы Китая, Индии, Японии и других стран гибнут? Не виновны ли мы в их крови? Разве не нуждаются они в нас? Наше решение должно строиться на вопросе не о том: «Могу ли я доказать, что мне не надо ехать?» Какой же ответ дадите вы, братья мои? Я спрашиваю об этом каждого из вас. Я ставлю перед вами вопрос, который бы честно поставил перед собой. Думаю, что если бы некоторые из наших ведущих проповедников туда поехали, то это оказало бы огромное стимулирующее влияние на жизнь нашей церкви, и я честно спрашивал себя, надо ли мне ехать. Но трезво взвесив все, я пришел к выводу, что должен оставаться на своем месте, и думаю, большинство христиан так же думает. Но надеюсь, что я с радостью поехал бы туда, если бы повелел мне это сделать мой долг. Братья, подумайте и взвесьте все, как это сделал я. Мы должны обращать язычников. Среди них есть немало избранных Богом, и мы должны идти и искать их, пока не найдем. Много препятствий сегодня устранено, все страны открыты для нас и расстояние – не препятствие теперь. Конечно, у нас нет дара говорить на всех языках, но теперь их легче изучить, и книгопечатание может помочь обрести этот потерянный дар. Миссии, как правило, подстерегают опасности, порой большие. Но они не должны удерживать настоящих людей, тем более что теперь их стало значительно меньше, чем в прошлом. Опасности, присущие для миссий, не должны удерживать настоящих людей, даже если бы они были и большими, но теперь они стали минимальными. Существует сотни мест, где крест Христов не известен и куда мы можем

идти без всякого риска. Кто же пойдет? Это должны быть молодые, способные к этой работе братья, которые еще не обзавелись семьями.

Каждый поступающий в наш колледж должен хорошо подумать и быть готовым отдаться этой работе, если нет важных причин не делать этого. Мы хорошо знаем, что даже для колоний очень трудно найти нужных для этого людей. Так, в Австралии мне пришлось отказать в открытии миссии. Такого нельзя допускать. Конечно, среди нас есть еще люди, готовые на самопожертвование, пойти в ссылку ради Иисуса. Миссии очень нужны людям, и если бы они появились, то церковная веротерпимость удовлетворила бы их нужды, и фактически это уже и произошло. Однако до сих пор нет людей, которые бы согласились туда поехать. Я никогда не буду считать, братья, что мы, как истинные проповедники, выполнили свой долг, пока не увидим, что наши друзья борются во имя Иисуса в каждой стране, где страдают люди. Я уверен, что если призовет на это дело Господь, то вы будете лучшими из лучших миссионеров, потому что вы сделаете проповедь Евангелия главным делом в вашей работе, так как это самый верный путь силы Божией. Я хотел бы, чтобы наши общины были такими, как общины пастора Хармса в Германии, где каждый ее член самозабвенно и истинно посвятил себя Богу. Фермеры снабжают ее своими продуктами, рабочие отдают ей свой труд; один представил большой дом под миссионерский колледж, и пастор Хармс получил деньги на приобретение парохода, который он приспособил для путешествия в Африку и послал туда миссионеров и небольшие группы людей для основания там христианских общин среди бушменов. Когда же наши церкви станут столь же самоотверженными и энергичными? Посмотрите на моравских братьев! Каждый мужчина и каждая женщина у них стали миссионерами, как много они делают! Будем же, как они! Мало говорить: «Эти моравские братья изумительный народ!» Мы также должны быть такими же изумительными. Христос призвал их следовать Ему так же, как и призвал нас; их долг приносить себя в жертву не больше нашего. Почему же тогда мы не делаем этого? Когда мы читаем о самоотверженных людях, отдавших свою жизнь за Иисуса, мы должны не просто восхищаться ими, но подражать им. Кто же отважится на это сегодня? Решайтесь же. Разве нет среди вас желающих посвятить себя Господу? «Вперед!» – это сегодня клич ко всем вам. Нет ли среди вас смелых людей, желающих стать в первые ряды? Просите Господа, чтобы в этот день Пятидесятницы Дух Святой мог бы сказать: «Отделите мне Варнаву и Савла на дело».

Вперед! Во имя Господа нашего Иисуса Христа, ВПЕРЕД!

Глава 16

УМЕНИЕ ОТЛИЧАТЬ ИСТИНУ ОТ ЛЖЕИСТИНЫ

Одни вещи верные, другие неверные. Я считаю это аксиомой, но многие этого не думают. Согласно господствующему принципу нашего века, «Некоторые вещи либо верные, либо неверные, в зависимости от того, с какой точки зрения к ним подходить. Черное может быть белым, и белое черным в зависимости от обстоятельств, и не важно, как вы это назовете. Истина – это, конечно, правда, но было бы примитивно говорить, что противоположное ей – ложь; мы не должны быть фанатиками и помнить девиз: «сколько людей, столько мнений». Наши предки никогда не выходили за рамки своей веры, они твердо держались догматов откровенной истины и ревностно защищали то, что считали духовным; их поля были защищены изгородями и рвами, но сыновья их сломали эти изгороди и засыпали рвы, сравняли все с землей, и играли в чехарду с пограничными камнями. Школа современного богословия смеется над смехотворной позитивностью реформаторов и пуритан. Она движется в сторону веротерпимости и скоро объявит великий союз между небом и адом или, вернее, слияние их на условиях взаимного согласия, допуская сосуществование обоих, подобно сожительству льва с овцой. Однако, по моему твердому старомодному убеждению некоторые доктрины правильные, а утверждения, которые диаметрально противоположные им, неправильные, т.е. когда «нет» становится фактом, а «да» уже устарело, и когда «да» можно оправдать, тогда «нет» надо отбросить. Думаю, что тот, кто так долго ставит в тупик наши суды, это либо сэр Роджер, Тихборн, либо ему подобные; я не могу согласиться с тем, что он в одно и тоже время законный наследник и самозванец. Однако в религиозных вопросах модная точка зрения напоминает такой тупик.

Мы братья мои, имеем твердую веру, которую и должны проповедовать. Мы посланы с определенным посланием от Бога. Мы не смеем изменить это послание, когда его проповедуем. Мы посланы нашим Господом не с общим поручением, которое можно понять как; «Как вы будете чувствовать сердцем своим и думать головой своей, так и проповедуем. Идите в ногу со временем. Что люди хотят от вас слышать, то и говорите им, и они спасутся». Мы же понимаем это поручение иначе. В Библии все сказано ясно и определенно. Она не кусок воска, чтобы лепить его по своей воле, ни кусок материи, чтобы кроить платье по господствующей моде. Эти великие мыслители, видимо, считают Священное Писание коробкой с буквами, которыми они могут играть и составлять слова, какие им вздумается, или волшебной бутылкой, из которой могут выливать все, что им заблагорассудится, от атеизма до спиритуализма. Я слишком старомоден, чтобы пасть ниц и поклоняться этой теории. В Библии для меня все сказано ясно и определенно, без всяких «но» и «возможно», без «если» и «может быть» и пятьдесят тысяч других оттенков, которые нарушают эту определенность; для меня это непреложный факт, которому надо верить, и противоположное ему – это мертвое заблуждение, идущее от отцов лжи.

Считать, поэтому, что существует истина и существует лжеистина, что в Библии написаны истины и что Евангелие состоит из определенных вещей, в которые люди должны верить, позволяет нам быть твердо уверенным в том, чему мы учим, и учить с твердой уверенностью. Мы проповедуем людям, которые либо погибнут, либо спасутся, и они, конечно же, не спасутся ложным учением. Мы должны служить Богу, слугами Которого мы являемся, и Он не прославится, если будем мы учить лжеистинам; и Он не вознаградит нас и не скажет: «Хорошо, добрый и верный раб, ты так разумно изменил благовестие, как никто до тебя». Мы находимся в исключительном положении и должны обладать духом Михея, который сказал: «Жив Господь, – что скажет мне Бог мой, то изреку я». Ни более, ни менее

того, что призывает нас говорить Слово Божие, и это Слово мы должны возвещать в духе, который убеждает сынов человеческих в том, что бы они ни думали, мы верим Богу и ничто не поколеблет нас в нашей вере Ему.

Братья, в чем же должны мы быть уверены? Некоторые воображают, что не существует твердых принципов, которых надо держаться». Может быть, есть несколько доктрин», сказал мне один из таких господ, «которые можно считать непреложными. Может быть, установлено, что есть Бог; но отнюдь не следует авторитетно настаивать на Его личности; многое можно сказать и о пантеизме! Такие люди проникают в наши ряды, но они обычно достаточно хитры, чтобы скрывать свои истинные мысли христианской фразеологией, действуя таким образом согласно своим принципам, потому что основным их правилом является то, что истина не имеет никакого значения.

Что касается нас, меня во всяком случае, то я уверен, что Бог есть и я буду проповедовать, как абсолютно уверенный в этом человек. Он – Творец неба и земли, Создатель Провидения, Господь милости. Благословенно имя Его во веки веков! У нас нет никаких сомнений и споров о Нем. Мы также уверены, что книга, называемая Библией, это Его слово и она вдохновенна: но не в смысле вдохновенности книг Шекспира, Мильтона и Драйдена, а в безмерно высшем смысле. Так что, имея точный текст, мы считаем слова его истинными. Мы верим, что все, сказанное в этой книги, что исходит от Бога, должны приниматься нами как Его непреложное свидетельство и не менее того Бог запрещает нам обольщаться теми разнообразными толкованиями способа вдохновения, которые нарушают его целостность. Эта книга является божественной; она совершенна и последнее слово в высшей инстанции – «Судия, прекращающий споры». Как не посмею я в мыслях своих вознести хулу на Творца моего, так не посмею я и усомниться в слове Его.

Мы также абсолютно верим в доктрину Пресвятой Троицы. Мы не можем объяснить, как Отец, Сын и Дух Святой существуют каждый в отдельности и сами по себе совершенны и в то же время составляют одно, являясь единым Богом. Однако мы твердо верим в это и проповедуем единого Бога, несмотря на всякие унитарианские, социнианские и сивиллианские ереси. Мы твердо держимся доктрины Троицы единосущной и нераздельной. И еще, братья, ни даже намека на сомнение не может быть произнесено нами об искуплении Господа нашего Иисуса Христа. Мы не можем обойтись без крови в нашем служении, иначе в не мне будет жизни, потому что мы можем сказать об Евангелии, что «Кровь – это жизнь». До смерти своей мы должны возвещать истинное замещение Христа, заместительную жертву. И также не можем мы и на секунду усомниться во всемогущем и всеславном Духе Божием – факте Его существования. Его личность, сила Его работы в нас, необходимость Его влияния, уверенность, что никто не возродится как только через Него, что мы снова рождаемся через Духа Божия и что Дух пребывает в верующих и является творцом всего хорошего в них, что Он их освящает и охраняет и что без Него они не могут творить добра – вот все эти истины мы с уверенностью должны проповедовать.

Абсолютная необходимость в новом рождении также требует от нас уверенности. Говоря об этом, мы не должны обольщать наших прихожан тем, что достаточно только нравственного исправления. Мы должны постоянно повторять им: «Вы должны снова родиться». Не оказаться бы нам в таком положении, как один шотландский проповедник, который, прослушав проповедь Джона Макдональда, обращенную к грешникам, заметил: «Да, г-н. Макдональд, высказали очень хорошую проповедь, но я не знаю ни одного человека в моем приходе, кто бы не был возрожденным». Бедная душа, он, по всей вероятности, сам не был возрожденным. Нет, мы не должны льстить нашим слушателям, а постоянно говорить им, что они рождены грешниками и должны родиться святыми, иначе никогда не увидеть им лица Господа, принявшего их.

Мы также должны не сомневаться в страшном зле греха и говорить о нем со скорбью и уверенностью. И хотя некоторые умные люди ставят трудные вопросы об аде, мы не перестанем говорить о всех страхах Господних и о том, что Господь сказал: «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную». Да не сорвется с уст наших и намека на

сомнение в все славной великой истине, что спасение – это милость Божия. Если мы когда-нибудь сами спасемся, то уверены, что произойдет это только по милости Божией, и знаем, что это должно произойти и с другими. И всем своим сердцем, живя и умирая, мы будем восклицать: «Смилуйся! Смилуйся! Смилуйся!» Мы также абсолютно уверены в оправдании верой, потому что спасение «не от дел, чтобы никто не хвалился». Наша проповедь – это «жизнь во Христе Распятом». Вера в искупителя будет той спасительной милостью, которую мы будем просить Господа вселить в сердца наших слушателей. И все остальные, что мы считаем истинным в Священном Писании, мы должны проповедовать с полной уверенностью. Если возникают вопросы, которые можно считать спорными или относительно неважными, мы должны говорить с той степенью уверенности, которая не требует настойчивости. Но о вещах, которые не могут быть спорными, которые существенны и важны, мы должны говорить уверенно, не запинаясь, не спрашивая своих слушателей, « а чтобы хотели, чтобы я сказал?» И не извиняясь: «Это мое мнение, но и мнения других также могут быть правильны». Мы должны проповедовать Евангелие, а отнюдь не свои мнения; свидетельство Иеговы о Своем собственном Сыне, посланном для спасения грешников. Если бы нам поручили составить Евангелие, то мы могли бы изменить его соответственно взглядам нашего времени, но так как нам поручено не писать, а только повторять его, то мы не смеем ни слова изменять в нем. Если бы в доме у меня была служанка и я послал бы ее к кому-то с поручением, а она изменила бы его по своему усмотрению, то могла бы упустить из него самое главное. После этого она не долго бы задержалась в моем доме, так как мне нужна служанка, которая бы передала почти слово в слово то, что я ей сказал. Я отвечаю за свои слова, а не она, и если кто рассердится на нее за то, что она сказала, то будет совершенно неправд; потому что вина лежит на мне, а не на том, кому я поручил действовать от моего имени. Имеющий Слово Божие должен передавать его точно, и тогда он может ответить на любые возражения только одно: «Так сказал Господь». Это для нас непреложная истина, которую мы будем отстаивать со всей нашей уверенностью.

Как же должны мы показывать эту уверенность? Этот вопрос не требует ответа. Наша уверенность проявится сама по себе. Если мы действительно верим, что это истина, то с полной уверенностью будем утверждать ее, но, конечно же, не путем упрямого, дикого, волчьего фанатизма, который всех других лишает шанса и надежды на спасение и даже возможности возродиться или хотя бы быть честным, кто не согласен с нами по поводу цвета чешуи левиафана. Иногда создается впечатление, что некоторые так естественно распинаются на кресте; они просто созданы, чтобы распинаться, ну и пусть распинаются. Только бы поссориться с вами, они будут спорить о цвете невидимого или о весе несуществующего вещества. Они всегда будут готовы бороться с вами, но не из-за важности обсуждаемого вопроса, а из-за желания всегда быть победителем в споре, что считают гораздо более важным. Не ходите со сжатыми кулаками. готовыми броситься в бой, нося богословский револьвер за поясом. Бессмысленно быть своего рода доктринальным бойцовым петухом, готовым броситься в бой, или терьером ортодоксии, готовым расправиться с иноверными крысами. Будьте «вежливы в общении» и «тверды в деле». Будьте готовы к борьбе и всегда имейте меч наготове, но носите его в ножнах, так как бессмысленно размахивать оружием перед лицом каждого, чтобы только вызвать конфликт, как это делают наши возлюбленные братья из Израиля. Они, как говорят, снимают свои плащи на Дроннейворкской ярмарке и тащат их по земле, размахивая дубинками и выкрикивая: «Осмелится, ли кто из вас, джентльменов ступить на фалды моего плаща!» Так и эти богословы, горячая и благородная кровь которых не дает им покоя, пока не бросятся они в бой.

Если вы действительно верите Евангелию, то будете действовать более разумно. Сам тон ваш покажет вашу искренность, вы будете говорить, как человек, которому есть что сказать и который уверен, что это истина. Наблюдали ли вы когда-нибудь за жуликом, который собирается говорить неправду? Видели ли, как он начинает гримасничать? Надо время, чтобы научиться правдоподобно сказать ложь, потому что лицевые органы не были

первоначально созданы и приспособлены для естественного выражения лжи. Когда человек знает, что он говорит вам правду, все в нем подтверждает его искренность. Всякий хороший следователь сразу же увидит, говорит ли свидетель правду или ложь. Правда сразу же видна по выражению лица и жестам, потону и акценту. Когда защитник засыпает вопросами наивного деревенского свидетеля и пытается запутать его, он все это время чувствует, что перед ним честный свидетель, и говорит себе: «Мне надо ослабить показания этого парня, потому что они очень повредят моей защите». Христианский проповедник должен выглядеть правдивым; а так как он не только свидетельствует истину, но хочет, чтобы другие увидели эту истину и могли сами поверить в нее, он должен говорить более уверенным тоном, чем простой свидетель, утверждающий факты, которым можно верить или не верить без всяких серьезных последствий в одном и другом случае. Лютер был человек уверенный. Никто не сомневался в том, что он верил в то, что говорил. Он метал громы, потому что молнии были в его вере. Он проповедовал всегда и всюду, потому что все его существо верило в то, что он говорил. «Да», вы хорошо это понимали, «Он, может быть, безумец, может быть, ошибается, но он твердо верит в то, что говорит. Он есть воплощение веры; его сердце переполняет его уста».

Если мы хотим показать нашу уверенность в истине, то должны делать это не только тоном и жестом, но и каждодневными делами, Жизнь человека всегда более показательна, чем его речь; когда люди судят о нем, то оценивают его дела в фунтах, а слова в пенсах. Если жизнь проповедника с его доктринами, то большинство его слушателей будут следовать его делам, а не словам. Человек может много знать об истине, но быть очень плохим ее свидетелем, так как сам он не верит в нее. Знахарь, который в классическом рассказе превозносил верное средство от простуды, чихая и кашляя между каждым предложением своего панегирика, может служить образцом и символом плохого проповедника. Сатир из эзоповской басни возмущался путешественником, который из того же рта дул на пальцы, чтобы согреть их, и на суп, чтобы остудить его. Я не знаю более верного средства вызвать у людей предубеждение против истины, чем восхвалять ее устами человека, не вызывающего доверия. Когда в день Господень диавол искушал Господа, то Он приказал ему замолчать, так как не нужны Ему сатанинские восхваления. Смешно слышать проповедование истины из уст плохого человека; это подобно муке в мешке из под угля. Будучи недавно в одном из наших шотландских городов, я услышал, что в психиатрической больнице один сумасшедший называл себя великой исторической фигурой. Этот несчастный стал в позу и торжественно заявил: «Я сэр Уилльям Валлас! Дайте мне немного табака». Умаление сэра Валласа до понюшки табака было абсурдно; но не менее абсурдно и прискорбно видеть посланника Божия жадным, любящим жизненные блага, вспыльчивым или безучастным. Как странно слышать из уст проповедника такие слова: «Я служитель Всевышнего и пойду куда угодно, где мне будут больше платить. Я призван трудиться только во славу Божию и пойду только в ту церковь, которая благоденствует. Христос – это моя жизнь, но я не могу жить на пятьсот фунтов в год». Брат, если есть в тебе истина, то она будет струиться из тебя, как аромат струится из каждого сучка сандалового дерева; она будет побуждать тебя идти вперед, как попутный ветер несет корабли, надувая каждый их парус; она будет пылать во всем твоем существе с такой силой, как огонь костра в лесу охватывает пламенем все деревья там. Истина не станет тебе настоящим другом, пока все дела твои не будут отмечены ее печалью. Мы должны показать свою уверенность в истине нашей готовностью принести себя в жертву. Это, действительно, самый эффективный трудный путь. Мы должны быть готовыми отказаться от всего и вся во имя принципов, которые мы исповедуем, и быть готовыми скорее обидеть самых твердых сторонников наших, отказаться от самых верных наших друзей, чем проступить против своей совести. Мы должны быть готовыми скорее ничего не иметь в кармане и быть презираемыми, чем поступиться своей репутацией, чем действовать вероломно. Мы должны скорее умереть, чем отвергнуть истину. Цена истины уже назначена, и мы должны быть готовыми заплатить за нее любую цену и дать ее другим бесплатно. Сегодня, к сожалению, мало кто готов к этому. Люди имеют спасительную

истину и избавляют себя от всякого труда; они достаточно проницательны и не упускают своей выгоды; они великодушны и исполняют всякие прихоти людей, если любыми средствами могут сэкономить деньги. Есть много дворняжек, которые побегут за любым, кто будет их кормить. Они первыми выступают против уверенности, называя ее упрямым догматизмом и невежественным фанатизмом. Их обвинительный приговор не может нас огорчить; другого мы от них и не ждем. Но прежде всего мы должны показать нашу ревность об истине, непрестанно, вовремя и не во время, утверждая ее самым мягкими деликатным образом, но в то же время серьезно и твердо. Мы не смеем обращаться к нашим прихожанам как бы в полусне. Наша проповедь не должна звучать, как явный храп. В ней должна быть сила, жизнь, энергия, эффективность. Мы должны отдать всего самого себя и показать, что ревность о доме Божием полностью владеет нами. Как же должны мы доказать нашу уверенность? Конечно же, не играя на одной и той же струне или бесконечно повторяя одни и те же истины, заявляя, что мы верим в них. Так делать могут только невежды. Шарманщик не образец убедительности; он может быть настойчив, но не убедителен. Я могу назвать братьев, которые выучили четыре-пять доктрин и перемалывают их с постоянной монотонностью. Я всегда рад, когда они мелят одно и то же, где-нибудь далеко от моего дома. Изнурять людей постоянным повторением – это не путь для доказательства нашей твердости в вере.

Братья мои, вы можете усилить вашу уверенность постоянным напоминанием себе о важности евангельских истин для вашей собственной души. Прощены ли ваши грехи? Надеетесь ли вы на Царство Божие? Как влияет на веса слава Царства Небесного? Конечно, без этих вещей вы не спасетесь и, потому, должны твердо держаться их, знаете, что иначе вы погибнете. Вы должны умереть, и, сознавая, что только эти вещи могут поддержать вас в последний ваш час, вы будете держаться их всеми вашими силами. Как человек может отказаться от истины, которую он считает жизненно важной для спасения своей собственной души? Он постоянно чувствует: 2Я должен жить с нею, я должен умереть с нею, сейчас я несчастен и без нее погибну навсегда, и потому, с помощью Божией, не могу отказаться от нее».

Ваш собственный каждодневный опыт, поддержит вас, дорогие братья. Надеюсь, вы уже почувствовали и почувствуете еще больше, какой огромной силой обладает та истина, которую вы проповедуете. Я верю в доктрину избрания, так как абсолютно уверен, что если бы Бог не избрал меня, я никогда бы не избрал Его; и я уверен, что избрал Он меня еще до моего рождения, иначе не избрал бы меня после него. И избрал Он меня по неведомым мне причинам, потому что сам я не вижу причины, почему Он призрел на меня с такой особой любовью. Поэтому я должен принять эту доктрину. Благодаря ей я вижу развращенность человеческого сердца, потому что чувствую развращенность моего собственного сердца и постоянно нахожу доказательства, что в моей плоти нет ничего хорошего. Я не могу не осознавать, что без прощения не будет мне искупления, потому что этого требует мое сознание и мое спокойствие зависит от него. Маленький суд в моем собственном сердце не оправдает меня, пока я не понесу наказание за бесчестие, нанесенное Богу. Иногда нам говорят, что такие-то и такие-то утверждения не верны; но когда мы можем возразить, что сами на себе проверили и доказали их, то какие еще другие могут быть возражения? Человек делает вдруг открытие, что мед не сладок. «Но я ел его за завтраком и нахожу его очень сладким,» говорите вы, и ваш ответ окончательный. Этот же человек говорит вам, что соль ядовита, но вы говорите, что вы здоровы и вот уже двадцать лет едите соль. Он говорит, что есть хлеб – это ошибка, страшное заблуждение, устарелая глупость; но за каждой едой вы смеетесь над этим его заявлением. Если вы постоянно и повседневно утверждаетесь в истине Слова Божия, тоя не боюсь, что что-либо может заставить вас усомниться в ней. Те молодые люди, которые никогда не испытывали сознания греха, а приняли свою религию, как они принимают по утрам ванну, впрыгивая в нее, они так же легко оставят ее, как они вползли и выползли из своей ванны. Кто не испытал ни радости, ни отчаяния, которые указывают на духовную жизнь, тот находится в беспомощном состоянии и его парализованная рука не

может твердо удержать истину. Это глиссеры Слова Божия, они подобны ласточкам которые касаются своими крыльями воды и первыми перелетают из своей страны в другую, когда и как им заблагорассудится. Сначала они верят в одно, затем в другое, потому что на самом деле они ни во что глубоко не верят. Если вам приходилось переживать все муки отчаяния, если все в вас переворачивалось с ног на голову, и, подобно выжатому лимону, в вас, не осталось ни собственных сил, ни гордости, а затем вы исполнились радости и мира Божия через Иисуса Христа, то я доверюсь вам больше чем пятистам тысячам неверующих. Всякий раз, когда я слышу скептических невежд, критикующих Слово Божие, я улыбаюсь про себя и думаю: «Эй, вы, простаки! Как можете вы выдвигать такие бессмысленные возражения. Борясь со своим собственным неверием, меня обуревали сомнения в десять раз более серьезные, чем ваши». Нас, кто боролся с конницей, не сразит пехота. Гордон Камминг и другие охотники на львов не испугаются диких кошек, как и те, кто боролся с сатаной, не уступит поле брани скептикам и никому из служителей тьмы.

Братья мои, если имеем мы общение с Господом нашим Иисусом Христом, то не можем усомниться в основных учениях Евангелия; как и не можем мы быть сомневающимися. Достаточно посмотреть на голову, увенчанную терновым венком, и пробитые гвоздями руки и ноги, чтобы сразу же излечиться от всех «сомнений нашего века» и всех его прихотей. Войдите в «Скалу веков, открывшуюся для вас», и вам не страшны будут зыбучие пески. Знаменитый американский проповедник Саммерфильд, лежа на смертном одре, обратился к своему другу и сказал: «Я заглянул в вечность. О, если бы мог я вернуться назад и проповедовать, как бы я совершенно иначе проповедовал, чем раньше». Загляните в вечность, братья мои, если хотите быть уверенными. Вспомните, как безбожник встретил христианина и надеющегося на пути в Новый Иерусалим и сказал им: «Нет небесной страны, я прошел длинный путь и не нашел ее». Тогда христианин сказал надеющемуся: «Разве не видели мы ее с вершины горы Клэр (Ясной), когда были с пастухами?» Вот – это ответ! И так, когда люди говорят нам: «Христа нет – и никакой правды нет в религии», мы должны возразить им: «Разве не сидели мы в тени Его, испытывая огромное блаженство? Разве плоды Его не были для нас сладкими? Идите со своими скептиками к тем, кто не знают, кому они верят. Мы попробовали на вкус и ощутили руками благое слово жизни. То, что мы видели и слышали, то мы и свидетельствуем; и принимают ли наше свидетельство или нет, мы не можем не давать его, потому что мы говорим то, что знаем, и свидетельствуем то, что видели». Это, братья мои, самый верный путь доказать нашу уверенность.

И, наконец, почему именно в этот особый век должны мы быть решительны и смелы? Потому что этот век – сомневающийся. Он кишит сомнениями, как древний Египет лягушками. Вы сталкиваетесь с ними повсюду. Все сомневаются во всем, и не только в религии, но и в политике и общественной экономии, вообще во всем. Эта эра прогресса, и, я думаю, это должен быть век шатаний, чтобы любая политика могла немного дальше продвинуться. Итак, братья, поскольку наш век сомневается, поскольку это век сомнений, то нам нужно остановиться и стоять спокойно там, где мы уверены, что под нами правда. Может быть, если бы это был век фанатизма и никто ничему не учился бы, то, может быть, мы могли бы и послушать новых учителей, но сегодня мы должны быть с консерваторами, а не с радикалами, которые в действительности являются консерваторами. Мы должны вернуться к корням, к корню правды, и твердо держаться того, что открыл нам Бог, и с этим встретить сомнения этого века. Г-н. Артур Мэрселл очень точно описал наш век: «Не слишком ли далеко мы зашли, говоря, что современная мысль стала нетерпима к Библии, Евангелию и Кресту? Посмотрим, так ли это. Какую же часть Библии она только не критиковала? Пятикнижие уже давно изъято из канона как недостоверное. То, что мы читаем о сотворении мира и потопе, клеймится как басни. А законы, из которых не стыдился цитировать Соломон, упрятаны или поставлены на полку.

Разные люди критикуют разные части Библии, и разные системы направляют свой артиллерийский огонь на разные вопросы; другие разрывают Священное Писание на клочки

и развеивают их во все стороны света, и даже самые сдержанные из культурных вандалов того, что называются современной мыслью, низводят его до памфлета морали, вместо того чтобы сделать из него том учений, через которые мы имеем вечную жизнь. Едва ли найдется один пророк, которого бы мудрецы нашего времени не рассматривали в том же духе, что и любую книгу из библиотеки. Многострадальный Иов не избежал предвзятости интеллектуализма нашего времени. Исаия не перепиливается деревянной пилой, а четвертуется и разбирается на куски. Рыдающий пророк тонет в собственных слезах. Иезикииль размалывается в пыль колесами своей же колесницы. Сам Даниил пожирается учеными львами. И она проглатывается такими монстрами, жадность которых не сравниться ни с какой рыбой, так как они не выбрасывают его из своего чрева на волю. История и события книг Паралипоменон считаются во всем противоречивыми друг другу, потому что какой-то школьный учитель не в состоянии на бумаге свести их концы с концами. И каждое чудо, которое Господь Своим всемогуществом творит во благо Своему народу или на погибель его врагов, попирается как абсурдность, потому что эти ученые профессора не в состоянии своими чарами сделать того же. Некоторые события, которые называются чудесами, могут считаться правдоподобными, потому что наши великие вожди полагают, что могут совершать их сами. Некоторые естественные явления, которые какой-то ученый муж может показать своим ученикам в темной комнате или на столе, установленной разной аппаратурой, объясняют чудо на Красном море. Космонавт, поднявшийся в космос на своем аппарате испустившийся на землю, объясняет правдоподобие огненного и облачного столпов и других мелочей такого рода. Итак, наши великие мужи ублаготворяются , когда думают, что их игрушечные жезлы поглотили жезл Аарона; но когда Ааронов жезл угрожает им поглотить их жезлы, они говорят, что эта часть повествования не достоверна и что чуда этого никогда не было.

Так и Новый Завет стоит не большего, чем Ветхий в руках этих посягателей на истину. Для них ничего там не заслуживает уважения. Они не признают предостерегающего голоса, воскликнувшего «сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». Мнение, которое под любым благовидным предлогом начинает сомневаться в правильности посягательства на духовные истины объясняются невежественным и рабским. Колебание в топтании копытом лилии или любовь весеннего цветка объясняется сентиментальным безумием, и передовая мысль этого века лишь сожалеет и глумится безумием, и передовая мысль этого века лишь сожалеет и глумится над таким чувством, так как оно мешает его хваленному прогрессу. Нам говорят, что легенды нашего детства устарели и что философский разум расширяет наш кругозор. Мы же в это не верим. Но дело в том, что немногие мыслители, очень не многие, которые отрицают все, с первого до последнего, и мучаются сомнениями, ставящими перед ними всевозможные вопросы., заложили основу этой системы; к этим немногим честным сомневающимся примкнуло огромное количество людей, которые просто не находят себе покоя; и к ним, в свою очередь, примкнули те, кто враждебно относится к духу и истинам Священного Писания; и все они вместе объединились и назвали себя вождями современной мысли. Верно, то, что они имеют последователей; но кто же они, эти последователи? Это просто сателлиты моды, богачи, педанты и глупцы. Вереницы экипажей «высаживают» и «подбирают» пассажиров у дверей дома, где должен читать лекции передовой профессор, а так как модная лавка рекламируется как лекционный зал, то говорится, что эти взгляды имеют успех. Но в век, в котором господствует мода, можно ли думать, чтобы эти почитатели моды вообще имели какие-то взгляды? Становится достойным уважения какое-то время подражать моде, и потому тщеславные люди следуют этой моде и показывают свой наряд. Но что касается взглядов, то едва ли кто может допустить, чтобы такие люди вообще имели бы какие-то взгляды, разве только что они мечтают привлечь на свою сторону хотя бы десятую часть толпы, которая посещает выставку Британской академии разбираясь в законах перспективы. Так и надо делать; и каждый, у кого есть платье показать и кому нечего делать, показывает его, и все, кто хочет быть модным (и кто не хочет?), должны идти в ногу со

временем. Так наступают времена, посягающие на священные границы Нового Завета, как если бы это был пол церкви св.Албана или профессорский лекционный зал; дамы волочат по нему свои шлейфы, щеголи наступают своими модными туфлями на достоверность одного, авторитетность другого или вдохновенность третьего.

Кто никогда не слышал о Штраусе, Бауэре или Тюбингене, говорят о нашем Спасителе, что это был человек с добрыми намерениями, но имевший большие недостатки и совершивший много ошибок; что Его чудеса, записанные в Новом Завете, были отчасти плодом воображения и отчасти объяснимы естественными теориями; что воскрешения Лазаря никогда не было, так как Евангелие от Иоанна – это фальшивка с первого слова до последнего; что искупление – это доктрина, которая должна быть отвергнута как проповедующая убийство и несправедливость; что Павел был фанатиком, который писал безрассудные вещи, и многое из того, что носит его имя, никогда не было им написано. Таким образом Библия протирается через молотило критики от Бытия до Откровения, пока от веры века, в котором мы живем, представленным так называемыми вождями, остается только несколько богодухновенных осколков».

Однако сомнения этого века отнюдь не так серьезны; мы живем среди беззаботных, безумных людей. Если бы сомневающиеся были искренними, то мы имели бы больше мест скопления неверующих, чем их есть сегодня; но неверующих, как организованная община, не процветает. Неверие в Лондоне открытое и признанное, сводится, по моему мнению к одному старому сараю из рифленого железа напротив церкви св.Луки. Не называется ли он «Храмом науки»? Его литература долго лежала в лавчонках на Флейт Стрит; это все, что он мог сделать; и я не думаю, что даже эти лавчонки существуют сегодня. Это бессмысленное, глупое, никчемное занятие. Во времена Тома Пейна неверие считалось яростным богохульством, но оно выражалось открыто и по своему прямо и серьезно. Раньше оно владело умами людей, заслуживающих некоторой доли уважения; Юм, например, Болигброки Вольтер были великими мыслителями. Но где вы сегодня найдете Гоббса или Гиббона? Сомневающиеся сегодня сомневаются потому, что их совершенно не волнует истина. Они совершенно равнодушны. Для современного скептицизма истина – эта игра и забава; и он подходит к «современно мысли», как к развлечению, как женщины развлекаются игрой в крокет или стрельбой из лука. Это век модисток, кукол и комедий. Даже благочестивые люди совершенно уже не верят так, как верили их отцы. Некоторые нонкомформисты позорно неопределенны в своих убеждениях; у них очень мало твердых убеждений, ради которых они бы пошли на риск и даже в тюрьму. Моллюски заняли место, а люди превратились в медуз. Не нам же подражать им. И далее, этот век очень впечатлительный, и потому я хотел бы, чтобы вы были очень решительны и приложили все ваши усилия, чтобы оказать на него свое влияние.

Огромный прогресс движения Высокой Церкви в Англии показывает, какую большую силу имеет усердие. Ритуалисты верят в свои доктрины и потому имеют влияние. Для меня их символ веры просто невыносимая чушь, а их поступки просто детская глупость; но они посмели пойти против толпы и переманили ее на свою сторону. И надо отдать им должное, они храбро боролись; когда их церкви стали ареной бунта и беспорядков и низшее духовенство подняли вопль: «Нет папизму», они храбро встретили своего противника и ни разу не дрогнули. Они пошли против течения, которое считалось глубоко укоренившимся в Англии чувством протестантизма, и, имея поддержку со стороны епископов, питаясь только хлебом и рыбой, они превратились из кучки приверженцев в господствующую и самую жизненную партию в Церкви Англии. К нашему огромному удивлению и ужасу они снова обратили людей к папизму, который мы считали уже мертвым и похороненным. Если бы двадцать лет тому назад мне бы сказали, что эндорская ведьма станет королевой Англии, то я бы скорее поверил в это, чем в то, что Высокая Церковь получит сегодня такое распространение, но на деле оказалось, что люди были ревностны и решительны и твердо держались того, во что верили и, не колеблясь делали свое дело. Поэтому на наш век можно оказывать влияние; он признает то, чему его учат ревностные люди, будь то правда или

ложь. Можно возразить, что лжи скорее поверят, чем правде. Это вполне возможно, но люди все признают, если вы будете проповедовать свои истины энергично и ревностно. Если они и не примут их своим сердцем, в духовном смысле, то во всяком случае разумом они воспримут их и согласятся с ними, и степень их принятия будет в очень большой мере зависеть от энергии, с которой вы будете проповедовать им. Тогда и Бог благословит ваше рвение, так что, когда разум будет завоеван серьезностью. А внимание ревностью, то и само сердце откроется под воздействием силы Духа Святого.

Мы должны быть ревностными. Что делали диссентеры в последнее время, как не старались совершенствоваться? А много ли наших проповедников усердно трудились, чтобы стать хорошими ораторами и мыслителями. Разве это допустимо? Наши молодые проповедники просто слепы. Они кричат, как глупые ослы, полагая, что тогда будут о них о них говорить, что они пришли в Иерусалим или воспитывались в Германии. Но люди их раскусили. Я же полагая, что истинные христиане ничего больше так не презирают, как глупую аффектацию интеллектуализма. Один благочестивый старый диакон сказал: «Г-н такой-то, который был у нас, очень умный человек. Он говорил блестящие проповеди, но главного мы не услышали. Мы с трудом можем содержать проповедников, и в следующий раз будем просить возвратиться к нам одного из старомодных проповедников, которые верят в то, что проповедуют. И больше нам никого не надо». Выйдете ли вы к людям и станете ли говорить им, что вы думаете, что можете сказать им что-то но не знаем что: что вы не уверены. Что то, что вы проповедуете, правильно, но доверие к вам требует от вас, чтобы вы сказали это, и потому вы говорите? Да, дуракам и идиотам вы можете понравиться и, понимая, что сеете неверие, ничего поделать не можете. Когда пророк начинает говорить, он должен говорить как бы от имени Господа, а если не может он делать этого, то пусть идет себе спать. И совершенно ясно, братья мои, сейчас, либо никогда, должны мы быть решительными, так как этот век предоставлен самому себе. Вы не можете двенадцать месяцев смотреть и видеть, как он несет вниз по течению, якоря подняты и судно несется к своей погибели. Оно мчится сейчас на юго-восток и приближается к мысу Ватикана, и если оно будет нестись еще дальше в этом направлении, то разобьется о скалы Римского рифа. Мы должны подняться на него и ввести его обратно во всеславный поток евангельской истины. Я был бы очень рад, если бы смог повести его вокруг мыса Кальвина и ввести прямо в залив Голгофы и бросит его якорь в славной гавани, которая совсем близко от Веракуса (Креста Истины). Бог благословляет нас на это. Мы должны иметь сильную руку, твердо держаться направления нашего потока и открыто бороться с течением; и тогда, по милости Божией, мы спасаем и этот век, и грядущее поколение.

Глава 17

ВНЕХРАМОВА ПРОПОВЕДЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Существуют обычаи, которые ничем иным нельзя оправдать как только их древностью, которая в этих случаях имеет не большую ценность, чем ржавчина на фальшивой монете. Однако другие древние обычаи можно оправдать поистине доброй и духовной практикой, которая окутывает их ореолом почитания. Так, можно утверждать, и мало кто станет возражать, что внехрамовая проповедь – столь же старо, как само проповедование. Мы можем со всем правом говорить, что Енох, седьмой от Адама, когда он проповедовал, считал лучшей для себя кафедрой гору, и Ной, как проповедник святости, предпочел беседовать со своими современниками на верфи, где был построен его чудесный ковчег. Так и Моисей, и Иисус Навин считали самым удобным местом для обращения к большому количеству народа небесный свод. Самуил закончил свою проповедь в поле возле Галгала среди грома и дождя, которые Господь низвергнул на народ и заставил его пасть на колени. Илия стоял на вершине горы Кармил и обратился к колеблющимся с вопросом: «Долго ли вам хромать на оба колена?» Так и Иона ходил по улицам Ниневии и во все ее места, где собирался народ, и предрекал: «Еще сорок дней – и Ниневия будет разрушена!» Чтобы послушать Неемию и Ездру, «собрался весь народ, как один человек, на площадь, которая пред Водяными воротами». Так, в Ветхом Завете мы находим множество примеров внехрамового проповедования.

Нам же достаточно вернуться к источникам нашей святой веры, и там мы услышим голос Предтечи нашего Спасителя, вопиющего в пустыне и на берегу реки, призывающего народ покаяться. Сам наш Господь, Который является для нас самым величайшим примером, большую часть Своих проповедей произносил на горе, у моря или на улицах. Наш Господь во всех отношениях был проповедником, произносившим свои проповеди вне храма, в открытой местности. Он говорил в синагоге и не меньше – в поле. Мы не знаем, чтобы он проповедовал в царском храме, но мы знаем о его проповеди на горе и в долине; так что самые древние и самые духовные проповеди произносились под открытым небом. Тем, Кто говорил так, как никогда не говорил человек. После Его смерти Его ученики собирались в домах, особенно в горнице; но даже тогда они чаще всего проповедовали во дворе храма или в других открытых местах. Как для христиан, у них не существовало такого понятия, как святое место или святые молитвенные дома; они проповедовали в храме, потому что это было главное место скопления народа, но с такой же ревностностью «и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе».

Апостолы и их непосредственные ученики проповедовали о милосердии Божием не только в своих собственных домах и в синагогах, но повсюду, где для этого представлялась возможность. Это видно из следующего замечания Евсевия: «Святые и почитаемые ученики апостолов возводили церкви, основания которым были заложены апостолами, во всех местах, куда бы ни приходили. Они всюду продолжали возвещать Евангелие по всему миру, сея семена небесного учения. Многие из живших тогда учеников раздавали свои поместья бедным и, оставляя свои дома, несли Слово Божие тем, кто никогда не слышал о христианской вере, благовествуя о Христе и проповедуя им Священное Писание. Насадив веру в одной стране и рукоположив начальников и пастырей, которым поручали печься об этих новых рассадниках веры, они шли к другим народам и, с помощью и силой Духа Святого, продолжали творить свое святое дело. Как только они начинали проповедовать Слово Божие, к ним ото всюду стекались люди и с великой радостью поклонялись истинному Богу, Творцу мира, свято и ревностно веря в имя Его».

По прошествии средних веков лучшие проповедники постепенно приходящей в упадок церкви также проповедовали на открытом воздухе, как те странствующие монахи и великие основатели религиозных орденов, которые сохраняли живым оставшееся благочестие. Мы знаем таких, как Бертольд из Регенсбурга, который проповедовал перед сотней слушателей в поле недалеко от Глаца в Богемии, а также Бернарда и бернардинцев, антонианцев и формистов, известных странствующих проповедников, о которых у нас нет времени здесь говорить. Эссекский епископ Лавингтон, не имея других аргументов, утверждал, что методисты – это те же паписты, что первые странствующие монахи – проповедники, главным образом, проповедовали в открытой местности. Цитируя Рибаденейру, он упоминает Петра Веронского, у которого был «святой дар проповедования; ни церкви, ни улицы, ни базарные площади не могли вместить огромного числа людей, желавших послушать его проповеди». Этот ученый епископ мог бы привести много таких примеров, и мы также знаем немало подобных случаев, но они доказывают только то, что, будь то во благо или во вред, проповедование в открытой местности имеет огромную силу.

Когда власть антихриста стала все больше распространяться по всему миру, уже до Реформации реформаторы очень часто проповедовали в открытых местах, как, например, Арнольд Брешский, который обличал узурпацию папы перед воротами Ватикана.

Нетрудно будет доказать, что возрождение религии обычно сопровождается, если не вызывается, значительным ростом проповедования вне храма или в необычных местах. Первое открыто призванное проповедование протестантского учения почти обязательно происходило в открытой местности или в зданиях, не предназначенных для богослужения, потому что они были в руках папистов. Правда, Уиклиф какое-то время проповедовал Евангелие в церкви Лэттерворта; Гус Иероним и Савонарола какое-то время произносили полуевангельские проповеди, касающиеся церковного устройства; но когда они глубоко изучили Евангелие и стали его проповедовать, то были вынуждены искать для этого другие платформы. Только что зародившаяся Реформация, как Богомладенец Иисус, не имела, где положить голову, но группа людей, подобно небесному воинству, стала проповедовать под открытым небом, где пастухи и простые люди с радостью слушали их. В Англии сохранилось несколько деревьев, называемых «золотыми дубами». На берегу Темзы есть местность, называемая «Золотой Дуб», и я сам проповедовал в Аддлстоуне под развесистыми ветвями древнего дуба, под которым, как говорят, Джон Нокс проповедовал Евангелие во время своего пребывания в Англии. Множество торфянистых мест, пустынных горных склонов и укромных местных чащ стали такими святыми местами моления, и до сих пор группы верующих людей по традиции собираются в пещерах, лощинах, на вершинах гор, где в древние времена собирались верные, чтобы послушать Слово Божие. И не только в древние времена голос проповедника был слышен в уединенных местах, потому что редко, когда бы крест на базарной площади не служил бы кафедрой для странствующих проповедников. Во время Уиклифа его миссионеры ходили по стране, всюду проповедуя Слово Божие. В правление Ричарда II (1382) постановление парламента отмечает недовольство духовенства в том, что одетые в грубые одежды люди ходят их города в город, не имея на то канонического права, проповедуют не только в храмах, но и в церковных дворах, на базарных площадях и ярмарках. Чтобы послушать этих провозвестников Креста, собиралось множество людей из всех мест, и солдаты смешивались с толпой, чтобы своими мечами защищать проповедников, если бы кто осмелился помешать им. После смерти Уиклифа его последователи не стеснялись пользоваться такими же методами. Уилльям Свиндерби особо замечает, что «будучи отлучен от церкви и запрещен проповедовать в любой церкви или церковном дворе, он сделал себе кафедру из двух жерновов на Хай-Стрите в Лестере и проповедовал Евангелие, «презрев епископа». «Там, – рассказывает Найтон, – «Можно было увидеть толпы людей, стекающихся из всех мест, как из этого города, так из всей страны, умножая собой число людей, имеющих законное право слушать его».

В Германии и других европейских странах огромную помощь Реформации оказывали проповеди, произносимые массам людей не открытом воздухе. Лютеранские проповедники ходили по всей стране, проповедуя новое учение массам людей на базарных площадях, кладбищах, в горах и долинах. В Госларе виттембергский студент проповедовал на лугу, усаженном липами, почему его слушатели стали называться «липовыми братьями». Д`Обинье рассказывает, что так как церкви не могли вместить толпы людей, желавших послушать проповеди Аппензела, он проповедовал на открытом воздухе, в публичных скверах, и, несмотря на сильную оппозицию, в горах и долинах звучала радостная весть спасения. Во времена Фалера были случаи, когда богослужение проходило на открытом воздухе. Так, например, когда в Меце он говорил свою первую проповедь в церковном дворе доминиканцев, его враги стали бить во все колокола, но его звучащий, как гром, голос заглушал их. В Ньюшатле «весь город превратился в его церковь; он проповедовал на базарной площади, на улицах, у ворот, перед домами и в скверах, и говорил он с такой убедительностью и силой, что многие уверовали в Господа. Толпы людей шли послушать его проповеди, и ни угрозы, ни притеснения не могли удержать их.

Я приведу вам один отрывок из «Истории протестантизма» Виллие: «Говорят, что в Нидерландах первая проповедь под открытым небом была произнесена 14 июня 1566 г. возле Гента. Проповедник этот был Герман Модэ, бывший монах, а теперь реформатский пастор. «Этот человек, – говорит папистский летописец, – первым рискнул проповедовать открыто, и на первой его проповеди было 7000 человек... «Вторая такая проповедь состоялась 23 июля того же года на большом лугу в окрестностях Гента. В те дни «Слово Божие» очень ценилось, и люди, жаждущие послушать его, были готовы два дня подряд стоять и слушать. Они напоминали собой скорее армию, разбившую лагерь, чем мирное многочисленное молитвенное собрание. Вокруг них были воздвигнуты баррикады в форме повозок и фургонов. У каждого входа стояли часовые. Поспешно была сооружена кафедра из грубых досок и поставлена на телегу. Модэ проповедовал, и вокруг него стояли тысячи людей, которые слушали его, положив колья, топоры и ружья на землю, и были готовы схватить их по первому знаку часовых, охранявших это собрание. У каждого входа были сооружены палатки, где предлагались запрещенные книги желавшим купить их. По всем дорогам были расставлены люди, приглашавшие случайных прохожих зайти и послушать Евангелие... После окончания службы множество людей отправлялись в другие места, где они таким же образом располагались и оставались там такое же время, обойдя таким образом всю Западную Фландрию. На этих молитвенных собраниях всегда пелись псалмы Давида, переведенные на голландский язык с версии Климента Маро и Теодора Беза. Гимны в честь Иудейского царя пелись 5-10 тысячами голосами и разносились по лесам и лугам на огромном расстоянии, заставляя пахаря прекращать пахать или путешественника продолжать свой путь и удивляться, откуда исходило это божественное пение». Интересно отметить, что молитвенное пение всегда начинается в тот момент, когда проповедуется Евангелие. Во все времена тяжелое состояние духа всегда сопровождается пением. История повторяется, потому что одинаковые причины всегда приводят к одинаковым результатам.

Хорошо было бы составить сборник выдающихся фактов, связанных с внехрамовым проповедованием, или, еще лучше, написать его историю. У меня нет времени даже кратко осветить этот вопрос, но я просто спрашиваю вас, что было бы с Реформацией, если бы великие проповедники проповедовали только в церквах и соборах? Как простые люди могли бы приобщаться к Евангелию, если бы не эти странствующие проповедники, распространители священных книг и те смелые новаторы, которые находили для себя кафедру на каждой груде камней и аудиторию во всех открытых местах перед домами людей?

Среди примеров в Англии я не могу не привести случай, происшедший со св.Висхартом, который цитирую из «Исторического сборника» Жилле:

«Джордж Висхарт был одним из первых проповедников реформатского учения и понес мученическую смерть во времена Нокса. Его публичное толкование, особенно

Послания к Римлянам, вызвало страх и ненависть у римских священников, которые не дали ему проповедовать в Данди. Тогда он поехал в Эр, где начал ревностно и свободно проповедовать Евангелие. Но Данбар, бывший в то время архиепископом Глазговским, услышав о большом скоплении народа на его проповедях, подстрекаемый кардиналом Беатоном, отправился в Эр с решением арестовать его. Но сначала он захватил церковь, чтобы не дать Висхарту проповедовать в ней. Это известие заставило Александра, герцога Гленкэрнского, и нескольких дворян их близлежащих поместий отправиться в Эр. Они предложили Висхарту, чтобы с их помощью он вошел в церковь, но он отказался, сказав, что епископская проповедь не причинит большого вреда, и, если им будет угодно, то он отправится на базарную площадь, что и сделал. Его проповедь имела такой успех, что некоторые из слушателей, бывших врагов Истины, обратились к Господу».

«После отъезда епископа Висхарт продолжал проповедовать в Киле; и когда его попросили в следующее воскресенье сказать проповедь в одной из Эрских церквей, он отправился туда, но эрский шериф поставил ночью в церкви взвод солдат, чтобы не пустить его туда. Хью Кэмпбелл и другие прихожане были крайне возмущены таким безобразием и хотели силой войти в церковь. Но Висхарт не допустил этого и сказал: «Братья, я проповедую вам слово мира; человеческая кровь не должна пролиться в этот день: Иисус Христос всемогущ и в поле, и в церкви; И Сам Он, будучи во плоти, чаще проповедовал в пустыне и на берегу моря, чем в Иерусалимском храме». Это успокоило людей, и они отправились с ним к торфяным болотам. Там, поднявшись на ров, он проповедовал множеству людей. С помощью Божией, он говорил больше трех часов, и его проповедь имела такой успех, что даже Лоренс Ранкен, совершенно не верующий человек, обратился к Богу. Через месяц он узнал, что на четвертый день после его отъезда в Данди разразилась чума и до сих пор свирепствует, унося каждый день большое количество людей. Это так его поразило, что он решил возвратиться в Данди и попрощался со своими друзьями, которые очень опечалились его отъездом. На следующий день по своем приезду в Данди он сказал, что будет проповедовать, избрав для этого место у восточных ворот. Пораженные чумой люди стояли за воротами, а здоровые – внутри города. Текстом для своей проповеди он взял Псл.106,20: «Послал Слово Свое, и исцелил их, и избавил их от могил их». Своей проповедью он так утешил людей, что они почувствовали себя счастливыми и просили его остаться, пока не закончится чума». Какая это должна была быть сцена! Редко проповедник имел таких слушателей, и я добавлю, что редко слушатели имели такого проповедника. Как сказал один древний писатель, «прежние времена восстали перед проповедником и, держа серп, хриплым голосом воскликнули: «Трудитесь, как надлежит, днем, потому что ночью я скошу тебя». Рядом стояла и беспощадная смерть с острыми стрелами, говоря: «Стреляй же Божиими стрелами, а я буду стрелять моими». Вот, действительно, замечательный пример внехрамового проповедования.

Я хотел бы еще немного остановиться на замечательной проповеди, произнесенной Джоном Ливингстоном во дворе Шоттской церкви, когда не менее пятисот его слушателей обратились к Богу. Это одна из самых великих внехрамовых проповедей в истории, непревзойденная еще ни одной проповедью, сказанной в храме: «В то время, видимо, было необычно произносить проповедь в понедельник после воскресной службы. Но присутствие Божие и общение с Ним были дарованы Им в таком изобилии, что люди не могли разойтись, не вознося Ему благодарения и хвалы. Среди них были и знаменитые священники, и многие собрались там за несколько дней до этого Великого Таинства, слушая проповеди и объединяясь в большие или маленькие группы для молитвы, возношения хвалы Господу и духовных бесед. Согретые любовью Божией, некоторые выразили желание послушать проповедь в понедельник, к ним присоединились и другие, и желание это стало общим. Джон Ливингстон, капеллан герцогини Уигтаунской (в то время еще только проповедник, которому было только 27 лет), очень хотел сказать эту проповедь. Он провел всю предыдущую ночь в молитве и беседах; но когда он остался один, около девяти часов утра, сердце его так сжалось от мысли, что он недостоин и не готов говорить перед столь многими

старыми, достойными священниками и знаменитыми глубоко верующими христианами, что решил тихо удалиться. Он прошел некоторое расстояние, но когда стал уже терять из виду церковь, сердце его с такой силой пронзили слова пророка Иеремии: «был ли Я пустынею для Израиля? Был ли Я страною мрака?», что он посчитал своим долгом вернуться и сказать проповедь. Полтора часа он говорил на текст Иез.36:25,26: «И окроплю вас чистою водою, – и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное». Когда он уже кончал говорить, внезапно начался страшный ливень, и люди так поспешно стали надевать плащи, что он сказал им: «Если только несколько капель дождя так испугали их, то как испугаются они, какой ужас и отчаяние охватят их, когда Бог воздаст им по заслугам их; так в последний день возмездие Его падет на всех непокаявшихся грешников. Он прольет на них дождем серу и огонь, как пролил Он на Содом и Гоморру, и другие города в долине. И Сын Человеческий, воплотившийся в нашу плоть и страдая от нея, является единственным убежищем от грозы гнева Божия за наши грехи. Его достоинство и посредничество являются единственной защитой от этой грозы, и только покаявшиеся получат это убежище». В таком тоне и таких выражениях говорил он еще час на эту тему, увещевая и предостерегая, принося большое утешение откликнувшимся сердцам».

Нельзя забывать, что постоянно совершаются богослужения у Креста св.Павла, сооруженного под навесом старого древнего собора, где знаменитые проповедники всех времен говорили огромному числу людей. Короли и принцы не считали ниже своего достоинства сидеть на галерее, сооруженной на стене собора, и слушать проповедников. Как рассказывает Латимер, кладбище там было в таком антисанитарном состоянии, что многие умирали после посещения там проповедей, но, несмотря на это, никогда не было недостатка в слушателях. Уже покончено с этим безобразием внутристенного захоронения, подобная мерзость уже не повторится, и снова может быть воздвигнут там Крест св.Павла. Может быть, внехрамовое проповедование заставит уйти некоторых папистов, которые все больше предпочитают совершать свои богослужения в соборе. Очень хотелось бы, чтобы возродилось публичное проповедование, центральным местом которого был Крест св.Павла. Я так надеюсь, что кто-нибудь из богатых людей купит это открытое место в нашей великой столице, соорудит там кафедру и несколько рядов скамеек и отведет его для достойных проповедников Евангелия, которые будут беспрепятственно возвещать Слово Божие всем желающим без всякого пристрастия и различия. Это принесет гораздо больше пользы нашему процветающему городу, чем все его соборы, монастыри и огромные готические сооружения. Пока еще не заняты все открытые места строительством, было бы мудрой политикой сохранить их как «Евангельские Поля» или «Святое место для живых», или как угодно иначе называть их, для свободного проповедования Евангелия.

Во все пуританские времена люди собирались в любого рода укромных местах из-за страха преследования. «Мы нашли, – пишет епископ Лауд в письме, датированном июнем 1632 г., – еще одно место для тайного моления сепаратистов в Ньюингтонском лесу, именно в той чаще, где находился олень, на которого должен был охотиться царь». Выработанная гравиевая шахта иногда служила местом для тайного моления, и в лощине недалеко от Хичина Джон Буньян обычно проповедовал в те тяжелые времена. Во всей Шотландии существуют долины, лощины, горные склоны, которые хранят воспоминания о тех временах тайных молений. Вы встретите не один каменный амвон, с которого строгие отцы Пресвитерской Церкви предавали анафеме эрастианство и возносили славу Царю царей. Каргилл, Камерон и их ученики находили подходящие места для своих смелых проповедников в горных ущельях и оврагах.

Рискуя быть многословным, я не могу не привести еще одно трогательное описание таких сцен.

«Мы приступили для совершения Святого Таинства, предав его и себя невидимой защите Господа воинств, во имя Которого собрались. Мы доверились деснице Божией, которая была надежнее любого военного оружия или неприступности гор. Место, где мы

собирались, было удобным во всех отношениях и, казалось, было создано для этой цели. Это была прекрасная зеленая лощина, расположенная у самой воды. По обеим ее сторонам широкие склоны в виде полукруга, покрытые замечательным пастбищами, постепенно подымались вверх. Над нами простиралось чистое голубое небо, так как это было прекрасное тихое воскресное утро, обещавшее быть действительно «одним из дней Сына Человеческого». Все было торжественно, как и подобает в таком случае, и возвышенное настроение царило во всех душах. Престолы были растравлены на зеленой траве у воды, люди разместились вокруг них, соблюдая тишину и порядок. Но гораздо большее число людей сидело по всему склону, и такого изумительного зрелища еще никто никогда не видел. После окончания богослужения священники со своими стражниками и все, кто мог, возвращались по своим приходам в трех городах, где могли запастись всем необходимым. Когда люди стали расходиться, всадники в боевом порядке сопровождали их на некотором расстоянии, пока все благополучно не добирались до своих домов. Утром, когда люди возвращались на собрание, всадники снова сопровождали их; все три группы встречались за милю от места собрания и уже все вместе шли на богослужение. Все рассаживались по местам, и стражники снова занимали свои посты. Эти случайные добровольцы, казалось, были посланы провидением; они обеспечивали мир и тишину на собрании, потому что с утра субботы, когда начиналась работа, и до вечера понедельника никто из наших врагов ни разу не оскорбил и не помешал нам, и это было чудесно. Сначала люди с опаской осматривались по сторонам, но потом успокаивались, и вся служба проходила так же спокойно, как в наилучшие времена в Шотландии. И поистине зрелище столь огромного числа строгих, спокойных и благоговейных лиц должно было вызывать у наших противников страх и быть более грозным, чем внешне свирепый и воинственный вид. Нам не нужна была поддержка земных царей. Наша работа освящалась духовной и божественной силой и чувством присутствия среди нас великого Господина собрания. Это действительно Господь накрыл для нас стол в пустыне в присутствии наших врагов и воздвиг столп между нами и врагами нашими, как в древние времена столп огненный отделил стан Израиля от Египта, ставший светом для одних и мраком и ужасом для других. Хотя обеты наши мы давали не в доме Божием, они шли от всего сердца, что лучше, чем почитание святилищ. В горном уединении мы вспоминали слова нашего Господа, что истинное поклонение присуще не Иерусалиму или Самарии, что красота святости не в освященных зданиях или материальных храмах, что ковчег израильтян многие годы находился в пустыне, не имея много места для пребывания, кроме как кущу в долине. Мы думали об Аврааме и древних патриархах, которые устраивали жертвенники из камня и возносили благоухания под тенью зеленого дерева».

«Таинство Евхаристии, это воспоминание о любви идущего на смерть Господа до Его второго пришествия, поддерживалось силой и подкрепляющим влиянием действия Духа Божия. Благословен Бог, ибо Он приходит и подтверждает Свое наследство, когда оно приходит в упадок. В этот день Сион облачился красотою Шарона и Кармила; горы наполнились пением, и пустынное место расцвело, как роза. Мало таких дней знала одинокая Церковь Шотландии; и мало кто снова увидит такое. Дух Божий обильно излился во многие сердца; души их, исполнившись небесного восторга, казалось, дышат божественной стихией и возгораются пламенем очищения и святого благочестия. Священники будили совесть своих слушателей. Казалось, Бог коснулся их уст горящими углями из Своего жертвенника, потому что, как говорили свидетели, они вели себя, скорее, как посланники Царства Небесного, чем земные люди».

«У престолов прислуживали люди самой лучшей репутации. Допускались только те, кто имел пропуск, полученный в субботу. Это были люди, о которых некоторые священнослужители и доверенные отца знали, что они не были замешаны ни в каких публичных скандалах, соблюдали все обычные правила. Причастники подходили с одной стороны и отходили с другой, следуя по очищенному пути к своему месту на склоне горы. Джон Уэлш сказал проповедь, перед причастием и служили у двух первых престолов, как он это обычно делал в таких случаях. Другие четыре священника, Блэкейдер, Диксон, Ридделл и

Ри, каждый по очереди, сказали проповедь. Богослужение закончил Джон Уэлш торжественным благодарением, и как приятно и поучительно было видеть торжественность и спокойствие всех присутствующих и совершение остальной части богослужения. После причастия все вознесли благодарения и пели радостными голосами во славу Твердыни их спасения. Когда наступил вечер, как радостно было слышать их унисонное пение, разносившееся по всему склону, восхваляющее Господа голосом псалмов».

«Были поставлены два длинных стола и один короткий во главе, по сто мест с каждой стороны. Таких столов было 16, так что около трех тысяч двухсот человек причастились в тот день».

Но, может быть, самым замечательным местом, когда-либо выбранным для проповедования, был центр реки Твид, где часто в сильные морозы проповедовал Джон Уэлш, чтобы избежать преследования властей как Шотландии, так и Англии, если бы они вздумали им помешать. Боксеры часто избирали местом состязания границы между двумя странами, но их предусмотрительность, по-видимому, предшествовала предусмотрительности детей света.

Интересно также вспомнить, что архиепископ Шарп приказал полиции разогнать народ, собравшийся на склоне горы послушать Блэкейдера, но ему сообщили, что час тому назад все они уже пошли на проповедь.

Не могу себе даже представить, что было бы с миром, если бы не существовало внехрамового проповедования, под более славным сводом, чем под этими деревянными стропилами. Для Англии это был славный день, когда Уайтфилд начал проповедовать под открытым небом. Когда Уэсли был вынужден говорить проповедь на могиле своего отца, так как приходский священник не пустил его в (так называемое) святое здание, он написал: «Я абсолютно уверен, что принес больше пользы моим линкольширским прихожанам, три дня проповедуя на могиле моего отца, чем когда три года проповедовал на его кафедре». То же самое можно сказать и обо всех последующих внехрамовых проповедниках. «Идея проповедования на открытом воздухе пришла в голову Уйтфильду, когда он увидел, что тысяча людей не могла вместиться в Бермондейской церкви, где он сказал воскресную проповедь. Не все его друзья одобрили эту идею, считая ее «безумной». Однако он сделал бы это в следующее воскресенье в сиротском приюте для скобяников, если бы не так мало людей пришло в храм на его проповедь. Он приготовил две проповеди, одну хотел сказать в храме, а другую – на открытом воздухе». Но для осуществления этой идеи понадобилось немного времени. Так как канцлер этой диоцезы не позволил Уайтфильду проповедовать в Бристольских храмах, он пошел к углекопам в Кингсвуд и «впервые в воскресенье днем обратился с проповедью на Мф.5:1,2, ко всем, кто пришел его послушать, а собралось их больше двухсот человек. В своем дневнике он сделал в тот день единственную запись: «Слава Богу, лед тронулся, и я проповедовал под открытым небом! Некоторые, может быть, меня осуждают. Но что мне было делать? Говорить с кафедры мне запретили; и много несчастных углекопов могут погибнуть из-за незнания Слова Божия». Теперь у него была кафедра, которую никто не много отнять у него, и сердце его возрадовалось от такого великого подарка. На следующий день он записывает в своем дневнике: «Все двери храма были закрыты, но если бы они были открыты, то храм не мог бы вместить и половины пришедших на проповедь, и в три часа я пошел к углекопам в Кингсвуд. Бог был милостив к нам, послав прекрасную погоду, и почти около двух тысяч человек собрались на проповедь. Почти целый час я проповедовал и объяснял текст Ин.3, и надеюсь, что утешил и наставил пришедших послушать меня». Через два дня он снова пошел туда, и собралось уже от четырех до пяти тысяч человек. Солнце ярко светило, и огромная толпа, собравшаяся вокруг него, слушала его в благоговейном молчании, наполняя его сердце «небесным восторгом». В следующее воскресенье Басслтон, деревня в двух милях от Бристоля, открыла для него двери своей церкви, в которой собралось множество народа. Сначала он прочел молитвы в храме, а потом вышел на проповедь в церковный двор. Хотя был это февраль, но погода как никогда была теплая, и ярко светило солнце; люди взбирались на деревья и изгороди, чтобы увидеть

и послушать проповедника. Целый час говорил он громким голосом, так что каждый мог слышать его, и сердце его исполнилось великой радостью от того, что он делал. В дневнике своем он пишет: «Благословен Господь. Огонь возгорелся, и врата адовы никогда не одолеют его!» Важно знать, что чувствовал он, когда говорил перед этой огромной толпой под открытым небом, численность которой увеличилась от двадцать до двухсот тысяч, и какие плоды принесли его проповедь слушателям. Сам же он говорит, что «понимая свое недостоинство, они были счастливы услышать, что Иисус был другом мытарей и пришел призвать к покаянию не праведников, а грешников. Когда они выходили из шахты, слезы градом текли из их глаз, оставляя белые полосы на их черных от угля лицах. Вскоре много сотен из них глубоко уверовали и обратились к Богу. Все это видели, но многие предпочли приписать их преображение всему, чему угодно, только не персту Божьему. Поскольку все это было для меня ново, я уже начал преподавать не в стенах храма, меня стали обуревать сомнения. Иногда, когда я стоял перед двадцатью тысячами человек, я чувствовал, что не могу ничего сказать ни Богу, ни им. Но Господь никогда не оставлял меня, и, имея уже свой собственный опыт, я знал, что имел в виду Господь, когда сказал: «кто верует в Меня, у того из чрева потекут реки воды живой». Простирающийся надо мной ясный небосвод, вид полей вокруг, тысяч и тысяч людей, кто в коляске, кто на лошади, а некоторые и на деревьях, взволнованные до слез, а еще и предстоящее торжество вечерней службы – все это пережить было слишком много для меня и совершенно лишало сил».

Далее Уэсли пишет: «Суббота, 31 марта, 1731 г. Вечером я приехал в Блистоль и встретился там с Уайтфилдом. Сначала я никак не мог согласиться с его необычайной манерой проповедовать под открытым небом, что я увидел в воскресенье. Всю свою жизнь (и до самого последнего времени) я так твердо держался правил и порядка, что проповедование Слова Божия вне церкви почти что считал грехом». И это говорил человек, который впоследствии стал одним из самых знаменитых великих проповедников вне храма!

Я не стану описывать проповеди Уайтфилда в Кеннинстоне перед десятками тысяч людей или в Мурфильдсе ранним утром, когда фонарики мерцали, как множество светлячков в траве на берегу в летний вечер, ни много подобных проповедей Уэсли и его единомышленников. Но я опишу вам один случай, который глубоко запал в мое сердце и может послужить вам хорошим примером малого в великом.

«Уэсли приехал в Ньюкасл в пятницу 28 мая. После чая он вышел в город и был удивлен и поражен безобразием, которое там увидел. Казалось, что все погрязли в пьянстве и скверне; ругательства сыпались из уст даже маленьких детей. Как он провел субботу, мы не знаем, но в воскресенье в семь часов утра он и Джон Тейлор стали возле водокачки, в Сэндгейте, самом бедном и презираемом районе города, и они начали петь 101-й псалом. К ним подошли трое или четверо человек, чтобы посмотреть, что случилось. Вскоре подошли и другие, а к концу проповеди Уэсли их было уже сто пятьдесят. Когда служба закончилась, люди продолжали стоять с открытыми ртами, глубоко пораженные словами Джона Уэсли, который сказал: «Если хотите знать, кто я, то зовут меня Джон Уэсли. В пять часов вечера с помощью Божией, я приду сюда и буду снова проповедовать».

Сколь замечательны были великие собрания под открытым небом, на которых столь долгое время благословлял Уэсли и Уайтфильд наш народ. Проповедь под открытым небом была музыкой пения птиц в лесу, свидетельством возрождения истинной религии. Птицы в клетках, может быть, и поют более благозвучно, но их музыка не так естественна, не так уверенно предвещает наступление лета. Да благословен будет тот день, когда методисты и другие реформаторы начали возвещать Иисуса под открытым небом; тогда врата ада поколебались, и сотни тысяч пленников диавола были выпущены на волю.

Раз начавшись, этому столь полезному проповедованию под открытым небом ничто уже не могло помешать. Ни улюлюканье толпы, ни град тухлых яиц и всякой нечисти не остановили непосредственных учеников этих двух великих методистов проповедовать Слово Божие, переходя из одной деревни в другую, из одного города в другой. Все делалось, чтобы им помешать, но успех всегда сопутствовал им. Что только не придумывали, чтобы

разогнать собравшихся; гнали на них вьючных лошадей, выводили пожарные машины, сирены, которые выли над головами людей. Чтобы только заглушить голос проповедника, использовали все: колокольчики, старые кастрюли, хлопанье в ладоши и стук больших ножей мясников, трубы, барабаны и все, что могло вызывать шум. Один раз выпустили приходского буйвола, в другой – натравили собак на драку. Проповедники оставались невозмутимы. Джон Ферз рассказывает: «Как только я начал проповедовать, ко мне подошел человек и приставил дуло ружья с моему лицу, клянясь, что размозжит мне голову, если я произнесу еще хоть слово. Но я продолжал говорить, а он клясться, иногда приставляя дуло к моему рту или уху. Когда мы пели последний псалом, он стал сзади меня, выстрелил и поджег мне волосы». После всего этого, братья мои, можем ли мы говорить, что нас прерывают или мешают нам говорить? Близость ружья в руках сына диавола не очень способствует собранности мысли и ясной речи, но случай с Ферзом не менее назидателен, чем с Джоном Нельсоном, который хладнокровно рассказывал: «Но когда я был уже в середине моей проповеди, кто-то со стороны бросил в меня камень и рассек мне голову. Но это только заставило людей слушать меня с еще большим вниманием, особенно видя, как кровь течет по моему лицу, так что все тихо стояли, пока я не закончил говорить и не пропел гимн».

Жизнь Гидеона Аусли, описанная д-ром Артуром, – это одно из самых сильных свидетельств в пользу внехрамового проповедования. В начале века, с 1800 г. до 1830 г., он объехал всю Ирландию, в каждом городе проповедуя Евангелие Иисуса Христа. Кафедрой ему обычно служила спина лошади. Люди узнавали его и его помощников по черным шапочкам, которые они обычно носили. Это конное духовенство было в свое время причиной великого возрождения в Ирландии и обещало действительно вступить в настоящую борьбу со властью рукоположенного духовенства и народным суеверием. Аусли прибегал иногда к хитрости, проявляя здоровый юмор. Так, он обычно становился проповедовать перед окном аптеки, чтобы толпа воздерживалась кидать в него камни, или же, что было лучше всего, – перед домом какого-нибудь католика. Его проповедь с каменной лестницы торгового дома на рынке в Эннискорти была ярким примером его хитрости проповедовать возмущенной ирландской толпе. Я опишу вам эту сцену подробно, чтобы вы знали, как вам себя вести, если вы окажетесь в подобной ситуации. «Он стал на свое место, надел черную бархатную шапочку и через несколько минут, прочитав тихую молитву, начал петь. Люди стали собираться вокруг него, и во время пения нескольких стихов стояли тихо и внимательно слушали, но вскоре стали возмущаться и шуметь. Тогда он начал молиться,… и некоторое время наступила тишина. Но когда толпа увеличилась, снова началось волнение и поднялся сильный шум. Он же, закончив молитву, стал проповедовать, но люди явно не были расположены слушать его. Не успел он произнести и нескольких предложений, как в него полетели всякие предметы, сначала легкие, как овощи, картофель, луковицы и другие, а потом и тяжелые, как обломки кирпичей и камни, некоторые из которых долетали до него и ранили. Он остановился и после небольшой паузы крикнул: «Дорогие юноши, что случилось с вами сегодня? Дайте старому человеку поговорить с вами немного». – «Мы и слова не желаем слышать из твоей старой башки», – сразу же последовал ответ из толпы. – «Но я хочу рассказать вам то, что, я думаю, понравится вам». – «Нет, что бы ты ни сказал, нам не понравится». – «Откуда вы знаете? Я хочу рассказать вам историю о том, которого, как вы все говорите, почитаете и любите». – «Кто же это?» – «Пресвятая Дева». – «О, и что же это ты знаешь о Пресвятой Деве?» – «Больше, чем вы думаете; и уверен, что вам понравится, что я расскажу, если только послушаете меня». – «Ладно, – сказал кто-то, – послушаем же, что он может рассказать нам о Богородице». Наступила тишина, и миссионер начал говорить: «Однажды в маленьком городе, который назывался Кана, одна молодая пара хотела пожениться. Город этот находился в стране, где наш Спаситель провел большую часть Своей жизни, и благочестивые люди, дети которых должны были пожениться, решили пригласить на брачный пир Пресвятую Богородицу и Ее Сына и несколько Его учеников. Когда все сидели за столом, Матерь Божия увидела, что вина, запасенного для празднества, становится

мало и забеспокоилась, что молодым людям будет стыдно за это перед соседями. Тогда Она шепнула Сыну: «Вина нет у них». – «Что Мне и Тебе, Жено», – сказал Он. И через несколько минут, хорошо зная доброе сердце Своего Сына, она сказала одному из служителей, который проходил сзади них: «Что скажет Он вам, то сделайте». Тогда Господь сказал другому служителю: «Наполните сосуды водою», – и я думаю, что служитель тут же передал эти слова другим. (В углу комнаты стояло шесть больших водоносов, по две или по три меры в каждом, так как в этих странах люди используют очень много воды каждый день). И помня слова Пресвятой Девы, они сделали, как Он повелел им, вернулись назад и сказали: «Господин, они полны до верха». – «Теперь почерпните и несите к распорядителю пира», – сказал Он. Они понесли, и распорядитель попробовал. И, о чудо! это было вино, и самое лучшее вино. И было его в таком изобилии, что даже после пира осталось молодоженам на хозяйство. И все это произошло потому, что служители послушали совета Пресвятой Девы и сделали так, как Она повелела им. И вот, если бы сегодня Она была здесь среди нас, то дала бы каждому из нас такой же совет: «Что скажет Он вам, то сделайте, и это также будет нам на пользу, потому что Она знает, что Его сердце исполнено к нам любовью и только великая мудрость исходит из Его уст. А теперь я скажу вам, что Он говорит нам: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут». И затем проповедник этот кратко, но ясно и убедительно объяснил природу врат жизни, сколь они узки, и что надо приложить большие усилия, чтобы войти в них, всегда помня совет Пресвятой Девы: «Что скажет Он вам, то сделайте». В таком духе он объяснил слушателям и другие слова нашего Господа: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Небесное»; и еще: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною, в каждом случае подкрепляя Его изречения советом Пресвятой Девы служителям в Кане. «Но нет же!» – воскликнул он в конце, – «Нет, при всей вашей любви и почитании, которые, как говорите, вы отдаете Пресвятой Деве, не хотите вы следовать Ее совету, а охотно будете слушать любого пьяного школьного учителя, который заманивает вас в таверну и вбивает вам в голову вредные и злые мысли». Здесь его прервал голос, который, видимо, принадлежал старику, воскликнувший: «Ты прав, прав. Если бы даже всю свою жизнь ты говорил неправду, то сейчас ты говоришь истинную правду». Так закончил свою беседу этот проповедник, которая, как видите, принесла добрые плоды.

В «Историю методизма» можно было бы включить и наш очерк о внехрамовом проповедовании, потому что это замечательное миссионерское движение обязано своим появлением и развитием такой деятельности. Однако это только единственное воспроизведение событий в раннем методизме девяностолетней давности. В то время к единомышленникам Уэсли стали относиться с уважением, и прежний огонь возгорелся и среди другого класса людей. Если бы был жив Уэсли, он бы прославился среди бедных, но смелых проповедников, которые рисковали своей жизнью, возвещая благовестие вечной любви среди развратного мира, и стал бы во главе их крестового похода. Но случилось так, что пришли другие вожди, и вскоре их ревностный труд был вознагражден появлением воинства пламенных свидетелей Слова Божия, которых не могла устрашить ни толпа, ни дворяне, ни духовенство; не охладили их даже и благовоспитанные братья, правила приличий которых они так шокировали. В ход были пущены все старые средства. Снова полетели в этих ревностных апостолов сначала гнилые овощи, луковицы и картофель, а затем – тухлые яйца, часто гусиные, очевидно, из-за их большого размера. Деготь, лошадиный навоз летели в них, и все это под музыку свистулек, рожков и трещоток караульных. Бочки с элем готовились для защитников «Церкви и короля,» чтобы могли освежиться эти ортодоксальные противники, тогда как к проповедникам и ученикам их относились с такой жестокостью, что даже сердца их врагов наполнялись жалостью. Все это было нарушением закона, но великие проповедники не обращали внимания на этих преступников, и ничто не могло заставить их замолчать. Ради Христа они были готовы, чтобы с ними обращались, как с бродягами, и Господь отметил их. Появлялись ученики, и число проповедников увеличивалось. Даже до последнего времени эти верные братья

терпели жестокое в себе отношение, но их опыт великой радости давал им силы петь на улицах, на молитвенных собраниях в лагерях и других необычных местах; да благословенны будут эти необычные места, которые являются местом встречи сотен странников и лоном Иисуса Христа.

У меня нет времени останавливаться на работе Иванса и его единомышленников в Уэльсе, или Халдейнса в Шотландии, или даже Роуланда Хилла и его братьев в Англии. Если кто из вас хочет глубже познакомиться с этим вопросом, то их имена помогут вам найти обширный материал: я могу еще добавить «Жизнь д-ра Гутри», в которой он описывает замечательные собрания на открытом воздухе во время раскола, когда Свободной Церкви не нашлось для богослужений здания, построенного человеческими руками.

Но я должен остановиться на Роберте Флокхарте из Эдинбурга, который, хотя и в меньшей степени, но был примером для множества уличных свидетелей Христовых. Каждый вечер, в любую погоду и среди многих преследований этот смелый человек сорок пять лет непрестанно проповедовал на улицах. Уже сходя в могилу, этот старый воин продолжал нести свою службу. «Сострадание к людям гнало меня, – говорил он, – на улицы и в переулки моего родного города, чтобы проповедовать грешникам Слово Божие и убедить их вернуться к Иисусу. Любовь Христова давала мне силы». Ни преследование полиции, ни оскорбления папистов, унитариан и им подобных не могли поколебать его, он открыто обличал ересь и ревностно проповедовал спасение по благодати Божией. В Эдинбурге до сих пор помнят его. Для подобных ему великих проповедников найдется место во всех наших больших и малых городах, и наш огромный Лондон нуждается в сотнях их.

В Америке Питер Картрайт, Лоренцо Доу, Джекоб Грубер и другие великие миссионеры прошлого поколения вели свою славную борьбу под открытым небом своим особым образом. И совсем недавно о.Тейлор дал нам еще одно доказательство, какой огромной силой обладает внехрамовое проповедование, описав его в своей книге «Семь лет уличного внехрамового проповедования, в Сан-Франциско, Калифорния». Хотя мне очень хочется, но я воздержусь на этот раз и не стану приводить вам выдержки из этого замечательного труда.

Лагерные молитвенные собрания – это своего рода проповедование под открытым небом, в поле. Оно стало институтом в Америке, где все делается в больших масштабах. Но это уже другая тема, и потому я только кратко остановлюсь на этой столь плодотворной работе.

Я приведу вам только одно описание первых лагерных молитвенных собраний в Америке из книг Джона Тейлора «Описание миссионерской работы в Новой Шотландии»: «Палатки обычно ставились в форме полумесяца, в центре которого возвышалась своего рода кафедра для проповедников. Вокруг нее располагались ряды досок для слушателей. На деревьях вокруг этой своеобразной лесной церкви висят лампочки, которые горят всю ночь, освещая разные виды молений, совершающиеся до полуночи. Когда я впервые пришел в этот лагерь, было уже одиннадцать часов вечера. Оставив лодку на краю леса, за милю от лагеря, я отправился в лагерь и был поражен открывшейся перед моими глазами картиной: висячие между деревьями лампочки; расставленные полукругом палатки; в центре – тысячи людей, слушающих с большим вниманием проповедника, зычный и воодушевленный голос которого доносил каждое слово до слушателей далеко по тенистому лесу, где, кроме мерцающих лампочек лагеря, все было погружено в глубокую тьму. Все это так поразило меня, что я представил себе стан евреев в пустыне. Собрания обычно начинались в понедельник утром и заканчивались утром в следующую пятницу. Ежедневные моления происходили следующим образом: в пять часов утра по всему лагерю раздавался призыв горна, созывающий либо на проповедь, либо на молитву; в восемь часов делался перерыв на завтрак; затем, в десять часов, горн снова призывал на публичную проповедь; затем до полудня делался перерыв, в который люди собирались для молитвы небольшими группами и расходились кто по палаткам, кто под деревья. После обеда снова звучал горн, призывающий на проповедь. Одна-две женщины оставались обычно в каждой палатке, готовя обед.

Костры горели в разных частях лагеря, на которых постоянно кипела вода для чая; употребление спиртных напитков запрещалось. После дневной проповеди все происходило почти так же, как и утром, только число собиравшихся по группам людей для молитвы становилось больше и больше времени уделялось воодушевленным беседам и громким молитвам. Некоторые скоро теряли голос, и в конце собрания многие проповедники и слушатели могли говорить шепотом. В шесть часов вечера горн призывал на проповедь, после которой, хотя и не в обычном порядке, все снова продолжалось до вечера; а ночью, когда бы вы ни проснулись, пустыня звучала пением хвалы Господу».

Я не знаю, возможно ли проводить такие собрания в нашей стране, но думаю, что хорошо бы было, если бы проповедники совершали такие службы в летнее время в каких-нибудь открытых местах, проповедуя Евангелие под деревьями. Проповеди и молитвенные собрания, обращения и гимны могли бы перемежевываться в разумной последовательности, и тогда тысячи людей, может быть, приходили бы на такие богослужения, из которых только десятки или сотни посещали наши обычные храмы. Не только что-то надо делать для евангелизации миллионов, а все должно быть сделано, и, может быть, среди множества разных способов самым лучшим должен для нас стать девиз: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайне мере некоторых». И мы должны ходить по дорогам и через изгороди и убедить прийти. Братья, я говорю с вами, как с умными людьми, поэтому подумайте о том, что я сказал вам.

Глава 18

ВНЕХРАМОВАЯ ПРОПОВЕДЬ. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Боюсь, что в некоторых наших менее просвещенных церквах есть отдельные консерваторы, которые считают проповедование вне храма ужасным новшеством, явным признаком еретических тенденций и усердия невежественных людей. Каждый молодой брат, который хочет жить с ними в мире, должен считать совершенно не допустимым проповедование вне стен их Сиона. В Ветхом же Завете мы читаем: «Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой. В главных собраниях проповедует, при входах и городских воротах говорит речь свою». Но эти мудрецы ортодоксальности не позволяют премудрости проповедовать, кроме как под крышей специально предназначенного для этого здания. Эти люди признают Новый Завет, который, однако, говорит: «Пойди по дорогам и изгородям и убеди придти», и тем не менее они противятся в буквальном смысле выполнять это повеление. Не воображают ли они, что особая благодать исходит от сидения на специальной скамейке с ровной спинкой, этого столь неудобного нововведения, которому уже давно предпочли моление вне храма на зеленой траве? Или они думаю, что благодать возвещают резонаторы, либо ее можно, как пыль, выбить из церковных подушечек? Или нравится им дышать плохим воздухом, находится в духоте, от которой в некоторых наших молитвенных домах можно просто задохнуться, как в папистских костелах с их дешевым и отвратительным ладаном? У нас нет никакого желания спорить с ними по этому поводу; мы предпочитаем достойных противников. Предвзятость вызывает только улыбку, но если она мешает приносить пользу людям, то допускать этого мы не смеем.

Внехрамовое проповедование не нуждается в защите; надо иметь очень сильные аргументы, чтобы доказать, что только тот исполняет свой долг, кто никогда не проповедует вне стен своего молитвенного дома. В защите нуждаются скорее службы, совершаемые в храме, а не вне его. В оправдании, конечно, нуждаются архитекторы, которые громоздят кирпичи и камни до небес, внизу, когда есть столько места для проповедования Слова Божия грешникам. В защите нуждаются те, кто находится в храме, так как здесь каменные колонны мешают видеть проповедника и слышать его голос; высокие готические своды, в которых прячется звук, заставляют кричать до изнеможения; к тому же здесь преднамеренно создают эхо – в угоди требованиям искусства сооружают твердые звукоотражающие поверхности; и все это вместе взятое свидетельствует о полном пренебрежении удобствами как для проповедника, так и для слушателей. В какой-то мере нуждаются в оправдании и те наивные люди, которые тратят попусту столько денег на всякие химеры и пугала, воздвигаемые на внешней стороне их храмов, как и на другие смехотворные произведения искусства, отражающие папское высокомерие внутри и снаружи их костелов и часовен. Но уж ни в какой защите не нуждается необозримая зала Отца Небесного, которая во всех отношениях прекрасно приспособлена для свободного, публичного, спокойного и торжественного возвещения Слова Божия. Обычное проведение религиозных собраний в закрытых помещениях можно извинить столь отвратительным климатом, но в хорошую, установившуюся погоду мы не должны упускать случая, надо выходить из стен храма и проводить наши собрания в открытой, спокойной местности.

Мы не палестинцы, которые могут предвидеть погоду и не бояться, что каждую минуту хлынет дождь. У нас же всегда может пойти дождь, когда мы этого не хотим, и если назначили мы службу вне храма на следующее воскресенье, то не можем быть уверены, что не промокнем до костей. Правда, иногда проповеди проходили и в ненастье, но, как правило, рвение наших служителей не столь уж велико, чтобы мокнуть под дождем. Кроме того, наши

холодные зимы не позволяют нам совершать службы под открытым небом целый год, хотя я слышал, что в Шотландии некоторые проповедовали и в ненастные дни, и Джон Нельсон пишет, что хоть было темно и шел снег, он проповедовал на улице, так как собралось «такое количество народа, что храм не мог вместить их». Такие вещи можно делать только изредка, но исключения лишь подтверждают правило. Однако, надо также признать, что когда люди приходят в храм, в котором каждое слово проповедника хорошо слышно и который всегда полон, тогда нет надобности выходить за его стены, чтобы проповедовать меньшему числу людей, чем в храме, потому что, все вместе взятое, – удобное помещение, защищающее от плохой погоды, проникновения шума, и отсутствие других помех, – помогает спокойно и сосредоточенно слушать Евангелие. Хорошо проветриваемое и оборудованное для этой цели помещение, если оно может привлечь и вместить много людей, – это большое преимущество, но такие условия бывают редко, и потому я предпочитаю проповедовать под открытым небом.

Большим преимуществом внехрамового проповедования является возможность для столь многих новых людей послушать Евангелие, иначе они никогда бы его не услышали. Новый Завет повелевает нам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всякой твари», но это повеление так редко выполняется, как будто бы оно повелевает совсем наоборот: «Идите в ваши молитвенные дома и проповедуйте Евангелие тем немногим тварям, которые придут в них». «Пойди по дорогам и изгородям и убеди придти» – хотя это только часть притчи, но ее надо принимать буквально, и тогда значение этой притчи будет совершенно понятно. Мы должны буквально ходить по улицам, изгородям и дорогам, потому что за изгородями прячутся бездомные, по дорогам бродят бродяги, по улицам гуляют гуляки, – все они никогда бы не услышали Слова Божия, если бы мы не приходили к ним. Птицеловы не должны сидеть дома и ждать, пока прилетят к ним птицы, как и рыбаки не должны расставлять сети в лодке и надеяться, что поймают много рыбы. Торговцы идут на базары и там ищут покупателей, а не ждут, чтобы пришли к ним. Так и мы должны делать. Некоторые наши братья предпочитают выступать перед пустыми скамьями и затхлыми подушечками, вместо того, чтобы принести людям пользу, оставив на время старые стены, искать живые зерна для Иисуса. Пусть выйдут они из Рехевоха и пойдут на улицы, пусть оставят Салим и ищут мира с отверженными, пусть перестанут мечтать в Вефиле и сделают открытое место под небесным сводом Божиим, пусть спустятся с горы Сион и уйдут от Енона и даже отойдут подальше от св.Троицы, св.Агнесы, св.Архангела Михаила и других святых, и попытаются найти новых святых среди грешников, которые гибнут от незнания Слова Божия.

В Лондоне уличное проповедование привело к Богу людей, которые по своему характеру и своим условностям никогда не пришли бы в молитвенный дом. Я знаю, например, одного еврея, который, приехав из Польши, совершенно не знал английского языка. Гуляя как-то в воскресенье по улицам, он заметил много групп людей, с большим вниманием слушавших ораторов. Ничего подобного он не видел в своей стране, где русская полиция преследовала группы беседующих людей, и потому это его еще больше заинтересовало. Научившись немного английскому языку, он стал чаще слушать уличных ораторов. Сначала он это делал с целью изучения английского, но уровень знания, которого он достиг, отнюдь не был высоким, о чем я мог судить по плохому английскому как уличных ораторов, так и его собственного, тогда как его знание Слова Божия у него было гораздо лучше его английского. И этот «израильтянин» может с полным правом благодарить за это уличных проповедников. Сколько еще инаковерных и иностранцев были таким образом обращены в истинную веру, мы не знаем. Едва ли благоразумно оглашать случаи обращения папистов, но мои собственные наблюдения позволяют мне говорить, что их сейчас гораздо больше, чем десять лет тому назад, и это часто начинается со слушания Слова Божия на наших улицах. И неверные также часто обращаются к Богу, когда таким образом они получают Слово Божие. Уличные проповедники привлекают внимание даже эксцентричных людей, религию которых нельзя ни описать, ни представить себе. Такие люди не терпят даже

вида наших храмов и молитвенных домов, но они с удовольствием стоят среди толпы и слушают таких проповедников. И очень часто влияние на них оказывают именно те, кого больше всего презирают.

Кроме того, в больших городах многие не имеют соответствующей одежды, которая отвечала бы современным требованиям присутствия в храме; а некоторые сами, как и их одежда, столь грязные, столь дурно пахнут, и что даже самые большие филантропы и социальные демократы стараются подальше стать от этих вызывающих отвращение людей. Но есть и такие, которые, как бы они ни были одеты, не ходят в храм, считая посещение богослужений сущим наказанием. Может быть, они вспоминают скучные воскресенья детства и нудные проповеди, которые они слышали, приходя иногда в храм, и они, несомненно, считают, что люди, посещающие храм, терпят наказание в этом мире, которое должны понести в будущем мире. Воскресная газета, трубка и напитки доставляют им большее удовольствие, чем все нравоучения церковных и сектантских епископов и пасторов. Уличный же проповедник привлекает нередко этих членов партии «Нет церкви,» находя среди них самые дорогие драгоценные камни, которые в должное время украсят венец Искупителя: алмазы, которые еще не отшлифованы, остаются незамеченными более утонченным классом ловцов душ. На улицах Ниневии множество людей никогда бы не услышали Иону, т.к. не знали бы о его существовании, если бы он говорил в помещении; на Иордане Иоанн Креститель не привлек бы к себе столько людей, если бы он проповедовал не на Иордане, а в синагоге; и те, кто ходит из города в город, проповедуя всюду Слово Божие, не перевернули бы весь мир вверх дном, если бы считали необходимым ограничиться помещением за железными дверями с объявлением: «Евангелие благодати воли Божией будет проповедоваться в следующее воскресенье вечером».

Я также совершенно уверен, что если бы мы могли убедить наших братьев в деревне как можно чаще выходить из стен молитвенного дома и совершать богослужение на открытом воздухе, где-нибудь на лужайке, в тенистой роще, на склоне горы, в саду или на пустыре, то это было бы гораздо лучше для простых слушателей. Сама новизна места вызовет у них интерес и пробудит внимание. Малейшее изменение места действия окажет огромное влияние на сонных людей. Посмотрите, как автоматически они входят в свои обычные дома собраний и как автоматически выходят из них. Они опускаются на скамейки, как если бы, наконец, добрались до своего места отдохновения; с каким трудом они встают, чтобы петь, и как поспешно садятся, прежде чем вы успеете произнести славословие после окончания гимна, потому что не замечают, когда наступает для него время. Какими же чурбанами бывают некоторые из обычных слушателей. Многие из них спят с открытыми глазами. Просидев несколько лет на одном и том же старом месте, где скамьи, кафедра, хоры и все остальное всегда одни и те же, разве только с каждой неделей они становятся грязнее и старее, где каждый занимает одно и то же место, а лицо, голос и тон проповедника целый год одни и те же, вы погружаетесь в святую тишину и слышите все происходящее вокруг вас, как бы «из могилы». Как мельник слышит стук своих мельничных колес, как бы не слыша их, или как кочегар через некоторое время едва замечает грохот своего локомотива, или как житель Лондона никогда не замечает беспрерывный шум уличного движения, так многие члены наших приходов становятся бесчувственными к самым серьезным проповедям и принимают их как само собою разумеющееся.

Проповедование и все связанное с ним становятся столь привычными, что без них вообще можно было бы обойтись. Поэтому изменение места было бы очень полезно, оно могло бы исключить монотонность, пробудить интерес, заставить думать и открыло бы множество путей привлечь внимание, возродить надежду на спасение от недобрых дел. Если бы большой пожар сжег до тла некоторые наши молитвенные дома, то это не было бы таким огромным несчастьем, если только он разбудил некоторых из семи спящих ефесян, которые никогда не сдвинутся с места, пока их старый дом молитвы и скамьи в нем будут стоять. Кроме того, много свежего воздуха – это огромное счастье для каждого смертного мужчины, женщины и ребенка. В Шотландии я два воскресенья проповедовал в Блермоне на

небольшой возвышенности у берега моря, и, хотя говорил я громким голосом тысячам собравшихся, я и вполовину не устал так, как когда говорил нескольким сотням в ужасной черной дыре в Калькутте, которая называется там храмом. Я связываю это отсутствие усталости и потери сил в Блерморе с тем, что не было там окон, которые закрывали бы люди, боящиеся сквозняков, а крышей служил небосвод, высоко возвышающийся над землей. И я абсолютно уверен, что в воскресенье можно три-четыре раза проповедовать под открытым небом и устать меньше, чем один раз – в душной атмосфере, разогретой и отравленной человеческим дыханием и тщательно охраняемой от малейшего проникновения естественного свежего воздуха.

Палатки еще хуже, в стократ хуже, чем самые плохие помещения. Я думаю, что палатка – самое неприемлемое место для проповедования. Но я рад, что ими пользуются в Лондоне, потому что лучше иметь самое худшее, чем ничего не иметь, и потому, что их можно легко переносить с места на место и они очень дешевые; но если бы мне пришлось выбрать между вообще ничем и палаткой, то я бы предпочел открытое пространство. Парусина заглушает голос и требует много усилий говорить так, чтобы его можно было слышать. Этот материал действует на голос, как мокрая простыня, он убивает его резонанс и не пропускает его сквозь себя. Как бы вы ни старались, но в палатке с ее спертым воздухом вы скорее умрете, чем будете услышанными. Вы, должно быть, замечали, что даже в наших семинарских собраниях, когда бывает не больше двухсот человек, как трудно быть услышанным в конце палатки, даже когда все стороны ее подняты и воздух совершенно чистый. Вы можете приписать это отсутствию внимания и спокойствия со стороны этих нескольких восторженных прихожан, но я замечал, что во время молитвы даже в полной тишине требуются большие усилия для самого сильного голоса, чтобы все его слышали.

Если вы собираетесь проповедовать в деревне на открытом воздухе, то по возможности выбирайте хорошее для этого место; если же такой возможности у вас нет, то довольствуйтесь тем, которое имеете, и считайте его самым лучшим. Выбор Хобсона между чем-то и ничем все упрощает и не требует больших рассуждений. Не будьте слишком разборчивыми. Если возле вашего храма есть лужайка, то выбирайте ее, потому что вы сможете быстро возвратиться в храм, если погода испортится или захотите прочесть молитву после проповеди либо провести индивидуальные беседы. Хорошо также перед богослужением сказать проповедь недалеко от храма, чтобы все люди вошли в помещение, не зная еще, что будет дальше. Получасовая проповедь и пение перед обычным часом собрания часто будет способствовать заполнению пустого храма. Однако не старайтесь всегда проповедовать возле храма, а как раз наоборот, где-нибудь как можно подальше от него, в заброшенной пустынной местности. Развесьте лампочки во всех темных местах, потому что, чем темнее, тем больше нужен свет. Райский уголок и приятное место – обычно менее всего райские и самые неприятные. Подальше от них. Пусть жители долины теней смерти почувствуют, что свет возгорелся для них.

Иногда советуют проповедовать, стоя всегда спиной к стене, но я не совсем согласен с этим. Неизвестно, что может быть за этой стеной. На голову одного проповедника с другой стороны стены вылили ведро горячей воды с милым замечанием: «Суп для протестантов», а другого облили помоями. Гидеон Аусли как-то начал проповедовать, став спиной к фронтону табачной фабрики, через окно в котором поднимали товар на чердак. И вот, окно это вдруг открылось, и на голову его вылилось целое ведро табачной воды, которая жжет глаза. Этот проповедник никогда больше не становился в таких местах. Пусть его опыт будет вам уроком.

Если я решаю проповедовать под открытым небом, то предпочитаю открытую местность, окруженную на некотором расстоянии стеной. Конечно, пространство должно быть достаточно большим, чтобы вместить всех собравшихся, но я люблю видеть конец, чтобы не говорить в бесконечное пространство.

Самым таким лучшим в моей жизни местом для проповеди был участок земли моего друга г-на Дункана. Это была зеленая лужайка, заканчивающаяся подымающимися

террасами, покрытыми еловыми деревьями. Люди могли сидеть, кому где нравилось: кто на лужайке внизу, кто на возвышенности под деревьями: так что это был своего рода храм с нефом и хорами. Голос мой легко возносился вверх, и я уверен, что если бы люди сидели на полмили от меня на такой возвышенности, то прекрасно слышали бы меня. Думаю, что любимым местом Уэсли, когда он проповедовал возле гуиннепской шахты, должно было быть подобное этому. Амфитеатры и склоны всегда были излюбленным местом проповедников, произносивших свои проповеди на открытом воздухе. В их преимуществе вы сейчас убедитесь.

Мой друг г-н Абрахам предоставил мне однажды для проповедования огромный собор в Оксфордшире, с четырех сторон которого возвышаются дубы Руины, его до сих пор называют «Кущами Сперджона» (Bpurqeon's Tabernadle). Сначала это было идеальным местом для проповедования, открытое пространство в густом уитчвудском лесу, добраться до которого можно было по дорогам, пролегающим через густой подлесок. Я никогда не забуду этих «зеленых аллей» с окружающей их стеной зеленых деревьев. Внутренний храм представлял собой большой квадрат, очищенный от подлеска и маленьких деревьев. Молодые, довольно высокие дубы своими развесистыми ветвями покрывали нас, как сводом. Это действительно был величественный храм с колоннами и сводами; храм, сотворенный не человеческими руками, о которых можно сказать словами поэта:

«Отец, Твоя рука
Воздвигнула эти святые колонны,
Ты Возвел эту зеленую крышу».

Я никогда не видел ни здесь, ни в Европе такой архитектуры, которая могла бы сравниться с этим моим собором. Голубое небо сквозило через фонарь в своде, а из дальнего большого окна солнце улыбалось нам до самого вечера. О, господа, как восхитительно поклоняться Богу под таким небесным сводом, куда не достигает ни звука городского шума, где все вокруг способствует тихому общению с Богом. Теперь место очищено, и неподалеку от него мы нашли почти такое же, только исчезли там лесные стены, уступив место вспаханному полю. От моего храма остались лишь колонны и свод, но все равно счастлив, что, подобно друидам, могу молиться среди дубов. В этом году над моей головой ласточка свила гнездо и все время летает и улетает, принося пищу птенцам, когда я говорю проповедь. А почему бы и нет? Где же еще может она чувствовать себя дома, как не там, где поклоняются Богу любви и мира? Правда, свод моего храма не водонепроницаем: и потоки дождя вместе с потоками благодати Божией обрушиваются на молящихся, но в этом есть свое преимущество, потому что следующий за этим хороший день и неожиданно благоприятная погода вызывают благодарность и особую проникновенность молитвы.

Однажды я проповедовал в ненастное время под проливным дождем. Я говорил проповедь на текст: «Он сойдет, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю», и, конечно, наш дождь был и благословением и помехой. Я и мои слушатели промокли до костей, но они выслушали проповедь до конца, и я не знаю, чтобы кто-нибудь из них заболел, но я знаю, что моя проповедь, слава Богу, привела некоторых к Иисусу. Иногда в состоянии сильного волнения такие условия не приносят вреда, но мы не должны ждать чудес и позволять себе рисковать вещами, которые могут убить больных и вызвать болезнь у здоровых.

Я хорошо помню, как однажды проповедовал между скал Чедар-Клиффса. Какое это было замечательное место! Какая красота и величественность! Но там была большая опасность падения камней от движения людей, сидящих на большой части скалы, и потому я отказался от этого изумительного места. Мы должны остерегаться мест, где возможны несчастные случаи. Раненая голова не будет восхищаться красотой природы и слушать утешения. Заканчивая там свою проповедь, я привел в свидетели те мощные скалы, что я проповедовал Евангелие людям и что ждет их на страшном суде, если они не примут его.

Только через несколько дней я узнал, что один человек, прослушавший мою проповедь, просвятился Духом Святым.

Никогда не проповедуйте в болотистых местностях. Я не могу видеть, когда во время проповеди люди опускаются на колени в грязь. Заросшие тростником места бывают часто столь привлекательными и зелеными, что мы не замечаем их слякоти, и наши слушатели могут промочить ноги. Всегда думайте об удобстве для слушателей, а не для себя. Даже на улицах Лондона вы прежде всего должны подумать об удобстве своих слушателей, что больше всего привлечет их к вам.

Больше всего остерегайтесь нормандских тополей. Их постоянный скрип и шелест почти такой же, как шум моря. Каждый лист некоторых видов тополя постоянно колышется, как язык болтуна, шум этот может казаться и не столь уж громким, но он заглушает даже самый сильный голос. Хорошо известно, что кроны шелковицы поглощают звук, но особенно остерегайтесь шума тополя и некоторых деревьев, потому что все ваши усилия говорить громко окажутся тщетными. Я имел такой горький опыт; казалось, что сам древний змий шипел на меня из их сучьев.

Опытному проповеднику безразлично, когда солнце светит прямо ему в лицо, но он будет стараться, чтобы его слушателям оно не мешало и поэтому всегда это учитывает, когда готовится говорить проповедь. В Лондоне солнце не помеха, потому что здесь оно очень редко ярко светит.

Никогда не говорите против ветра, потому что голос ваш не будет слышен. Как бы громко вы ни старались говорить, вас будет слышно только на небольшом расстоянии и только немногим. Я редко советую обращать внимание на ветер, но в данном случае это необходимо, потому что все ваши усилия будут тщетными. Становитесь так, чтобы голос ваш доходил до слушателей и не дул вам в рот, иначе вы проглотите свои собственные слова. Бессмысленно говорить, на каком расстоянии слышно человека при ветре. В некоторых климатах, например, в Палестине, голос слышен за несколько миль; и в Англии отдельные предложения хорошо известного текста можно услышать на далеком расстоянии, но я не поверю тому, кто утверждает, что понял новые предложения на расстоянии мили. Говорят, что Уайтфильда было слышно за милю, и я сам убедился, что меня слышно на таком расстоянии, но все же я несколько сомневаюсь, что это всегда так. Конечно, на расстоянии в полмили вас услышат даже при ветре, но вы должны быть уверены, что все вас слышат.

В сельской местности очень легко найти место, подходящее для проповеди. Первое, что должен сделать проповедник, начинающий свою деятельность в сельском городе или деревне, это начать проповедовать на открытом воздухе. Обычно место для этого найти нетрудно, и он может выбрать его по своему усмотрению. Прежде всего это крест на базаре, затем место, где собираются нищие, или излюбленный угол бездельников прихода. Ларек дешевых товаров может быть прекрасной кафедрой вечерней воскресной проповеди во время сельской ярмарки или поле на небольшом расстоянии в обычные вечерние дни во время деревенских праздников. Прекрасным местом является и зеленая трава с давно срубленными вязами, как бы специально предназначенными служить скамьями для слушателей, а также и кладбище, где «почиют глубоким сном суровые праотцы». Посвятите его живым, и пусть люди предадутся «размышлениям среди гробов». Не извиняйтесь, а сразу начинайте проповедовать.

В Лондоне, да и любом другом большом городе, очень трудно найти свободное место, где бы вы имели право проводить молитвенные собрания. Если вам удастся найти не застроенный еще кусочек земли и если сможете договориться с его владельцем сдать его вам в аренду, пока он начнет застраивать его, то это будет огромным приобретением, и стоит потратить немного денег, чтобы огородить его забором; вы становитесь владельцами замка, и каждый, кто без разрешения переступит его границы, будет правонарушителем. Думаю, что такое место не часто можно найти, особенно тем, у кого нет денег, но все же стоит над этим подумать. Вам очень повезет, если перед молитвенным домом у вас будет хотя бы небольшой участок земли, потому что ни полицейский, ни какой-нибудь пьяница не посмеет

вам помешать проводить службы. Если же не найдете вы такого места, то проповедуйте Евангелие везде, где только есть возможность: на углу улицы, в тихом укромном уголке, на площади. Несколько лет тому назад я проповедовал огромному числу людей на Кинг Эдвард Роуд, Хэкни, которая тогда была пустырем, а теперь и ярда не осталось свободным. Собиралось такое множество людей, что это уже становилось опасным для жизни. Теперь этот пустырь исчез, как и поля возле Брикстона, где множество людей собиралось послушать Слово Божие. Опасаясь скопления большого числа людей, я был вынужден отказаться проповедовать в Лондоне на открытом воздухе, но это не умаляет огромного значения внехрамового проповедования. Так как мой молитвенный дом всегда полон, я проповедую под открытым небом только в сельской местности; но для тех проповедников, молитвенный дом которых слишком маленький и прихожан мало, проповедование вне храма – это огромное преимущество как в Лондоне, так и в провинции.

Для возрождения интереса к Слову Божию и для миссионерской деятельности внехрамового проповедования это наилучшее средство. Пусть люди слушают вас вне стен храма, и тогда они вскоре пойдут молиться в храм. Вам не надо кафедры, достаточно и стула или обочины у дороги. Чем меньше формальности, тем лучше, и если вы начнете с того, что будете просто разговаривать с двумя-тремя слушателями и не будете претендовать на нравоучительство, то это принесет большую пользу. Лучше поговорить с одним, чем ораторствовать перед пятидесятью. Не идите сами в толпу, но уж если собралось вокруг вас много народа, не спешите в страхе бежать от нее; полицейский скажет вам, когда уйти. Однако вы нужны не только там, где не будете мешать прохожим, но и там, где вам самим угрожает опасность, – я имею в виду те места и темные аллеи в наших больших городах, которые известны лишь полиции и, главным образом, своими драками и кровопролитием. Мученики Христовы, – здесь славное поле для вашей деятельности. Кто же даст нам силы завоевать эти трущобы и логовища и привести их обитателей к Иисусу? Кто, как не Господь? Воины Христовы, которые рискуют идти в эти злачные места, должны быть готовы к возвращению того доброго старого времени, когда на головы их полетят обломки кирпича, и цветочные горшки будут случайно падать из окон именно в их направлении. И все же, кому суждено утонуть, не будет убит цветочным горшком. При таком отношении полезно вспомнить слова Кристофера Хоппера, который описал такую же ситуацию более ста лет тому назад: «Я мало обращал внимания на грязь, тухлые яйца, звук рожков пастухов, бряцание колокольчиков, кидание снежков, но иногда в меня летели камни, обломки кирпича и булыжники. Это уже было хуже. Иногда острые камни сдирали мне кожу, а однажды один такой камень разбил мне голову до крови. Несколько дней я ходил с повязкой, и мне не было стыдно, я гордился своими страданиями. И чем больше мук я терпел ради Христа, тем легче мне становилось. Никогда не был я так счастлив и никогда труд мой не был столь полезен».

Я несколько даже рад, когда кого-нибудь из наших братьев забирают в полицейский участок; это только полезно как для него, так и для других. Какое это прекрасное зрелище, когда проповедника Евангелия ведут под стражей слуги закона! Это только вызывает к нему симпатию, а затем и к его проповеди. У кого он раньше не вызывал никакого интереса, теперь, когда его гонят, его слушают с вниманием и еще с большим, когда его ведут в участок. Самые подлые люди начинают уважать человека, который из-за того, что он делает им добро, попадает в беду, и если они видят несправедливость, то встают на его защиту.

Я уверен, что, чем больше мы будем проповедовать на улицах Лондона, тем лучше. У одних это будет вызывать неприязнь, зато другим принесет счастье, если, конечно, проповедник будет возвещать Евангелие в Духе любви и истины. Правильно и с любовью посеянные семена дадут ростки. Евангелие должно проповедоваться так, чтобы оно вызывало интерес у слушателей, а простое сотрясение воздуха принесет больше вреда, чем пользы. Я знаю семью, которая чуть не сошла с ума от постоянного, каждое воскресенье, отвратительного выкрикивания монотонных наставлений и оранья одного и того же предложения у дверей их дома: «Спасение в руках Иисуса». Это благочестивые христиане, и они с радостью откликнулись бы на призыв своих мучителей, если бы видели пользу от их

крика. Но так как таких крикунов редко кто слушает и то, что они говорят, ничего хорошего не дает их слушателям, то эти несчастные люди страдают, что вынуждены лишаться покоя, потому что эти два человека считают своей обязанностью говорить шумные и совершенно бесполезные проповеди. Однажды я видел человека, которого никто не слушал, кроме собаки. Она сидела, поджав хвост, и с большим уважением слушала разглагольствование своего хозяина. А как-то я видел очень серьезного оратора, которого даже собака не слушала, а он все продолжал « расточать свои сладкие слова на ветер». Думаю, что ему просто надо было отвести душу. Основной целью проповеди являются слушатели; никакой пользы не принесет проповедь, которая говорится в пустоту.

Стиль внехрамового проповедования, конечно же, должен во многом отличаться от проповедования в храме. Прежде всего проповедь должна быть краткой и содержательной. Длинноты и пустословие никому не нравятся, и такого проповедника слушатели скоро поставят на место. «Хватит, – кричит один уличный критик, – «с нас довольно, старина». Или же он может услышать и такое: «Хватит, заткнись! Иди лучше домой и сам выучи свой урок». «Прекрати, старина». «Покороче, старина!» Хорошо бы, чтобы к этому полезному совету прислушались многословные католические ораторы. В худшем же случае, люди ничего не говорят, а просто уходят. И как неприятно видеть, когда ваши слушатели расходятся, но совсем уж плохо, когда и ваши идеи рассеиваются, как дым.

На улице проповедник должен говорить живо, давать много примеров, вставлять интересные замечания, не задерживаться долго на одном и том же вопросе. Рассуждения должны быть краткими и ясными. Проповедь должна быть понятной и простой для понимания каждого слушателя и не требовала бы дополнительного разъяснения. Ход мысли должен разделяться на звенья, и каждое звено расплавляться и превращаться в пули: вам нужна не столько сабля Саладина, пронзившая муслиновый платок, а алебарда Ричарда Львиное Сердце, разбившая железный засов. Сразу же говорите по существу, не растрачивая сил и времени на пустяки.

Для внехрамового проповедования надо употреблять короткие предложения и короткие выражения. Длинные абзацы и длинные аргументы лучше приберечь для других случаев. На спокойных сельских жителей большое влияние оказывает красноречивое молчание, иногда прерываемое восклицаниями, это дает им время передохнуть и подумать. Однако этого нельзя делать на лондонских улицах, там нельзя останавливаться, потому что кто-то другой может завладеть вниманием ваших слушателей. В регулярных внехрамовых проповедях паузы играют большую роль и очень полезны как для проповедника, так и для слушателей, но для случайных прохожих, которых богослужение совершенно не интересует, лучше всего говорить быстро, кратко и резко.

На улице проповедник должен с начала до конца своей проповеди держать слушателей в напряжении и потому говорить кратко и по существу, не делая вступлений, как, например, такого: «Дорогие друзья, темой для своей проповеди я избрал отрывок из Священного Писания, в котором содержатся самые важные истины и даются самые ценные практические советы. Прошу вас быть очень внимательными и совершенно беспристрастными, когда мы будем рассматривать его с разных сторон и различных точек зрения, чтобы понять его вероучительное значение. Для его толкования потребуется ум и глубокое понимание. Как журчащий ручеек извивается по лугу и питает пастбище, так поток священной правды льется из этих удивительных слов, которые мы будем читать. И нам надо направить это кристально чистое течение в русло наших размышлений, чтобы выпить чашу мудрости устами, жаждущими удовлетворения». А разве такое словоизвержение не стало сегодня модой? И если вы станете так проповедовать у обелиска на Блэкфрайер Роуд, то не удивляйтесь, если услышите такие, например, выкрики: «Давай, давай, старый болтун!», или: «Ну и хорош же он. Какую чушь несет!» А какой-нибудь молодчик крикнет: «Заткни свой фонтан!», а другой закричит с издевкой: «Аминь!» Их не обмануть, они сразу же увидят, чего вы стоите, и тут же получите от них по заслугам.

Уличные слушатели не простят вам ни притворства, ни обмана. На мякине их не провести. Вы должны иметь, что сказать, и, прямо глядя им в лицо, объяснить это честно, смело, серьезно и вежливо, и тогда они будут слушать вас. Никогда не говорите ради того, чтобы что-то сказать или послушать свой собственный голос, иначе вы услышите много неприятных вещей о себе самом и о вашей манере говорить. «Ну и ну, – скажет один, – ему лучше говорить на похоронах! Он заставит всех плакать». Такой комплимент услышит унылый брат, тоном и манерой говорить которого пристало разве только на похоронах. «Эй ты, старина, – скажет другой, – иди промочи горло. Оно, наверно, совсем пересохло от твоей болтовни». Это замечание было совершенно справедливо, потому что брат этот был так толст, что, как потом остроумно сказал этот человек, он станет настоящим мучеником, так как будет хорошо гореть, потому что внутри его все пересохло. Печально, очень печально слышать такие оскорбительные замечания, но очень часто они бывают совершенно справедливы и «правдиво отражают жизнь». Как карикатура часто дает вам более живое представление о человеке, чем фотография, так и эти грубые, но остроумные замечания отражают сущность оратора. Самые лучшие ораторы должны быть готовы к таким остроумным замечаниям и уметь, если надо, так же остроумно их парировать; а вот жеманство, притворная скромность, формальность, ханжеская многоречивость и аффектация действительно вызывают оскорбительные остроты и в значительной степени заслуженно. Чэдбенд и Стиггинс в своих грубых рясах, с зализанными волосами и огромными стоячими воротниками действительно смехотворны, как, впрочем, и сам г-н Гвидо Фокис. Даже весьма уважаемый самый великий человек сразу же вызывает к себе неприязнь, как и всякая претензия на святость. Чем меньше вы будете похожи на пастора, тем скорее вас будут слушать; а если все знают, что вы проповедник, то, чем проще вы будете держать себя, тем лучше. И если будет видно, что вы священнослужитель, то обязательно услышите такой вопрос: «А сколько вы получите за это, отец?», и лучше всего будет, если вы сразу же скажете, что за проповедование вы ничего не получаете, так как занимаетесь им сверхурочно. «Вместо своих поучений лучше дайте нам хлеба и кружку пива», – часто можете вы услышать, но откровенное признание, что проповедуете вы не ради денег, а ради блага людей, заставит замолчать таких насмешников.

Поведение человека, проповедующего на улицах, должно быть безукоризненным. Оно должно быть естественным и непринужденным. Не принимайте важной позы, когда стоите на улице, потому что сразу же покажете, что вы ни на что не способны, и вызовете только насмешки. Уличный проповедник не должен подражать своему пастору, потому что люди сразу же обнаружат это, и едва ли это им понравится. А также не ведите себя, как маленькие мальчики, которые говорят: «Меня зовут Норвал». Часто можно увидеть проповедника, стоящего в застывшей позе и монотонно подымающего и опускающего руку, а еще хуже, – в неистово-маничной позе, которая так нравится некоторым и напоминает крест в Уайтфилдских горах и св.Георгия, попирающего ногами дракона.

Избегайте всякой манерности. И тут я хочу заметить, что ничего не сделать без большой Бэгстерской Библии в мягкой обложке. Большой размер как-то особенно привлекателен. Возьмите с собой Библию с множеством закладок, станьте в позу пророка, графически изображенного Маккри, затем снимите шляпу, положите в нее Библию и поставьте их на землю. Попросите своего друга стать с правой стороны и держать ваш зонтик. Посмотрите, какую радость это ему доставляет. Разве это не замечательно? Он скажет вам, что никогда не бывает он так счастлив, как когда помогает хорошему человеку делать доброе дело. Потом закройте глаза и прочтите молитву, и когда вы закончите, то увидите, что кому-то она принесла утешение. Где же ваш преданный друг, который держал бы ваш зонтик и сборник гимнов? Где эта вычищенная шляпа и эта Бэгстерская Библия? Где, о, где? И эхо отвечает: «Где?»

И чтобы найти ответ на этот вопрос, было бы хорошо, чтобы какой-нибудь брат пошел с вами на ваши первые проповеди, чтобы один бодрствовал, пока другие молятся. Какая это будет помощь, если с вами пойдет несколько ваших друзей, станут вокруг вас, и,

еще лучше, если будут они петь. Друзья ваши привлекут и других, помогут обеспечить порядок и принесут большую пользу, сопровождая ваши проповеди пением гимнов.

Очень важно говорить так, чтобы вас было слышно, но для этого совершенно не нужно кричать. Если вы будете кричать во все горло, то не сможете расставить нужных акцентов на самых важных местах своей проповеди. Если вокруг вас нет никого, а на другой стороне улицы стоят люди и слушают вас, то не лучше ли пойти к ним и сэкономить силы, которые вы потратите на крик, если останетесь на месте? Значительно большее впечатление производит спокойная, проникающая и доверительная речь. Когда люди о чем-то очень просят, они не кричат и не орут, в таких случаях они не шумят, а плачут, не произносят громкие слова, а льют слезы. Если вы будете монотонно выкрикивать слова, то только утомите всех и сами устанете. Будьте же мудрыми, вы, кто несет слово вашего Господа множеству людей, и говорите таким громким голосом, как того диктует вам здравый смысл.

В брошюре, изданной замечательным обществом «Внехрамовое проповедование», отмечены качества, необходимые для уличных проповедников:

1. Хороший голос.
2. Естественная речь.
3. Самообладание.
4. Хорошее знание Священного Писания и элементарных вещей.
5. Способность приспособиться к любому собранию людей.
6. Хорошо иллюстративные способности.
7. Рвение, благоразумие и здравый смысл.
8. Широкое, любящее сердце.
9. Искренняя вера во все, что он говорит.
10. Надежда на успех только с помощью Духа Святого.
11. Тесное молитвенное общение с Богом.
12. Праведная жизнь в постоянном общении с людьми.

Если кто обладает всеми этими качествами, то его сразу же надо сделать епископом, однако отсутствие даже одного из них делает это уже не возможным.

На улицах Лондона проповедник почти всегда встречается с противодействием. В одних местах месяцами все идет хорошо, в других же, как только он открывает рот, сразу же начинается с ним борьба. Оппозиция имеет свою периодичность. Разного рода противодействия возникают и исчезают, и, следовательно, есть периоды борьбы и покоя. Самые лучшие средства не всегда могут сохранить порядок; бессмысленно говорить с пьяными, что также можно сказать о неистовых ирландских папистах. Почти ничего с ними не поделать, если другие люди, что часто бывает, общими усилиями не прогонят таких нарушителей, а некоторые, если видят, что проповедник не обращает на них внимания и продолжает говорить, всякими правдами и неправдами будут стараться ему помешать. Они будут делать это специально, и, если их постоянно останавливать, то они все равно не успокоятся. Первое правило – это всегда быть вежливым и добродушным, потому что если вы начнете грубить или сердиться, то вам конец. Другое правило – это не отклоняться от темы и никогда не спорить. Проповедуйте Христа и больше ничего, не вступайте ни в какие споры и рассуждения. Если уж вы немного отвлечетесь, то сразу же возвращайтесь к теме своей проповеди. Расскажите им старую-старую историю, и если она им не понравится, продолжайте проповедь. Немного остроумия часто бывает лучшим средством привлечь внимание людей и творит просто чудеса с ними. Добродушие – это еще одно средство заставить людей слушать вас. Один мой знакомый брат заставил замолчать неистового католика тем, что предложил ему занять свое место и попросил вместо него сказать проповедь. Друзья этого католика, просто ради шутки, уговаривали его согласиться, но он отказался. Тогда мой знакомый брат рассказал басню о собаке на сене, и тот сразу же исчез. С настоящим скептиком лучше не спорить, а отвечать ему вопросом на вопрос, потому что вы призваны не спорить, а возвещать Евангелие. Джон Макгрегори говорит: «Скептики

бывают разные. Одни ставят вопросы, чтобы получить ответ; другие – чтобы ввести вас в замешательство.

Один честный скептик сказал мне однажды, когда я проповедовал в Гайд-парке, следующее: «Все эти десять лет я старался верить, но есть одно противоречие, которое я не могу преодолеть, а именно: нам говорят, что книгопечатание было изобретено не пятьсот лет тому назад и, даже более того, что Библия уже пять тысяч лет, но я никак не могу понять, как это может быть». И никто из слушателей не посмеялся над ним, потому что очень не многие из них знали о Библии больше, чем этот скептик. Но с каким вниманием и интересом они полчаса слушали мой рассказ о священных рукописях, их сохранении, переводе и версиях, их распространении и собрании, их сличении и передаче из поколения в поколение и о множестве доказательств их истинности!»

Помню, как в Кеннингтоне во время проповеди один неверующий не переставал превозносить красоты природы и творения природы, пока проповедник не попросил его объяснить, что такое природа. Тот ответил, что «все прекрасно знают, что такое природа». Тогда проповедник остроумно заметил: Значит, вам еще легче рассказать нам, что такое природа. «Ну, природа – природа», – сказал тот. – «Природа, природа – это природа». Конечно же, все рассмеялись и этот мудрец должен был замолчать.

Незнание в сочетании с пустословием приносят большой вред. Когда один человек спросил проповедника, «откуда Иаков знал, что Исав ненавидит его», проповедник правильно сделал, что не стал объяснять ему, потому что тот еще не был готов в то время принять веру. Если бы проповедник стал его тогда просвещать, то только укрепил бы его в его неверии.

Не наше дело спорить с людьми, показывая им их неправоту. Отвечая им, проповедники гораздо шире знакомят их с идеями неверующих, чем это могут сделать сами неверующие. Неверующие только «подбирают свои стрелы и снова стреляют ими по мечу истины». Наше дело не побеждать их логическими доводами, а спасать их души. Чтобы победить серьезных противников, нам необходимо глубокое знание Священного Писания и умение пользоваться его свидетельствами; но с честными противниками лучше всего говорить наедине, когда им не стыдно признать свою неправоту, чего нельзя ожидать от них на людях. Христа надо проповедовать и верующим и не верующим в Него. Наш опыт, Его силы спасать людей будет лучшим аргументом, а наша ревностность – лучшим средством убеждения. Сами обстоятельства подсказывают нам, что лучше сказать в данном случае, и мы можем положиться на Духа Святого, Который научит в тот час, что должно нам говорить.

Призвание уличного проповедника столь же благородно, как и трудно, столь же полезно, как и утомительно. Только Бог может поддержать вас в этом, и с Ним вам нечего бояться. Десять тысяч противников и легион бесов в каждом из них не заставят вас дрогнуть. Когда Он за вас, всем им вместе не одолеть вас.

Глава 19

МАНЕРА, ПОЗА И ЖЕСТЫ
(Лекция первая)

Тема этой лекции: «Поза, манеры, жесты во время произнесения проповеди». Я не стану даже пытаться провести между этими понятиями четкую грань, так как они настолько тесно связаны друг с другом, что надо иметь глубоко аналитический ум, чтобы увидеть между ними различие. И, так как все мои попытки провести четкую грань даже между «позой» и «жестом» ни к чему не привели, я решил рассматривать их вместе, надеясь, что в результате не произойдет никакой путаницы.

Главное – это сама проповедь: ее тема, цель и духовное состояние, в котором она произносится перед людьми, благодать, почивающая на проповеднике, и божественная сила, открывающая истину слушателям. Поза и манера играют относительно малую роль, и все же даже ремешок на сандалии статуи Минервы должен быть правильно вырезан, а в богослужении даже малейшие мелочи должны свято соблюдаться. Жизнь состоит из мелких событий, и благополучие ее часто зависит от внимания к мельчайшим деталям. Мушки в лекарственной мази портят ее, как и лисички портят виноградные лозы: поэтому нельзя допустить, чтобы «мушки» и «лисички» портили наше служение. Несомненно, что ошибки даже в таких второстепенных вещах, как поза, вызывают у людей неприятие, вредят успеху самых лучших проповедей. Человек выше средних способностей своими несуразными манерами может навсегда потерять репутацию хорошего проповедника. И, к большому сожалению, мы знаем немало таких случаев. Малейшие нелепости и странности в манере говорить или жестах, на которые умные люди не обратят внимания, не останутся не замеченными простыми людьми: ведь большинство слушателей видят главным образом именно такие мелочи, а те, кто приходит на проповедь, только чтобы посмеяться, ничего другого, кроме них, и не замечают. Нелепое поведение некоторых проповедников на кафедре возмущает или отталкивает людей, которые именно этим и оправдывают свое невнимание. Почему же должны мы давать повод людям мешать нашим стремлениям делать им добро. Ни один проповедник не станет тупить свои стрелы или отводить их от цели; а так как такие мелочи, такие второстепенные вещи, как неправильная поза, манера и жест могут помешать ему достичь своей цели, он должен сразу же обратить на них внимание.

Конечно, надо признать, что манера проповедования имеет второстепенное значение, потому что некоторые, кто достигал успеха в самом высоком смысле, с риторической точки зрения, были весьма далеки от совершенства. Сейчас в Бостоне, США, есть замечательный проповедник, проповеди которого высоко ценятся. И вот что пишет о нем его дружелюбный критик: «Как только он начинает говорить проповедь, руки его болтаются, как хвост беспозвоночного животного. Потом он начинает неуклюже переминаться с ноги на ногу, будто одна нога у него короче другой, трясти головой и поводить плечами и таким неимоверным образом подымает бровь, как ни один косой человек не может так сделать». Это случай превосходства содержания над формой и учения над манерой говорить: но лучше бы избежать таких недостатков. Разве золотые яблоки не более привлекательны, когда они положены в серебряную вазу? И все же, совершенно очевидно, что правильное поведение во время проповеди, без всяких преувеличений, не является основным фактором успеха. По-видимому, Гомер считал, что полное отсутствие жестов совсем не умаляет силу слов, потому что он описывает одного из своих самых замечательных героев стоящим совершенно неподвижно во время своей замечательной речи, хотя и не без некоторого осуждения со стороны его слушателей. И нам не надо ходить так далеко за примерами, доказывающими, что полное отсутствие жестов может сочетаться с огромной силой красноречия, потому что

мы знаем такие случаи и в наше время. Достаточно привести один: Роберт Холл, этот замечательный проповедник, не пользовался никакими ораторскими приемами, совершенно неподвижно стоял на кафедре и только в редких случаях подымал или делал жест правой рукой, и только в самом сильном волнении делал шаг или два назад и вперед.

От вас требуется не столько совершенства в умении правильно держать себя на кафедре, сколько отделаться от недостатков, лучше уж быть неподвижным манекеном, чем суетиться и даже выглядеть смешным, как это бывает иногда с нашими братьями. Некоторые постепенно впадают в губительный для проповедования стиль, и редко кому из них удается отделаться от вредных привычек. Мало кому нравится, когда им говорят об их нелепых ужимках и смешных манерах, и поэтому даже и не знают о них: но удивительно, что жены не передразнивают их дома наедине и своими насмешками не отучивают их от этих недостатков. Я слышал об одном брате, которого, когда он только начал проповедовать, очень хорошо принимали, но потом он совершенно испортил себе репутацию, постепенно приобрел плохие привычки: говорил неимоверно хныкающим голосом, принимал самые смешные позы, употребляя такие высокопарные выражения, что людям просто неприятно было его слушать. Самые благочестивые христиане говорили, что не знали, то ли им плакать, когда он проповедовал, то ли смеяться: иногда им хотелось смеяться над его напыщенностью, а иногда охватывала жалость к такому хорошему проповеднику, который так портил себе своей нелепой манерой говорить. Если вам все равно, как вы выглядите на кафедре, то по крайней мере будьте настолько умны, чтобы избегать смешных и нелепых манер. Ведь между двумя крайностями всегда можно найти золотую середину, как, например, между щеголем с завитыми и надушенными локонами и неряхой с спутанными волосами, висящими, как грива дикого животного. Мы никогда не станем вам советовать учиться перед зеркалом принимать ту или иную позу, ни подражать великим богословам или благовоспитанным людям, но, с другой стороны, нельзя быть грубым и манерным. Позы и манеры – это только маленькая часть формы, а не сущность проповеди. Человек с напыщенными манерами – это, несмотря ни на что, человек: так и плохо произнесенная проповедь может быть, несмотря ни на что, хорошей. Но все же, как никто не станет носить лохмотья, если может одеваться лучше, так и вы не будете же столь нерадивы, чтобы облачать истину в лохмотья, когда можете украсить ее, как принцессу.

Некоторые люди от природы неуклюжи. В этом, я думаю, надо винить условия, в которых они растут. Сельский парень неловок, походка его неуклюжа. Его естественная среда обитания – это вспаханное поле. Когда он идет по асфальту или ковру, его походка неуверенна. Но по грязной дороге, когда каждый его башмак облеплен пудом грязи, она легкая и даже изящная. Так и некоторые люди по своей природе неуклюжи и неловки. И ничто не может сделать их изящными, даже если толочь их в ступе, как пшеницу. Большую пользу в наших школах принес бы сержант – инструктор, и очень ошибаются те родители, которые считают муштру пустой тратой времени. Но ничто, как она, так не вырабатывает правильную осанку и легкость. Она учит человека держаться ровно, не болтать руками, расправлять грудь, что делать со своими руками, как ходить прямо, как держать себя, так сказать, в полном порядке и при этом без всяких усилий и совершенно естественно. Глубоко религиозные люди подумают, что шучу, но отнюдь нет, я говорю это совершенно серьезно и надеюсь, что наступит время, когда важным аспектом воспитания молодых людей будет считаться умение держаться уверенно и не быть скованными и неуклюжими.

Иногда бывает, что причиной неловкости валяется неумение выражать свои мысли и волнение от сознания отсутствия этого дара. Некоторые наши прекрасные проповедники столь скромны, что теряют уверенность и потому запинаются, когда произносят проповедь, и делают нелепые телодвижения. Может быть, самым лучшим примером этому является наш высокоуважаемый д-р Джеймс Гамильтон. Он был самым прекрасным, в полном смысле, проповедником, но его манера говорить была просто удручающей. Его биограф пишет: «Он обладал огромными умственными способностями и знаниями, но совершенно был лишен ораторских способностей, он не умел выбрать нужный тон и высоту голоса, чтобы его было

слышно в большом помещении. Он прекрасно понимал свой недостаток и очень мучился им. Конечно, отсутствие сильного голоса и умения следить за интонациями в значительной мере умаляло силу и популярность его проповедования. По тонкости же понимания, прекрасному выбору идиом, по силе сметки и оригинальных образов, пылу христианского рвения ему почти не было равных. Эти его редкие качества наполовину теряли свою силу во время публичного проповедования, потому что ему приходилось постоянно напрягать голос, чтобы его все слышали. Он становился на цыпочки, делал частые паузы, как будто это могло донести его слова до самых далеких рядов. Если бы мышцы его грудной клетки позволяли ему твердо стоять на ногах, а губы произносили бы слова без напряжения легких, то, конечно же, он привлекал бы к себе большее число людей, и его проповеди слушали бы более широкие и разные слои общества. Но мы не знаем, какой вред мог бы принести этот внешний успех. И хотя, несмотря на все молитвы и старания, он не мог отделаться от этого своего физического недостатка, сила Христова была ему наградой: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И те таланты, которыми одарил его Господь, он употребил с поразительным мастерством и усердием в служении их Подателю, и если каких-то талантов Он лишил его, то Он знает, почему. «О, Господь все делает хорошо». С этим замечанием мы совершенно согласны, но ни один молодой человек не смеет по своему усмотрению смиряться с подобными недостатками и приписывать их воле Божией. Джеймс Гамильтон не поступал так. Он всеми силами старался исправить свой недостаток, и, как мы знаем, брал уроки у многих профессоров по ораторскому искусству. Он не сложил руки, как бездельник, а много трудился, чтобы овладеть им, и не удалось ему это лишь потому, что нет средства победить этот физический дефект. И когда мы видим у кого-нибудь из наших братьев такой явно не излечимый недуг, мы должны стараться не замечать его и похвалить такого брата, заверив его, что он все делает хорошо, считая, что богатство мысли и хороший язык его проповеди покрывают недостаток его манеры говорить, и душа его торжествует над его плотью. Но если в нашей манере говорить есть недостатки, то мы должны стараться приложить все усилия, чтобы исправить их, потому что нет ничего невозможного, чего бы нельзя было преодолеть. Эдвард Ирвинг может служить нам в этом прекрасным примером. Сначала его манера говорить была неловкой, напряженной и неестественной, но его усилия исправить эти недостатки очень помогли ему добиться красноречия.

Кафедры как место для произнесения проповедей во многом повинны в том, что проповедники выглядят на них так нелепо и неуклюже. Что это за ужасное изобретение! Если бы нам удалось когда-нибудь упразднить их, то мы могли бы сказать, как сказал Иисус Навин об Иерихоне: «Проклят тот, кто восставит Иерихон», потому что старомодные кафедры были большим проклятием для церквей, чем это кажется с первого взгляда. Ни один адвокат не станет подыматься на кафедру, когда он защищает своего клиента. Как может он надеяться на успех, если по плечи закрыт срезками кафедры? Как может он выиграть дело своего клиента, если таким образом опутан по рукам и ногам? Как величественна, как внушительна поза Иоанна Златоуста, каким его обычно изображают! Не будем говорить сейчас об одежде, но проповедник не может не понимать, что естественная поза гораздо больше приличествует великой истине, чем когда он сгибается над листом бумаги, очень редко отрываясь от нее, и видны только его голова и плечи. В своей книге «Хирономия» Аустин совершенно справедливо замечает: «Свобода также нужна для изящества движений. Никакой жест не будет изящным, если он будет ограничен внешними обстоятельствами или внутренней скованностью. Если человек будет выступать перед собранием из узкого окна, через которое он не может высунуть голову и руки, то тщетны будут все его усилия добиться изящества своих жестов. Степень изящества зависит от степени ограниченного пространства или от внутренней скованности. Так, переполненный зал судебного заседания ограничивает действия адвоката, как и огражденная и закрытая со всех сторон кафедра, которая часто больше чем наполовину скрывает фигуру проповедника, делает его движения скованными и неуклюжими».

Покойный Томас Бини не выносил кафедры в храме и, когда проповедовал, вешал свою рясу или что-нибудь другое на перила загородки. Это он делала исключительно в силу привычки, потому что проповедь никогда не может быть по-настоящему хорошей, если ее произносить из-за загородки. Закрытая со всех сторон кафедра, конечно же, еще сохранится некоторое время, но со временем люди убедятся, что благодать нашей святой веры не нуждается в кафедрах.

Проповедников нельзя обвинить за их нелепую позу и смешную осанку, когда во время проповеди видна только небольшая часть их тела. Если бы стало обычаем проповедовать так, как Павел проповедовал в Афинах, то публичные ораторы стали бы хорошим примером для подражания. Между прочим, интересно заметить, что Рафаэль изображая Павла на проповеди в Афинах, вспомнил слова апостола: «Бог... не в рукотворных храмах живет и не требует служения рук человеческих», – потому он и изобразил его с поднятыми вверх руками.

Не меньшее удивление вызывают и формы проповеднической кафедры, отражающие чудачества человеческой фантазии и глупости, достигшие предела двадцать лет тому назад. Трудно даже догадаться о цели и предназначении таких кафедр. Старого образца глубокая деревянная кафедра должна была, по-видимому, напоминать проповеднику о том, что он смертен, потому что это был стоящий вертикально гроб: но на каком основании должны мы заживо хоронить наших проповедников? Многие из этих сооружений напоминают бочку, другие – рюмку для яйца или бокал для вина, третьи – ларчик, поставленный на четыре ножки, четвертые – ласточкино гнездо, прикрепленное к стене. Некоторые из них настолько высоки, что проповеднику трудно повернуть голову, когда он хочет посмотреть на своих слушателей, стоящих глубоко внизу под ним, которые, смотря на него, должны ломать себе шею. Я чувствовал себя, как человек, стоящий на верхушке мачты, когда проповедовал в этих «башнях для овец». Эти безобразные сооружения сами по себе пагубны и пагубны для других.

Когда я стою на кафедре, я часто чувствую удушающий запах газа, который, очевидно, просачивается из газовых труб и отравляет проповедника. Мы должны оградить себя от таких мучений. А также часто устанавливают большие лампы по обеим сторонам головы проповедника, сковывая таким образом все его движения и помещая его между двумя огнями. Этим как раз и объясняется вспыльчивость наших проповедников, на которую жалуются иногда прихожане. Я сам на себе испытал действие этого огня, когда сидел на кафедре и почувствовал, будто кто-то ударил меня по голове, и когда я посмотрел вверх, то увидел огромную горелку Аргана с рефлектором, помещенную как раз над моей головой, чтобы свет падал на мою Библию; конечно, это замечательное изобретение, только изобретатель забыл, что его горелки излучают страшный жар и губительно действует на чувствительные мозги человека. Никто не захочет получить искусственный «солнечный удар» во время проповеди; если уж пострадать от него, то пусть это произойдет во время отпуска и от самого солнца. Сооружая кафедру, никто, по-видимому, не думает о проповеднике, который такой же человек, как и другие, и имеет такие же чувства и ощущения, что и они.

Неудобства этих кафедр знают только те, кому приходится с них проповедовать. Обычно они столь глубоки, что человеку небольшого роста, как, например, я, почти ничего из них не видно, и когда прошу что-нибудь сделать, мне подставляют под ноги подушечку. Проповедник Евангелия, который во время проповеди стоит на подушечке, должен быть в одном лице «сыном грома» и канатоходцем. Не слишком ли много от нас требуется: сосредотачивать свои мысли на проповеди и в то же время стараться сохранить равновесие своего тела. С ужасом вспоминаю я сейчас, какие муки я терпел, когда во время проповеди опрокидывались эти скамеечки и подушечки под моими ногами.

Мы должны быть ограждены от этих небольших неприятностей, потому что их вред не ограничивается только нашими неудобствами, а приводит и к плохим последствиям. Увы, эти пустяки часто нарушают ход нашей мысли и выводят нас из равновесия, но хотя дух

усердствует, плоть немощна. Поразительно, как самые незначительные вещи могут влиять на наше состояние духа, поэтому необходимо устранить эти бессмысленные причины неудобства. И это волнует не только нас: достаточно вспомнить случай, который произошел со Смитом Сиднеем. «Я не выношу, – сказал он, – быть пленником кафедры, когда только одна голова моя видна. Я люблю смотреть вниз на своих прихожан – потрясать их своей проповедью. Меня называют потрясающим проповедником, потому что я люблю, чтобы руки мои были свободными и люблю стучать по кафедре. Только один раз я потерпел неудачу, когда попросил подложить мне под ноги несколько подушечек. Текстом для своей проповеди я взял 2 Кор.4:8-9: «Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся: мы гонимы, но не оставлены: низлагаемы, но не погибаем». Как только я произнес эти слова и хотел пояснить их, – мне нравилось иллюстрировать их и совершенно не так, как я собирался, – мое сооружение из подушечек вдруг развалилось: я упал и едва удержался, чтобы не свалиться на руки прихожан, которые, должен сказать, повели себя с достоинством и пришли в себя гораздо быстрее, чем я ожидал.

Но вернемся к нашей теме, и я еще раз повторю свое убеждение, что закрытые со всех сторон кафедры приводят к тому, что наши проповедники, когда выходят из своих клеток и движения их ничем не стеснены, не знают, что делать со своими руками и ногами, чувствуют себя неловко и незащищено и потому принимают смешные позы. Привыкнув считать себя «одушевленным бюстом», человек чувствует себя страшно высоким, когда появляется перед людьми во весь свой рост.

Нет никакого сомнения, что страх делает многих неловкими. Ни внешность человека, ни его кафедра, ни волнение не делают из него такого посмешища. Для некоторых надо проявить большое мужество, чтобы стоять перед людьми, и сущее наказание – говорить им; и неудивительно, что их поведение неестественно, потому что дрожь пробирает их с головы до ног. Каждый нерв их напряжен, все тело дрожит от страха. Особенно они не знают, что делать со своими руками, и потому постоянно бессмысленно размахивают ими; если бы они могли привязать их к своему телу, то почувствовали бы большое облегчение. Один священник Церкви Англии, который был сторонником чтения проповеди по бумажке, приводит интересный довод, говоря, что, переворачивая страницы своей проповеди, нервный человек может чем-то занять руки, а не имея ее перед собой, он не знает, что с ними делать. Это худо без добра. Плохо делать то, что не приносит хороших результатов. Для успокоения нервов, однако, должно быть более эффективное средство: проповедник должен стараться преодолевать этот недостаток, а не искать средства скрыть его за внешними движениями. Практика – это сильное средство, но вера в Бога – еще сильнее. Когда проповедник привыкает к людям, он держится непринужденно, потому что спокоен, он чувствует себя, как дома, и совершенно не думает ни о своих руках, ни ногах, ни о других частях тела; он говорит от всего сердца и принимает самые естественные для искреннего и серьезного человека позы, которые и есть самые лучшие для проповедника. Незаученные жесты, когда вы ни секунды не думаете о них, являются самыми лучшими, и самым высшим искусством является не быть искусственным и чувствовать себя свободным, как газель среди гор.

Нелепые позы и жесты иногда связаны с трудностью найти следующее слово. Один американский наблюдатель несколько лет тому назад сказал: «Интересно иногда наблюдать, как разные люди по-разному выходят из одного и того же трудного положения. Калхаун редко не может найти нужного слова, но иногда оно застревает у него в горле, и он произносит его подобно макбетовскому «аминь». В таких случаях он начинает яростно дергать воротник рубашки, запускает свои костлявые пальцы в длинные волосы, пока это слово не вырывается из его горла. Когда Вебстер не может найти слова или путается в предложении, он почти всегда начинает тереть левый глаз третьим пальцем правой руки. Если же это не помогает, то он начинает тереть себе нос согнутым суставом большого пальца. И, как последнее средство, он разводит колени в виде эллипса, затем запускает руки в карманы, наклоняет верхнюю часть тела немного вперед, и тогда нужное слово «вынуждено выскочить». Человеку надо прощать то, что он делает в состоянии сильного

волнения, но лучше было бы, чтобы он научился преодолевать его и таким образом избавился бы от его последствий.

Привычка также играет немаловажную роль в нелепых движениях ораторов, которые так к ним привыкают, что уже не могут обойтись без них. Кручение пуговицы или скрючивание пальцев отнюдь не является неотъемлемой частью ораторского искусства, а скорее аккомпанементом к нему. Аддисон рассказывает в связи с этим очень интересный случай: «Помню, когда я в молодости посещал Вестминстерский Холл, я видел там одного адвоката, который во время своей защитной речи накручивал бечевку на большой палец, и шутники называли ее нитью его речи, потому что без нее он не мог произнести ни слова. Один из его подзащитных, который был скорее шутником, чем умным, как-то украл у него эту бечевку. Но лучше бы он этого не делал, так как из-за такой шутки проиграл свое дело». Кто еще не имеет таких недостатков, пусть будет осторожен, чтобы они не стали привычкой. Но так как это только пустяки и страдают ими лишь немногие и они не вредят проповеднической деятельности, то не стоит обращать на них большого внимания.

Поза проповедника должна быть естественной, но не вульгарной, а грациозной и благопристойной. Он должен избегать особенно тех поз, которые неестественны для ораторов, потому что они мешают органам речи или сжимают его легкие. Он должен руководствоваться здравым смыслом и не затруднять свою речь, наклоняясь над Библией или пюпитром. Иногда это допустимо, когда вы хотите сказать что-то доверительное людям, стоящим внизу, но, как правило, такая поза столь же вредна, как и некрасива. Кто станет сутулиться, когда говорит в гостиной? Как убийственно трудно вести длинный разговор, упираясь грудью о край стола! Стойте прямо, займите твердое положение и говорите, как можно естественнее. Некоторые впадают в другую крайность: они подымают руки вверх, будто обращаются к ангелам или увидели текст Священного Писания на потолке. Это возможно только в редких случаях, когда того требуют обстоятельства, но ни в коем случае не должно стать правилом. Хорошо сказал Джон Уэсли: «Голову не надо держать слишком высоко, ни вытягивать ее вперед, ни опускать на грудь, ни вертеть ее из одной стороны в другую. Ее надо держать прямо и естественно. Но она и не должна оставаться неподвижной, как статуя, или болтаться во все стороны. Чтобы избежать обеих крайностей, ее надо медленно поворачивать, когда надо, то в одну, то в другую сторону или держать ее прямо, смотря в середину аудитории».

Многие сутулятся, переминаются с ноги на ногу или раскачиваются, будто стоят на парапете моста через реку и разговаривают с кем-то внизу на лодке. Мы подымаемся на кафедру не для того, чтобы только покрасоваться на ней, а чтобы делать важное дело, и наша поза должна соответствовать нашей миссии. Уважительное и серьезное отношение к своему делу не выражается в бездеятельности и беззаботности. Говорят, что у греков даже пахари и пастухи, сами того не зная, выглядят грациозно. Я думаю, что то же можно сказать и об итальянцах, потому что когда я видел римлянина или римлянку, неважно чем они занимались, спали ли на ступенях храма, сидели ли на остатках ванн Каракаллы, несли ли ношу на голове или ехали на осле, они всегда выглядели грациозно и могли служить моделью для художника, но это им даже не приходило в голову. Эти колоритные крестьяне никогда не брали уроков пластики и не задумывались, как они выглядят в глазах иностранца: естественность, отсутствие всякой манерности, жеманности и аффектации делают их столь грациозными. Нам глупо подражать грекам и итальянцам, разве только отсутствию у них всякого подражания, но нам следовало бы научиться держаться, как они, столь же свободно и естественно.

Христианину не подобает быть клоуном, а проповеднику – чурбаном. Как сказал Роланд Хилл, он не мог понять, почему у сатаны должны быть самые лучшие манеры, так и я не пойму, почему у него должны быть самые лучшие ораторы!

Но оставим позу и поговорим более подробно о движениях во время проповеди. Это также второстепенная, но все же важная вещь. Во-первых, они никогда не должны быть чрезмерными. Здесь физические упражнения мало чем помогут. Мы не можем судить о

степени чрезмерности, потому что у разных людей она разная, – что для одного чрезмерно, то для другого может быть нормальным и естественным. Жестикуляция людей одной национальности отличается от жестикуляции людей других национальностей. По сравнению с французами, англичане разговаривают между собой спокойно и сдержанно. Посмотрите на наших французских соседей: они говорят, как заведенная машина, поводят плечами и страшно жестикулируют. Поэтому французскому проповеднику можно проповедовать более эмоционально, чем английскому, потому что француз всегда говорит эмоционально. Я не уверен, что так считают и французские богословы, но если это действительно так, то это объясняется их национальным характером и привычкой. Если же вы и я начнем разговаривать, как парижане, то будем выглядеть смешными, так и если начнем неистово жестикулировать на кафедре, то вызовем усмешку у наших слушателей, потому что, как говорит Аддисон, английские ораторы меньше жестикулируют, чем ораторы других национальностей. Так и разные люди: одни жестикулируют больше, чем другие, и если они делают это естественно, то едва ли их можно порицать за это.

Например, мы не можем осуждать Джона Гафа за его неистовую жестикуляцию и хождение во время проповеди, потому что без них он бы не был Гафом. Поразительно, сколько миль он проделывает во время одной своей проповеди! Разве мы не видели, как он взбирался на вулкан в погоне за одним пузырьком газа? Как нам было жаль его, когда он ступал по раскаленной лаве! Потом он мчался в другой конец сцены Экстер Холла и хватал стакан воды, но задерживался только на секунду и снова мчался назад, приводя в замешательство сдержанных братьев в первом ряду. Однако позволить себе это мог только Джон Гаф, но если вы – Джон Смит или Джон Браун – начнете так метаться по кафедре, то будете подобны вечному жиду или белому медведю в зоологическом саду, который ходит взад и вперед по своей клетке. Говорят, что Мартин Лютер так сильно стучал кулаком по кафедре, что однажды разбил доску, я думаю, в три дюйма, когда критиковал какой-то текст. Очевидно, это легенда, потому что едва ли эти нежные руки, которые так изумительно играли на гитаре, могли быть такими грубыми, но если рука человека выражает его характер, то в это можно поверить, потому что Лютер изумительным образом сочетал в себе силу и мягкость. Лютер отличался тонкостью и чувствительностью, и сила его духа только увеличивала, а не ослабляла их. Совсем не трудно поверить, что он мог разбить доску пополам, если вспомнить, с какой силой он крушил римского папу. И мы можем поверить, что руки его были мягкими и нежными, когда они касались струн гитары, даже Давид прекрасно играл на арфе, и этими же руками сломал стальной лук. Говорят, что Джон Нокс был таким хилым, что перед тем, как подняться на кафедру, боялись, что он вот-вот упадет в обморок, но когда он уже стоял на ней, то казалось, что он разобьет ее вдребезги. Таким он, очевидно, был в тот период, когда протестанты боролись за свое существование, что приводило в бешенство папу и его священнослужителей и диавола с его ангелами. Однако я не думаю, что Меланхтон считал нужным быть таким неистовым, как и Кальвин не крушил таким образом своих противников. Во всяком случае не надо вам разбивать кулаком трехдюймовую лоску, потому что в ней могут быть гвозди, как и не надо разбивать в куски кафедру, потому что можете остаться без нее. Взывайте к совести людей и крушите их каменные сердца силой Духа Святого, но для этого надо иметь духовную силу: физическая сила – это не сила Божия в спасении людей.

Очень легко перестараться и выглядеть смешным. Д-р Джонсон очень хорошо понимал эту опасность и потому запретил всякие движения во время проповеди и высоко ценил д-ра Уоттса за то, что «он не подкреплял свое красноречие никакой жестикуляцией, так как никакие движения не соответствуют богословской истине, он не считал, что они могут усилить ее». Едва ли можно согласиться с этим замечанием, но если выбирать между двумя крайностями, то лучше уж проповеднику стоять неподвижно на кафедре, чем слишком сильно жестикулировать. Я думаю, что Нафан совершенно спокойно говорил свою притчу Давиду, и только перед тем как сказать: «Ты – тот человек», он грозно посмотрел на царя. А вот молодые проповедники полагают, что пророк большими шагами дошел до середины

комнаты, выставил правую ногу вперед, ткнул пальцем, как пистолетом, в глаза царя и, громко топнув ногой, закричал: «Ты – ТОТ ЧЕЛОВЕК». Если бы это было так, то думаю, что обвиняемый царь посчитал бы пророка безумным и приказал бы страже выставить его из зала. Нафан слишком серьезно относился к своим словам, чтобы произнести их с таким неистовством: глубокое чувство, как правило, выражается в сдержанности, а не излишестве жестов. Кто переливает из пустого в порожнее, кричит, неистовствует, топает ногами, тот пустослов, но чем больше он знает, что он говорит, тем меньше он будет неистовствовать. Джон Уэсли предъявляет слишком большие требования к проповеднику, когда говорит: «Он никогда не должен ломать свои руки, стучать по кафедре, часто подымать руки выше головы». Но, очевидно, он имел в виду какие-то исключительные случаи. Однако он прав, когда предупреждает своих проповедников: «Не надо постоянно двигать руками, потому что древние называли это болтанием рук».

Совершенно правильно говорит Рассель: «Подлинная страстность никогда не доходит до неистовства и крика. Это сила вдохновения, а не исступления. Она не выражается в крике и ярости, топанье ногами и кривлянии. В самом сильном волнении она всегда ревностна и благородна: она возвышает, она не унижает. Она никогда не опускается до крика, грубости, визга истерического тона, хвастовства и ударов кулаками».

Когда вы считаете необходимым проиллюстрировать свою проповедь, будьте очень осторожны, чтобы не переусердствовать, потому что это может произойти раньше, чем вы то сами заметите. Я слышал, что один молодой проповедник, обращаясь к неверующим, воскликнул: «Увы, вы закрываете свои глаза на свет (и тут он закрыл оба глаза), вы затыкаете уши, чтобы не слышать правды (и здесь он заткнул пальцами оба уха), и вы отворачиваетесь от спасения». – И здесь он повернулся спиной к ним). И неудивительно, что, увидев его стоящим к ним спиной, заткнув уши пальцами, они начали смеяться. Эти жесты, может быть, и были иллюстративны, но проповедник здесь переусердствовал и лучше бы их вообще не делал. Сильная жестикуляция, даже если и нравится кому-то, в большинстве случаев вызывает только смех. Когда Берк, выступая в палате общин, бросил об пол кинжал, чтобы показать, что англичане куют мечи против своих соотечественников, его жест, как мне кажется, был здесь впечатляющим и уместным, и все же Шеридан сказал: «Джентльмен принес нам нож, а где же вилка?» И Гильрей зло изобразил его в карикатурном виде. Умеренность жестов менее опасна, чем их излишество. Поэтому будьте осторожны; если вы чувствуете, что ваши жесты во время проповеди слишком уж энергичны, то умерьте свой пыл. Меньше размахивайте руками, более милосердно стучите по Библии и вообще говорите более спокойно.

Может быть, человек ближе всего к золотой середине, когда его жесты не вызывают ни похвалы, ни порицания, потому что они так гармонично сочетаются с его речью, что не привлекают к себе особого внимания. Жест, который бросается в глаза, неуместен и излишен. Г-н Холл провел как-то вечер с Жанной Мор, и его суждение о ее манерах может послужить критикой манерности проповедников. «Ее манеры были настолько совершенны, что ничем не поражали. Манеры, которые поражают, – это плохие манеры. Она настоящая леди, она избегает всякой эксцентричности, которая является манерностью».

Далее, жест должен быть выразительным и соответствовать словам. Мы не можем в полной мере выразить жестом то, что выражаем словами, но иногда жест может быть сильнее слова. Открыть с возмущением дверь и указать на нее пальцем имеет не меньшую силу, чем слово «выйдите!» Отказ подать руку тому, кто вам протягивает свою, – это очень сильное выражение неприязни и, может быть, вызывает более сильное огорчение, чем самые слова. Просьбу молчать можно передать, приложив палец к губам. Кивок головы выражает сильное осуждение. Поднятые брови выражают сильное удивление, и каждая часть лица может красноречиво выразить радость или огорчение. А сколько разных чувств можно вложить в пожатие плечами! И так как поза и жест имеет большую силу, мы должны стараться, чтобы они выражали то, что мы думаем. Так, никогда не подражайте знаменитому греку, который воскликнул: «О небеса!» – и показал пальцем на землю. И не выражайте

свою слабость, стуча по пюпитру. Нервные ораторы попусту размахивают руками или ломают их, когда говорят о радостях веры, или конвульсивно хватаются за кафедру, когда уговаривают верующего не держаться крепко земных вещей. Даже менее нервным братьям не всегда удается достичь того, чтобы их жесты соответствовали их словам. А некоторые угрожают кулаком именно тем, кого они хотят утешить. Никто среди вас, надеюсь, не станет ломать себе руки, говоря: «Евангелие не ограничивается отдельными людьми. Его дух щедр и всеобъятен. Он раскрывает свои объятия людям всех категорий и национальностей», как и не станете же вы вытягивать руки и кричать: «Братья, соберите все свои силы, как командир собирает свои войска под царским знаменем в день битвы». Итак, помните, что жесты должны соответствовать словам.

Жест и тон могут иногда совершенно не соответствовать словам. Абба Муллуа вспоминает случай, когда один злой шутник, услышав, каким ласковым тоном проповедник произнес те ужасные слова: «Идите, проклятые», – обратился к своему товарищу и сказал, «Поди сюда, мой мальчик, дай мне обнять тебя – ведь именно это имел в виду пастор». Это плохая шутка, но, к сожалению, не единственная. Как много силы теряют слова Священного Писания из-за неправильного их произнесения проповедником! Ужасны слова, которые этот французский проповедник произнес в совершенно не соответствующей им манере, и я особенно это почувствовал, когда через некоторое время услышал их из уст одного безумца, вообразившего себя пророком, который совершенно серьезно изверг это проклятие на меня и моих прихожан. «Идите, проклятые!» – Как раскаты грома, сорвались они с его уст, и последнее слово, казалось, пронзило саму душу, когда этот фанатик с пылающими глазами и вытянутой рукой бросил его в собрание.

Много, ох, как много проповедников, по-видимому, брали уроки у Бендиго или другого профессора по искусству самообороны, потому что они сжимают кулаки, будто готовы броситься в бой. Как ужасно видеть братьев, проповедующих Евангелие мира таким воинственным тоном или всепрощающего Христа, угрожая кулаком.

Смешно смотреть, как они становятся в позу и говорят: «Придите ко мне Мне, – и, размахивая затем кулаками, продолжают: и Я успокою вас». Господа, меня нисколько не удивляет, что вы смеетесь сейчас над этими глупыми случаями, но лучше смейтесь здесь, чтобы потом над вами не посмеялись ваши слушатели. Не думайте, что я что-то выдумал, и боюсь, что мне придется еще не раз увидеть такие нелепости. Эти неуклюжие руки, если научиться ими управлять, могут стать лучшими союзниками. Мы можем разговаривать ими, как нашим языком, и извлекать из них молчаливую музыку, которая сделает наши слова еще более привлекательными. Если вы не читали книгу «Рука» сэра Чарльза Белля, то я советую вам обязательно прочесть ее и обратить особое внимание на следующий отрывок:

«Мы не должны упускать случая говорить руками, как инструментом выражения наших мыслей. Об этом были написаны диссертации. И лучшим примером могут нам служить великие художники, потому что положением рук по отношению к телу они выражают все чувства человека. Кто, например станет отрицать красноречие рук Магдалины на картинках Гвидо Рени, или их выражение на полотнах Рафаэля, или в «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи? Мы видим там выражение всего, что, как говорит Квинтилиан, может выразить рука. «Потому что все другие части тела, – говорит он, – «помогают оратору, но руки, смею сказать, говорят сами. Ими мы просим, мы обещаем, мы призываем, мы прогоняем, мы угрожаем, мы умоляем, мы осуждаем, мы выражаем страх, радость, скорбь, наши сомнения, наше согласие, наше раскаяние, ими мы показываем воздержание и изобилие, время и число».

Лицо, особенно глаза, играют также важную роль во время проповедования. Очень жаль, когда проповедники не могут смотреть на своих слушателей. Странно слушать их, когда они обращаются к людям, которых не видят. Они призывают их надеяться на распятого Иисуса! А где же в это время грешники? Глаза проповедника обращены в свою Библию или на потолок или в пустое пространство. Я считаю, что вы должны смотреть на людей, когда начинаете наставлять их. В одних местах проповеди возвышенность доктрины

требует от вас смотреть вверх, в других вы можете смотреть, куда хотите, но когда вы обращаетесь к людям, вы должны смотреть только на них. Кто этого не делает, очень много теряет. Когда д-р Уэйленд был болен, он написал:

«Я не знаю, когда я выздоровею. Но если мне будет разрешено снова проповедовать, то я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы научиться проповедовать людям, прямо глядя им в лицо, а не смотреть на лежащую передо мной написанную проповедь».

Правильные поза и жест не менее важны, чем правильное положение всех частей тела, потому что в одном случае необходимо движение головы, в другом – рук, в третьих – только туловища. Квинтилиан говорит: «Все части тела должны выражать жесты. И от движения всего тела во многом зависит успех произнесенной речи, и настолько, что, по мнению Цицерона, большего можно достичь движением тела, чем самих рук. В одном из своих трактатов по риторике он говорит: «Ни движение пальцев, ни опускание их соответственно нужной модуляции голоса не сделают того, что сделает движение всего тела и наклон туловища».

Я мог бы привести еще много примеров правильной, по моему мнению, манеры говорить проповеди, но думаю, я уже достаточно сказал. Пусть жест соответствует словам и будет своего рода постоянным комментарием и практическим толкованием того, что вы говорите. Здесь я должен остановится и надеюсь продолжить эту тему в следующей лекции. Но понимая, что многие могут посчитать ее не столь важной, я все же приведу еще один пример и сошлюсь на великих художников, которые не упускают ни малейшей детали: и этим я хочу сказать, что если они обращают такое внимание на мелочи, то мы должны придавать им еще большее значение. Марвиль как-то сказал: «Когда я был в Риме, я часто видел Клода, которому в то время покровительствовали самые знаменитые люди города. Я часто встречал его на берегу Тибра или в окрестностях Рима среди величественных древних руин. Он уже был старым человеком, но я часто видел, как он возвращался с прогулок с полным платком мха, цветов, камушек т.д., чтобы рассмотреть их дома с тем огромным вниманием, которое и позволило ему так точно изображать природу. Как-то я спросил его, каким образом достиг он такого превосходства среди даже итальянских художников. «Я не жалею сил даже на самые мельчайшие пустяки», – был скромный ответ этого величайшего гения».

Глава 20

МАНЕРА, ПОЗА И ЖЕСТЫ

(Лекция вторая)

Теперь поговорим о третьем правиле. Как помните, мы сказали, что, во-первых, жесты не должны быть чрезмерными и, во-вторых, они должны соответствовать словам. А теперь, в-третьих, манеры и жесты никогда не должны быть карикатурными. Это всем ясно, и я приведу только несколько примеров, чтобы предостеречь вас от таких и подобных случаев. Во все века, по-видимому, в абсурдных жестах не было недостатка, и я даже нашел целый их список у одного древнего автора, некоторые из которых надеюсь, уже исчезли, но многие описаны им так ярко, что, видимо, являются карикатурой на подлинные факты. Он пишет: «Одни держат голову неподвижно, наклонив ее в одну сторону, будто вместо головы у них рог, другие так страшно таращат глаза, будто хотят нагнать на всех страх, одни, разговаривая, так кривят рот и двигают подбородком, будто все время грызут орехи, другие, подобно вероотступнику Юлиану, дышат злобой и всем своим видом выражают презрение и высокомерие. Иные, как бы персонифицируя собой вымышленных героев из трагедии, широко разевают рот и втягивают челюсти, будто хотят проглотить всех и каждого, а когда они неистовствуют от ярости, то, брызжа слюной, подобно Сатурну, грозно сводят брови и яростно таращат глаза. Одни, как бы играя в какую-то игру, постоянно двигают пальцами и, сильно размахивая руками, пытаются изобразить, посмею сказать, все математические фигуры; другие, наоборот, так сильно напрягают руки, что могли бы с легкостью перебрасывать деревянные балки. Многие так работают локтями, что можно подумать, они когда-то сами были сапожниками или жили только в их среде. Одни так раскачиваются, что кажется, они говорят из шлюпки; другие же, наоборот, так скованы в своих движениях, что можно подумать, они не люди, а размалеванные под людей мешки с паклей. Я видел, как некоторые прыгали по сцене и такое выделывали ногами, что, как сказал поэт, выражали свой ум ногами. Но не перечислить всех этих глупых жестов и абсурдных манер произносить речи». Этот список мог бы удовлетворить самого ненасытного коллекционера, собирающего примеры для комнаты ужасов, но это только половина того, что в наше время может увидеть тот, кто посещает разные собрания. Как нет, по-видимому, предела озорству детей, так нет, очевидно, предела несуразным жестам ораторов. Даже самые лучшие иногда не могут их избежать.

Первый вид карикатурных движений можно назвать окостенелостью, и это бывает очень часто. Окованные страхом, такие люди не могут согнуть ни своего туловища, ни суставов. Руки и ноги их двигаются, как на шарнирах, и сделаны будто из очень твердого металла, или неподвижны, как у деревянной куклы – они не могут ни поднять их вверх, ни опустить вниз. Все движения таких братьев угловатые, резкие, машинальные. Я не стану копировать их позы и движения, боясь, чтобы вы не подумали, что я изображаю карикатуру на наших достойных северных проповедников, и тем более, что я глубоко их уважаю. Но я думаю, что эти замечательные люди сами хорошо понимают, что их ноги не должны быть похожи на козлы или огромные щипцы, а руки – на кочергу, когда они подымают и опускают их, как плохо смазанная машина, а не живой организм. Конечно, физические упражнения могут помочь исправить этот недостаток, который у некоторых проповедников стал уже почти уродством. Выступая на сцене Экстер Холла, некоторые скованные в своих движениях господа становятся не только моделью для карикатуристов, но, к сожалению, отвлекают из-за этого внимание слушателей от своих столь замечательных проповедей. Иногда мы слышим больше критики по поводу манер проповедников, чем хвалебных слов об их замечательных проповедях. «Не надо обращать внимания на такие пустяки», сказал наш

друг Филон. Но люди замечают такие пустяки, и потому лучше, чтобы их не было. Может быть, некоторые будут считать всю эту лекцию не заслуживающей их внимания и отдающей сомнительным юмором, но я думаю, что я прав, потому что, хотя я и не придаю такого большого значения манерам, как Демосфен, который считал их самыми главными в ораторском искусстве, все же хорошая речь, несомненно, много теряет из-за плохих манер оратора. И потому, если я хоть в какой-то мере могу исправить этот недостаток, то буду всегда прислушиваться к критике моих более строгих братьев. Я говорю об этом недостатке совершенно серьезно, как бы шутливы ни показались мои замечания, потому что считаю, что самым верным средством исправить его – это легкая шутка, и я совершенно не согласен с теми,

«Кто думает, что всякая добродетель требует серьезности,
А улыбка – это признак греховности».

Второй вид карикатурных жестов и движений не очень отличается от первого, и его лучше всего определить как автоматичность. Люди в этом случае двигаются так, будто они не живые существа, обладающие волей и интеллектом, а автоматы, созданные выполнять движения в точно определенные интервалы. За нашим храмом стоит небольшой дом, на крышу которого хозяин водрузил своего рода флюгер в виде маленького солдатика, с важным видом подымающего то одну, то другую руку. Глядя на него, я часто смеялся, всегда вспоминая игрушку, где человечек попеременно двигает руками или непрестанно поднимает вверх и вниз одну руку, будто она приводится в движение ветром или часовым механизмом. Вверх – вниз, вверх – вниз подымается и опускается его рука, не поворачиваясь ни влево, ни вправо и ни в какую другую сторону, а только вверх и вниз. Она не делает никаких других движений, а только подымается и опускается. Само по себе движение не раздражает, но оно становится невыносимым, если остается постоянно одним и тем же. В своем трактате жестах и манерах оратора Людовик Кресоллий (1620) так пишет об одном образованном и утонченном парижском проповеднике, который возмутил его своими утомительно монотонными движениями: «Когда он поворачивался влево, то произносил несколько слов, сопровождая их сдержанным движением руки, затем поворачивался вправо и делал то же самое, потом снова поворачивался влево, затем – вправо, и все это он проделывал с определенными интервалами. Его можно было сравнить только с безмозглым вавилонским ослом, который идет вперед и назад по одной и той же дороге. Это было настолько отвратительным зрелищем, что я закрыл глаза, но даже и тогда не мог отделаться от неприятного впечатления, которое вызвала у меня такая манера говорить этого проповедника».

Обычным стилем в палате общин, насколько я могу судить по публичным выступлениям, является сгибание и разгибание спины и руки: член парламента, кланяющийся спикеру и почетному собранию, похож на официанта в ресторане, когда он получает заказ на изысканный обед. «Да, сэр. Да, сэр!» – говорит он и кланяется между каждым восклицанием. Забавный стишок с его короткими строками всегда напоминает мне многих таких парламентских ораторов:

«Г-н Та-та-та!
Не бейте Своими аргументами прямо
По шляпе другого человека».

Это очень похоже на так называемый стиль «ручки насоса». Его очень часто можно наблюдать, и состоит он в многократном дерганье руки с целью, очевидно, усиления акцента, но на самом деле ничего не достигающего. Такие ораторы напоминают нам загадку Мура «почему насос похож на лорда Каслрея?»

«Потому что это небольшая деревянная вещь,
Которая неуклюже подымает ручку
И невозмутимо качает, и качает, и качает
Целую неделю тонкую, нескончаемую струю воды».

Иногда можно наблюдать пилообразные движения, когда рука как бы поочередно вытягивается и сокращается. Это движение достигает предела, когда оратор опирается на перила загородки или край кафедры и сверху «пилит» своих слушателей, подобно верхнему из двух пильщиков, распиливающих кусок дерева. Интересно, сколько досок напилил бы человек за то время, если бы вместо воздуха пилил дерево. Мы все очень благодарны таким пильщикам, но думаем, они чувствовали бы себя свободнее, если бы отказались от своих пил. То же самое можно сказать и о наших проповедниках, которые, подобно молотобойцам, непрестанно так бьют кулаком по кафедре, что Библия их распадается на части, и пыль летит из церковных подушечек. О таких проповедниках можно сказать словами поэта, что они,

«Бьют по кафедре, как по барабану,
Но не палочкой, а кулаком».

Они только бьют, бьют, бьют, как молотом, по кафедре, без всякого смысла и причины, независимо от темы своей проповеди и всегда одинаково. Я не скажу, что они бьют кулаком от злости, но все же они бьют, всегда делают это яростно. Они говорят о благотворном влиянии майской грозы и нежной заботливой любви ударами кулака, своими непрестанными ударами по кафедре они хотят, чтобы почувствовали красоту и прелесть темы их проповеди.

Некоторые из них даже не понимают, что делают, и это становится невыносимым. Людям нравится слушать и смотреть на проповедника, который громко стучит по кафедре, когда это надо, но мы говорим здесь о тех, кто редко или никогда не делает этого с целью, а просто потому, что это их манера.

Если уж надо стукнуть по кафедре, то это должно делаться всерьез, и для этого не надо постоянно колотить по ней руками. Есть много других путей стать хорошим проповедником, чем подражать такому, о котором его регент хора сказал, что он «вывернул внутренности из одной Библии и принялся за другую». В некоторых старолатинских сборниках проповедей даются на полях рекомендации проповеднику потрясать крестом и бить кулаком по кафедре, как сам сатана! Таким образом он должен был собраться с мыслями, но что стоят таким образом собранные мысли? По-видимому, некоторые читали эти сборники, и им понравились их рекомендации.

Другой вид гротеска произнесения проповеди – это чрезмерная старательность. Для некоторых братьев произнесение проповеди требует огромных физических усилий. Они столько сил вкладывают, чтобы подняться на кафедру, что долго не могут отдышаться, будто таскали камни на гору. Они начинают говорить проповедь с твердым намерением взять ее приступом и преодолеть все препятствия, для них «царство Небесное силой берется» совсем в другом смысле, чем это предполагается в Священном Писании. «Ну, как преуспевает ваш проповедник?», – «О,- ответил тот. – Он действительно преуспевает, потому что набрасывается на грех, как на осла, которого бьет палкой». Бросаться в бой – это прекрасно, но не в буквальном же смысле, Когда я как-то услышал, что один такой неистовый брат снял свой воротничок и галстук, потому что было очень жарко, и даже дошел до того, что снял рясу, я представил себе атлета на ринге, потому что он, по-видимому, считал проповедь боем или соревнованием по борьбе. Один мой такой знакомый ирландский громовержец разбил стул во время своей обличительной речи против папизма, и я боялся, что он разломает и стол. А один знаменитый актер, который обратился в христианство и в конце жизни стал проповедовать, постоянно бил палкой по столу или полу, когда вдохновлялся своей проповедью. Мне хотелось закрыть уши, чтобы не слышать треска от ударов его палки,

когда он входил в раж. Какая была особая польза от этого шума, я не могу сказать, потому что мы не спали, и голос его был достаточно громким, чтобы нам уснуть. Однако никто не обращал внимания на такую манеру этого замечательного проповедника, потому что она полностью соответствовала «неистовству» его чистосердечной восторженности, но никто из нас не хотел бы постоянно слышать этот шум.

Чрезмерная старательность часто восходит к прошлой профессии проповедника. Как старый охотник не может забыть охотничьих собак, так проповедник не может отделаться от привычек своего прежнего занятия. Один брат, который в прошлом был колесным мастером, проповедовал всегда так, будто он делал колеса.

Если вы знаете искусство делать колеса, то увидите почти все его процессы, которые брат иллюстрирует во время своих замечательных проповедей. В другом проповеднике вы сразу же увидите бывшего инженера, в третьем – бондаря, в четвертом – бакалейщика с его весами. Брат, который раньше был мясником, конечно же, покажет нам на развитии своей проповеди, как убивать вола. Когда я слушал его проповедь, которая с каждым словом становилась все сильнее и убедительней, я представлял себе всю его работу мясника: вот он берет мясной резак, а вон идет жирный бык, и вот падает призовой вол. Однако все эти признаки прошлых профессий не следует сильно осуждать, потому что они более терпимы, чем непростительная неловкость тех, кто с юности проводил время в учебных аудиториях. Они иногда трудятся так же старательно, но пользы от них меньше. Они говорят на ветер и тратят много сил на ничто. Господа из университетов более сдержанны в своих движениях, чем обычные люди: может быть, их образование лишило их уверенности и сделало более суетливыми и неловкими.

Иногда мне кажется, что некоторые проповедники воображают, что они выбивают ковры или рубят ветки, мелят фарш, бьют масло или «горькими слезами обливаются». О, если бы они могли посмотреть на себя глазами других, то перестали бы вытворять такие вещи перед своими слушателями. И все же я предпочитаю энергичную, живую манеру более непринужденной и даже величественной манере некоторых хладнокровных ораторов. Один, страшно довольный собой, потирает руки, «Умывая руки невидимым мылом В невидимой воде», и произносит в это время сущие банальности с изысканными манерами ораторов, выступающим в Роберт или Чамерс Холле. Другой останавливается и с важным видом оглядывается вокруг, будто он сообщил что-то очень важное высокочтимому собранию людей, которые, естественно, должны прийти в большое волнение и выразить полную готовность выполнять свой долг. На самом же деле ничего значительного он не сказал, но его вид, чувство своего собственного авторитета и сам тон его показывают, что он очень собой доволен. Это не чрезмерная старательность, а полная ей противоположность, и тем более она требует порицания. Некоторые наивные люди, несомненно, обманываются, когда воображают, что человек должен говорить очень важные вещи, если манеры его столь напыщенны. Но разумным людям они кажутся сначала смешными, а потом отвратительными. Одним из больших достоинств нашего колледжа является то, что добродушная критика всех наших студентов помогает спасти такого брата от этого порока. Многие болтуны избавились от него, благодаря вашим дружеским стараниям, и, надеюсь, что они никогда больше не будут так манерничать. Некоторым священнослужителям всех церквей вы оказали огромную помощь своей добродушной, иногда очень строгой критикой, чтобы их манера говорить проповедь была на должной высоте. Я хотел бы, чтобы каждый проповедник, не подвергшийся вашей мучительной критике, нашел себе друга, который бы указал ему на такие его недостатки, если, сам того не осознавая, он их имеет.

Но здесь нам надо не забыть сказать еще об одном виде чрезмерного старания, когда проповедник находится в постоянном движении, подымает палец, двигает рукой или при каждом слове стучит кулаком по столу. Он ни минуту не стоит спокойно. Каждое слово он сопровождает жестом, так что непонятно, что имеет первостепенное, а что второстепенное значение в его проповеди. Такой брат отвлекает внимание слушателей от своих слов на свои движения: зрение фактически уводит мысли от слуха, и потому сама цель проповеди

пропадает. Эти постоянные движения действуют на нервы некоторых слушателей, вызывая у них волнение и тревогу, и неудивительно, ибо кто может выдержать постоянное хлопанье по столу, тыканье пальцами и размахивание руками? В движении, как и во всем остальном, «кротость ваша да будет известна всем человекам».

Итак, я рассказал о трех видах гротеска – скованности, автоматичности и чрезмерной старательности – и также немного коснулся ленивой величавости. И остановлюсь еще на двух. Во-первых, это воинственность, которая также граничит с гротеском, и потому ее можно отнести к этой категории. Иногда создается впечатление, что некоторые проповедники превращают свои проповеди в смертный бой за веру. Они становятся в оборонительную позу и либо ожидают нападения воображаемого врага, либо сами готовы со всей решительностью напасть на невидимого противника. Они не могли бы иметь более свирепого вида, если бы командовали кавалерийским полком, ни более самодовольного в конце каждой части проповеди, если бы одержали победу в сражении при Ватерлоо. Они поворачивают голову в одну сторону с таким победоносным видом, как будто говорят: «Я поразил того врага, и больше вы о нем не услышите».

И последний вид гротеска, который я отнес бы к этой категории, – это несвоевременность. В этом случае жест не соответствует слову, он несколько запаздывает, и вы не можете сразу понять, о чем идет речь, пока, наконец, вам не становится ясным, что этот жест относится к тому, что было сказано несколько секунд тому назад. Создается очень странная картина. И даже поняв, что происходит, впечатление все равно остается неприятным.

Еще одну категорию неподобающей манеры говорить проповедь можно, мягко говоря, назвать уродством, особенно, когда проповедник стоит на возвышении и, держась за перила загородки, так низко перегибается через нее, что почти касается пола. Такой наклон туловища необходим для начала гимнастических упражнений, но как аккомпанемент красноречия он просто чудовищен: однако я не раз наблюдал такую картину. Я не нахожу слов даже описать, насколько это уродливо и совершенно не нужно. Это надо только видеть! Однако некоторые братья считают, что такая поза очень внушительна и производит сильное впечатление, но лучше бы они последовали примеру Ричарда Уотсона, о котором кто-то сказал: «Он стоял совершенно прямо и все его движения сводились только к легкому движению правой руки и многозначительному кивку головы».

Некоторые братья имеют привычку поводить плечами. Обычно это сутулые люди от природы, или те, которые хотят казаться такими, потому что, когда они собираются сказать что-то очень важное, они подымают плечи, чтобы подчеркнуть важность того, о чем будут говорить. Один прекрасный, недавно почивший проповедник из Бристоля, прежде чем выразить свои мысли, сначала подымал одно плечо, затем другое, становясь похожим на горбуна. Как жаль, что это стало закоренелой привычкой! Как бы хотелось, чтобы от нее поскорее отделались! Квинтилиан говорит: «Некоторые подымают плечи, когда произносят речь, но это совершенно не правильно. Чтобы излечиться от такой привычки, Демосфен становился в очень узкую кафедру, подвесив над плечом копье так, чтобы, если он забывался, когда произносил речь, оно вонзалось в него». Это очень сильное средство, но лучше уж пораниться, если это поможет избавиться от такой вредной привычки. Однажды в одном публичном собрании оратор, который, казалось, чувствовал себя совершенно свободно и уверенно, заложил руки за фалды пиджака, представ, таким образом, в очень странном виде, особенно в глазах тех, кто смотрел на него сбоку. По мере того, как он воодушевился своей речью, он так часто подымал фалды, что напоминал зрителям трясогузку. И достаточно один раз увидеть такую картину, чтобы убедиться, насколько это смешно и отнюдь не подтверждает торжественности случая, когда за спиной оратора появляется то одна, то другая фалда. Иногда в собраниях можно видеть оратора, который кладет руки на поясницу и выглядит так, будто победил весь мир или терпит безумную боль. Такая поза напоминает скорее Биллинсгейта и его рыбачек, чем говорит о красноречии. Само слово «подбоченившись», как, я полагаю, называется такая поза, предполагает нелепость, а

не величественность. Но еще хуже стоять, заложив руки в карманы брюк, как это делают люди на французских вокзалах, потому что в их карманах ничего нет, а природа не терпит пустоты. Заложить палец на секунду в карман жилетки еще возможно и не предосудительно, но говорить, держа руки в карманах, возмутительно. Надо совершенно презирать своих слушателей и тему своей речи, чтобы позволить себе это делать. Господа, потому что вы – господа, вас не надо об этом предупреждать, потому что вы никогда не станете так поступать. Видеть человека, проповедующего Евангелие, который стоит, заложив руки в карманы, не напомнит вам ни пророка, ни апостола. Некоторые братья могут позволить себе делать это иногда, так как обладают сильным характером, но именно они не должны так поступать, потому что дают плохой пример для подражания более слабым, у которых это превращается в привычку.

Другой вид этой категории, хотя он и не вызывает таких сильных возражений, как первый, я бы назвал «пингвиновским стилем», так как не могу найти другого сравнения. Его можно наблюдать на публичных приемах, когда надо надевать белый жилет, и на собраниях рабочих, когда хозяин выставляет им угощение и должен держать марку «фирмы». Иногда его можно наблюдать и в религиозных собраниях, где проповедник, будучи человеком местного значения, считает себя верховным правителем своих подопечных. Он расстегивает пиджак и закладывает большие пальцы в проймы своей жилетки. Такая поза может быть приемлемой и приличной для кучера или лакея на вечеринке, для членов общества чудаков на их собраниях или для главы семейства, когда он поучает своих детей. Но, как общее правило, для публичного оратора и тем более для проповедника она совершенно не допустима.

К этой же категории относится манера держаться обеими руками за лацканы пиджака, будто это необходимо, чтобы держать себя в руках. Некоторые так крепко хватаются за них и водят по ним руками вниз и вверх, будто хотят загнуть их в новом месте или удлинить воротник. Они так крепко держатся за свой пиджак, как человек, который висит на двух веревках, и удивительно, что пиджак их не трескается сзади по швам. Но это не делает речь оратора ни сильнее, ни яснее, а скорее, он хочет этим сказать: «Я чувствую себя совершенно спокойно и с удовольствием слушаю свой голос».

Чтобы предостеречь вас от многих таких несуразных манер, укажу даже на те, которые встречаются довольно редко. Я вспоминаю одного прекрасного проповедника, который постоянно смотрел на ладонь левой руки, а правой как бы черпал из нее свои мысли. Идеи, иллюстрации, важные моменты – все это, казалось, вырастало из его ладони, как множество цветов, которые он с корнем вырвал и показал людям. Это было ни к чему, потому что он умел прекрасно и без этого выражать свои мысли, но все же видеть его копающимся в своей ладони отнюдь не было приятным.

Не менее нелепо бить себя кулаком по лбу, как будто необходимо стучать в дверь своей головы, чтобы разбудить в ней мысли, или ковырять указательным пальцем левой руки в правой, как бы сверля в ней маленькие дыры.

Также не нужно, хотя и вполне естественно, проводить рукой по лбу, когда трудно найти точное слово, но уж совершенно не нужно в таких случаях чесать себе затылок. Я сам видел, как один проповедник долго чесал свой затылок, и не могу сказать, чтобы его проповедь от этого стала лучше.

Я не могу не сказать еще об одном нелепом жесте, которым очень часто пользуются. Некоторые братья всегда излагают закон, вытянув руку вперед, постоянно двигая ею вверх и вниз в ритм с каждым предложением. Сам по себе этот жест хороший, но только если он не делается слишком монотонно, что, к сожалению, очень редко. Его значение теперь несколько изменилось, и он стал выражать презрение, о чем некоторые братья забывают и постоянно к нему прибегают.

Сейчас, когда я рассказываю вам об этих нелепостях, вы смеетесь, но смотрите, чтобы над вами не посмеялись, если вы будете делать такие же и подобные им движения.

Однако ни одного из этих жестов в отдельности, ни всех их вместе я не считаю столь безобразным, как изысканный стиль, который совершенно не приемлем и отвратителен. Он хуже, даже чем обычная вульгарность, потому что в сущности своей он по-настоящему вульгарный, скрывающийся за аффектацией и претенциозностью. Роланд Холл хорошо описывал этот стиль, который я так презираю, на примере г-на Таплиша, конечно, подробности его имеют пятидесятилетнюю давность, но основная его характеристика остается верной и поныне: «Когда этот оратор первый раз появился на кафедре, его манеры и стиль одежды были крайне изысканны: ни один волосок не торчал на его пустой голове, над которой парикмахер, как видно, хорошо поработал все утро в это воскресенье, пудра лежала на его лице, как снег. Он был так сильно надушен, что благоухал, как африканская вивера, и когда проходил мимо, этот удушающий запах заполнял собой весь чистый воздух. Затем с крайне самодовольным видом он подымался на кафедру, как будто вышел из картонки, где держат «ленты, кружево, помада и духи». И здесь он должен был показать не только элегантность своей одежды, но и изящество манер: своей белой изящной рукой с бриллиантовым кольцом он ловко и искусно развернул сильно надушенный носовой платок, затем поднес к носу флакончик с нюхательной солью, выставляя напоказ свое сверкающее бриллиантовое кольцо. Произведя эти важные манипуляции с носовым платком и флакончиком с нюхательной солью, он затем вынул бинокль, чтобы рассмотреть большую часть слушателей, которых накануне наградил своим вниманием и развлекал пустыми разговорами, и, поймав их взгляд, он одарил их благосклонным взглядом и грациозным кивком головы».

И как освежающе действует после этой утомительной глупой чопорности «деревенская неотесанность». Прав был Цицерон, когда советовал ораторам подражать уж лучше воинам в лагерях или борцам на арене, чем танцорам с их женоподобным изяществом. Мужественность никогда не должна приноситься в жертву элегантности. В нашей семинарии нельзя даже себе представить, чтобы поручить таким чопорным учителям учить христианской истине. Британскому рабочему больше всего нравится мужественность, и он предпочитает слушать тех ораторов, которые говорят от сердца и естественно, да и рабочих всех национальностей можно скорее привлечь пренебрежением к своему внешнему виду, чем фатовством. Аббат Муллуа рассказал историю, которая, надо полагать, не единственная среди множества таких случаев. Проповедник попросил уверовавшего ремесленника, человека своенравного, но искреннего, весьма энергичного и умного, с большим успехом часто выступавшего в клубах своего класса, которого он привел к Богу, рассказать ему, что заставило его, столь когда-то далеко отошедшего от религии, прийти снова к вере.

- Мне это может помочь в моей работе вернуть и других к Богу.

- Не думаю, что это поможет вам, ответил тот, – «потому что, должен сказать вам прямо, вы не производите сильного впечатления.

- Не важно, – сказал проповедник, – мне не впервые слышать это.

- Ладно, тогда слушайте. Могу рассказать вам в нескольких словах, как это произошло. Одна благочестивая женщина надоедала мне, чтобы я прочел вашу книжицу – простите за такое выражение, но в то время я так говорил. Прочитав несколько страниц, я был так поражен, что почувствовал сильное желание увидеть вас». Мне сказали, что вы проповедуете в одной церкви, и я пошел послушать вас. Ваша проповедь произвела на меня впечатление, но, сказать честно, не очень большое, просто никакое. Гораздо больше сделала ваша искореняя, простая, добродушная манера говорить и прежде всего ваши непричесанные волосы, потому что у меня вызывают отвращение те священники, которые причесаны так, будто причесываются у парикмахера. И я сказал себе: «Этот человек забывает о себе ради нас. Поэтому и мы должны сделать что-то ради него». И тогда я решил пойти к вам, и вы покорили меня. Это было начало и конец всей истории.

Некоторые молодые глупые женщины восторгаются молодым человеком, мысли которого сосредоточены главным образом на своей драгоценной персоне, надеюсь, что теперь их становится с каждым днем все меньше; но разумные люди, и особенно здоровые

рабочие в наших больших городах, совершенно не выносят фатовства в проповеднике. Всякий раз, когда вы видите манерность и жеманство, вы сразу же чувствуете барьер между таким человеком и здравомыслящими людьми. Мало кому нравится слушать голос павлина.

Очень жаль, что мы не можем убедить всех быть людьми, потому что в противном случае трудно себе представить их истинными людьми Божиими. И так же жаль, что мы не можем убедить проповедников говорить и жестикулировать, как другие разумные люди, потому что иначе они не завладеют сердцами масс. Все неестественные манеры, тон или одежда становятся преградой между нами и людьми: мы должны говорить с ними, как люди, если хотим завоевать их сердца. Возрождение в Англиканской Церкви пышных одеяний, как и другие более важные причины, явилось шагом в неправильном направлении. Сто лет тому назад такая одежда духовенства привлекала к себе такое же внимание, как и сегодня, но тогда она не имела доктринального значения, а считалась просто фатовством.

Эта страсть к красивым одеяниям привела к глупой чопорности, которую духовенство называло «достоинством» и которым очень гордилось. Главной его заботой была красота одежды и всякие украшательства в сочетании с помпезностью и чопорностью, пока благородные люди не устали от этого бессмысленного представления и не отвернулись от таких ходульных богослужений. Проповедники слишком увлекались своим внешним видом, чтобы думать о пользе, которые они должны принести людям. Они не снисходили до жестов, которые делали их слова несколько более понятными для простых людей, потому что им до них не было дела. Их нисколько не волновало, что они погибали он незнания Слова Божия. Упаси нас, Господь, от такой изысканности манер и чопорности, если они отталкивают массы людей от публичного поклонения Богу.

В наши дни такая отвратительная аффектация встречается значительно реже, но все же она еще существует. Мы знали одного такого проповедника, который не мог проповедовать без лайковых перчаток, и когда, однажды, поднявшись на кафедру, он обнаружил, что забыл их, вернулся за ними назад. Не найдя их на месте, он страшно рассердился и заявил: «Я никогда не проповедую без перчаток. Я не вернусь на кафедру, пока они не найдутся». Я хотел бы, чтобы он никогда не нашел их, потому что ему уместнее стоять скорее за прилавком с мануфактурными товарами, чем на проповеднической кафедре. Проповедник не должен быть ни в чем неряшлив, но именно мужественность чаще, чем женственность, страдает этим пороком: поэтому особенно остерегайтесь этого последнего порока. Каупер говорит: «Я ненавижу всякую аффектацию», – и так должен ненавидеть ее каждый разумный человек. Всякие трюки и сценические эффекты совершенно не допустимы, когда проповедуется слово Божие. Лучше уж небрежная одежда и небрежная речь, простые, естественные манеры, чем клерикальное фатовство, и намного лучше нарушить все правила изысканности, чем быть простым исполнителем, прекрасным актером на религиозной сцене. Двадцать лет тому назад один карикатурист написал на меня карикатуру, назвав меня Серой, и рядом со мной изобразил оратора, назвав его Патокой. И я был очень доволен, потому что совершенно не выношу патоку и всякие другие сладости. Щеголь на кафедре вызывает во мне такое же чувство, какое вызвала Иезавель у Ииуя, увидевшего ее нарумяненное лицо и украшенную голову и крикнувшего: «Выбрось ее!»

Я бы очень не хотел, чтобы мои замечания по поводу карикатурного поведения проповедника заставили хотя бы одного из вас становиться в позу и делать заученные движения: это означало бы из двух зол выбрать худшее.

Мы уже говорили, что Гамильтон брал уроки у профессора риторики, чтобы исправить свой недостаток, но в результате это ни к чему хорошему не привело, и я серьезно опасаюсь, что профессиональные учителя могут принести больше вреда, чем пользы. Может быть, и моя неловкая попытка приведет к тому же результату, но я, по крайней мере, стараюсь предостеречь вас от этого. Не думайте, какие жесты вы станете делать во время проповеди, а научитесь искусству делать все хорошо, совершенно не думая об этом.

И наше последнее правило, которое суммирует все другие, – это быть естественны во всех ваших движениях. Избегайте даже самого намека на зазубренные жесты. Искусство –

это холод, только природа – тепло. Будьте всегда естественны в каждом своем движении, в каждом месте, даже если вас будут считать грубыми и невоспитанными. Все ваши манеры должны быть естественными, а не заученными, ибо подражание изысканности, симуляция чувств, притворство эмоций, подражание манере другого человека проповедовать – все это на практике ложь,

«Потому прочь все театральные движения,
Взгляды, жесты, заученные перед зеркалом».

Наша цель избавить вас от недостатков, но не учить притворству и аффектации; мы обрезаем лишние ветки на дереве, но не придаем ему искусственную форму. Мы хотим, чтобы наши студенты думали, когда они еще учатся в колледже, дабы не пришлось им думать об этом потом. Когда вы вступаете на путь проповеднической жизни, вы должны быть уже во всеоружии. Поэтому будьте внимательны сейчас, научитесь всему здесь и покончите с этим. Вы посланы Богом не расточать улыбки, а завоевывать души людей, ваш Учитель – не учитель танцев, а Святой Дух, и ваша манера говорить проповедь с кафедры не должна отвлекать мыслей слушателей от того, что вы проповедуете; лучше отказаться от самой хорошей манеры, если она мешает им следить за вашей мыслью, в пользу самой худшей, если она этого не делает. Я советую спокойные, приятные, естественные движения, потому что, по крайней мере, они не привлекают к себе внимания. В проповеди все должны быть едино, все должно быть гармонично: мысль, дух, язык, тон и действия должны быть едины и направлены не на достижение собственной славы, а на прославление Господа и на благо людей. Тогда вам не надо будет бояться быть неестественным и, потому что этого не произойдет. Но бойтесь только одного – глупого подражания знаменитому проповеднику, потому что это может повести вас по ложному пути. Действие каждого человека должно соответствовать его личности и характеру. Стиль Голиафа, рост которого шесть футов, не подойдет Коротышке по росту и значению, каким был Закхей среди проповедников; так и величественная манера старого и уважаемого богослова не подойдет молодому Аполлону, едва достигшему двадцати лет. Я слышал, что некоторые молодые конгрегационалисты какое-то время подражали пастору Уэй Хауза, а маленькие Биннеи повсюду копировали великого Фому во всем, кроме его замечательного проповедования. Ходят слухи, что есть два молодых Сперджена, но, надеюсь, что речь идет о моих сыновьях, которые по праву своего рождения носят свое имя. Если кто из вас станет меня копировать, то я буду считать его «жалом в плоти» и отнесу к разряду тех, о которых Павел сказал: «Нас огорчают, а мы терпим».

Однако правильно было замечено, что начинающий должен обязательно какое-то время быть подражателем: художник подражает своему учителю, когда только познает элементы искусства рисования, и, может быть, на всю жизнь остается художником той школы, к которой вначале себя причислил, но когда он становится профессиональным художником, он развивает свою индивидуальность и свой собственный стиль, и очень хорошо, если сначала он подражал своему учителю. То же самое можно сказать об ораторе, и потому если вы и станете подражать кому-нибудь, то заимствуйте у него самое лучшее, когда формируете свой собственный стиль. Берите самое лучшее у других, но оставайтесь самими собой. Рабское подражание присуще обезьяне, но разумный человек подражает только тому, что он считает правильным. И все же никогда не теряйте своей естественной оригинальности, подражая самым лучшим древним и самым почитаемым современным образцам.

И в заключение вот что я скажу вам: пусть моя критика карикатурных поз и движений не преследует вас, когда вы стоите на кафедре – лучше уж делайте их, чем бойтесь, потому что страх вызовет у вас напряжение и неловкость. Не задумывайтесь над ними, когда вы проповедуете, потому что это лучше, чем нервничать. То, что может быть эксцентричным у одного, у вас будет естественным, потому что каждый человек имеет свой собственный

стиль. Посмотрите, как изображен Джон Нокс на знаменитой гравюре. Разве его поза красивая? Скорее всего – нет. Разве она не точно такая, какой должна быть? Разве не все в ней правильно? Разве она не отражает Нокса во всей его силе? Она не подойдет для человека в пятьдесят лет, у большинства проповедников она будет казаться напряженной, но она характерна для этого великого реформатора и соответствует работе всей его жизни. Если вы подумаете об этом человеке, его времени и среде, в которой он жил, тогда его поза покажется вам естественной для героя – проповедника, посланного совершить дело Илии и произнести обличительную речь перед папистским судом, возмущенного реформами, которые суд требовал. Будьте самими собой, каким он был: даже если вы будете выглядеть неловкими и несуразными, будьте самими собой. Ваша одежда, хотя и самая простая, подойдет вам лучше, чем одежда другого, хотя и самая изысканная. Если хотите, подражайте стилю одежды своего учителя, но не надевайте его костюма, довольствуйтесь своим собственным. А самое главное, говорите так содержательно, так ревностно, с такой любовью, чтобы люди не замечали, откуда берете вы слово Божие, потому что, если они почувствуют, что оно исходит прямо с неба, и увидят, что оно прекрасно и изобильно, они не станут обращать внимания, откуда вы его берете и даете им. Пусть, если хотят, будут они говорить, что сами вы слабы, но признают, что ваше свидетельство имеет огромное значение и силу. Взывайте к совести каждого человека перед очами Господа, и тогда редко кто обратит внимание на вашу позу и манеры, какими бы они ни были.

Глава 21

РЕВНОСТНОСТЬ: ЕЕ ОСЛАБЛЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ

Если меня спросят, каким наиболее важным качеством должен обладать проповедник для достижения успеха в приведении людей ко Христу, я отвечу, что это – ревностность. И если меня еще и еще раз будут об этом спрашивать, я не изменю своего ответа, потому что на основании своих личных наблюдений пришел к выводу, что, как правило, настоящий успех пропорционален ревностности проповедника. Как умные, так и недалекие люди преуспевают в этом, только если всем своим сердцем они преданы Богу. Мы знаем знаменитых людей, которые завоевали огромную репутацию, привлекают к себе большое число слушателей, глубоко почитаемы, но тем не менее оказываются очень слабыми «ловцами душ», потому что, как бы ни старались, они остаются только преподавателями или политическими ораторами. И в то же время мы знаем равных им по способностям людей, знание и талант которых не помешали им преуспеть в деле обращения людей к Богу, а наоборот – потому что ревностным и благотворительным применением своих способностей и силою Духа Святого они обратили многих людей на путь истины. Мы также знаем братьев с очень ограниченными способностями, которые – просто тяжкое бремя для Церкви и столь же бесполезны в своей области, как слепые в обсерватории; и в то же время мы хорошо знаем таких же ограниченных, как они, людей, которые своей святой энергией спасли множество людей и привели их к Богу. Мне очень нравится замечание Чейна, который сказал: «Бог благословляет не столько великие таланты людей, сколько истинное следование Христу». Во многих случаях успех проповедника почти во всем связан с пылким рвением, страстной любовью к людям, ревностным усердием в деле Божием, и мы думаем, что в каждом случае, при равных условиях, люди преуспевают на ниве Господней пропорционально силе святой любви, горящей в их сердцах.

Братья, вы и я как проповедники должны быть всегда ревностны в нашей проповеднической деятельности. Здесь мы должны усердствовать так, чтобы достичь наивысшей степени совершенства. Я часто говорю моим братьям, что кафедра – это термоэлемент христианства: там будет одержана или проиграна победа нашей борьбы. Нашей главной задачей как проповедников является сохранение своей ревностности; когда мы проповедуем с кафедры, мы должны завладеть этой духовной сторожевой башней всем своим сердцем и умом, сохраняя бдительность и энергию.

Мы не будем хорошими пастырями, если не будем ревностными проповедниками. Нам простится много грехов в вопросах пасторской работы, если в воскресные дни будем давать людям духовную пищу, и они должны получить ее, ибо ничего другое ее не заменит. Недостатки большинства пастырей связаны с их неумением говорить проповеди. Главная задача капитана – это знать, как управлять своим кораблем: и ничто в этом не компенсирует его незнание. Так что основной нашей задачей является проповедь, иначе мы ничего не достигнем. Собаки часто дерутся из-за недостатка костей, как и наши прихожане часто ссорятся из-за недостатка в духовной пище, которая делает их счастливыми и спокойными. Основанием для недовольства может быть и что-то другое, но в девяти из десяти случаях недостаток в духовной пище является причиной беспорядков в наших церквах. Как и другие животные, люди знают, когда их должны кормить, и обычно после еды они хорошо себя чувствуют. И потому, когда наши слушатели приходят в дом Божий и получают «хлеб насущный», они забывают свои скорби, и сердца их наполняются радостью; но если мы отсылаем их домой голодными, то они сердятся, как медведь, у которого забрали его детенышей.

Итак, чтобы иметь успех у слушателей, мы должны быть особенно ревностными, когда говорим проповедь. Правильно сказал Сесил, что дух и манера проповедника оказывает большее действие, чем то, что он говорит. Иной поднимется на кафедру с безразличным видом бездельника и облокачивается на нее, как будто, наконец, он нашел место для отдыха, – я считаю это недопустимым. Стоять перед людьми и говорить банальные вещи, которые не имеют никакого значения, будто все подходит для проповеди, – это не только роняет достоинство нашего служения, но и кощунственно. Мы должны быть ревностны на кафедре ради нашей пользы, потому что, если будем равнодушны, то не сможем сохранить наше положение вождей в церкви Божией. И более того, ради пользы членов нашей церкви и всех верующих людей мы должны быть энергичными, потому что, если не будем мы ревностными, то и они не будут такими. Неестественно, чтобы реки текли в гору, не часто бывает, чтобы рвение шло снизу, от слушателей, на кафедру, к проповеднику. Но естественно, чтобы оно шло от нас к нашим слушателям: проповедь наша должна пылать огнем, если хотим, чтобы сердца их зажглись и горели. Те, кто приходит в наши собрания, целую неделю тяжело трудятся. Многие из них обременены семейными заботами, своими личными тяготами и приходят в собрание усталыми и равнодушными: мысли их рассеяны. И наша забота – собрать эти мысли и бросить их в печь нашей собственной ревностности, расплавить их огнем божественного созерцания и рвения и вылить в форму истины. Кузнец ничего не сделает, если огонь его не горит, и в этом отношении его можно сравнить с проповедником. Если все светильники во внешнем мире погасли, то светильник, который горит в святилище, не должен гаснуть, потому что для этого огня никогда не должен звучать вечерний звон. Мы должны рассматривать людей, как дрова и жертвенник, много раз пропитанный заботами недели, на который, подобно тому пророку, мы должны просить Бога послать огонь с неба. У равнодушного проповедника и слушатели будут равнодушными. Нельзя ожидать, чтобы служители и члены церкви ехали поездом, если избранный ими пастырь все еще едет в старой телеге. Мы все должны быть похожи на того реформатора, о котором кто-то сказал, что «все в нем горело жизнью, лицо его светилось жизнью, глаза и руки были полны жизнью».

«Чтобы напоить другую душу,
Душа твоя должна переливаться через край,
И чтобы уста говорили,
Сердце должно быть переполнено».

Если мы будем ревностными, то мир будет так же страдать, как церковь. Мы не можем надеяться, чтобы Евангелие, равнодушно проповедуемое, могло иметь сильное воздействие на неверующих, которые нас окружают. Одним из оправданий, спящей совести безбожного поколения, является равнодушие проповедника. Если грешник видит, что проповедник дремлет, клюет носом, когда говорит о грядущем суде, то он думает, что этот суд только снится проповеднику, и считает его просто фантазией. Весь грешный мир находится в опасности из-за равнодушного проповедника, потому что он приходит к такому же выводу, что и отдельный грешник: он сам остается равнодушным, усиливает свою привязанность к временным вещам и считает, что правильно так поступает. А как может быть иначе? Если пророк не отдает своего сердца, когда заявляет, что говорит от имени Бога, что он еще может ожидать, – того, что безбожники будут считать его пророчество пустым словом, а его миссию – просто фарсом.

Послушайте, как проповедовал Уайтфилд, и никогда не позволяйте себе быть хладнокровным, когда проповедуете. Уинтер говорит, что «иногда он так горько плакал и часто так страдал, что несколько секунд вы боялись, что он никогда не очнется: когда же он приходил в себя, то уходило еще какое-то время, пока он успокаивался. Я не помню, чтобы хотя бы во время одной проповеди он не плакал.

Голос его часто прерывался рыданиями, и я слышал, как, стоя на кафедре, он сказал: «Вы порицаете меня за то, что я плачу, но как я могу не плакать, когда вы сами не плачете о себе, хотя ваши бессмертные души стоят на краю гибели, и, насколько я знаю, это ваша последняя проповедь, которую вы слушаете, и, может быть, никогда больше не услышите призыва Христа к Богу?»

Ревностность ваша во время проповеди должна быть естественна. Она не должна быть фальшивой, потому что каждый человек, имея хоть каплю здравого смысла, сразу же увидит, что она притворна. Топать ногами, стучать по столу, потеть, кричать, орать, цитировать патетические места из проповеди других проповедников или лить крокодиловы слезы – еще не значит выражать истинные страдания души и чуткого духа. Самое лучшее произведение искусства – это только искусство: оно может понравиться только тем, кто обращает внимание на внешний вид, но для тех, кто любит правду, оно отвратительно. Какая самонадеянность, какой цинизм – умелым манипулированием голоса имитировать страстность, которая является плодом истинной работы Духа Святого. Пусть остерегаются такие актеры, потому что своими театральными представлениями они грешат против Духа Святого. Мы должны быть ревностны, когда проповедуем, потому что мы ревностны всегда и везде: мы должны гореть ярким пламенем, когда проповедуем, потому что мы всегда горим. Рвение, которое приберегается только для особых случаев, – это газ, который в какой-то момент погубит его обладателя. Ничего, кроме правды, не должно существовать в доме Божием: всякая аффектация – это огонь лжи, и вызывает он гнев Бога Правды. Будьте ревностны, и вы будете казаться ревностными. Горящее пламенем сердце сразу же найдет для своего выражения язык огненный. Имитировать ревностность – это одна из самых отвратительных уловок завоевать популярность: оставим даже мысль об этом. Идите и оставайтесь хладнокровными на кафедре, если сердце ваше холодно. Говорите медленно, протяжным тоном и монотонным голосом, если так вы можете лучше выразить свою душу: даже это будет бесконечно лучше, чем делать из богослужения маскарад, а из себя актера.

Но наша ревностность во время проповедования всегда должна быть направлена на конечный результат: иначе ставится под сомнение наша искренность. Бог не посылает урожая тем, кто не оберегает и не поливает поля, которые он засеял. После окончания проповеди нам надо только забросить сеть, которую мы потом с молитвой и осторожностью вытащим на берег. Я думаю, что лучше всего об этом сказал Уоттс: «Заботьтесь больше всего об успехе вашей ревностности на кафедре. Поливайте посеянные вами семена не только общей, но и тайной молитвой. Непрестанно просите Бога, чтобы ваши труды не пропали даром. Не уподобляйтесь глупому страусу, который оставляет свои яйца на земле и не заботится о них больше, не интересуясь, вылупятся из них его детеныши или нет (Иов.39:24-17). Бог не дал ему разума, но вы не смеете так поступать: трудитесь, старайтесь, молитесь, чтобы ваши проповеди и плоды ваших знаний стали словами Божественной жизни для людей.

«По словам благочестивого Бакстера (которые я прочел в одном из его трудов), он не слышал, чтобы большого успеха достигали самые яркие и замечательные умы или самые превосходные или даже истинно богодухновенные проповедники, если они не заботились об успехе своей проповеднической деятельности. Никогда не забывайте о душах, которые спасаются нашей проповедью или остаются на погибель и осуждены на вечные муки из-за нашей нерадивости. Мы поставлены стражами дому Израилеву, каким был Иезекиль: и если мы не предостережем от надвигающейся опасности, то множество душ погибнет из-за нашего нерадения: и кровь их будет взыскана от рук наших (Иез.3:17 и далее)».

Поэтому мы должны быть всегда на страже и во все времена быть ревностными. Столп света и огня должен быть эмблемой проповедника. Наше служение должно быть убедительным, иначе оно никогда не просветит это бездумное время: и потому наши сердца и все наше естество должны пылать всепоглощающим огнем страсти во славу Божию и на благо людей.

Но, братья мои, к огромному сожалению, надо признать, что зажженная в нас святая ревностность может легко погаснуть, и чаще всего это происходит в одиночестве деревенского прихода, чем в обществе добросердечных христианских братьев. Адам, автор «личных мыслей», как-то заметил: «Бедный деревенский пастырь, борясь с диаволом в своем приходе, имел более благородные идеи, чем Александр Македонский». А я добавлю, что ему потребовалось больше рвения, чем у Александра Македонского, чтобы всегда одерживать победу в своей борьбе. Нам не выстоять в Сонной Пустоте и Дремлющей Стране, если не будем мы постоянно молиться об ежедневном пробуждении.

Однако и городская жизнь таит в себе опасность, и рвение может притупиться из-за многочисленных забот, подобно огню, который рассеивается повсюду, вместо того чтобы сосредоточиться в одном месте. Эти постоянные стуки в дверь, бесконечные посещения праздношатающихся, как ушаты холодной воды, обрушивающиеся на горячую голову, притупляют наше рвение. Мы должны каким-то образом оградить себя от этих вторжений в нашу постоянную жизнь с Богом, иначе мы потеряем свою силу. И крупный город в этом смысле – особенно трудное место.

Рвение также быстрее ослабевает после многолетнего служения в одном и том же месте. Уэсли писал: «Я знаю, что, если бы я целый год проповедовал бы в одном месте, то своими проповедями усыпил бы себя и большинство моих прихожан». Вот что значит многие годы оставаться на одной и той же кафедре! Наш Бог всюду Тот же, Его долготерпение бесконечно, и только Он один может дать нам силы терпеть все до конца. Кто через двадцать лет своего служения среди людей остается еще более живым, чем раньше, обязан только все возрождающему Духу Святому.

Ревностность может, и это очень часто так бывает, ослабевать из-за пренебрежения к знаниям. Если вы сами не изучили глубоко Слово Божие, то не будете проповедовать с ревностностью и состраданием человека, вскормленного на истине, которую он проповедует, и поэтому сильного и страстного. Как говорят авторитеты, ревностность англичанина в битвах зависит от его хорошего питания: если он голоден, то не станет бросаться в бой. Так и мы, если не будем накормлены здоровой евангельской пищей, то не будем энергичными и ревностными. Селден рассказывает, что один старый командир перед сражением под Кадисом обратился к своим солдатам с такой речью: «Какой это будет позор, если вы, англичане, которые питаетесь хорошим мясом и пивом, позволите разбить себя этим мошенникам испанцам, которые едят только апельсины и лимоны». Мне совершенно понятна его философия: он ожидает храбрости и рвения от тех, кого хорошо кормили. Братья, никогда не пренебрегайте духовной пищей, иначе вам не хватит сил и крепости духа. Живите великими доктринами благодати, и вы будете жить и работать лучше, чем те, кто увлекается разглагольствованиями «современной мысли».

Но знание, с другой стороны, может также ослабить рвение, когда мозг получает пищу за счет сердца, и многие, увлекающиеся литературой, ограничиваются писанием статей, вместо того чтобы проповедовать. Один такой проповедник обычно говорил, что Христос был распят прямо на глазах у эллинов, римлян и иудеев. Такого не должно быть, но часто семинаристы собирают дрова, но теряют огонь, который должен зажечь их. Позор нам навеки, если мы будем тушить пламя под костром, вместо того, чтобы поддерживать его. Если мы превратимся в книжных червей, то это будет на радость старого змея и станет нашим несчастьем. В немалой степени истинная ревностность может быть притуплена легкомысленным разговором, особенно с нашими коллегами, в их компании мы позволяем себе больше вольностей, чем в обществе других христиан. Прекрасно чувствовать себя свободно со своими братьями, но если эта свобода переходит границы, то мы скоро видим, что пустой разговор приносит только вред. Веселость – это одно, а легкомыслие – совершенно другое. С серьезным разговором умный человек будет вести свой корабль между темными скалами угрюмости и зыбучими песками легкомыслия.

Замечания коллег после вашей проповеди просто ошарашивают. Вы думаете, что затонули самые каменные сердца, а оказывается, что эти люди остались равнодушными. Вы

горели, а они оставались холодными, как лед; вы старались изо всех сил, а они подсчитывали, сколько секунд вы потратили на проповедь, и были недовольны, если говорили на пять минут дольше положенного, проявляя свою ревностность борясь боролись за спасение потерянных душ. А если холодные люди оказываются начальниками церкви, от которых мы, естественно, ждем самого теплого в себе отношения, то это приводит вас в крайнее уныние, особенно если вы еще молоды и неопытны. Это все равно что зажать ангела льдами. «Не паши на воле и осле вместе», говорит благоразумие, но когда усердный, трудящийся, как вол, проповедник оказывается в одной упряжке с преподавателем, который совсем не вол, то пахать становится очень трудно. Такие ворчливые профессора несут за это большую ответственность. Не так давно один из них подошел к ревностному молодому проповеднику, который старался изо всех сил, и сказал: «Молодой человек, и это вы называете проповедью?» Сам он считал себя истинно верующим, но был жесток и груб, и хотя этот благочестивый молодой человек перенес этот удар, тем не менее это было жестоко. Такие нападки на малых чад Господа, я надеюсь, очень редки, но они очень мучительны и могут оттолкнуть нашу подающую надежду молодежь.

Часто сами слушатели могут остудить ваше рвение. По самому их виду и поведению вы можете видеть, что они совсем не ценят ваши добрые усилия, и это приводит вас в уныние. Эти пустые скамьи также являются большим испытанием, и если молитвенный дом ваш большой, а прихожан мало, то это действует угнетающе. Не каждый может выдержать быть «гласом вопиющего в пустыне». Беспорядок в собрании также угнетающе действует на чувствительных проповедников. Стук женских туфель на деревянной подошве, скрип новых башмаков, частое падение зонтиков или палок, крик маленьких детей и особенно постоянное опоздание половины прихожан – все это раздражает проповедника, отвлекает мысли от темы его проповеди и ослабляет его рвение. Мы не очень любим признаваться, что такие пустяки столь легко выводят нас из равновесия, но это так, и отнюдь не надо этому удивляться. Как драгоценная мазь в банке чаще портится из-за попадания маленькой мушки, так и незначительные вещи чаще притупляют наше рвение, чем самые серьезные неприятности. В большом унынии человек бросается за помощью к Богу и получает божественную силу; однако маленькие пустяки постоянно раздражают и точат его, так или иначе он волнуется и снова приходит в уныние, пока это не приводит к серьезным последствиям.

Простите, если скажу вам, что ваше общее состояние очень зависит от еды, потому что обильная пища нарушает ваше пищеварение и ослабляет ваш дух, когда он должен гореть. Я приведу вам один случай из воспоминаний Дункана Матесона, который будет здесь очень уместен. «В одном месте, где должны были проходить молитвенные собрания, проповедники из мирян, среди которых был и Матесон, были приглашены на пышный обед в дом богатого христианина. После обеда они пошли в собрание. Беседуя, они разошлись во мнении, как лучше провести вечерние служения. «Дух сокрушен: я чувствую, что Его нет здесь», – сказал один из молодых проповедников упавшим голосом, который совсем не соответствовал его настроению во время пышного обеда. «Глупости, – возразил Матесон, который не терпел никаких жалоб и меланхолии, – ничего подобного. Вы просто много поели за обедом, и теперь у вас плохое настроение». Дункан Матесон был совершенно прав, его здравый смысл помог бы тем, кто считает себя сверхрелигиозным и приписывает все свои настроения какой-то сверхъестественной причине, когда реальная причина лежит гораздо ближе. Разве не бывает, что расстройство желудка принимается за порок, а плохое пищеварение – за жестокосердие? Больше я ничего не скажу, умный поймет с одного слова.

Многие физические и психические причины могут притупить нашу ревностность. На некоторых из нас губительное влияние оказывает бессонная ночь, перемена погоды или грубое замечание. Но кто жалуется на отсутствие рвения? Часто самые ревностные люди на свете, и признание в отсутствии жизни само по себе говорит о ее существовании и часто достаточно энергичном. Не будьте к себе слишком требовательны, а будьте довольны собой, но, с другой стороны, не клевещите на себя и не падайте духом. Ваше собственное мнение о вашем состоянии не- многого стоит: спросите об этом Господа, и Он скажет вам.

Долгая, непрестанная работа без видимого успеха также часто охлаждает рвение, хотя, наоборот, она должна семикратно усилить его. Так, Томас Фуллер, например, говорит: «Бог в этом смирил многих усердных пастырей, сделав их дождевыми тучами не над счастливой Аравией, а над Аравией пустынной и каменистой». Если неуспех смиряет нас, то это очень хорошо, но если он расхолаживает нас и особенно если заставляет завидовать более удачливым братьям, то мы должны хорошо призадуматься. Бывает, что мы были усердны и поступали правильно, находимся на своем месте, и все же не добились успеха. Может быть, мы сильно огорчимся и больше уже не имеем сил продолжать нашу работу, но если мы наберемся храбрости и усилим свое рвение, то соберем когда-нибудь богатый урожай, который превзойдет все наши ожидания. «Земледелец ждет драгоценного плода от земли», и со святым, полным рвения терпением мы должны ждать и никогда не сомневаться, что наступит время, когда мы окажемся полезными Сиону.

А также нельзя забывать, что плоть немощна и, естественно, склонна ко сну. Нам необходимо постоянное возобновление божественного импульса, который однажды подвигнул нас на путь служения. Мы не стрелы, достигающие цели, только благодаря силе, которая запустила их из лука, не птицы, которые сами имеют свою собственную побудительную силу, – мы должны двигаться вперед, подобно кораблю, побуждаемые постоянной силой небесного ветра, иначе мы остановимся.

Проповедники, посланные Богом, – не музыкальные шкатулки, которые, раз заведенные, будут играть одни и те же мелодии, но – мы трубы, которые молчат, пока живое дыхание не заставит их издать определенный звук. Мы знаем о немых псах, и все мы можем стать таковыми, если благодать Божия не предотвратит этого. Мы должны быть бдительными, чтобы легкомыслие и равнодушие не овладело нами, иначе мы станем такими бездушными, как сама Лаодикия.

Помните же, дорогие братья, что мы должны быть ревностны, что ревностность нельзя подделать или чем-то заменить, что ее очень легко потерять, и поэтому поговорим немного о том, как сохранить весь наш пыл и еще больше усилить его. Чтобы он никогда не остывал, наша ревностность должна быть зажжена от бессмертного огня, а я знаю только один такой: – это пламя любви Христовой, которое никакая вода погасит. Искра от этого небесного солнца не погаснет, как не погаснет источник, от которого она произошла. Если мы можем получить эту искру, даже если уже имеем ее, мы всегда будем полны рвения, как бы долго мы ни жили, какие бы испытания ни имели и какие бы причины ни заставляли нас пасть духом. Чтобы постоянно иметь рвение о жизни, мы должны прежде всего обладать усердием в своих заботах о небесной жизни. Имеем ли мы этот огонь? Истина должна гореть в наших сердцах, иначе она не будет гореть на наших устах. Понимаем ли мы это? Великие евангельские истины должны быть неотъемлемой частью нашего существа, они переплетенные с основой ткани нашего бытия, а это может сделать только та рука, которая изначально сплела эту ткань. Мы никогда не потеряем нашей любви ко Христу и нашей любви к людям, если Господь дал нам ее. Святой Дух делает ревностность о Боге постоянным принципом жизни, а не страсти. Разве Он не уповает на нас, и разве эта наша ревностность – просто человеческое чудо? Мы должны хорошо разобраться в нашем сердце. Горит ли в нас святой огонь, который возгорелся от истинного призвания к нашему служению? Если же нет, то зачем мы здесь? Если человек может жить без проповедования, пусть и живет без него. Если ему все равно, быть или не быть ловцом душ, – я чуть было не сказал, пусть и не пытается им быть, но лучше я скажу: пусть постарается вынуть камень этого равнодушия из своего сердца, чтобы оно смогло почувствовать сострадание к погибающим душам. До тех же пор он как проповедник принесет только большой вред, и потерпит неудачу, занимая место того, кто может преуспеть в этой благословенной работе.

Пламя нашей ревностности должно гореть на алтаре веры и истины, которую мы проповедуем, и веры в силу благословлять людей, когда Дух Святой вселяет эту веру в ниши сердца. Тот, кто считает, что учение, которому он служит, не соответствует истине, никогда не будет хорошим проповедником. Как может он усердствовать в том, в чем сам не уверен?

Если сам он всем своим сердцем не ощущает духовную силу истины, если он не ощутил и не испытал на себе силу слова истины, как может он проявлять рвение в своем деле? Но если Святой Дух научил нас и посвятил нас в тайну истины, которую мы должны возвещать, то мы всегда будем возвещать ее языком огненным. Братья, не начинайте учить, пока Господь не научит вас. Сколь скучно повторять догмы, которые не затрагивают вашего сердца и не убедительны для вас! Я предпочел бы щипать паклю или крутить заводной рычаг, чтобы получить завтрак, как это делают бедняки в ночлежках, чем быть рабом прихожан и приносить им духовную пищу, которую сам не пробовал. И какой ужасный конец ждет тогда такую работу! Какой ужасный конец ждет тогда того, кто публично учит тому, во что сам до конца не верит всем своим сердцем и так бессовестно лицемерит во имя Божие!

Братья, если огонь переносится из истинного места в истинное, то это хорошее начало и основной элемент славного конца. Зажженный живым огнем, поднесенный серафимом к нашим устам с жертвенника этот огонь начал питать наш сокровенный дух, и там он будет гореть, как бы сатана ни старался погасить его.

Но и самое сильное пламя в слове нуждается в обновлении. Я не знаю, пьют ли бессмертные духи, подобно ангелам, на лету, и питаются ли они манной, приготовленной для них на небе, но, по всей вероятности, ни одно живое существо, хотя и бессмертное, не может не нуждаться в получении пищи извне для поддержания своей силы. Конечно, пламя рвения в обновленном сердце, как бы праведно оно ни было, должно всегда поддерживаться новым топливом. Даже огонь лампады в святилище поддерживается маслом. Поддерживайте его, братья, питайте его чаще: питайте его богомыслием и размышлениями, особенно о вашей работе, о мотивах, побудивших вас на нее, о ее цели, о помощи, которая ожидает вас, о великих ее результатах, если Господь будет с вами. Думайте много о любви Божией к грешникам и о смерти Христа ради них, и о работе Духа Святого в сердцах людей. Думайте, что должно произойти в сердцах людей, чтобы они могли спасать. Помните, вы посланы не белить могилы, а открывать их, и эту работу ни один человек не сможет сделать, если, как Господь у гроба Лазаря, он не восскорбеет духом и даже тогда он будет бессилен, если Дух Святой не поможет ему. Задумайтесь о судьбе потерянных грешников, и когда, подобно Аврааму, вы встаете рано утром и идете на то место, где встанете пред лицем Господа, посмотрите на Содом, и вы увидите там дым, поднимающийся с земли, как дым из печи. Остерегайтесь мнений, о том, что будущее наказание не так ужасно, и делайте все, чтобы спасти бессмертные души от огня неугасимого. Если люди действительно только благородный вид обезьяны и умирают они, как животные, то пусть и умирают без всякого сожаления. Но если их сотворение по образу Божию предполагает бессмертие и есть опасность, что своим неверием они навлекают на себя вечное проклятие, то приложите все усилия, чтобы спасти их, и стыдитесь даже мысли, что вас это не касается! Думайте также о блаженстве спасенных грешников и, подобно благочестивому Бакстеру, основывайте свое рвение на «вечном покое святых». Ступайте на небесные горы и собирайте там топливо для огня: собирайте славные бревна Ливанского леса, и огонь будет пылать, издавая благоухание от каждого кусочка кедра, горящего в этом пламени. И если вы постоянно будете ощущать вечные реальности, вам не надо будет бояться, что станете вы равнодушными.

Но прежде всего питайте пламя своей ревностности тесным общением со Христом. Никто не будет равнодушным, кто живет с Иисусом, как жили с ним Иоанн и Мария в древние времена, потому что Он зажигает сердца людей. Я никогда не встречал равнодушного проповедника, который часто общался с нашим Господом Иисусом Христом. Ревность о доме Божием сожгла нашего Господа, и когда мы общаемся с Ним, она начинает сжигать и нас, и мы чувствуем, что мы не можем говорить ни о чем другом, как только о вещах, которые мы видели и слышали, когда были с Ним, не можем не говорить о них с той горячностью, которая исходит от них. Те из нас, кто проповедует на протяжении двадцати пяти лет, знают, что та же самая кафедра, та же самая тема, те же самые люди – все это вместе порождает чувство однообразия, а однообразие может вскоре привести к потере интереса. Но тогда мы вспомним о другого рода однообразии, которое становится нашим

спасением: это Тот же Спаситель, и мы можем идти к Нему, как пришли в первый раз, потому что «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же». В Его присутствии мы наслаждаемся новым вином и становимся снова молодыми. Он есть источник, всегда изливающий прохладную, освежающую воду жизни, и от общения с Ним наши души наполняются неугасимой энергией. Освященная светом Его улыбки, наша привычная работа всегда прекрасна, и обновленная этим светом, она становится еще привлекательней. Каждое утро мы собираем новую манну для наших прихожан и, когда идем раздавать ее, мы чувствуем, как свежий елей освящает нас. «Надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, и не устанут, пойдут, и не утомятся». Обновленные присутствием Того, Кто ходит среди золотых светильников, мы готовы писать и говорить людям во силе, которую дать может только Он один. Воины Христовы, вы можете быть достойны своего Вождя, только пребывая в общении с Ним, и слушая Его, как Иисус Навин, когда он стоял у Иордана и спросил: «Что Господин мой скажет рабу своему?»

Не только питайте, но и обновляйте пламя ревности души вашей. Постоянно обновляйте его молитвами. Нашим братьям и нам абсолютно необходима молитва. Необходимость (!) – нет, не о ней хочу я говорить, а о восхитительном чувстве, которое дает молитва, – изумительной сладости и блаженстве, охватывающих душу, которая живет в атмосфере молитвы. Фокс сказал: «Время, которое мы проводим наедине с Богом, – это самое лучшее и самое прекрасное время. Поэтому, если любишь свою жизнь, люби молитву. «Благочестивый Харвей, будучи тяжело больным, сказал: «Если Бог сохранил мне жизнь, то я буду меньше читать и больше молиться». Джон Кук писал: «Сама молитва, наслаждение, очищение и польза от нее с каждым днем придают мне больше сил». Умирая, он воскликнул: «Я хотел бы, чтобы я больше молился». Многие из нас также хотели бы этого.

Для молитвы есть особое время, и хорошо никогда не пропустить его: но дух молитвы даже лучше, чем привычка молитвы: лучше постоянно молиться, чем молиться с перерывами. Какое бы было счастье, если бы мы могли часто преклонять колени в молитве с нашими братьями, и я думаю, что это должно быть правилом для нас, проповедников, – никогда не расставаться без слова молитвы. Больше наших молитв будет услышано, если это станет правилом, особенно для нас, коллег. Если это возможно, то пусть молитва и восхваление Господа освящают каждую встречу друзей. Какие силы дают перед проповедью несколько минут молитвы с двумя-тремя добросердечными диаконами или другими братьями. Это всегда дает мне силы для борьбы. Но при всем том, чтобы обновить пламя ревности души вашей, вы должны всегда и везде пребывать в духе постоянной молитвы, чтобы молиться в Духе Святом: в своем кабинете, перед проповедью и на кафедре. Хорошо всегда пребывать в молитве, когда вы сидите на кафедре, когда встаете, чтобы пропеть гимн, когда читаете главу из Библии, когда говорите проповедь, – подняв одну руку к Богу, чтобы получить то, что дает вам Господь, а другой передать это людям. Во время проповеди вы должны быть соединяющим началом между вечной и неиссякаемой небесной пищей и безграничными потребностями людей, а для этого вы должны достичь небес и постоянно поддерживать с ними связь. Молитесь о людях, когда вы проповедуете им, говорите с Богом от их имени, когда говорите с ними от имени Бога. Только так можем мы надеяться быть всегда ревностными.

Человек редко подымается с колен равнодушным; если же это случается, то ему лучше возвратиться к молитве, пока священное пламя не коснется его души. Адам Кларк как то сказал: «Трудитесь до смерти и потом молитесь, чтобы возродиться». Это очень мудрое замечание. Никогда не делайте первого без второго, и не мечтайте, что второе может произойти без первого. Трудитесь и молитесь, ждите и молитесь, но всегда молитесь.

Раздувайте также пламя ревности души вашей частыми попытками освежить свое служение: вырывайтесь из рутины, оставляя освоение поля служения, и возделывайте целинные земли. Чтобы сохранить огонь вашей ревности, я советую вам, как вторичное, но очень полезное средство, освежить вашу обычную работу дополнительными новыми делами.

Я бы рекомендовал братьям, которые скоро покинут нашу семинарию, обосноваться в сферах, где они смогут общаться хоть с немногими высокого духа людьми и, быть может, не будут совершенно одиноки на более высоких путях духовности, остерегайтесь стать вялыми, однообразными и бесполезными и оставайтесь всегда ревностными, постоянно внося что-то новое. Вам придется много трудиться, и мало кто будет помогать вам в этом, и годы вашей работы могут стать тяжким бременем для вас: – остерегайтесь этого и используйте все возможные средства, чтобы не стать скучными и равнодушными, и среди них используйте те, которые мой собственный опыт позволяет мне рекомендовать вам. А это – всегда делать что-то новое. Старые и привычные методы надо сохранять, но добавлять к ним что-то новое.

Мы должны поступать, как поселенцы, незаконно занявшие наши земли, на два-три фунта переносить вперед забор своего сада и каждый год захватывать немного больше земли. Никогда не говорите, «довольно уже», и не занимайте позицию «отдохни и будь благодарен.» Делайте все, что можете а потом и еще немого. Я не знаю каким образом достигает результатов человек, который заявляет, что он может сделать людей маленького роста выше, но я думаю, что если бы можно было стать на полметра выше, то для этого надо каждое утро становиться на цыпочки и как можно выше тянуться вверх, и потом из-за дня делать тоже самое. Это, конечно, предполагает нравственный и духовный рост – «тянуться к тому, что впереди». Если старый метод перестает давать прежние результаты, дополните его чем-то новым, и тогда он снова принесет добрые плоды. Попробуйте так сделать, и вы скоро увидите пользу от распахивания целины, захвата новых земель врага и взбирания новых высот, чтобы водрузить там знамя Господне. Это, конечно, дополнительное средство к тем, о которых мы уже говорили раньше, но все же оно очень полезно и может помочь вам. В сельском городке, скажем с двумя тысячами жителями, через некоторое время вы скажете: «Здесь я сделал все, что мог». А что же потом? В четырех милях находится небольшая деревушка: начинайте трудиться в ней. Если в одной деревушке уже трудятся другие, ищите следующую, исследуйте ее и сделайте своей целью дать ей духовную пищу. Когда вы накормили одну, подумайте о второй. Это ваша обязанность и гарантия на будущее. Каждый знает, как интересно заниматься новой работой. Садовник устанет от своей работы, если не посадит новых цветов в своей оранжереи или не разобьет клумбу новой формы: всякая монотонная работа неестественна и утомительна, поэтому вносите в свой труд разнообразие.

Особенно же важно *быть в тесном общении с Богом и с теми, кого вы хотите обратить к Богу.* Живите под сенью Всемогущего, там, где Иисус являет Себя, и в силе Духа Святого. Сама ваша жизнь заключена в этом. Уаитфильд рассказывает об одном молодом человеке, который *так* живо ощущал присутствие Господа, что всегда ходил с непокрытой головой. Я хотел бы, чтобы и мы постоянно находились в таком состоянии. Тогда не так трудно было бы всегда быть радостными.

А также будьте в самых тесных отношениях с теми, о чьих душах вы должны заботиться. Стойте в реке и ловите рыбу. Многие проповедники совершенно не знают, как живет большинство людей: они чувствуют себя, как дома, и, как в лесу, среди людей. Что вы будете думать о ботанике, который редко видел живые цветы, или об астрономе, который и ночи не провел со звездами? Достойны ли они называться учениками? Так и проповедник Евангелия будет только эмпириком, если он не вращается среди людей и заботиться только о своей репутации. «Учитесь у жизни», господа, мы должны многому научиться у нее, если хотим говорить о жизни в наших проповедях. Читайте людей, как вы читаете книги, и любите людей, а не мнения, иначе вы будете безжизненными проповедниками.

Будьте особенно внимательны к страждущим. Узнавайте их тяготы, их страдания и угрызения совести. Это поможет вам быть ревностными, когда вы увидите их страстное желание найти покой. С другой стороны, когда вы увидите, сколь равнодушными остается большинство людей, это поможет вам быть более ревностными, чтобы пробуждать в них ревность о Боге. Радуйтесь с теми, кто находит Спасителя: это сильное средство для возрождения собственной души. Когда вам удается привести страждущего к Иисусу, вы снова чувствуете себя молодым. Это будет как бальзам на ваше сердце, когда вы услышите

восклицание рыдающего кающегося: «Я все теперь понимаю! Я верю, и вся моя боль прошла: я спасен». Иногда восторг обращенных душ придаст вам апостольскую силу. Кто может не проповедовать, увидев обращение душ к Господу? Будьте внимательны, когда благодать наконец возвращает заблудшую овцу, чтобы участием в радостях Великого Пастыря вы могли снова стать молодым. Умирайте вместе с грешниками, и вы будете вознаграждены за изнурительную погоню за теми, за кем гнались, может быть, месяцы и годы. Схватите их в крепкие объятия любви и скажите: «Да, слава Богу, я действительно поймал эти души», и пламя ревности души вашей возгорится еще сильней.

Если вам придется трудиться в большом городе, то советую вам, где бы ни находился ваш молитвенный дом, своими глазами увидеть нищету, невежество и злачность этого города. Пойдите, если возможно, с городским миссионером, в самые бедные кварталы, и вы будете поражены всем, что увидите там, и вид этого страшного недуга заставит вас ревностно искать средства для его излечения. Достаточно пороков можно увидеть даже в самых лучших кварталах наших больших городов, но ни с чем не сравнимый ужас вызовут у вас условия, в которых люди живут в трущобах. Как врач посещает больницу, так вы должны заходить в каждый переулок и двор, чтобы увидеть несчастье, к которому приводит грех. Один вид горя, которое принес грех на землю, заставляет плакать кровавыми слезами. Один день, проведенный с истинным миссионером, сделает вас хорошим проповедником после окончания семинарии и по-настоящему подготовит к вашей собственной работе. Посмотрите, как живет большинство людей, пораженных своими грехами: они беспробудно пьют, пропускают воскресные службы, творят беззакония и богохульствуют: и посмотрите, как они умирают опустошенные и ожесточенные или поверженные в страх и отчаяние. И ничто, как это, не зажжет снова пламя вашего рвения, если оно стало угасать. Мир полон изнуряющей нищеты и убивающей скорби: позор и смерть -удел тысяч людей, и спасти их может только великое благовестие Господа нашего Иисуса Христа. Это истинно так, если вы сомневаетесь, пойдите и убедитесь сами. Так вы научитесь проповедовать великое спасение и возносить хвалу великому Спасителю, и не только устами вашими, но и сердцем своим: и тогда ничто не заставит вас оставить ваш благословенный труд.

Умирающие люди – это великая для нас школа. Они заставляют нас еще более ревностно относиться к своей работе. Я вышел подавленным из палаты умирающего и подумал, что все сошли с ума, и больше всех я сам. Я позавидовал рвению, с которым эти люди относились к земным вещам, и сказал себе: «Почему тот мужчина ездил так опрометчиво на своей машине, почему та женщина так шикарно одевалась?» И так как они стояли уже на краю смерти, я подумал, что им уже ничего не надо, как только готовиться к встрече со своим Богом. Часто посещение умирающих людей поможет нам научить их жить и умирать. МакЧейн часто по субботам посещал больных и умирающих своих прихожан, потому что, как рассказывал Джеймс Гамильтон, «Он хотел перед проповедью почувствовать себя простым смертным».

И еще, прошу вас оценивайте свою работу в свете Бога. Слуги ли вы Бога или нет? Если да, то как может сердце ваше быть холодным? Разве вы не посланы умирающим Спасителем возвещать Его любовь и получить искупление от Его ран, или же нет? Если да, то как можете вы пасть духом? Разве Дух Божий не почивает на вас'? Разве Господь не благословил вас проповедовать благословение бедным? Если же нет, то и не претендуйте на это. Если же да, то да будет в этом могущество силы вашей и Господь будет вашей силой. Сделайте работу вашу не ремеслом, а профессией. Конечно, если вы будете мерить ее меркой ремесленника, то она будет самой низкой на земле. Считайте ее своей профессией: кто не предпочитает ей любую другую, когда это касается больших выгод и земных почестей? Но если это будет вашим призванием свыше, а вы будете чудотворцем, пребывающим в божественном мире и работающим не во имя временного, а вечного, то тогда вы будете принадлежать к более благородной гильдии и более высокому братству, чем любые другие, возникающие на земле и работающие во времени. Посмотрите на нее в истинном свете, и тогда вы признаете, что великое счастье быть таким же бедным, как ваш

Господь, если, подобно Ему, вы мелеете многих сделать богатыми: вы почувствуете, сколь прекрасно быть неизвестным и презираемым, какими были первые последователи вашего Господа, потому что вы делаете известным Того. Кого вы знаете, что Он есть жизнь вечная. Вы удовлетворитесь быть чем-то или быть ничем, и мысль о себе никогда не придет вам в голову или только промелькнет, чтобы тут же быть отвергнутой, как не достойная посвященного человека. В этом главное. Мерьте свою работ) меркой, которую она заслуживает, и тогда я не боюсь, что ваша ревностность ослабеет. Смотрите на нее в свете страшного суда и с точки зрения вечных наград верности. О, братья, радость от спасения вами одной души – это всепоглощающий восторг: вы это почувствовали, я верю, я знаю это теперь. Спасение души от погибели приближает к нам небо. но какая это будет радость встретить в день страшного суда искупленные Христом души, которые узнали благовестие своего спасения из ваших уст! Мы предвкушаем блаженство Царства Небесного в единении с нашим Учителем, но мы познаем еще и радость от встречи с возлюбленными нашими, которых своим служением мы привели к Иисусу. Будем же нести свой крест и перезреем всякий стыд во имя радости, которую Иисус дает нам от приведения к Нему людей.

Еще одно может помочь нашей ревности. Подумайте, что будет с нами и нашими слушателями, если мы будем пренебрегать нашей работой. «Умрет за грех свой» - разве это не страшные слова? Они для меня также страшны, как и следующие: «но кровь его взыщет от руки стража». Как описать судьбу неверного проповедника. А каждый равнодушный проповедник – неверный. Я скорее бы предпочел оказаться в Тофете, как убийца тел человеческих, чем как разрушитель душ их: я также не знаю более ужасного состояния, в котором человек может столь ужасно, столь безвозвратно погибнуть, как тот, кто проповедует Евангелие, которому он не верит, и занимает пост пастыря людей, добра которым он страстно не желает. Будем же молиться, чтобы быть нам всегда и навеки верными. Да поможет нам Господь и Дух Святой, Который может сделать и сохранить нас верными.

Глава 22

ГЛАЗ СЛЕПОЙ И УХО ГЛУХОЕ

Я здесь часто говорил, что у проповедника один глаз должен быть слепым и одно ухо глухим. Это удивило некоторых братьев, и они попросили объяснить, что я имею в виду: им, как и мне, представляется, что чем острее зрение и слух, тем это лучше. Итак, господа, я постараюсь объяснить вам свою мысль.

В книге Екклесиаста Соломон совершенно ясно говорит: «Не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание, чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя» (Екк.7:21). И на полях сказано: «Не всякое слово которое говорят, принимай близко к сердцу» – не отягощай свою душу всяким словом, которое говорят. Мир изобилует празднословием, и трудно придется тому, кто обращает внимание на всякие пересуды. Он увидит, что даже его близкие не всегда поют ему дифирамбы, и что, когда самые его верные друзья им недовольны, то в момент раздражения они говорят тому неприятные слова, которые ему лучше было бы не слышать. Кто в состоянии временного раздражения не наговорил другому того, о чем бы потом не пожалел? Здесь надо проявить великодушие и считать, что они как бы не были вообще произнесены. Когда человек находится в плохом настроении, самое лучшее отойти от него и прекратить ссору, пока она еще не разгорелась: и если нам уж пришлось выслушать резкие слова, то мы должны постараться вычеркнуть их из своей памяти и сказать с Давидом: «Я, как глухой, не слышу и как немой, который не открывает уст своих». Тацит пишет, что один мудрец сказал человеку, который ругал его: «Ты господин твоего языка, а я также хозяин моих ушей» – можешь говорить, что тебе нравится, а буду слышать то, что хочу. Мы не можем заткнуть себе уши, как можем закрыть глаза, потому что ухо не имеет такого «века», как глаза, и все же, когда мы читаем о том, кто «затыкает уши свои, чтобы не слышать о кровопролитии», это, несомненно, означает, что можно заткнуть вход в ухо, чтобы ничего недозволенного в него не проникло. Не слушайте никаких сплетен и опрометчивых слов рассерженных друзей и, если уж придется вам их услышать, не принимайте их близко к сердцу, потому что и вы также когда-то говорили опрометчиво и раздраженно и даже сейчас чувствуете себя неловко при мысли, если вам придется ответить за каждое слово, которое вы сказали, даже о самых своих близких друзьях. Ибо как говорит Соломон: «сердце твое знает много случаев, когда и сам ты злословил других».

Итак, прежде всего я хочу сказать, чтобы, начиная свое служение, вы начали с чистого листа: будьте глухи и слепы к давнишним спорам, которые еще могли сохраниться в церкви. Как только вы придете в свой приход, сразу же найдутся люди, которые будут стараться привлечь вас на свою сторону в семейных ссорах или церковных спорах: – будьте же глухи и слепы к ним и убедите их, что прошлые обиды должны быть теперь забыты, и то, что было до вас при вашем предшественнике, вас не касается. Если речь идет о действительно вопиющей несправедливости, то постарайтесь мягко исправить ее, но если же это длительный спор о важных вопросах, то уговорите спорящие стороны прекратить его и сразу же скажите им раз и навсегда, что никогда не будете заниматься такими делами. Ответ Галлиона здесь как раз будет к месту: «Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайтесь сами: я не хочу быть судьею в этом». Когда, будучи еще молодым человеком, я был избран пастором в Нью-Паркстрит церкви, ко мне вскоре подошел один добрый христианин и сказал, что ушел из этой церкви из-за «безобразного к нему отношения». Он назвал полдюжины людей, известных членов этой церкви, которые относились к нему совершенно не по-христиански, когда он, ни в чем не повинный страдалец, был образцом терпения и справедливости. Из того, что он говорил о других, я

понял, что он из себя представляет, и сразу же решил, как поступить. Я сказал ему, что церковь эта еще не установилась и единственным средством прекратить раздоры, – это каждому забыть прошлые споры и начать все сначала. Он же сказал, что годы не изменили факты, на что я возразил, что отношение к ним изменилось бы, если бы за это время он стал умнее и лучше, и добавил, что все, что было при моих предшественниках, ушло в прошлое, что он должен отправиться к ним и с ними выяснить свои отношения, потому что я не хочу разбираться в них. Он несколько смягчился, но я подождал, пока он совсем не остыл, и мы расстались, пожав друг другу руки. Он был добрым христианином, но следовал очень неправильному принципу, резко выступая против других людей, и если бы я стал вникать в детали его рассказа и разбираться в его случае, то ссоре этой не было бы конца. Я совершенно уверен, что во имя своего собственного успеха и ради процветания церкви я поступил мудро, закрыв глаза на все существовавшие до меня раздоры.

Крайне не разумно для молодого человека, только закончившего семинарию, прислушиваться к наветам одной партии или поддаваться на угодничество и лесть другой, став ее сторонником, и таким образом поссориться с половиной своих прихожан. Не берите сторону ни одной партии, а будьте пастырем всей паствы и о всех заботьтесь одинаково. Блаженны миротворцы, и самым верным средством восстановить мир – это не пытаться самому потушить огонь ссоры. Ни раздувать его, ни подливать в него масла, а дать ему самому погаснуть. Начинайте свое служение, «закрыв один глаз и заткнув одно ухо».

Я советую делать то же самое и в отношении финансовых вопросов, касающихся вашей собственной зарплаты. Бывают случаи, особенно при устроении новой церкви, когда у вас не будет диакона, который умело занимается этими делами, и потому вам приходится делать это самому. В таких случаях вы заслуживаете не порицания, а одобрения. Часто проповеднику приходится брать на себя заботы своего диакона и находить материальную и духовную пищу своими собственными усилиями. В этих исключительных случаях мне нечего сказать, кроме как восхищаться таким тружеником и глубоко сочувствовать ему: из - за такой перегрузки он не может отдавать все свои силы, как воин своего Господа, потому что должен заниматься материальными делами своей жизни. В хорошо устроенных церквах, где проповедник получает приличное жалование, он должен внимательно за всем следить, но ни во что не вмешиваться. Если диаконам нельзя доверять, то они вообще не должны быть диаконами, но если они достойны своего звания, то заслуживают и нашего доверия. Я знаю случаи, когда диаконы плохо справляются со своими обязанностями, и, все же мы должны мириться с ними. В таком случае и при таком положении дел пастор должен открыть глаза и все видеть. Если финансовым делам церкви грозит скандал, то мы должны решительно вмешаться, но если нет необходимости в нашем срочном вмешательстве, то лучше признать разделение труда в церкви и позволить диаконам делать свою работу.

Мы имеем такое же право, как и другие должностные лица, заниматься финансовыми вопросами, если того хотим, но лучше, как можно меньше в них вмешиваться, если другие могут заниматься ими вместо нас. Когда нет денег, больна жена и много детей, то проповедник должен сказать свое слово, если церковь недостаточно обеспечивает его жизненные потребности: но совсем не умно постоянно обращаться с просьбами увеличить зарплату. Когда проповедник получает мало денег и считает, что он заслуживает большего и церковь могла бы увеличить ему зарплату, то он может вежливо, но смело и настойчиво прежде всего сказать об этом диаконам, а если они ничего не сделают, то тогда он должен поговорить с братьями и разумно и по-деловому, не просить милостыню, а напомнить им, что «трудящийся достоин награды за труды свои». Он должен прямо сказать, что он думает, потому что в этом нет ничего зазорного, но будет более позорным, если он обесчестит себя и дело Божие, погрязнув в долгах. Он должен поговорить по существу надлежащим образом и с соответствующими людьми и покончить с этим делом, а не жаловаться за спиной. Вера в Бога должна отодвинуть на второй план наши земные заботы, и мы должны поступать так, как проповедуем, а именно – «Не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?», или «что пить?», или «во что одеться?», потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем

этом». Некоторые, кто претендует жить по вере, всякими хитростями и уловками выманивают у людей пожертвования, а вы должны либо прямо просить, либо предоставить разрешение этого вопроса на христианскую совесть своих прихожан и не интересоваться, на что и как расходуются церковные деньги.

Также крайне важно не обращать внимания на всякие церковные сплетни. В каждой церкви, да собственно говоря, и в каждой деревне и каждой семье имеется своя г-жа Гранди, которая пьет чай и сплетничает. Такие никогда не бывают спокойны и вечно жужжат, вызывая раздражение у благочестивых и церковных людей. Не надо далеко ходить, чтобы увидеть вечное движение, достаточно посмотреть на их языки. За чаем, на благотворительных собраниях и встречах они перемывают косточки своих соседей и, конечно же, изо всех сил злословят о проповеднике, его жене, детях, шляпках его жены, платье его дочери и сколько лент она израсходовала за последние полгода, и так до бесконечности. А есть и такие, которые никогда не бывают так счастливы, как когда «сокрушаются сердцем» о том, что сказал проповеднику, что А – это опасный враг, что он глубоко ошибается, так хорошо думая о Б и В, и что они совершенно «случайно» услышали, что Д и его жена очень плохо живут, что Г, которая сказала, что она и Е подслушали, что Ж сказала З, что И говорила, что К и Л собирались уйти из храма и пойти слушать М, и все это из-за того, что рассказал старик Н молодому человеку о молодой девушке П. Никогда не слушайте таких людей. Сделайте, как сделал Нельсон, когда поднес бинокль к своему слепому глазу и сказал, что не видит сигнала и потому не начинает сражения. Пусть эти люди жужжат, а вы даже не слышите их, пока они столько не наговорят о ком-нибудь, что это грозит уже серьезными последствиями, – тогда призовите их к ответу и строго поговорите с ними. Убедите их, что вам нужны достоверные факты, что память у вас плохая, что вам надо много о чем подумать, что вы всегда боитесь ошибаться в таких вопросах и просите их написать подробно все, что они вам сказали, чтобы хорошо подумать над этим. Такая Гранди не сделает этого: она не любит говорить ясно и определенно, она предпочитает чесать языком.

Я бы хотел любыми способами прекратить всякие сплетни, но боюсь, что никогда этого не сделать, пока стоит сей мир, потому что, как говорит Джеймс, «можно приручить всех зверей, всех птиц, всех пресмыкающихся и всех водоплавающих, но приручить язык никто не может, потому что он неуправляем и полон яда». Чего нельзя исправить, надо терпеть, и самое лучшее средство для этого – просто не слушать. На одном из наших старых замков бывший его владелец написал такие строки:

ГОВОРЯТ.
ЧТО ГОВОРЯТ?
ПУСТЬ ГОВОРЯТ.

Обидчивые люди должны сделать это своим девизом. Не стоит обращать внимания на всякие сплетни, никогда не интересоваться ими, разве только огорчаться, что злоба и бессердечие слишком часто бывает их мотивом.

Майов в своей книге об искусстве проповедования очень сильно говорит: «Если бы вы увидели женщину, которая убивает уток и гусей фермера ради одного пера, то поняли, что и мы поступаем так же, когда злословим о других ради удовольствия, которое получаем от злословия. Потому что это удовольствие не стоит и одного пера, а боль, которую мы причиняем, часто больше, чем испытывает человек от потери своего состояния». Вставляйте время от времени такое замечание в свою проповедь, и, может быть, это заставит людей с добрыми сердцами задуматься, а остальных я могу только пожалеть.

И, прежде всего, сами никогда не принимайте участия в сплетнях и просите жену также не делать этого. Некоторые слишком уж болтливы и напоминают мне молодого человека, который был послан к Сократу научиться красноречию. Когда его представляли философу, он так много говорил, что Сократ запросил двойную цену за свои уроки. «Почему двойную?», – спросил молодой человек. «Потому что, – ответил Сократ, – я должен научить тебя двум искусствам: первое – этот держать язык за зубами, и второе – как говорить».

Первое гораздо труднее, но очень полезно, и если вы ему не научитесь, то будете много страдать и создавать бесконечные неприятности.

Всем своим сердцем избегайте подозрительности, которая делает жизнь некоторых людей невыносимой, и не обращайте внимания на все, что может вызвать у вас необоснованное подозрение. Подозрение заставляет человека мучаться и шпионить за другими. Оно увеличивает причины недоверия, и именно подозрительность составляет основную их часть. Многие друзья становятся врагами, потому что их в чем-то подозревают. Не смотрите на все с недоверием и не прислушивайтесь ко всему, как соглядатай, со страхом. Выслеживать прихожан, как лесник зайцев, – это недостойное занятие и чаще всего приносит только большие огорчения. Лорд Бэкон дает мудрый совет: «предусмотрительные люди не станут выяснять того, чего не хотели бы знать». Когда нечего найти, что могло бы нам помочь любить других, лучше перестать выяснять, потому что может обнаружиться то, что приведет к бесконечным ссорам. Я не говорю, конечно, о случаях, требующих наказания, которые надо тщательно рассмотреть и принять соответствующее решение: я имею в виду личные вопросы, от которых вы сами страдаете. Здесь всегда лучше не знать, не хотеть знать, что говорят о вас друзья или враги. Кто нас хвалит, очевидно, ошибается, как и кто злословит о нас, и одно может уравновешивать другое, если вообще стоит принимать во внимание суждение людей. Если мы имеем благословение Божие и совесть наша спокойна, то можем позволить себе не обращать внимания на похвалу или суждение наших собратьев.

Некоторые страшно хотят знать о себе мнение друга, и если в этом мнении есть хотя бы малейший намек на несогласие или осуждение, то они считают такого друга своим врагом. Конечно, мы не папа Римский и не хотим, чтобы наши слушатели считали нас непогрешимыми! Мы знаем людей, которых самое справедливое и разумное замечание приводит в ярость, и они считают искреннего друга злейшим врагом, приходящим в восторг, если он может найти у вас недостатки. Такое искажение добрых намерений друга может вызвать у него раздражение и закончиться ссорой. Насколько лучше проявить великодушие и выдержку.

Вы должны научиться терпеть всякую критику, иначе вы не годитесь быть пастырем, и вы не должны считать каждого критика своим злейшим врагом, иначе проявите свое слабоволие. Самое правильное – всегда быть вдвойне добродушным, когда к вам будет особенно строг тот, кто считает своим долгом так к вам относиться, потому что он, может быть, самый честный и достойный вашего внимания человек. Кто в начале вашего служения считает, что едва ли вы годитесь быть пастырем, может стать вашим самым верным защитником, если увидит, что вы возрастаете в благочестии и усердии в своих трудах. Не считайте его поэтому врагом за выражение его сомнений. Разве в глубине своей души вы не признаете, что его страхи были отнюдь не безопасны? Не обижайтесь на его резкую критику и старайтесь проповедовать лучше.

Люди из любви к переменам, ерничанью, из-за повышенной требовательности и по другим причинам могут стать бременем для нашего служения, и нам лучше не обращать на них внимания. Видя же опасность с их стороны, лучше сделать вид, что мы не заметили ее, и стараться улучшить наши проповеди, надеясь, что эти добрые люди получат лучшую пищу и забудут о своем недовольстве; если они действительно благочестивые, то возникшие неприятности пройдут, и никакого неудовольствия не появится, или же, если этого не произойдет, то вы должны сделать вид, как бы ничего и не было.

Когда я замечал недовольство со стороны кого-либо, то не обращал на это внимания, если меня к этому не принуждали, а наоборот, проявлял к нему еще большее внимание и дружелюбие, и никогда больше этого не повторялось. А если бы я отнесся к нему недружелюбно, то он ответил бы мне тем же и посчитал бы, что был прав. Но я знал, что он был добрым христианином и имел полное право быть мною недовольным, если считал, что я того заслуживаю, и я не должен был плохо о нем думать: и потому я отнесся к нему, как к другу моего Господа, если не как к своему, дал ему поручение, которое доказывало мое доверие к нему, и постепенно он стал моим преданным другом и соратником. Даже самые

лучшие люди иногда выходят из себя и говорят неприятные вещи; мы же должны радоваться, если наши друзья забывают, что мы им сказали, когда были в дурном и раздраженном настроении, и это будет по-христиански, если мы будем поступать с другими так, как хотели бы, чтобы они поступали с нами. Никогда не напоминайте брату, что он когда-то плохо о вас отозвался. Если вы видите, что он в хорошем настроении, не упоминайте случая, когда он вел себя недостойно. Если он истинный христианин, то никогда больше не станет досаждать пастырю, который был так великодушен с ним: если же он невежа, то едва ли стоит вступать с ним в спор и, потому разумнее предавать прошлое забвению.

Лучше сто раз быть обманутым, чем постоянно жить, подозревая в обмане других. Это невыносимо! Бедняга, который встает ночью и в каждом шорохе падающего листа слышит грабителя, не более несчастен, чем проповедник, который думает, что против него замышляются заговоры и распространяются слухи о его недостатках. Я вспоминаю брата, который считал, что его хотят отравить, и был уверен, что даже стул, на котором он сидел, и одежда, которую он носил, была пропитана каким-то отравляющим веществом. Его жена жила в постоянном страхе, и в таком состоянии находится проповедник, который никому не доверяет. К тому же подозрительность – это не только источник тревоги, но и моральное зло, которое портит характер поддающегося ему человека. Подозрительность в царях приводит к тирании, а в мужьях – к ревности, в проповеднике – к мукам. Такие муки в духовной сфере разрывают все связи пасторского служения, как коррозия, въедаются в саму его суть и делают его скорее проклятием, чем благодатью. Когда такой ужасный порок, как подозрительность, одолел человека, то он скорее пригоден быть полицейским детективом, чем проповедником. Он подобен пауку, который выделяет слюну и плетет паутину из тончайших нитей, все из которых ведут к нему и предупреждают о малейшем прикосновении малюсенькой мошки. А сам он сидит в центре с обостренными чувствами, натянутыми нервами и свежими ранами, на все реагирующий, принесший себя в жертву мученик, собирающий вокруг себя горящие поленья и, очевидно, страстно желающий быть сожженным. Самый верный друг не выдержит такого испытания. Все старания не обидеть такого человека, напрасны, они не вырабатывают в нем иммунитета от недоверия, а скорее делают его хитрым и трусливым.

Для общества подозрительный человек так же опасен, как бешеная собака, потому что она без причины бросается на всех людей и во все стороны разбрасывает свою слюну бешенства. Бессмысленно спорить с жертвой такого безумия, потому что она с упрямым упорством обратит каждый аргумент против вас и сделает каждый довод в пользу доверия к нему еще одной причиной недоверия. Очень грустно, что он не видит несправедливости своего необоснованного осуждения других людей, и особенно его лучших друзей и самых верных его соратников в деле Христовом. «Я не стану бросать тень на добродетель даже малейшим намеком на сомнение, чем все порядочности «. Никогда не говорите обидных слов другим, но если в вас затаилось подозрение, то даже молчание становится преступлением. Братья, избегайте этого порока, забыв о своем самолюбии. Не придавайте большого значения тому, что о вас думают или говорят, а пекитесь только об их любви к вашему Господу. Если вы по природе своей обидчивы, то не потворствуйте этой слабости и не позволяйте другим пользоваться ею. Разве это не будет унизительным для вашего служения, если вы наймете армию шпионов и будете платить им за донесение вам всего, что говорят о вас ваши прихожане? И разве это не то же самое, если вы позволите всяким соглядатаям сообщать вам все сплетни вашего прихода? Гоните прочь от себя этих тварей. Возненавидьте этих интриганов и сплетников, которые только спят и видят, чтобы всех перессорить, и, конечно же, приходят к вам в дом и потом передают каждое замечание, сорвавшееся с ваших уст, сильно его приукрашивая. Помните, что как взявший украденную вещь не лучше вора, так и слушающий сплетни не лучше сплетника. Если вы покупаете плохие товары, то тем увеличиваете спрос на них, и фабрики лжи будут работать

безостановочно. Никто не хочет быть изобретателем лжи, и все же кто с удовольствием слушает клевету и охотно верит ей, тот внесет много неприятностей в активную жизнь.

Соломон говорит: «наушник разлучает друзей» (Прит.16:28). Наушничество приводит к подозрительности, пока не наступает охлаждение, и никто не понимает почему: каждый удивляется, что могло вызвать его. Таким образом рвутся и, может быть, навсегда, самые крепкие, самые длительные, самые теплые и самые доверительные отношения, эти источники самых прекрасных радостей жизни. Это работа сатаны, но ему бы тогда ничего не удавалось, если бы люди не жили в атмосфере подозрительности. И потому мир полон страданий, страданий столь даже глубоких, как и ненужных. Кэмпбелл красноречиво замечает: «Руины старой дружбы для меня такое же грустное зрелище, как руины заброшенных дворцов. Они говорят о сердце, когда-то светившимся радостью, а теперь холодном и опустошенном, где вьют гнезда птицы – предвестники несчастья». О, подозрение, сколько горя ты принесло на землю!

Не доверяйте тем, кто не верит своим братьям. Подозревайте тех, кто заставляет вас подозревать других. Если вы не будете верить сплетникам, то умерите из злую энергию. Мэтью Пул как-то сказал: «Уже давно людская слава потеряла свою репутацию, и я не знаю, что бы сегодня могло ее восстановить, поэтому ей не следует придавать значения. Как мало всякого рода слухов при их проверке оказываются неложными! И я считаю, что если поверить в один из двадцати, то и это будет слишком много. Особенно не верьте нареканиям и злым слухам, потому что они исключительно быстро распространяются, так как доставляют удовольствие тем, кто думает, что их собственная репутация никогда не будет иметь такого крепкого основания, как тогда, когда она строится на несчастии других». А так как люди, которые заставляют вас не доверять своим друзьям, достойны только сожаления и само по себе подозрение – это большой и заставляющий нас страдать порок, то закройте глаза и заткните уши и не обращайте на них никакого внимания.

Надо ли говорить, чтобы вы никогда не слушали, что не предназначается для ваших ушей. Сплетник – это низкий человек, не намного лучше, чем доносчик, и кто говорит, что он что-то подслушал, значит, сделал то, чего не должен был делать.

Тейлор мудро и справедливо замечает: «Никогда не подслушивайте у дверей и окон, потому что, помимо всего прочего, это таит в себе опасность и ловушку и означает посягательство на личную жизнь соседа, раскрытие того, что он хотел скрыть, чтобы оно не обнаружилось». Правильно говорят, что кто подслушивает, редко услышит о себе что-то хорошее. Подслушивание – это своего рода воровство, а краденные вещи никогда не доставляют удовольствия вору. Сведения, полученные потайными путями, во всех, за исключением крайних, случаев, приносят больше вреда, чем пользы, судебному делу. Судья может посчитать целесообразным таким образом получить сведения об обвиняемом, но я не могу себе представить ни одного случая, в котором должен был бы так поступить проповедник. Наша миссия – это нести людям милость и мир: мы не прокуроры, которые выискивают обвинительные показания, а друзья, любовь которых покрывает множество проступков. Подглядывание Ханаана, сына Хама, никогда не будет для нас примером: мы предпочитаем богоугодную тактичность Сима и Иафета, которые «Пошли задом и покрыли» позор, с таким ликованием выставленный напоказ сыном диавола. Не обращайте также внимания на всякие мнения и разговоры о себе. Общественные деятели должны быть готовы к общественной критике, а так как общественное мнение нельзя считать безошибочным, то общественные деятели должны быть готовы к несправедливой и не- лицеприятной критике. Ко всем честным и справедливым замечаниям мы должны относиться с должным вниманием, но никакого значения не придавать беспринципной предвзятости, придиркам светских людей, глупым высказываниям невежд и грубым обвинениям со стороны наших противников. Мы не можем надеяться, что нас будут хвалить те, кого мы осуждаем за их грехи своим свидетельством слова Божия, их похвала будет означать, что мы не достигли своей цели. Мы, естественно, хотим услышать похвалу со стороны наших прихожан, членов нашей церкви и приверженцев нашей меры, и когда они делают замечания, которые

показывают, что мы не очень им нравимся, мы можем сильно огорчиться и даже рассердиться – в этом-то и таится ловушка. Когда я собирался уехать из своего деревенского прихода в Лондон, один старик молился, чтобы Господь избавил меня от «блеяния овец». Я никак не мог понять тогда, что он имел в виду, но сейчас мне все ясно, и я сам прошу об этом Господа. Ничего хорошего не будет, если мы станем придавать большое значение тому, что о нас говорят, будь то похвала или осуждение. Кто будет обитать на высотах с «Пастырем овец великого», тот мало будет обращать внимания на всякое «блеяние» вокруг нас, но если мы станем «плотскими и по человеческому обычаю поступать», то не будем иметь покоя, если станем прислушиваться к «блеянию» каждой бедной овцы. Если вы действительно необычно плохо для себя проповедовали в прошлое воскресенье, то г-же Болтунье отнюдь нечего подходить к вам и говорить, что такого же мнения был и диакон Джонс. Вполне вероятно, что ваша проповедь была похожа на молоко, разбавленное водой, но это не значит, что вам надо интересоваться, заметили ли это или нет ваши слушатели. Разве недостаточно, что вы сами испытываете из-за этого угрызения совести? Постарайтесь в следующий раз проповедовать лучше, но не слушайте, что станет говорить об этом всякий Джек, Том и Мэри. Если же, наоборот, в прошлый раз вы сказали очень хорошую проповедь и закончили ее блестяще и хотите узнать, какое впечатление она произвела на ваших слушателей, то подавите в себе это любопытство, потому что это не должно вас интересовать. Если же окажется, что ваши слушатели такого же как и вы, о ней мнения, то это только усилит ваше жалкое тщеславие, а если они будут другого мнения, то ваше напрашивание на их похвалу лишь повредит вам и принизит вас в их глазах. В любом случае будьте выше всякого мнения и не позволяйте себе интересоваться им – поступайте, как подобает мужчине, не унижайте себя напрашиванием на комплименты, как маленькие дети, которые, когда надевают новое платье, говорят: «Посмотри, какое у меня красивое платье». Разве вы уже не знаете, что лесть так же вредна, как и приятна? Она, как бальзам, действует на душу и делает вас более чувствительными к клевете. Похвала в равной мере, как доставляет удовольствие, так и обрекает на страдание. Кроме того, преступно, когда мысли о своем маленьком «я», отвлекают от великой цели восхваления Господа нашего Иисуса Христа. Гордость – это смертный грех, поэтому забудьте слова, которые льстят вашему тщеславию, и, если вы чувствуете, что получаете удовольствие от них, то честно признайтесь и покайтесь в этом грехе. Пейсон показал, что он был силен в Господе, когда писал своей матери: «Дорогая мама, не говорите ничего, что могло бы быть даже намеком, что вы считаете меня преуспевающим в благодати. Я не выношу этого. Здесь все, и друзья и враги, сговорились погубить меня. Сатана и я сам, конечно, приложил к этому свою руку, а если и вы приложили свою, то, боюсь, что вся масса холодной воды, которую Христос может обрушить на мою гордость, не помешает ей возгореться разрушительным пламенем. Если кто хвалит и льстит мне, то Отец мой Небесный должен высечь меня, и будет несказанной милостью, если Он соблаговолит это сделать. Я, конечно, могу легко найти сотню доводов, почему я не должен быть гордым, но гордость не приемлет никаких доводов, ее ничто не остановит, кроме как трепка. Даже сейчас она жжет мне пальцы и направляет мое перо». Сам кое-что зная об этой трепке, которой наш Отец Небесный наказывает своих рабов, когда они чрезмерно возносятся, я хочу от себя вас предостеречь от наслаждения, которое вы получите, слушая похвалу самых ваших добрых друзей. Она губительна, и вы должны остерегаться ее.

Благоразумный друг, который каждую неделю будет беспощадно критиковать вас, сделает вам неизмеримо большее благо, чем тысяча невзыскательных поклонников, если у вас хватит ума принять его критику и быть благодарным ему за нее. Когда я проповедовал в Серрей Гарденс, один очень образованный, незнакомый мне человек присылал мне каждую неделю список слов, которые я неправильно произнес, и других погрешностей моей речи. Он никогда не подписывался своим именем, и это была единственная причина моего недовольства им, потому что я не смог поблагодарить его за услугу, которую он мне оказал. И я пользуюсь сейчас возможностью выразить ему свою признательность за то, что он, из лучших побуждений и желая мне добра, безжалостно отметил все, что считал неправильным

в моей речи. Что же касается его исправлений, то он сам иногда ошибался, но в большинстве случаев был прав, и его замечания помогли мне в дальнейшем избежать многих ошибок. Я с большим интересом ждал каждую неделю его замечаний и уверен, что они мне очень помогли. Если я повторял одно и то же предложение в двух или трех воскресных проповедях, то он мне писал: «См. То же выражение в такой-то проповеди», указывая, в какой именно и на какой странице. Он требовал, чтобы я запретил называть людей такими словами, как «парень», «малый» и т.д. Может быть, некоторые молодые люди терялись и даже возмущались такой строгой критикой, но это было очень глупо с их стороны, потому что, обижаясь на нее, они отказывались от ценной помощи для своего совершенства. Ни за какие деньги нельзя купить сказанной нам прямо в глаза критики, и когда мы получаем ее бесплатно, будем же в полной мере ею пользоваться. Хуже всего то, что мало кто способен на умную критику и докучает нас глупыми, неуместными замечаниями, пока мы не перестаем обращать на них внимания.

Никогда не придавайте большого значения клевете против вас. Клеветники еще не перевелись, и, как было в случае Ричарда Бакстера и Джона Буньяна, вас могут обвинить в самых низких преступлениях. Не падайте духом, потому что такому испытанию подверглись лучшие из людей, и даже Господь не избежал злого языка клеветников. В большинстве случаев лучше всего дать им умереть естественной смертью. Самая большая клевета, если ее не заметить, подобна большой рыбе, выброшенной из воды, которая мечется во все стороны, пока сама себя не забивает до смерти. Если ответить на клевету, то это придаст ей еще больше силы и обеспечит ей долгую жизнь. Ложь сама себя опровергает, и ее жало ее же убивает. Иногда она имеет особые признаки, которые честный человек сразу же заметит. Если она вас волнует, то тем вы позволяете ей добиться своей цели, но если вы будете молчаливо терпеть ее, то одержите над ней частичную победу, а затем с помощью Божией вы от нее вскоре совершенно избавитесь. Ваша безупречная жизнь будет вашей лучшей защитой, и, кто видит ее, тот позволит так легко вас осудить, как того ожидают ваши клеветники. Только воздержитесь сами бороться с ней: в девяти из десяти случаев ваши клеветники ничего больше не добьются, кроме как досады на себя и презрения других. Чаще всего глупо преследовать клеветника судебным порядком. Я знал одного верного служителя Христова, который в юности был очень обидчив и, будучи ложно обвиненным, подал на клеветника в суд. Суд его полностью оправдал, но ему этого было недостаточно и он настаивал на опровержении в газетах и в результате убедился, что поступил очень опрометчиво. Многие, которые иначе никогда бы не услышали об этой клевете, теперь заинтересовались, что бы это могло быть, и делая всякие предположения, обычно приходили к мудрому выводу, что он, очевидно, совершил какой-то проступок, который и привел к такому обвинению. И потом он говорил, что никогда больше в жизни не прибегнет к такому средству, потому что увидел, что это публичное оправдание принесло ему больше вреда, чем сама клевета. Наше положение делает нас мишенью для сатаны и его союзников, и потому нам лучше всего защищать нашу невинность молчанием и предоставить Богу защитить наше доброе имя. Однако из этого общего правила есть и исключение. Когда человеку предъявляются серьезные, определенные и публичные обвинения, он должен ответить на них и ответить самым ясным и самым решительным образом. Отказ в таком случае от разбирательства практически означает признание в вине, и независимо от причины этого отказа. Общественное мнение обычно считает нежелание ответить доказательством вины. В мелких случаях лучше всего вообще не обращать внимания, но когда дело идет о серьезных обвинениях, а наш обвинитель призывает нас к ответу, мы должны ответить на его обвинение приведением твердых фактов. В каждом случае надо спрашивать у Господа, как поступить нам с клеветниками, и, в конце концов, невиновность будет оправдана, а ложь осуждена.

Некоторые проповедники, которые прислушивались к деревенским сплетням, впадали в уныние, должны были прекратить свою деятельность и даже повредили своей репутации. Я знал одного прекрасного молодого человека, которому я предсказывал большой успех на

нашем поприще. Он сам напросился на неприятности, сначала допустив их, а потом и придав им большое значение. Он пришел ко мне и пожаловался, что у него большое горе. Итак, это было горе, но с начала до конца причиной его были пересуды полдюжины женщин о том, что станет он делать теперь после смерти своей жены. Сначала это был пустяк: одна сказала, что не удивится, если он женится на служанке, жившей тогда в его доме, другая представила ее слова в другом свете, сказав, что та якобы сказала, что он должен жениться на своей служанке, а третья увидела в ее словах глубокий смысл, истолковав их как обвинение. Хуже всего было то, что он усмотрел в этом злое намерение и обвинил некоторых людей в распространении о нем клеветы и даже пригрозил призвать их к суду. Если же он помолился бы, испросив у Господа помощи, то эти сплетни сами по себе затихли бы, не принеся ему никакого вреда, но он не сумел их прекратить, так как не сделал того, что я так настоятельно рекомендую, а именно, просто не заметить их.

И еще, братья мои, не слушайте, что вам станут говорить о других церквах и их пастырях. Я всегда очень рад, когда брат, который вмешивается в дела других церквей, сам на себя навлекает неприятности. Почему бы ему не заниматься делами своего прихода, а не вмешиваться в дела другого? Меня часто просят члены разных церквей вмешаться в их внутренние споры, но я всегда отказываюсь, если не имею официального назначения быть третейским судьей. Александр Круден сам себе дал титул «Корректора», и я никогда не завидовал этому его титулу. Надо иметь особый талант разрешать споры в наших церквах, и, как правило, больше всего любят заниматься этим люди, менее всего к тому способные. В большинстве случаев вмешательство, с какими бы добрыми намерениями оно ни делалось, терпит неудачу. Внутренние раздоры в наших церквах очень напоминают ссору между мужем и женой: когда спор доходит до такого накала, когда требуется вмешательство третьей стороны, то именно она становится жертвой яростных нападок одной и другой из спорящих сторон. Никто кроме г-на «Зеленого» не станет вмешиваться в семейные ссоры, потому что жена, хотя и была избита мужем, скажет: «Оставьте моего мужа в покое, он имеет право бить меня, если захочет того». Как бы велика ни была вражда между ссорящимися мужем и женой, она тут же забывается и обрушивается на того, кто пытается их примирить. Так происходит и в очень независимых баптистских деноминациях, когда посторонний пастор вмешивается в их споры, и именно он больше всего пострадает от них. Не считайте себя епископом всех соседних церквей, а заботьтесь о Листрийской, Дервийской, Фессалоникийской или любой другой, которая отдана на ваше попечение, и оставьте Филиппийскую и Ефескую на попечение их пастырей. Не потворствуйте недовольным искать недостатки у их собственных пастырей или доносить вам о беспорядках в других приходах. Встречаясь с коллегами, не спешите давать им советы: они знают свои обязанности так же хорошо, как вы знаете свои, и ваше суждение об их действиях может основываться на неполных сведениях, полученных вами из предвзятых источников. Не огорчайте соседей своим вмешательством в их дела. У нас достаточно дел в своем приходе, и благоразумнее всего воздерживаться от всех пререканий, которые нас не касаются. Одна из знаменитых пословиц советует нам не выносить сора из избы, а я добавлю, что нам не следует ходить к соседям, когда они ссорятся. Это дело друзей, которые лучше всего найдут способ примирить ссорящихся. «Хватает пса за уши кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору», потому что он сам будет искусан этим псом, и мало кто пожалеет его. Бриджиз мудро замечает: «Наш Благословенный Учитель первый подал нам урок святой мудрости. Он разрешил споры в своей семье, но когда Его попросили вмешаться в спор, который Его не касался, Он ответил: «Кто поставил Меня судить или делить вас?» Самозванные судьи не пользуются уважением, чем больше они имели бы права судить, тем меньше хотели бы это делать. Сколь много незначительных споров возгорелось огромным пламенем из-за вмешательства посторонних проповедников, которые даже не представляли себе, что станут причиной серьезных раздоров. Они осудили некоторые положения в этом споре и тем дали повод каждой стороне говорить, что проповедник другой церкви согласен с

ней. Мой совет – «ничего не знать» и никогда не говорить ни слова, пока мы не выслушаем обе стороны, а еще лучше не слушать ни одной, если нас это не касается.

Достаточно ли ясно я объяснил, что имел в виду, когда сказал, что «один глаз у меня слепой и одно ухо глухое» и что это лучший мой глаз и лучшее мое ухо?

Глава 23

НАША ЦЕЛЬ – ОБРАЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ К ГОСПОДУ

Основная цель христианского служения – это прославление Господа. Обратятся ли к нему люди или нет, но, если проповедник должным образом проповедует Иисуса Христа, то труды его не будут напрасны, потому что он несет слово Божие как грешникам, так и праведным. Однако, как правило, Бог послал нас проповедовать для того, чтобы через Евангелие Иисуса Христа люди примирились с Ним. Один проповедник правды, как Ной, может трудиться и ввести в ковчег спасения только членов своей семьи. Другой, как Иеремия, будет тщательно плакать о не покаявшемся народе, но в большинстве случаев работа проповедника направлена на спасение слушателей. Мы должны сеять даже на каменистой почве, где наш труд не вознаградится никакими плодами, но все равно мы должны надеяться на урожай и сокрушаться, если посеянные нами семена не взойдут в свое время.

Так как прославление Господа – это наша главная цель, то мы стремимся достичь ее путем наставления праведников и спасения грешников. Великое дело – наставлять людей Божиих и укреплять их в их святой вере, и никогда мы не должны пренебрегать этой обязанностью. Для этого мы должны ясно и понятно излагать евангельское учение, жизненный опыт и христианский долг и никогда ничего не опускать из всего Слова Божия. В очень многих случаях духовные истины остаются без внимания под тем предлогом, что они не имеют практического применения, но ведь сам тот факт, что Господь открыл их, доказывает, что Он считал их важными. И горе нам, если мы претендуем быть умнее Его. Умный не опустит ни одной библейской истины. Если выбросить хоть одну ноту из божественной гармонии правды, то вся музыка будет испорчена. Ваши прихожане могут заболеть тяжелыми духовными неудачами из-за отсутствия какого-то вида духовной пищи, которую могут восполнить только истины, которые вы опустили. В пище, которую мы потребляем, имеются продукты, которые на первый взгляд кажутся необязательными для жизни, но опыт показывает, что они необходимы для здоровья и жизнестойкости нашего организма. Фосфор не образует мышц, но он необходим костям. Многие минералы и соли в соответствующей пропорции также необходимы в народном хозяйстве. Так и некоторые истины, которые на первый взгляд кажутся малопригодными для духовной пищи, очень полезны для выработки твердого характера и развития духовной силы у верующих и исправления недостатков их христианской жизни. Мы должны проповедовать «всю истину», чтобы люди Божии были снабжены всем необходимым для доброделания.

Однако, наша великая цель прославления Господа достигается прежде всего обращением людей к вере. Мы должны это делать, иначе воскликнем, как Рахиль: «Дай мне детей, а если не так, я умираю!» Если мы не приводим людей к Господу, то должны скорбеть, как земледелец, который не видит урожая, как рыбак, который возвращается в свой дом с пустыми сетями, как охотник, который тщетно ходит за дичью по горам и долинам. И, как Исаия, мы будем сокрушаться и стонать: «Кто поверил слышанному от вас, и кому открылась мышца Господня?» Посланники мира должны постоянно сокрушаться, пока грешники не покаются в своих грехах. Если мы действительно хотим, чтобы наши слушатели поверили в Господа Иисуса, то что же должны мы делать, чтобы Господь использовал нас для достижения этой цели? Это и будет темой сегодняшней лекции.

Так как обращение людей к Богу – это божественный труд, то мы должны полностью полагаться на Духа Божия и черпать у Него силу для овладения их сердцами. Но часто, повторяя эту истину, мы мало чувствуем эту силу, потому что, если бы мы действительно

ощущали необходимость в Духе Божием, то разве не трудились ли бы больше, полагаясь на его учение? Не молились ли бы усерднее, прося Его помощи? Не уделяли ли бы в своих проповедях большее внимание Его работе? Разве не бывают часто тщетны наши усилия, потому что мы практически, если не доктринально, пренебрегаем Духом Святым? Его место – это место Бога на престоле Божием, и во всех наших предприятиях Он должен быть Начало и Конец, мы только орудие в Его руках и ничто более.

Итак, полностью признавая это, что еще должны мы сделать, чтобы привлечь людей к Богу? Конечно же, мы должны проповедовать прежде всего те истины, которые ведут к осуществлению этой цели. Какие же это истины? Во-первых, это Христос, и Христос Распятый. Где возносится Иисус, там привлекаются души. «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе». Проповедование Христа спасенным – это мудрость Божия и сила Божия. Христианский проповедник должен проповедовать все истины, которые связаны с личностью и делами Господа Иисуса, и потому он должен убедительно и очень резко говорить о зле греха, которое вызвало необходимость в Спасителе. Он должен показать, что грех – это нарушение закона, что он неизбежно влечет за собой наказание и что гнев Божий обрушивается на него. Он никогда не должен рассматривать грех, как мелочь или просто несчастье, а показать всю его разрушительную силу. Он должен говорить о нем во всех подробностях, не поверхностно и вообще, а вдаваясь в детали разных грехов, и особенно тех, которые больше всего поражают людей сегодня: всепожирающая гидра пьянства, разоряющая нашу страну: ложь, которая в форме клеветы окружает нас со всех сторон, и разврат, о котором надо говорить с большой деликатностью, но в то же время и беспощадно обличать. Мы должны уделять особое внимание обличению тех грехов, которые уже поразили или могут поразить наших слушателей. Объясните десять заповедей и повинуйтесь божественному повелению: «укажи народу Моему на беззаконие его и дому Иаковлеву – на грехи его». Раскройте духовный смысл закона, как это сделал наш Господь, и покажите, как он нарушается злыми помыслами, намерениями и воображением. И тогда сердца многих грешников сожмутся от боли. Старый Робби Флокхарт в таких случаях говорил: «Бесполезно пытаться шить шелковыми нитками Евангелия, если сначала не проложить для них путь острой иглой закона». Сначала идет закон и, как игла, он тянет за собой нить Евангелия. Поэтому говорите о грехе, правде и грядущем суде. Чаще пользуйтесь языком 5-го Псалма: покажите, что Бог требует правды «внутри» нас и что для этого совершенно необходимо очищение жертвенной кровью. Пронзайте словом своим сердца людей. Обследуйте рану и коснитесь ее самого больного места. Не избегайте болезненных тем, потому что люди должны быть сначала ранены, чтобы потом излечиться, быть убитыми, чтобы ожить. Никто не может облачиться в одежды правды Христовой, пока не скинет своих фиговых листков, и умыться в источнике благодати, пока не почувствует всей своей скверны. Поэтому, братья мои, мы должны непрестанно говорить о законе, его требованиях, его угрозах и многочисленных его нарушениях грешникам.

Указывайте на порочность человеческой природы. Покажите людям, что грех – это не случайность, а естественное следствие их порочных сердец. Рассказывайте об учении естественной порочности человека. Сейчас об этом не модно говорить. Сегодня есть проповедники, которые очень много говорят о «достоинстве человеческой природы». Иногда они упоминают «прежнее состояние человека», как они выражаются, но о порочности нашей природы и связанных с ней темах они всячески избегают говорить: эфиопам говорят, что они могут сделать свою кожу белой, даже леопарды могут избавиться от своих пятен. Братья, не поддавайтесь этому обману, иначе у вас мало кто обратится к Богу! Предсказывать приятные вещи и умалчивать о зле, которое мы терпим из-за утери своего изначального состояния, – это не путь приведения людей к Иисусу.

Братья, покажите *необходимость в божественной работе Духа Святого*. Без Его вмешательства люди не спасутся. Им надо говорить, что они мертвы и что только Дух Святой может оживить их: что Он «дышит, где хочет», и никто не может требовать, чтобы Он посетил его и никто не заслуживает Его помощи. Считается, что это учение вызывает

страх у людей, и это верно, но они должны сокрушаться, когда становятся на ложный путь спасения. Показать им, что они глубоко заблуждаются относительно своих собственных способностей очень поможет им не надеяться на себя, а искать помощи у других, даже у Господа нашего Иисуса Христа. Учение об избранности и другие великие истины, показывающие, что спасение – это милость Божия, не – право, на которое может претендовать человек, а дар Всевышнего, имеют цель заставить человека спрятать свою гордость и тем приготовить его к принятию милости Божией.

Мы должны также показать нашим слушателям справедливость Бога и *несомненность того, что каждое нарушение закона будет наказано.* Мы должны:

«Раскрыть перед их глазами ужасную картину
Великолепие того страшного дня,
Когда Христос на облаке сойдет к нам».

Пусть услышат они, что второе пришествие – это не просто пророчество, а важный практический акт. Не к чему представлять нашего Господа во всем великолепии земного царства, как это делают братья, которые верят в возрожденный иудаизм. Мы должны говорить, что Господь придет судить мир по правде, призвать народы на Свой суд и отделить одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов. Павел говорил о правде, воздержании и о будущем суде, и «страх объял Феликса». Эти темы не потеряли своего значения и сегодня. И мы лишим Евангелие его силы, если умолчим об его угрозах наказания. Есть опасность, что новое отношение к смерти и воскресению, которое в последнее время стало господствовать в Церкви, приведет к тому, что многие проповедники перестанут говорить о страшном суде и его последствиях, и потому не будет страха перед Господом ни у проповедников, ни у слушателей. И можно только сожалеть, что один из великих путей обращения людей к Богу останется неиспользованным.

Дорогие братья, мы должны уделять самое большое внимание душеспасительному учению об искуплении, мы должны проповедовать веру в заместительную жертву и в прощение, которое она нам приносит. Туманные рассуждения об искупительной крови крайне вредны. Грешники остаются в неведении, а праведники лишаются своей твердой веры, потому что им четко не говорится, что «не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом». Мы должны четко и ясно раскрывать знание заместительной жертвы, потому что ни одна библейская истина не требует такой ясности, как то, что «наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились». «Он грехи наши Сам вознес Телом Своим на древо». Эта истина приносит утешение, показывая, что «явится Он праведным и оправдывающим верующего в Него». Это есть великая сеть евангельских рыбаков: рыба вытягивается и направляется в правильном направлении другими истинами, но эта истина – сама сеть.

Чтобы обратить людей к Богу, мы должны четко и ясно проповедовать им *оправдание верой*, благодаря которому искупление становится эффективным в духовном опыте людей. Если мы спасаемся умилостивительной жертвой Христовой, то от нас не требуется никаких заслуг, а нужно только верой принять то, что уже сделал Христос. Какое это счастье проповедовать великую истину: «Он же, принесший одну жертву, навсегда воссел одесную Бога», видеть Христа, сидящего на почетном месте, потому что Он совершил Свое дело.

Оправдание верой должно излагаться в четких и понятных выражениях, однако не все это делают. Однажды я слышал проповедь на слова: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью». Объясняя их, проповедник сказал: «Творите добро и, хотя вы и пострадаете потом, Бог в конце вознаградит вас». Он, конечно же, верил в оправдание верой, но говорил совершенно о противоположном, оправдании по делам. Многие так говорят детям, и я заметил, что они обычно говорят о любви Иисуса, а не вере в Него. Это производит вредное действо на молодые сердца и отвлекает их от истинного пути к Богу.

Особое внимание в своих проповедях уделяйте *любви Божией во Христе*, подчеркивая безграничное милосердие Господа, но всегда проповедуйте ее в связи с Его справедливостью. Никогда не превозносите одного из атрибутов любви, как это часто делается, а рассматривайте ее в глубоко богословском смысле, когда она подобно золотой цепи, содержит в себе все атрибуты Бога, потому что, если бы Бог не был любовь, то Он не был бы справедлив и не ненавидел бы всякое беззаконие. Никогда не превозносите один атрибут за счет другого. Беспредельное милосердие Божие должно сочетаться с Его строгой справедливостью и безграничным всемогуществом. Бог должен внушать благоговейный страх, обличать и смирять грешников. Смотрите же, не представляйте своего Господа в ложном свете.

Все эти и другие евангельские истины имеют целью привести людей к вере и потому должны стать основными в наших проповедях.

Если мы действительно заботимся о спасении душ, то должны не только проповедовать те истины, которые к нему ведут, но и *использовать все методы толкования, которые ему способствуют.* Во-первых, это наставление. Грешники спасаются не в темноте, а от нее: «Нехорошо душе без знания». Люди должны знать все, что касается их самих, их греха и их падения: их Спасителя, покаяния и т.д. Многие пробудившиеся души с радостью приняли бы Божий путь спасения, если бы действительно знали его; они подобны тем, о которых апостол сказал: «Я знаю, братья, что вы сделали это по неведению». Если вы просветите их, то Бог спасает их. Разве не написано, что откровение слов Твоих просвещает? Если Дух Святой благословляет ваше наставление, то они увидят, сколь они грешны, покаются и уверуют? Я не верю, что проповедование заключается главным образом в выкрикивании «Уверуйте! уверуйте! уверуйте!» Конечно же, вы должны говорить бедным людям, что они должны уверовать. Но для этого их надо наставлять в вере, иначе одно увещевание уверовать бессмысленно и практически бесполезно. Боюсь, что пустые разглагольствования реалистов, в голове которых царит полный хаос, вызвали у некоторых наших ортодоксальных братьев предубеждение против открытых призывов Евангелия. Лучший путь привести грешников ко Христу – это проповедовать им Христа. Увещевания, просьбы, упрашивания, если они не сопровождаются здоровым наставлением, подобны стрельбе холостыми снарядами. Как бы вы ни кричали, ни плакали, ни умоляли, вам никогда не заставить поверить людей в то, о чем они не слышали, и принять истину, о которой им никогда раньше не говорили.

Все ваши наставления *должны быть понятны*. Истинная религия логична и как бы совсем не эмоциональна. Я не поклонник взглядов Финнея, но не сомневаюсь, что многим он принес большую пользу, потому что речь его была построена на ясных аргументах. Кто знал о его славе, услышав его впервые, очень разочаровались, потому что речь его была проста, спокойна и суха, как книга Евклида, но он полностью удовлетворял людей с определенным складом ума, и сила его рассуждений заставила их поверить ему и признать свою греховность. Почему же надо оставлять в неведении людей с логическим складом ума? Мы должны быть всем для всех и разговаривать с такими людьми на их языке, ставя их в тупик ясными и необходимыми выводами. Эмоциональными рассуждениями мы их не убедим, и чем больше мы будем прибегать к открытым, честным размышлениям, обсуждениям, суждениям и аргументам, тем лучше.

Людей, требующих логической аргументации, значительно меньше по сравнению с теми, которых надо увещевать путем эмоционального убеждения. Им нужны не столько холодные рассуждения, сколько доводы, затрагивающие их сердца, т.е. логика, горящая душевным огнем. Вы должны говорить с ними, как мать, просящая своего маленького сына не огорчать ее, или как любящая сестра, умоляющая брата вернуться в отчий дом и помириться с отцом. Согретый живым теплом любви аргумент должен стать убеждением. Холодная логика имеет свою силу, но когда она пылает любовью, сила ее не знает границ. Сила влияния одного ума над другими огромна, но часто лучше, чтобы в процессе его влияния на других она не давила бы на него самого. Речь страстно увлеченного своей целью

человека становится непреодолимым потоком, сметающим все на своем пути. Истинно верующий и благочестивый человек, обладающий щедрым сердцем и готовый на самопожертвование, имеет огромную силу влияния, и его совет и рекомендация, благодаря самой его личности, имеют большой вес, но когда он увещевает и убеждает так, что заставляет людей плакать, влияние его чудодейственно, и Бог и Дух Святой помогают ему в его служении Им.

Братья, мы должны увещевать. Просьба и мольба должны быть неотъемлемой частью нашего наставления. И мы должны использовать любые способы обращения к людям, которые затрагивают их совесть и заставляют лететь к Иисусу, если другими средствами нам не удается спасти их. Иногда я слышу, что проповедников обвиняют в том, что они говорят о себе, когда увещевают других, но эта критика не заслуживает внимания и тем более потому, что мы имеем перед собой пример Павла. Допустимо и даже иногда необходимо говорить людям, которые любят вас, о своей скорби, что многие из них не приходят к Богу, и о своем страстном желании и постоянных молитвах об их обращении к Нему. Вы правильно делаете, когда говорите о своем собственном опыте любви Божией во Христе и просите их самих испытать эту любовь. Мы должны быть для них не абстракцией или только должностными лицами, но мы должны увещевать их, как своих детей, плоть от плоти, если хотим, чтобы они обратились к Богу. Когда вы можете сослаться на себя, как на живой пример благодати Божией, увещевание ваше будет иметь такую силу, что не остановит вас никакой страх перед обвинением вас в эгоизме.

Иногда нам также надо менять тон наших проповедей. Вместо наставления, аргументации и убеждения мы должны прибегать к угрозам и говорить о гневе Божием, который покарает не покаявшихся. Покажите им опасность, которая им угрожает, и предостерегите от грядущего гнева Божия. После этого мы должны вернуться к призыванию, показав пробужденным душам богатые дары бесконечной благодати, которые даром даются сынам человеческим. От имени нашего Господа мы должны призвать их, восклицая: «Желающий пусть берет воду жизни даром». Да не удержат вас от этого, мои братья, те ультракальвинистские богословы, которые говорят: «Можете наставлять и предупреждать неверующих, но не призывать и не просить их прийти». А почему? «Потому что они мертвые грешники и потому бессмысленно призывать их, так как они не могут прийти». Аргумент этот столь силен, что он исключает все пути обращения к верующим, и последовательны только те, кто после проповеди праведников, садятся и говорят: «избранные же получили, а прочие ожесточились».

На каком же основании должны мы вообще обращаться к неверующим? Если мы должны призывать их делать только то, что они могут сделать без помощи Духа Святого, то мы становимся обычными моралистами. И если абсурдно призывать мертвого грешника уверовать и жить, то в такой же мере тщетно призывать его задуматься о своем состоянии и подумать о своей будущей судьбе. Действительно, все это было бы бессмысленно, если бы истинное проповедование не было актом веры и средством творения духовных чудес при помощи духа Святого. Если бы мы полагались только на себя и не надеялись на божественное посредничество, то должны были бы держаться в рамках разума и убеждать людей делать только то, что они могут сделать. Тогда мы должны призывать их жить, как они живут, видеть, что они могут видеть, и желать то, что они могут желать. Такая задача была бы слишком легкой и может показаться ненужной: конечно, для такого столь простого дела не нужно особого призывания Духа Святого. Но, братья, где же тогда всемогущество и торжество веры, если наше служение заключается только в этом и ни в чем больше? Кто из сынов человеческих будет считать великим призвание быть посланным в синагогу, чтобы сказать энергичному человеку: «встань и ходи», или человеку со здоровыми руками и ногами: «протяни руку твою». И плох тот Иезекииль, самым великим делом которого является воскликнуть: «живые души, оживите!»

Если сравнить оба этих метода, то на практике окажется, что кто редко увещевает грешников, мало кого обращает к Богу и сохраняет свою церковь за счет обращенных из

других конфессий. Я даже слышал, что они говорили: «О да, методисты и ревивалисты разрушают преграды, а мы будем ловить птиц». Если даже придет мне в голову такая низкая мысль, я постыжусь ее высказать. Церковь, которая не может привести людей к *Богу,* и должна предоставлять дело их пробуждения и обращения другим конфессиям, которые она считает неправильными, сама себе подписывает приговор.

И еще, братья, если мы хотим спасти грешников, то должны знать когда обращаться к ним со словом Божиим. Этому уделяется слишком мало внимания. В некоторых приходах есть установленное время для бесед с грешниками, обычно это днем, когда несколько крошек с праздничного стола бросается собакам после обеда, и они относятся к ним так же. как мы к ним, а именно, с вежливым равнодушием. Почему же надо говорить слова предостережения в конце беседы, когда слушатели уже устали? Зачем давать людям сигнал запрягать лошадей, чтобы они успели приготовиться отразить наше нападение? Когда они увлечены своим делом и меньше всего готовы защищаться, тогда-то бросьте в них копье, и это часто бывает более эффективно, чем град стрел, пущенных в них именно тогда, когда они закованы в непроницаемую броню. Неожиданность это сильный элемент для привлечения внимания и запоминания какого-то замечания, и, выбирая время для обращения к неверующим, это надо учитывать. Может быть, как правило, для наставления верующих лучшим временем будет утренняя проповедь, а необращенным надо иногда отдавать лучшее время дня и много сил для подготовки к разговору с ними.

Никогда не заканчивайте проповедь, не обратившись к неверующим, но в то же время выбирайте время для решительного и постоянного их обличения, доводя разговор до конфликта. В таких случаях старайтесь достичь немедленного результата: побороть предрассудки, разрешить сомнения, дать отпор возражениям и показать грешникам их истинное лицо. Призывайте членов своей церкви совершать особые молитвы, просите их лично разговаривать с верующими и неверующими и сами уделяйте особое внимание каждому из них в отдельности. Мы убедились, что наши февральские собрания дали исключительно хорошие результаты: весь месяц мы трудились, непокладая рук. Самое лучшее время для проповедования это зима, потому что люди могут собираться длинными вечерами, когда их не отвлекают разные занятия и развлечения на открытом воздухе. Используйте время, когда «цари идут на войну».

Среди важных элементов, способствующих обращению людей к Богу, являются ваш тон, настроение и общее состояние во время проповеди. Бог может благословить скучный, монотонный стиль вашей проповеди, но едва ли Он это сделает; во всяком случае, такой стиль не только не привлекает внимание слушателей, а наоборот, скорее отталкивает. Проповедники, которые сами спят, редко могут разбудить грешников. Так и строгая, неэмоциональная речь скорее отталкивает, чем привлекает слушателей. Тон Илии может заставить очнуться и способствовать принятию благовестия. Но для полного обращения нужен скорее тон Иоанна; любовь – эта всепобеждающая сила. Мы должны любить людей, чтобы привести их к Иисусу. Главное качество великих проповедников – это любящее сердце, и мы должны воспитывать его в себе. В то же время наша речь не должна быть мягкой и сладкой, как патока. Этим страдают некоторые люди, желающие всегда всем угодить и надеющиеся своими комплиментами сделать их праведными. Мужественным людям отвратителен такой тон, и они не верят проповеднику, который старается польстить им. Будем же смелыми и откровенными и никогда не станем обращаться к своим слушателям так, будто просим их сделать нам одолжение или быть благодарны Искупителю за то, что они позволили ему спасти их. Мы должны быть смиренными, но наше положение посланников не позволяет нам раболепствовать.

Какое счастье, если мы проповедуем так, что нам верят, всегда надеясь, что Слово Божие принесет людям счастье. Это дает нам уверенность, которая не позволяет нам быть раздражительными, грубыми и скучными. Если мы сами сомневаемся в силе благовестия, то как можем мы проповедовать его так, чтобы другие поверили в его силу? Чувствуйте, что вам доверена особая привилегия возвещать Благую Весть, и радуйтесь, что ваша миссия

несет вечное счастье людям. Пусть они увидят, что Благая Весть сделала вас счастливыми и уверенными, и она окажет на них такое же благотворное влияние.

Проповедуйте со всей серьезностью, потому что вы делаете очень важное дело, но выбирайте живые и интересные темы, чтобы; не вызвать скуку. Ваша речь должна быть настолько серьезна, чтобы она владела всем вашим существом, но внесите в нее и немного юмора, который сделает вашу проповедь еще более важной, как блеск молний, пронзающих ночную мглу, делает ее еще темнее. Проповедуйте о главном, сосредотачивая всю свою энергию на одном вопросе. Не перескакивайте с одной темы на другую, не украшайте свою речь красивыми фразами, не выставляйте напоказ свои личные качества, иначе вы ничего не достигнете. Грешники достаточно сообразительны и они сразу же замечают даже самое малейшее ваше усилие лично прославиться. Воздерживайтесь от всего этого ради спасения тех, кого вы хотите спасти. Будьте невеждами Христа ради, если это поможет вам обратить их, и учеными, если это им больше нравится. Не жалейте сил ни на занятия в аудитории, ни на молитву в своей комнате, ни на ревность на кафедре. Если люди считают, что они не достойны внимания, заставьте их поверить, что их проповедник совершенно другого о них мнения.

Старайтесь обратить людей к Богу, ожидайте этого и готовьтесь к этому. Будьте готовы к тому, что ваши слушатели либо поверят в вашего Господа, либо останутся без прощения, и что это будет зависеть непосредственно от вашей проповеди. Не позволяйте уверовавшим удивляться, когда другие приходят к вере, но заставляйте их поверить в неослабевающую силу этих счастливых событий и учите их удивляться, когда после проповеди свидетельства Иисуса никто не спасается. Не позволяйте грешникам слушать проповеди, не придавая им значения, или играть с библейским огнем, как с игрушкой; но снова и снова напоминайте им, что каждая истинно евангельская проповедь, если она не сделает вас лучше, то вам будет от этого только хуже. Их неверие это ежедневный, ежечасный грех: никогда не допускайте, чтобы из вашего наставления они сделали вывод, что заслуживают сожаления за то, что, отвергал Сына Божия, они делают Бога Отца лжецом.

Понимая опасность, которая грозит неверующим, не оставляйте их один на один со своими грехами: постоянно стучитесь в их сердца, как если бы вопрос стоял о жизни и смерти. Бог благословляет вашу озабоченность, вашу серьезность, ваше волнение, муки о них ради их спасения и пользуется ими, как сильными орудиями для их спасения. Но наша боль о них должна быть искренней, а не фальшивой, и потому сердца наши должны быть исполнены любовью к Богу. Слабое благочестие не имеет духовной силы. Люди, сердца которых не горят любовью к Господу, могут говорить прекрасные проповеди, но пользы от них будет мало. В самом тоне человека, который познал Господа, есть нечто, что гораздо сильнее трогает сердца, чем самая прекрасная проповедь: помните это и всегда ходите с Богом. Если хотите собрать много заблудших овец Божиих, вам надо много трудиться по ночам. Только молитвой и постом получите вы силу изгонять дьявольское наваждение. Пусть люди говорят о верховной власти все, что им вздумается, но Бог связывает особый успех с особым состоянием души, я если его нет, то не будет Он совершать Своих великих дел.

Помимо убедительных проповедей, надо пользоваться и другими средствами. Если вы хотите получить результат от своих проповедей, то должны» быть всегда готовы отвечать на вопросы. Не обязательно проводить собрания после каждой проповеди, но надо искать возможности и создавать условия для частого прямого контакта с прихожанами. Страшно подумать, что есть проповедники, которые даже не знают, как встретиться с теми, кто жаждет слова Божия, и если иногда и происходят такие встречи, то это заслуга ищущего, а не пастора. С самого начала вы должны назначить время для частых и постоянных встреч с ищущими Христа и постоянно приглашать их к себе для разговора в собрание и беседовать с ними. Кроме того, проводите многочисленные собрания для ищущих с целью помочь страждущим и указать путь растерянным, совершая при этом горячие молитвы за отдельных присутствующих и приводя краткие свидетельства веры новообращенных и других

верующих. Так как открытое исповедание Христа постоянно упоминается в связи с верой в спасение, вы должны помочь верующим, которые еще тайно исповедуют Иисуса, открыто признать Его. Только не заставляйте их, предоставляйте им возможность сделать это самим и не мешайте им. Тем, кто еще не готов принять крещение, вы можете принести пользу в личной беседе с ними и потому должны искать возможность для своих бесед. Несколько минут разговора могут рассеять сомнения, исправить ошибки и развеять страхи. Я знаю случаи, когда простое объяснение могло бы прекратить страдания всей жизни, если бы было дано много лет тому назад. Ищите же по одной из заблудших овец, и когда все свои мысли вы отдали одному человеку, не жалейте потраченных усилий, потому что ваш Господь в Своей притче предстает как добрый Пастырь, Который приводит домой заблудших овец не всем стадом, а каждую в отдельности приносит на Своих плечах, безмерно радуясь этому.

Что бы вы не делали, вы никогда не будете удовлетворены, потому что спасение душ это дело, которое так овладевает человеком, что чем больше людей он приводит к Богу, тем больше он жаждет привести к Нему. Но тогда окажется, что если их будет много, то вам понадобится помощь. Сеть вскоре станет такой тяжёлой, когда она полна рыбы, что одной парой рук ее не вытянуть на берег, и вам понадобится помощь ваших собратьев.

Великие дела совершаются Святым Духом, когда все церковь прилагает свои усилия: тогда даются сотни, а не одно свидетельство, и они усиливают друг друга; тогда проповедники Христовы, трудясь каждый в отдельности, творят одно общее дела, а молитвы возносятся на небо объединенными усилиями; таким образом грешники попадают в круг молитв и само небо призывается им на помощь. В некоторых общинах грешнику иногда бывает трудно спастись, потому что все хорошее, что он получает с кафедры, замораживается ледяной атмосферой, которая его окружает: и наоборот, в некоторых церквах трудно не обратиться к Богу, потому что эти церкви святой своей ревностью заставляют грешников одуматься. И мы должны силою Духа Святого возбудить во всей церкви миссионерский дух, сделать ее подобной лейденской банке, заряженной божественным электрическим током, чтобы каждый, кто соприкоснется с ней, почувствовал бы его силу. Но что может сделать один человек? И что только он не сделает, имея вокруг себя армию энтузиастов? С самого начала своей проповеднической деятельности подумайте о возможности сделать всю свою общину ловцами душ. Избегайте расхожего мнения, что мы можем привлечь к своей работе только несколько полезных сотрудников, а остальные в нашей общине неизбежно должны остаться мертвым грузом. Это может случиться но, если вы начнете свою работу с такими мыслями, то это так и случится. Обычные вещи не универсальны; не останавливайтесь на достигнутом, а ставьте себе более высокие цели и не жалейте сил для их достижения. Старайтесь, чтобы вся церковь жила с Богом, чтобы каждый в отдельности и все они вместе беспрестанно трудились во имя спасения душ. Для этого необходима проповедь, дающая силу вашим слушателям, постоянная молитва, дающая силу свыше, ваш собственный самый героический пример, зажигающий их огнем ревности. Тогда силою Духа Святого разумное употребление всех этих сил не может не дать самых желаемых результатов. Кто же из вас может понять и воплотить это в жизнь?

Очень правильно и очень полезно просить иногда других братьев сказать вместо себя проповедь, потому что есть рыба, которая никогда не попадет в вашу сеть, но пойдет в сеть многих других рыбаков. Новые голоса проникают туда, где привычный голос уже не производит действия, и вызывают больший интерес у тех, кто привык быть внимательным. Хорошие разумные проповедники могут оказать помощь даже самому прекрасному пастору и собрать плоды там, где ему это не удалось; во всяком случае, это изменяет тон обычных служб и помогает избежать монотонности. Никогда не давайте волю ревности. Если другой светильник будет светить ярче вашего, какая разница, если он дает свет тем, о благополучии которых вы заботитесь? Скажите вместе с Моисеем: «О, если бы все в народе Господнем были пророками». Кто свободен от ревности, никогда не станет ревновать; его прихожане могут знать, что другие превосходят его по таланту, но они всегда будут говорить, что никто не превосходит его по любви к своим прихожанам. Любящему сыну совсем не надо думать,

что его отец самый умный: он любит его таким, каков он есть, а не потому, что он лучше других. Приглашайте к себе иногда добросердечного соседа, используйте всякий талант в вашей церкви, просите какого-нибудь известного проповедника сказать в вашей церкви проповедь, и все это, по милости Божией, поможет вам преодолевать все трудности и постоянно совершенствоваться в своем призвании.

И, наконец, возлюбленные братья, любыми и всеми возможными средствами трудитесь во славу Божию, приводя к Нему людей, и не – успокаивайтесь пока ваше страстное желание не исполнится.

Глава 24

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ПРОПОВЕДИ

В этой лекции мы поговорим об использовании иллюстраций в наших проповедях. И, может быть, лучшим средством для этого будет проиллюстрировать нашу беседу, потому что нет более верного пути научить гончарному делу, как сделать горшок. Томас Фуллер говорит: «Мотивы – это столбы структуры проповеди, а образы – окна, дающие лучшее освещение». Это сравнение очень удачно, и мы построим нашу беседу в этом направлении.

Главным мотивом для сооружения окон в доме является, как говорит Фуллер, впустить свет. И это делают притчи, образы и метафоры. Потому мы употребляем их для иллюстрации нашей темы или, иными словами, чтобы «освятить» ее, по буквальному определению др. Джонсона. Этими словами, часто, когда наша дидактическая проповедь не доходит до слушателей, мы можем раскрыть им ее смысл путем открытия окна и «впускания света». Наш Спаситель, Который есть свет миру, широко использовал в Своих проповедях образы, чтобы простые люди с удовольствием слушали Его. Его пример имеет огромное значение в практике разъяснения божественного наставления путем простых и поэтических сравнений. Каждому проповеднику правды, как и Ною, Премудрость повелевает: «И сделай отверстие в ковчеге». Вы можете давать умные определения и объяснения, и все же ваши слушатели не поймут, что вы хотите им сказать, а вот подходящая метафора сразу же раскроет им смысл ваших слов. Картинки в «Иллюстрированных лондонских новостях» дают нам гораздо лучшее представление о вещах, которые они изображают, чем самый лучший описательный текст. И то же самое можно сказать о Священном Писании: абстрактная истина предстает перед нами в самом живом свете, когда дается конкретный пример или само учение излагается образным языком. В самой короткой проповеди должна быть, если возможно, хотя бы одна метафора. Так, в своем видении храма Иезекииль видел, что даже в маленьких комнатах окна были размером, соответствующим величине этих комнат. Чтобы говорить в духе Евангелия, мы должны стараться ясно излагать свои мысли: говорить просто и понятно для самых безграмотных из наших слушателей; будем же широко пользоваться метафорами и притчами в наших проповедях. Правильно кто-то сказал: «Мир подо мной – это зеркало, в котором я могу видеть мир надо мной. Дела Божии – это календарь пастуха и алфавит пахаря». Нам нечего скрывать, и потому нам нет надобности говорить непонятно. Ликофрон как-то сказал, что он повесится на первом дереве, если увидит, что кто-то понял его мелодраму «Кассандра». К счастью, никто не заставил его так бессмысленно использовать дерево. Думаю, мало кто из нас захотел бы, чтобы наши проповеди были непонятны для слушателей. И все же некоторые из наших братьев подобны Гераклиту, которого называли «темным доктором», потому что язык его был крайне труден для понимания. Некоторые мистические проповеди столь туманны, что никакой «свет не осветит» их и сразу погаснет, как факел в Гротта дел Кане («Собачьей пещере»); они совершенно невразумительны и туманны, и понять их нет никакой надежды. Мы против такого стиля и согласны с Шьютом, который сказал: «Та проповедь самая поучительная, в которой все совершенно ясно. И потому великие богословы обычно говорят: «Господи, научи меня проповедовать ясно!»

Окна в доме доставляют огромное удовольствие и удобство; так и иллюстрации делают проповедь приятной и интересной. Здание без окон – это тюрьма, и никто не захочет в нем жить; так и проповедь без притчи скучна и неинтересна и только вызывает усталость. Екклесиаст «старался приискивать изящные изречения» – так и образы и сравнения в наших проповедях услаждают слух наших слушателей. Не будем же лишать их соли притчи, в которой содержится мясо учения. Наши прихожане слушают нас с удовольствием, когда мы вносим в наши проповеди метафоры, когда рассказываем какой-нибудь анекдот, чтобы дать

им передохнуть, перевести дыхание и дать волю их воображению, тем позволяя им подготовиться к более напряженной работе, которая потребуется им для слушания более серьезного материала. Путешествуя несколько лет назад поездом в третьем классе по восточным областям нашей страны, мы долго сидели без света, и когда кто-то из пассажиров зажег свечу, было приятно видеть, как все глаза обратились в его сторону, и все возрадовались свету; такое же действие часто оказывает простая улыбка во время проповеди. Она оживляет ее и приносит радость каждому слушателю. Даже маленькие дети начинают внимательно смотреть и слушать, и улыбка освещает их лица, когда мы рассказываем им какую-нибудь историю, потому что они так же радуются свету, который светится в наших глазах. Можно сказать, что они часто хотели бы, чтобы проповедь состояла только из иллюстраций, как мальчик, который хочет, чтобы весь пирог состоял только из слив. Но этого нельзя допускать. Есть золотая середина, и мы должны держаться ее, делая нашу проповедь интересной для слушания, а не для приятного времяпрепровождения. Проповедь Евангелия никогда не должна быть скучной ни для проповедника, ни для слушателя. Все наши проповеди должны всегда быть интересными. Дом с толстыми стенами не может не иметь окон, как и проповедь не должна состоять только из одного учения без окна сравнения или поэтической решетки, иначе наши слушатели перестанут ходить к нам и предпочтут оставаться дома и слушать своих любимых авторов, живые прибаутки и яркие образы которых доставляют им большее удовольствие.

Каждый архитектор скажет вам, что он считает окна -возможностью украсить свой проект. Все здание может быть массивным, но оно не будет приятным без окон и других деталей. Папский дворец в Авиньоне – это огромное сооружение, но внешних окон в нем так мало, что он создает впечатление колоссальной тюрьмы и ничем не напоминает того, что должно быть дворцом. Проповеди должны прерываться, изменяться, украшаться и оживляться. И ничто не сделает этого лучше, как введение типичных образов, символов и примеров. Конечно, украшение не является основной деталью, но оно помогает сделать проповедь более красивой, и потому не надо пренебрегать им. Когда Премудрость построила себе дом, она вытесала семь столбов и не только, чтобы украсить его, но и чтобы они служили ему опорой. И можем ли мы себе представить, чтобы жалкая лачуга могла быть местом, где обитает святость? Конечно, хорошая проповедь должна излагаться красивым языком. Правда – это дочь царя, и одежды ее должны быть сделаны из золота; ее дом – это дворец, и он должен быть украшен окнами из рубинов и воротами из жемчужен.

Иллюстрации вызывают оживление и внимание у слушателей. Окна, когда они открыты, что, к сожалению, не часто бывает в наших молитвенных домах, – это великое благо для наших слушателей, потому что через них входит свежий воздух, будя бедных смертных, которые засыпают в душной атмосфере. Окно впускает в комнату струю чистого воздуха; так и оригинальная метафора, живой образ, необычное сравнение, богатая аллегория вызовут у слушателей мысли, которые вдохнут в них животворную силу, пробуждая их от апатии и оживляя их способности принять правду. Кто привык к скучным проповедям некоторых известных богословов, сильно удивится, увидев восторг и радость, с которыми прихожане слушают проповедь, насыщенную хорошими иллюстрациями. На покрытых пылью полках книжных магазинов можно найти много сборников проповедей сухих, как пустыня; но если среди тысячи параграфов в них промелькнет хоть одна улыбка, то она подобна оазису в пустыне Сахара и услаждает сердце читателя. Составляя проповедь, вспомните книжного червя, который уверен, что получит свою порцию пищи, как бы суха ни была ваша проповедь, но пожалейте окружающих вас алчущих, которые должны получить жизнь через вашу проповедь, иначе они погибнут. Если кто из ваших слушателей будет продолжать спать, то они обречены на вечные муки, так как ни от кого другого они не получат помощи.

Признавая иллюстрации обязательными, надо помнить, что их роль в проповеди такая же, как окно в доме, и поэтому, среди прочего другого число их должно быть ограниченно. Слишком много окон может нарушить прочность здания. Мы слышали проповеди, изобилие

метафор в которых делало их неинтересными. Проповеди должны быть подобны не букету цветов, а пучку пшеницы. Очень красивые проповеди обычно совершенно бесполезны. Погоня за изяществом приводит только к неудаче. Дом, сделанный весь из стекла, – не самое удобное место для проживания, и, кроме других недостатков, он вызывает большой соблазн у некоторых людей бросать в него камни. Изобилие метафор в наших проповедях является прекрасным поводом для успешной критики со стороны наших противников. Для наших сторонников образы являются аргументами, но нашим противникам они только дают возможность для критики; враг лезет в дом через окно. Сравнения – это обоюдоострый меч, который режет с обеих сторон; и часто кажущаяся на первый взгляд острая и выразительная иллюстрация может быть умело направлена против вас же самих и вызвать насмешки. Поэтому будьте осторожны, когда используете метафоры в своих проповедях. Даже посредственный человек может защититься от умного, если сумеет направить ружье противника против него же. Приведу здесь пример из своей собственной жизни, и сделаю это потому, что все мои лекции автобиографичны. Я прочту вам вырезку из одной религиозной газеты. «Г-н Бичер подвергся искусной критике в «Мече и Лопате». В своих «Лекциях по искусству проповедования» он пишет, что г-н Спэрджен преуспел, как проповедник, «несмотря на свой кальвинизм», добавив при этом, что «верблюд не станет идти лучше, не будет более полезным, потому что имеет горб». Иллюстрация эта оказалась не очень удачной, потому что г-н Спэрджен умело ее парировал: «Естествоиспытатели утверждают, что арабы считают горб верблюда очень важным, потому что они судят о состоянии своих животных по размеру, форме и твердости их горбов.

Когда верблюд идет через пустыню, он питается своим горбом, так что, по мере того как он продвигается вперед, испытывая голод и усталость, масса его горба уменьшается. И он непригоден для долгого путешествия, пока горб его не восстановится. Так и кальвинизм является духовной пищей, позволяющей человеку трудиться на стезях христианского служения, и хотя горб вызывает насмешки у посторонних наблюдателей, те же, кто идет утомительными путями своего одинокого опыта, слишком хорошо знают ему цену, чтобы с ним расстаться, даже в обмен на блестящие таланты г-на Бичера».

Широко пользуйтесь иллюстрациями, но не увлекайтесь ими настолько, чтобы ничего, кроме них, в проповеди не было, иначе она будет пригодна только для собрания невежд. Наш дом должен быть построен из твердых кирпичей учения, на глубоком фундаменте вдохновения: его столбами должны быть твердые библейские аргументы и каждый камень положен точно на свое место, а окна располагаться в соответствующем порядке, – «три ряда окон», «окно против окна», как в доме из дерева Ливанского. Но дом не строиться ради окон, как и проповедь не должна строится ради только одного любимого нравоучения. Окно – это только второстепенная часть всего сооружения, как и самая лучшая иллюстрация – это только часть проповеди. Глупо, с нашей стороны говорить проповедь только ради одной метафоры, как и глупо со стороны архитектора строить собор ради витражей. Мы посланы строить не хрустальный дворец для выставления в нем произведений искусства и изящной одежды, но, как мудрые строители, мы должны воздвигать духовный дом для жилища святых. Наше здание предназначено стоять вечно, а не один день, и потому не должно строиться только из хрусталя и ярких украшений. Мы ничего не сделаем, как проповедники Евангелия, если будем стремиться к блеску и изяществу своих проповедей.

Нет правила относительно количества метафор и образов в каждой проповеди; каждый поступает так, как считает нужным. Нельзя точно определить хороший вкус в одежде, и все же каждый знает, что это такое; так, есть и литературный, и духовный вкус, который определяет количество метафор и образов в каждой публичной речи. «Не переусердствуй» – это хорошее предостережение. Некоторые используют много метафор потому, что считают, что каждое их предложение должно быть цветком. Они бороздят по морям и океанам и рыщут по берегу в поисках новых кусков цветного стекла для своих окон и разрушают стены своих проповедей ради излишних украшений, пока их произведение не напоминает, скорее, фантастический грот, чем дом для жилья. Они глубоко ошибаются, если

думают, что таким образом показывают свой ум или приносят пользу слушателям. Я даже согласился бы вернуть налог с окон, если бы это остановило таких поэтических братьев. Закон, как я знаю, разрешал восемь окон без взимания налога, и мы также могли бы позволить «несколько, то есть восемь» метафор, но не больше, а за остальные сильно бы наказывали. Цветы на праздничном столе – это прекрасно, но так как ими не наешься, то они вызовут только презрение, если будут стоять перед нами вместо еды. Все знают разницу между щепоткой соли и целой солонкой, высыпанной на мясо; и мы хотели бы, чтобы те, кто пользуется большим количеством символов, образов и метафор в своих проповедях, помнили, что отвращение к проповеди не менее неприятно, чем к еде. От добра добра не ищут; и слишком много красивых вещей может принести больше вреда, чем их полное отсутствие.

Известно, что с возрастом и приобретением знаний и опыта склонность к излишнему употреблению метафор и иллюстраций становится у людей слабее. В какой-то мере это можно приписать ослаблению у них воображения; но это происходит также и с углублением знаний и понимания. Некоторые пользуются ими меньше, чем раньше; но это не всегда так. Я знаю, что люди, не утерявшие с возрастом способности к образному мышлению, считают теперь менее полезным использовать метафоры, чем они это делали в юности, потому что пришли к твердому выводу, что основным в проповеди должно быть наставление. Когда к вам приходят люди, которые никогда не слышали Евангелия, и вам надо завоевать их внимание, едва ли уместно использовать метафоры и образы в ваших проповедях. Наш Господь Иисус Христос широко пользовался ими; действительно, «без притч не говорил им», потому что их знания были настолько скудны, что они не могли еще с пользой слушать чисто дидактическую истину. Знаменательно, что после предавания Духа Святого, притчи использовались реже и уверовавшим давалось более прямое учение о Боге. Когда Павел говорил или писал церквам, он мало использовал притч в своих посланиях, потому что обращался к уже уверовавшим и желающим больше знать о Боге. По мере развития христианского сознания стиль учителей становился менее фигуральным и более доктринальным. Редко в учебниках нашего колледжа можно встретить гравюры, но значительно больше их можно найти в орфографическом справочнике для маленьких детей. Это говорит о том, что мы не должны держаться твердых правил, а использовать более или менее любой метод обучения в зависимости от наших собственных способностей и способностей наших слушателей.

Иллюстрации должны пояснять обсуждаемый вопрос, иначе они становятся фальшивыми окнами, а всякая фальшь отвратительна. Когда еще действовал налог с окон, многие в деревнях половину окон в своих домах, покрывали штукатуркой и оконные рамы красили краской, создавая вид окон, через которые солнечный свет не проходил. Так, я вспоминаю темные окна в комнате приходского дома моего дедушки и мое удивление, почему люди должны были платить деньги за солнечный свет. Глухие окна – это хороший пример иллюстраций, которые ничего не поясняют и сами требуют объяснения, что особенно характерно для высокопарности. Можно их привести много, но достаточно примеров высокопарности и полного вздора, будет и одного. Имя автора я не стану называть, но прочту весь отрывок полностью из проповеди на тему «Смерть – приобретение».

«Есть птица, которую моряки называют фрегатом, привычки и сила которой необыкновенны. Люди видят ее во всех частях света; раскинув свои мощные крылья, парит она всегда высоко в небе, никогда не приближаясь к земле. Люди на севере видят ее парящей с неподвижными крыльями в сиянии утренней зари, среди ее огненных лучей, кружащих вокруг нее и окрашивающих ее в свой огненный цвет. Люди в тропиках видят ее в жаркий полдень, когда палящие лучи окрашивают ее перья в алый цвет, не принося ей никакого вреда. Для многих она – миф, для всех – тайна. Где же ее пристанище? (Действительно замечательно! И мы можем добавить: «кто же насыпет соль ей на хвост?») Где она отдыхает? Где родилась? Никто не знает. Известно только, что эта небесная птица, так назовем ее, парит над облаками, над стихиями, над громами и молниями, раскинув свои крылья, которые

пренебрежительно бьют по воздуху, который ее держит. (Великая мысль! Не правда ли? Лететь, не двигая крыльями, пренебрежительно разбивая со всей силой воздух, потому что убивает все живое). Так и моя надежда. На любом полюсе жизни, над тучами скорби, над стихиями, которые обрушиваются на меня, на гордых и неутомимых крыльях, презирая землю, несется она ввысь, никогда не останавливаясь, не отклоняясь от линии своего величественного полета. Я вижу ее на рассвете моей жизни, в жаркий полдень и когда наступают сумерки и мое солнце село – как вы бы сказали; но я скажу, когда сумерки исчезают, когда мое солнце встало, последнее, что от меня остается, – это надежда победоносной смерти – приобретения, так как она парит на твердых крыльях и исчезает в вечном свете.

Я думаю, друзья, что никакие мои увещевания не подымут вас на этот из гранита высеченный пьедестал, на котором должно стоять монументальное благочестие. Совершенно верно: увещевание не может поднять тело на пьедестал. Для этого нужны руки и ноги. Но что такое монументальное благочестие? Только путем анализа, путем ночных размышлений над великими библейскими изречениями и под небесным сводом склоняется молитва и не упускает возможностей, которые находятся вне этой жизни, подобно свободным тронам, ожидающих своих царей. Только таким образом и такими другими путями, подсказанными Духом Святым, готовым их получить, достигнете вы того уровня переживаний, которые предполагает этот евангельский текст. Где сегодня Павел? Где тот, кто из римской темницы написал эти бессмертные слова? Кто из вас проверил это утверждение, что «смерть – приобретение?» Никто. (Очень безопасный вопрос! Кто из нас уже умер?) Мы знаем, что он пребывает в слове. Он ходит в небесных пространствах, где даже Божеству ничто не мешает ходить. (Красноречиво это или кощунственно? Как считать?) После своих мук он успокоился. Но что же он получил, чего мы не получим? Что он имеет, что не дано ему было в дар? И разве его Бог не мой и не ваш Бог? Будет ли Предвечный Отец кормить нас пристрастно? Делать между нами различие и быть пристрастным даже за Своей трапезой? Благочестию никогда не придет в голову такое страшное подозрение. Наш Отец кормит Своих чад одинаково; и одежды, которые они носят, сделаны из царского материала, даже Его Праведности. Они сияют, как светила, слившиеся в одно целое величественным движением. Встаньте же, друзья мои! Вы Его возлюбленные чада, встаньте и подымайтесь со мной по этой величественной лестнице, ступени которой по мере подъема превращаются из гранитных в порфирные, из порфирных в яшмовые, пока наша нога, сама уже чистая, не вступит в хрустальное море, раскинувшееся в своей чистоте перед Престолом». (Вверх по лестнице к морю! И еще три пары ступеней! Величественная идея! Или по крайней мере шаг к ней).

Эта высокопарная риторика ничего не поясняет и ни в малейшей степени не помогает нам понять, что такое «смерть – приобретение». Такого рода язык ничего не объясняет слушателю, а только поражает его и создает у него впечатление, что его проповедник – блестящий оратор. Проповедование таким ораторам, которые пользуются подобными дешевыми эффектами, должно быть запрещено до конца их жизни. Метафоры ваших проповедей должны пояснять и объяснять то, что вы говорите, иначе они становятся немыми истуканами, которым нет места в доме Божием.

Иллюстрации не должны быть слишком яркими, или, употребив нашу метафору, они не должны быть нарисованными окнами, привлекающими внимание к себе самим, вместо того, чтобы пропускать дневной свет. Я совершенно не против окон, украшенных витражами, «цветными стеклами, сияющими подобно лугам, покрытым весенними цветами»; здесь я имею в виду только иллюстрации. Наши метафоры предназначены не для того, чтобы видеть их, а чтобы видеть через них. Если вы будете отвлекать внимание слушателей от того, что говорите, вызывая восхищение вашим умением говорить образами, то принесете им только вред, а не пользу. На одной из наших выставок я видел портрет короля; но художник изобразил его на фоне изумительно ярких цветов, так прекрасно нарисованных, что никто уже не обращал никакого внимания на фигуру царя. Все свое искусство художник

сосредоточил на второстепенных вещах, и в результате то, что должно было быть главным, стало второстепенным. Хотя вся картина была произведением искусства, главная ее цель не была достигнута. Христос должен быть «предначертан пред глазами» людей, «как бы распятый» у них; и никакой даже самый прекрасный символ или самый изумительный образ не должен отвлекать внимание слушателей от божественной фигуры. Иисус должен быть всем и во всем. Его благовестие должно быть началом и концом во всех наших проповедях; метафоры и другие образы, поэзия, красноречие, должны служить для Его прославления. Никогда красноречие проповедника не должно затемнять тему его проповеди; это значило бы бесчестить, а не прославлять Христа. Поэтому иллюстрации никогда не должны быть слишком яркими.

Из вышесказанного следует, что *иллюстрации должны быть естественны и вытекать из темы вашей проповеди*. Они должны быть, как хорошо расположенные окна, запланированные в проекте здания, а не прорублены позже, когда здание уже построено, или вставлены с целью только одного украшения. Миланский собор вызывает у меня огромное восхищение; он всегда представляется мне как колоссальное дерево, выросшее из земли, или как мраморный лес. Каждая деталь его, от основания до самого высокого шпиля, является естественным отростком, частью хорошо продуманного целого, существенной неотъемлемой его частью. Такой должна быть и проповедь; вступление, разделы, аргументы, метафоры – все это должно естественно вытекать из главного, быть тесно связанно с ним, ничего лишнего, ничего упущенного. В проповеди должны быть цветы, но произрастающие из этой же почвы, не изящные экзотические растения, привезенные из дальних стран, а естественно выросшие на святой земле, на которой стоит проповедник. Метафоры должны соответствовать теме проповеди; роза на дубе – не на своем месте, лилия, растущая на тополе, – это неестественно; все должно составлять целое и иметь к нему прямое отношение. Иногда можно позволить себе немного роскоши, как Адамс и Тейлор, которые украшают истину редкими драгоценными камнями, золотом из Офира, привезенными из дальних стран. Но я приведу вам высказывание Гамильтона о Тейлоре как предостережение для тех, кто хочет завоевать внимание множества людей. «Мысли, эпитеты, примеры, образы лились неудержимым потоком, и все они были так уместны и прекрасны, что трудно было расстаться хоть с одной из них. И он старался найти место и применение для каждого – для «цветов и крыльев бабочки» и для «пшеницы»; и если ему не удавалось сделать звенья своей логической цепи из «закрученных усиков виноградной лозы» или «локонов младенца», то он хотя бы украшал свою речь изящными выражениями. Он умел к месту вставлять цитаты из своих любимых Августина и Златоуста и не менее любимых Сенеки и Плутарха. Как белка не может не собирать орешков про запас, так ученый писатель не может не внести в свою книгу цитаты из любимых авторов. Но, увы, он не знает, сколь скучны и бессмысленны они для тех, кто не разделяет его пристрастия к ним и их красоту и пользу. Для него каждая отшлифованная скорлупа напоминает сказку осеннего леса, и рощи, и лучи солнца, сверкающие сквозь желтую листву, но «обычная публика» предпочитает пинту лесных орехов с тележки торговца». Никакие иллюстрации не скажут и половины того, что те, которые напоминают нам знакомые предметы. Много прекрасных цветов растет в чужих странах, но нашему сердцу дороже те, которые цветут у дверей нашего дома.

Иллюстрации также должны быть простыми и понятными. Свет лучше всего проходит через самое чистое стекло; слишком разукрашенное, оно не пропускает солнечного света. Жертвенник Божий следовало делать из земли или нетесаных камней, «ибо», говорит Библия, «как скоро наложишь на них тесло твое, то осквернишь их» (Исх.20:25). Отшлифованный, утонченный стиль речи более пригоден для судебных прений, торжественных собраний, или сената, чем для проповедей, которые произносятся от имени Бога или во славу Его. Притчи нашего Господа были просты, как сказки для детей, и естественны и красивы, как лилии в долинах, где Он говорил народу. Он брал материалы для Своих притч не из Талмуда или персидских сказок, не пользовался заморскими символами; Он жил среди Своего народа и говорил об обычных вещах простым языком, как «никогда

человек не говорил так», но все же как должен говорить каждый наблюдательный человек. Он говорил притчи на Своем языке и языке Его окружения; они никогда не были натянутыми, вымышленными, формальными и искусственными. Будем же подражать Ему, потому что нам никогда не найти более совершенной и более подходящей модели для нашего времени. Откроем же глаза, и тогда мы увидим, как много образов окружает нас, ибо «весьма близко к тебе слово сие». Бессмысленно заимствовать иллюстрации для наших проповедей из произведений искусства или научных теорий, когда в природе золотые иллюстрации лежат на поверхности; и самыми лучшими будут те, которые самые легкие для понимания. На основании естественной истории мы можем сказать: «золото той страны хорошее»; иллюстрации, заимствованные из повседневных явлений, которые видит пахарь и возчик, – самые хорошие на земле. Иллюстрация – не пророк, потому что она почитается в своей стране. И больше всего нравятся людям те иллюстрации, которые отражают то, что они чаще всего видят.

Думаю, едва ли надо говорить, *что иллюстрации не должны быть вульгарными и грубыми*. Им не обязательно быть высокопарными, но они всегда должны быть хорошего вкуса. Они могут быть простыми и все же по-настоящему красивыми, но никогда – грубыми и вульгарными. Отвратителен дом, окна которого грязные, покрыты пылью и паутиной, заклеены коричневой бумагой и заткнуты тряпками; такие окна говорят, что это не дом, а лачуга. Так и наши иллюстрации не должны иметь даже намека на то, что может шокировать самых деликатных людей. Мы – не то окно, через которое смотрела Иезавель. Обо всем, что предполагает вульгарность и пошлость, мы можем сказать с апостолом: «Всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым». Все наши окна должны открываться на Иерусалим, а не на Содом. Наши цветы мы будем собирать всегда и только на Еммануиловой земле; и Сам Иисус должен быть их благоуханием и красотой, так, чтобы когда Он останавливается возле решетки нашего окна и слышит, что мы о Нем говорим, Он мог бы сказать: «Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим». Все, что нечисто и недостойно, не должно быть вплетено в наши гирлянды, ни служить украшением наших проповедей. То, что очень умно и многозначительно в устах уличного оратора или торговца дешевыми товарами, отвратительно в устах проповедника Евангелия. Было время, когда можно было найти много примеров дозволенной грубости, но не стоит вспоминать о них сейчас, когда такие вещи теперь всеми осуждаются.

Остерегайтесь также, чтобы ваши окна не были разбитыми и даже треснутыми: иными словами, *остерегайтесь путанных метафор и глупых иллюстраций*. Сэру Бойлю Роше часто приписывают авторство таких метафорических конгломератов, как, например, такой: «Я чую запах крысы; Я вижу ее парящей в воздухе; я уничтожу ее в зародыше». Думаю, однако, что это скорее миф, чем правда. Хотя и в меньшей степени, но и от наших соотечественников можно услышать подобные нелепицы. Один защитник воздержанности воскликнул: «Друзья, возьмемся же за дело! Подымем топоры и будем пахать пустыри, пока корабль «Воздержание» не будет плыть по земле». Помните, как несколько лет назад один ревностный ирландский пастор воскликнул: «Гарибальди был слишком велик, чтобы играть вторую скрипку после такого жалкого светилы, как Виктор Эммануель». Это было на открытом собрании, и мы с трудом сдерживались, чтобы не разразиться смехом, представив себе Гарибальди со скрипкой, подыгрывающего светиле. Недавно один брат пожелал нам, чтобы мы «все были ловцами душ» и заставили их сложить у ног Господа свои венцы, украшенные драгоценными камнями, купленными Его кровью. Его слова имели столь возвышенный смысл, что слушатели не заметили, какую несуразицу он несет. А один из вас как-то сказал, что он надеется, что «каждый из нас сможет издать из евангельской трубы такой чистый и убедительный звук, что слепые увидят». Он, очевидно, хотел сказать, что «этот страшный звук заставит их открыть глаза от удивления», но более правильно было бы, если бы он сказал, что «глухие услышат». А один шотландский писатель, в ответ на предложение использовать орган во время богослужения сказал: «Ничто не остановит эту лавину своеволия и огромного греха, как *только возвращение к Слову Божию»*.

В рецензии в «Дейли ньюс» на книгу одного знаменитого нонконформистского проповедника высказывается сожаление, что его метафоры совершенно неуместны, когда он говорит, что что-то осталось тайным, пока мощный ключ не был вставлен в замок источника и сильный его поворот не открыл шлюзы и не выпустил сдерживаемый поток. Однако не удивительно, что простые смертные могут делать такие грубые ошибки, если почивший в Боге папа Пий IX сказал, что Гладстон «выскочил, как гадюка, набросившаяся на лодку св. Петра». Гадюка, бросающаяся на лодку, – уж слишком сильное сравнение даже для самого широкого воображения, хотя некоторых людей ничем не удивишь.

В одной из таких рецензий, которые считают себя вне всякой критики, сообщается, что епископ Чичестерский, будучи назначен проповедником в церкви св. Марии в Оксфорде, воспользовался случаем «громить» налево и направо ритуалистов красноречием и живостью языка. Самсон громил врагов своей огромной силой, но буквально языком громить нельзя.

Таких примеров можно найти множество, но, думаю, я привел достаточно, чтобы вы увидели, как сильно можно исказить метафору, когда она теряет уже смысл. Самый прекрасный оратор может иногда делать ошибки; это не очень важно, но все же ложка дегтя может испортить бочку меда. Некоторые братья постоянно искажают любой образ, которым они пользуются, и когда они собираются употребить метафору, мы уже ждем услышать несуразицу. С их стороны было бы умнее исключить все образы из своей речи, пока они не научатся правильно ими пользоваться. Очень жаль, когда иллюстрации так запутанны, что затемняют и искажают смысл того, что они должны пояснить. Будем же давать нашим слушателям хорошие метафоры или же вообще не давать их.

Глава 25

ПРИМЕРЫ В ПРОПОВЕДИ

Широко признано считать, что проповеди могут быть умело украшены небольшим количеством иллюстраций, но употребление анекдотов в проповеди вызывает у некоторых проповедников большое сомнение. Они снизойдут до цитирования символов, употребления поэтических образов, но не опустятся до того, чтобы рассказать простую, обыденную историю. Они даже могут сказать по секрету своим младшим братьям: «Смотрите, не унижайте себя и ваше священное служение рассказами анекдотов, которые больше всего нравятся вульгарным и невежественным людям». Мы не станем всем советовать широко пользоваться анекдотами в своих проповедях, здесь надо делать различие. Для некоторых хороших стилей анекдоты просто недопустимы, потому что они только портят их, и некоторые блестящие ораторы не позволят себе рассказать простую историю, потому что это не соответствует их образу мышления. Таких мы даже не подумаем осуждать. Но когда мы говорим о тех, кто только воображает, что он что-то из себя представляет, то к ним мы должны быть даже беспощадны. Если они будут насмехаться над анекдотами, то мы будем смеяться над ними и над их насмешками и пожелаем им быть более умными и менее чопорными. Претензия на интеллектуальное превосходство и любовь к ораторскому блеску мешали многим излагать евангельскую истину самым простым и понятным образом, а именно, при помощи аналогий, взятых из повседневной жизни. И так как они не могли снизойти до простых людей, они не позволяли себе приводить примеры, которые объясняли то, что они хотели сказать. Боясь прослыть вульгарными, они теряли прекрасные возможности. Так и Давид мог бы отказаться бросить камень в лоб Голиафа, потому что взял его из пастушеской сумки.

От проповедников столь высокого о себе мнения люди ничего не услышат, кроме как холодного красноречия. Чувство собственного достоинства отвратительно, если оно не направлено на обращение людей к вере; те, кому не хватало настоящего достоинства, чтобы избежать к себе презрения из-за своих претензий на настоящее достоинство, были подобны «надутым индюкам». Когда одному молодому проповеднику, прочитавшему очень заумную проповедь, сказали, что его поняли не более пяти-шести прихожан, он принял это за комплимент, но я отнес бы его к той же категории, что и другого, который, произнося проповедь, всегда тряс головой, чтобы сделать речь более убедительной и произвести впечатление на невзыскательных слушателей, пока одна умная христианка не заметила, что его мотание головой было бессмысленно.

Высокопарная речь недопустима так как сложна для простых людей, и очень хорошо об этом сказал Лютер: «Прокляты будут те проповедники, которые стремятся говорить в церкви о возвышенных, трудных для понимания простых людей вещах; и пренебрегая духовным здоровьем несчастных безграмотных, они ищут себе почестей и похвалы и потому стараются понравиться двум-трем высокообразованным людям. Когда я проповедую, то опускаюсь до уровня понимания самых простых людей». Может быть, излишне напоминать вам одну часто приводимую цитату из «Приходского пастора» Г.Герберта, но я не могу не привести ее, так как она очень мне нравится: «Как и во все времена, пастырь говорит также от имени Бога, и потому люди очень внимательно слушают такие проповеди и считают это обязательным, когда Бог стоит рядом с ними и даже возвышается над их головами. Иногда он рассказывает им разные истории или приводит изречения других людей, когда этого требует его текст. Они с большим вниманием слушают их и запоминают лучше, чем наставления, которые, хотя и очень важны, часто сразу же забываются, особенно деревенскими людьми, которые так толсты, ленивы и тяжелы на подъем, что разжечь в них

ревность и усердие может разве только море огня, а вот всякие истории и изречения они хорошо запоминают».

Никогда нельзя забывать, что Сам Господь, когда Он наставлял людей, рассказывал разные истории и биографии. Наша Библия содержит в себе учения, обетования и наставления, но не только их; вся книга оживляется и иллюстрируется сообщениями о вещах, сказанных и сотворенных Богом и людьми. Студенты богословских семинарий ценят священные истории и знают, что в них содержится особая полнота и сила наставления. И для библейских учителей лучшим примером для наставления учеников является сама Библия.

Наш Господь Иисус Христос, великий Учитель учителей, не пренебрегал рассказом анекдотов. И я уверен, что некоторые из его притч были фактами и, следовательно, анекдотами. Разве притча о блудном сыне не отражает буквально реальный факт? Или не было случаев, когда враги сеяли плевелы между пшеницей? И разве притча о безумном богаче, который сказал: «Покойся», не основывается на жизненном факте? И не играли ли богач и Лазарь видную роль на сцене истории? Конечно, повествование о восемнадцати, на которых упала Силоамская башня и убила их, или ужасная трагедия галилеян, «которых кровь Пилат смешал с жертвами их», были росказнями еврейского народа, а Иисус использовал их в Своих целях. Мы не должны стыдиться делать то, что делал Он. И чтобы делать это хорошо и разумно, будем же просить помощи у Духа Святого, Который постоянно почивал на Нем.

В заключение я приведу вам несколько примеров великих проповедников, начиная с эпохи Реформации и до наших дней, потому что примеры оказывают большее действие, чем назидания.

Прежде всего это великий английский проповедник Хью Латимер, самый выдающийся среди наших богословов, и влияние которого было, несомненно. самым сильным. Саути говорит: «Латимер больше, чем кто иной, способствовал Реформации своими проповедями». И это перекликается с более важным высказыванием Ридли, написавшего из тюрьмы: «Я уверен, что Господь поставил Латимера Своим знаменосцем в наше время и в нашей стране против Своего злейшего врага, антихриста». Если вы читали его проповеди, то вас должно было поразить обилие необычайных историй, рассказанных с тем простым юмором, который можно было слышать на лестерширских фермах, на одной из которых он вырос и был воспитан отцом, занимавшимся земледелием, и матерью, доившей грязных коров. И несомненно, что огромный успех его проповедей можно приписать этим историям, привлекавшим слушавших их людей, как и, конечно, общему интересу, который вызывали его проповеди. Больше бы нам таких проповедей, и тогда нам меньше надо было бы бояться возвращения католицизма. Простые люди слушали его с большим удовольствием, и его живые анекдоты в значительной мере привлекали серьезное внимание к его проповедям. Не все его анекдоты можно сегодня рассказывать, потому что вкус нашего времени стал, к счастью, значительно тоньше. Но некоторые столь прекрасны и назидательны, что мы приведем три из них.

СЛУГА МОНАХА И ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ

Я расскажу интересную историю об одном монахе, чтобы вас немного оживить. Один монах много проповедовал и всегда говорил одну и ту же проповедь это была проповедь о десяти заповедях. А так как говорил он ее часто, один из слушателей сказал его слуге, что его господина прозвали «Монах Иоанн Десять заповедей». Слуга рассказал об этом своему господину и посоветовал ему проповедовать на другую тему, потому что ему неприятно слышать, что над его господином те насмехаются. Тогда монах сказал: «Очевидно, ты можешь сказать десять заповедей, так как и часто слушал их?» «Да», – сказал слуга, – «конечно, могу». «Скажи тогда», – сказал господин. И слуга начал: «гордость, алчность, разврат», – и перечислил все смертные грехи вместо десяти заповедей. Сегодня Ветхий Завет уже многим надоел, и они с радостью послушали бы о чем-то новом. Они считают, что

прекрасно знают Ветхий Завет, тогда как знают его не лучше, чем этот слуга знал десять заповедей.

СВ. АНТОНИЙ И БАШМАЧНИК

Св. Антоний, живя в пустыне, как никто другой, вел очень тяжелую и строгую жизнь. Однажды он услышал голос с неба, который сказал: «Антоний, ты еще не достиг того совершенства, которого достиг башмачник, живущий в Александрии». Услышав это, Антоний тотчас взял свой посох и отправился в Александрию к этому башмачнику. Башмачник страшно удивился, когда увидел, что столь достойный отец пришел в его дом. Тогда Антоний сказал: «Расскажи мне все о себе и как проводишь ты время». «Господин, сказал башмачник, – ничего хорошего я не сделал, так как живу просто и бедно. Я ведь только бедный башмачник. Утром, когда я встаю, я молюсь о городе, в котором живу, особенно за всех таких же бедных соседей и друзей, как и я. Затем я сажусь за свою работу и тружусь целый день, чтобы заработать на жизнь, и никогда не лгу, потому что ничего так ненавижу, как обман. Поэтому, когда я что-то обещаю сделать, я всегда держу слово и делаю это хорошо. Так я провожу время со своей женой и детьми, которых учу и наставляю, как умею, бояться Бога. В этом и заключается моя простая жизнь».

Из этого рассказа вы видите, что Господь любит тех, кто следует своему призванию и живет праведно, никогда никого не обманывая. Св. Антоний был великим и святым человеком, но этот башмачник был более праведен перед Богом, чем он.

ОПАСНОСТЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Однажды я прочел рассказ об одном добром епископе, который путешествуя как-то, очень устал, а до города еще было далеко. Увидев стоящий неподалеку красивый дом, он отправился к нему и был принят там со всеми почестями. Хозяин пригласил его к столу, на котором всего было в изобилии. Затем он рассказал епископу, как он богат, как всеми уважаем и почитаем, сколько у него прекрасных детей, какую добродетельную жену послал ему Господь, так что ни в чем у него не было нужды, ничто его не беспокоило, не раздражало. Он жил спокойно и богато. Тогда, услышав о благоденствии этого человека, епископ позвал одного из своих слуг и приказал ему закладывать лошадей, так как увидел, что Бога не было в этом доме, потому что в нем не было искушений. Он попрощался и поехал дальше. Но проехав несколько миль, он вспомнил, что забыл там свою книгу, и послал за ней слугу. Когда тот подъехал к дому, то увидел, что дом и все, что в нем было, затоплено. Из этого следует, что полезно иметь искушения. Этот человек считал себя счастливым, потому что во всем благоденствовал. Но он не знал, что сказал по этому поводу св.Иаков: «Блажен человек, который переносит искушения». Не будем же роптать, когда Бог посылает нам искушение.

Теперь перескочим через столетие и поговорим о Тэйлоре, еще одном епископе, которого я упоминаю сразу же после Латимера. Он представляет собой явный контраст этому простому, проповеднику, тогда как в сущности очень похож на него, что касается стиля проповедования. Оба они употребляют образы и метафоры и с удовольствием рассказывают разные случаи и истории. Правда, Латимер рассказывает случаи из жизни простых людей, а Тэйлор приводит классические примеры и говорит возвышенным языком, который более пригоден к собранию патрициев, чем простых людей. Но по существу проповеди их в равной мере просты и общедоступны, только Тэйлор приводит примеры из области, близкой ему, из среды греческой философии и римских сенаторов. И учитывая это, мы можем сказать, что никто не рассказывал больше анекдотов, чем этот поэт-проповедник. Его биограф совершенно справедливо говорит, что «трудно найти область знаний или науки, на которые он бы не ссылался, или знаменитого древнего или современного писателя, которого он бы не знал». Он часто цитирует древних писателей, как будто все его читатели

должны знать их, как он сам. Так, например, он вспоминает «бедного Аттилия Авиолу» или «ливийского льва, который рассвирепел и разорвал двух римских мальчиков». И делал он это так замечательно, что я не вижу причин, почему все наши анекдоты должны браться только из обыденной жизни. Мы также можем пользоваться древними сокровищами и языческими примерами для разъяснения Евангелия, как Хирам, царь Тирский, содействовал Соломону в строительстве храма Господня.

Я совсем не поклонник Тэйлора в других отношениях, и его учение иногда отдает католичеством. Но в данном случае, что касается стиля его проповедей, он является прекрасным примером. Он любит рассказывать классические истории, не меньше чем азиатская царица украшать себя бесчисленными жемчугами. Достаточно привести выдержки только из одной его проповеди, чтобы убедиться в этом.

СТУДЕНТЫ, ПРОГРЕССИРУЮЩИЕ В СВОЕМ РАЗВИТИИ НАЗАД

Менедем обыкновенно говорил, что «молодые люди, приезжавшие в Афины, в первый год становились мудрецами, во второй – философами, в третий – ораторами и в четвертый – невеждами, понимая только, что они ничего не знают». Точно так же происходит и с некоторыми людьми, что касается их совершенствования в религии. Сначала они ревностны и активны, а затем пресыщаются религией, и в результате они быстро устают, все им надоедает, и они возвращаются в мир и занимаются своей карьерой или добыванием денег. К этому времени они видят, что их религиозность погасла, пыл и безрассудность молодости превратилась в холодность и дряхлость старости.

ГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК, ХВАЛЯЩИЙСЯ СВОИМ СМИРЕНИЕМ

Он был известен, как человек тщеславный, который, радуясь, что излечился (как он думал) от гордости, сказал своей жене: «Смотри, я совершенно перестал быть гордым».

ДИОГЕН И ЮНОША

Диоген как-то увидел молодого человека, выходящего из таверны, который заметив, что философ наблюдает за ним, с некоторым смущением вернулся назад, чтобы по возможности сохранить свою добрую репутацию в глазах этого строгого человека. Но Диоген сказал ему: «Чем чаще ты будешь возвращаться назад, тем дольше будешь находиться там, где тебе стыдно, чтобы тебя видели». Тот, кто скрывает свой грех, сохраняет то, что считает своим позором и горем.

Самые лучшие для себя примеры вы найдете у пуритан, примеру которых мы так хотели бы в этом следовать, хотя, увы, так от них отстаем. Некоторые из них очень любят вводить в свои произведения много анекдотов и историй. Самым ярким примером умного и богатого использования религиозных историй является Томас Брукс. Я ставлю его на первое место, по этому что считаю его наилучшим в этом особом искусстве. В его книгах и даже на полях его книг вы найдете очень ценные замечания и ссылки на классическую литературу. Его стиль ясен и совершенен, но иллюстрации в них никогда не затмевают его учения. Если вы никогда не читали его книг, я просто завидую вам, представляя себе, какое удовольствие вы получите от знакомства с этими совершенными во всех отношениях произведениями. Я дам почувствовать вам это его качество на примере анекдотов, приведя только несколько кратких из них, но у него их так много, что вы можете сами выбрать, какие вам больше понравятся.

СТЕНАНИЯ ГОСПОДИНА УЭЛТЧА

Исполненная особой любовью душа стенает, что не может больше любить Христа.
Г-н Уэлтч, суффолькский проповедник, сидя как-то за столом, сильно плакал, и когда его спросили, почему он так плачет, он ответил, что не может больше любить Христа. «Тем, кто по-настоящему любит Христа, никогда не подняться в своей любви до Христа. (?) Они считают, что небольшая любовь – это не любовь; большая любовь – это небольшая любовь; сильная любовь – это слабая любовь; и самая возвышенная любовь бесконечно ниже любви, достойной Христа, красоты и славы Христа, полноты, благости и совершенства Христа. Самое большое их несчастье в этой жизни то, что они так мало любят, тогда как сами так сильно любимы Им».

СМИРЕННОЕ МОЛЧАНИЕ

Таково было молчание Филиппа Второго, короля Испании. Когда его непобедимая Армада после трех лет войн была разбита, он приказывал по всей Испании воздавать благодарения Богу и святым за то, что прекратились ее скорби.

ФАВОРИТЫ, ПОКОРЯЮЩИЕСЯ ВОЛЕ СВОИХ ГОСПОД

Когда пришли арестовать одного персидского сановника Трибаза, он сначала вынул шпагу, и стал защищаться. Но когда его обвинили именем царя и сказали, что пришли от царя и царь приказал привести его к нему, он сдался. Сенека уговорил своего друга не волноваться, потому что, будучи фаворитом императора, он не имеет права жаловаться, когда Цезарь был его другом. Так должен говорить благочестивый христианин: «О душа! Успокойся, не ропщи; все является любовью, плодом Божественного благоволения».

Г-Н ФИЛИПП СИДНЕЙ

Когда один религиозный командир был ранен во время боя и рана его была осмотрена и пуля вынута, а присутствующие жалели его, видя его страдания, он сказал: «Хотя я и стону, я благословляю Господа за то, что не ропщу. Бог позволяет людям стонать, но не роптать».

Томас Адамс, конформистский пуританин, проповеди которого имели огромную силу и глубокое значение, иногда, нисколько не колеблясь, вставлял в свои проповеди какой-нибудь анекдот, если считал, что он может придать вес его учению. Он всегда начинает с какого-то библейского изречения или повествования и делает это блестяще, вкладывая все свое мастерство. Стоуэл пишет: «Почти на каждой странице его произведения можно найти басни, анекдоты, классические стихотворения, перлы свято отечественных отцов и других древних писателей». Его анекдоты обычно просты и примитивны, как у Латимера, только не столь гениальны. Юмор их мрачный и едкий. И достаточно привести только некоторые, чтобы самим убедиться.

МУЖ И ЕГО ОСТРОУМНАЯ ЖЕНА

Однажды муж сказал своей жене, что у него есть недостаток- сердиться без причины. Жена на это остроумно заметила, что спасет его от этого недостатка, сама давая ему повод сердиться. Как глупо сердиться без причины, когда люди дают достаточно для этого поводов. «В мире будете иметь скорбь».

СЛУГА, ПРИСУТСТВОВАВШИЙ НА ПРОПОВЕДИ

Обычно многие хвалят какую-нибудь проповедь и советуют другим послушать ее, но мало кто сам проникается ею. Совершенно верно рассказывает один христианский правдоискатель: «Выходя из церкви, слуга заметил своему господину, что он сказал прекрасную проповедь. Но когда господин спросил его, на какой текст была проповедь, тот ответил: «Она началась до того, как я пришел». «Чем же она закончилась?» – спросил проповедник». «Я вышел до того, как она закончилась», – ответил слуга. «Но о чем же шла речь в середине?» «О, я заснул в середине». Так, многие стремятся послушать проповедь, но мало кто проникается ею.

КАРТИНА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ЛОШАДЬ

Один человек заказал художнику нарисовать скачущую лошадь. Художник же перепутал и нарисовал ее барахтающуюся на земле копытами вверх. Когда он принес ее заказчику, тот сильно рассердился, выругал его и сказал: «Я хотел, чтобы вы изобразили ее на скаку, а вы нарисовали ее барахтающуюся на земле». «Если только в этом дело, – ответил художник, – то просто переверните картину вверх ногами и получите, что хотели». Так некоторые умники переворачивают в своих проповедях все вверх ногами, чтобы получить то, что они хотят. Я это говорю не потому, что осуждаю их за их находчивость, но я осуждаю их за их бесплодные, ненужные споры и аргументы, которые Библия запрещает.

ПИРАТ

Хозяин судна, которое ограбил один отчаянный пират, сказал этому пирату, что, хотя сейчас ни один закон не может привлечь его к ответу, он ответит за все в день Страшного суда. «Ничего, – ответил пират, – пока я здесь, я заберу и тебя, и твое судно». Хотя такой самонадеянностью и тешатся про себя многие разбойники и деспоты, высказать это на словах они не смеют.

Уильям Гурналь, автор книги «Христиане во всеоружии», несомненно, рассказывал в своих проповедях истории, имевшие отношение к их теме, так как даже в его серьезных книгах они часто встречаются. Видимо, не надо делать различия между его писаниями и проповедями, потому что из введения к этой книге видно, что он уже читал эти проповеди, до того как они были напечатаны. Почти на каждой странице можно встретить короткие рассказы и интересные случаи, описанные его ярким и живым языком. По изобилию иллюстраций его можно сравнить с Бруксом, Уотсоном или Суинноком. Как счастлив был Лавенхэм, имея такого замечательного пастыря! Между прочим, его «Христиане во всеоружии» – это самая лучшая книга для проповедника; думаю, что нигде не найдете вы столько проповедей, как в этой книге. Я сам часто обращался к ней, когда затухало пламя моих речей, и редко не находил горящих углей на очаге Гурнеля. Джон Ньютон сказал, что если бы, кроме Библии, он смог бы прочесть только одну книгу, то выбрал бы «Христиане во всеоружии». Такого же мнения о ней и Сесиль. А Райл сказал: «В одной строчке он умел выразить великую истину так кратко и полно, что действительно удивляешься, как много можно сказать всего в нескольких словах». Мы приведем здесь несколько историй из первой части этой книги, чтобы вы убедились, сколь она замечательна.

ПТИЦА, УКРЫВШАЯСЯ ОТ ОПАСНОСТИ НА ГРУДИ ЧЕЛОВЕКА

И язычник мог бы сказать, когда птица (испугавшись ястреба) залетела к нему за пазуху: «Я не выдам тебя твоему врагу, когда ты ищешь у меня спасения от него. Тем более Бог никогда не выдаст душу человека ее врагу, когда она ищет у Него убежища, восклицая: «Господи, меня преследуют такие ужасные искушения и вожделения; прости меня или я

погибну; убей их или я стану их рабом; возьми меня ради Христа в лоно Своей любви; огради меня от них Твоим Всемогуществом; в Твоей власти спасти меня или выдать моему врагу. Я не верю ни себе, ни другим; в Твои руки отдаю я свою жизнь и надеюсь на Тебя». Эта зависимость души, несомненно, найдет защиту у Всемогущего Бога. Он дал великую клятву, что «прибегшие взяться за предлежащую надежду» получат «твердое утешение» (Евр.6:18).

ПРИНЦ И ЕГО СЕМЬЯ В ОПАСНОСТИ

«Представим себе, что принц должен был уйти из осажденного города, где оставались его жена и дети, которых он любит всем своим сердцем и которым угрожает смерть от меча или голода, если они не получат помощь и поддержку. Мог ли этот принц, прейти в дом отца, предаться удовольствиям царского двора и забыть страдания своей семьи? Разве, прежде чем есть и пить, не отправится он сразу же к отцу (постоянно слыша в своих ушах плач) с просьбой: если отец любит его, направить все войска снять осаду, иначе его любимая семья вся погибнет? Конечно, господа, разве Христос, Который хотя и находится на вершине власти и Которому ничего не угрожает, забудет хоть на минуту Своих детей, оставшихся во власти сатаны и в руках врагов? Его забота о нас выражается в том, что дав Духа Своего в помощь Своим апостолам, Он, сидящий одесную Отца, послал им утешение, а также и нам, которые до сих пор верят и до конца мира будут верить в Него».

БЕСПЕЧНЫЙ ДЖОН

Когда Бог удостаивает человека чести страдать во имя Его правды, это великая привилегия: «Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него». Бог не дает Своим святым бесполезных даров. Каждый дар имеет ценность, которую плотский глаз не может видеть. Вера, скажете вы, – это великий дар, но стойкость ценнее, без которой вера мало что стоит, а стойкость в страдании еще более ценна. Она и заставила Джона Беспечного, английского мученика (он умер за Христа не на костре, а в тюрьме), сказать: «Такой чести не удостоились даже ангелы; Господи, прости мне мою неблагодарность».

Г-Н БЕНБРИДЖ

О, сколько людей умирает на галерах, как мученики сатаны ради, за уголовные преступления, грабеж и убийства! Господь может лишить их Своей милости и предоставить их трусости и неверию, и тогда они показывают, что они из себя представляют. Самые сильные защитники Христа знали, что они бессильны, если Христос оставляет их. Некоторые, кто свидетельствовал свою непоколебимую веру во Христа и твердость в деле Христовом, даже готовые умереть за него на костре, не выдерживали и сдавались, как г-н Бенбридж, наш английский мученик, который, взойдя на костер, закричал: «Отрекаюсь! Отрекаюсь!». И все же этот человек, укрепившись в своей вере и получив силу свыше, смог уже через неделю после этого с радостью принять смерть на костре. Тот, Кто однажды победил смерть нас ради, всегда побеждает смерть в нас.

О Джоне Флавеле я буду еще говорить в другой лекции, так как он является великим мастером употребления метафор и аллегорий; но он не менее блестяще использует и анекдоты в своих проповедях. Говорят, что тот, кого не трогают его проповеди, либо глуп, либо бесчувственен.

Флавел обладал кладезем интересных случаев, способностью прекрасно иллюстрировать свои проповеди, сочетать веселость с торжественностью, и потому был очень популярен как в Англии, так и за границей. Его язык был понятен для всех слоев общества, и потому к нему стекались люди из разных мест только бы послушать его

проповеди. Здесь я приведу несколько историй из разных его проповедей на одну и ту же тему.

ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ В ОБРАЩЕНИИ КО ХРИСТУ

Клочок бумаги, случайно попавший на глаза, может быть использован в целях обращения к Богу. Так это было в случае с одним уэльским проповедником, который имел два прихода, но не заботился ни об одном. Будучи однажды на ярмарке, он купил какую-то мелочь и, не имея куда положить ее, вырвал лист из катехизиса г-на Перкина, чтобы завернуть в него свою покупку. Прочитав в этом клочке бумаге две строчки и поняв, что хотел от него Бог, он выбросил этот клочок, так как он сослужил уже свою службу.

МОЛИТВА ПАВЛИНА

Когда город, в котором жил Павлин, был взят варварами, он воскликнул: «Господи, не дай мне сокрушаться о золоте и серебре, которое я потерял, потому что Ты еси все во всем». Как Ной, когда весь мир был затоплен водой, имел этот мир в миниатюре со всеми видами зверей и птиц, так и тот, для которого в его несчастии Бог есть его Бог, имеет первоисточник всех милостей. Тот, кто имеет весь океан, может пользоваться всеми его благами, хотя и лишается нескольких капель из него.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА И МОЛОЧНИЦА

Находясь в темнице, королева Елизавета позавидовала молочнице; но если бы она знала, что ее ждет славное царствование в течение сорока четырех лет, то не роптала бы, что лишена такого мизерного счастья, которое имела эта бедная женщина. Христиане склонны завидовать шелухе, которой грешники удовлетворяются здесь на земле; но если бы они возложили свои надежды на небо, что будут вечно царствовать со Христом, то не стали бы роптать.

ВЕРУЮЩИЙ РЕБЕНОК

Я прочел рассказ об одной девочке около восьми лет, которая мучалась от голода. Посмотрев однажды на мать страдающими глазами и сказала: «Мама, ты думаешь, что Бог заставит нас умереть от голода?» Мать ответила ей: «Нет, детка, Он этого не сделает». Тогда девочка сказала: «Но если Он сделает это, то мы все равно должны любить Его и служить Ему».

Вот так должен говорить взрослый христианин. Потому что Бог действительно посылает нам лишения и несчастья, чтобы испытать нас, любим ли мы Его ради Него Самого или за все милости, которые получаем от Него; чтобы посмотреть, скажем ли мы вместе с киником Антисфеном: «Не найдется такой дубинки, которая могла бы меня отогнать от тебя».

МОДНАЯ РЕЛИГИЯ

Я прочел об одной католичке, которая, увидев в Париже торжественное шествие к одному из католических святых, воскликнула: «О, как прекрасна наша религия по сравнению с религией гугенотов! Она такая жалкая и бедная, а наша такая великолепная и торжественная». Но, как утверждают герольды, ярко разукрашенный гербовой щит, имеющий на себе много эмблем, говорит о низком его происхождении. Так и манера богослужения, которая перемешивается с человеческими измышлениями, говорит о низком ее происхождении, а именно, от человека.

ДЕЛОВОЙ ГЕРЦОГ

Когда Генрих Четвертый спросил французского герцога Альба, видел ли он затмение солнца, то тот ответил, что у него так много дел на земле, что нет времени смотреть на небо. Так и истинный христианин мог бы сказать с еще большей уверенностью и чистой совестью, что у него столько дел на небе, что нет времени думать о суетных и земных вещах.

Томас Уотсон, один из многих пуританских проповедников, привлекал к себе слушателей частым использованием иллюстраций. В плавном потоке изложения его учения мы очень часто находим замечательные анекдоты. Никто никогда не уставал от его такой живой и глубокой проповеди, которую мы находим в его «Заповедях Блаженства». Мы приведем только выдержки из нее, чтобы показать ее мастерство в использовании иллюстраций.

ВЕСТАЛКА И БРАСЛЕТЫ

Большинство людей считают, что если Бог дал им богатство, то они уже причислены к лику святых. Увы! Бог часто делает это, чтобы наказать их. Он осыпает своих врагов серебром и золотом. Так, как сообщает Плутарх, весталка Тарпея обещала врагам впустить их в Капитолийскую крепость взамен золотых браслетов, которые они носили на левой руке; взойдя на Капитолий, они закидали ее не только браслетами, но и щитами, под тяжестью которых она умерла. Бог часто позволяет людям иметь земные золотые браслеты, вес которых ввергает их в ад. Будем же непрестанно взирать на Всеблагого Бога и всем сердцем стремиться к Нему.

ЕЖ И КРОЛИК

Баснописец рассказывает нам историю о том, как еж, желая скрыться от непогоды, заполз в нору кроликов, обещая им сидеть тихо. Но как только он там устроился, он сразу же выпустил свои иглы и не спрятал их, пока не выгнал всех кроликов из их норы. Так и жадность, хотя и имеет оправдание в добрых начинаниях, проникнув глубоко в ваше сердце, не успокоится, пока не задушит все добрые начинания и не изгонит религию из вашего сердца.

Думаю, что достаточно приводить вам примеры богословов пуританского периода, которые делали более понятным свое глубокое богословие и излагали истину, объясняя ее на примерах из повседневной жизни. Затем наступил век бездуховной жизни, когда богословы соревновались в красноречии, и слова их не имели почти никакого отношения к Слову жизни. Сановники королевы Анны были столь ограниченны, что метафоры и притчи им не были нужны; им нечего было объяснять людям. Самое большее, что им надо было сделать, так это прикрыть наготу своих проповедей фиговыми листками латинизированных формулировок. Время живой проповеди и духовной жизни закончилось, и наступило время проповеди, непонятной для простого народа, непонятной фактически ни для кого, разве только для формалистов, которым достаточно было соблюдения этикета и сохранения внешнего уважения. И, конечно же, разъяснение истины при помощи иллюстраций было ни к чему для этого периода мертвой проповеди. И только когда наступило время оживить «старые кости», популярный метод снова получил признание.

Прославленный Джордж Уайтфилд, вместе с Уэсли, стал во главе той благотворительной армии, которая привела к ревивализму прошлого века. В мои планы не входит сейчас говорить о его непревзойденном красноречии, неугасимой энергии и непрестанном труде; я только напоминаю вам его собственные слова: «я употребляю базарный язык». Он говорил на чистом, прекрасном английском языке, но он был так прост, что понятен был даже детям. Нельзя сказать, что он употреблял очень много иллюстраций, и

все же он пользовался ими там, где это было нужно, и рассказывал случаи, которые производили сильное впечатление и имели особое значение для слушателей. Он рассказывал их так, что они вызывали у них глубокое волнение; они не только слышали, но и видели все, что он им говорил, потому что каждое его слово сопровождалось соответствующим жестом. Одной из причин, почему его можно было понять на большом расстоянии, было то, что зрение помогало слуху. Как образчик его анекдотов я выбрал следующее.

ДВА КАПЕЛЛАНА

Вам не обойтись без милости Божией, когда вы умираете. Один английский пэр имел при себе капеллана деиста, а его жена – христианина. Когда он умирал, он сказал своему капеллану: «Ты мне очень нравился, когда я был здоров; но когда я болен, мне нужен капеллан моей жены».

ВЕЧНОЕ НЕУДОВЛЕТВОРЕНИЕ

Мои дорогие, никто из вас не удовлетворен своим положением когда мы ученики, мы хотим стать квалифицированными рабочими, став ими, мы очень хотим быть мастерами. Будучи холостыми, мы хотим быть женатыми. И я уверен, вы хотели бы иметь карету. Я знаю человека, который сначала хотел иметь дом, потом он сказал мне: «Теперь я хочу два дома, потом захочу четыре, потом шесть». И когда он имел уже шесть домов, он сказал: «А теперь, я думаю, мне ничего больше не надо». «Да, – сказал его друг, – но теперь ты захочешь что-нибудь еще, например, катафалк, который отвезет тебя на кладбище». И вот это заставило его содрогнуться.

СЕРДЦЕ ДОКТОРА МЭНТОНА

Одна благочестивая женщина, которая была очарована доктором Мэнтоном, однажды сказала ему: «О, сэр, вы сказали сегодня такую прекрасную проповедь; я хотела бы иметь ваше сердце». Он же сказал ей: «Добрая женщина, лучше бы ты не хотела этого, потому что, если бы у тебя было такое сердце, как мое, то захотела бы иметь свое». Так лучшие люди видят себя в худшем свете.

Боясь утомить вас приведением других примеров иллюстраций, я только напоминаю вам, что такие люди, как Берридж, Роулэнд Хилл, Мэтью Уилкс, Иванс, Уилльям Джей и другие, которые перешли уже в иной мир, привлекали к себе большое внимание своей живой речью и уместными анекдотами. Но поскольку время моей лекции истекает, я скажу еще об одном человеке, который больше всех других привлекает к себе массу людей на обоих континентах. Я имею в виду Д.Л.Муди. Этот замечательный брат очень не любит печатать свои проповеди, и это понятно, так как он постоянно проповедует и не может себе позволить тратить время на подготовку новых проповедей. Но мы надеемся, что сказав одну проповедь, он не даст ей погибнуть, а позволит ее напечатать в прессе для церкви и всех остальных людей. У нашего досточтимого брата живой, выразительный стиль, и он считает необходимым вводить в свои проповеди анекдоты для лучшего их понимания. Мы приведем четыре отрывка из маленького сборника его проповедей «Стрелы и анекдоты Д.Л.Муди», составленного Джоном Лобби.

МАТЬ СЛАБОУМНОГО

Я знаю мать, сын которой слабоумный. Ради него она отказалась почти от всего и посвятила ему всю свою жизнь. «И вот, – говорит она, – «четырнадцать лет я за ним ухаживала и нежно любила его, а он даже не узнает меня. О, это разрывает мне сердце!» Что

же должен сказать Господь о сотнях людей здесь, на земле! Иисус приходит к нам, идет от одного дома к другому, прося принять Его. О, не примет ли кто из вас Его в свое сердце?

ХИРУРГ И БОЛЬНОЙ

Когда я был в Белфасте, я познакомился с одним врачом, у которого был друг, ведущий хирург города, и он рассказал мне, что этот хирург, прежде чем начать операцию, имел привычку говорить больному: «Хорошо посмотрите на свою рану, а потом непрестанно смотрите на меня, пока я не закончу операцию». Я тогда подумал, что это прекрасная иллюстрация. Грешник, хорошо посмотри на свою рану, а потом обрати свой взор на Христа и никогда не отвращай его от Него. Лучше смотреть на лекарство, чем на рану.

МОЛИТВА СИРОТКИ

Маленькая девочка, отец и мать которой умерли, была взята на воспитание в другую семью. В первый же вечер она спросила, можно ли ей молиться так, как она всегда молилась. «О да», сказали ей. Тогда она опустилась на колени и стала молиться так, как научила ее мать, а потом добавила свою собственную молитву: «О, Господи, сделай этих людей такими же добрыми ко мне, какими были моя мать и отец». Затем она сделала паузу, посмотрела наверх, как бы ожидая ответа, и добавила: «Конечно же, Он сделает это». Как прекрасно проста была вера этого ребенка! Она надеялась, что Бог «сделает» это, и, конечно же, ее просьба была услышана.

ПЕРЕКЛИЧКА

Во время последней войны один солдат лежал на своей койке и умирал, и окружающие его услышали, что он сказал: «Здесь!» Когда его спросили, что он хочет, он поднял руки к небу и сказал «Т – с! на небе идет перекличка, и я называю свое имя». – А затем прошептал: «Здесь!» и умер.

НЕТ ИНОГО ДОМА, КРОМЕ КАК МОГИЛЫ

Мне рассказали об одном богатом человеке, который недавно умер. Смерть к нему пришла внезапно, как это обычно всегда бывает, и он послал за адвокатом, чтобы составить завещание. Своей жене и маленькой дочке он хотел завещать дом. Но маленькая девочка не понимала, что такое смерть. Она стояла тут же и спросила: «Папа, а у тебя есть там дом, куда ты идешь?» Стрела пронзила сердце отца, но было слишком поздно. Он увидел, что ошибся. У него не было другого дома, кроме как могилы.

Я не стану вас больше утомлять. Вы можете прекрасно сделать сами то, что большинство достойных людей делало до вас. Подражайте им не только в их употреблении иллюстраций, но и в мудром использовании их в своих целях. Они не были рассказчиками интересных историй, а были проповедниками Евангелия. Их целью было не развлекать людей, а обращать их к Богу. Они никогда не позволяли себе рассказывать истории, которые не имели отношения к их проповеди, и никто не мог бы сказать об их иллюстрациях, что они были:

«Окнами, которые не пропускали свет,
И проходами, которые вели в ничто».

Сохраняйте всегда нужную пропорцию, иначе я принесу только вред, став причиной того, что в ваших рассказах будут одни анекдоты вместо здравого учения, а это равносильно,

что предлагать голодным цветы вместо хлеба и давать раздетым тонкую прозрачную ткань вместо шерсти.

Глава 26

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИМЕРОВ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Примеры и иллюстрации используются в проповеди со множеством разных целей, но мы приведем только семь, которые имеют отношение к нашей теме, ни на минуту не забывая, что это далеко не все.

Во-первых, мы используем их для того, чтобы заинтересовать и привлечь внимание наших слушателей. Мы не можем мириться с сонной аудиторией. Для нас спящий человек – это не человек. Сидней Смит как-то заметил, что хотя Ева была взята из ребра Адама, когда он спал, изъять таким же образом грех из сердца людей невозможно. Мы не согласны с батраком, землекопом, который в разговоре с одним христианином сказал: «Я люблю воскресенье, я так люблю воскресенье». «Но почему же ты любишь воскресенье?» «Потому что, понимаешь ли, это день отдыха. Я иду в свою старую церковь, сажусь на скамейку, подымаю ноги и ни о чем не думаю». К сожалению, как в городе, так и в деревне, это ничегонедумание – очень обычная вещь. Но ваше отношение к этому святому дню, к служению, к которому вы призваны, к молитвенному собранию не позволит вам дать людям шанс ни о чем не думать. Вы должны затронуть каждую струну в их сердце, чтобы они приняли Слово Божие, которое станет для них благом.

Мы должны овладеть вниманием наших слушателей с самого начала службы и удерживать его до самого ее конца. Для этого есть много методов, но, может быть, самое лучшее это ввести в свою проповедь какой-нибудь интересный рассказ. Он заставит батрака слушать проповедь, и, хотя ему будет не хватать свежего воздуха полей и он почувствует сонливость в вашей душной церкви, рассказанная вами история заставит его снова быть внимательным. Если он услышит историю, связанную с его деревней или кругом, в котором живет, то он будет «весь внимание» и вы можете надеяться, что принесете ему пользу.

Пример в проповеди имеет ту же цель, что и рисунки в книге. Все знают, что людям больше нравятся книги с иллюстрациями и когда ребенок берет книгу с картинками, хотя он может и не читать текст к ним, он обязательно будет их рассматривать с большим интересом и вниманием. Но при применении того или иного метода не будем слепо придерживаться того, который считается самым лучшим. Некоторые люди не любят, чтобы их поучали ,и потому не станут нас слушать, если мы начнем проповедь с изложения какой-нибудь из великих истин. Мы должны привлечь их к нашему столу букетом цветов, чтобы потом накормить пищей, в которой они так нуждаются. Недаром «Армия спасения» идет по улицам, трубя в трубы и стуча в барабаны, чтобы привлечь людей в свои казармы; так и ревностный проповедник потратит первые несколько минут в неподготовленной аудитории на то, чтобы пробудить в них интерес, а потом предложить им принять великую истину. Но даже эта пробуждающая прелюдия должна соответствовать теме вашей проповеди; о если это не всегда получается, то может быть не только извинительно, но и похвально, если она подготавливает слушателей принять то, что затем последует. На грузило не поймать рыбу, но оно отвечает своей цели – привлечь рыбу к приманке и крючку.

Стиль проповеди в хорошо подготовленной аудитории, состоящей из истинно верующих людей, должен отличаться от манеры проповедования новообращенным или формально ходящим в церковь людям. Ваш здравый смысл подскажет вам, как обращаться к вашей аудитории. Иногда можно удержать глубокое и длительное внимание без применения иллюстраций. Я часто делал это в церкви нашего колледжа, когда она была заполнена, главным образом, членами церкви, но когда они уходили и их место занимали другие люди, я рассказывал им разные истории, притчи, проводил сравнения, давал примеры.

Иногда во время проповеди я рассказывал анекдоты, и очень щепетильные и разборчивые люди выражали сожаление и приходили в ужас от того, что я делаю. Но когда я увидел, что некоторые из моих иллюстраций принесли пользу, я сразу вспомнил рассказ о человеке с алебардой, на которого набросилась собака сановника, и, защищаясь, он, конечно же, убил ее. Сановник страшно рассердился и спросил, как тот посмел убить его собаку, на что человек ответил, что, если бы он не убил ее, она покусала бы и разорвала его на куски. «Да, – сказал сановник, – но ты не смел бить ее алебардой по голове, ты мог бы ударить ее рукояткой». Тогда тот сказал: «Мой господин, но если бы я так поступил, то она старалась бы меня укусить своим хвостом». Так, когда я обличаю грех, некоторые говорят: «Почему вы не обращаетесь к нему на вежливом языке?» И я отвечаю: «Я бы так и сделал, если бы он кусал меня своим хвостом, но поскольку он всегда обращается со мной грубо, то и я буду так же грубо обращаться с ним. И буду считать пригодным любое оружие, которое поможет мне убить это чудовище».

Мы не смеем упустить сегодня ни одной возможности привлечь внимание наших слушателей. Мы должны воспользоваться каждым случаем, каждым оружием, если оно может помочь нам в нашей работе, и мы должны приложить все наши усилия и всю нашу энергию, если это хоть в какой-нибудь мере заставит людей задуматься о праведности, терпимости и грядущем суде. Нам надо читать, много учиться, иначе мы не сможем оказать доброго влияния на наше время и наше поколение. И чтобы быть по-настоящему хорошим проповедником, необходимы огромные усилия и большие природные способности; и я твердо уверен, что если у вас есть большие природные способности, вы должны приложить и неимоверно большое усердие, если хотите служить делу Божию среди этого покалеченного и развращенного поколения.

В Шотландии один идиот поднялся на кафедру до того как пришел проповедник, и когда тот попросил его спуститься вниз, он заявил: «Э нет, вы лучше также подымитесь, потому что только вместе сможем мы сдвинуть с места этих ослов». Конечно, так и нам требуются все наши знания и умение, чтобы заставить очнуться людей, которым мы призваны служить. И если мы не применим все законные средства, чтобы заинтересовать наших слушателей, то они все будут спать, как те в Шотландии, кроме одного идиота. Там проповедник разбудил их и пытался пристыдить, говоря: «Как вам не стыдно, вы все спали, кроме этого бедного бродяги-идиота», но тот оборвал его, воскликнув: «Но если бы я не был идиотом, то тоже заснул бы».

Мораль этой хорошо известной истории не требует комментариев, и я перейду ко второй цели использования историй и иллюстраций: сделать нашу проповедь правдоподобной и живой. Это очень важно. Прежде всего мы не должны допускать, чтобы, когда мы проповедуем, слушатели наши могли подумать, что мы их обманываем. Ничего театрального недопустимо на кафедре, ни в тоне, ни в манере, ни в чем другом. Мы должны подниматься на кафедру и разговаривать с нашими слушателями так, как разговаривали бы с ними на кухне или в гостиной, и говорить обычным тоном. Прошу вас, ради всего святого, что в вас есть, отбросьте всякую чопорность и аффектацию. Ничто так не привлекает большинство людей, как простота и естественность. Некоторые проповедники даже не могут естественным образом предложить пропеть гимн!

«Давайте пропоем хвалу во славу Господу» (произнесенное тоном, который можно иногда услышать в наших храмах и молитвенных домах) – разве подумает кто разговаривать в таком тоне за чашкой чая? Или: «Я буду вам крайне обязан, если вы будете столь любезны, дать мне еще чашку чая» (сказанное таким же неестественным образом) – вы никогда и не подумаете дать чай человеку, который так к вам обратится. Если мы будем проповедовать таким глупым образом, то наши слушатели не поверят тому, что мы им говорим, они будут думать, что это наша обязанность, наша профессия, которые обязывают нас так говорить, и все, что мы делаем, также обусловлено нашей профессией. Мы должны «стряхнуть» с себя всякий профессионализм, как Павел «стряхнул змею в огонь», и мы должны говорить, как

Бог заповедал нам, а не чуждым, неестественным для проповедования новомодным ораторским языком.

Учение нашего Господа было крайне правдоподобно и живо, Он излагает истину наглядно, но ни как на плоской картине, а как в стереоскопе, делая ее объемной, со всеми линиями и углами красоты правдоподобной жизни. Какая это была прекрасная наглядная проповедь, когда Он, «призвав дитя, поставил его» среди учеников, или когда, говоря о воздержании от обременительных забот, Он нагнулся и сорвал лилию (что, я полагаю, Он сделал) и сказал: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут; ни трудятся ни прядут». И я могу себе прекрасно представить, что какие-то птицы пролетают над Его головой, и, указав на них, Он сказал: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их». О, как все это было правдоподобно и живо. Мы не можем всегда буквально подражать Господу, потому что должны, главным образом, проповедовать в молитвенных домах. И какое счастье, что у нас их так много и я благодарю Бога, что много строится их вокруг нас. Однако я еще больше благодарил бы Бога, если бы половина наших проповедников, которые проповедуют в разных домах, вышли бы на улицы и проповедовали бы Евангелие на больших дорогах, в маленьких улочках и всюду, где только люди могли бы послушать их. Мы должны идти в мир и проповедовать Евангелие всем людям, а не замыкаться в наших храмах, ожидая, что они придут к нам, чтобы послушать, что мы им будем говорить. Охотник, который сидит у окна в своей комнате с заряженным ружьем, едва ли настреляет много дичи. Нет, он должен надеть тяжелые сапоги, тащиться по болоту, и тогда он застрелит птиц, которых ищет. Так и мы, братья, должны быть всегда готовы надеть «тяжелые сапоги» и идти к людям, пользуясь каждой возможностью вернуть их к Господу, как трофеи силы Евангелия, которое мы им проповедуем.

Но едва ли надо нам делать наши проповеди правдоподобными и живыми таким образом, как это иногда делал Мэтью Уилкс. Однажды на утренней воскресной службе он поднялся на кафедру, взяв с собой маленькую коробочку, и через некоторое время, раскрыв ее, вынул оттуда маленькие весы и, очень медленно переворачивая страницы Библии, поднял весы и прочел текст: «Ты взвешен на весах и найден очень легким». Но я думаю, что такой стиль – скорее «легкий», чем убедительный. Мне больше понравилось, когда Мэтью Уилкс в другой раз, проповедуя на текст «Смотрите, поступайте осторожно», начал с того, что сказал: «Видели ли вы когда-нибудь, чтобы кот ходил по вверху высокой стены, покрытой кусочками стекла разбитой бутылки? Если видели, то поймете, что означает повеление: «Смотрите, поступайте осторожно». Или, например, как сделал Тэйлор, когда, проповедуя на улице из городов в Калифорнии, встал на бочку с виски и, топнув по ней ногой, сказал: «Эта бочка подобна человеческому сердцу, наполненному вредным веществом, и некоторые говорят, что если грех вошел в вас, то он также может и выйти из вас. – Нет, – сказал Тэйлор, – это не так, виски в бочке под моей ногой – это зло, это проклятье, это сатана, но пока оно остается закрытым в этой бочке, оно принесет меньше вреда, чем если разлить его в бутылки и продавать на улице пьяницам, которые под его воздействием пойдут домой и станут бить своих жен и убивать своих детей. Так и вы, если будете держать грех в своем сердце, он будет оставаться злом и дьявольщиной, и Бог проклянет вас за него. Но во всяком случае он принесет меньше вреда другим людям, если все его будут видеть». И, топнув ногой по бочке, он сказал: «Предположим, что вы попытаетесь перевести эту бочку через границу вашей страны и таможенник потребует показать и попробовать ее содержание, и когда вы скажете, что ни капли не дадите ему, он не пропустит ее через границу. Так и нам, если бы можно было скрыть свои грехи в своем сердце и не показывать их, то все равно нам невозможно будет перейти через небесные границы и никогда не войти в святую и блаженную страну».

Это я считаю в какой-то мере правдоподобной иллюстрацией и хорошим способом учения истине, хотя не хотел бы всегда проповедовать, стоя на бочке с виски, из страха, что крышка ее провалится и вместе с ней и я.

Я также не советовал бы вам быть столь правдоподобным в вашем служении, как тот знаменитый французский пастор, который, обращаясь к своим прихожанам, сказал: «Что касается Марии Магдалины, то таких людей, которые блудодействуют, очень много, даже здесь, среди вас. И я сейчас брошу этот требник в такую блудницу». И тогда все женщины опустили головы. Но он сказал: «Нет, конечно, вы не все такие блудницы, как Мария Магдалина, я совсем не это подумал, но вы сами видите, как ваш грех выдает вас!» Я также даже не советовал бы вам следовать примеру того пастора, который после сбора пожертвований на освещение и отопление храма, начав проповедь, через некоторое время погасил свечи на кафедре, сказав, что эти пожертвования ему не нужны, так как он не читает, а говорит свою проповедь. «Но, – добавил он, – когда Роджер начнет читать псалмы, вам свет понадобится, чтобы смотреть в свои Библии, так что свечи нужны вам. И тепло мне не надо, так как произнесение проповеди меня согревает. Поэтому, как видите, эти пожертвования нужны исключительно вам. Никто не может сказать, что сегодня мы собирали пожертвования для себя, они пойдут только на вас». Я думаю, что глупо пастору говорить это, хотя считаю, что такое его поведение является прекрасным примером смелости.

История, которую обо мне рассказывали, подобно многим россказням обо мне, имеет две стороны. Так, говорят, что когда я хотел показать, как люди отпадают от веры, я скатился с кафедры, держась за перила. Я вспоминаю эту историю только потому, что в то время моя кафедра была прикреплена к стене и не имела никаких перил, так что этот выдуманный глупец (который действительно был бы глупцом, если бы сделал это) никак не мог бы этого сделать, как бы сильно он ни хотел. Но, с другой стороны, хотя эта история и выдумана, она отвечает всем целям правдоподобия, о которых я вам говорил.

Может быть, вы помните случай, рассказанный Уайтфилдом об одном слепом, который шел с собакой по краю пропасти и поскользнулся. Его описание было таким наглядным и иллюстрация такой живой и правдоподобной, что лорд Честерфилд вскочил и воскликнул: «О, Боже мой, он погиб!», но Уайтфилд возразил: «Нет, милорд, он не погиб, будем надеяться, что он спасся». И далее он сказал, что этот слепой рассчитывал на себя, как это делает только собака. На этом примере он хотел показать, что человек, рассчитывающий только на себя, может легко скатиться в ад. Или какой наглядный пример любви к деньгам привел г-н Роджерс, рассказав об одном человеке, который так любил деньги, что, умирая, старался как можно больше заложить их себе в рот, потому что так любил их и хотел немного взять с собой! А как замечательно говорил нам Джереми Баррохс о бесполезности земного богатства как утешения в конце нашей жизни, рассказав историю об одном скряге, который, умирая, положил рядом с кроватью свои мешки с деньгами! Он все время подымал их и приговаривал: «И я должен вас оставить? И я должен вас оставить? Ведь все эти годы я жил ради вас, и как же мне вас теперь оставить?» Так он и умер. Или еще одна история о человеке, который, умирая, очень страдал, и особенно от угрызений совести. Ему также не давали покоя его мешки с деньгами, его закладные, денежные обязательства, облигации, и, прижав их к сердцу, он все время приговаривал: «Они мне ни к чему, они ни к чему, они ни к чему, заберите их от меня! Как все они ничтожны, когда в последние минуты жизни мне так нужно утешение!»

Какая исключительная любовь ко Христу рассказывается в истории о Джоне Ламберте, который, вися уже на столбе над разожженным костром, восклицал: «Никого, кроме Христа! Никого, кроме Христа!» И когда пламя уже коснулось его ног и он упал в огонь, он все еще восклицал среди огня: «Никого, кроме Христа! Никого кроме Христа!» Как живо предстает перед вами великая истина, когда вы слышите такие истории! Вы так же ясно представляете себе эти случаи, как если бы они происходили перед вашими глазами. Как живо вы можете представить себе страх из-за непонимания между христианами в рассказе г-на Джея о двух людях, которые шли ночью в тумане навстречу друг к другу с противоположных сторон! Каждый видел то, что ему казалось страшным чудовищем, движущемся к нему навстречу, и сердца их трепетали от ужаса; но когда они подошли друг к

другу, то увидели, что эти два страшных чудовища были братьями. Так и люди разных конфессий часто боятся друг друга, но когда они ближе подходят и лучше узнают друг друга, то видят, что они братья.

Или, как замечательно показывает история о негре и его господине, что прежде всего надо думать о божественных вещах, а не заниматься выяснением более глубоких элементов нашей святой религии, пока их досконально не изучишь. Бедный негр очень старался научить своего господина великой истине и уговаривал его уверовать во Христа, пока тот не признался, что не понимает учения об избранности. «Ах, господин», – сказал негр, – разве вы не знаете, что написано до Послания к Римлянам? Вы должны читать Библию по порядку, учение об избранности написано в Послании к Римлянам, а до него есть еще Евангелие от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. А вы еще только читаете Евангелие от Матфея, оно об искушении; а когда вы дойдете до Евангелия от Иоанна, вы там прочтете, что Господь Иисус Христос сказал, что так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Так и вы, братья, можете сказать своим слушателям: «Лучше сначала прочтите четыре Евангелия, прежде чем читать Послание к Римлянам, сначала изучите Евангелие от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна, а потом уже можете перейти к Посланию к Евреям».

Я думаю, что довольно приводить вам примеров иллюстраций, тем более, что вы сами можете найти их, сколько вам понадобится. Я просто привел их вам для того, чтобы вы увидели, что они делают проповедь живой и правдоподобной, поэтому, чем больше вы будете вводить их в свои проповеди, тем лучше. Однако я должен вас предостеречь от опасности большого количества историй в одной проповеди. Может быть, вам достаточно только салата на вашем столе, но если вы пригласите своих друзей к обеду и, кроме салата, ничего им больше не дадите, то это им не очень понравится, и они больше не придут к вам.

Третьей целью использования примеров и иллюстраций в проповедях является объяснение *великих истин и обязанностей верующих* – тем, кто плохо их понимает. Проповедник должен иллюстрировать проповедь разными примерами и случаями из повседневной жизни, чтобы она была понятна его слушателям. Если кто-то станет мне описывать какую-то машину, то едва ли я пойму, что это такое, но если он соблаговолит показать мне рисунок разных ее частей, а потом и всей машины, то я обязательно пойму, что это такое. Наглядное изображение вещи всегда сделает гораздо больше, чем любое ее описание. Так и примеры и иллюстрации помогают понять нашим слушателям, что мы им говорим. Например, для иллюстрации текста: «Ты же, когда молишься, войдя в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне», расскажем историю о маленьком мальчике, который ходил молиться на сеновал. Но иногда кто-нибудь поднимался к нему и мешал ему молиться. Поэтому, когда в следующий раз он забрался на сеновал, убрал за собой лестницу. Рассказывая эту историю, вы можете показать, как этот мальчик зашел в свою комнату и запер за собой дверь. Но смысл этой иллюстрации не столько не в том, чтобы буквально зайти в комнату и закрыть за собой дверь, сколько уйти от земных источников развлечения, убрав за собой лестницу, чтобы ничто не помешало нам предаться молитве. Я желал бы, чтобы мы всегда убирали за собой лестницу, когда удаляемся на личную молитву. Но много искушений старается залезть в нашу душу по этой лестнице. Сам сатана подымается по ней, чтобы помешать нам, а он может подняться на сеновал и без всякой лестницы.

Как прекрасно объяснил пятую заповедь капрал Трим, когда его спросили, как он ее понимает. «Что ты понимаешь под почитанием своего отца и матери?» «Ваша честь, когда они состарятся, они будут получать один шиллинг в неделю из моей зарплаты». Если вы хотите показать, что мы должны быть исполнителями, а не только слушателями Слова Божия, вспомните историю о женщине, которая, когда ее спросил проповедник, о чем он говорил в воскресенье, ответила, что не помнит содержания его проповеди, но она произвела на нее такое впечатление, что придя домой, она сожгла свой бушель, так как он был слишком мал. Можно вспомнить еще одну историю, которая также показывает, что Евангелие может

быть полезным даже для тех слушателей, которые забывают, что они слышали в проповеди. Однажды в понедельник проповедник зашел к одной женщине и увидел, что она стирает шерсть в сите, держа его под струей воды. «Как тебе понравились проповеди в прошлое воскресенье?», – спросил он, и она ответила, что они были ей очень полезны. «А какой же был текст?» Этого она не помнила. «Ну, а о чем шла речь?» «Я совершенно забыла», – ответила бедная женщина. И какие замечания он – сделал, она также забыла. «Значит, Мария, – сказал проповедник, – моя проповедь ничего тебе не дала». О нет, она очень много мне дала, – и она объяснила почему. «Когда я кладу шерсть в сито и ставлю его под струю воды, вся вода протекает через сито и моет шерсть. Так и ваша проповедь – она входит в мое сердце и проходит через мою память, которая, подобно ситу, очищает меня, сэр». Вы можете долго говорить об очищающей и освящающей силе Слова Божия, но это не произведет такого впечатления на наших слушателей, как такая простая история.

Разве можно лучше объяснить текст «Плачьте с плачущими», чем рассказать такой прекрасный анекдот? «Мама, – сказала маленькая Ани, – «Я не понимаю, почему эта бедная вдова Браун хочет, чтобы я навестила ее, она говорит, что я ее успокаиваю, но, мама, я ничего не могу сказать в утешение, и, как только она начинает плакать, я обнимаю ее и плачу вместе с ней, а она говорит, что я успокаиваю ее». И это действительно так, потому что именно сама суть утешения, сострадания и сочувствия заставила эту девочку плакать с плачущей женщиной. Г-н Гарвей, говоря о том, сколь по разному предстает грех в глазах Бога и в глазах человека, приводит такой пример. Если взять маленькое насекомое и проколоть его тончайшей иголочкой, то дырочку едва можно видеть невооруженным глазом, но если посмотреть на нее через микроскоп, то вы увидите большую дыру, из которой вытекает огромная струя крови, создающая впечатление, что насекомое было поражено топором, убивающим быка. Недостаток нашего зрения не позволяет нам видеть вещи в их настоящих масштабах, тогда как микроскоп показывает нам, какие они есть на самом деле. Таким образом вы можете объяснить своим слушателям, как микроскопный глаз Божий видит грех в его истинных аспектах. Если вы хотите описать характер Халева, который во всем следовал Господу, то расскажите, что имя Халев означает «собака», и покажите, как собака идет за своим хозяином, который едет на лошади по топистым дорогам, а собака не отстает от него ни на шаг, несмотря на грязь от копыт, которая обрызгивает ее с ног до головы, и не обращая внимания на удары, которые он может получить от лошади. Тем более мы должны следовать за Господом. Если вы хотите дать пример недолговечности, то расскажите о бедной швее с огарком свечи, которая спешила закончить шитье, пока он не погас.

Многим проповедникам очень трудно найти нужную метафору, чтобы объяснить простую веру в Господа Иисуса Христа. Есть замечательный рассказ об одном идиоте, которого проповедник, пытавшийся наставить его в вере, спросил, имеет ли он душу. К ужасу проповедника тот ответил: «Нет, у меня нет души». Тогда проповедник сказал, что он очень удивлен, так как после стольких лет наставления его в вере он так ничего и не понял; тогда этот бедный идиот так объяснил это: «Когда-то у меня была душа, а я потерял ее, но пришел Иисус Христос и нашел ее, и теперь я оставил ее у Него, так как она Его, она больше не принадлежит мне». Это замечательная иллюстрация пути спасения через простую веру в заместительную жертву Господа Иисуса Христа; даже самый маленький ребенок мог бы понять его благодаря такому рассказу о бедном идиоте.

Четвертая цель использования примеров и иллюстраций в проповеди – дать примеры и факты, которые очень понятны людям с отсутствием логического мышления, а многие наши слушатели, к великому сожалению, относятся именно к таким людям, но они могут понять наглядные примеры и упрямые факты. Правдоподобные рассказы – это факты, а факты – это упрямая вещь. Много примеров одного явления, как мы знаем по индуктивной философии, могут доказать его. Два примера не сделают этого, но двадцать сделают. Возьмем такой важный вопрос, как ответ на молитву. Вы можете доказать, что Бог отвечает на наши молитвы, рассказать много историй, которые, как вы знаете, действительно имели

место, или приводя случаи, когда Бог услышал и ответил на молитву. Возьмите замечательную книжечку Прайма о силе молитвы, там вы найдете множество примеров на эту тему, и я думаю, что если столько же фактов можно было бы привести в доказательство любого явления в геологии или астрономии, то проблему эту можно было бы считать разрешенной. Писатель приводит столько примеров в доказательство ответа Бога на молитву, что даже те, кто отрицает вдохновение, должен, по крайней мере, признать то, что это удивительное явление нельзя объяснить ни чем иным, как только тем, что есть Бог, Который сидит на небе и слышит мольбы Своего народа на земле.

Некоторые люди возражают против наших стараний обратить своих людей к вере на том основании, что Бог Сам спасает их без всяких усилий с нашей стороны. Я помню, в какой ужас я привел одного человека с такими взглядами, когда рассказал ему об одном отце, который никогда не учил своего ребенка молиться и даже не объяснил ему значения молитвы. Он считал, что этого делать не надо, а надо предоставить все Духу Святому. Однажды мальчик упал и сломал ногу. Ее пришлось ампутировать, и во время операции он так страшно ругался и сквернословил, что хирург сказал отцу: «Вот видите, вы не научили своего сына молиться и диавол воспользовался этим и научил его ругаться». Все горе в этом, и если мы не будем стараться сделать все, чтобы привести наших детей ко Христу, то найдется кто-то другой, кто потащит их в ад. Или другой случай, когда мать, придя в отчаяние, видя, что сын ее умирает, сказала ему: «Мой дорогой мальчик, мне так тяжело, что ты страдаешь, ведь я ничему плохому никогда тебя не учила». «Нет, мама, – ответил он, – «но ты также и ничему и хорошему меня не научила и тем позволила злу поразить меня». Все эти истории будут для многих людей самым лучшим из всех аргументов, которые вы могли бы привести. Вы даете им факты, и эти факты пробудят в них совесть, если она в какой-то мере спит.

Я не знаю лучшего средства убеждения, которое бы объяснило необходимость покориться воле Божией, чем рассказать историю, которую Джильпин описывает в своей книге «Жизнь». Одна женщина, ребенок которой был очень болен, попросила Джильпина прийти и помолиться с ней об исцелении. Когда он стал молиться, прося Бога, если будет на то Его воля, исцелить ребенка, она перебила его и сказала: «Нет, я не могу согласиться с такой молитвой, просите Бога, чтобы Он обязательно исцелил моего мальчика. Я не вынесу его смерти, будь на то или нет Его воля». Тогда Джильпин сказал: «Женщина, я не могу просить этого у Бога, но Он услышал твою молитву, твой мальчик выздоровеет, но ты еще проклянешь тот день, когда с такой молитвой обратилась к Богу». Через двадцать лет эту несчастную женщину унесли без сознания с места казни ее сына, который выздоровел и стал преступником и был повешен за свои преступления.

Бог услышал эту недостойную молитву и ответил на нее. Так и вы, если хотите доказать силу Слова Божия, не тратьте слов напрасно, а расскажите случаи, свидетелями которых вы сами были, потому что они убедят ваших слушателей больше, чем всякие доводы. Думаю, что это каждому из вас ясно.

Случаи из жизни полезны также и потому, что они часто оказывают сильное влияние на человеческую природу. Чтобы отчитать тех, кто пренебрегает воскресными службами, расскажите историю о дворянине, у которого было семь соверенов. Встретив бедняка, он отдал ему шесть из них. Тогда этот несчастный вернулся и отобрал у него седьмой. Как прекрасно показывает эта история неблагодарность нашей грешной природы, лишающей Бога того одного дня, который Он выделил для поклонения Ему! Или еще одна история. Однажды несколько мальчиков зашли к своему товарищу и сказали: «Пойдем и нарвем вишен в саду твоего отца». «Нет, – ответил тот, – я не буду воровать, мой отец не хочет, чтобы срывали эти вишни». «О, но твой отец ведь очень добрый, он никогда не бьет тебя». «Да, я знаю, это верно, – ответил мальчик, и именно потому я не буду воровать его вишни». Это показывает, что милосердие и доброта Божия заставляет Его детей не грешить, а, наоборот, воздерживаться от греха. Еще одна история также связана с человеческой природой, и показывает, что отцы Церкви не всегда являются источником власти в Церкви.

Так, один дворянин услышал, что в какой-то деревне живет очень старый человек. Он решил пойти в эту деревню и нашел человека, которому было семьдесят лет. Он разговаривал с ним, думая, что он самый старый в деревне, но тот сказал: «О, нет, сэр, я не самый старый, я не отец деревни ; есть старше меня, мой отец, который еще жив». Так, я знаю некоторых, которые говорили, что они признают не «отцов» Церкви, а древних отцов, то есть, не тех, которых обычно называют «святыми отцами», а апостолов, истинных отцов и праотцов Церкви.

Иногда анекдоты полезны и потому, что они вызывают смех. Но здесь, конечно надо быть очень осторожным, потому что существует своего рода традиция отцов Церкви, считающая, что нельзя смеяться в воскресенье. Есть одиннадцатая заповедь, которая гласит, что мы должны любить друг друга, и по мнению некоторых, есть и двенадцатая: «Скорби в день воскресный». Я же должен признаться, что предпочитаю слышать, что люди смеются, чем видеть, что они спят в доме Божием, и я скорее соглашусь, чтобы люди приняли Истину через смех, чем пренебрегли, не приняв ее. В глубине души я уверен, что в смехе столько же благочестия, что и в скорби, и смех иногда лучшее из двух, потому что я могу рыдать, роптать, жаловаться, сокрушаться, скорбеть о Бога, но в другой раз я могу саркастически смеяться над грехом и тем проявить святое рвение в защите Истины. Я не понимаю, почему смешное надо отдавать сатане как оружие против нас, а не использовать его, как оружие против него. Я рискую утверждать, что Реформация почти в такой же мере обязана чувству юмора в человеческой природе, как и всему другому, и те юмористические эпиграммы и карикатуры, которые выпускали друзья Лютера, сделали больше для раскрытия в Германии глаз на безобразия духовенства, чем более серьезные и глубокие аргументы против католицизма. Я не понимаю, почему мы не смеем в нужных случаях прибегать к такого рода аргументации. «Это опасное оружие», могут сказать, «И многие могут порезать им свои пальцы». Что же, это их точка зрения; но я не понимаю, почему мы должны так волноваться, чтобы они не порезали своих пальцев, если в то же время они могут перерезать горло греху и тем нанести сильный удар противнику душ человеческих.

Вот история, которую я рассказал в воскресенье для наставления тех, кто внимательно слушает проповеди и посещает молитвенные собрания, но очень скупы на дела. Они не работают в воскресенье, потому что не работают и в другие дни недели, они забывают вторую часть заповеди: «шесть дней работай и делай всякие дела твои», которая тесно связана с первой: «а день седьмой, суббота, – Господу, Богу твоему. Не делай в оный никакого дела». Таким высокодуховным людям, которые никогда потому не работают, я обычно рассказываю историю об одном монахе, который, живя в монастыре, никогда не работал ни в поле, ни в саду, ни портняжничал, ничего вообще не делал, потому что, как сказал его игумен, он был высокодуховным монахом. Но, когда наступило время обеда и его не позвали в трапезную, он очень удивился и пошел к архимандриту и сказал: «Разве братья не едят здесь? У вас что, не бывает обеда?» И тот ответил ему: «Мы едим, но ты такой высокодуховный человек, что не работаешь, и потому тебе не надо есть; поэтому то мы и не позвали тебя. По правилу этого монастыря, кто не работает, тот не ест».

Есть очень хороший рассказ об одном итальянском мальчике, у которого жандарм забрал его Новый Завет, и когда мальчик спросил: «Почему вы забрали эту книгу? Разве она плохая?», жандарм ответил: «Да, она плохая». Но мальчик сказал: «Тогда почему вы не забрали ее Автора, если она плохая?» Это прекрасный пример насмешки над теми, кто ненавидит Священное Писание и в то же время исповедует любовь ко Христу. А вот еще одна хорошая история о нашем ирландском друге, который, когда его спросил пастор, что заставляет такого невежественного, как он, человека читать Библию, ответил: «Истина, потому что ведь сказано: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне».

Следующая история может послужить своего рода аргументом, показывающим, какое огромное влияние может оказывать Слово Божие на человека. Моффат рассказывает нам о неком Каффире, который как-то пришел к нему и сказал, что Новый Завет, который он дал

ему неделю назад, испортил его собаку. Это была очень хорошая охотничья собака, но она разорвала эту книгу на куски и съела ее и теперь не годится для охоты. «Ничего, – сказал Моффат. – «Я дам тебе другой Новый Завет». «О!, – возразил Каффир, – меня волнует не то, что собака испортила книгу, потому что я могу купить другую, в то, что книга испортила собаку». «Как это?», – спросил миссионер. И Каффир ответил: «Теперь эта собака мне ни к чему, потому что она съела Слово Божие и теперь будет любить своих врагов, так что для охоты она не годится». Этот человек считал, что даже собака, которая проглотила Новый Завет, не могла не стать добрее. Так это, поистине, происходит со всеми, кто питается Евангелием Христа. Я всегда рассказывал эту историю, чтобы показать, что когда человек получает истину в Иисусе Христе, он так меняется, что уже не нужен своему бывшему хозяину.

Когда священники пытались обратить туземцов Таити в католичество, они показывали им картину, которой надеялись убедить их в превосходстве Римской Церкви. Они изображали поваленные сухие деревья. Кого же они представляли? Это были еретики, которые должны были быть сожжены. А маленькие веточки? Это уверовавшие. А более большие? Это священники. А еще большие? Это кардиналы. А ствол дерева? О, это папа. А корень? О, это Иисус Христос! Тогда бедные туземцы сказали: «Мы не знаем ни ствола, ни ветвей, но у нас есть корень, и мы будем держаться его и никогда не откажемся от него». Так и мы: если мы имеем корень, если имеем Христа, то можем смеяться и презирать все человеческие претензии и фантазии.

Эти истории вызывают у нас смех, но они могут также вывести из заблуждения и показать Истину. Поэтому мы можем по праву использовать их как оружие в борьбе Господа против Его врагов.

Пятой целью использования анекдотов и иллюстраций является помощь понимании истины. Существует история, хотя в достоверности ее я не уверен, что кто-то убедил одного крестьянина в том, что все лондонцы воры, и, потому, приехав впервые в Лондон, он решил спрятать свои часы в кармане, положив сверху рыболовные крючки, «Теперь», подумал он, «если кто попытается забрать мои часы, то запомнит это на долго». А далее произошло следующее. Гуляя по городу, он сам захотел узнать который час и, забыв о крючках, засунул руку в карман. И что произошло, можете себе хорошо представить. Так и проповедь, мне кажется, должна быть подобна карману этого крестьянина, полного рыболовных крючков, так, чтобы если кто приходит послушать ее, то получит своего рода незабудку, памятный знак, вонзившийся ему в ухо и, может быть, в сердце и совесть. Бросьте его в конце проповеди, потому что в конце он сильно уколет и прочнее вонзится. Так, когда мы идем по полю своего друга – фермера, там всегда найдутся колючки, которые вонзятся в нашу одежду, и как бы мы ни чистили ее щеткой, какие-то колючки все равно останутся. Так и в каждой проповеди должна быть какая-то колючка, которая запомнится тем, кто слушает эту проповедь.

Что вам больше всего запомнилось в проповедях, которые вы слышали много лет назад? Посмею сказать, что это какой-то анекдот, рассказанный проповедником. Или, может быть, сильное выражение, но скорее всего это поразительная история, рассказанная во время проповеди. Незадолго перед смертью Роуланда Хилла его навестил старый друг и сказал: «Вот уже прошло шестьдесят пять лет, как я впервые услышал твою проповедь, и до сих пор помню текст и часть этой проповеди». «Какую же часть?», – спросил Хилл, – ты запомнил?» И друг его сказал: «Ты рассказал, что некоторым людям, которые пришли послушать проповедь, очень не понравилось, как проповедовал проповедник. Тогда ты сказал: «Предположим, что вы пришли послушать завещание одного из ваших родственников и ожидали получить от него наследство. Едва ли вы подумали бы критиковать манеру, в которой нотариус читал завещание. Но вы очень внимательно слушали, получите ли вы что-нибудь по завещанию и, если да, то сколько, – вот так нужно Слушать Слово Божие». И едва ли друг Хилла помнил бы его проповедь шестьдесят лет, если бы Хилл не ввел в нее такой наглядный пример. Если бы он сказал: «Дорогие друзья, вы должны слушать Слово Божие

ради самого Слова, а не ради очарования красноречия проповедника или тех высокопарных фраз, которые так ласкают ваш слух»; если бы он говорил очень красивым языком, как это умеют делать некоторые, то я уверен, что друг Хилла помнил бы его проповедь не дольше, чем утка помнит, как в первый раз вошла в воду, потому что это было столь обычно, едва ли заслуживало того, чтобы так об этом говорить. А вот Истина, изложенная столь необычным образом, как это сделал Хилл, запомнилась на шестьдесят лет.

Один американец рассказал историю, которую я хотел бы, чтобы вы послушали, потому что она здесь очень уместна. В детстве я слышал рассказ об одном портном, который дожил до глубокой старости и стал настолько богатым, что все, кто его знал, очень завидовали ему. Его жизнь, как и жизнь всех людей, имела свой конец. Но перед смертью у него появилось желание помочь другим людям своего ремесла, и он сказал им, что в такой-то день он будет счастлив передать всем портным его города секрет, как разбогатеть. Собралось множество портных, и когда они в торжественном молчании ожидали раскрытия этого секрета, он поднялся с подушек и задыхающимся голосом произнес одно краткое предложение: «Всегда завязывайте узел на нитке». Вот почему я советую вам, дорогие братья, использовать анекдоты и иллюстрации, потому что они завязывают узелки на нити вашей проповеди. Что за смысл протягивать нитки через материал, над которым вы работаете, и не оставлять их в нем? А разве не так это происходит с многими проповедниками, которых мы слышали или сами им говорили? Большая часть из того, что мы услышали, прошла через наш мозг, не оставив и следа, а запомнился только анекдот, рассказанный проповедником.

Я знаю достоверный случай, когда проповедь привела одного человека к Богу через восемьдесят пять лет, после того как он ее услышал. Г-н Флавел вместо того чтобы дать благословение в конце проповеди, встал и сказал: «Как могу я дать вам благословение, если многие из вас являются маранами (тайными отступниками), потому что любите вы не Господа Иисуса Христа?» Это услышал мальчик, которому было тогда пятнадцать лет. Через восемьдесят пять лет, вся эта сцена живо предстала перед его глазами, как если бы то было вчера. Так было угодно Богу, чтобы слова Флавела обратили этого человека к вере, и он прожил еще три года, свидетельствуя божественную силу Истины в своем сердце.

Шестой целью использования анекдотов и иллюстраций является то, что они часто действуют на чувства людей. Но этого не произойдет, если вы будете много раз рассказывать одни и те же истории. Я вспоминаю, что, впервые услышав рассказ «Там человек», я горько плакал. Несчастный, только что спасшийся, весь в рубищах, и он сказал: «там человек, который нуждается в спасении». Когда я услышал этот рассказ во второй раз, он мне еще понравился, но, думаю, не так, как в первый; но услышав его в третий раз, я подумал, что никогда больше не захочу его слушать. Не знаю, сколько раз я его еще слышал с тех пор, но я всегда знаю, когда его начнут рассказывать. Брат встает во весь рост, принимает величественную позу и замогильным голосом изрекает: «Там человек», и я думаю про себя: «Да, но я хотел бы, чтобы его там не было», потому что я слышал эту историю столько раз, что она мне уже до смерти надоела. Даже самый хороший анекдот может стать настолько банальным, что теряет свою силу, и уже его бессмысленно снова рассказывать.

И тем не менее, живая иллюстрация сильнее действует на чувства людей, чем самое хорошее описание. Когда Бричер привел с собой на кафедру прекрасную рабыню в наручниках, он сделал больше для антирабского движения, чем если бы произнес самую горячую речь. Сегодня нам не нужны длинные лекции о каком-то сухом предмете, мы хотим услышать что-то практическое, что-то действительно реальное, что затрагивало бы нашу повседневную обыденную жизнь, и тогда наши сердца скорее откликнутся на Слово Божие.

Я не сомневаюсь, что вид смертного одра тронет людей больше, чем замечательная книга Дрелинкура «Утешения верующих перед страхом смерти», которую, думаю, никто еще не смог дочитать до конца. Может быть, кто-то и пытался, но, полагаю, что он не один раз терял сознание и должен был отложить ее подальше, пока не придет в себя, чтобы быть в состоянии дочитать ее до конца. Если вы ее не одолели всю, то, думаю, что прочли рассказ о

привидении, который помещен в конце этой книги. Она не имела успеха и долго стояла на полках в книжных магазинах, пока Дефо не написал свой роман «Подлинное повествование о явлении г-жи Вил после своей смерти г-же Баргрейв», в котором он рекомендует ее как лучшее произведение на эту тему. В этом рассказе нет и намека на правду, он полностью выдуман. Но благодаря ему все это произведение было быстро распродано, и спрос на него очень увеличился. Нечто подобное происходит и с вашими проповедями. Только вы должны рассказывать людям то, что действительно имело место, и тогда вы удержите их внимание и затронете их сердца.

Многих до слез тронул рассказ о подвиге моравских братьев в Южной Африке, которые увидели огромное огороженное место, где люди сгнивали от проказы, некоторые уже без ног или рук. Но им разрешили проповедовать этим несчастным прокаженным только в том случае, если они пойдут к ним и будут жить среди них, никогда не выходя, пока сами не умрут от проказы, и они это сделали. А еще двое продались в рабство, в Западной Индии, чтобы им позволили проповедовать рабам. Когда вы приводите подобные случаи такой миссионерской жертвенности и благочестия, то сделаете больше для развития миссий в других странах, чем все убедительные аргументы, которые вы могли бы привести.

Кто не слышал потрясающий рассказ о двух шахтерах, из которых, когда произошел взрыв в шахте, только один мог спастись. Христианин крикнул своему неверующему товарищу: «Спасайся, потому что, если ты умрешь, то погибнешь, но если я умру, то со мной все будет в порядке. Потому иди же».

Иногда, в качестве иллюстрации, я рассказываю о плане одного дурака, как спасти утопающего. Человек, лодка которого перевернулась, пытался доплыть до берега, но течение было таким сильным, что он не выдержал и утонул. Через час после этого один человек сказал: «Я мог бы его спасти». И когда его спросили, как он мог бы это сделать, он рассказал свой план, который действительно был очень хороший и легко выполнимый, но к тому времени человек уже утонул! И среди нас есть такие, которые крепки задним умом и могли бы сказать себе, когда кто- то умирает: «Как много я мог бы для него сделать, если бы сделал это вовремя!» Братья, пусть этот анекдот будет нам напоминанием все делать во время для спасения душ от вечной погибели.

Седьмая, и последняя, цель использования анекдотов и иллюстраций – это *заставлять слушать наши проповеди даже самых равнодушных.* В каждой проповеди должно быть что-то такое, что было бы интересным для такого сорта людей, а анекдот как раз и рассчитан на таких невежественных и неверующих людей. Если мы по-настоящему хотим их спасти, то должны положить в нашу сеть приманку, чтобы поймать их для Христа. Мы не можем надеяться, что наши молодые люди будут приходить и слушать научные богословские исследования, в которых нет ничего, что бы могло заинтересовать невежественные умы. Ведь даже взрослые люди, которые целую неделю тяжело трудятся, а некоторые до самого утра воскресенья, не с состоянии слушать длинные скучные проповеди, которые не прерывались хотя бы одним анекдотом.

О, дорогие, дорогие! Как я жалею тех непрактичных проповедников, которые, по-видимому, не знают, кому они проповедуют! «Ах, – сказал как-то один брат, – когда я проповедую, я не знаю, куда мне смотреть, и потому смотрю на вентилятор». Но там никого не может быть, разве только небесные ангелы, которые будут слушать оттуда слова правды. Проповедник должен проповедовать не перед людьми, а проповедовать людям; он должен смотреть прямо на них, внимательно вглядываться в каждого, критически оценить их, чтобы понять, какие они, и соответственно приспособить свою проповедь к их разумению.

Я часто вижу одного беднягу, который стоит в проходе нашей церкви и выглядит, как воробей, залетевший в храм и не знающий, как из него выбраться! Он не понимает, какая идет служба, и начинает считать, сколько людей сидит в первом ряду хоров, и всякие мысли проходят через его голову. Но я хочу привлечь его внимание. Как же это сделать? Если я буду читать какой-нибудь текст из Священного Писания, то он может не понять его или он не будет интересен ему. Может быть, ввести в проповедь немного латыни или прочесть текст

в оригинале на древнееврейском или греческом языке? Нет, для такого человека это будет бессмысленно. Что же мне сделать? О, знаю, я расскажу историю, которая должна будут заинтересовать его. Я ее рассказал, и человек этот перестал смотреть на хоры, и старался понять, что проповедник имеет в виду. Что-то в этом рассказе так точно касается его лично, что он начинает думать, откуда это проповедник узнал об этом, и говорит себе: «О, я знаю: моя жена иногда ходит слушать его проповеди и, наверное, это она ему рассказала обо мне!» Тогда он с большим интересом начинает слушать проповедника, глядя на него и слушая истину, которая ему преподается; и первый луч света божественной истины падает на него. Но если бы он постоянно посещал наши регулярные проповеди и бессмысленно слушал их, то не знаю, какую бы пользу они ему принесли. «Говорят, что я перескакиваю с одной темы на другую, когда сегодня днем читал проповеди, сказал Роуланд Хилл. – Да, я перескакивал, но это потому, что вы перескакивали, и я вынужден был перескакивать за вами. Говорят, что я не держусь своей темы, но, слава Богу, я держусь своей цели, а моя цель – это завоевать души людей и привести их ко Кресту Христову».

Г-н Бертрам, чтобы показать, насколько люди поглощаются заботами о мирских делах, рассказывал историю об одном капитане китобойного судна, которого он пытался заинтересовать вещами божественными и который сказал: «Бесполезно, сэр, что бы вы ни говорили, ваши слова не произведут на меня никакого впечатления. Я не могу ни слушать вас, ни понять, о чем вы говорите. Я оставил свой дом, чтобы поймать китов. Год и девять месяцев я охотился за китами. Я бороздил по морям и океанам в поисках китов; когда я ложусь спать, засыпаю с мыслью о китах, они снятся мне, и когда я встаю утром, я мечтаю только поймать хоть одного в этот день; кит владеет всеми моими мыслями и чувствами и потому бесполезно говорить со мной ни о чем другом, как только о китах». Так и люди: все их мысли и чувства поглощены заботами, как бы разбогатеть и обеспечить свою старость, или же у них есть дети, которых они должны воспитать, дочь, которую должны выдать замуж, сына, которого надо устроить на работу, и потому с ними бесполезно говорить о вещах божественных, если вы не можете отогнать от них «китов», которые кружат и плескаются вокруг них.

Среди ваших слушателей может быть торговец, который озабочен принятием невыгодного для него законопроекта, или другой, который увидел на шляпе одной из прихожан ленту необычного цвета и подумал: «О, мне надо запастись большим количеством таких лент так как вижу, что они становятся модными!», или кто-то, заметив своего соседа, подумал, что его надо бы завтра навестить. Так мысли ваших прихожан могут быть заняты всем, чем угодно, только не тем, что говорит им проповедник. Вы спросите меня, откуда я это знаю. И я вам отвечу, что знаю это потому, что сам грешу тем же. Это происходит со мной, когда я слушаю проповедь какого-нибудь брата. Не думаю, что, когда я проповедую, у меня все получается очень хорошо, но иногда, когда я еду в деревню и совершаю утренние и вечерние службы, а затем слушаю днем проповедь другого проповедника, то думаю: «когда я проповедовал, то думал, что говорю скучно, но теперь скорее бы наступила говорить моя очередь!» Так думать очень плохо! Но поскольку все мы очень склонны отвлекаться, проповедник должен использовать примеры и иллюстрации, как гвозди, чтобы прибить внимание слушателей к теме своей проповеди.

Пакстон Худ как-то сказал на лекции, которую я слушал: «Некоторые проповедники слишком много ожидают от своих слушателей. Они берут с собой на кафедру много истин, как человек взял бы коробку с гвоздями, и, полагая, что слушатели – это столбы, вынимают один гвоздь и надеются, что он сам войдет в столб. Не так надо делать. Вы должны взять свой гвоздь, приставить его к столбу, вбить его и укрепить с противоположной стороны – и только тогда можете надеяться, что великий Учитель собрания закрепит эти гвозди так, что они не выпадут». Так и мы должны стараться вложить истину в сердца наших слушателей, потому что сама она никогда не войдет в них. И мы должны помнить, что сердца их не открыты, как двери церкви, чтобы истина сама могла войти в них, занять свое место, сесть на своем престоле, чтобы ей поклонялись. Нет, мы должны часто с силой раскрыть двери и

бросить истину в те места, где сначала она будет непрошеным гостем, но потом, чем больше они будут узнавать ее, тем сильнее будут любить.

Иллюстрация и примеры очень помогают истине войти в сердца людей, привлекая внимание равнодушных и невнимательных. Мы должны стараться быть такими, как Уайтфилд, о котором так сказал один кораблестроитель: «Когда я слушал, другого проповедника, я всегда могу мысленно построить весь корабль, от кормы до носа, но когда я слушаю Уайтфилда, но не успеваю подумать даже о киле». А ткач сказал: «Когда я бываю в церкви, я часто подсчитываю, сколько ткацких станков может в ней поместиться; но когда я слушаю этого проповедника, то вообще забываю о ткацком деле». Вы должны стараться, братья, заставлять своих слушателей забывать о мирских делах, переплетая божественную Истину с преходящими повседневными делами, и этого вы достигните разумным использованием примеров и иллюстраций.

Итак, господа, эти семь целей: заинтересовать и привлечь внимание наших слушателей; сделать нашу проповедь правдоподобной и живой; объяснить великие истины и обязанности верующих тем, кто плохо их понимает; дать примеры и факты; помочь понять истину; действовать на чувства людей; заставить слушать даже самых равнодушных – убедили меня в пользе примеров и иллюстраций, и я надеюсь, что они и вас убедят.

Однако я должен повторить то, что сказал раньше, а именно, наши примеры и иллюстрации не должны быть подобны пустым бочкам. Мы не должны допускать, чтобы о наших проповедях говорили так, как справедливо сказала одна женщина, когда ее спросили, что она думает о проповеди, которую только что услышала, не слишком ли она была духовной: «О, да, она была сплошной дух, а плоти в ней вообще не было». Каждая проповедь должна состоять из «плоти», здорового учения, объяснения, чтобы наши слушатели поняли ее. Но это не только истории, которые бы развлекали их, но и истинная Правда, которая проникает в сердце и влияет на жизнь ваших слушателей. Если такими будут ваши проповеди, мои дорогие братья, то не напрасны были все мои старания показать вам пользу примеров и иллюстраций.

Глава 27

ГДЕ МОЖНО НАЙТИ ИЛЛЮСТРАЦИИ И ПРИМЕРЫ ?

Дорогие братья, может быть, после моей последней лекции о пользе историй и иллюстраций вы захотите использовать их в своих проповедях, но некоторые могут спросить: «А где же их можно найти?» Прежде всего скажу вам, что для того, чтобы заинтересовать слушателей, совсем не надо придумывать истории. Я знаю одного человека, которому, когда он пришел в пятницу к проповеднику, служанка его сказала, что ее хозяина нельзя сейчас видеть, так как он сидит в своем кабинете и «придумывает истории». Такого рода занятие не для христианского проповедника. Я также не советую вам использовать истории, которые часто рассказывают, но вызывают сомнения в своей подлинности. Когда у меня появляется хотя бы малейшее подозрение в отношении подлинности какой-нибудь истории, я сразу же отказываюсь от нее и думаю, что каждый должен так поступать. До тех пор, пока истории у всех на устах и им верят и если их можно использовать в полезных целях, тогда, я думаю, их можно рассказывать без всякого подтверждения их подлинности. Но как только у проповедника появляется сомнение в том, что в основе житейской истории лежит не факт, а выдумка, он должен искать другой, потому что весь мир является кладовой иллюстраций.

Если вы хотите заинтересовать своих слушателей и удержать их внимание при помощи историй и иллюстраций, то можете найти их во многих источниках, где они сияют, подобно золотым россыпям в горных ручьях. Например, есть ежедневная история, которая находит отражение в ежедневных газетах, где вы можете найти иллюстрации для вашей проповеди. В моей маленькой брошюрке «Библия и газета» я даю несколько примеров, как это делать. Готовясь к сегодняшней лекции, я взял газету с целью найти иллюстрацию к этой лекции и вскоре нашел одну. Это было сообщение о человеке, которого задержали, когда он с ружьем и собакой проник во владение одного помещика. По его словам, он оказался там потому, что искал грибы! Можете ли вы себе представить, человек с ружьем и собакой искал грибы? Но когда владелец поместья обыскал его карманы и, нащупав в одном из них что-то мягкое, спросил: «А это что?, тот ответил: «О! это только кролик». И когда ему сказали, что для кролика уши уж слишком длинные, он возразил, сказав, что это только зайчонок, тогда как на самом деле это был прекрасный жирный заяц. Тогда он сказал, что нашел его лежащим возле грибов, сам же он искал только грибы! Это прекрасная иллюстрация. Ведь как только вы поймали человека на месте преступления и начинаете обвинять его, он сразу же говорит: «Преступление? О, неужели? Я не нарушил закона, я делал то, на что имел полное право – я искал грибы, я не браконьерствовал!» Но когда вы продолжаете настаивать и пытаетесь заставить его признаться в преступлении, он говорит: «Да, но не совсем так; может быть, я поступил не совсем правильно, но это ведь был только кролик!» Когда человек не может дольше отрицать, что он согрешил, он говорит, что грех этот был очень маленький; и понадобиться много времени и усилий, чтобы заставить его признать, что любой грех – это грех. И действительно никакая человеческая сила не может заставить грешника признать свой грех. Это может сделать только Дух Святой.

В этой же газете я прочел о кораблекрушении парохода из-за того, что он шел в темноте. Этот случай можно легко использовать для иллюстраций гибели душ из-за незнания Иисуса Христа. Не сомневаюсь, что если вы возьмете любую из утренних еженедельных газет, то найдете там множество иллюстраций. Ньюман Хилл в своем слове к нам, как-то сказал, что каждый христианский проповедник должен регулярно читать Библию и газету «Таймс». Не сомневаюсь, что он сам это делал. Когда вы читаете эту или другую газету, вы

всегда должны брать примеры для своей проповеди из окружающих вас событий. Я жалею учителя воскресной школы даже больше, чем проповедника Слова Божия, который не использовал в качестве иллюстрации в своих проповедях таких событий, как пожар в церкви в Сантьяго, пожар на Лондонской бирже, приезд в Лондон принцессы Александры, перепись населения и многое другое, что привлекает общественное внимание. Во всех этих событиях можно найти иллюстрацию, сравнения, аллегорию, которые украсят вашу проповедь и привлекут к ней внимание слушателей.

Для иллюстрации в своих проповедях вы можете иногда использовать местную историю. Когда проповедник проповедует в какой-то определенной местности, он скорее привлечет внимание слушателей рассказом историй, связанных с местом, в котором они живут. Где только могу, я использую истории разных округов, потому что, когда мне надо проповедовать в небольших городах и селах, я всегда могу найти там много материала даже в самых скучных, сухих топографических книгах. Они могут рассказывать о каком-нибудь Джоне Смите, человеке, который ведет приходские книги и заводит часы храма, ставит мышеловки, ловит крыс и делает множество других полезных вещей. Но если вы наберетесь терпения прочесть такие книги до конца, то найдете в них гораздо больше информации, чем в других источниках, и много случаев и историй, которые можете использовать для иллюстрации темы вашей проповеди.

Проповедуя в Уинслоу, Букингемшир, совсем неплохо будет рассказать о случае, который произошел в 1664 г. в этом городе с Бенджамином Кичем, пастором баптистской церкви. Он был привязан к позорному столбу на базарной пощаде «за написание, печатание и издание еретической книги под названием «Руководство для детей, или Новый детский букварь». Но я не думаю, что если бы я проповедовал в Уэппинге, то должен был бы назвать его жителей уэппиингами (отступниками), как говорят, сделал Хилл, когда сказал, что «Христос может спасти старых грешников, великих грешников, да и даже уэппиингских грешников!» В Крейвенском храме уместнее всего было бы рассказать о лорде Крейвене. Когда вспыхнула чума в Лондоне и он начал складывать вещи, чтобы уехать в деревню, его слуга спросил его: «Милорд, разве ваш Бог живет только в деревне?» «Нет, – ответил он, – Он живет и здесь и там». «Тогда, – сказал слуга, – если бы я был на вашем месте, то остался бы здесь, вы будете в безопасности как в этом городе, так и в деревне»; и лорд Крейвен остался в городе, надеясь на великую милость Божию.

Кроме того, братья, вы имеете изумительную сокровищницу древней и новой истории – римской, греческой, английской, – которую вы, конечно, стремитесь хорошо знать. Кто может без волнения читать древние классические произведения? Прочтя их, вы не только узнаете о событиях, которые произошли в «героические древние времена», но и извлечете из них много уроков, которые могут быть полезны для проповедования в наши дни. Например, всем известна история о Фидии и его статуе божества. После того как он ее закончил, он высек в ее углу маленькими буквами свою фамилию «Фидий», из-за чего ей не стали поклоняться, как божеству и она не считалась священной, так как носила имя скульптора. Некоторые даже считали, что его надо было бы забить до смерти камнями, так как он таким образом осквернил это божество. Как посмел он, говорят они, поставить свое имя на изображении божества? Так и некоторые из нас очень хотят поставить свои маленькие имена под любой работой, которую мы сделали для Бога, чтобы нас помнили, тогда как мы должны осуждать себя за желание прославиться тем, что дал нам возможность сделать Святой Дух.

Есть еще одна замечательная история о древнем скульпторе, который собирался поставить статую божества в языческом храме, оставив незаконченной ту часть статуи, которая должна была быть замурована в стену. Жрец же воспротивился, заявив, что она не была закончена. Тогда скульптор сказал: «Эта часть божества будет замурована в стене». «Боги видят и через стену», – заявил жрец. Так и самые личные стороны нашей жизни, которые недоступны человеческому глазу, находятся под всевидящим оком Всемогущего, и им должно уделять самое большое внимание. Мы не можем довольствоваться хорошей

репутацией среди наших людей, потому что наш Бог видит через стены. Он замечает наше равнодушие в общении с людьми, все наши ошибки и недостатки в семейной жизни.

Готовясь к проповеди о том, какую радость доставляет Господу Иисусу Христу Его народ, потому что он является Его творением, я посчитал очень полезным рассказать классическую историю о Кире. Показывая иностранному посланнику свой сад, он сказал: «Едва ли можете вы получать такое, как я, удовольствие от этих цветов и деревьев, потому что я сам разбил этот сад, своими руками посадил в нем каждое дерево, поливал их, наблюдал, как они росли, сам ухаживал за ними и потому люблю их гораздо сильнее, чем вы». Так и Господь Иисус Христос любит прекрасный сад Своей Церкви, потому что Он Сам создал Его, Сам посадил в нем все растения Своей благодатной рукой, Сам следил за ними, поливал и заботился о них.

Эпоха крестоносцев особенно богата замечательными историями, которые могут быть прекрасными иллюстрациями. Так, например, солдаты Годфуруа де Буйона, увидев Иерусалим, были так им очарованы, что пали ниц, а затем, встав, захлопали в ладоши и огласили горы криками восторга. Так и мы, когда видим Новый Иерусалим, наш блаженный дом на небесах, имя которого всегда так нам дорого, оглашаем наш умирающий дом возгласами «Аллилуия», и даже ангелы слышат наши песни хвалы Господу и благодарения. Или еще одна история о том же Годфуруа. Когда он вошел в Иерусалим во главе своей победоносной армии, он отказался носить венец, который хотели надеть на него его солдаты, «потому что, – сказал он, – как смею я носить золотой венец в городе, где мой Господь носил терновый венец?» Это хороший урок нам и нашим слушателям. В мире, где Христос был презрен и отвергнут людьми, непристойно христианину искать земных почестей или жаждать славы. Ученик не должен стремиться быть выше Учителя, ни быть рабом выше своего Господина.

Вы также можете использовать как иллюстрацию романтическую историю, хотя в достоверности вы можете сомневаться, о королеве Элеоноре, которая высосала яд из раны на руке своего мужа. Многие из нас, я уверен, хотели бы «высосать» всю клевету и злобу из руки Церкви Христовой и нести все страдания, пока сама Церковь не спасется и не выживет. Разве не каждый из вас, братья мои, не пойдет сегодня скорее даже на смерть ради нашей Церкви, чем допустит, чтобы отвергалось учение Христово и бесчестилось дело Божие?

А какое широкое поле иллюстраций открывается перед вами в истории религии! Трудно даже сказать, где лучше начать копать этот рудник драгоценного сокровища. История о Лютере и еврее может быть прекрасной иллюстрацией к опасности греха и как его избежать. Один еврей искал случая убить великого реформатора, но Лютер получил описание этого предполагаемого убийцы, так что, куда бы он ни шел, он всегда был настороже, чтобы не быть убитым. Используя этот факт как иллюстрацию, Лютер сказал: «Бог знает, что есть грехи, которые погубят нас, и потому Он дал нам их описание в Своем Слове, чтобы, когда мы их видим, мы могли бы сказать: «Этот грех погубит меня; я должен остерегаться его и избегать его».

Хью Латимер рассказывал случай, который произошел с ним на допросе перед несколькими епископами, показал Всеприсутствие и Всемогущего Бога и проявил осторожность, которую мы должны проявлять в присутствии Того, Кто может читать наши самые сокровенные мысли и желания.

«Однажды, – рассказывает он, – меня вызвали на допрос несколько епископов, который был самым трудным. Три раза в неделю я ходил на допрос, и множество ловушек и сетей расставлялось вокруг меня, чтобы хоть что-нибудь выудить из меня. Наконец меня стали допрашивать в комнате, всю увешанной гобеленами; но на этот раз я заметил, что в ней что-то изменилось. Если раньше в ней всегда горел камин, то теперь камин убран, дымоход завешен гобеленом, а на месте камина стоял стол. Среди допрашивавших меня был один пожилой епископ, которого я хорошо знал и считал своим хорошим другом. Он сел в конце стола и среди прочих вопросов задал мне один очень хитрый и каверзный, который я не мог считать для себя опасным. И когда я собирался ответить, один из епископов сказал:

«Пожалуйста, господин Латимер, говорите погромче, так как я туг насухо, а другие сидят от вас далеко». Я удивился, почему это они просят меня говорить громче, и у меня появилось подозрение, что не все здесь чисто. И тут я услышал скрип пера в дымоходе, закрытом гобеленом. Они посадили туда человека, чтобы записывать все мои ответы, так как убедились, что им меня не испугать. И я не испугался. Бог был моим добрым Господином и Он дал мне ответ, иначе они бы меня погубили».

Проповедуя через несколько лет после этого, Латимер сам рассказал эту историю и дал к ней иллюстрацию. «Запомните», сказал он, «за гобеленом всегда есть перо, которое записывает все, что вы говорите, все, что делаете; поэтому следите за своими словами и делами, чтобы они были достойны быть записанными в Памятной Книге Божией».

Для иллюстрации доктрины о провиденциальной заботе Бога о Своих слугах расскажите случай, который произошел с Джоном Ноксом. Однажды он отказался сесть на свое обычное место, хотя сам не знал почему. Никто не посмел занять его места, и вдруг раздался выстрел и пуля, пролетев через окно, попал в подсвечник, который стоял перед тем местом, где он обычно сидел.

Можно рассказать и еще один случай, который произошел с проповедником, который, спасаясь от своих преследователей, забрался на сеновал и спрятался в сене. Солдаты обшарили весь сеновал, протыкая его шашками и штыками, и он даже чувствовал, как холодная сталь касалась его подошв, оставив на них шрамы на много лет. Но враги его так и не нашли его. Потом к тому месту, где он прятался, стала приходить курица и класть там свои яйца, так что ему было чем питаться, пока не прошла опасность и он не покинул свое убежище. Или вот еще один случай, который произошел с тем же, проповедником, а, может быть, с кем-то другим из его преследуемых братьев, когда он был провиденциально спасен таким невзрачным существом, как паук. Эту историю я где-то прочел и расскажу вам ее, как она была записана: «Получив предупреждение от друзей, что враги хотят поймать его и уже напали на его след, этот человек спрятался в солодовне. Он залез в пустую печь и лег там. Сразу же после этого паук спустился над узким отверстием, через которое он вполз, и сплел большую и прекрасную паутину. Ему хорошо были видны паук и паутина, которые находились между ним и светом. Он так был удивлен мастерством и прилежанием паука, так поглощен созерцанием его работы, что совершенно забыл о своей собственной опасности. Когда паутина была сплетена и полностью закрыла вход в печь, в солодовню вошли его преследователи и всюду начали его искать там. Он услышал их шаги стал прислушиваться к их словам. Когда они подошли к печи, он услышал, как один сказал другому: «Бессмысленно искать его там; этот негодяй не может быть там. Посмотрите на эту паутину, он никак не мог бы забраться туда, не порвав ее». И они пошли искать его в другом месте, так он спасся от их преследования.

Где-то я прочел еще одну историю о пленном, во время американской войны, который был помещен в камеру, где была маленькая щелочка, через которую надсмотрщик следил за ним днем и ночью. Что бы он ни делал, ел ли, спал ли, надсмотрщик постоянно смотрел на него, и мысль об этом, говорил он, была так ужасна, что он чуть не сошел с ума; это было невыносимо. Он почти не спал, потому что, в какую бы сторону он не поворачивался, глаз надсмотрщика постоянно следил за ним. Эта история может быть иллюстрацией к тому, что всевидящее око Божие постоянно смотрит на нас.

Помню, как я заставил некоторых из своих прихожан высказать свои мысли вслух, рассказав им историю, которую прочел в одной американской брошюре. Думаю, что она правдоподобна и потому расскажу ее вам так, как она была написана. Один христианский проповедник, который жил у опушки густого леса, решил как-то вечером пойти в лес и предаться молчаливому созерцанию. Он зашел дальше, чем предполагал и, сбившись с пути, зашел в самую гущу леса. Как он ни старался найти дорогу домой, ему это не удалось, и он уже начал бояться, что ему придется провести ночь на дереве. Но внезапно он увидел вдали мерцание огней и направился к ним в надежде найти там приют у гостеприимных хозяев. Но странная картина открылась перед его глазами. На расчищенном от деревьев участке земли,

освещенном факелами, сидели люди и вели собрание. Он подумал: «Это, наверное, христиане проводят свое молитвенное собрание. Я счастлив, что, думая, что я заблудился, эта дорога привела меня сюда».

Но, к своему ужасу, он обнаружил, что это было собрание неверующих, и ораторы очень смело и решительно произносили свои богохульные речи. В полном отчаянии он сел, и тут поднялся молодой человек, который заявил, что он не верит в существование Бога и пусть Иегова тут же поразит его, если такой Бог действительно существует. Проповедник сидел и думал, как ему возразить, но язык его, казалось, пристал к горлу, а молодой человек сел под громкие возгласы восхищения и одобрения. Но проповедник не хотел быть трусом и молчать в этот решающий момент. Он уже готов был встать и сказать свое слово, когда поднялся здоровый, крепкий человек, который прожил уже половину своей жизни, но был еще энергичным и сильным дровосеком, и сказал: «Если вы дадите мне слово, то послушайте, что я вам скажу. Я ничего не буду говорить о том, что сказал этот оратор, который только что сел. Я приведу вам только один факт. Так будете вы слушать меня?» «Да, да,» закричали все, так как это было свободное обсуждение, и они готовы были его выслушать, учитывая, что он не собирался им возражать, «Неделю назад», начал он, «я рубил деревья вон там, на том берегу реки. Вы знаете, какое там внизу сильное течение. И вдруг я услышал невдалеке крики и стоны, перемежающиеся призывами к Богу о помощи. Я бросился вниз к реке, так как понял в чем дело. И я действительно увидел лодку с молодым человеком, который не мог справиться с течением, а оно со страшной силой несло его вниз, и я понял, что, если никто не поможет ему, то он несомненно погибнет. Я видел, что он стал в лодке на колени и просил Всевышнего спасти его ради Христа и Его бесценной крови. Он признался, что раньше не верил в Бога, но если сейчас будет спасен, то уверует. Я сразу же прыгнул в реку. Руки у меня не очень слабые, подумал я, хотя и не такие сильные, как раньше. Мне удалось забраться в лодку, повернуть ее против течения и привести к берегу. Так я спас жизнь этому юноше; а это был тот, кто только что сел и отрицал существование Бога и заявил, пусть Всевышний поразит Его, если Он существует!» Я рассказываю эту историю, конечно, для того, чтобы показать, как легко люди хватаются и хвалятся своим неверием, когда им ничего не угрожает, но когда их жизнь в опасности, они говорят уже совсем иначе.

Есть еще одна замечательная история, которая показывает, как необходимо ходить в дом Божий, и не для того только, чтобы послушать проповедника, но и искать встречи с Господом. Одна дама пошла в Шотландскую церковь на богослужение и оно ей очень понравилось. Прейдя домой, она поинтересовалась, кто это проповедовал там, и ей сказали, что это был Эбенезер Эрскин. Тогда она сказала, что в следующее воскресенье снова пойдет послушать его. Она пошла, но на этот раз проповедь его совсем ей не понравилась и ничего ей не дала. Тогда она подошла к Эрскину и рассказала ему о впечатлении, которое произвели на нее эти два богослужения. «Ах, мадам» сказал он, «В первое воскресенье вы пришли, чтобы встретиться с Господом Иисусом Христом, и были вознаграждены Его благословением, а во второй раз вы пришли, чтобы послушать Эрскина и не получили его, и не имеете никакого права надеяться получить его». Как видите, братья, проповедник может говорить людям о необходимости приходить на богослужение, а не только слушать проповедника, и все же его слова не произведут должного действия, если в них не будет чего-то, что запечатлеется в их памяти. Но услышав этот рассказ об Эрскине и этой даме, кто может забыть урок, который в нем преподается?

Но если предположить, что вы исчерпали все иллюстрации из сегодняшней истории, местной, древней и новой и из истории религии, что я думаю не произойдет, пока вы сами себя не исчерпаете, то можно обратиться к естественной истории, которая изобилует иллюстрациями, примерами ; и пусть вас не мучают угрызения совести из-за того, что вы используете факты из природы, потому что здоровая философия поддерживает использование таких иллюстраций.

Люди гораздо легче примут истину откровения, если вы свяжете ее с подобным фактом из естественной истории или с чем-то видимым, чем если вы дадите им голое утверждение самого божественного учения. Кроме того, очень важно не забывать, что Бог, Который является Автором откровения, является и Автором сотворения, Промысла и истории и всего того, из чего вы можете взять иллюстрации к великой Истине. Когда вы используете естественную историю для иллюстрации Священного Писания, вы только объясняете одну из книг Божиих другой, которые Он написал.

Это все равно, что иметь перед собой две книги, написанные одним и тем же автором, который сначала написал книгу для детей, а затем для людей более зрелого возраста и более высокой культуры, содержащую более глубокие сведения. Иногда, когда вы находите неясные и трудные для себя места в книге, предназначенной для более образованных людей, вы обращаетесь к книжке, предназначенной для более молодых и скажете: «Мы знаем, что значит то-то или то-то, потому что это объяснено в книге для начинающих». Так и сотворение, промысел и история – это книги, написанные Богом для тех, кто имеет глаза, кто имеет уши, чтобы услышать в них Его голос, даже для плотских людей, чтобы они могли узнать в них что-то о Боге. Но другая книга написана для вас, кто познал Бога и стал духовным и святым. Часто, обращаясь к учебнику, вы найдете в нем какой-нибудь рассказ, который объяснит вам и сделает более понятным то, что написано в более серьезной книге, потому что это то, чем является для вас Слово Божие.

Во всех вещах есть своя логика, которой следует Бог. То, что Он сделал Своим Словом, подобно самому Слову, которым Он сделал это; и видимое является символом невидимого, потому что одна и та же мысль Божия лежит в одном и другом. Так, во всем, что создал Бог, сотворено Его рукой. То, что можно видеть, чувствовать и ощущать, предназначено для нас как внешний, видимый знак того, что мы находим в Слове Божием и в нашем духовном опыте, который является внутренней и духовной благодатью. Поэтому нет ничего неестественного в том, чтобы брать примеры этой благодати из истории, так как она была определена Богом именно для этой цели. Ищите сравнение во всем творении Божием, не ограничивайтесь одним каким-то разделом естественной истории.

Прихожане одного очень ученого богослова жаловались, что он преподает им евангельские истины только путем иллюстраций. Было бы лучше преподать слушателям одну-две истины и затем подкрепить их историями, примерами, сравнениями, метафорами из геологии, астрономии, ботаники и других естественных наук, которые помогут вам раскрыть значение Священного Писания.

Как бы хорошо вы ни смотрели вокруг, вы не увидите даже собаки, следующей за хозяином, мыши, выглядывающей из норки, не услышите даже шорохи за панелью в своей комнате, если не будете внимательны. Когда вы возвращаетесь вечером домой, садитесь у своего домашнего очага, даже кошка, которую вы посадите себе на колени, даст вам иллюстрацию. Как мягки ее лапки, но если она рассердиться, сколь остры становятся ее когти! Как очаровательны, мягки и нежны ее движения, когда она подходит к вам, и как быстро она показывает свои когти и начинает царапаться!

Вспоминаю, какое глубокое впечатление оставила моя проповедь у слушателей, когда я рассказал им случай, который произошел со мной в моем саду. Какая-то собака повадилась ходить в мой сад, прыгая через забор, и копать ямы в клумбах, сводя на нет всю работу садовника и приводя его в ярость. Гуляя как-то в субботу по саду и обдумывая проповедь на следующий день, я увидел это четвероногое создание, которое прыгало и ломало все на своем пути. Имея при себе трость, я со всей силой размахнулся и бросил ее в собаку, советуя ей поскорее убраться. И что же вы думаете, она сделала? Она обернулась, схватила палку в зубы и принесла мне, положив ее у моих ног и виляя хвостом, ожидала от меня слова благодарности и одобрения. Вы, конечно, понимаете, что я не отпихнул ее, не бросил в нее снова свою трость. Мне стало стыдно и я сказал ей, что она всегда может оставаться в саду, сколько ей угодно, и приходить сюда, когда ей захочется. Это был пример преодоления справедливого негодования силой непротивления, покорности, терпения и доверия. Я

использовал эту иллюстрацию на следующий день в своей проповеди и нисколько не почувствовал, что, рассказав эту историю, как-то унизил себя.

Большинство из нас читало книгу Альфонса Карра «Прогулка по моему саду». Почему кому-нибудь бы не написать «прогулка по моей кухне?» Думаю, что самую интересную книгу такого рода мог бы написать человек, который наблюдает природу и видит в ней аналогии. Помню, как однажды, когда я жил в Кембридже, мне нужно было сказать проповедь, но я никак не мог найти темы. И вдруг я заметил несколько птиц, сидящих на крыше дома на противоположной стороне. Когда я присмотрелся к ним, то увидел, что это была канарейка, улетевшая из какого-то дома, и много воробьев, которые ее клевали. И тогда сразу же мне пришел в голову текст: «Удел Мой стал у Меня, как разноцветная птица, на которую со всех сторон напали другие хищные птицы».

Если же, братья мои, вы не можете найти иллюстраций в естественной истории или других историях, о которых я говорил, ищите их повсюду. Все, что происходит вокруг вас, если только у вас есть голова на плечах, может быть использовано как иллюстрация. Но если вы действительно хотите заинтересовать своих слушателей и принести им пользу, то должны открыть глаза и применить все свои способности, которыми наделил вас Господь. Тогда вы увидите, что, просто гуляя по улицам, что-то обязательно подскажет вам отрывок из Священного Писания или поможет раскрыть смысл выбранного вами текста так, чтобы привлечь внимание слушателей и передать им Истину, которая затронет их ум и сердце.

Например, снег сегодня покрыл всю землю и, будучи черной, она выглядит теперь прекрасной и белой. Так это происходит и с некоторыми людьми, которые временно изменяют свой облик; они выглядят святыми, добродетельными и чистыми, как если бы были настоящими святыми, но когда встает солнце испытаний и их окутывает тепло искушений, как быстро обнаруживается их темная сущность и растаивает вся их добродетельная поверхность!

Весь мир увешан Богом картинами; и проповеднику только надо снять их по одной и показать своим слушателям, и тогда он может быть уверен, что привлечет их внимание к тому, что при их помощи он хотел им объяснить. Соломон сказал: «У мудрого глаза его – в голове его,» и обращаясь к такому человеку, он пишет: «Глаза твои пусть прямо смотрят, и ресницы твои да направлены будут прямо пред тобою». Почему он говорит о ресницах (веках) здесь? Я думаю, он имел в виду то, что веки должны удержать то, что увидели глаза. Вы знаете, как велика разница между тем, кто имеет глаза, и тем, кто не имеет их. Один сидит у ручья и видит вокруг себя много интересного и назидательного, другой сидит там же и подобен тому, о котором написал Уордворт, что:

> «Первоцвет у реки
> Для него желтый первоцвет
> И ничего более».

Если вам трудно научитесь использовать иллюстрации в своих проповедях, то я настоятельно советую вам, когда только представляется возможность, учить Слову Божию детей. Я не знаю лучшего способа научиться использовать иллюстрации, чем преподавать в воскресной школе или как можно чаще говорить проповеди ученикам, потому что если вы не будете давать иллюстрации там, то они сами будут иллюстрировать ваши уроки или проповеди своим поведением: невниманием, разговорами или играми на уроках. Когда я был преподавателем воскресной школы, у меня был класс мальчиков, и если мой урок был скучным для них, они начинали куролесить, вертеться на своих скамьях. Для меня это был верный знак дать им какой-нибудь пример или рассказать историю; и я научился рассказывать им всякие истории отчасти потому, что вынужден был это делать. Один мальчик в моем классе обычно говорил мне: «Это очень скучно, расскажите нам какую-нибудь историю». Конечно, это был гадкий мальчик, и вы можете себе представить, что, когда он вырос, ничего путного из него не получилось, хотя я совсем не уверен, что он стал

плохим. Но я всегда старался рассказать ему какую-нибудь историю, чтобы он успокоился и стал внимательным. И смею сказать, что некоторые из наших слушателей, если им позволить во время проповеди, будут просить нас рассказать им что-нибудь, т.е. чем-то заинтересовать их. И я думаю, что самое лучшее, что мы можем для них сделать, как для старых, так и молодых, это рассказывать им много историй и давать иллюстрации.

Не менее богатым для вас источником иллюстраций являются книги, изобилующие метафорами, сравнениями и символами. Я не буду подробно останавливаться сейчас на этом источнике, так как надеюсь в следующих лекциях дать вам список сборников историй и иллюстраций, басен, символов и притч. Но я очень советую вам прочесть такие книги, как «Христиане во всеоружии». Гурнелла или «Комментарии» Мэтью Генри, обращая особое внимание на иллюстрации, символы, метафоры и сравнения, которые вы там найдете. Я также люблю пользоваться противопоставлениями, как, например, в книге «Метафоры» Кича где он показывает различие между типом и антитипом. Иногда различие между людьми или предметами будет столь же поучительно, как и их сходство.

Когда вы прочтете эту книгу один раз и отметите в ней все образы, прочтите ее снова и отметьте все иллюстрации, которые пропустили при первом чтении. Вполне вероятно, что многое вы не заметили, и вы будете удивлены, обнаружив что сами слова являются иллюстрациями. Как часто само слово является картиной! Некоторые самые выразительные слова в человеческом языке – это сокровища, которые так часто проходят перед вашими глазами, но у вас не хватает времени ими воспользоваться или даже оценить. При втором чтении вы заметите, может быть, то, что ускользнуло от вашего внимания при первом, и найдете много иллюстраций, которые даются только намеками, а не полностью. Делайте так, как я вам рекомендую. Отмечайте, если возможно, красным карандашом нужные вам иллюстрации переписывайте их в тетрадь, чтобы всегда иметь их под рукой.

Правильно поступают те братья, которые с самого начала своей проповеднической деятельности отмечают или выписывают разные иллюстрации. Записные книжки старых пуритан оказали им бесценную услугу. Они никогда бы не смогли написать свои замечательные книги, если бы не собирали и не располагали свой материал под разными заголовками. Так они сохранили в записях все, что когда-то читали о том или ином предмете и потому могли быстро найти необходимый им материал и восстановить в памяти и проверить нужные цитаты. Можно извинить тех из нас, кто очень занят и должен заниматься более важными вещами, но кто имеет больше свободного времени, и особенно в деревнях, должны обязательно делать такие записи в своих тетрадях, иначе они превратятся в посредственных проповедников.

Ваш подбор сравнений, метафор, притч и символов не будет полным, если вы не будете пользоваться иллюстрациями, которыми изобилует Священное Писание. Библейские ссылки являются самым эффективным методом разъяснения и подтверждения евангельских истин, и проповедник, который хорошо знает Библию, всегда найдет в ней то, что «полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности». Господь хотел, чтобы мы использовали Его Слово, иначе Он не дал бы нам его в Ветхом Завете в виде типов и символов истин, которые затем были более полно раскрыты в Евангелии.

Такой, как я говорил выше, сборник иллюстраций будет вам очень полезен в будущем и поможет на примере сравнений и образов, использованных другими, находить сравнения и образы для своих проповедей. Всякое знание это оружие, которое позволяет нам делать почти все, что мы хотим. Думаю, что я смог бы научиться сделать бочку, если бы у меня было время смотреть, как ее делает бочар, и узнал бы как сбивать доски и скреплять их обручами, если бы провел достаточно времени в бондарне. И я не сомневаюсь, что каждый из вас может научиться всему, чему захочет, если имеет для этого время и возможность. Так, если вы будете искать иллюстрации, то научитесь, как их использовать в своих проповедях.

И последнее. Я начал с того, что предостерегал вас от придумывания историй, а закончу советом почаще самим придумывать иллюстрации. Старайтесь находить сравнения во всем, что вас окружает. Думаю, иногда полезно закрыться в своей комнате и сказать себе:

«Я не выйду из этой комнаты, пока не придумаю, хотя бы полдюжины иллюстраций». Китайцы говорят, что ум находится в желудке и там же находятся и чувства. Думаю, что они правы, что касается последнего, потому что, вы сами знаете, что если вы очень кого-нибудь любите, свою жену, например, то говорите, что могли бы съесть ее; и также вы говорите, что тот или иной человек очень сладкий. Так и ум находится в желудке, и потому, когда вы два-три часа заперты в доме и начинаете хотеть есть, то это заставит вас найти по крайне мере шесть иллюстраций, как минимум. Ваша комната станет настоящей для вас тюрьмой, если вы не сможете найти сравнений с разными предметами в этой комнате. Я бы сказал, что сама тюрьма может стать для вас источником многих метафор. Я не хочу, чтобы для этого вы шли в тюрьму, но если вы когда-нибудь попадете в нее, то должны научиться, как наиболее интересно сказать проповедь на такой отрывок из Священного Писания, как «Выведи из темницы душу мою» или «И был он там в темнице. И, Господь был и Иосифом».

Если вы не можете заставить работать свой ум дома, то выйдете и скажите себе: «Я пойду погулять в поле, или в сад, или в лес и, может быть, там найду иллюстрации. Вы можете даже подойти к витрине и, возможно, там найдете их; или постоят возле нее минуту и послушать, о чем говорят прохожие; или же остановиться возле группы бездельников и послушать, о чем они говорят, и может быть, в их разговоре найдете какой-нибудь символ. Не пожалейте также времени на посещение больных; это будет самым полезным для вас добрым делом которое дает вам много возможностей найти иллюстрации, когда вы видите страдания этих несчастных детей Божиих. Сколько страниц этой новой энциклопедии наглядных поучений, написанных невидимыми чернилами, найдете вы от посещения больных или даже разговоров детей. Многие из них расскажут вам такие вещи, которые вы сможете с пользой использовать в своих проповедях. Во всяком случае помните, что внимание и интерес в вашей проповеди зависит от того, как вы будете излагать им Евангелие. Попытка – это залог успеха. Поэтому скажите: «С Божией помощью, я буду учить своих прихожан, используя притчи, сравнения, иллюстрации и все, что будет им полезно; и я буду стараться быть достойным проповедником Слова Божия, вызывая к нему самое глубокое внимание и интерес».

Очень надеюсь, что вы научитесь, искусству придумывания иллюстрации. Я постараюсь составить небольшой сборник упражнений на каждую неделю. Предложу вам какой-нибудь субъект и какой-нибудь объект, между которыми есть сходство, и попрошу вас найти это сходство и показать , какое можно провести между ними сравнение. Или же предложу вам только субъект, без объекта, и попрошу проиллюстрировать его, сказать нам, например, что такое добродетель; либо только объект, без субъекта, например, «бриллиант» и спрошу: «Как вы используете его в качестве иллюстрации?» Иногда же не дам вам ни субъекта, ни объекта, но просто скажу: «Давайте мне иллюстрацию». Думаю, что такой сборник упражнений будет для вас очень полезным.

Умение пользоваться иллюстрациями это великий дар и его надо развивать. Человек, который держит в уме много иллюстраций, конечно же, будет их использовать в своих беседах. Так и проповедники, которые умеют хорошо пользоваться иллюстрациями, конечно же, всегда будут использовать их в своих проповедях; они просто не могут не делать этого. Другие всегда видят «сходство», замечают сравнение задолго того, как его видят другие. Если кто из вас скажет, что он не умеет пользоваться иллюстрациями, то я отвечу ему: «Брат мой, ты должен вырастить у себя на лбу рога, если не имеешь их». Вы не разовьете у себя большого воображения или фантазии, если вообще не имеете их, как, к примеру, невозможно сделать сыр из жернова; но если вы уделите большое внимание этому вопросу, то научитесь пользоваться иллюстрациями. Я уверен, что у некоторых людей нет этой способности. Так, я знал одного молодого человека, который очень хотел послушать наш колледж, но никак не мог свести концы с концами, потому что не видел связи между ними. Он дал мне свою записную книжку, и когда я прочел ее, то сразу же увидел, что она состоит из моих историй и иллюстраций, т.е. в ней были собраны мои истории и иллюстрации, которыми я пользовался, но записаны они были так, что от них ничего не осталось. Самое главное, о чем

я говорил, было им опущено, и хотя каждая мелочь была точно сохранена, сущность отсутствовала. Конечно, я был рад, что он не был принят в колледж; его недостатки могли бы стать для нас украшением, но мы можем обойтись без таких украшений, так как уже достаточно их имеем.

И наконец, дорогие братья, старайтесь всегда, где только можно, использовать притчи, сравнения, иллюстрации, потому что это в значительной степени является самым важным качеством публичного оратора, и особенно хорошего проповедника Евангелия Христова. Если Господь наш Иисус Христос так часто говорил притчами, то это дает нам право делать то же, что делал Он.

Глава 28

НАУКА КАК ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАЦИЙ. АСТРОНОМИЯ

Я хочу, братья, прочесть вам несколько лекций о РАЗЛИЧНЫХ НАУКАХ, КАК ИСТОЧНИКЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ. Мне кажется, что каждый студент, собирающийся стать христианским проповедником, должен хотя бы что-то знать о каждой науке. Он должен интересоваться каждой формой знания, которая может быть полезна в его работе. Бог создал все вещи в этом мире для того, чтобы они были нашими учителями, и у каждой из них можно чему-то научиться; никогда не станет хорошим студентом тот, кто не посещает все лекции, которые он должен посещать; так и тот, кто не учится у всего, что сотворил Бог, никогда не будет иметь пищи, необходимой его душе, и не овладеет знаниями, позволяющими ему стать всесторонне образованным учителем других.

Я начну с АСТРОНОМИИ. Вы сразу же увидите, что я не собираюсь читать вам лекции по астрономии, ни говорить о важных фактах и деталях этой увлекательной науки. Я просто использую астрономию как одним из многих источников иллюстраций, которые предусмотрел для нас Господь. Однако самой этой науке мы все должны уделять большое внимание, потому что она касается многих великих чудес природы, и ее влияние на наш ум действительно чудодейственно. Темы, которые рассматривает астрономия, столь важны, и чудеса, которые раскрывает нам телескоп, столь велики, что очень часто люди, которые не могут овладеть знанием, получаемым из других источников, легко овладевают им, когда изучают астрономию. Так, например, в нашем колледже учился брат, который казался настолько тупым, что мы посчитали, что ничему его не научим и должны отчислить его. Но я дал ему маленькую книжицу под названием «Молодой астроном», и он потом сказал мне, что когда читал ее, почувствовал, что будто что-то треснуло в его голове или какая-то струна лопнула в ней. Его кругозор так расширился, что фактически, я думаю, расширился и его череп, что должно было бы произойти в детстве, а произошло только теперь под влиянием огромной силы, которую оказало на него изучение даже азов астрономии.

Эта наука должна особенно нравиться проповеднику Евангелия, потому что она позволяет приблизиться к Богу гораздо ближе, чем всякая другая. Говорят, что неверующий астроном – это безумец, а я бы сказал, что всякий неверующий – это человек, страдающий самой тяжелой формой безумия; и, конечно же, тот, кто познал тайну на небе, но не познал великого Отца светил, Господа, Который их сотворил, должен быть поражен страшным безумием. И несмотря на все его знания, он страдает отсутствием ума, что ставит его в положение ниже даже зверей, которым нет спасения.

Великий математик – астроном Кеплер, так хорошо объяснивший многие законы, по которым устроена вселенная, заканчивает одну из своих книг «Гармония мироздания» таким выражением своих чувств: «Благодарю Тебя, Господь и Творец, что Ты дал мне радость наслаждаться Твоим творением, потому что я восторгаюсь работой рук Твоих. Я показал людям славу Твоих дел, насколько мой ограниченный разум смог вместить их бесконечность. Если я сказал что-то недостойное Тебя или искал своей собственной славы, будь милосерден и прости меня». И вы также знаете, что великий Ньютон, самый выдающийся ученый среди сынов человеческих, всегда падал на колени, когда смотрел на небо и обнаруживал новые чудеса на звездном небе. Поэтому наука, которая заставляет людей смиренно склоняться перед Господом, должна быть для нас всегда любимым предметом изучения, потому что целью нашей работы является вызывать благоговение перед Богом у всех, на кого имеет влияние.

Астрономия никогда не стала бы для нас доступной, во всех ее деталях, если бы не изобретение телескопа. Истина велика, но она не принесет нам спасения, пока мы лично не узнаем ее. Знание Евангелия, открытое нам в Слове Божием, делает его истиной для нас; и часто Библия для нас – это то, что телескоп для астронома. Священное Писание не создает истины, но оно открывает ее нам так, чтобы наш бедный, слабый разум, посвященный Святым Духом, мог воспринять и понять ее.

Из книги Томаса Мильнера «Небо и земля», из которой привожу в этой лекции много цитат, я узнал, что телескоп был изобретен таким вот особым образом: «Один человек в Миддльбурге, который изготовлял очки, сделал это открытие благодаря своим детям, обратившим его внимание на увеличенный размер флюгера на церкви, если смотреть на него через два очковых стекла, помещенных между пальцами на некотором расстоянии друг от друга. Это было одним из бессознательных действий ребенка, и редко можно найти такой огромный результат, полученный при таких простых обстоятельствах. Трудно себе даже представить, что такие детские шалости привели вскоре к расширению известных связей планетарной системы, проникновение через туманность Ориона и открытию богатств, которые таит в себе небосвод». Точно так простой случай часто является средством открытия людям чудес божественной благодати. То, что человек считает пустяком с религиозной точки зрения, Бог обращает во спасение его души. Он приходит в церковь послушать проповедь, как если бы пришел в театр посмотреть пьесу, но Святой Дух открывает ему истину и глубину Царства Божия, и его личную заинтересованность в них.

Думаю, что случай с открытием телескопа может послужить хорошей иллюстрацией связи между незначительными причинами и большими результатами, показывающими, как Промысел Божий всегда делает незначительные вещи средством чудесных и важных изменений. Часто бывает, что то, что кажется нам чистой случайностью, ничего из себя не представляющей, может изменить весь образ нашей жизни и повернуть жизнь многих других людей в совершенно ином направлении.

При помощи телескопа мы можем видеть количество, положение и движение звезд и изучать удивительные вещи, происходящие на звездном небе, и все больше и больше наблюдать чудеса, творимые рукой Божией. Телескоп позволил нам узнать гораздо больше о солнце, луне и звездах, чем мы узнали бы о них без его помощи. Д-р.Ливингстон, путешествуя по Африке, часто пользовался секстантом, и туземцы называли его белым человеком, который мог снять с неба солнце и нести его под мышкой. Вот что сделал для нас телескоп, и вот что сделала для нас в духовной сфере вера в Евангелие. Она дала нам Отца и Сына и Святого Духа и непреходящие вечные ценности, которыми мы теперь обладаем и которым постоянно радуемся.

Итак, братья, вы видите, что сам телескоп может стать для нас источником многих ценных иллюстраций. Мы можем также извлечь большую пользу из изучения звезд в целях навигации. Моряк, бороздящий по нехоженным морям, может при помощи астрономических наблюдений, привести свой корабль, не сбиваясь с пути, в желаемую гавань. Капитан Холл рассказывает, что однажды он плыл из Сан Блаза, что на Западном берегу Мексики, и проплыв за восемьдесят девять дней восемь тысяч миль, пришел в Рио-де-Жанейро, пройдя за это время через Тихий Океан, вокруг мыса Горн и Южный Атлантический океан, не заходя ни в одну гавань и не встретив ни одного корабля, кроме американского китобойного судна. За неделю до прихода в Рио-де-Жанейро он решил по положению луны вычислить местонахождение своего корабля и затем повел его, следуя общим принципам навигации, которые могут быть использованы для короткого расстояния между одной неизвестной точкой и другой. Дойдя до берега, который, по его вычислениям, находился на расстоянии около двадцати миль, он остановил корабль в четыре часа утра, ожидая рассвета, и затем очень осторожно, так как был густой туман, двинулся дальше. Когда туман рассеялся, экипаж с радостью увидел мыс «Сахарная голова», выступающий у входа в гавань, так что им не надо было ни на йоту менять курса, чтобы войти в порт. Это была первая земля, которую они увидели за почти три месяца плаванья, пройдя так много морей, двигаясь то

вперед, то назад из-за бесчисленных течений и плохого ветра. Все на корабле пришли в восторг, и моряки приветствовали своего капитана восторженными криками троекратного «ура!»

Так и мы, братья, плывем по морю нашей жизни, руководствуясь небесными телами, долго не видя земли, а иногда даже и проходящего мимо нас корабля; и все же, если мы будем точно следовать ориентирам, которые указывают нам правильный путь, то в конце нашего странствия получим великую милость Божию, увидев перед собой не только мыс «Сахарная голова», но и прекрасную Гавань Славы. Нам не надо будет ни на йоту менять свой курс; и когда мы войдем в небесную гавань, какие песни восторга мы будем петь, но прославляющие не свое собственное умение, а во славу чудесного Капитана и Лоцмана, Который провел нас через бушующий океан жизни и дал возможность плыть в полной безопасности, даже тогда, когда мы не видели своего пути!

Кеплер делает правильное замечание, когда говорит о математической системе, благодаря которой можно предсказать движение звезды. После описания своих наблюдений и выражения уверенности, что законы природы подчиняются воле Божией, он говорит: «Но если кто не в состоянии овладеть этой наукой, то я советую ему оставить это занятие блуждания по вселенной и пойти по своему собственному пути, открыв свои собственные глаза, только которыми он может видеть, и излить свои чувства в прославлении Бога Творца; и будучи уверенным, что он поклоняется Богу не менее, чем астроном, и что Бог дал ему внутреннее зрение, которым он видит лучше, чем астроном, он может и будет славить Господа за то, что он сам смог увидеть».

Это, я думаю, самая замечательная иллюстрация к тому, что вы можете сказать любому несчастному невежде в своем приходе; «Дорогой друг, если ты не можешь понять богословской системы, которую я только что старался объяснить тебе, если эти доктрины тебе совершенно не понятны, если ты не можешь понять моего критического разбора греческого текста, уловить поэтическую идею, которую я пытался тебе сейчас объяснить и которая столь для меня восхитительна, но если ты знаешь только то, что твоя Библия это есть истина, что сам ты грешник и что Иисус Христос есть твой Спаситель, то иди своим путем и поклоняйся, люби и думай о Боге так, как ты можешь. Не обращай внимания на астрономов, на телескопы, звезды, солнце и луну, по-своему поклоняйся Господу, как ты сам можешь. Совершенно не зависимо от моих богословских знаний, моих объяснений доктрин Священного Писания сама Библия и та драгоценная истина, которую ты познал своим собственным сердцем через учение Святого Духа, сделает тебя достойным поклонником Всевышнего Бога».

Думаю, что все вы знаете одну из древних астрономических систем, согласно которой в центре находится земля, вокруг которой вращаются солнце, луна и звезды. Ее фундаментальными принципами были неподвижность земли, ее центральное положение и ежедневное вращение вокруг нее всех небесных тел по их циркулярным орбитам.

Таким же образом можно создать богословскую систему, согласно которой человек находится в центре, а Христос и Его искупительная жертва существует только ради человека, Святой Дух является просто великим Работником от имени человека, и что даже великий и всеславный Отец существует только ради того, чтобы сделать человека счастливым. Некоторые, может быть, и являются сторонниками такой богословской системы, но мы, братья, не можем впадать в такое заблуждение, потому что, как и то, что земля не есть центр вселенной, так и человек не есть величайший из всех существ. Богу было угодно возвыситься над человеком, но мы должны помнить, что говорит о Нем псалмопевец: «Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, что Ты посещаешь его?» В другом месте Давид говорит: «Господи! что есть человек, что Ты знаешь о нем, и сын человеческий, что Ты обращаешь на него внимание? Человек подобен дуновению, дни его – как уклоняющаяся тень». Человек не может быть центром вселенной Божией, он слишком не значителен, чтобы занимать в ней такое положение, и план искупления существует совершенно для той цели,

чем просто сделать человека счастливым или даже святым. Спасение человека должно быть прежде всего ради славы Божией; и вы нашли правильную форму христианской доктрины, когда признали систему, в которой центром является Бог властвующий и управляющий по Своей доброй воле. Не умаляйте человека до такой степени, чтобы создавалось впечатление, будто Бог не заботится о нем; потому что тем самым вы порочите Бога. Поставьте человека в то положение, которое определил ему Бог – тогда вы получите богословскую систему, в которой все истины откровения и опыта будут двигаться в божественном порядке и гармонии вокруг великого центрального светила, Верховного Божественного Владыки вселенной, Всевышнего Бога, властвующего над всеми и на все века.

Но, возможно, кто-то из вас впадает в другую ошибку, вообразив себя центром системы. Думаю, что это глупое замечание является хорошей иллюстрацией. Есть люди, основными принципами которых является, во-первых, их собственная неподвижность: они есть то, что они должны быть, они правы, и никто не может сдвинуть их с места; и, во-вторых, они занимают центральное положение, для них восходит и заходит солнце и для них прибывает и убывает луна. Жены их существуют для них, для них рождаются их дети; для них все занимает то место, которое оно занимает во вселенной Божией; и они судят обо всем согласно одному единственному правилу: «Какую это принесет мне пользу?» Это начало и конец их великой системы, и они считают, что все земные тела, если не все небесные, ежедневно вращаются вокруг них. Солнце, луна, одиннадцать звезд сотворенные для того, чтобы поклоняться им. Что касается земли, то эта устарелая система не имеет никакого к ним отношения. Может быть, кому-то из вас и нравится эта идея, но большинство людей не станет разделять ее, и чем скорее мы, с помощью Божией, отбросим ее, тем это будет лучше; тогда мы сможем занять подобающее нам место в самой высшей системе, чем в любой из тех, в которой мы можем быть центром.

Тогда СОЛНЦЕ, а не земля, являются центром солнечной системы, которая, заметьте, занимает только один малюсенький уголок вселенной, хотя она и настолько огромна, что если я назову вам ее настоящие размеры, то вы не сможете даже представить их себе, настолько они велики. Однако эта огромная система, по сравнению со всей вселенной Божией, подобна единственной маленькой песчинке на берегу моря, и могут существовать «мириады» систем, некоторые из которых состоят из таких же огромных, как наша, система. Само солнце является только планетой, вращающейся вокруг более огромного солнца, а этот мир – лишь маленький спутник этого солнца, которое никогда не видели астрономы, быть может, живущие в этой значительно далекой от нас солнечной системе. Бог создал замечательную вселенную, и тем не менее, сколько бы мы о ней ни знали, мы никогда не должны воображать, что увидели больше, чем только маленькую часть всех миров, которые создал Бог.

Земля и все планеты, и все твердые тела вселенной управляются, как вы знаете, силой притяжения. Мы удерживаемся на своем месте в этом мире, вращаясь вокруг солнца под воздействием двух сил – одна называется центростремительной, притягивающей нас к солнцу, а другая – центробежной, которая обычно сравнивается с тенденцией капель воды, стремящихся, на вращающемся колесике отлететь по касательной от круга, который они описывают.

Так, я думаю, существует и две силы, всегда действующие на нас, одна из которых притягивает нас к Богу, а другая отталкивает от Него и тем самым удерживает нас в кругу жизни. Но я был бы счастлив, если бы вырвался из этого круга и вышел бы из-под влияния центробежной силы, и тогда, думаю, в тот момент, как прекратится действие, которое отталкивает меня от Бога, я окажусь с Ним на небе; и в этом я не сомневаюсь. Как только одна их этих сил, влияющих на жизнь человека, прекратит оказывать на нас свое действие, мы либо под воздействием центробежной силы, далеко отлетим от Бога, – что Бог запрещает(!) – либо, под воздействием центростремительной силы влетим в центральный небосвод; и чем скорее наступит этот славный конец жизни, тем для нас это будет лучше. И я

скажу с Августином: «Все вещи притягиваются к своему центру. Будь Ты Центром моего сердца, О Боже, мой Свет, моя единственная Любовь!»

Само солнце – это огромное тело, размеры его известны, но я не стану вас утруждать цифрами, потому что вы все равно не сможете себе представить его истинного размера. Достаточно сказать, что если землю и луну поместить внутрь этого солнца, то им хватит места продолжать вращаться по своим собственным орбитам, как они это делают сейчас, и не надо будет бояться, что они натолкнутся на внешнюю поверхность этого солнца, которая для них будет представлять небо.

Свет с солнца достигает нас за восемь минут. И мы можем судить о скорости, с которой движется этот свет, если сравнить ее с наивысшей скоростью пушечного ядра, которому, если запустить его на солнце, понадобится семь лет, или с поездом, которому, двигающемуся со скоростью тридцать миль в час без остановок, понадобится триста пятьдесят лет. Так что вы можете хотя бы приблизительно представить себе, на каком расстоянии мы находимся от солнца; и это, я думаю, является для нас хорошей иллюстрацией веры. Никто не может знать, кроме как через веру, что солнце действительно существует. То, что оно существовало восемь минут назад, я знаю, потому что луч солнца, который дошел до нас, говорит мне об этом, но я не могу быть уверенным, что оно существует сейчас. Некоторые звезды находятся на таком огромном расстоянии от земли, что луч света с них доходит до нас за сотни лет, и потому откуда нам знать, что они давно уже не потухли. Однако мы все равно отмечаем их на нашей небесной карте, потому что верим в их существование, ибо как и то, что «верно познаем, что веки устроены словом Божиим», так и только верою можем мы знать, что они существуют. Когда мы глубже изучаем этот вопрос, то видим, что наше зрение и все наши способности и чувства не дают нам уверенности в существование этих небесных тел, и потому мы должны только верить в это; так и в духовной сфере, мы ходим верою, а не зрением.

То, что солнце имеет на своей поверхности пятна, – это факт, о котором все говорят. Так и если вы являетесь солнцем и ярко светите, но у вас есть недостатки, то люди их очень быстро заметят и привлекут к ним внимание других. Часто о пятнах на солнце говорят гораздо больше, чем о его светящейся поверхности; так и люди больше будут говорить о недостатках и слабостях, которые замечают в нашем характере, чем о наших лучших качествах, которые они видят в нас. Одно время утверждали, что на солнце нет пятен, ни даже пятнышек. Многие же астрономы, без помощи телескопа, обнаружили эти пятна на поверхности солнца; но досточтимые отцы Церкви, которые все знают, заверили их, что ничего подобного такого рода не возможно. В книге, которую я выше цитировал, говорится: «Когда немецкий иезуит Шайнер поведал главе своего ордена о своих сомнениях по этому поводу, тот наотрез отказался ему поверить. «Я много раз прочел, – сказал он, – «всего Аристотеля от корки до корки, и могу заверить тебя, что ничего подобного нигде у него не нашел. Иди, мой сын, и успокойся, будь уверен, что то, что ты принимаешь за пятна на солнце, – это только дефект твоих очков или твоего зрения». Итак, братья, мы знаем, какую силу имеет ханжество, и что люди не видят того, что совершенно ясно видим мы, и даже, когда даются факты, они не верят им и видят в них все, что угодно, только не реальную правду. И я опасаюсь, что и само Слово Божие часто так видится. Четко и ясно открытые, нам истины упрямо отрицают, потому что они не соответствуют предвзятым теориям неверующих.

Было сделано много попыток объяснить, что в действительности представляют собой эти пятна на солнце. Согласно одной теории солнце окружено светящейся атмосферой, а пятна – это дыры этой атмосферы, через которые мы видим твердую поверхность солнца. И я не вижу причин считать эту теорию неправильной; мне кажется, что она объясняет первую главу Бытия, где сказано, что в первый день Бог сотворил свет и только в четвертый – солнце. Не сотворил ли он сначала свет, а потом взял солнце, которое могло быть темным шаром, и поместил на него свет в виде святящейся атмосферы? Эти две вещи вполне соответствуют друг другу, и если пятна действительно дыры в светящейся атмосфере, то они

могут служить прекрасной иллюстрацией пятен, которые люди в нас видят. Мы облачены праведностью, как светящейся одеждой, но время от времени в ней появляются трещины, через которые можно заглянуть в темное тело порочной природы, все еще существующей в лучших из нас.

Вы знаете, что опасно смотреть на солнце незащищенным глазом. Некоторые отваживались смотреть на него через простое незатемненное стекло и слепли. Другие пренебрегали специальными телескопическими стеклами и также слепли. Это является хорошей иллюстрацией нашей необходимости в Посреднике и необходимости смотреть на Бога через посредство Господа Нашего Иисуса Христа, иначе чрезмерная слава Божества может совершенно лишить нас возможности видеть Бога.

О влиянии солнца на землю я не стану здесь говорить, так как это относится совершенно к другой науке и не касается астрономии. Достаточно сказать, что живые растения иногда растут и без солнца, как, например, в темном погребе; и как прекрасно они существуют в таких условиях! Как счастлив должен был быть великий естествоиспытатель Гумбольдт, когда он спустился в подземную пещеру, в которой обитали птицы, питавшиеся только плодами. Он пишет: «Зерна, которые птицы приносили своим птенцам, падали на землю, и из них вырастали высокие, бледные, прозрачные стебли, покрытые полуоформленными листьями, и невозможно было понять, к какому виду они относятся, так как отсутствие света изменило их форму, цвет и вид. Индийские туземцы смотрели на эти странные растения с любопытством и страхом, как если бы это были бледные и уродливые призраки, уже исчезнувшие с лица земли».

Итак, братья, подумайте, кем бы были вы и я без света Божиего. Представьте себе церковь, а такие есть, живущие без света небесного, пещеру, полную странных птиц и бесцветных растений. Какое это страшное место! Такая пещера есть в Риме и в других местах на земле; и горе тем, кто пойдет жить в таких мрачных логовах!

Какой изумительный эффект оказывает свет Божий на людей, имеющих в себе искру Божию, но живущих в темноте! Путешественники рассказывают нам, что в обширных лесах Амазонки и Ориноко можно иногда видеть влияние света на окраску растений во время почкования. Один путешественник пишет: «Тучи и дождь на несколько дней иногда покрывают небо, и в это время почки раскрываются, но листья остаются бледными, пока не покажется солнце; и уже через несколько часов чистого неба и солнечного света они становятся ярко-зелеными. Мне рассказывали, что когда в течение двадцати дней стояла мрачная, пасмурная погода и ни разу не показалось солнце, листья выросли до их полных размеров, но были бледными. Но когда утром засветило солнце, листья стали зеленеть, буквально на глазах, и уже днем весь лес был одет в свои обычные летние одежды».

Мне кажется, что это прекрасная иллюстрация влияния на нас Господа нашего Иисуса Христа. Мы можем сказать с д-р. Уоттсом, что,

«Когда Он появляется в самой глубокой тьме,
Начинается заря моей жизни;
Он прекрасная утренняя звезда моей души
И мое восходящее солнце».

Тогда мы облачаемся красотой, как листья окрашиваются лучами солнечного света. Каждым атомом цвета в наших добродетелях, каждым дуновением благоухания наших плодов мы обязаны тем ярким солнечным лучам, изливающимся на нас с Солнца Правды, Который под своими крыльями несет нам, кроме исцеления, много других даров.

Влияние солнца на растения можно наблюдать и в цветах в вашем саду. Посмотрите, как они, когда могут, поворачиваются к нему; подсолнух, например, поворачивается за солнцем, будто он сам сын солнца, и с любовью взирает на лицо своего отца. По своему виду он очень похож на солнце, и, я думаю, это потому, что он так любит поворачиваться к солнцу. Все листья клеверного поля изгибаются к солнцу, и все растения преклоняются

перед солнцем, которому они столь многим обязаны. Даже в оранжерее растения не станут расти в том направлении, в каком вы хотите, когда им надо тепло, то есть, в сторону дымохода, откуда идет тепло, ни того места, откуда поступает больше воздуха, но они всегда будут, если могут, направлять свои ветви и свои цветы в сторону солнца. Так и вы должны расти в сторону Солнца Правды, и потому для исцеления нашей души должны мы обращать наше лицо к Солнцу, как Даниил молился у открытых окон, смотрящих на Иерусалим.

Где Иисус, там наше Солнце. Будем же всем своим существом поклоняться Ему.

Совсем недавно я прочел об одном поразительном случае действия солнечных лучей. Несколько водолазов в водолазном колоколе работали под водой на глубине тридцати футов. Выпуклое стекло колокола полностью сконцентрировало на них солнечные лучи, которые сожгли шлемы на их головах. Когда я прочел эту историю, я подумал, что она является прекрасной иллюстрацией силы Евангелия Господа нашего Иисуса Христа. Некоторые из наших слушателей находятся тридцать футов под водами греха, если и не глубже, но милостью Божией мы еще можем заставить их почувствовать зажигающую силу истины, которую мы им проповедуем, даже если нам не удается зажечь их огромной силы огнем этого мощного стекла. Может быть, кто-нибудь из вас имел в детстве зажигательное стекло, и когда где-нибудь в саду или на улице вы сидели со своим другом, который не знал, что у вас в кармане, вы вынимали это стекло и прикладывали его незаметно к тыльной стороне его руки, держали его до тех пор, пока он не почувствует, что что-то жжет его руку. Мне нравится проповедник, который сосредотачивает лучи Евангелия на грешнике, пока оно не начнет жечь его. Никогда не рассеивайте лучи света; вы можете повернуть это стекло так, что, вместо того чтобы сосредоточить его лучи, вы рассеиваете их. И самый лучший путь проповеди – это тот, который сосредотачивает Иисуса Христа, Солнце Правды на сердце грешника. Это самый лучший в мире путь добраться до него, и если он находится тридцать футов под водой, это зажигательное стекло позволит вам сделать это. Только не вздумайте использовать для этого свою собственную свечу вместо Солнца, потому что она служит совсем другой цели.

Иногда, как вы знаете, бывает затмение солнца. Луна становится между вами и солнцем, и тогда яркий дневной свет тускнеет. Думаю, все мы видели затмение солнца, можем быть, увидим еще. Это очень интересное зрелище; но мне кажется, что люди гораздо больше обращают внимание на солнце во время его затмения, чем когда оно ярко светит. Они не в состоянии смотреть на него день за днем, когда оно ярко светит. Но как только наступает его затмение, они тысячами высыпают на улицу со своими стеклами, и каждый маленький мальчик имеет кусочек дымчатого стекла, через которое его наблюдает.

Так я не верю, что люди уделяют Господу нашему Иисусу Христу столько внимания, как тогда, когда Он предстает перед ними как страдающий Спаситель, «распятый у них». Когда наступает великое затмение Солнца Правды, тогда все их глаза сосредоточены на Нем, и это хорошо. Не переставайте же постоянно говорить своим слушателям об этом страшном затмении на Голгофе, но также говорите им и о действии его, чтобы никогда не повторялось это ужасное событие.

Говоря о солнечном затмении, я вспомнил рассказ из книги, о которой говорил выше, об одном солнечном затмении. Его описал один человек в своем письме к астроному Галилею. Он стоял на Хардоу Хилл, восточном конце Стоунхендж Авеню, прекрасном месте для наблюдения, и оттуда наблюдал солнечное затмение. И он пишет: «Нас окутал полный и осязаемый мрак, если можно так выразиться. Он наступил внезапно, но я наблюдал его так внимательно, что видел, как это происходило. Он опустился подобно огромному черному плащу, брошенному на нас, или завесе, отодвинутой с той стороны. Лошади, которых мы держали за уздечки, так испугались, что прижались к нам, выражая крайнее удивление. Насколько я мог заметить, лица моих друзей выражали ужас. И я сам невольно воскликнул от удивления, видя, что в этот момент происходило вокруг меня. Это было самое ужасное зрелище, которое я когда-либо видел во всей своей жизни».

Такое, думаю, происходит и в духовной сфере. Когда произошло затмение Солнца Правды, все люди оказались во тьме; и когда бесчестится Крест Христовый или Сам Христос, каждый христианин оказывается в ужасной тьме. Он не может стоять в свете, когда его Господь и Учитель находится в тени.

Один наблюдатель описывает, что происходило во время солнечного затмения в Австрии, свидетелем которого он сам был. Казалось, что для всех людей это был праздник. Они собрались на открытом месте, чтобы наблюдать это чудесное зрелище. И этот наблюдатель пишет: «Всем своим величием это явление восторжествовало над нетерпеливостью молодежи, легкомыслием, которое некоторые принимают за признак превосходства, над выражением равнодушия. В воздухе царила глубокая тишина, птицы перестали петь». Более поразительным является то, что в Лондоне после затмения солнца, когда петухи увидели, что солнце снова светит, они все начали кричать, будто с радостью подумали, что дневной свет пробился сквозь мрак ночи.

Однако это изумительное явление не всегда привлекает внимание людей, которые должны были бы его видеть. Из истории мы знаем, что во время битвы, думаю, в Греции наступило полное затмение солнца, но воины все равно продолжали бороться, они просто не заметили этого исключительного явления. Это говорит о том, что сильные страсти могут заставить нас забыть происходящее вокруг, и в то же время показывает, что дела человека на земле могут заставить его забыть обо всем, что происходит на небе. Вы только что слышали, что лошади дрожали от страха во время затмения солнца. А другой писатель пишет, что во время солнечного затмения в Лондоне лошади, которые перед тем тащили экипажи, не обратили ни малейшего внимания на это явление и, как обычно, продолжали свой путь. Так земные дела человека часто столь обременительны по своему характеру, что мешают ему почувствовать душевные эмоции, которые чувствуют те люди, которые предпочитают задумываться над ними.

Я прочел одну очень интересную историю о солнечном затмении, которая, надеюсь, вам понравится. Одна бедная девочка ранним солнечным утром пасла в Нижних Альпах овец на склоне гор. Солнце встало, и ночная роса покрыла все вокруг. Все думали, что будет прекрасный безоблачный день. Но постепенно стало темнеть, и солнце совершенно исчезло. На месте ярко светящегося диска появился черный шар, стало прохладно и таинственная тьма окутала всю местность. Это необычное явление так испугало девочку, что она стала плакать и громко звать на помощь. Ее родители и друзья, прибежавшие на крик, которые ничего не знали о солнечном затмении, также удивились и испугались. Как могли, они пытались ее успокоить. Вскоре тьма, покрывавшая солнце, рассеялась, и оно снова засветило, как раньше. И тогда девочка громко закричала на всю округу: «О прекрасное солнце!», и она была права. Когда я прочел этот рассказ, я подумал, что когда наступает затмение моего сердца и Христос на какое-то время оставляет меня, а затем возвращается, сколь прекрасным кажется мне Солнце, даже более ярким и красивым, чем до этого временного затмения. Мне казалось, что Иисус освещая меня даже еще более ярким светом, чем когда-либо раньше, и моя душа воскликнула в порыве восторга; «О прекрасное Солнце Правды!»

Эта история, думаю, может быть прекрасной иллюстрацией солнца, потому что мы также стремимся узнать все, что касается его планет, и если бы мы захотели полететь на них, то нам пришлось бы лететь очень долго и очень быстро.

Самая близкая, вращающаяся вокруг солнца планета, это МЕРКУРИЙ, который находится от него на расстоянии 37.000.000 миль. Поэтому Меркурий получает от солнца гораздо больше света и тепла, чем мы на Земле. Считается, что даже на полюсах Меркурия вода всегда кипит, т.е. в том случае, если она является такой же планетой, как наша, мы бы не могли на ней жить, но это не значит, что другие не могут, потому что Бог мог сотворить других людей, которые могут жить в огне, как и таких, которые могут жить и без него. И я не сомневаюсь, что если на Меркурии живут люди, то они радуются огню. В духовной сфере,

во всяком случае, мы знаем людей, которые живут с Иисусом, пребывая в божественном пламени любви.

Меркурий сравнительно маленький; его диаметр около 2960 миль, тогда как Земли – 7975, Меркурий обращается вокруг Солнца за 88 дней, двигаясь со скоростью около 110 000 миль в час, тогда как Земля – только около 65 000 миль за то же время. Это все равно, что пересечь Атлантический океан за две-три минуты! Меркурий является самой плотной планетой, и это есть пример Мудрости Божией. Так, та часть машины, которая вращается с самой большой скоростью и быстрее всего изнашивается, должна быть сделана из самого прочного материала; так и Меркурий обладает огромной силой, позволяющей ему выдержать огромное напряжение своего очень быстрого движения и страшную жару, которой он подвергается.

Это иллюстрация того, что Бог дает человеку соответствующее ему место; и если бы Он предназначил мне быть Меркурием – вестником богов, как его называли в Древнем мире, – и двигаться с огромной скоростью, то Он дал бы мне силу соразмерно моим возможностям. Образование каждой планеты соответственно ее определенному положению является прекрасным доказательством силы и предусмотрительности Бога; и таким же образом Он предопределил людям то место, которое каждый из них призван занимать.

Я люблю сравнивать Меркурий с чадом Божиим, которое имеет все благодати. Меркурий всегда находится близко к солнцу, и так близко, что самого его редко можно увидеть. Кажется, Коперник сказал, что, как он ни старался, он никогда не видел Меркурия, и очень сожалел, что так и умрет, не увидев эту планету. Другие видели его, и для них было истинным наслаждением наблюдать его вращение. Обычно Меркурий теряется в лучах, и именно там должны быть вы и я, в нашей жизни и проповеди, столь близко ко Христу, к Солнцу Правды, чтобы люди, которые стараются увидеть наши движения, едва ли вообще могли бы нас видеть. Девиз Павла должен быть нашим девизом: «Не я, но Христос!»

Вследствие того, что Меркурий находится так близко к Солнцу, он самый таинственный из всех планет. Ни один член небесной семьи не ставит перед астрономами столько проблем, как он. Они уделяли ему самое большое внимание, чтобы изучить его со всех сторон, но это очень трудная задача, потому что ни в сиянии солнечных лучей, ни в темной части неба его не видно.

Так, я думаю, братья, и мы: чем ближе мы живем ко Христу, тем более непонятны мы будем для всех людей. Чем больше мы скрываемся в свете Его славы, тем меньше они могут понять нас. Если бы мы всегда были такими, какими должны быть, то люди видели бы в нас иллюстрацию к тексту: «Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге». Подобно Меркурию, мы должны быть столь же активны на предназначенной нам орбите, чтобы не дать людям времени увидеть нас в одном положении; и еще, мы должны быть столь растворены в славе присутствия Христа, чтобы они не могла видеть нас.

Когда Меркурий виден с Земли, его плохо видно, потому что своим лицом он обращен к Солнцу. И я боюсь, что так и мы: когда мы очень хорошо видны, то обычно предстаем как черные пятна; слишком яркая личность проповедника затмевает собой проповедь. Мне нравится, когда проповедь Евангелия – это только Христос, Солнце Правды, и никаких черных пятен; ничего – от себя, только – от Господа нашего Иисуса Христа. Если на Меркурии есть обители, то солнце должно казаться им в четыре-пять раз больше, чем нам; яркость солнца невыносима для наших глаз. И если можно было бы смотреть на него, какое бы было это прекрасное зрелище. Итак, чем ближе вы будете ко Христу, тем больше вы познаете Его и тем больше вы будете Его почитать.

Следующая планета после Меркурия – это ВЕНЕРА; она находится около 66 000 000 миль от Солнца и немного меньше, чем Земля, диаметр ее 7 510 миль, а Земли – 7 975? Она обращается вокруг Солнца за 225 дней, двигаясь со скоростью 8 000 миль в час. Когда к Меркурию была применена астрономическая система Коперника, она вызвала возражение одного астронома, а именно: «Ясно, что Венера не вращается вокруг Солнца, потому что в противном случае она должна была бы иметь тот же аспект, что и Луна, а именно, иногда

серпа, иногда полумесяца, либо принимать форму, известную как «горбатая», а иногда полного круга?» И, показывая на Венеру, он продолжал: «Но она всегда одного размера; посмотрите на нее, она совсем не похожа на Луну». И именно это древние астрономы затруднялись объяснить. Однако, когда Галлей повернул свой новый телескоп в сторону Венеры, что же он увидел? А то, что она не проходит те же фазы, что Луна! Мы не всегда видим ее полностью освещенной, и все же я думаю, что свет ее представляется нам всегда одинаковым. Сейчас вы поймете, почему. Когда своей лицевой стороной она повернулась к нам, то находится на самом далеком расстоянии от Земли; следовательно свет, который доходит до нас, отнюдь не сильнее, чем когда она несколько повернула от нас. И мне кажется, что эти два факта вполне совместимы. Так это, я думаю, происходит с некоторыми евангельскими истинами, которые ставят в тупик некоторых людей. Они говорят: «Как вы согласуете эти две вещи?» Но я отвечаю: «Не думаю, что я должен доказать, что они согласуются. Если бы Бог сказал мне что сделать, я бы сказал вам; но Он не говорит мне делать этого, и потому я должен полагаться на то, что говорит Библия». Если я не нахожу объяснения явному расхождению между двумя истинами, они все равно могут прекрасно согласовываться между собой.

Венера – это и утренняя звезда, и «звезда вечерняя, прекрасная звезда». Ее так и называют по-разному. Господь говорит о Себе, что «Я есмь звезда светлая и утренняя». И всякий раз, когда Господь входит в душу человека, Он является представителем того вечного света, который никогда не погаснет. И так как Иисус – Солнце Правды – вышел из поля зрения человека, вы и я должны быть подобны вечерним звездам, держась как можно ближе к великому центральному Солнцу, чтобы своим подобием ему показать людям, каким Он был. Не сказал ли Он Своим ученикам: «Вы свет миру?»

Следующая маленькая планета, которая вращается вокруг Солнца – Земля. Ее расстояние варьирует от девяноста двух до девяноста пяти миллионов миль. Не теряйте надежды, господа, добраться до Солнца, потому что обитатели Сатурна, если там есть жизнь, находятся от Солнца гораздо дальше, чем вы, приблизительно в десять раз. И все же я не думаю, что вы когда-нибудь займете место в Гелиосовой огненной колеснице, во всяком случае не в вашей сегодняшней телескопной оболочке. Вам там будет очень жарко. Земля несколько больше Венеры. Она обращается вокруг Солнца за двенадцать месяцев, а точнее, 365 дней, 6 часов, 9 минут и 10 секунд, и не светится столь ярко, как Венера, потому что вследствие греха, облако тьмы окутало ее. Но я думаю, что через тысячу лет завеса поднимается и ярко засияет свет на земле, и тогда она будет сиять во славу Божию, как и другие подобные ей звезды, которые никогда не теряли своей первоначальной яркости. И я думаю, что какие-то завесы уже поднялись; каждая проповедь о Христе, которую мы произносим, несколько отодвигает мрак и туман с поверхности Земли; во всяком случае, если не естественно, то нравственно и духовно.

И все же, братья, хотя по сравнению с Меркурием Земля движется медленно, она, как сказал Галлей, вертится и довольно с большой скоростью. Думаю, вы бы очень удивились, если бы, не зная с какой скоростью движется Земля, узнали, что проходите около 20 000 миль за двадцать минут, но это факт. Приведу вам одну цитату из книги, из которой мы уже узнали много интересных сведений: «Действительно, поразительно, что бодрствуя, спя дома или в другом месте, мы постоянно движемся вместе с массой Земли со скоростью одиннадцати миль в минуту и в то же время движемся в пространстве со скоростью шестьдесят шесть тысяч миль в час. Так, за двадцать минут ходьбы мы проходим более 20 000 миль из одной части пространства в другую, и во время восьмичасового сна ночью или бодрствования днем мы бессознательно преодолеваем расстояние в два раза больше, чем Луна».

Мы не замечаем этого движения; так и незначительные вещи, которые к нам ближе и реальнее, часто кажутся нам более заметными, чем большие, но находящиеся от нас дальше. Этот мир оказывает на многих людей гораздо большее влияние, чем мир духовный, потому что они замечают вещи видимые и преходящие. «Но, – скажете вы, – мы не чувствуем, что

мы движемся». Нет, но вы все-таки движетесь, хотя и не осознаете этого. Так, я думаю, когда верующий во Христа иногда не чувствует, что он возрастает духовно, это не должно его огорчать. Я не уверен, что те, кто воображает, что они растут духовно, на самом деле растут. Может быть, где-то в них растет злокачественная опухоль, и ее смертоносные волокна заставляют их воображать, что они сами растут. Увы, это так, но это рост разрушения.

Когда человек думает, что он так высоко возрос духовно, что уже стал истинным христианином, он напоминает мне бедного мальчика, которого я часто вижу, с такой большой головой для его тела, что он часто должен класть голову на подушку, потому что плечи не выдерживают ее веса. Мать его рассказывала, что когда он пытается встать, он часто падает, так как теряет равновесие. Некоторым людям кажется, что они быстро растут, но у них просто вода в мозгах; однако, тот, кто истинно возрастает духовно, тот не скажет: «Боже мой, я чувствую, что расту; да благословен Господь, я расту, я расту!» Я же иногда чувствую, что становлюсь меньше, и думаю, что это действительно так, и это хорошо. Если мы очень высоко растем в своих собственных глазах, то это значит, что в нас растет опухоль или гнойник, которые надо разрезать, чтобы выпустить вредное вещество, заставляющее нас хвалиться своим величием.

Хорошо, что мы не чувствуем, что движемся, потому что, как я говорил выше, мы ходим верою, а не зрением. Однако я знаю, что мы движемся, и уверен, что через двенадцать месяцев я возвращусь, насколько это позволяет вращение Земли, точно в то место, откуда начал двигаться. Если смотреть на меня с Сатурна, то меня можно будет увидеть на том же самом месте, если за это время не придет Господь и не призовет меня к Себе.

Если же мы почувствовали, что Земля движется, то это, очевидно, значит, что на небесном пути есть какое-то препятствие, но мы продолжаем идти столь медленно и осторожно, что даже не замечаем этого препятствия. Я думаю, что таким же образом происходит и возрастание в благодати. Ребенок растет, однако он не замечает, что растет; семя бессознательно растет в земле, так и мы развиваемся в духовной жизни, пока не достигаем полноты человеческого роста в Иисусе Христе.

Следующей после Земли является ЛУНА. Кроме своей обязанности, как одной из планет, вращаться вокруг Солнца, в ее задачу входит обслуживать Землю, оказывая ей много полезных услуг. Она освящает ее своим огромным рефлектором, насколько ей позволяет ее топливо изливать на нас свои лучи. Луна также действует на Землю силой своего притяжения, и так как вода является самой подвижной частью нашей планеты, Луна притягивает ее к себе, создавая таким образом приливы. И эти приливы помогают Земле сохранить свое здоровое движение, они являются для нее своего рода жизненными силами.

Лунное затмение происходит иногда очень часто, и намного чаще, чем солнечное, вызывая порой ужас. У некоторых племен затмение Луны бывает причиной большого горя. Р.Шумберг так описывает полное затмение Луны, которое он наблюдал в Сан-Доминго: «Я стоял на крыше своего дома и наблюдал лунное затмение. И тут я вспомнил яркую и необычную картину, свидетелем который был однажды в Гвиане, находясь среди невежественных и суеверных индейцев. Как только появились первые признаки затмения, они выбежали из хижин, тараторя что-то на своем языке, и, дико жестикулируя, угрожали Луне, кулаками. Когда же она полностью скрылась, они разразились воплями и, сев на корточки, прятали свои лица в руках. Женщины в это время оставались в хижинах. Когда же стал виден первый кусочек Луны, освободившийся от тени и сияющий, как бриллиант, все глаза обратились на него. Люди стояли и говорили между собой очень тихо, но по мере того, как свет увеличивался, они поднялись с корточек и стали говорить все громче и громче. Когда же яркий диск Луны возвестил, что побежден монстр, который хотел задушить Королеву Ночи, радость их выразилась в таких громких и диких криках, что в тиши ночи они были слышны на далеком расстоянии».

Отсутствие веры вызывает огромный страх и приводит к необычным действиям. Человек, который верит, что после временного затмения Луна снова ярко засветит, относится к нему, как к любопытному явлению, заслуживающему его внимания и интереса. Но тот, кто

действительно боится, что Бог погасит свет Луны, и он никогда больше не увидит ее ярких лучей, испытывает страшные муки. Может быть, он станет вести себя, как те индусы или африканцы во время затмения, которые начинают бить в старые барабаны и дуть в бычьи рога, создавая страшный шум, чтобы дракон, который, как они полагают, проглотил Луну, изверг бы его из своего желудка. Такова их теория затмения, и они действуют соответственно ей. Но мы, кто однажды познал истину, и особенно ту славную истину, что «Любящим Бога, призванным по Его изволению все содействует ко благу», не боимся, что дракон проглотит Луну, и ничего такого, что страх людей может себе вообразить. Если же мы не знаем истины, то каждое событие, которое может происходить по воле Божией, вызывает в нас ужас и может заставить нас совершать самые безумные поступки.

Следующая планета после Земли – это МАРС, огненный Марс, обычно сияющий ярко-красным светом. Раньше «красный, как кровь, щит» Марса объясняли поглощением солнечных лучей, но эта теория была отвергнута, и теперь считается, что цвет ее обусловлен цветом ее почвы. Согласно первой теории, разгневанный человек подобен Марсу, богу войны, который сохраняет в себе все цвета показывает другим только красные лучи. Более же поздняя теория, согласно которой почва этой планеты дает ей этот особый цвет, учит нас, что разгневанный человек бросается в бой, пока Господь не оставит его. Марс находится от Солнца на расстоянии 140 000 000 миль, он намного меньше, чем Земля, диаметр его 4 363 мили, период обращения вокруг Солнца составляет 687 дней, и движется он со скоростью 53 600 миль в час.

Между орбитами Марса и Юпитера существует широкая зона, в которой на протяжении многих веков не видели ни одной планеты. Но астрономы считали, что «между Марсом и Юпитером должно быть что-то». Они не могли обнаружить ни одной большой планеты, но с появлением больших по размеру и сильных по мощности телескопов открыли очень много АСТЕРОИДОВ, как они их назвали. Я не знаю, сколько их, потому что они подобны нашим братским семьям, число которых с каждым днем увеличивается. Сотни их уже обнаружены, и при помощи телескопической фотографии мы можем надеяться, что их будет еще намного больше. Первый астероид был обнаружен в первый день нашего столетия и был назван Церерой. Многие из астероидов были названы женскими мифическими именами, и, я думаю, потому, что они маленькие и женские имена им больше подходят. Диаметр их варьирует от 20 до 200 миль, и многие считают, что они являются осколками какой-то планеты, которая когда-то вращалась между Марсом и Юпитером, но взорвалась и разлетелась на множество кусков.

И метеориты, которые иногда падают на Землю, а в определенные времена года гораздо чаще видны летящими по ночному небу, также, возможно, являются осколками какой-то погибшей планеты. Во всяком случае, все изменилось, и изменения в звездном мире должны показать людям, что произойдут еще и другие. Эти летящие куски метеоритного вещества, когда достигают нашей атмосферы, наталкиваются на сопротивление и, чтобы преодолеть его, должны лететь с огромной скоростью, и потому раскаляются до такой степени, что становятся видимыми. Так, я думаю, в этом мире есть также много благочестивых людей, которые невидимы, пока не наталкиваются на сопротивление. Исполненные любовью Божией, они движутся с огромной скоростью, и зажигаются таким святым рвением, что преодолевают сопротивление и тогда становятся видимыми для человеческого глаза. Что касается меня, то я люблю попадать в среду сопротивления, и думаю, что все мы стремимся оказаться в такого рода атмосфере, в которой, благодаря нашим столкновениям с ней, в нас развиваются силы, которыми наделил нас Господь. Если Бог дал нам силу, то совсем не плохо применить ее, где есть сопротивление, потому что оно не остановит нас, а наоборот, именно благодаря этому процессу мы засияем так же ярко, как сияют светила в этом мире.

Кроме астероидов, существует огромная планета ЮПИТЕР, самая яркая, кроме Венеры, звезда, которую мы видим, и она находится очень далеко от Солнца, около 475 000 000 миль, то есть, в пять раз больше, чем мы. Находясь в пять раз дальше от Солнца, чем мы,

Юпитер делает один оборот вокруг него за 4 333 дней, то есть около двенадцати наших лет, двигаясь со скоростью 27 180 миль в час. Яркость Юпитера объясняется отчасти его большой величиной, потому что диаметр его составляет 90 000 миль, а наш – меньше 8 000, и отчасти его лучшей способностью отражения, иначе на таком расстоянии, его величина не имела бы никакого значения. И если вы и я, братья, поставлены в такое трудное положение, когда не можем сиять во славу Божию, то должны просить Господа сделать нас такими, чтобы мы могли лучше отражать его яркость и тем оказывать такое же сильное влияние, как наши братья, которые находятся в более благоприятном положении.

Юпитер имеет четырех спутников. Они были обнаружены после появления телескопа. Но некоторые не верят в их существование, и один из наших досточтимых друзей, конечно же, иезуит, категорически отказывался признать то, что другие считали фактом. И когда ему предложили посмотреть в телескоп, чтобы убедиться в существовании этих спутников, он отказался, потому что, как он сказал, если он это сделает, то вынужден будет поверить, а так как он не хочет верить, то отказывается посмотреть на них через телескоп. И разве некоторые не поступают так же в отношении истин откровения? Когда через некоторое время знаменитый астроном Кеплер обрушил свой гнев на этого иезуита, тот, убедившись, что не прав, пошел к нему и попросил прощения. Кеплер сказал, что он простит его только в том случае, если он посмотрит в телескоп. Это было самым страшным для него наказанием, потому что когда, он посмотрел в телескоп, то вынужден был сказать, что увидел то, что раньше отрицал, и должен был признать правильность слов Кеплера. Так иногда если заставить человека увидеть правду, это является для него самым сильным наказанием. И если он не хочет видеть правды, его нужно заставить увидеть ее. Есть много братьев, и не только иезуитов, которые не желают знать всей правды; но я надеюсь, что вы и я, братья, всегда будем хотеть знать то, что Господь открыл нам в Своем Слове.

Один довольно известный астроном пытался доказать, что у Юпитера не может быть спутников. Он приводит такой аргумент: «В голове животных есть семь отверстий, через которые воздух поступает в его тело, чтобы освещать, согревать и питать его, эти отверстия являются главными частями микрокосма: это две ноздри, два глаза, два уха и один рот. Так на небе, или в макрокосме, Вселенной, как и в микрокосме, существуют две благоприятные для мира звезды – Юпитер и Венера, две неблагоприятные – Марс и Сатурн, два светила – Солнце и Луна и одна нейтральная – Меркурий, которые, как и другие явления природы, дают нам основание говорить, что число планет должно быть обязательно семь. Кроме того, спутники не видимы для невооруженного глаза и потому не могут оказывать влияния на Землю, потому бесполезны и потому не существуют. Иудеи и другие древние народы, как и современные европейцы приняли систему деления недели на семь дней и назвали их по имени семи планет. И если мы увеличим число планет, то вся система рухнет».

Такого же рода аргумент выдвигается и в отношении духовного мира, а именно, аргумент из теории против фактов. Но факты всегда опровергают все теории, только иногда требуется много времени для их абсолютного доказательства. Поразительно, и это является еще одним примером всемогущества и премудрости Божией, что, хотя спутники Юпитера часто не видимы, что совершенно естественно из-за их очень быстрого вращения вокруг него, затмение их никогда не происходит одновременно. Может быть, затмение одного, двух или даже трех из четырех; но один всегда светится. Так и Бог никогда не лишает Свой народ всех благ одновременно, всегда остается один луч света, который дает им утешение.

Еще очень многому можно научиться у Юпитера, но я не стану останавливаться здесь на этом вопросе, предоставив вам самим его изучить.

Далеко-далеко за Юпитером находится САТУРН. Много напраслины было возведено на эту благоприятную планету, но я рад вам сообщить, что она совсем не заслуживает такого отношения. Она находится 900 000 000 миль от Солнца. И я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из вас здесь, даже умный, мог бы представить себе, что такое миллион. Можно много размышлять, что такое миллион, но представить себе миллион миль, – это вне нашего разумения. Миллион булавок – это что-то огромное, но миллион миль!? А мы говорим

сейчас о девятистах миллионах миль и с таким же успехом можем говорить и о девятистах биллионах, и все равно как первая цифра, так и вторая остаются непонятными, тогда как для Бога это огромное пространство – не более ладони по сравнению с безмерной Вселенной, которую Он создал.

Как я уже сказал, много напраслины возводится на Сатурн. Так, человек с веселым, общительным характером ассоциируется с Юпитером, этой яркосветящейся планетой, а вот человек с противоположным характером ассоциируется с Сатурном, который считается тусклой, очень мрачной планетой, и его влияние вредно и губительно. Если бы вы прочли книги по астрологии, которые я имел удовольствие читать, то узнали бы, что, если вы родились под влиянием Сатурна, то это все равно, что родиться под влиянием сатаны, потому что, в конце концов, результат будет один. Считается, что Сатурн – очень мрачный, его иероглифический символ – свинец, тогда как на самом деле он очень светлый и энергичный. Его диаметр почти девяти раз больше, чем диаметр Земли, и если объем его равен общему объему 746 таких же больших планет, как наша, вес его равен весу только 92 таких планет. Плотность планет уменьшается в зависимости от их расстояния от Солнца и, если не в прямой пропорции, то очень близкой к ней; и потому нет основания считать, что самые отдаленные и медленно вращающиеся вокруг Солнца планеты должны иметь такую же плотность, что и более быстро вращающиеся вокруг центрального светила.

Так, в книге которую я не раз цитировал, написано: «Потому, вместо того, чтобы, как свинец, тонуть в могучих водах, он держится на поверхности океана, если найдется такой, который вместил бы его в себя. Известный астроном-метеоролог Джон Гоуд говорит, что эта планета отнюдь не похожа на «парня с свинцово-синим носом», как это думали в древности. Шестьсот лет Сатурн скрывал свои личные характеристики, интересное окружение и странные пристройки, величественные внешние строения вокруг своего дома. Но наконец, его поймала маленькая труба, направленная на него со склона Апеннин, владелец которой, вторгнувшийся в его тайну, даже не подумал попросить прощения за свое вторжение». Когда эта «маленькая труба» была повернута на Сатурн, какая это открылась прекрасная планета, одна из самых переменных и самых чудесных среди всех планет.

Используйте это как иллюстрацию ложности, клеветы и того, как много грязи и лжи обрушивается на некоторых людей, потому что их просто не знают. Эта так сильно презираемая планета оказалась на самом деле столь прекрасной и яркой, а отнюдь не тусклой и мрачной. Сатурн также имеет не менее восьми спутников и окружен тремя яркими кольцами. По сравнению с землей Сатурн получает только сотую долю света от Солнца. И все же, я думаю, что его атмосфера устроена так, что она получает столько же света, как и мы; но даже если она и такая же, как наша, то Сатурн получает не меньше света, чем мы во время столь обычного для нас лондонского тумана. Я говорю, конечно, о солнечном свете, но я не могу сказать, какую осветительную силу дал Господь самой этой планете. И кроме того, она имеет восемь спутников и три светящихся кольца, яркость которых мы даже не можем себе представить, ни описать. Какое это было бы потрясающее зрелище, если бы мы могли увидеть изумительный свод, возвышающийся на 37 570 миль над этой планетой и простирающейся на 170 000 миль вокруг нее. Если бы вы стояли на экваторе Сатурна, то кольца его казались бы вам узкими полосками света, если бы стояли на полюсе, то увидели бы над собой огромный свод, пылающий ярким светом подобно огромному рефлектору в большом здании, куда не попадает достаточно солнечного света. Рефлектор помогает собирать лучи света и направлять их туда, где они нужны. И я не сомневаюсь, что эти кольца служат таким рефлектором для Сатурна. Как прекрасно было бы жить на Сатурне; обитатели его были бы полностью вознаграждены за то, что они теряют, находясь так далеко от Солнца. Так и в духовном мире: то, чего Господь лишает нас в одном направлении, Он возмещает в другом, и кто лишен средств благодати, христианских привилегий, имеет внутренний свет и радость, которым другие, имеющие гораздо большие преимущества, могут только позавидовать.

Далеко-далеко за Сатурном находится УРАН, или ГЕРШЕЛЬ, как его иногда называют по имени астронома, который открыл его в 1781 г. Среднее расстояние Урана от Солнца приблизительно 1 754 000 000 миль. Я даю вам цифры, но ни вы, ни я не можем себе представить такого расстояния. Если стоять на Уране, то Солнце казалось бы, наверное, далеким пятнышком света; однако эта планета вращается вокруг Солнца со скоростью 15 000 миль в час, делая один оборот за 84 наших лет. Объем его составляет 73-75 объемов нашей Земли. Он имеет четыре спутника. Я мало что знаю об Уране и потому не стану много о нем говорить.

Это может быть прекрасной иллюстрацией к тому, что человеку лучше говорить как можно меньше о том, что он мало знает. Это хороший урок для многих людей. Так, например, из всех книг Священного Писания больше всего трудов написано о книге Откровения, и, за редким исключением, все эти писания недостойны бумаги, на которой они напечатаны. Не намного меньше написано и о книге Даниила, потому что она так же трудна для толкования, но в результате все эти писания либо опровергали, либо противоречили друг другу. Будем же мы, братья, проповедовать то, что мы знаем, и не говорить ничего того, чего мы не знаем.

Еще дальше от солнца, чем Уран, находится НЕПТУН. Наблюдая за Ураном, ученые заметили, что его орбита несколько отклоняется от курса, который они отметили на своих астрономических картах, и это заставило их прийти к выводу, что должна быть какая-то, еще не обнаруженная, планета, которая оказывает невидимое, но сильное влияние на Уран. Тот факт, что эти огромные планеты, находящиеся на расстоянии многих миллионов миль друг от друга, задерживают или ускоряют движение друг друга, является для меня прекрасным примером влияния, которое вы и я оказываем на наших братьев. Сознательно или бессознательно мы либо мешаем движению человека на его пути к Богу, либо ускоряем его. «Никто из нас не живет для себя».

Астрономы пришли к выводу, что какая-то не известная им еще планета, оказывает возмущающее действие на движение Урана. Совершенно не зависимо друг от друга англичанин Адамс и француз Леверье решили вычислить местонахождение этого небесного тела, и их вычисления дали почти одинаковые результаты. Когда телескоп был направлен на ту часть неба, где по мнению этих математиков – астрономов должно было оно находиться, была обнаружена планета, сияющая тускло – желтым светом, которая была названа НЕПТУН.

В книге, которую я все время цитирую, говорится о двух методах обнаружения планеты при помощи мощного телескопа и при помощи математических вычислений. «Обнаружить планету глазом или вычислить ее местонахождение в уме – это действия столь же не соразмерные, как действия мышечного и интеллектуального труда. Откинувшись в кресле, практическому астроному достаточно только посмотреть через щель вращающегося телескопа, чтобы увидеть движение блуждающей звезды или при помощи огромной силы увеличительного стекла увеличить ее тонкий диск до таких размеров, которые позволяют установить его местонахождение среди других звезд. Астроном-физик же не имеет таких вспомогательных средств: он делает свои вычисления днем, когда солнце ярко светит, и ночью, когда тучи и тьма покрывают небо. Он постигает все только разумом. Размышляя, он учитывает природу планеты, существование возмущающих сил, их действия и многое другое. Так он вычисляет величину планеты и устанавливает ее местонахождение».

Какая великая вещь – разум! Он гораздо выше чувств, но вера гораздо выше разума; только у этого астронома-математика, о котором мы говорили, разум был своего рода верой. Так, он сказал: «Законы Божии такие-то и такие-то. Эта планета Уран имеет возмущение, какая-то другая планета должна была возмущать Уран, и потому я буду искать и найду, где она». И закончив свои сложные вычисления, от ткнул пальцем на Нептун, как сыщик хватает за руку правонарушителя, только гораздо быстрее; и мне кажется, что часто гораздо легче найти звезду, чем поймать вора.

Нептун сиял долго до того, как обнаружен и назван; и вы и я, братья, можем долгие годы оставаться неизвестными, и, может быть, люди никогда не узнают нас, но надеюсь, что, как и в случае с Нептуном, люди почувствуют и увидят наше влияние, станем ли мы известными или будем только сиять звездным великолепием во славу Божию.

Итак, Нептун находится от Солнца на расстоянии 2 748 000 000 миль; и если стоять на нем и оглянуться вокруг, то на протяжении миллиардов и миллиардов миль от него нет больше планет, относящихся к солнечной системе. Может быть, и есть какие-то, которые не открыты, но, насколько мне известно, за Нептуном начинается огромная пропасть.

Однако в солнечной системе существует, как я называю их, «скакуны», которые пересекают эту пропасть. Это КОМЕТЫ, которые, как правило, столь тонкие, – как паутинка, – что не нарушают движение планет. А я знаю и некоторые земные кометы, которые приходят в различные города и блистают там некоторое время, но они не в состоянии помешать планетам, вращающимся в постоянном ритме. Сила человека не в том, чтобы бегать туда и сюда и постоянно, из года в год, блистать, как неподвижная звезда. Астроном Галлей говорил: «Если сжать комету до толщины обычной атмосферы, то она заняла бы не более четверти дюйма пространства». Комета настолько тонка, что через нее видно на пять тысяч миль вперед, как будто ее вообще не было бы. Хорошо быть прозрачными, братья, но я надеюсь, что вы будете более содержательными, чем те кометы, о которых мы достаточно наслышаны.

Кометы появляются почти с точной регулярностью. Галлей предсказал, что комета 1682 г., о которой до этого времени почти ничего не было известно, появляется каждые семьдесят лет. Он знал, что не доживет до этого времени и не увидит ее, но надеялся, что, когда она снова появится, вспомнят о его предсказании. Разные астрономы ожидали ее и надеялись, что она появится в предсказанное Галлеем время, потому что в противном случае простые люди не будут верить астрономии. Но эта комета действительно появилась, они успокоились, и предсказание Галлея исполнилось.

Одна из историй о наблюдении за кометами является иллюстрацией и хорошим для нас уроком. «Мессьер, которого прозвали «Охотником за кометами», действительно все свое время посвящал поискам комет. Его рвение часто выражалось очень странным образом. Когда он однажды не пошел в обсерваторию, оставшись дома возле умирающей жены, Монтэнь Лиможский открыл комету. Это был ужасный удар. И когда Мессьеру стали выражать соболезнования по поводу постигшей его утраты, он, думая только об этой комете, сказал: «Я открыл двенадцать комет; увы, Монтэнь украл у меня тринадцатую!» Но сразу же опомнившись, он воскликнул: «Ах! эта бедная женщина!» – и продолжал оплакивать свою жену вместе с кометой». Он, очевидно, так долго жил на небе, что забыл о своей жене; и, если наука может иногда заставить человека забывать все тяготы смертной жизни, то и наша небесная жизнь, конечно же, должна возвышать нас над всеми невзгодами и заботами, которые постигают нас на земле.

Возвращение кометы очень часто предсказывается с большой точностью. Вот что было написано в одной газете: «В целом, можно с уверенностью сказать, что комета будет видна во всех частях Европы в конце августа или начале сентября. Вполне вероятно, что ее можно наблюдать невооруженным глазом, как звезду первой величины, но в более тусклом свете, чем планета; она будет покрыта легкой дымкой, что несколько уменьшает ее яркость. В ночь на 7 октября она приблизится к знаменитому созвездию Большой Медведицы и в период от 7-го до 11-го пройдет через семь видимых звезд этого созвездия. В конце ноября она попадет в зону солнечных лучей и, не выходя из них, в конце декабря исчезнет из поля зрения. Эта панорама движения тела, невидимого на протяжении миллионов миль, очень напоминает расписание движения поездов между Лондоном и Эдинбургом». Будем же и мы сопоставлять наши наблюдения с предвидениями науки и тогда увидим, что наука почти всегда оказывается права.

Только подумайте, господа, сколько для этого понадобилось вычислений, потому что, если комета влияет на движение планеты, то планета очень сильно нарушает курс кометы;

так что астрономы должны были вычислить путь, который проделает комета. Если представить себе комету усталым путником, то она зайдет сначала на Нептун, который, конечно же, даст ей чашку чая; затем отправится на Уран, и там переночует; утром зайдет на Сатурн, где позавтракает; потом пообедает на Юпитере; затем отправится на Марс, где, конечно же, вызовет переполох; и он счастлив будет добраться до Венеры, где, несомненно, задержится на некоторое время, завороженный ее чарами. Так что вы видите, господа, сколь трудно вычислить время возвращения кометы. И все же астрономы точно его вычисляют. Это замечательная наука не только потому, что она открывает, но и как она это делает и постоянно показывает нам сколь великие дела совершает наш Отец.

Итак, мы покончим с солнечной системой и даже теми инородными телами, которые время от времени залетают к нам из далеких систем, потому что комета, я думаю, видна только месяц или неделю и возвращается иногда через сотни лет. Где они находятся все это время? Где-то же они блуждают и служат цели Бога, Который их сотворил. Но что касается меня, то я не хотел бы быть кометой в системе Божией, а хотел бы иметь определенное место и постоянно светить во славу Божию. Я много жил в Лондоне и за это время видел много комет, которые прилетали и улетали. О, какое это было зрелище! Как и все кометы, они улетали в какую-то не известную сферу. Я часто замечал, что когда люди делают больше, чем другие, и бахвалятся этим, их обычно сравнивают с взлетающей ракетой, которая затем падает, как простая палка.

Не знаю, можете ли вы себе представить, что стоите у зубчатых стен солнечной системы и, перегнувшись через нее, смотреть вдаль. Но не ограничивайте свой взор миллионами миль, посмотрите дальше и вы увидите звезду. Бессмысленно говорить вам, на каком она от нас расстоянии. Однако мы можем увидеть звезды, которые находятся от нас и значительно дальше. Они много потрудились, послав луч света с такого большого расстояния чтобы сообщить нам, что дела у них идут хорошо, и, хотя они так далеко от нас, продолжают радоваться в наше отсутствие.

Простым людям, когда они смотрят на эти звезды, кажется, что они разбросаны по небу, как мы говорим, «кое-как». Я всегда восхищаюсь этим очаровательным разнообразием и благодарю Бога, что Он не выстроил звезды по прямым линиям, как ряды уличных фонарей. Подумайте только, что бы это было, если бы, глядя на небо, мы увидели бы, что все звезды стоят рядами, как булавки на бумаге! Слава Богу, это не так! Он просто взял жменю ярких миров и разбросал их по небу, и они, упав, приняли такие прекрасные положения, что люди говорят: «Вот Большая Медведица», а «вот Малая Медведица», и каждый сельский житель знает созвездие Серпа. Разве вы не видели этого? Другие же говорят: «Вот Дева, а вон Овен, а вон там Бык» и т.д.

Я думаю, что название разных созвездий очень напоминает мистические проповеди сегодня. Проповедники говорят: «Это так- то и так-то». Может быть, это и так, но я не вижу этого. В созвездиях на небе вы можете себе представить все, что угодно. Я представляю себе крепость в огне; я наблюдал, как она воздвиглась и, видел, как пришли маленькие солдатики и снесли ее до основания. Вы можете увидеть все, что вам угодно, и в огне, и на небе, и в Библии, если только посмотрите на нее; вы не увидите ее в реальности, это будет только плод вашего воображения. На небе нет ни быков, ни медведей. Может быть, там есть дева, но ей не следует поклоняться, как тому учат римо-католики. Надеюсь, вы все знаете Полярную звезду, а также должны знать две звезды, находящиеся на одной с ней линии и указывающие на нее. Так и мы должны делать: указывать бедным рабам греха и сатаны на истинную Звезду свободы, нашего Господа и Спасителя, Иисуса Христа.

Еще есть ПЛЕЯДЫ, но почти никто не знает, где они находятся. Это скопление, очевидно, маленьких звезд; они очень яркие. Они мне говорят о том, что если я очень маленький человек, то должен стараться быть очень ярким. Если не могу я быть Альдебараном или другой какой-то самой яркой звездой на небе, то должен сиять как можно ярче в своей собственной сфере и приносить такую же пользу, как звезда первой величины. На другом полушарии, если посмотреть на небо, можно увидеть Южный Крест. Об этом

созвездии вам прочтет, я надеюсь, наш брат из Австралии. Как прекрасно думать, что есть Крест, который указывает путь морякам; и самое лучшее, что можно иметь, так это Крест, будь то на этом или другом полушарии.

Кроме звезд существуют еще и огромные светящиеся тела, которые называются ТУМАННОСТЯМИ. В некоторых частях имеются огромные массы светящегося вещества. Раньше считалось, что из этого материала образовались разные миры. Это были куски строительного материала, из которых, по старой атеистической теории, образовались планеты в каком-то особом процессе эволюции. Но когда Гершель направил на них свой телескоп, то сразу же разбил эту теорию, потому что обнаружил, что эти туманности представляли собой просто огромные массы звезд, находящихся от нас на расстоянии миллиардов миль, и потому кажутся они нам малюсенькой частичкой света.

Еще много прекрасных вещей можно узнать о звездах, и я надеюсь, что если у вас только будет возможность, вы уделите им самое серьезное внимание. Один известный астроном рассказывал, что однажды увидел, как несколько сельских жителей стояли и смотрели на небо. И когда он спросил, на что они там смотрят, они ответили, что новая звезда, которая несколько месяцев ярко светит, вдруг исчезла. Много раз она становилась ярко-красной, будто была объята пламенем; видимо, она действительно горела, а потом погасла и исчезла. Кеплер, описывая такой феномен, говорит: «Что это может означать, трудно сказать; но одно несомненно, что она приходит, чтобы либо ничего не сказать людям, либо сказать им что-то очень важное и столь возвышенное, что это выше их человеческого понимания». Намекая на мнение тех, кто объяснял новый объект эпикурейской доктрины случайной комбинации атомов, он делает несколько причудливое, характерное для него, но имеющее глубокий смысл замечание: «Я скажу этим полемистам – моим оппонентам – не свое мнение, а мнение моей жены.

Вчера, когда я устал писать и размышлять об этих атомах, моя жена позвала меня к ужину и поставила на стол салат, который я просил ее приготовить. «Тогда, если предположить, – подумал я вслух, – «что оловянная посуда, листья салата, крупинки соли, капли воды, уксуса и масла и кусочки яиц летали в воздухе всей вселенной и, когда, наконец, они случайно соединились, то получился салат». «Да, – сказала жена, – Но не такой хороший и не так хорошо приправленный, как тот, который я приготовила для тебя».

Так думаю и я: если случайная комбинация атомов не могла сделать салат, то едва ли они могли образовать мир. Однажды я спросил человека, который сказал, что мир – это случайное скопление атомов. «Приходилось ли вам не иметь денег и не было никого, кто бы накормил вас обедом?» «Да, – ответил он. «Тогда, – сказал я, – случалось ли с вами такое, чтобы случайное скопление атомов сделало вам на обед баранью ножку с вареной репой и каперсами?» «Нет, – ответил он». «Однако, – сказал я, баранью ножку, во всяком случае, даже с репой и каперсами, гораздо легче сделать, чем такие миры, как Юпитер и Венера».

В Слове Божием говорится, что звезда от звезды разнится в славе, и маленькая звезда может дать нам больше света, чем большая, которая находится далеко от нас. Некоторые звезды называются переменными, потому что меняют свое величину. Альголь в голове Медузы является такой переменной звездной. И ученые пишут: «По своей яркости эта звезда достигает размера второй величины и сохраняется таковой около двух дней и четырнадцати часов. Затем ее блеск уменьшается настолько быстро, что через три с половиной часа она уменьшается до звезды четвертой величины; но через пятнадцать минут снова начинает увеличиваться и через три с половиной часа достигает своей прежней величины». Боюсь, что многие из нас являются такими переменными звездами; если мы иногда тускнеем, то было бы хорошо, если бы снова стали блистать, как это происходит с Альголем. Есть еще тысячи двойных звезд, и я надеюсь, что у каждого из вас будет жена, которая всегда будет сиять вместе с вами, никогда не затмевая вас, потому что двойная звезда иногда светит очень ярко, а иногда тускнеет. Есть еще и тройные звезды, или системы, и многократные, а в некоторых случаях сотни или тысячи, вращающиеся друг вокруг друга и вокруг своих центральных светил. Изумительные комбинации славы и красоты можно видеть на звездном небе. Эти

звезды могут быть красными, голубыми, желтыми и всех цветов радуги. Как прекрасно было бы жить на одной из них и, глядя на небо, видеть все виды славы небесной, которые создал Бог. Вообще же, однако, я счастлив жить сегодня на этой маленькой планете, особенно учитывая то, что не могу поменять ее на другой дом, пока этого не захочет Бог.